

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855294 4

Digitized by Google

Digitized by Google

QCA
Moskvitynin
Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1853.

ТОМЪ IV.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

МОСКВА

Въ типографіяхъ: Университетской, Готье и Степановой.

1853.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770953A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюля 2-го дня 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

1853.

№ 13. Іюль. Кн. 1.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИНТРИГА.

I.

Весною одного изъ прошедшихъ годовъ, пользуясь приглашеніемъ одного моего знакомаго, я переѣхалъ на все лѣто въ его имѣніе, лежавшее въ недальнемъ разстояніи отъ столицы; самъ онъ жилъ въ другомъ своемъ имѣніи. Я не желалъ уѣзжать далеко отъ города, чтобы пользоваться нѣкоторыми его удобствами, получать книги и журналы, и вмѣстѣ съ этимъ хотѣлъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ уединеніи. Кончившаяся зима оставила во мнѣ много непріятныхъ воспоминаній; откровенно признаться, я былъ влюбленъ, и влюбленъ неудачно. Житейскія неудачи внушаютъ на нѣкоторое время досаду на общество и расположеніе къ пустынической жизни. Въ уединеніи отдохнешь, и приготовишься къ новымъ ощущеніямъ; проживши вдали отъ свѣта, лучше обсудишь свое прошедшее, поймешь свои ошибки, примиришься съ судьбою и воротишься въ общество умнѣе и снисходительнѣе; горечь неудачъ пройдетъ, останется одинъ лишній опытъ, который впрочемъ никогда не бываетъ лишнимъ.

По сосѣдству съ деревнею, въ которой я поселился, и въ близкомъ отъ нея разстояніи, находилось много другихъ деревень, въ которыхъ лѣтомъ жили помѣщики; къ-счастію, я никого изъ нихъ не зналъ, и въ этомъ-то состояла одна изъ главнѣйшихъ выгодъ, заставившая меня поселиться здѣсь, а не у себя дома, гдѣ я былъ бы окруженъ знакомыми сосѣдями. Я не хотѣлъ дѣлать новыхъ знакомствъ, и даже избѣгалъ случаевъ съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Я велѣлъ своимъ людямъ говорить, что я больной и лечусь

PERL JAN 21 1935

Digitized by Google

холодною водою,—ложь, объяснявшая мой уединенный образъ жизни. Господскій домъ, въ которомъ я жилъ одинъ, стоялъ на краю селенія; при немъ находился довольно обширный садъ, куда былъ выходъ прямо изъ занимаемыхъ мною комнатъ; изъ сада я могъ ходить прямо въ поле, чрезъ боковую калитку; остававшуюся постоянно отворенной; садъ былъ не фруктовый, и его никто не стерегъ. Я могъ жить какъ хотѣлъ; никто меня не безпокоилъ, и если бы не было моихъ людей, то крестьяне и дворовые люди скоро забыли бы обо мнѣ вовсе.

Цѣлые дни я проводилъ въ чтеніи и прогулкахъ; за новыми книгами я иногда ѣздилъ самъ въ городъ, гдѣ оставался не долго и видѣлся только съ короткими знакомыми. Въ саду были старыя, густыя, тѣнистыя аллеи; окрестности селенія были довольно хороши, хотя не имѣли ничего особеннаго; за садомъ начинались поля, засѣянныя хлѣбомъ; въ нѣкоторомъ отдаленіи лѣсъ; въ долинѣ, по теченію рѣчки, виднѣлись деревни, а изъ-за вершинъ холмовъ кресты колоколенъ. Время было превосходное. Я находилъ удовольствіе прогуливаться по проселочнымъ, глухимъ дорогамъ, или по широкимъ межамъ полей, между высокими стѣнами ржи, которыя колышутся будто въ раздумьѣ подъ лѣнивымъ дуновеніемъ вѣтра. Ненарушимая тишина передаетъ въ душу успокоеніе, и вмѣстѣ съ природою отдыхаешь въ нѣгѣ полуденнаго жара. Молчаніе прерывается изрѣдка пѣснію жаворонка, или, къ вечеру, отдаленнымъ звономъ церковнаго колокола, или шумомъ и побрякушками возвращающагося стада. Иногда я ходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ, но никогда почти не стрѣлялъ; чаще всего я просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ тѣни, читая книгу.

Я сначала полагалъ, что такая уединенная жизнь скоро мнѣ наскучитъ; она даже, можетъ быть, немного и наскучила мнѣ; но теперь, по прошествіи нѣкотораго времени, я вспоминаю о ней, какъ объ однихъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни. Я понимаю теперь, что, послѣ общественныхъ треволненій, человѣкъ можетъ находить отраду въ отшельнической жизни, — и почему есть люди,

Digitized by Google

которые бѣгутъ въ глушь лѣсовъ, въ пустыни, далеко отъ общества. Это можетъ назваться боязнію несчастія, но во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что въ нашей жизни болѣе горя, чѣмъ радостей, и что мы находимъ наконецъ несомнѣнное счастіе въ совершенномъ спокойствіи. Я прожилъ такимъ образомъ болѣе мѣсяца. Но трудно, чтобы жизнь не приняла опять обыкновеннаго направленія, чтобы не встрѣтились обыкновенные случаи, если не уйдешь отъ людей въ глухія степи. Поэзія моего уединенія была наконецъ нарушена однимъ случаемъ, который сначала показался мнѣ даже скучнымъ.

Однажды вечеромъ, когда начинало смеркаться, я сидѣлъ дома и пилъ чай; человѣкъ доложилъ мнѣ, что пришла какая-то крестьянка съ ягодами. Я велѣлъ взять; но человѣкъ отвѣчалъ, что она просила доложить мнѣ самому; я велѣлъ позвать ее.

Крестьянка вошла робко и поклонилась. Она была довольно большаго роста, молода и недурна, сколько я могъ разглядѣть ее въ начинавшейся темнотѣ.

— Спасибо, любезная, сказалъ я, подходя къ ней ближе; сколько тебѣ надобно за ягоды?

— Гривенникъ, отвѣчала она.

Голосъ ея былъ нѣженъ и звученъ. Не смотря на свои отшельническія намѣренія, я не могъ устоять противъ любопытства разсмотрѣть ее лучше, и велѣлъ подать свѣчи. Я очень долго оставался одинъ, ни съ кѣмъ почти не говорилъ, и мнѣ казалось простительнымъ поговорить съ хорошенькой крестьянкой, тѣмъ болѣе, что я не давалъ обѣщанія ни себѣ, ни кому другому, не говорить и даже не любезничать съ женщинами. Когда принесли свѣчи, я убѣдился, что она очень недурна, хотя повязанный на головѣ платокъ скрывалъ большую часть ея лба и щекъ. Я замѣтилъ, что она также разсматривала меня съ любопытствомъ.

— Не хочешь ли чаю? сказалъ я. — Надобно тебя чѣмъ-нибудь поблагодарить за посѣщеніе.

— Благодарю; я не пью чаю, отвѣчала она.

Digitized by Google

— Ты изъ здѣшней деревни?

— Изъ здѣшней.

— Ты замужняя?

— Замужняя.

— Какъ же мужъ пускаетъ тебя, такую хорошенькую, поздно и одну?

— Чего ему бояться? надобно продать кому-нибудь ягоды; да его теперь нѣтъ дома: онъ уѣхалъ на мельницу, и не знаетъ, что я понесла ягоды къ вамъ.

— И ты ему не скажешь этого?

— Можетъ быть не скажу, отвѣчала она улыбаясь.

— Такъ онъ ревнивый? Не говори, а не то онъ въ другой разъ не пуститъ тебя. Я надѣюсь, что ты принесешь еще.

— Какъ прикажете.

— Принеси непремѣнно. Я хоть поговорю съ тобою немного. Я живу одинъ, и мнѣ становится скучно.

— Зачѣмъ же вы сидите все дома, и прогуливаетесь только въ полѣ и въ лѣсу?

— А ты знаешь, что я прогуливаюсь только въ поляхъ?

— Какъ не знать.

— Ты меня видѣла когда-нибудь?

— Видѣла.

— Гдѣ?

— Съ гумна, когда вы проходили позади селенія.

— Ты, можетъ быть, пришла ко мнѣ потому, что тебѣ стало меня жаль?

Она улыбнулась немного насмѣшливо, и отвѣчала: — за что мнѣ васъ жалѣть! я принесла вамъ ягодъ.

— За то, что я живу одинъ и скучаю. Пожалуйста приноси чаще, сама, а не присылай съ другими.

— Мнѣ некого посылать.

— Тѣмъ лучше.

Она поклонилась, чтобы выдти.

— Когда же ты придешь?

— Когда наберу ягодъ. Можетъ-быть послѣ-завтра.

Digitized by Google

Я заплатилъ ей деньги. Она вышла садомъ, а не дворомъ, поворотила въ селеніе, и поспѣшно скрылась за ближайшими домами. Было замѣтно, что она боялась съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться, и я подозрѣвалъ, что въ ея посѣщеніи было не одно желаніе продать мнѣ ягоды. Крестьянки въ окрестностяхъ столицъ вообще гораздо смѣлѣе съ господами, чѣмъ женщины отдаленныхъ губерній. Желаніе познакомиться съ молодымъ бариномъ — вещь очень обыкновенная. Моему самолюбію не могло льстить вниманіе моей новой знакомки; но она была молода и хороша, и я не находилъ причинъ быть недовольнымъ ея посѣщеніемъ, хотя нисколько не имѣлъ въ виду познакомиться съ нею короче. Если я просилъ ее приносить ягоды, то это была болѣе привычка говорить съ молодыми женщинами любезнѣе, чѣмъ съ старухами и мужчинами; брюзга и дикарь улыбнется ласково, смотря на улыбающіяся, свѣжія губки. Трудно не заплатить нѣкоторымъ вниманіемъ тѣмъ, которые показываютъ намъ вниманіе сами. — На другой день я забылъ о хорошенькой крестьянкѣ, и по обыкновенію продолжалъ свои прогулки и чтеніе.

Однако же она исполнила обѣщаніе и пришла въ назначенный день вечеромъ. Она опять прошла садомъ, съ большими предосторожностями, такъ что ее никто не видѣлъ. Когда мнѣ доложили о ней, я былъ занятъ письмами, и не очень обрадовался ея посѣщенію. Войдя, она, кажется, замѣтила это, и съ робкимъ любопытствомъ смотрѣла мнѣ въ глаза, стараясь разгадать мои мысли. Но какія чувства не прояснятся отъ свѣтлаго взгляда и хорошенькаго личика!

— Покажи, милая, свои ягоды, сказалъ я, стараясь казаться ласковѣе; — такія ли свѣжія, какъ ты сама.

Эта сельская любезность развеселила ее. Она передала мнѣ кузовокъ, на который я посмотрѣлъ изъ приличія, и передалъ его человѣку. Когда мы остались одни, я уговорилъ ее сѣсть; она согласилась, послѣ небольшаго сопротивленія, которое было дѣлаемо видимо изъ однихъ церемоній. Я сѣлъ возлѣ нея, какъ можно ближе; мнѣ хотѣлось разсмотрѣть ее хорошенько, чтобы рѣшиться промѣнять свое

Digitized by Google

уединеніе на это деревенское развлеченіе. Она дѣйствительно была очень недурна. Ея влажные глаза имѣли умное выраженіе; черты лица были правильны, губы изящно обрисованы, полныя щеки горѣли румянцемъ; ей было отъ 18 до 20 лѣтъ; она будто дышала здоровьемъ и изобильною жизнію, которая въ эти годы, въ деревняхъ, подъ чистымъ небомъ, достигаетъ роскошнаго развитія.

— Послушай, миленькая, сказалъ я, разсматривая ее съ любопытствомъ:—ты, видно, боишься ходить черезъ дворъ? Ты боишься, чтобы тебя не замѣтили?

— Да, боюсь.

— Кого ты боишься? мужа?

— Развѣ одного мужа надо бояться.

— Кто же тебя пугаетъ?

— А что́ скажутъ люди? Мужъ повѣритъ, что я носила ягоды, а всѣхъ людей не увѣришь; другіе Богъ знаетъ что́ подумаютъ.

— И ты этого очень боишься?

— Очень.

— А если наконецъ замѣтятъ, что ты ко мнѣ ходишь?

— Сохрани Господи!

— Отчего же ты не приносишь ягоды днемъ, если такъ боишься людскаго мнѣнія?

— Мнѣ некогда приходить днемъ: я цѣлый день работаю, или собираю ягоды, и могу отнести ихъ только вечеромъ.

— Я по крайней мѣрѣ радъ, что ты не боишься меня.

— Чего же мнѣ васъ бояться?

— Ты полагаешь? А если бы я тебя поцѣловалъ?

— Вотъ что! Вы думаете, это такъ легко? отвѣчала она немного плутовски.

— Если ты позволишь, будетъ не трудно. Ты такая хорошенькая, что чѣмъ больше на тебя смотришь, тѣмъ болѣе хочется тебя поцѣловать.

— Я къ вамъ не за тѣмъ пришла, сказала она вставая.— Да видно вамъ не очень хочется и поцѣловать меня.

—Ошибаешься, ошибаешься, миленькая, сказалъ я, взявъ ее за руку и усаживая опять.

Digitized by Google

Она поспѣшно отняла руку и спрятала ее въ широкій платокъ, которымъ были покрыты ея голова и плечи. Я сѣлъ еще ближе къ ней, продолжая разсматривать ее съ вниманіемъ, которое, признаюсь, увеличивалось все болѣе. Я сталъ понимать, что она можетъ быть очень опасна для моего отшельничества.

— Какія у тебя свѣженькія губки и щеки, сказалъ я, смотря ей въ лицо;—какіе зубки, какіе глаза! Ты, право, прехорошенькая! Если тебя нарядить барыней, ты сдѣлаешься вполнѣ красавицей.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчала она, немного недовольная моею хладнокровною оцѣнкою.—Развѣ однѣ барыни бываютъ хороши? Я думала, что вы скромный и добрый, а не то я не пришла бы къ вамъ; вы смѣетесь надо мною.

— Увѣряю тебя, не смѣюсь. Ты видишь, если бы ты была дурна, я не сталъ бы и разговаривать съ тобою. Ты, должно быть, превосходно сложена; зачѣмъ ты закутываешься такъ въ платокъ; сними его; я полюбуюсь на тебя.

Я хотѣлъ снять съ нея платокъ, но она закуталась въ него еще болѣе.

— Не надо, сказала она:—здѣсь холодно.

— Напротивъ, здѣсь жарко; смотри, какъ ты разгорѣлась.—Какъ тебя зовутъ, миленькая?

— Марьей.

— Что, твой мужъ молодъ или старъ?

— Ужъ не молодой.

— И ты его не любишь?

— Нѣтъ, люблю.

— Но вѣрно за тобой ухаживаютъ молодые парни?

— Пусть ихъ ухаживаютъ.

— И тебѣ никто не нравится?

— Никто; да у насъ и нѣтъ красивыхъ.

— Очень радъ; можетъ быть я понравлюсь тебѣ

— Зачѣмъ я вамъ? Вы живете въ городѣ, гдѣ много красавицъ, госпожъ; куда мнѣ съ ними равняться.

Digitized by Google

— Ты умница и хорошенькая, не хуже всякой госпожи. Въ тебя можно влюбиться не на шутку.

— Напрасно. Извольте заплатить деньги, и прощайте.

Я отдалъ ей деньги.

— Я жду тебя, Маша. Твои ягоды становятся съ каждымъ днемъ вкуснѣе. Принесешь?

— Хорошъ съ.

Она поклонилась и пошла къ дверямъ.

— Послушай, сказалъ я, останавливая ее:—въ слѣдующій разъ я непремѣнно тебя поцѣлую.

Она улыбнулась и вышла.

II.

Что же дѣлать! подумалъ я; будемъ волочиться за крестьянкой. Эта стóитъ труда. Будемъ выгонять клинъ клиномъ. Чтобы забыть свои огорченія, надо сдѣлать ихъ пошлыми въ своихъ глазахъ; чтобы уронить свои прошедшія чувства, надо уронить самаго себя, или по крайней мѣрѣ свести себя на ступень обыкновенной, пустой жизни. Для меня было полезно пересилить свои огорченія. Напротивъ, есть чувства, которыя болѣе оскорбляютъ, чѣмъ огорчаютъ, и въ сердцѣ всегда найдется уголокъ для мщенія, которое пересилитъ цѣломудріе несчастія, уединеніе грусти. Я еще молодъ, и сознаюсь, на мои философическія разсужденія имѣло вліяніе отчасти и хорошенькое личико моей новой знакомки. Я не имѣлъ твердаго намѣренія ухаживать за нею, но рѣшился не сопротивляться ей. Къ тому же, сельская интрига, ея неискуственныя чувства и простыя событія могутъ быть самымъ лучшимъ лекарствомъ противъ свѣтской любви, точно такъ же, какъ воздухъ полей полезенъ для груди, ослабленной нечистымъ городскимъ воздухомъ. Судя по наружности и по обращенію, Маша казалась мнѣ довольно скромною женщиною, и я, можетъ быть изъ само-

Digitized by Google

любія, приписывалъ ея желаніе познакомиться со мною не одной бойкой шаловливости, а немного истинному чувству. Почему знать, можетъ быть въ ея поступкѣ я открою настоящую любовь? Ея молодость и свѣжесть не допускали предположенія, что она развратная женщина.

Она не приходила ни на другой, ни на третій день, и въ этотъ разъ я о ней вспомнилъ; мнѣ стало досадно при мысли, что я, можетъ быть, болѣе не увижу ее, и что она приходила ко мнѣ только съ намѣреніемъ выгоднѣе продать свои ягоды, и замѣтивъ, что я начинаю очень пристально посматривать, рѣшилась болѣе не приходить. Это обстоятельство подтверждалось тѣмъ, что въ послѣдніе дни мнѣ подавали ягоды, приносимыя мальчиками и дѣвочками селенія.

Когда она пришла, я очень обрадовался и принялъ ее гораздо ласковѣе, чѣмъ прежде.

— Маша, сказалъ я, — я о тебѣ соскучился; что ты такъ долго не приходила?

— Было некогда, отвѣчала она; — и не было ягодъ.

— Такъ когда онѣ кончатся, ты совсѣмъ перестанешь приходить ко мнѣ?

— Зачѣмъ же я буду къ вамъ ходить.

— Нѣтъ, нѣтъ, моя миленькая; ты мнѣ нравишься, и если перестанешь приходить, я отыщу тебя самъ.

— Вы меня не найдете.

— Я пошлю за тобой человѣка.

— Что вы! Сохрани васъ Господи! Если вы это сдѣлаете, я больше къ вамъ не приду.

— Хорошо, не бойся; только приходи.

Я обнялъ ее и поцѣловалъ. Хотя она сопротивлялась немного, но моя вольность привела ее въ искреннее смущеніе.

— Когда тебя цѣлуешь, ты становишься еще лучше, Маша. Позволь еще разъ?

— Довольно съ васъ и одного раза, отвѣчала она отступая.

— Я тебѣ говорилъ, что поцѣлую тебя.

— Я вамъ не обѣщала позволить. Да и зачѣмъ?

Digitized by Google

— Я хочу, чтобы ты меня полюбила.

— Къ чему я васъ полюблю? Вы скоро уѣдете отсюда, и не подумаете обо мнѣ.

— Тебя забыть! Увѣряю тебя, что тебя не скоро забудешь.

— Вы все шутите.

— Я здѣсь останусь цѣлое лѣто; развѣ этого мало. Ты до осени сама меня забудешь.

— А вы куда отсюда уѣдете?

— Въ Г.....

— Вы тамъ всегда живете?

— Всегда. Ты можешь пріѣзжать ко мнѣ въ гости даже зимою.

— Отсюда далеко. Въ городѣ я покажусь вамъ гораздо хуже, чѣмъ въ деревнѣ.

— Твое свѣжее личико покажется тамъ еще лучше, чѣмъ здѣсь.

Я хотѣлъ обнять ея станъ, и взялъ ея руку. Защищаясь отъ моихъ обниманій, она забыла отнять руку, и я, пожимая ее, замѣтилъ, что она мала, мягка и гладка какъ бархатъ.

— Послушай, Маша, да у тебя ручки хорошенькія какъ у барышни, сказалъ я, наклоняясь к разсматривая ея руку.

Это замѣчаніе смутило ее; она поспѣшно спрятала руку, но я опять овладѣлъ ею.

— Теперь ужъ поздно, сказалъ я. Скажи пожалуйста, что̀ это значитъ? Ты бѣлоручка?

— Я не работаю въ полѣ, отвѣчала она съ замѣшательствомъ; — у насъ въ деревнѣ занимаются ремесломъ.

— Какимъ? спросилъ я смѣясь.

— Послушайте, отвѣчала она съ рѣшимостію, потупивъ глаза и краснѣя, — я вамъ скажу всю правду: я не крестьянка.

— Кто же ты?

— Я горничная изъ сосѣдней деревни.

— А, а, а! Вотъ что! Какъ, въ самомъ дѣлѣ, это не пришло мнѣ въ голову! Ты бѣлѣе и нѣжнѣе крестьянокъ; ты очень мало загорѣла; да ты и говоришь не покрестьянски. Я это только теперь и сообразилъ.

Digitized by Google

Это открытіе было мнѣ не совсѣмъ пріятно. Маша упала въ моихъ глазахъ на столько, на сколько горничныя превышаютъ деревенскихъ бабъ своею бойкостію и опытностію въ интригахъ. Я ожидалъ найдти простое чувство, которое превозмогло стыдливость, и нахожу обыкновенную смѣлость служанки, которая привыкла предпочитать господъ мужикамъ. Она вѣроятно отгадала мои мысли. Я выпустилъ ея руку и смотрѣлъ ей въ глаза совершенно равнодушно.

— Изъ которой ты деревни? сталъ я разспрашивать ее.

— Изъ .....

— Твои господа живутъ здѣсь?

— Здѣсь.

— Какъ же тебя пускаютъ по вечерамъ?

— Я ухожу къ своей теткѣ, а отъ нея сюда.

— Вы гдѣ живете зимою? Въ деревнѣ?

— Нѣтъ, въ городѣ ...

— Такъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Чего же ты боялась, милая. Теперь у насъ дѣло пойдетъ на ладъ скорѣе. Мы можемъ видѣться и зимою.

Я подсѣлъ къ ней еще ближе, ожидая теперь меньшаго сопротивленія, но она остановила мои попытки съ спокойнымъ достоинствомъ, которое заставило меня улыбнуться.

— Ты теперь стала важничать, Маша; ты теперь стала надмѣнна, какъ городская горничная.

— Вы полагаете, что горничныя хуже крестьянокъ?

— Какъ случится.

— Вы смѣетесь, можетъ быть, напрасно. Вы полагаете, что если я къ вамъ пришла, такъ обо мнѣ можно все думать?

— Я надѣюсь, что ты не пришла къ своему дядѣ.

— Я пришла къ вамъ такъ, потому что мнѣ скучно въ деревнѣ. Я знаю, что я сдѣлала глупость, да не большую. Я къ вамъ больше не приду, вы меня никогда не увидите, и никто не узнаетъ, что я къ вамъ приходила.

— Что ты, Маша! Увѣряю тебя, ты мнѣ такъ же нравишься теперь, какъ прежде. Ты такая же хорошенькая гор-

Digitized by Google

ничная, какъ была хорошенькая крестьянка. Развѣ горничныя не бываютъ лучше крестьянокъ? Главное, чтобы ты меня любила.

— Не надѣюсь и не хочу.

— А ты другаго никого не любишь?

— Зачѣмъ вамъ?

— Ты меня видѣла прежде?

— Я вамъ говорила, что видѣла.

— Какъ бы я хотѣлъ, чтобы я тебѣ нравился! Докажи, что я тебѣ нравлюсь!

Я ее обнялъ и сталъ цѣловать въ обѣ щеки и губы. Ея щеки и губы были нѣжны, станъ гибокъ, грудь имѣла свѣжесть юности; она во всякомъ случаѣ была цѣнная находка, и я невольно примирился съ мыслію, что она служанка.

— Оставьте меня, сказала она съ неудовольствіемъ, стараясь освободиться отъ моихъ объятій.

— Маша, говорилъ я, продолжая ее цѣловать, — ты миленькая, хорошенькая, чудесная дѣвочка! Увѣряю, я влюбленъ въ тебя!

Моя настойчивость будто обезсилила ее, и она съ смиреніемъ, но съ видимымъ неудовольствіемъ, отдалась моимъ ласкамъ, такъ что я испугался огорчить и обидѣть ее, еслибы позволилъ себѣ болѣе. Я остановился. Въ самомъ смиреніи ея, мнѣ казалось, было цѣломудріе, которое мнѣ хотѣлось сберечь, поддержать, какъ скупцу, который открываетъ сокровище. Въ ней было что-то, не позволявшее сдѣлать о ней совсѣмъ невыгодное заключеніе. Ея поведеніе безъ сомнѣнія было опрометчиво; но ея робость, видимая непривычка къ вольности моего обращенія, когда я позволялъ себѣ быть вольнымъ, показывали, что знакомство съ мужчиною было для нея довольно ново. Подъ наружною бойкостію я все-таки видѣлъ въ ней неопытность, подозрѣвалъ искреннюю стыдливость. Въ ней были какія-то сомнѣнія, нерѣшительность; она будто не знала, что ей дѣлать. Въ ея уступчивости была даже гордость, и скорѣе эта гордость

Digitized by Google

была натуральна, а уступчивость искусственна. Мужчина, немного опытный съ женщинами, легко отличитъ искреннюю скромность отъ изученной. Я былъ старѣе, безъ сомнѣнія гораздо опытнѣе ея, и не могъ казаться ей новичкомъ, — сознаніе, которое внушаетъ женщинѣ чувство своей слабости или превосходства передъ мужчиною, робость или смѣлость разыгрывать спокойно тѣ чувства, которыя велитъ ей расчетъ. Однимъ словомъ, я не видѣлъ болѣе въ ней той наглости, которую подозрѣвалъ, узнавъ, что она служанка. Впрочемъ могъ ли я ожидать и требовать большаго достоинства въ поведеніи горничной! Иначе, я никогда не узналъ бы ее.

Я взялъ обѣ ея руки, которыхъ она не отнимала.

— Ты недовольна мною, Маша? сказалъ я. — Хорошо, я не буду тебя сердить. Я буду дѣлать все, чтобы тебѣ понравиться. Ты увидишь, какой я буду скромный и покорный; ты изъ меня сдѣлаешь все, чего пожелаешь. Будемъ друзьями и станемъ жить чинно, смирно, тихо. Мы полюбимъ другъ друга какъ голубки; я буду лелѣять тебя какъ отецъ. — Ты вѣрно не занимаешься никакими черными работами? продолжалъ я, разсматривая ея руки.

— Я училась въ магазинѣ, отвѣчала она, — и только на свою барыню.

— Гдѣ ты училась?

— Въ...., въ магазинѣ М.

— Такъ ты должна быть совсѣмъ свѣтская дѣвушка. Это одинъ изъ самыхъ модныхъ магазиновъ. Ты долго оставалась въ немъ?

— Три года.

— Три года! не выучилась ли ты тамъ по-французски?

— Нѣтъ.

— Вѣдь магазинщица француженка. Но я увѣренъ, что ты танцуешь польку.

— Нѣтъ, не танцую.

— Удивительно. Послушай, Маша, ты пойдешь сама въ лѣсъ за ягодами?

Digitized by Google

— Сама? Зачѣмъ вамъ это?

— Я хотѣлъ бы видѣться съ тобою въ лѣсу!

— Въ лѣсу? спросила она съ удивленіемъ; къ-чему вамъ видѣться со мною въ лѣсу?

— Я хотѣлъ бы посмотрѣть на тебя днемъ. Ты вѣрно покажешься еще лучше.

— А! вы думаете, что днемъ я покажусь хуже!

— Свиданія въ лѣсу всегда бываютъ пріятны; подъ открытымъ небомъ лучше чувствуешь. Мы тамъ вѣрно скорѣе полюбимъ другъ друга.

— Хорошо, я буду въ лѣсу.

— Когда?

— Завтра, въ 11 часовъ до обѣда, въ той рощѣ, что виднѣется за вашимъ садомъ. Только вы не разговаривайте со мною, не подходите ко мнѣ близко; я буду съ другою дѣвушкою; если она и далеко будетъ, все-таки можетъ замѣтить.

— Только, чтобы отыскать тебя. Какъ ты будешь одѣта?

— Какъ одѣваюсь всегда, въ городское платье.

Она ушла, и на прощанье я поцѣловалъ ее еще разъ.

На другой день я отправился въ лѣсъ съ ружьемъ за плечами и съ книгою въ карманѣ. День былъ превосходный; солнышко грѣло и располагало къ нѣжнымъ ощущеніямъ, внушало охоту любить. Уединеніе придавало свиданію характеръ ночной тайны, которую украдкой вырываемъ изъ цѣпи свѣтскихъ приличій. Эти свиданія и безъ любви имѣютъ прелесть, и если не волнуютъ чувствъ, не подымаютъ глубину жизни, то все-таки покрываютъ блескомъ ея поверхность, какъ гладкое зеркало спокойныхъ водъ. Окружающая природа невольно внушала сравненіе ожидаемой встрѣчи съ свѣжимъ полевымъ цвѣткомъ, не имѣющимъ особенной красоты, но нѣкоторую прелесть, встрѣчающимся одинокимъ среди глухаго поля, между однообразною зеленью; онъ самъ будто тяготится своимъ одиночествомъ, радуется вамъ, и доволенъ, когда его срываемъ.

Я услышалъ въ отдаленіи протяжное ау, которое теря-

Digitized by Google

лось въ густотѣ вѣтвистаго свода; ему откликнулось другое, ближе; я пошелъ въ ту сторону, и вскорѣ увидѣлъ Машу. Она шла тихо, смотря въ землю, вѣроятно отыскивая ягоды. Она была одѣта въ городское, свѣжее платье, съ нѣкоторою роскошью и съ видимымъ кокетствомъ, какъ горничная хорошаго столичнаго дома. На ея головѣ и плечахъ не было ни платка, ни шляпки; густые, русые волосы просто причесаны; платье охватывало плотно, высоко, до шеи, молодую, роскошную грудь; станъ былъ зашнурованъ, тонокъ и строенъ, какъ молодое дерево, которое стремится скорѣе вырваться изъ густаго лѣса къ свѣтлому небу, гдѣ горитъ солнце и разлита теплота, какъ любовь, которой оно жаждетъ. Она услышала мои шаги, обернулась и вспыхнула, будто увидѣла меня въ первый разъ.

— Здравствуй, Маша, сказалъ я тихо.

Она поклонилась, приложила палецъ къ губамъ, робко осматриваясь кругомъ, показывая мнѣ, чтобы я былъ остороженъ.

— Здѣсь никого нѣтъ, продолжалъ я, подходя къ ней ближе;—твоя подруга далеко.

— Не подходите близко, проходите скорѣе мимо.

— Чего ты боишься? кто насъ можетъ здѣсь увидѣть?

— Почему знать, можетъ быть кто-нибудь увидитъ.

Я хотѣлъ взять ея руку, но она въ испугѣ поспѣшно отступила.

— Пожалуйста уйдите далѣе; надобно, чтобы васъ никто не видѣлъ близко меня. Уйдите совсѣмъ изъ лѣса.

— Такъ скоро! Что́ же это за свиданіе!

— Сей-часъ!

Она говорила голосомъ, не допускавшимъ противорѣчій. Я остался въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи.

— Но развѣ я не могъ встрѣтить тебя случайно?

— Все равно, уходите.

— Ты чудесная дѣвочка, Маша. Ты днемъ лучше, чѣмъ вечеромъ. Какая ты свѣженькая, бѣленькая, хорошенькая! какія у тебя губки! какъ ты сложена! Ты просто заглядѣнье!

— Уходите же скорѣе!

— Когда ты ко мнѣ придешь?

Digitized by Google

— На этихъ дняхъ.

Сегодня?

— Сегодня нельзя; когда-нибудь послѣ. Идите домой; прощайте.

Она ласково улыбнулась, смотря съ любопытствомъ мнѣ въ глаза, будто желая отгадать мои намѣренія и чувства, и поспѣшно пошла въ ту сторону, гдѣ была ея подруга. Я долго оставался на мѣстѣ, любуясь ея походкою и станомъ, пока она не скрылась за кустами. Я не боялся, что насъ увидитъ бывшая вмѣстѣ съ нею въ лѣсу другая дѣвушка, но не хотѣлъ разсердить ее, хотя бы ея желаніе была одна прихоть. Она была такъ хороша въ городскомъ платьѣ, что я готовъ былъ дѣлать ей всѣ уступки, чтобы продлить наше знакомство. Ея красота окончательно утвердила меня въ мнѣніи, что лучшее средство забыть свои огорченія — это новыя чувства, новыя волненія, какъ бы они ни были легки; къ-тому же въ знакомствѣ съ нею, мнѣ казалось, я ничемъ не рисковалъ, и не предвидѣлъ новыхъ огорченій. Я ушелъ изъ лѣса и воротился домой.

III.

На другой день вечеромъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ ея посѣщенія; но она не приходила ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе три дни. Не знаю, помѣшали ли ей какія-нибудь обстоятельства, или раздумье, сомнѣнія, нерѣшительность. Можетъ быть, это была женская уловка, желаніе придать себѣ бо́льшую цѣну, заставить подождать себя, разжечь мою любовь;—искуство нравиться, котораго правила просты и одинаково развиты у молодыхъ и старыхъ, у крестьянокъ и свѣтскихъ женщинъ; искуство, которымъ иногда неопытность владѣетъ болѣе чѣмъ опытность, простота болѣе чѣмъ изысканность, потому что въ немъ высшая степень въ естественности, бо́льшая прелесть въ свѣжести чувствъ; молодость и неопытность всегда достигаютъ скорѣе цѣли. Какъ бы то ни было, Маша начала мнѣ казаться очень сто-

Digitized by Google

ющею вниманія. Мнѣ было напрасно входить въ глубокомысленныя разсужденія о человѣческомъ непостоянствѣ. Если въ непостоянствѣ нѣтъ мудрости, то въ разнообразіи есть красота. Утомившись въ жаркихъ пустыняхъ страсти, съ удовольствіемъ отдыхаешь подъ теплотою легкихъ чувствъ, прохлаждаемыхъ вѣтромъ непостоянства.

Наконецъ на пятый день, Маша пришла вечеромъ, одѣтая опять крестьянкой. Ей, какъ она говорила, нельзя было приходить ко мнѣ въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, чтобы не быть узнанной. Она берегла свою честь, и, какъ видно, не считала ее вещью ничтожной. Я ее принялъ въ совершенно счастливомъ расположеніи духа; она могла видѣть, какъ я искренно радъ ей. Она была гораздо смѣлѣе, чѣмъ прежде, гораздо развязнѣе, не принуждала себя казаться крестьянкой и была очень ловкая горничная, съ довольно гладкими манерами; это ей очень шло, но не совсѣмъ меня радовало. Сомнѣніе, что она имѣла городской опытности болѣе, чѣмъ было бы надобно для ея невинности, невольно приходило мнѣ въ голову. Оборотъ ея мыслей, ея разговоръ показывали чувство нѣкоторыхъ приличій. Она съ любопытствомъ разсматривала разныя вещицы, лежавшія у меня на столѣ, книги, которыя я читалъ; я видѣлъ въ ней желаніе узнать образъ моей жизни, мои привычки, хотя она мало разспрашивала меня и была во всемъ очень осторожна. Я полагалъ, что она позволитъ мнѣ быть съ нею гораздо короче, сбросивъ съ себя личину крестьянской робости; но ошибся. При первой попыткѣ обнять и поцѣловать ее, она меня остановила, безъ жеманства, кротко, даже съ боязнію огорчить.

— Развѣ послѣ нашего свиданія въ лѣсу, сказалъ я, я тебѣ менѣе нравлюсь? Я воротился оттуда совершенно влюбленный въ тебя.

— Не вѣрю, отвѣчала она.

— Если бы я не послушался тебя тамъ, и расцѣловалъ бы, ты повѣрила бы.

— Нѣтъ, нѣтъ, не потому.

Digitized by Google

— Почему же?

— Я увѣрена, что вы теперь влюблены въ другую.

— Въ кого же? Не въ здѣшнюю ли ключницу?

— Не знаю; говорятъ, что вы были влюблены; да это и видно.

— Кто говоритъ? и какъ это видно?

— Не думаю, чтобы вамъ нравилась ключница. Вы здѣсь ни кого не знаете; вы пріѣхали изъ города, и заперлись у себя дома. По вашему лицу было видно, что вы отъ чего-то печальны.

— Ты знатокъ, Маша; ты вѣрно была сама влюблена.

— Можетъ быть; признайтесь, что я отгадала.

— Можетъ быть; да зачѣмъ тебѣ это знать?

— Зачѣмъ? А, значитъ, это правда! Я слышала, что вы были влюблены въ городѣ.

— Это мнѣ не помѣшаетъ любить тебя здѣсь.

— Вы думаете ухаживать за мной и быть влюбленнымъ въ другую! сказала она, тихо отнимая у меня свою руку, которую я держалъ.

— Я хочу полюбить тебя, Маша. Ты можешь заставить забыть всякую другую.

— Вы сюда пріѣхали потому, что поссорились съ тою, въ которую влюблены. Я слышала, вы не любите сидѣть только дома и читать книги; вы здѣсь все грустили; можетъ быть, вы иногда даже плачете о ней.

Я разсмѣялся.

— Признайтесь откровенно, продолжала она,— вы очень влюблены?

— Я влюбляюсь въ тебя, Маша, все болѣе и болѣе. Лучше скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

— Что́, она хороша?

— Ты лучше ея.

— А! вы признаетесь! Что́, она замужняя или дѣвица?

— Зачѣмъ тебѣ это знать.

— Вы стали задумчивѣе; вамъ грустно о ней вспоминать; вы и теперь еще влюблены въ нее.

Digitized by Google

— Постарайся, чтобы я вовсе о ней забылъ.

— Вы думаете, что со мною не стоитъ и говорить сурьёзно!

— Мужчина можетъ любить только ту женщину, которая его любитъ.

— А женщины?

— Если ты полюбишь меня, и я буду тебя любить.

— Еще будете! — Отчего вы не хотите быть со мною откровенны? Можетъ быть, я кое-что знаю; можетъ быть, я кое-что разскажу вамъ о ней. Почему вы знаете, можетъ быть, я къ вамъ по этому и приходила.

Я посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— Ты меня пугаешь, Маша! Я постараюсь тебя упросить, чтобы ты приходила только для меня.

— Значитъ, вы поссорились не на шутку и не хотите помириться. А если бы она этого желала? если она еще любитъ васъ?

— Я не промѣняю тебя на нее.

— Сомнѣваюсь. Говорятъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ; вы съ нею встрѣтитесь, и не вспомните обо мнѣ.

— А что́ бы ты сдѣлала, если бы я въ самомъ дѣлѣ былъ еще влюбленъ?

— Я пожелала бы вамъ счастія.

— Ты не пожелала бы меня утѣшить?

— Утѣшить? отвѣчала она съ скрытою надмѣнностію.

— Будь моимъ другомъ; ты меня пожалѣешь.

— Вашимъ другомъ? Горничная вашимъ другомъ! Вы смѣетесь надо мною!

— Ты восхитительна, Маша! Будемъ любить другъ друга и будемъ счастливы!

— Будьте откровенны.

— Хорошо. Только докажи прежде, что я хотя немного тебѣ нравлюсь!

Я обнялъ и поцѣловалъ ее. Она почти не сопротивлялась; я поцѣловалъ ее еще и еще нѣсколько разъ, и мнѣ

Digitized by Google

казалось, что она почти убѣдилась въ моей любви, потому что чувствовала искренній жаръ моихъ объятій, отъ которыхъ кровь бросилась ей въ голову.

— Довольно, довольно, сказала она; теперь разскажите откровенно, какъ вы были влюблены? Влюблены ли вы теперь?

— Да, я былъ влюбленъ; но теперь между нами все кончено; я былъ болѣнъ, здѣсь сталъ лечиться, и ты вылечила меня совершенно.

— Счастливы вы, что ваши болѣзни такъ скоро проходятъ!

— Лучше, если бы ихъ вовсе не было, сказалъ я, невольно вздыхая.

— Право, мнѣ васъ жаль: вы и теперь еще влюблены; я не вѣрю, что вы такой непостоянный. Любовь не скоро забывается.

— А ты знаешь это? Ты была влюблена?

— О, до безумія!

— Правда? Бѣдная дѣвочка! Если ты и теперь еще немножко страдаешь, то судьба кстати свела насъ.

— Нѣтъ, теперь я не влюблена.

— Даже и въ меня? Я на тебя не похожъ, Маша. Я замѣчаю, что я могу быть влюбленнымъ не одинъ разъ. Три мѣсяца тому назадъ я былъ влюбленъ въ одну, теперь влюбленъ въ другую.

— А черезъ три мѣсяца будете влюблены въ третью.

— Если ты не будешь меня любить, то я постараюсь влюбиться въ третью.

— Прежде забудьте первую.

— Ты должна быть немного ревнива, Маша?

— Я? я въ васъ не влюблена!

— А мнѣ казалось, что я тебѣ нравлюсь. Откровенно признаться, это-то въ тебѣ болѣе всего мнѣ и понравилось. Какъ пріятно встрѣтить доброе сердце, послѣ встрѣчи со злыми. Маша! Пожалѣй меня, и ты меня полюбишь!

— О, какъ вы влюблены!

Digitized by Google

— Да, я влюбленъ! Бѣдная дѣвочка! позволь мнѣ высказать тебѣ всѣ свои чувства! Если бы ты знала, какъ пріятно передать другому свою горесть, и какъ еще пріятнѣе встрѣтить участіе! Ты добрая и умница; ты поймешь меня. Я молчалъ здѣсь три мѣсяца, а это, право, тяжело! Я скорѣе забуду свое несчастіе, когда буду съ тобою откровеннѣе.

Она видимо смутилась отъ моей неожиданной откровенности.

— Полюби же меня, Маша, продолжалъ я, наклоняясь къ ней и смотря пристально ей въ глаза.

— Зачѣмъ вамъ это? отвѣчала она, вставая и отступая отъ меня. — Я желаю вамъ счастія; не отчаявайтесь; вы еще помиритесь и будете счастливы. Прощайте; я долго разсидѣлась.

— Куда ты, Маша! Такъ скоро! Я тебя не пущу!

— Пора идти; я не могу дольше оставаться.

— Ты сердишься на меня? Моя миленькая, хорошенькая Маша! Повѣрь, теперь я люблю только тебя!

— А, вы опять увѣряете! сказала она, стараясь казаться спокойною и насмѣшливою. — Я вамъ не вѣрю; и мнѣ это все равно.

— Садись; послушай, что я тебѣ скажу.

— Нѣтъ, прощайте; пора.

— Я не все досказалъ; разстанемся хотя друзьями. Дослушай, и ты увидишь, что я шутилъ.

— Вы шутили? произнесла она медленно.

— Да, немножко лгалъ, чтобы тебя раздосадовать, а немного говорилъ и правду. Зачѣмъ тебѣ все знать? Ты еще дитя, и можетъ быть не поймешь меня.

— Гдѣ же мнѣ понять васъ, отвѣчала она съ притворнымъ смиреніемъ.

— Ты проще и лучше меня. Видишь ли въ чемъ дѣло. Я пожалуй буду тебя просвѣщать и разскажу все.

Я усадилъ ее. Хотя она старалась казаться равнодушною, но я видѣлъ, что она съ любопытствомъ ожидала моего разсказа.

Digitized by Google

— Мнѣ нравилась, продолжалъ я,—одна дѣвица, а можетъ быть и дама, — это все равно; — злые люди разрознили наши сердца, въ чемъ она виновата сама. Теперь мнѣ кажется, что она вовсе не стоила моей любви; можетъ быть кажется съ досады, но тѣмъ лучше; между нами все кончено; я нисколько не жалѣю о томъ, что случилось; и знаешь ли, почему?

— Почему?

— Потому что ты мнѣ нравишься. Я даже забылъ свою досаду.

— Какъ это пріятно! Служанка заставила забыть барыню.

— Это доказываетъ, что ты премиленькая служанка. Посмотрись въ зеркало, какая ты хорошенькая. Съ тобой забудешь королеву. Я не старикъ, чтобы влюбиться въ какую-нибудь другую, кромѣ красавицы. Въ мои лѣта хочется быть влюбленнымъ; я пріѣхалъ сюда въ растревоженномъ состояніи, въ расположеніи влюбиться; встрѣтилъ тебя, и влюбился. Понимаешь?

— Не совсѣмъ, отвѣчала она улыбаясь.

— По крайней мѣрѣ, вѣришь?

— Вѣрю, отвѣчала она разсмѣявшись.

— Вѣрь, вѣрь, моя миленькая! Главное, вѣрь тому, что ты такая красавица, что тебя нельзя не любить!

— Этому-то я и не вѣрю.

— Клянусь тебѣ, я люблю тебя! Я люблю тебя за то, что ты хочешь, чтобы я былъ въ тебя влюбленъ. Маша! ты меня любишь! не отрекайся отъ этого!

Я прижалъ ее къ груди, и поцѣловалъ ее долгимъ горячимъ поцѣлуемъ. Я чувствовалъ, что въ моихъ жилахъ разлился тотъ жаръ, который раждается отъ одного прикосновенія къ сочувствующей вамъ женщинѣ. Иногда, возлѣ другой, и очень хорошенькой, остаешься почти хладнокровенъ; между ощущеніями, почти одинакими въ проявленіяхъ, бываетъ большая разница, заключающаяся въ причинахъ. — Но она вдругъ встала, и поспѣшно освободилась отъ моихъ объятій.

Digitized by Google

— Прощайте, сказала она.
— Теперь ты еще сомнѣваешься, Маша?
— Не знаю, не вѣрится....
— Не думай, не сомнѣвайся, а вѣрь!
— Прощайте!
— Я жду тебя скоро. До свиданія.
Она поспѣшно вышла.

IV.

Я находилъ свое нравственное состояніе пріятнымъ; но и теперь сомнѣваюсь, былъ ли я въ эти минуты влюбленъ въ Машу? Можно ли оцѣнить вѣрно свои ощущенія, когда ихъ возбуждаетъ хорошенькая женщина? Сердце снисходительно къ своимъ слабостямъ; совѣсть, цѣломудріе прошедшей, но не совсѣмъ еще погасшей любви, молчатъ, когда вамъ расточаютъ ласки маленькія, бархатныя ручки. Отказываемся ли мы отъ золота, хотя оно и не нужно?—да и когда оно не нужно? Есть вещи, которыя имѣютъ свою внутреннюю цѣнность, какъ бы мы на нихъ ни смотрѣли, какъ бы мы ни были къ нимъ равнодушны. Забылъ ли я свое прошедшее? Правду ли я говорилъ Машѣ? — Я хотѣлъ его забыть, и этого было для меня довольно.

Маша пришла ко мнѣ черезъ нѣсколько дней; все показывало, что это былъ рѣшительный ея шагъ. Вѣроятно она убѣдилась въ моей любви; но въ ея любви я болѣе не сомнѣвался.

Мы продолжали видѣться довольно часто; она приходила ко мнѣ всегда съ прежними предосторожностями. Когда наши отношенія сдѣлались близки, она привыкла ко мнѣ, и стѣснялась мною менѣе, чѣмъ прежде. Она была очень не глупа, если это можно сказать о горничной. Хотя она была скромна и робка, но ея задумчивый взглядъ показывалъ болѣе, чѣмъ она говорила; если она не была разговорчива, то всегда умно и кстати молчала. Я невольно былъ съ нею осторо-

Digitized by Google

женъ, и боялся оскорбить ее какою-нибудь грубостію, или показаться ей смѣшнымъ. Она вспыхивала, когда я позволялъ себѣ быть съ нею безъ церемоній, обходиться довольно свободно, какъ съ служанкой; но и въ эти минуты она никогда не выходила изъ границъ скромности, и умѣла владѣть собою. Въ ея словахъ и чувствахъ не было ничего рѣзкаго; кротость, покорность, смиреніе, даже иногда расчетливое, выказывались окончательно въ основаніи ея характера. Я всегда читалъ въ ея глазахъ живое удовольствіе, когда нашъ разговоръ принималъ дѣльный оттѣнокъ, и когда я будто становился съ нею на ровную ногу. Она приходила почти въ отчаяніе, когда я просилъ ее разсказать, кого она любила прежде.

— Вы меня не любите, вы меня обижаете, говорила она тогда.—Зачѣмъ вамъ это? Развѣ я не хороша, какъ я есть? Я ни въ кого не была влюблена, и никого не любила.

— Я твоя первая любовь, Маша?

— Да, отвѣчала она медленно и задумчиво.—Что̀ я могу сказать вамъ больше? Отъ любви все зависитъ....

Я извинялъ эту щекотливость. Въ женщинѣ всякаго званія одинаково развито чувство самолюбія, особенно, когда дѣло идетъ о любви. Уваженіе освящаетъ ее въ собственныхъ глазахъ, и она тѣмъ сильнѣе васъ любитъ, чѣмъ болѣе благодарна; она ростетъ въ своемъ мнѣніи вмѣстѣ съ любовью.

Я иногда замѣчалъ, что она ревновала меня. Ей все-таки казалось, что я не забылъ свою прежнюю страсть.

— Стоитъ ли служанка сравненія съ барыней, говорила она съ скрытымъ огорченіемъ.

Но меня удивляло болѣе всего то, что она часто была печальна и задумчива, тогда какъ прежде она показалась мнѣ довольно бойкою, живою женщиной. Я объяснялъ это тѣмъ, что она дѣйствительно имѣла тихій характеръ, и что только первыя наши свиданія произвели въ ней особенное оживленіе. Могъ ли я подозрѣвать какія-нибудь другія причины?

Digitized by Google

Цѣнность вещи часто опредѣляется въ нашихъ глазахъ легкостію или трудностію ея пріобрѣтенія. Обладаніе ею уменьшаетъ ея цѣну; эта истина стара какъ человѣческій родъ. Я не сдѣлался равнодушнѣе къ Машѣ; напротивъ, въ моемъ состояніи, любовь могла увеличиться только отъ привычки; я къ ней привыкалъ; она меня любила, была хороша какъ роза въ полномъ цвѣтѣ; сдѣлаться равнодушнѣе не было причинъ, но не было причинъ и быть въ постоянномъ восторгѣ. Увы! она была все-таки служанка! Что бы я ни говорилъ ей, — а наше уваженіе, а можетъ быть и любовь къ женщинѣ, основаны на ея общественныхъ достоинствахъ. Справедливо ли это? Но, можетъ быть, это хорошо; это почти всегда неизбѣжно. Желаніе подниматься выше — похвально: оно ведетъ къ усовершенствованію, оно часто вырываетъ насъ изъ низшей сферы, и поднимаетъ въ высшую; оно заставляетъ иногда ошибаться, дѣлать глупости, — но это исключенія. Принудьте себя забыть, что вамъ нравится горничная; увѣрьте себя, что вы отдадите ей преимущество передъ женщиною одной съ нею красоты, но высшаго званія, болѣе образованною. Самолюбія убить нельзя; оно всегда имѣетъ вѣсъ въ нашихъ чувствахъ. Хорошо еще, если оно не заставитъ васъ быть несправедливымъ и краснѣть отъ вашей любви; но въ такомъ случаѣ надо отдать честь служанкѣ, а не самолюбію.

Спустя нѣсколько недѣль, мнѣ надо было ѣхать по дѣламъ въ городъ. Я сказалъ объ этомъ Машѣ; она испугалась; я увѣрилъ ее, что скоро ворочусь. Впрочемъ въ ней было столько самолюбія, что мнѣ стоило показать ей свое равнодушіе, чтобы оттолкнуть ее отъ себя совершенно. Но я этого не хотѣлъ; въ рѣшительныя минуты я чувствовалъ, что дорожу ею, и что буду жалѣть о ней.

Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, я еще болѣе понялъ всю прелесть своей деревенской жизни, дорогаго уединенія, прогулокъ въ полѣ и въ лѣсу, и отсутствія всякихъ волненій; среди этой молчаливой, отрадной пустыни, Маша представлялась мнѣ какъ кроткая фея, съ своею безмятежною улыбкой, съ своимъ свѣтлымъ взглядомъ. Мысль о ней была

Digitized by Google

связана съ моимъ нравственнымъ спокойствіемъ, и я не знаю, не за то ли я любилъ ее, что она встрѣтилась въ моей жизни въ тѣ минуты, въ которыя я отдыхалъ отъ огорченій и былъ счастливъ новымъ для меня счастіемъ спокойствія?—Я поторопился воротиться въ деревню.

Маша пришла черезъ два дня по моемъ пріѣздѣ. Она вошла какъ-то принужденно; лицо ея было серьезно; она будто боялась выказать мнѣ лишнюю ласку, показаться слишкомъ довольною моимъ возвращеніемъ.

— Ты отвыкла отъ меня, Маша? спросилъ я.

— А вы не забыли меня въ городѣ?

— Я боялся, что мнѣ нельзя будетъ воротиться сюда, сказалъ я, желая видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на нее эта ложь.

— Въ самомъ дѣлѣ? — И она съ любопытствомъ смотрѣла мнѣ въ глаза. — Можетъ быть вы тамъ встрѣтились съ кѣмъ-нибудь?

— Я видѣлъ ее, только издалека.

— А! произнесла она, немного блѣднѣя.

— Однако, ты видишь, я воротился.

Она опустила глаза и не отвѣчала ни слова; я могъ бы подумать, что это ей совершенно все равно.

— И воротился только для тебя, моя миленькая, хорошенькая Маша! я о тебѣ соскучился.

Я хотѣлъ ее поцѣловать, но она не позволила мнѣ. При всемъ ея желаніи казаться хладнокровною, она не могла скрыть досаду.

— Не сердись, чудесная, хорошенькая дѣвочка! продолжалъ я. — Не думай, что я могъ забыть тебя въ городѣ. Я выдумалъ, что видѣлъ твою мнимую соперницу; ее теперь вовсе нѣтъ тамъ.

— Правда?

— Чистая правда! Въ эту разлуку я убѣдился, какъ ты дорога мнѣ.

Она молча и покорно отдалась моимъ ласкамъ.—Безъ сомнѣнія, я говорилъ ей отчасти правду. Непродолжительныя

Digitized by Google

разлуки увеличиваютъ жаръ ощущеній, если не увеличиваютъ самой привязанности; это отдыхи на пути любви, который безъ нихъ показался бы утомителенъ. Но потомъ наши отношенія приняли опять спокойный характеръ. Иногда я нарочно сердилъ ее небольшими сценами взаимной ревности, потому что въ эти минуты она была какъ-то лучше, забывала свою робость, всегда стѣснявшую ее, и являлась во всей естественной прелести; она становилась выше своего состоянія; ея движенія, выраженіе ея лица, дѣлались изящны. Для страстей нѣтъ званій; достигая высоты, онѣ одинаково хороши у людей различныхъ состояній и воспитанія; грязная оболочка падаетъ, женщина является, какъ ее создала природа. Мнѣ нравилось въ этихъ сценахъ еще то, что онѣ показывали въ Машѣ очень мало опытности. Она была совершенно незнакома съ такими уловками, и всегда попадалась въ просакъ. Ей самой не приходило въ голову употреблять противъ меня такое же оружіе, раздражать меня сомнѣніями, можетъ быть потому, что ей было некогда: она всегда торопилась домой, и приходила ко мнѣ не для того, чтобы разыгрывать сцены праздной любви, которыя мы употребляемъ болѣе для собственнаго оживленія, въ чемъ ей не было никакой надобности. Но это же внушило мнѣ, можетъ быть, ложную мысль о ея простотѣ, неразлучной, какъ я полагалъ, съ званіемъ служанки.

Послѣ двухъ мѣсяцовъ знакомства съ нею, — знакомства тихаго, я все-таки не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета, влюбленъ ли я въ нее, или нѣтъ. Это состояніе имѣетъ ту выгоду, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ даетъ средства тихо перейдти отъ одного положенія къ другому, отъ однихъ чувствъ къ другимъ, безъ бурь и неудовольствій. Въ началѣ осени мнѣ надо было ѣхать къ себѣ въ деревню, въ одну изъ болѣе отдаленныхъ отъ столицы губерній. Опредѣливъ день своего выѣзда, я хотѣлъ сообщить объ этомъ Машѣ, при первомъ свиданіи съ нею; но она не приходила ко мнѣ нѣсколько дней; послѣ я узналъ отъ своихъ людей, что мужъ ея госпожи воротился домой послѣ довольно-продолжительнаго отсутствія;

Digitized by Google

вѣроятно это обстоятельство, измѣнивъ обычаи и службу дома, мѣшало ей быть у меня по обыкновенію. Я подождалъ недѣлю, — она не приходила; подождалъ еще два дня, — ее не было; мнѣ надо было торопиться, и я рѣшился уѣхать, не простившись съ нею. Сказать правду, я и самъ не зналъ, быть или не быть мнѣ этимъ довольнымъ. Лишнія проводы — лишнія слезы. Можетъ быть для меня было полезно прекратить вовсе это знакомство, которое въ городѣ вѣроятно потеряетъ въ моихъ глазахъ свою цѣнность и даже можетъ стѣснить меня. Если бы послѣ я сталъ думать иначе, то я всегда могъ отыскать ее въ городѣ; она мнѣ говорила, что ея господа живутъ тамъ каждую зиму; я знаю ихъ фамилію; отыскать будетъ легко. Я велѣлъ подавать лошадей и уѣхалъ. — Прощай, Маша, думалъ я, выѣзжая изъ деревни; — прощай, какъ всѣ легкія радости, которыя встрѣчаются намъ на пути жизни! Спасибо тебѣ, моя милая, что ты оставишь во мнѣ одно лишнее воспоминаніе о прошедшихъ удовольствіяхъ, тихое, спокойное, озаренное добрыми лучами сельскаго солнца, окруженное уединенными полями и рощами, погруженное въ тишину кротко цвѣтущей природы! Приношу тебѣ искренній вздохъ и благодарность! — Съ послѣдней горки я окинулъ послѣднимъ взглядомъ всѣ окрестности, всѣ мѣста своихъ прогулокъ, — въ совершенно романическомъ, полугрустномъ, но счасливомъ расположеніи духа, закутался въ шинель, повалился въ уголъ коляски и болѣе не оглядывался.

По прибытіи домой, дѣла, хозяйственныя хлопоты, обыкновенныя отношенія общества, посѣщенія, карты и проч. занимали и развлекали меня каждый день. Я не имѣлъ почти времени вспомнить о Машѣ; когда она приходила мнѣ на мысль, признаюсь, я думалъ о ней съ сожалѣніемъ. Тогда я невольно вспоминалъ о ея красотѣ, о ея свѣжести, о ея преданности ко мнѣ; ея стройный станъ, ея роскошныя груди, изящный очеркъ лица и чудесныя, розовыя губки рисовались въ моемъ воображеніи, когда въ свободныя минуты, въ уединеніи кабинета, я отдавался на волю своихъ мыслей: эти минуты всегда принадлежатъ воспоминаніямъ.

Digitized by Google

Но время проходило, мое сердце было спокойно; обыкновенная жизнь, отсутствіе всякихъ примѣчательныхъ встрѣчъ, понимая подъ этимъ встрѣчи съ хорошенькими женщинами, оставляли меня въ неизвѣстности своего нравственнаго состоянія; я былъ доволенъ, что не чувствовалъ ничего особеннаго, то-есть, что забылъ все то, что̀ меня огорчало прежде.

V.

Въ концѣ осени я отправился на житье въ столицу. Подъѣзжая къ послѣдней станціи, я увидѣлъ у подъѣзда экипажъ, изъ котораго выпрягали господскихъ лошадей; видно было, что это помѣщикъ, ѣдущій, какъ и я, изъ деревни на зиму въ городъ, доѣхавшій до станціи на своихъ лошадяхъ и продолжающій послѣдній переѣздъ на почтовыхъ. Я не хотѣлъ входить на станцію, и въ ожиданіи лошадей оставался въ коляскѣ. Лошадей, какъ всегда, приготовляли медленно.

— Кто это ѣдетъ? спросилъ я у человѣка, который стоялъ у экипажа.

— Марья Ивановна М., отвѣчалъ онъ.

— Въ .....

— Да-съ.

— Издалека?

— Нѣтъ, вотъ отсюда, мы проѣхали верстъ съ 30.

— Изъ какой деревни?

— Изъ N.

— Вѣдь это, кажется, близко селенія К.

— Рядомъ-съ.

Ба! подумалъ я; да вѣдь это мои бывшіе сосѣди; это госпожа Маши.

— Барыня одна ѣдетъ? спросилъ я опять.

— Одна. Баринъ уѣхалъ впередъ третьяго дни, со всѣмъ хозяйствомъ. Мы немного замѣшкались.

Digitized by Google

Я вылѣзъ изъ коляски, и отправился на станцію. Отворивъ дверь, я окинулъ взглядомъ комнату; госпожа была одна; она сидѣла закутавшись въ салопъ, спиною къ дверямъ. Я вошелъ, она обернулась.

Представьте мое удивленіе! Это была Маша! Она вспыхнула и встала.

— Маша! вскричалъ я тихо. Это ты!

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, сказала она по-французски, блѣднѣя.

Я остолбенѣлъ отъ недоумѣнія.

— Вы меня принимаете за другую; я такая-то, продолжала она, называя свою фамилію.

Я стоялъ передъ нею нѣсколько мгновеній, молча, и вѣроятно съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами.

— А, теперь я понимаю все! произнесъ я наконецъ.

— Что понимаете вы, милостивый государь? Вы ошибаетесь, ошибаетесь!... повотряла она тихо, торопливо, въ испугѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы очень хорошо знаете, что я не ошибаюсь!—Это вы, вы! Вы недовольны мною? За что? Если виноватъ, умоляю, простите! Марья Ивановна, я не забывалъ васъ ни одной минуты! я обожаю васъ! я только и ждалъ встрѣтиться съ вами!

— Опомнитесь! что съ вами! Говорите тише, замолчите! Васъ могутъ услышать, хотя и не поймутъ... Я говорю вамъ, вы принимаете меня за другую!

— Скажите откровенно, что вы не хотите меня узнать! не увѣряйте, что я ошибся! Я не забылъ ни одной вашей черты. Ваши волосы, ваши глаза, ваша шея, маленькая темная точка на лѣвой щекѣ.... Что же это значитъ, Марья Ивановна? Отчего вы не хотите меня узнать? Что же значило наше знакомство? А! вы перемѣнили намѣренія! Теперь я узнаю васъ!

— Хорошо! сказала она съ рѣшимостію отчаянія. — Да, это я! Вы не ошиблись, вы узнали меня! Я сдѣлала

Digitized by Google

непростительное преступленіе, безуміе, достойное презрѣнія! Но я увѣрена, что вы честный человѣкъ, и что это останется тайной.... Между нами должно быть все кончено! Прошу васъ, даже не показывайте, что вы меня видѣли когда-нибудь.

— Я васъ не понимаю!

— Да, все кончено! Забудьте обо мнѣ, какъ будто мы никогда не встрѣчались!

— Вы думаете, это такъ легко? Вспомните, какъ я васъ любилъ, хотя и не зналъ, кто вы.

— Помню! произнесла она, горько улыбаясь и краснѣя.—Воспоминаніе объ этомъ заставитъ меня краснѣть всю жизнь. Умоляю васъ, оставьте меня и никогда со мною не встрѣчайтесь! Только ваше уваженіе можетъ немного извинить меня въ моихъ глазахъ; теперь о нашей любви говорить поздно!

Она встала, чтобы выдти, но я удержалъ ее.

— Марья Ивановна! сказалъ я,— у васъ нѣтъ жалости; вы хотите убить меня! Вы не вѣрите моей любви? Я хотѣлъ отыскать васъ въ городѣ. Я васъ не могу оставить, и не отстану!

— Что́ вы хотите дѣлать? сказала она, останавливаясь и обращая на меня строгій взглядъ. — Докажите по крайней мѣрѣ, что вы честный человѣкъ!

— Я былъ бы безъ сердца, если бы оставилъ, забылъ васъ!

— Подумайте! Можетъ быть, въ васъ найдется столько жалости, что вы извините мой поступокъ и не захотите меня позорить!

— Могъ ли я видѣть въ немъ преступленіе!.... Нѣтъ, вы меня никогда не любили! — Марья Ивановна! продолжалъ я умоляющимъ голосомъ. Если бы вы знали, какую отрадную увѣренность вы хотите убить во мнѣ!.... Нѣтъ, нѣтъ! Вы любили меня прежде! Мнѣ трудно забыть наши свиданія!

— Забудьте, забудьте! Не думайте, что это досада, капризъ; оставьте меня, не преслѣдуйте, не встрѣчайтесь со мною!

Digitized by Google

— Вы хотите привести меня въ отчаніе! Вы оскорбляете меня! Вы даете мнѣ право не исполнять вашего желанія!

— Я прошу васъ какъ благороднаго человѣка! Если въ васъ нѣтъ сожалѣнія къ женщинѣ, то не забудьте, меня могутъ защитить! Не марайте меня безъ всякой для васъ пользы!

Въ это время вошелъ станціонный смотритель и объявилъ, что лошади готовы; потомъ вошла служанка, оправила на барынѣ салопъ; вошелъ лакей, посмотрѣлъ во всѣ углы,— не забыта ли какая-нибудь вещь, и всѣ вышли. Проходя мимо меня, Марья Ивановна легко поклонилась мнѣ, какъ едва знакомому человѣку, котораго она встрѣчаетъ въ первый разъ на станціи. Я остался одинъ, опустивъ руки, смотря неподвижно на затворившуюся дверь, пораженный этою неожиданною встрѣчей и еще болѣе неожиданной развязкой.

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ! произнесъ я наконецъ, ударяя себя по лбу, въ совершенномъ на себя негодованіи.

Я подошелъ къ окну; въ экипажъ усаживались; никто не смотрѣлъ на окна; кнутъ хлопнулъ, кучеръ крикнулъ, и экипажъ помчался. Станціонный смотритель воротился въ комнату.

— А хорошенькая мадамка, сказалъ онъ растопыривая свои губы въ четвероугольную, особеннаго рода улыбку. Не нахожу болѣе приличнаго выраженія для этой безобразной рожи.

Я злобно посмотрѣлъ на него, подошелъ къ окну, въ намѣреніи вымѣстить всю свою досаду на бѣдномъ смотрителѣ, еслибы не были готовы лошади; но лошади были готовы. Я одумался; мнѣ захотѣлось поговорить съ нимъ, въ надеждѣ узнать отъ него кое-что, и я улыбнулся его остротѣ.

— Вы знакомы съ ними? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, незнакомъ. Здѣсь встрѣтилъ ее въ первый разъ. Что, она живетъ недалеко отсюда?

— Не очень далеко; здѣшняго уѣзда.

Digitized by Google

— Она замужняя?

— Какже-съ.

— Отчего же она ѣдетъ одна?

— Мужъ ея, кажется, ужъ проѣхалъ.

— Что, онъ молодой или старый?

— Да немолодъ. Постарѣй меня. Лѣтъ 45, а можетъ быть подъ 50.

— Молодецъ?

— Какое! рябой.

— Давно онъ женатъ?

— Не знаю-съ. Кажется, около двухъ лѣтъ.

— Есть у нихъ дѣти?

— Должно быть нѣтъ. А то бы она тащила ихъ съ собой. Да когда ей было имѣть дѣтей? она еще больно молода.

Я надвинулъ на глаза фуражку, надѣлъ шинель, поклонился смотрителю, вышелъ, сѣлъ въ коляску и отправился. Я вскорѣ догналъ экипажъ Марьи Ивановны. Чтобы показать ей, что я намѣренъ исполнять ея приказанія, и немного изъ досады, я даже не выглянулъ изъ коляски, проѣхалъ мимо и не оглядывался.

VI.

Я не зналъ, что думать, какъ объяснить случившееся со мною, на что рѣшиться. Спавшія чувства смутно, неопредѣленно забродили въ моемъ сердцѣ. Первые дни въ городѣ я былъ въ безпокойномъ, раздраженномъ состояніи. Досада, сожалѣніе, сомнѣніе и надежда волновали мои мысли, не позволяли мнѣ утвердиться въ какомъ-нибудь намѣреніи. Я не могъ увѣрить себя, что Марья Ивановна меня не любила и что она могла забыть меня въ такое короткое время Что же могло измѣнить ее? А можетъ быть и не любила? Можетъ быть она развратная женщина, имѣетъ на кого-нибудь намѣренія въ городѣ, или старое знакомство, пріят-

Digitized by Google

нѣйшее моего? Послѣднее предположеніе роняло всѣ достоинства, весь романическій характеръ моего знакомства съ нею, и передо мною оставалась одна пошлость безчувственной связи. Кажется, это должно бы быть для меня всего выгоднѣе, давая возможность смѣяться надъ глупою развязкой,—она не оставила мнѣ ни малѣйшей надежды,—но нѣтъ! мнѣ было пріятнѣе мучить и упрекать себя, чѣмъ разстаться съ любовью женщины, которою обладалъ,—и которая такъ хороша, такъ молода еще! Выборъ былъ удобенъ, успокоеніе легко, возможно; но въ томъ-то и дѣло, что страданія любви, вѣроятно, гораздо пріятнѣе, чѣмъ спокойствіе, праздность сердца. Можетъ быть, она боится своего мужа? Но она прежде не боялась его; она убѣдилась, что мы могли видѣться безнаказанно. Надобно было все это разъяснить; я рѣшился не отставать отъ нея и узнать о ней хорошенько. Послѣ нашего короткаго знакомства, возобновить его мнѣ казалось не трудно.

Я скоро отыскалъ ихъ квартиру. Прогуливаясь по вечерамъ мимо занимаемаго ими дома, я иногда видѣлъ стоящіе у ихъ подъѣзда экипажи, и всякій разъ спрашивалъ кучеровъ, чьи они. Впродолженіе недѣли я узналъ имена около десятка ихъ знакомыхъ; но къ-сожалѣнію я никого изъ нихъ не зналъ лично. Наконецъ мнѣ удалось найдти одного своего знакомаго, посѣщавшаго домъ, гдѣ бывала и Марья Ивановна.

— Вы знакомы съ г. N? спросилъ я его при первомъ удобномъ случаѣ.

— Знакомъ, отвѣчалъ онъ.

— Говорятъ, это пріятный домъ.

— Хорошіе люди.

— У нихъ часто танцуютъ.

— Чаще играютъ въ карты.

— Познакомьте меня съ ними. Я теперь играю рѣдко; мои знакомые еще не съѣхались. Не худо бы воротить отъ васъ мои прошедшіе проигрыши.

— Съ удовольствіемъ. Надо сформировать партію. Я игралъ у нихъ по мелкой.

Digitized by Google

— Въ какіе дни у нихъ собираются?

— По середамъ, а иногда и въ другіе дни.

— Не забудьте предупредить ихъ къ слѣдующей середѣ. Во сколько часовъ пріѣхать къ вамъ?

— Къ восьми.

— Не опоздаю.

Въ середу я былъ представленъ. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что гостей съѣхалось довольно много; можетъ быть будетъ и Марья Ивановна. Дѣйствительно, она вскорѣ пріѣхала. Мое сердце билось. Она была одѣта со вкусомъ, держала себя ловко; въ ней не было и тѣни той служанки, которую я прежде видѣлъ; выраженіе лица, взглядъ, манеры, все было другое; теперь она была благовоспитанная, свѣтская женщина. А она умѣетъ разыгрывать чужія роли! Это по крайней мѣрѣ даетъ выгодное понятіе о ея умѣ.

Она сначала меня не замѣтила; я сѣлъ возлѣ хозяйки и сталъ съ нею разговаривать, не обращая глазъ въ ту сторону, гдѣ была Марья Ивановна, чтобы не видѣть перваго впечатлѣнія, которое произведетъ на нее моя встрѣча, и не увеличивать ея смущенія. Я замѣтилъ только, что она отвернулась и отошла. Бросивъ чрезъ нѣсколько времени на нее украдкой взглядъ, я увидѣлъ, что она сдѣлалась немного блѣднѣе, лицо ея приняло серьезное выраженіе, движенія какую-то торжественность. Она избѣгала встрѣтиться со мною взглядами, и послѣ, во весь вечеръ, ни разу не посмотрѣла на меня. Вскорѣ мнѣ предложили карту, и я ушелъ въ другую комнату, чтобы скорѣе избавить отъ своего присутствія эту бѣдную женщину, которая должна была испытывать мною страха и волненій, которыя она, можетъ быть, не умѣетъ еще и скрывать. Да, она не наглая женщина. Она такъ еще молода, что въ ней нельзя и подозрѣвать опытности въ интригахъ. Огорченіе, почти отчаяніе наполнило мою грудь. Я хотѣлъ бы, чтобы она посмотрѣла на меня, прочла бы на моемъ лицѣ чувства, которыя могла понять только она. Я постарался занять столикъ, стоявшій поближе къ комнатѣ, гдѣ оставались дамы. Можетъ быть она успокоится, придетъ въ обыкновенное состояніе. Мнѣ

Digitized by Google

хотѣлось послушать, видѣть ее, какъ свѣтскую женщину. Она должна быть восхитительна!

Судьбѣ было угодно, чтобы меня посадили въ одну партію съ ея мужемъ. Я съ любопытствомъ приглядывался и прислушивался къ нему. Это былъ человѣкъ обыкновенный, не молодой, простой наружности, тяжелыхъ, не совсѣмъ ловкихъ манеръ, помѣщикъ, занимающійся дѣлами, а не праздною, свѣтскою жизнію. Выраженіе его лица было строгое, какъ мнѣ казалось — не доброе; глаза живые, зоркіе, показывавшіе волю, настойчивость характера; у него не должно быть ни малѣйшей снисходительности, и онъ, вѣроятно, ревнивъ; жена должна бояться и не можетъ любить такого мужа. Впрочемъ, сознаюсь, я смотрѣлъ на него съ предубѣжденіемъ, недоброжелательствомъ, и могъ очень легко ошибиться.

Чрезъ нѣсколько времени Марья Ивановна вошла, вмѣстѣ съ одною дамою, въ нашу комнату и съ любопытствомъ окинула ее взглядомъ. Ей, вѣроятно, пришло въ голову, что я могу играть за однимъ столомъ съ ея мужемъ. Когда она увидѣла насъ вмѣстѣ, она остановилась и хотѣла уйдти; но мужъ замѣтилъ ее.

— Марья Ивановна, сказалъ онъ, — посмотри, какія карты! Несчастіе! Все одни и тѣ же нѣсколько сдачъ.

Она не отвѣчала.

— Посмотри, посмотри, продолжалъ онъ настойчиво, поворачивая къ ней карты; — можетъ быть пойдутъ лучше.

— Я очень мало понимаю, сказала она, медленно и неохотно приближаясь къ намъ, взявъ подъ руку ту даму, съ которою вошла. Она наклонила голову, показывая, что разсматриваетъ карты, но я видѣлъ, что она не смотрѣла на нихъ, не видѣла ихъ. Я не могъ оторвать отъ нея своихъ глазъ; она должна была чувствовать, съ какимъ любопытствомъ, съ какою жадностію я ее разсматривалъ, — и это будто сдѣлало ее неподвижной. Мужъ не показывалъ ей уже болѣе карты, а ея глаза были все еще потуплены къ нимъ, и она стояла какъ осужденная преступница. Наконецъ онѣ отошли.

Digitized by Google

Вскорѣ хозяйка стала просить ее пѣть. Она поетъ! Я и не подумалъ прежде объ этомъ. Дѣйствительно, я былъ къ ней очень невнимателенъ, когда принималъ ее за служанку; я ни о чемъ ее не разспрашивалъ, ни о чемъ не любопытствовалъ; я не старался узнать о ней хорошенько, гдѣ она живетъ, откуда она; я могъ послать человѣка развѣдать о ней стороной; можетъ быть это не понравилось бы ей, но показало бы мою внимательность; я могъ бы узнать, что она не служанка, и это произвело бы между нами совсѣмъ другія отношенія. Я невольно твердилъ себѣ мысленно: дуракъ, дуракъ, дуракъ!—Она отказалась пѣть, отговариваясь болью въ груди. Запѣла другая; около фортепьяно образовался кружокъ дамъ и дѣвицъ; у насъ робберъ кончился, и я, пользуясь свободною минутою, вмѣшался между ними, началъ говорить съ хозяйкой о музыкѣ, стараясь сдѣлать разговоръ общимъ; я надѣялся услышать хотя одно слово отъ Марьи Ивановны, сказать ей что-нибудь; это объяснило бы ея намѣренія, и можетъ быть показало бы мнѣ, что ея гнѣвъ немного смягчился. Но она молчала, или разговаривала съ своею сосѣдкой совсѣмъ о другомъ. Ее опять стали просить пѣть. Если бы она запѣла, значитъ, она допустила бы, чтобы и я услышалъ ея голосъ, любовался ею; это было бы почти пѣть для меня, желать нравиться мнѣ. Она рѣшительно отказалась. Еще болѣе огорченный, я воротился къ столику.

Я могъ познакомиться съ ея мужемъ и войдти въ ихъ домъ; но это было бы слишкомъ нагло, и могло окончательно повредить мнѣ въ ея мнѣніи. Когда игра кончилась и я нашелъ случай остаться наединѣ съ своимъ знакомымъ, представившимъ меня здѣшнему семейству, я спросилъ его:—кто этотъ господинъ, который игралъ послѣдній робберъ со мною?

— Такой-то, отвѣчалъ онъ.

— Что онъ богатый человѣкъ?

— Очень порядочное состояніе.

— Эта молодая дама, которой онъ показывалъ карты, вѣроятно, его жена?

— Да.

Digitized by Google

— Она очень недурна.

— Хороша.

— Она гораздо моложе своего мужа.

— За то бѣднѣе. У ея отца хорошее состояніе, но большое семейство.

— Я полагаю, онъ немножко рисковалъ, женившись на молоденькой и хорошенькой.

— Не думаю. Она очень скромна, изъ порядочнаго семейства и держитъ себя прилично.

— Да,—но развѣ бываетъ мало женщинъ хорошихъ фамилій, воспитанныхъ, и все-таки опрометчивыхъ. Положеніе и обстоятельства измѣняютъ многое.

— Правда; но эта воспитывалась болѣе въ деревнѣ.

— Вы ихъ хорошо знаете?

— Довольно; если угодно, познакомлю.

— Нѣтъ, благодарю. А можетъ быть когда-нибудь послѣ Я теперь не думаю дѣлать много знакомствъ. Да онъ, кажется, тяжелый игрокъ.

Мой знакомый былъ человѣкъ равнодушный къ любовнымъ шашнямъ; ему было все равно, что бы кругомъ его ни дѣлалось, и я не боялся, что мои вопросы покажутся ему подозрительными.

Я вошелъ въ ту комнату, гдѣ была Марья Ивановна, въ надеждѣ сѣсть поближе къ ней; она замѣтила мое намѣреніе, и ея тонкія брови немного нахмурились, взглядъ принялъ строгое выраженіе; я отошелъ. — Будь же хотя немного мнѣ благодарна, моя немилосердая красавица, подумалъ я.—Я боюсь тебя разсердить, но не могу не любить!— Она хороша и стоитъ вниманія; было бы странно отказаться отъ всякихъ надеждъ.

Въ слѣдующую середу я былъ опять у моихъ новыхъ знакомыхъ. Мужъ Марьи Ивановны пріѣхалъ одинъ; она осталась дома, какъ объявилъ онъ. Въ другую середу то же самое. Очевидно, она избѣгала меня, и мнѣ надобно было познакомиться съ другими ея знакомыми, гдѣ я могъ

Digitized by Google

ея видѣть. Не будетъ же она все сидѣть дома, изъ боязни меня встрѣтить. Меня могла бы упрекать совѣсть за мои настойчивыя, непріятныя для нея преслѣдованія; но можно ли жалѣть ту, которую любишь; остановишся ли боязнію передать ей хотя часть тѣхъ сладкихъ страданій, которыя терзаютъ самого? У влюбленныхъ выростаютъ когти кошачей породы.

Я былъ представленъ еще въ одинъ домъ, гдѣ бывала Марья Ивановна. — Вскорѣ ее встрѣтилъ тамъ. Увидѣвъ меня, она бросила на меня мимолетный взглядъ, въ которомъ я прочелъ удивленіе и упрекъ, и послѣ болѣе ни разу на меня не посмотрѣла. Но нужно ли имѣть слишкомъ мѣдный лобъ, чтобы вытерпѣть строгость мягкаго, чудеснаго взгляда, который хочетъ наложить на ваше чело клеймо позора? Я опустилъ глаза, какъ преступникъ, но едва ли отъ стыда и скромности; напротивъ, въ моей груди разлилось невыразимо сладкое чувство.

Въ этотъ разъ она была свободнѣе; ей будто хотѣлось показать мнѣ, что она меня не боится, не уважаетъ, не дорожитъ мною. Но теперь-то она и была еще болѣе мила. Я видѣлъ въ ней ту женщину, какою она была въ самомъ дѣлѣ, и это возбуждало во мнѣ гордость; я хотѣлъ, чтобы она имѣла блестящую свѣтскость, и каждое ея движеніе приводило меня въ восхищеніе. Она впрочемъ не обращала на меня никакого вниманія и держала себя съ строгимъ достоинствомъ. — Вечеръ былъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ вечера. Знали, что Марья Ивановна поетъ, и ее также, какъ прежде, просили пѣть. Она не отказалась. Садясь за фортепьяно, она снимала перчатки, и я издали пристально смотрѣлъ на ея хорошенькія ручки, которыя когда-то могъ бы цѣловать, и которыя,— о дуракъ, дуракъ! — я не разсмотрѣлъ даже хорошенько. Она выбрала одинъ изъ новѣйшихъ, самыхъ скучныхъ, самыхъ деревянныхъ романсовъ, въ которыхъ регистратскія чувства хотятъ выразить итальянскую поэзію, въ которыхъ воспѣвается Богъ знаетъ что, и слышатся родные звуки хлопанья кнута, укладыванья кирпичей и проч., изъ которыхъ неловкія чувства

Digitized by Google

торчатъ какъ коровьи рога, или какъ осиновыя, необтесанныя, кривыя оглобли крестьянскихъ розвальней. Романсъ этотъ показался мнѣ отвратителенъ, можетъ быть потому, что я не могъ подозрѣвать въ немъ ни малѣйшаго чувства, ни малѣйшаго мнѣ отвѣта, ни одного намека, отголоска того, что̀ бы мнѣ хотѣлось, что̀ бы хотя немножко тревожило пѣвицу. Я только убѣдился, что она въ этомъ однихъ со мною мыслей; не желая дать мнѣ права отнести къ себѣ какія-нибудь чувства романса, она удачно выбрала самый гадкій. Она имѣла пріятный, хорошій голосъ. Хотя она старалась пѣть какъ можно равнодушнѣе, невнимательнѣе, видимо хуже, чѣмъ могла пѣть, — я все-таки замѣтилъ въ ней, въ началѣ, нѣкоторую робость, въ голосѣ подслушалъ едва примѣтное дрожаніе. Неужели она не желала нравиться мнѣ, показать мнѣ всѣ свои качества, хотя бы только для того, чтобы привести меня въ совершенное отчаянія? Если она недовольна мною, ей пріятно наказать меня, видѣть мои сожалѣнія и досаду. Въ этомъ она успѣла, значитъ хотѣла. Новыя отношенія начаты. Надежда живуча; ее не уколотишь самымъ тяжелымъ молотомъ. Когда она кончила, послышались извѣстныя восклицанія: — какъ это хорошо! Какой милый романсъ!—Ей говорили комплименты; я также могъ бы проскользнуть къ ней, но остался въ отдаленіи, которое мнѣ хотѣлось показать въ самомъ дѣлѣ почтительнымъ.

— Не представиться ли мнѣ влюбленнымъ въ другую?— подумалъ я, осматривая бывшихъ тутъ дѣвицъ и дамъ, которыя всѣ показались мнѣ безобразны. Я отбросилъ эту мысль, какъ недостойную моей любви.

Кружокъ, составившійся около пѣвицы, разстроился; образовались отдѣльныя толпы. Послѣ нѣкотораго времени стали просить Марью Ивановну спѣть еще что-нибудь.

— Я не знаю что̀ пѣть, сказала она, подходя къ нотамъ.

— Вы поете послѣдній романсъ N? спросилъ я, подходя къ ней. — Превосходная музыка!

— Я его не пою, отвѣчала она невнимательно, перелистывая и разсматривая ноты.

Digitized by Google

— Вотъ онъ, сказала хозяйка, вытаскивая одинъ листъ и подавая его Марьѣ Ивановнѣ. Она, не отвѣчая, отложила его въ сторону.

— Вы его спѣли бы съ совершенствомъ, сказалъ я. — Вашъ голосъ такъ хорошъ, что для него нужны трудности, чтобы увидѣть всѣ его достоинства.

Она едва наклонила голову въ отвѣтъ на мою любезность, выбрала другое и запѣла. Я не отходилъ отъ нея. Предвидя мое намѣреніе преслѣдовать ее своимъ разговоромъ, она впродолженіе пѣнія бросила на меня гнѣвный взглядъ, въ которомъ я прочелъ: вы меня удивляете! Вы наглецъ и безъ жалости! Мое лицо безъ сомнѣнія приняло выраженіе того, что̀ я думалъ: — могу ли я не разговаривать съ вами, какъ разговариваю со всѣми другими? Это была бы особенность! — Огорченный, я потихоньку уклонился въ сторону, и когда она кончила, отошелъ и болѣе къ ней не приближался.

Я старался встрѣчать ее вездѣ, гдѣ могъ, въ надеждѣ понемногу сближаться съ нею въ новыхъ отношеніяхъ нашихъ и пріучать ее къ себѣ. Но мои дѣла не подвигались ни на шагъ. Она хотѣла убѣдить меня въ своей твердой рѣшимости кончить со мною на всегда, и я съ ужасомъ замѣтилъ, что мои преслѣдованія наконецъ стали приводить ее въ раздраженіе и гнѣвъ. Размолвка принимала опасный характеръ.

Я также слѣдилъ за молодыми людьми, которые ее знали. Нѣкоторые были съ нею очень любезны и поглядывали на нее очень пристально. Въ особенности меня тревожилъ одинъ молодой человѣкъ, примѣчательной наружности, молодой и ловкій. Не могу высказать тѣ чувства, которыя овладѣли мною, когда я замѣтилъ, что онъ часто посѣщаетъ домъ Марьи Ивановны. Подъ равнодушіемъ, которое я хотѣлъ насильно внушать себѣ, подъ увѣренностію, что я буду очень доволенъ, когда открою истину и брошу свои надежды, — крылась ревность, страхъ; при одномъ сомнѣніи я чувствовалъ ледъ подъ волосами. Любовь росла

Digitized by Google

отъ боязни потерять ее. Но молодой человѣкъ былъ внимателенъ при другихъ; это меня убѣдило, что тайны еще нѣтъ, и успокоило. Опасны тѣ враги, которые невидимы. Но мнѣ все-таки было досадно видѣть преслѣдованія этого соперника, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ никакихъ средствъ съ нимъ бороться; послѣдствія пугали меня.

Марья Ивановна покамѣсть была со всѣми одинакова, и я не могъ сдѣлать никакихъ предположеній. Я разузнавалъ о ней стороною, иногда даже употреблялъ непозволительныя средства шпіонства, проникнуть тайны ея жизни; но не узналъ ничего. Общее мнѣніе было въ ея пользу; всѣ отзывались о ней, какъ о скромной женщинѣ, ведущей себя хорошо, съ достоинствомъ, безукоризненно. — Я не находилъ никакихъ причинъ объяснить ея поведеніе со мною; чѣмъ чаще я встрѣчался съ нею, тѣмъ все становилось темнѣе, непонятнѣе. Одно изъ самыхъ непріятныхъ предположеній было то, что она, какъ говорится, разочаровалась во мнѣ, и не на шутку таки разлюбила меня. Этотъ обухъ можетъ убить самое крѣпкое самолюбіе; признаюсь, онъ внушалъ мнѣ необыкновенное смиреніе, и я, при одной мысли объ этомъ, въ смущеніи и горести невольно потуплялъ глаза, хотя былъ одинъ въ своей комнатѣ. Я вспоминалъ по одиначкѣ всѣ случаи, которые прежде встрѣчались между нами, разбиралъ свое обращеніе съ нею, критиковалъ себя съ головы до ногъ; я не былъ къ себѣ снисходителенъ, не щадилъ себя, дѣлалъ себѣ упреки, и мнѣ казалось, что я былъ съ нею дѣйствительно набитымъ дуракомъ. Я краснѣлъ, что, принимая ее за служанку, могъ казаться ей смѣшнымъ завоевателемъ, пустымъ самолюбивымъ человѣкомъ. Кто сознается, что онъ дѣйствительно таковъ! Одно опасеніе этого приводило меня въ отчаяніе. Сомнѣнія, неизвѣстность сдѣлались мнѣ наконецъ нестерпимы; я рѣшился писать ей, и приготовилъ слѣдующее письмо:

»Марья Ивановна! Вы хотите сдѣлать меня сумасшедшимъ, принудить къ какому-нибудь поступку, который осуждаютъ моя честь и разсудокъ, и который, можетъ быть, еще

Digitized by Google

болѣе отдалитъ меня отъ васъ: я его сдѣлаю только въ состояніи безумія. Если у васъ есть сердце, то вы меня извините. Вы не вѣрите моей любви оттого, что сами никогда не любили. Но это не уменьшаетъ моей любви къ вамъ; это мое несчастіе, и вы въ немъ виноваты. Чего вы могли требовать отъ меня прежде? Вспомните, въ какомъ я былъ состояніи. Я не зналъ, кто вы; моя ошибка должна извинить меня. Подумайте, и вы убѣдитесь. Я могъ цѣнить васъ; но не долженъ ли я былъ удерживать себя въ своихъ чувствахъ? Это не должно оскорблять вашего самолюбія. Я васъ любилъ,— вы это знаете; теперь я васъ обожаю! Я только теперь вижу всѣ ваши достоинства. Мое положеніе приводитъ меня въ невыразимое состояніе отчаянія, даже болѣзни. Если бы вы знали, какою горечью вы наполнили мою жизнь, какія нестерпимыя минуты я провожу! Умоляю васъ, доставьте мнѣ случай видѣться съ вами, назначьте мѣсто, гдѣ я могъ бы говорить съ вами наединѣ; отвѣчайте мнѣ по городской почтѣ. Если бы это было послѣднее наше свиданіе, и тогда я жду его какъ своего спасенія; оно мнѣ необходимо.«

Съ этимъ письмомъ въ карманѣ, я прилежно посѣщалъ всѣ дома, гдѣ могъ встрѣтить Марью Ивановну, въ намѣреніи передать его лично ей самой. Я не хотѣлъ послать его по городской почтѣ или передать черезъ другихъ, боясь, чтобы оно не попалось въ руки мужа. Но передать письмо при свидѣтеляхъ, въ кругу общества, вещь довольно трудная; надобно долго дожидаться удобнаго случая. — Я встрѣчалъ ее нѣсколько разъ, но она никогда не оставалась одна. Не обращая на нее повидимому вниманія, я однако же слѣдилъ каждое ея движеніе, каждый шагъ. Одинъ разъ, я увидѣлъ на полу чей-то платокъ; онъ вѣрно былъ не ея, но я воспользовался обстоятельствомъ, и поспѣшно осмотрѣлъ положеніе всѣхъ гостей: Марья Ивановна сидѣла на одномъ изъ крайнихъ къ стѣнѣ креселъ и въ нѣкоторомъ отъ другихъ отдаленіи; между нею и стѣною не было никого. Положеніе было довольно хорошо и маневръ удобоисполнимъ. Я поднялъ платокъ и подошелъ къ ней такъ, чтобы заслонить ее отъ другихъ.

Digitized by Google

— Вы уронили платокъ, сказалъ я, подавая его ей, и въ то же время опустилъ письмо къ ней на колѣни. Она поблѣднѣла, взяла платокъ, и невольно опустила его, такъ что онъ закрылъ письмо. Я поспѣшно вышелъ въ другую комнату, потомъ воротился посмотрѣть, что случилось: платокъ и письмо исчезли; она ихъ спрятала. Но увидѣвъ меня, она вынула платокъ, и разсматривая его, сказала: — Это не мой, я ошиблась.

Я поскорѣе вышелъ, взялъ шляпу и уѣхалъ. Письмо должно остаться у нея; кому же, кромѣ меня, она можетъ передать его? На другой день вечеромъ я получилъ маленькую записочку слѣдующаго содержанія: »Будьте въ первомъ маскарадѣ.« Я вспрыгнулъ отъ радости, осыпая поцѣлуями это посланіе, которое, какъ слабая, отдаленная молнія, вдругъ освѣтило безтолковый мракъ моихъ мыслей. Всѣ дни до маскарада я былъ веселъ и счастливъ.

VII.

О восхитительный маскарадъ! мудрое изобрѣтеніе опытнаго общества, прожившаго не одну тысячу лѣтъ! сколько сладкихъ надеждъ ты возбуждаешь во мнѣ! Твоя музыка производитъ головокруженіе и заглушаетъ голосъ разсудка; передъ блескомъ твоихъ свѣчей темнѣютъ правила осторожности и благоразумія, которыя внушаютъ намъ матушки и тетушки; твои паркеты скользки, и не одинъ мужъ, не одна жена падали на нихъ! Но мужья не всегда встаютъ съ нихъ съ шишками на лбу, называемыми человѣческими рогами, жены часто падаютъ съ приличіемъ! Да, съ приличіемъ, какъ Ифигенія, приносимая въ жертву, драпируясь въ свои тайны и въ свои атласныя и бархатныя платья, цѣломудренно укладывая ихъ складки, чтобы наглый, насмѣшливый взглядъ свѣта не проникъ слишкомъ далеко! Правда, на нихъ падаютъ большею частію старики, у которыхъ дро-

Digitized by Google

жать слабыя ноги, и молодыя женщины, скользящія слишкомъ неосторожно! Буду бояться этого лощенаго поприща, когда зима жизни покроетъ инеемъ мою голову, но пока будемъ поднимать неосторожныхъ!

Я медленно прохаживался по всѣмъ заламъ, съ любопытствомъ оглядываясь во всѣ стороны, разсматривая всѣ проходившія мимо меня маски одного роста съ тою, которую ожидалъ. Я отгадалъ бы ее по одной походкѣ; влюбленный глазъ зорокъ. Наконецъ ко мнѣ подошла одна замаскированная дама и взяла меня подъ руку. А, вотъ она! подумалъ я. Дрожь пробѣжала по мнѣ съ головы до ногъ.

— Ты вѣрно кого-нибудь ждешь? спросила она гнусливымъ голосомъ.

Боже, это не она! Какой отвратительный голосъ! Какъ могъ я ошибиться и принять эту бревенчатую фигуру за стройную Машу!

— Да, да, отвѣчалъ я вовсе не любезно.

— Твои глаза что-то слишкомъ разбѣгаются. Я знаю, кого ты ищешь.

— Я никого не ищу, отвѣчалъ я съ испугомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ любопытствомъ. — Что, если, подумалъ я, она подослана Марьей Ивановной? Это будетъ непростительно.

— Отчего же ты взволнованъ!

— Я? Можетъ быть оттого, что я въ первый разъ въ маскарадѣ.

— Не правда: я видѣла тебя здѣсь и прошедшаго года.

— Въ первый разъ въ эту зиму.

— И это неправда.

— Ты замѣчала меня?

— Я тебя знаю.

— Не можетъ быть; я отгадалъ бы твой голосъ.

— А не узналъ.

— Что тебѣ надобно, маска? Ты, можетъ быть, желаешь сказать мнѣ что-нибудь?

— Что ты вовсе не любезенъ.

Digitized by Google

— Только, можетъ быть, ты влюблена въ меня?

— Сохрани Господи! Ты слишкомъ самонадѣянъ.

— Такъ прощай. Я не люблю терять даромъ время.

— А, а! Ты ждешь! Прощай, но смотри, я буду за тобой замѣчать.

Она оставила меня и пошла въ другую сторону.

Я ходилъ еще съ четверть часа, какъ вдругъ почувствовалъ легкое прикосновеніе женщины, которая хотѣла взять меня подъ руку. Женское прикосновеніе сей-часъ чувствуется; у мужчинъ даже есть чутье отличить хорошенькую отъ дурной. Я торопливо оглянулся; это несомнѣнно Марья Ивановна; мое сердце теперь не ошибается. Она робко, осторожно, съ нежеланіемъ взяла меня подъ руку только кистью своей руки, будто прикосновеніе ко мнѣ возбуждало въ ней страхъ.

— Это вы? спросилъ я, овладѣвая ея рукою, изъ боязни, чтобы она не ушла.

— Я, отвѣчала она тихо, не измѣняя голоса.

— Благодарю!....

— Вы хотѣли меня видѣть?

— Да, чтобы высказать вамъ наединѣ, какъ я васъ люблю!.... Жестокая! За что вы меня мучите? Что я вамъ сдѣлалъ? Вы сомнѣваетесь въ моей любви? Теперь вы не имѣете никакого права сомнѣваться. Я васъ люблю, какъ никогда никого еще не любилъ во всю свою жизнь! Что вы хотите со мною сдѣлать? Какихъ вы требуете доказательствъ? Странная насмѣшка, непонятное намѣреніе отталкивать меня послѣ того, какъ я узналъ, какая вы женщина, какимъ сокровищемъ я обладалъ! Вы приводите меня въ отчаяніе, вы сведете меня съ ума. Могу ли я отъ васъ отказаться? Развѣ наши отношенія могутъ прекратиться?

Я говорилъ скоро; мнѣ казалось, будто она снисходительно меня слушала, оттого что не прерывала; но тутъ она вдругъ сказала:

— Должны, непремѣнно!

Digitized by Google

— Вы мнѣ этого не говорили бы, если бы меня любили! Продолжалъ я. Можете ли вы сомнѣваться, что васъ можно обожать до безумія? Не говорятъ ли всѣ, что вы хороша, какъ фея? Что́ же все это значитъ? — Марья Ивановна! не проходитъ ни одной минуты, чтобы я о васъ не думалъ; я ничего не могу дѣлать, я не сплю цѣлыя ночи, какъ больной въ горячкѣ! Посмотрите, какъ я похудѣлъ!

— Я не вижу въ васъ никакой перемѣны, отвѣчала она спокойно.

— Вы на меня цѣлую зиму ни одного разу не взглянули и ничего не видите!

— Я согласилась видѣться съ вами для того только, чтобы просить васъ не преслѣдовать меня. Оставьте всякую надежду. Между нами все кончено. Я прошу васъ какъ благороднаго человѣка!

— Вы смѣетесь! сказалъ я съ недоумѣніемъ, пораженный ея спокойствіемъ, убѣжденіемъ, искренностію.

— Нѣтъ, нѣтъ; увѣряю васъ убѣдитесь. Я нехочу, употреблять никакихъ уловокъ. Что́ бы они значили, къ чему бы повели? Я надѣюсь, что вы одумаетесь; я всегда считала васъ честнымъ человѣкомъ.

— Вы ненавидите меня! Вы держите мою руку, какъ будто ея прикосновеніе маретъ васъ!.... Не понимаю, странно! Чѣмъ я могъ внушить такія чувства? Какой непостижимый переходъ!

— Я не чувствую къ вамъ никакой ненависти.

— Объясните мнѣ.... Вы любили меня прежде? Я васъ столько уважаю, что не могу въ этомъ сомнѣваться. Только женское сердце способно къ такимъ перемѣнамъ! Но нѣтъ! равнодушіе не заставило бы васъ вдругъ отказаться отъ меня. Это ненависть, отвращеніе, или....

— Или что? спросила она, видя, что я остановился.

— Или разсчетъ.

— Какой же можетъ быть у меня разсчетъ?

— Вы хотите отъ меня отдѣлаться, потому что, вѣроятно, неравнодушны къ другому. Я годился вамъ только въ деревнѣ. Иначе я не могу объяснить.

Digitized by Google

— Вы имѣете право не уважать меня, сказала она послѣ небольшаго молчанія. — Я вполнѣ стою вашего презрѣнія. Послушайте, я буду говорить вамъ откровенно. Я сдѣлала ошибку, преступленіе, за которое достойно уже наказана. Я молода, неопытна, воспитана въ деревнѣ; меня отдали замужъ, не спросивши меня. Вы не будете требовать, чтобы я говорила вамъ о своихъ чувствахъ къ мужу. У молодой женщины, въ моемъ положеніи, могутъ рождаться непростительныя мысли. Я часто оставалась одна. Я очень еще молода; какое-то ослѣпленіе одурило мнѣ голову; я не думала, не разсуждала; на мое несчастіе вы поселились въ сосѣдней деревнѣ. Я слышала, что вы были влюблены; я васъ видѣла нѣсколько разъ, въ вашихъ уединенныхъ прогулкахъ; вы постоянно были скучны, задумчивы. Я солгала бы, если бы сказала, что вы мнѣ не нравились. Да, вы мнѣ нравились....

— Несчастный! сказалъ я съ отчаяніемъ, обращая глаза къ потолку и судорожно сжимая ея руку.

— Не думая о послѣдствіяхъ, я рѣшилась видѣть васъ у васъ дома, переодѣтая въ крестьянку. Моего мужа не было; я скучала; я надѣялась, что вы меня не узнаете, и что это ни къ чему не поведетъ. Сначала это была шалость, но эти шалости завлекаютъ далѣе. Да, да, я васъ любила ... Вы меня презирали бы, если бы этому не вѣрили. Но чѣмъ болѣе я любила васъ, тѣмъ болѣе убѣждалась, что вы ко мнѣ совершенно равнодушны.

— Марья Ивановна! пожалѣйте меня! Вы ошибались, ошибаетесь и теперь!

— Нѣтъ, вы меня не любили, продолжала она съ равнодушнымъ убѣжденіемъ. Женщина въ этомъ не можетъ ошибиться. Сердце чувствительно къ самымъ слабымъ оттѣнкамъ обращенія. Я теперь не та Маша, которую вы знали прежде.

— Милое имя, очаровательныя воспоминанія!

— Мое знакомство съ вами сдѣлало меня опытною; прежде я была ребенокъ. Съ тѣхъ поръ я много перечув-

Digitized by Google

ствовала и передумала. Вы даже не брали на себя труда меня обманывать; вы уѣхали, не простившись со мною, съ убѣжденіемъ никогда со мною не встрѣтиться. Отчего же теперь вы перемѣнили свои мысли?

— Я дожидался васъ нѣсколько дней.

— Въ это время воротился мой мужъ.

— Мнѣ надобно было скоро ѣхать. Я надѣялся найдти васъ въ городѣ, и непремѣнно отыскалъ бы.

— Не похоже на это. Вы даже не знали вѣрно, кто я, откуда, кто мои господа. Я знала, что вы меня не отыскивали; ваши люди даже не приходили въ нашу деревню. Вы могли бы передать въ нашъ домъ слухъ о вашемъ отъѣздѣ какъ-нибудь стороною. Вамъ было все равно, приходила ли я къ вамъ, или нѣтъ. Вы не подумали бы обо мнѣ, если бы не видѣли меня нѣсколько недѣль.

— Я не посылалъ къ вамъ никого изъ боязни повредить вамъ. Все, что вы говорите, — несправедливо. Вы забываете, Марья Ивановна, за кого я принималъ васъ. Будьте снисходительны....

— Вы не дорожили мною, когда считали меня за служанку; теперь вамъ кажется, что вы въ меня влюблены; вашему самолюбію льститъ любовь порядочной женщины. О, я понимаю васъ очень хорошо! Пусть это будетъ вамъ урокомъ. Ищите въ женщинѣ истинныхъ достоинствъ, а не наружнаго блеска. Свѣтская жизнь сушитъ сердце. Я о васъ слышала. Вы слишкомъ развлечены, чтобы испытывать истинныя привязанности.

— Я сознаюсь, что я васъ не стою, но развѣ вы считаете меня деревяннымъ? Развѣ я не могу испытывать истинной страсти, кто бы я ни былъ?

— Можетъ быть, я ошибаюсь въ васъ. Я сознаюсь, что я немогла внушить вамъ привязанности; но во всякомъ случаѣ, вы меня не любили.

— Мое положеніе нестерпимо! Что могу я вамъ говорить? Вы ничему не повѣрите! Вы убѣждены, что я говорю одну ложь, что все это одна комедія.

Digitized by Google

— Да, увѣрена; убѣдитесь и вы въ этомъ; вы и теперь не влюблены въ меня, также какъ и прежде. Я только для этого желала съ вами видѣться и говорить.

— Но понимаете ли, какія чувству вы могли возбудить во мнѣ вновь? Я не узналъ васъ прежде; вы имѣете полное право негодовать на меня за такую ошибку. Но вспомните наши свиданія. Я почти въ первый разъ говорю съ вами; я не зналъ вашихъ мыслей, не понималъ вашего сердца; вы всегда были со мною осторожны; вы ни о чемъ со мною не разсуждали; вы съ намѣреніемъ оставались въ принятой вами роли;—и я все-таки васъ любилъ! Я теперь узнаю васъ! Какое дѣйствіе должно произвести на меня убѣжденіе, что вы—женщина очаровательная во всѣхъ отношеніяхъ, совершенная, достойная обожанія? Если вы сдѣлали прежде ошибку, познакомившись со мною, то вы теперь опять ошиблись! Вы достигли не того, чего желали! Могу ли я забыть васъ теперь, отказаться отъ васъ въ ту минуту, когда узнаю всѣ ваши сокровища, когда все влечетъ меня къ вамъ невозвратно!

— Должны непремѣнно. Дослушайте, и вы согласитесь. Вы не можете заставить меня и себя забыть случившееся между нами. Мое знакомство съ вами будетъ для меня урокомъ, который сдѣлаетъ меня лучше, чѣмъ я была; онъ сдѣлаетъ меня честною женщиной. Мой поступокъ былъ слишкомъ опрометчивъ, и вы не могли уважать меня. Вы меня не уважали и не можете уважать теперь. За что бы вы меня уважали? Можетъ быть, не уважая нельзя любить, — хотя мнѣ кажется, что, если бы вы любили меня, вы все извинили бы мнѣ. Не любя, чѣмъ объясняли вы мой поступокъ? Непонятый тогда, теперь онъ неизгладимъ; я принимаю вещи, какъ онѣ есть, и покорлюсь тому, что случилось. Я обязана все перенести, все перетерпѣть!

— Вы неопытны, и боитесь сами себя.

— Но вы опытнѣе, и не ошибетесь. Вы сдѣлали обо мнѣ вѣрное заключеніе.

— Я объяснялъ все вашею любовью.

Digitized by Google

— Вы не могли знать моихъ чувствъ и должны были судить по одной наружности. Какая непростительная, наглая дерзость придти переодѣтою къ незнакомому мужчинѣ! Я поступала какъ настоящая служанка! Я должна презирать себя; вы заставили меня подумать о своемъ поступкѣ; раскаяніе меня мучило; послѣ него нѣтъ мѣста для любви. Я не такъ еще унизилась, чтобы въ моемъ сердцѣ осталась любовь, которая даетъ мнѣ одни страданія, одни угрызенія совѣсти и неуваженіе къ самой себѣ.

— Теперь вы меня не любите?

— Да, не люблю. Поймите меня, и вы убѣдитесь, что между нами все должно быть кончено. Прощайте. Дайте мнѣ слово, что вы не будете меня преслѣдовать; вы этимъ докажете хотя небольшое ко мнѣ уваженіе. Вы не захотите меня унизить даже въ глазахъ общества.

— Вы требуете выше моихъ силъ. Вы меня не любите, но я не вижу никакой возможности васъ забыть.

— Забудьте; увѣряю васъ, это для васъ легко; вы обманываете себя; я спокойнѣе васъ, и понимаю васъ лучше, чѣмъ вы сами.

— Какъ вы жестоко ошибаетесь!

— Жертва не трудна! я надѣюсь, вы забудете о всемъ, что̀ между нами случилось. Прощайте.

Я не отвѣчалъ ей ни слова, но не выпускалъ ея руки. Ея упорство, спокойствіе ея голоса, все заставляло меня убѣдиться, что она имѣла искреннее намѣреніе прекратить всякія сношенія со мною. Безнадежность будто облила меня холодною водою.

— Это рѣшительное ваше слово? спросилъ я наконецъ.

— Рѣшительное; я давно ужс рѣшилась.

— Неумолимая женщина!

— Прощайте.

Она оставила мою руку, едва примѣтно поклонилась и вошла въ толпу народа, которая двигалась къ намъ на встрѣчу. Я слѣдовалъ за нею нѣкоторое время безъ всякаго намѣренія, въ какомъ-то одурѣломъ, безсознательномъ

Digitized by Google

состояніи, невольно увлекаемый неодолимою силою. Потомъ я догналъ ее и взялъ подъ руку.

— Хорошо, сказалъ я; — я исполню ваше желаніе, покоряюсь своей судьбѣ. Между нами все кончено! Но оставьте мнѣ покрайней мѣрѣ воспоминаніе о нашемъ знакомствѣ; оно будетъ счастливѣйшимъ случаемъ моей жизни, если вы не захотите лишить меня всего; оно останется мнѣ утѣшеніемъ. Скажите хотя, что вы любили меня прежде?

Она нѣсколько мгновеній молчала, потомъ отвѣчала едва слышнымъ голосомъ, съ волненіемъ, которое она напрасно хотѣла скрыть: — Да, я васъ любила!

Я судорожно пожалъ ей руку. У меня не было силъ выразить ей мою благодарность словами. Она и прежде говорила мнѣ это, но теперь такое признаніе имѣло для меня другое значеніе. Она медленно пошла далѣе; но въ ея походкѣ я видѣлъ слабость, опьяненіе. Послѣднее ея слово будто оглушило ее; мнѣ казалось, она едва держалась на ногахъ; я испугался, чтобы ей не сдѣлалось дурно. Но можетъ быть все это былъ обманъ моего воображенія; влюбленнымъ все представляется въ выгодномъ для нихъ видѣ. Наконецъ она исчезла въ толпѣ. Я быстро пошелъ въ другую сторону, и болѣе съ нею не встрѣчался.

Какое странное положеніе! Разнообразныя чувства тѣснились въ моей груди, и если бы я былъ одинъ, въ своей комнатѣ, у меня полились бы слезы. Теперь все становилось мнѣ понятно! — Одна мысль стучала въ моей головѣ, заглушала всѣ другія, производила головокруженіе,—мысль: она еще любитъ меня! Въ ея сердцѣ осталась еще ко мнѣ привязанность, и только стеченіе разныхъ обстоятельствъ, тысяча прежде необъяснимыхъ для меня положеній, могли затоптать ея любовь въ глубину ея души, скрыть ее отъ ея собственныхъ глазъ въ темномъ лабиринтѣ противуположныхъ ощущеній. Въ волненіи я обошелъ всѣ залы, и наконецъ, утомленный, сѣлъ гдѣ-то въ уголъ. Мои глаза были устремлены на проходившую мимо толпу; но я ничего не видѣлъ, будто передо мною была широкая пустота, въ которой неслись, кружились мои мысли, какъ блѣдныя,

Digitized by Google

неопредѣленныхъ, измѣнчивыхъ очерковъ, облака, уносимыя быстрымъ вѣтромъ.

Что̀ дѣлать? Какъ уловить истину въ этой путаницѣ невѣрныхъ надеждъ и предположеній? Что̀ могу я назвать точнымъ, безошибочнымъ? Она меня любила; мнѣ кажется, она и теперь еще любитъ меня; но на какомъ основаніи я могу быть увѣренъ, что не ошибаюсь? Не ослѣпляетъ ли меня любовь? Не нахожусь ли я въ обыкновенномъ состояніи полувлюбленныхъ, которое иногда заставляетъ ихъ дѣлать непростительныя ошибки, дѣлаетъ смѣшными въ глазахъ другихъ? Положимъ, она меня любила; но ея самолюбіе оскорблено сомнѣніемъ въ моей любви; я былъ съ нею невнимателенъ. Сердце женщины чувствительнѣе нашего и доступно впечатлѣніямъ, сомнѣніямъ и страданіямъ отъ самыхъ невидимыхъ оскорбленій, и перемѣнамъ, которыя намъ мужчинамъ непонятны и которыя производятъ необъяснимыя послѣдствія. Мы называемъ это болѣзненною раздражительностію; но не есть ли это болѣе высокая чувствительность, болѣе совершенная природа? Это струна, это колокольчикъ, тонко, изящно вылитый изъ драгоцѣннаго металла, звучащій отъ легкаго прикосновенія звуками неуловимыми для огрубѣвшаго слуха: голосъ ихъ, кажется, замеръ, но приложенное ухо, напряженное вниманіе слышитъ дрожаніе, которое медленно, очень медленно замолкаетъ, такъ что вѣрится, что оно никогда не замолкнетъ и еще живетъ, хотя уже не слышно.

Женское сердце способно на великіе подвиги, на странныя жертвы. Въ любви есть каннибализмъ; она, какъ горесть, любитъ питаться сама собою, и, какъ Сатурнъ своихъ дѣтей, пожираетъ свои страданія. Женщина часто жертвуетъ собою изъ одного мщенія. Маленькое оскорбленіе кажется ей великимъ, потому что она мѣритъ его своею страстью. Она собственными мученіями караетъ преступника; она неумолима, не уступитъ, не откажется отъ своихъ мученій. Какъ часто разстроиваются хорошія отношенія искренновлюбленныхъ изъ одного повидимому упрямства, подъ которымъ кроется оскорбленная чувствительность!

Digitized by Google

Истинная любовь просвѣтляетъ умъ, очищаетъ сердце, внушаетъ благородство, требуетъ отъ самой себя достоинствъ; уваженіе ей сладко, потому что оно мѣра сочувствія, доказательство прочности. Марья Ивановна можетъ сомнѣваться въ моемъ уваженіи. Совѣсть безпокоитъ ее, и ея сердце требуетъ высокаго утѣшенія. Ея жертва своею любовію, — я вѣрю искренности жертвы, твердости намѣренія. Она вышла изъ этаго горна чистая, восхитительная, лучше чѣмъ прежде, какъ Венера изъ волнъ моря въ минуту рожденія; она, какъ утреннее солнце, озарила мою душу свѣжими лучами, омытыми росою. Я убѣжденъ въ ея благородствѣ. Все, что она сдѣлала, только вскружило мнѣ еще болѣе голову. Я зналъ всѣ прелести этой чудесной женщины, и мнѣ недоставало только узнать ея нравственныя достоинства, чтобы почувствовать къ ней самую горячую страсть.

Но слѣдствія должны же имѣть какую-нибудь связь съ причинами, намѣреніями; слѣдовательно, она этого желала. Если она требуетъ отъ меня уваженія, значитъ она дорожитъ мною. Она, можетъ быть, только теперь, въ минуту послѣдней разлуки, почувствовала ко мнѣ всю мѣру своей привязанности. Если на ея рѣшимость имѣла вліяніе досада на мою невнимательность, то она довольно уже наказала меня; если любитъ, то проститъ. Она убѣдится въ моей любви и уваженіи; я чувствую неодолимую силу доказать ей это.

Наше знакомство имѣло въ ея глазахъ низость пошлой связи, оскорбляло самолюбіе, нѣжныя чувства благородной женщины; она боялась меня, не знала, какъ я буду на нее смотрѣть, когда я встрѣтилъ ее не служанкой, а свѣтской порядочной женщиной, ожидала съ моей стороны дерзкихъ, наглыхъ поступковъ,—и все это должно было имѣть вліяніе на ея чувства, испугать, уменьшить ея любовь. Теперь этихъ причинъ не существуетъ; она увѣрена, что между нами все кончено. Но это не мѣшаетъ остаться тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя увлекли ее ко мнѣ прежде. Мы нравились другъ другу, отчего же не можемъ нравиться теперь? Отчего сердце еще шепчетъ мнѣ отрадныя надежды? Нѣтъ,

Digitized by Google

мы можемъ любить другъ друга! Все влечетъ меня къ ней; я не могу отъ нея отказаться.

Но какъ уловить это нѣжное чувство, какъ приблизиться къ этому робкому сердцу, къ этой теплющейся любви, которая можетъ потухнуть, какъ слабое, трепещущее пламя отъ неосторожнаго дуновенія, какъ нѣжное растеніе можетъ увянуть отъ грубаго прикосновенія?

И въ моемъ умѣ создавались тысячи случаевъ, тысячи предположеній, которыя какъ шумныя волны бѣжали въ далекую неизвѣстность; передъ моимъ воображеніемъ открывалась неопредѣленная пустота, въ которой, какъ въ ослѣпленныхъ свѣтомъ и потомъ закрытыхъ глазахъ, переливались, кишѣли блестящія нити событій нераспутываемыми сѣтями. Да, сѣтями, въ которыя должна наконецъ пасть моя чудесная, восхитительная жертва!

Не вижу причинъ не надѣяться! Да простятся мнѣ мои заблужденія! Я не изобрѣтаю козней, а увлекаюсь любовью и обманчивыми надеждами. Можно ли не быть снисходительнымъ къ пріятнымъ ошибкамъ своей молодости? Старая мудрость не всегда сурово смотритъ на юныя прегрѣшенія.

Романъ мой не кончился; онъ только входитъ въ новую сферу ощущеній и отношеній. Я обманулъ Марью Ивановну, сказавши ей, что между нами все кончено. Если бы она сама этого не желала!

Я долго оставался погруженнымъ въ свои глубокія размышленія, пока не былъ выведенъ изъ нихъ голосомъ одной замаскированной женщины, которая остановилась передо мною и сказала:

— Ты что-то очень задумался? О чемъ?

Я посмотрѣлъ на нее; это была та, которая уже говорила со мною прежде, вначалѣ маскарада.

— Ты, должно быть, влюбленъ. Я не ошиблась.

— Я думалъ о тебѣ, отвѣчалъ я.

— Вѣрно неудача?

— А ты развѣ не жестокосердая?

Digitized by Google

— Я за тобой подсматривала, и кое-что знаю.

— Послѣ того какъ я съ тобою говорилъ, я оставался все на этомъ мѣстѣ.

— Едва ли. Не будешь ли ужинать. Ужь пора. Пойдемъ вмѣстѣ.

— Да хороша ли ты, маска?

— Не дурна.

— Пойдемъ. Найди еще кого-нибудь; только полюбезнѣе, повеселѣе, чтобы была хохотунья.

— Подожди тутъ. Я сейчасъ ворочусь.

Она ушла. Веселый ужинъ казался мнѣ насмѣшкой надъ моею любовью. Я уѣхалъ домой, не дождавшись возвращенія масокъ.—Извинюсь когда-нибудь послѣ, подумалъ я.

Но когда я былъ одинъ въ своей комнатѣ, передо мною возникла моя любовь, какъ неподвижный призракъ, безъ упрековъ и надеждъ, безъ прошедшаго и будущаго, самобытная и безкорыстная! Мнѣ стало страшно. Къ чему все это поведетъ? Теперь я влюбленъ! Шутки кончены! Страсть основана на привычкѣ; основаніе опасно крѣпко, и зданіе создалось на немъ неожиданно обширныхъ размѣровъ.

Digitized by Google

РЫБАКЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

Слобода К*** стоитъ хорошаго города. Верстахъ въ 2-хъ отъ нея, по берегу судоходной рѣки В—ки, находятся ломки опочнаго камня, выработываемаго на довольно значительную сумму и составляющаго почти главное занятіе сосѣдней деревни. Мѣстоположеніе ломокъ живописно. Множество дефилеевъ и пещеръ, оторванныя массы камня, часовня на вершинѣ одного изъ обрывовъ—все переноситъ васъ къ чему-то далекому... А тутъ —широкая рѣка, окаймленная по берегамъ лѣсомъ, рыбачьи шалаши и вьющійся дымъ отъ котловъ, въ которыхъ варятъ рыбу; да если прибавить сюда заходящее во всей красотѣ солнце, далекую пѣсню, или звонъ колокольчиковъ идущаго на водопой стада,—картина, право, выйдетъ прекрасна. Я люблю это мѣсто и часто его посѣщаю; ужу, или купаюсь. Жители шалашей мнѣ всѣ почти знакомы... Что за вкусъ имѣетъ уха, сваренная въ котелкѣ, подъ чистымъ небомъ, изъ рыбы живой, трепещущейся! Что́ за аппетитъ послѣ часовой ходьбы и купанья! Вотъ сюда бъ послать страдающихъ «несвареніемъ желудка,»—они вылечились бы съ перваго раза.

День былъ жарокъ. Пришедши передъ полуднемъ, я, по обыкновенію, сталъ купаться, хотя купанье не очень по нраву рыбакамъ, ибо пугаетъ рыбу,—да нечего дѣлать: жаръ не тётка! Къ тому же, въ эту пору дня не главный *клёвъ*, что́ бываетъ

Digitized by Google

рано поутру и вечеромъ. — Сначала мнѣ не было товарищей, но скоро присоединились двое — молодые парни изъ сосѣдняго шалаша. Одинъ былъ плотенъ и прекрасно сложенъ, другой — довольно щедушенъ. Послѣдній купался не долго, и, вышедъ изъ воды, присѣлъ на *лавахъ* (мостки, идущіе отъ берега въ глубь рѣки, съ которыхъ кидаютъ уды) въ ожиданіи товарища. Я тоже сталъ одѣваться. Бывшій въ водѣ обратился къ выкупавшемуся съ вопросомъ: «хочешь считать поросёнковъ?»—Пожалуй,—отвѣчалъ тотъ. Я не понялъ этого вопроса, и смотрѣлъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Тотчасъ же плотный парень началъ окунываться разъ за разомъ, безъ отдыха... Я давно уже одѣлся, а онъ и не думалъ переставать. Тощій парень между тѣмъ считалъ. Насчитавъ сто «поросенковъ», онъ обратился къ товарищу: «Да полно, лѣшой!... оставь,—я считать усталъ; полно —пора—пойдемъ». Тотъ не переставалъ.—«Экой дуракъ! полно же, говорятъ тебѣ... у те голова закружается, чортъ ты эвдакой! Я те брошу—уйду...» Парень пересталъ окунываться — началъ нырять. Тутъ я не утерпѣлъ и обратился къ увѣщателю: ну, молодецъ онъ! сколько разъ ты насчиталъ?—«Да прахъ его знаетъ—такой лѣшой!... счетъ потерялъ,—два ста съ половиной начёлъ, да и бросилъ... больше чай гораздо...» А парень все продолжалъ; наконецъ нырнулъ въ послѣдній разъ и подплылъ къ товарищу. Я взглянулъ на него съ любопытствомъ: неужели онъ еще живъ? еще дышетъ? — Какъ ни въ чемъ не бывалъ, только мышцы понапряглись, да грудь немножко трепетала... О, русская удаль! русская мощь!—промолвилъ я съ благоговѣніемъ. 250 разъ, навѣрное—300-ста, нырнуть безъ отдыха – это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ пробыть подъ водою, по крайней мѣрѣ, *полчаса*! И это ни-по чёмъ, такъ, шутя... Не утерпѣлъ я, чтобы не похвалить молодца.—«Э, да что это, баринъ!... вотъ, бывало, ребятами, мы перегоняемъ другъ-дружку — такъ по 700 поросенковъ къ разу дѣлаемъ...»—И у тебя теперь нисколько не кружится голова, ты не усталъ?—«Ой, што ты! да пò што ей кружиться—ничаво!...»—Вотъ что значитъ *считать поросёнковъ*.

Теперь, куда мнѣ идти? — Пойду въ первый шалашъ, чтобы

Digitized by Google

заказать уху.—Невдалекѣ отъ меня находился такой шалашъ; передъ нимъ на бережку, у дымящагося котелка, сидѣлъ, пригорюнясь, старикъ, изрѣдка только помѣшивая въ своемъ котелкѣ ложкою... Лицо его довольно замѣчательно. Сѣдые волосы, морщины, какъ-то не совсѣмъ пристали къ нему,—мнѣ показалось, что онъ и не такъ старъ, какъ при первомъ взглядѣ; будто не годы, а горе состарили его. Впрочемъ, вся физіономія этого старика выражала добродушіе и покорность судьбѣ. Глаза его еще хорошо видѣли—для того, чтобы слѣдить за едва примѣтнымъ дрожаніемъ поплавка, окладистая борода, правда, сѣдая,—еще не приняла оттѣнка желтизны—признака глубокой старости. Я подошелъ къ нему. Онъ бросилъ на меня взглядъ какъ будто не совсѣмъ довольный. Отъ чего это произошло: отъ того ли, что я нарушилъ его думу, или, можетъ, неожиданнымъ появленіемъ испугалъ его?—Нѣтъ, мнѣ сдавалось, что тутъ таилась другая какая-нибудь причина... Но однако, мы скоро сошлись. Я заказалъ уху; старикъ немного разшевелился, хлопоталъ около котелка,—по замѣтно было, что все онъ дѣлалъ какъ будто нехотя, точно какая-то задняя мысль томила его; по временамъ онъ даже вздыхалъ... Не знаю, отъ чего мнѣ грустно было глядѣть на него. Неужели, на старости лѣтъ,—подумалъ я,—судьба надѣлила его горемъ?... Я не прерывалъ его и только наблюдалъ. Есть люди, которые любятъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, навязываться съ своимъ участіемъ,—я не слѣдую ихъ примѣру.—Когда уха поспѣла и надо было ѣсть, старикъ самъ прервалъ молчаніе.— «Попробуйте-ка, батюшка... врядъ ли я сварилъ такъ, какъ... эхъ, да что и говорить!»—сказалъ онъ, махнувъ рукой и вздохнувши. Я присосѣдился къ ухѣ и готовъ былъ уже хлебнуть; въ это мгновеніе неожиданно вскочила ко мнѣ на колѣни кошка... Не очень я люблю этихъ животныхъ, и потому такая фамильярность была мнѣ вовсе не по нраву.—«Брысь! Машка! брысь!... закричалъ старикъ. — «Извините, батюшка: это такъ пріучила ее *она*-ту...» Я взглянулъ на рыбака,— слеза повисла на его рѣсницѣ. Кто же это — *она*? Надо узнать. Такъ *она*-то причина всей горести старика! Онъ какъ-бы понялъ мое недоумѣніе, и сказалъ:—«Ишь

Digitized by Google

ты, баринъ, была у меня хозяйка молодая, пригожая,—не жена: та давно помре,—дочка... да и ее Господь у меня отнялъ, за грѣхи мои, вѣдомо... Не померла, правда, она, да все едино почитай, еще горше—въ разумѣ помутилася. Наградилъ меня Господь Богъ на старости лютою горечью! Что дѣлать. Она-то, видишь, была у меня хозяюшка домовитая... Опоздалъ ты, баринъ: угостила бы тебя моя Наташенька ухой янтарною, какой ты ввѣкъ не ѣдалъ! Не даромъ, знать, говорили баре, что сюда пріѣзживали: «не ѣдали мы ухи лучше Фокиновой! ...» Да не самъ Фока (имя рыбака) ту уху справлялъ—гдѣ-пѣть! а дочка Наташенька... Охъ-охъ! покинулъ ты меня, голубь сизокрылой, пташечка пѣвучая!... Жаловали въ та-поры меня господа и люди хорошіе, и прибытокъ во всемъ видѣлъ и благодарилъ Создателя встаючи и лежаючи; съ нею все прахомъ пошло, и нѣтуть мнѣ ни въ чемъ утѣхи, и на ловлю иду нехотя, и клёву нѣту такаго, какъ прежде бывало. Хожу, словно стѣнь какая, земля подъ ногами прядаетъ, и маюся дённо и нощно: ужъ скорѣе бы Господь прибралъ меня!... А все злые люди мнѣ порадѣли, позавидовали знать моему талану: оно извѣстно, мірское счастье бревномъ въ глазахъ стоитъ!... Да лиха-то, кажись, я никому не доспѣлъ; —такъ нѣтъ! отняли все разомъ и сердчишко мое изгрызли—хоть брось!... Натакался на меня... отплатитъ ему Господь на томъ свѣтѣ про мою погибель!...» Тутъ старикъ замолчалъ. Теперь мнѣ сталъ понятенъ и непривѣтливый взглядъ, какимъ онъ встрѣтилъ меня сначала... Кстати, я просилъ его разсказать все, какъ было. Онъ не отнѣкивался: видно, что ему хотѣлось хоть передъ кѣмъ-нибудь излить свое горе и тѣмъ облегчить грудь. Послѣ обѣда, когда все было убрано, я приготовился его слушать. Разсказъ его заинтересовалъ меня;—передаю его читателю, какъ слышалъ самъ, ничего не измѣняя.

Старикъ пригорюнился и началъ свой разсказъ:

«Охъ-хо-хо!... Господи помилуй! — Вотъ оно какъ было, батюшка. Ты ужъ не осуди на рѣчь мою простую. До запрошлаго лѣта поживали мы съ Наташенькой хорошохонько, и го-

Digitized by Google

рюшка не вѣдали, благодарили Создателя за снѣдь, за рыбку. Нетокма что были сыты, да еще копейка водилася. Все у насъ спорилось, —тучи да печали и въ помыслѣ не бывало. И рыбка, бывало, клюетъ изряднехонько, и Наташа у меня хозяйка добрая... Ты, може, не повѣришь, баринъ, а ужъ, право, былъ я счастливъ, что и сказать не можно, благодарилъ только Создателя; и устали не зналъ доселева, и жили мы будто у Христа за пазушкой; дочку снаряжалъ, и у самаго съ плечъ гунишка не валилася—теперь што... эхъ! точно лишнихъ два десятка на горбъ навалило, къ сырой землѣ пригнуло, словно осину карявую. А была же у меня Наташенька, будто краля писаная, *личмянал*—извѣстно, по матери пошла... эхъ! да она-то и сгубила ее, голубку, личмяность поскудная! Такъ ужъ, вѣдомо, на роду имъ съ матерью было написано: отъ нея же себѣ погибель нашла. А все самъ виноватъ, песъ я старой, неумытой! Гдѣ бы боронить цесарочку мою пуще камню самоцвѣтнаго, угораздилъ меня лукавый съ собой по базарамъ водить, словно на показъ лицомъ товаръ продавать... Охо-хо!... Господи помилуй! отнялъ знать на ту пору разумишко мой маленькой Господь-Создатель. Да и то, бывало, подумаю: ну какъ ее-то оставлю одну-одинешеньку въ шалашѣ; и просится больно: то ленту, то платочикъ тамъ какой ни-на-есть купить надать, ну и возьму: какъ отказать ей, моему дитятку ненаглядному?... Ишь, любилъ я ее больно — ужъ во-какъ любилъ, что и сказать не можно! Ну и возьму, ну и пойдемъ: и платочикъ, ленточку искупимъ. А ужъ сколько утѣхи, бывало, домой пришедши, —гляжу-не нагляжуся: извѣстно — одна, какъ перстъ едина! Ну и дни скрёсные, господніе: надать ко храму сходить—тоже хрестьянами родилися, Бога съ малолѣтства помнили... Ужъ, кажись, и молилъ я Его Создателя, благодарилъ за милость великую — за то, что мнѣ дѣтище единое послалъ на утѣшеніе. И за што Онъ на меня прогнѣвался?... Грѣхъ, больно оно грѣшно, вѣдаю, да какъ не молвишь.

«Вотъ и идемъ разъ съ Наташей по базарамъ.... рыбку я продалъ до чиста—кузовокъ за плечьми пустой болтался.

Digitized by Google

А она-то, моя кралечка, такая весёленькая—на щекахъ маки цвѣтутъ и бровь соболиная, — идетъ, словно лебедка выступаетъ, на стороны поглядываетъ.... И любо мнѣ, старику, съ нею идти: взглянетъ—рублемъ подаритъ, слово молвитъ, что твоя *ермолья* двуцѣлковая!... Эхъ! да что̀ и толковать: такой дѣвоньки на свѣту поискать. Ты ужь мнѣ баринъ повѣрь: облыжникомъ отродясь не бывалъ.—Ну и идемъ мы, какъ молвлено. На встрѣчу намъ—Богъ его вѣдаетъ какой!... Чтобъ ему на томъ свѣту̀ капли росы нѐ видать!—Такой пучеглазой, да неотвязчивой: увязался за нами съ Наташенькой, словно-те песъ повадливой.... Мы отъ него сторонимъ, а онъ за нами, будто листъ банный, прости Господи!... Наташенька была у меня совсѣмъ не пужливая, не сторо̀жкая, да и она испужалася: «Што̀, баитъ, тятя, по̀-што онъ по нашему слѣду правитъ?»—Молчи, говорю, нишнѝ—авось отстанетъ. А онъ—куды-те!... только шибче за нами по̀слѣдомъ бѣжитъ, въ очи безъ всякаго сорому заглядываетъ. Што̀ за нечистая сила!—молвилъ я. Того и гляди, еще на мою дѣвоньку *дзевъ* напуститъ: долго ли до грѣха, спаси Господи!... Наташенька моя только очи прячетъ, да за меня хоронится.— И вскипѣла у меня кровь, батюшка-баринъ,—ключемъ вскипѣла! Извѣстно, за свое дѣтище стою: медвѣдь, хоша и звѣрь, а своихъ щенятъ въ обиду не даетъ. Остановился я и волкомъ на него глянулъ: Што, молъ, вашей милости угодно?... мы, молъ, тебя не замаёмъ, своимъ путемъ-доро̀гой идемъ. Стыдно, молъ, худое дѣло затѣялъ: извѣстно, кто по пятамъ ходитъ. Молодца моего бросило въ краску, а слово молвить — будто каши поснѣдалъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла!—Кажись, молъ, ничаво твоего, батюшка, не заворовали.... по̀-што за нами слѣдомъ норовишь? Воль въ кузовокъ заглянуть—ничаво чужаго нѣтути. — «Я не за тѣмъ» — молвилъ онъ; — вѣрю твоей честности.... ты вотъ мнѣ скажи: рыбакъ ты?...» — Точно такъ, молъ: что̀ волишь? Што твоей милости угодно?— «Гдѣ тебя тамъ найдти: я приду къ тебѣ уху̀ ѣсть.» — Милости, молъ, просимъ: ради вашу милость угоститъ.... а теперича—прощай! нѣколи намъ: пора до дому. Только спрошай на *удёбкахъ*: тебѣ всякъ покажетъ рыбака Фоку.—«Ладно—

Digitized by Google

приду....» — молвилъ. А я ему: такъ для того за нами бѣжать изволилъ? Напрашно, молъ, надсажался, родной! — «Только за этимъ....» сказалъ онъ. Взглянулъ еще прытко въ самыя очи моей Наташѣ, что̀ ни жива, ни мертва, — да и былъ таковъ!... Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки, сычъ пучеглазистой!

« Ну и побрели мы одни, на дорогѣ еще побаяли про такую оказію—да и скоро забыли.... Я-то, вишь, забылъ, а Наташенька—не вѣдаю: ея дѣло дѣвичье, неразумное, — поди еще по ночамъ ей мерещился!... А онъ-то хоть пучеглазый, а съ обличья—словно те дѣвка красная, *сталивой* такой, здоровенный, хоша бы въ некруты!... Поди-вѣдь у нея-то сердчишко ёкнуло, дома не сказалося, какъ на ёго глянула!... Оно и вышло такъ—что̀ станешь дѣлать?—загорѣлася знать моя дѣвка съ наи-перваго разу.... Да я-то, песъ старой, повадливой, въ та-поры умишкомъ не смѣкнулъ,—смѣкнулъ, правда, опосля — да малину прозѣвалъ! локтю укусить было нѣчѣмъ.... Эхъ-ма! тошно, батюшка-баринъ: ишь, отъ чаво-то умишко послѣ дѣла поспѣваетъ. Кабы теперь, — што! и баять нечего: не видать бы ёму, коршуну лютому, моей голубки сизокрыленькой.... Легше, кажись, закопалъ бы ее въ сыру-землю, чѣмъ теперича: што̀ она?—не человѣкъ промежъ людьми болтается, словно плотица безъ воды мàется....

« Прошло эдакъ съ добрыхъ недѣлю. Сидимъ мы съ Нагашей по́-вечеру у котелка: поснѣдать собралися, прежде чѣмъ ей-ту на сонъ йдти, а мнѣ—къ удамъ: хороши по-вечеру клёвы живутъ. Солнышко садилося; вечеръ былъ важный такой, и рыбѣ надо бы *ходко идти*. Ну и сидимъ мы-то: ложкѣ, чай, по первой не успѣли во рту помарать, — глядь.... отколѣ ни возьмись, позапрошлой. Меня инда морозомъ по спинѣ дернуло (знать чуяло сердчишко); а Наташа—гдѣ-петь!... какъ держала у рта ложку, такъ и не смигнётъ, словно-те *бахмурь* какой нашолъ.—«Хлѣбъ-соль—молвилъ,—добрые люди!» —Хлѣба-соли кушать, молъ, батюшка,—будто путному, молвилъ

Digitized by Google

и я въ та-поры.... Да кто его зналъ; въ душу людскую не влѣзешь вѣдь!—«Пустите, баитъ, меня съ вами ухи похлѣбать: голодъ уморилъ, а я за все-про все заплачу.» — Ужъ и стать ли, говорю вамъ, съ нами изъ одного корыта снѣдать.... Буде вашей милости въ угоду — мы тебѣ другую ушицу доспѣемъ, ужъ такую, что̀ въ ротъ, то спасибо! — Рыбки не занимать-стать—и седни Богъ не обидѣлъ. Волишь: *утренничка* сварганю—стерлядокъ тамъ, али *малимовъ* (налимовъ), аль иной-протчей: всякой вволюшку.—«Ладно, говоритъ, старикъ, сваргань, а тебѣ обиды не будетъ.» — Какая, молъ, обида! обидишь меня—тебя Господь обидитъ....- «Но пережъ дай, баитъ, вашей проотвѣдать: умаялся добре!...» Силкомъ, почитай, отнялъ ложку у Наташи моей,—ну, и швыркнулъ разъ-другой.... Что̀ ему загорѣлося больно—Богъ его вѣдаетъ! аль и вправду петитъ пронялъ.

«И сварганила ему Наташенька ушицу,—ѣстъ не нахвалится! да ѣмши, то и дѣло на мою Наташу поглядываетъ, а мнѣ и не въ-домёкъ.... тутъ-то бы ему и захлебнуться, злодѣю треклятому! Не нужны мнѣ и его денежки: сокомъ вышли, кровавыми слезами выкапали!... А Наташа сама не своя,—погляжу: рада-радёшенька, хоть и не вѣдаетъ, куды схорониться отъ очей змѣиныхъ ворога лютаго. И онъ-то: баитъ, баитъ—заслушаешься: —отъ божества тамъ, и разное, и хисторіи, и хитрости невѣдомыя! инаго отродясь не слыхивалъ,—а все будто хорошо оно и ладно.... извѣстно, вамъ, осподамъ, Господь науку препоручилъ!—Сидѣлъ эдакъ допозда,—за уху рубль-цѣлковый отвалилъ!... этого, молъ, много, батюшка, — лишнее грѣхъ брать: коли семигривенной пожалуешь, и на томъ спасибо!—«Возьми, говоритъ, не спорь: послѣ заѣмъ—часто буду приходить: только рыбы припасай....» И впрямь оно вышло: зачастилъ—кажинный день почитай нашинской ухи хлябаетъ. Вотъ она дурость-то наша мужицкая!... и выпало: козла на огородъ пущалъ!

«Тянулося такимъ побытомъ времячко: похаживалъ онъ частехонько: наша хлѣбъ-соль ему полюбилася!... Извѣстно, не

Digitized by Google

городъ какой наше житье-бытье: нѣкому пальцомъ указать, да на слѣдъ навести неразумную головёнку. А мнѣ—поди ты!... и любо въ та-поры, что лишняя копейка въ мошну переваливается,—кладу, да приговариваю: тебѣ же, молъ, ясочка моя, Наташенька, на шильцо, на мыльцо.... вотъ-те и шильцо и мыльцо: копилъ, копилъ, да чорта и купилъ!—И по-дѣломъ мнѣ, старому мерину: не смогъ пашни пахать—назёмъ при!... Придетъ, бывало, шильникъ окаянный, словно путный — напрется ухи, да еще изъ карману хабаришки выложитъ.—«На, говоритъ, Наташа: на свадьбу пригодится!... у меня добра много, да дарить нѣкому.» Платковъ тамъ, обутокъ и разнаго надарилъ съ три короба. А я-то, чухна моргослѣпая, нѣтъ, чтобы отговорить—радъ радёшенекъ, что у моей Наташи коробейку распираетъ отъ животовъ разныхъ. Думаю только: знать, у него шальная денежка—такъ же вѣтромъ развѣетъ: пусть лучше моей Наташенькѣ достаются.... ужь, извѣстно, дурость наша мужицкая! и въ башку въ та-поры не влѣзло: за какую бяду онъ хабары носитъ? и штò ему уха полюбилася?... Охо-хо!

«Сначалу, оно еще и ничаво бы — посидитъ, побаитъ, да и утечетъ; а опосля привязался: доспѣй ему тутось шалашикъ—ишь ты, воздухи здѣся хороши, спится ловко.... Какое тутъ ловко! Извѣстно, затѣи: то ли спанье въ хоромахъ, да на важной перинѣ! а здѣся—мошкара да комаръ одолитъ. Всѣ притчины представлялъ:—нѣтъ, хочу, да и полно! такъ ужь ему загорѣлося—вынь, да положь!... Ну, и доспѣлъ я ему шалашикъ, по близости—опаски ради: спи, почивай, Богъ съ тобой, коли пришлось по нраву.... Эхъ-ма! не шалашикъ, вышло, построилъ я ему, а себѣ домовище; — ужь такъ!—Ну, извѣстно, наработаючись, да намаючись, шибко спится: по лбу обухомъ хвати—не учуешь! И проспалъ я, лиходѣй старый.... эхъ! да што и баить—грѣхъ-соромъ на свое рожденье класть! а надо молвить правду-матку. Вишь ты.... слюбилися они.... да, поди-ты! слюбилися!... Господи помилуй!... А, вѣдаю, дашь ты, ворогъ, отвѣтъ за мое дѣтище рòдное—не токмà за её, да и за мою-ту погибель!

Digitized by Google

«Поздненько я спохватился — и пособить было нечѣмъ.... И статъ ли соломѣ подлѣ огню лежати: молодое дѣло — извѣстно.... А самъ-то я, злодѣй, словно и молодъ не бывалъ—ничаво такого инаго-прочаго не смѣкалъ, — поди вотъ! Знать, просто бахмуръ наполъ—не инако. Все лѣто почитай ходилъ онъ, и съ мѣсяцъ доброй спалъ—проклажался въ шалашикѣ.... Видно, дѣловъ-ту у него что песку морскаго было: торчитъ, бывало, что сосулька вешняя! да нѣтъ-нѣтъ—въ слободу сбродитъ. Стало ужь и холодать—за Илью перешло. Знать и его въ шалашикѣ проимать учало.... Намъ штò—привышные люди! еще ради, что *муха* на убыль пошла. Ну, а ему не ловчитъ, —глядимъ: не кажную ночь въ шалашѣ провождаетъ,—денька тамъ два-три перепадетъ, а тамъ — и цѣлую недѣлю не дождешься. Чтò за притча?—гадаю себѣ. Да пусть его—хоша бы ввѣкъ не бывалъ! Не объ немъ зазноба.... Дѣвка у меня, погляжу, та да не та: словно те насѣдка крылья опустила;—не ладно! Нѣтъ-нѣтъ, да и молвитъ: «Тошно мнѣ, тятя!»—а сама въ слезы горючіи.—Што, молъ, съ тобой, голубка моя? али зà сердце хватаетъ?—Ты бы водицы съ уголька хлебнула.... Молчитъ да хнычетъ;—ахти, Создатель! не вѣдаю, въ кою сторону метнуться—отколева погода дуетъ. А придетъ онъ-то, ну и повеселѣе будто моя Наташа станетъ.... меня же, словно-те нечистый обошолъ:—ничаво въ та-поры не смѣкалъ, убей Богъ мою душу!—не солгу.—Долго какъ-то онъ запалъ однупору.... моя дѣвòнька взбелѣнилася: и рветъ, и мечетъ, и слезы проливаетъ!—Штò, молъ, ты? — «Да онъ-то нейдетъ, тятя!...» Ну, тутъ ужь я и сдогадался, на чемъ свѣтъ стоитъ.... да такъ и ошалѣлъ! гляжу будто и ничаво не вижу—свѣтъ въ въ глàзяхъ помутился. Очнувшись, да на нее и напустился: ты, молъ, эдакъ-то, ты, молъ, во-какъ! дѣвка ты поскудная, потаскушка поганая! не пожалѣла ты моей старости да нѣмочи: на то ли я тебя рòдилъ?... А она, бѣдняжка, только горючими обливается, что ручей текётъ. — «Убей, баитъ, тятя,—убей: виновата я!...» Побилъ я ее тутъ—шибко побилъ! да не пособишь—съ той же тугой остался. Только поплакàлъ горючьми, да помолился Господу, чтобы нà сердцо жалость наложилъ: и

Digitized by Google

подлинно—напала на меня жалость такая, что и сказать нельзя.... Ну дѣтище вѣдь рòдное! а то, право-слово, убилъ бы, знать, батюшка Микола спасъ. Штò ты станешь робить? горюй, не горюй—бѣда на дворѣ—слезьми не пособишь. И съ тугой великою на сердчишкѣ, нога-за ногу, а поплелся, роднаго дѣтища жалѣючи, на слободу: его-то пагубника поискать, къ дѣвонькѣ моей привести.... руки, баитъ, на себя наложу, душу погублю, коли его не увижу!... Охо-хо-хо! было времячко! о сю пору пньемъ по хребту подираетъ.

«Пришолъ, словно стѣнь какая, на слободу, — людей сторонюся: будто на лбу писано про мою печаль да грѣхъ соромный.... Я къ фатерѣ его,—заперто: стучуся—людей напужалъ! Нѣтъ, баютъ, такого,—былъ, да уѣхалъ на дняхъ. Ну ужъ штò тутъ со мной было—не помню: вѣдаешь, какъ быка по загривку обухомъ хватятъ! Ишь ты, молодецъ этотъ озорнòй на время тутъ пробывалъ: пришла пора, уѣхалъ—слѣдъ простылъ: лови журавля въ небѣ!... А всего пуще—боялся я на глаза моей дѣвонькѣ съ эдакой вѣсточкой показаться: загубитъ, молъ, себя какъ разъ; тó и приключилося.... Ахъ-ти-хти! Воротимшись.... тошно баить, баринъ!... Ну, а свѣдала — изъ воды вытащилъ: топиться хотѣла! Много всего калякать—сердцо не воротитъ.... И съ той поры-времени, плохое стало житьишко мое, а объ ней —и рѣчи нѣтъ! Единымъ озорнымъ человѣкомъ—все прахомъ пошло; ему, поди, и горюшки мало! Эхъ! убивалася, убивалася моя голубонька: объ немъ ни слуху, ни пàвести—словно въ воду канулъ: туды бы и дорога! А тутотка еще приспѣло время—«понесла....» Вотъ, какого сорому, на старости, нажилъ я на свою головёнку!—Однихъ слезъ—Богу вѣдомо, сколь пролила жалкая: глазоньки не осушалися. Разъ пришолъ я — она сидитъ, словно стуканъ какой—бѣльмами ворочаетъ....—«Тятя! тятя!...» только бормочетъ, будто робенокъ малой.—«Ваня! Ваня!...»—такъ, знаешь, того звали,—и больше ни единаго словечушка. Жутко стало мнѣ,—вижу: *въ разумъ помутилася!*... Не повѣришь, на первыхъ порахъ чуть самъ съ ума не спрыгнулъ!—Вотъ, годъ почитай, въ эвдакой оказіи: и ребенышъ

Digitized by Google

тутотка родился...: Даромъ, что не въ своемъ разумѣ, а его, малыша, не замай! любитъ, голубитъ, словно-те разумной человѣкъ.—Отвезъ ее, голубку, въ больницу—гдѣ ихъ тамъ пользируютъ: деньжонки, какія были, истрясъ.... не помогаетъ! Глядѣть тошно, сердцу больно: хоша бы Господь сжалился! не человѣкъ, вѣдь, хуже звѣря: отца роднаго не признаетъ!... Вотъ, съ той поры-времени, не ладно мнѣ, баринъ—не споритъ, на Божій свѣтъ не глядѣлъ бы.... рыбка плохо клюетъ.... Опоздалъ ты, вишь, родной: важной ухой почествовала бы тебя моя Наташенька!...»

1853.

Александръ Мартыновъ.

Digitized by Google

ДРЕВНІЯ АРАБСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

изъ книги: Hamasæ Carmina. Ed. Georg. Guil. Freytag Dr. Bonnæ. MDCCCXXVIII.

I. ИБНЪ-ГЕРИМЪ ИЗЪ КИЛЯВА.

Пускай отецъ суровый насъ съ нею разлучилъ,
Я вѣренъ ей останусь, какъ прежде вѣренъ былъ.
Пускай враги поносятъ, бранятъ мою Омму,—
Я брошу имъ презрѣнье, но бою не приму.
Ее душою страстной какъ прежде я люблю,
То пѣсни ей живыя, то быстрыхъ коней шлю;
А если кто оттуда пріѣдетъ, иль придетъ:
Скажи мнѣ, говорю я, какъ милая живетъ?
И если мнѣ разскажутъ хоть что-нибудь объ ней,—
Душа моя проснется, мнѣ станетъ веселѣй.
Когда же нѣтъ оттуда мнѣ вѣсти никакой,
Опять я умираю скорбящею душой,
Не вижу утѣшенья и радости нигдѣ,
И слезы будто жемчугъ бѣгутъ по бородѣ.....

II. НЕИЗВѢСТНЫЙ.

За пальмою скрытый, я видѣлъ ее,
И ею насытилось сердце мое!
Прекраснѣе зрѣлища я не видалъ:
Въ лицѣ ея мѣсяцъ румяный сіялъ!
Когда на нее устремилъ я глаза—
Изъ нихъ покатилась невольно слеза,
Катилась, доколь не изсякла совсѣмъ.....
Стоялъ я за пальмой, недвижимъ и нѣмъ.....

Digitized by Google

III. БЕКРЪ-БЕНЪ-ЭЛЬНАТТАХЪ О ВОЛОСАХЪ СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ.

Какъ привстанетъ красавица съ мѣста порой,
Точно темную ткань повлечетъ за собой;
Я гляжу на красавицу: право, точь-въ-точь,
На челѣ ея день, за челомъ ея ночь.

IV. АБДАЛЛАХЪ-БЕНЪ-ЭЛЬДУМЕЙНА ИЗЪ ХАТАМА.

Встрѣча съ красавицей, которую несли на носилкахъ подъ охраненіемъ ея мужа.

Мы подъѣхали къ носилкамъ; кто-то подлѣ сухощавый
Шагомъ ѣхалъ; изподлобья взоръ выглядывалъ лукавый;
Станъ и плечи сквозь рубашку обрисовывались рѣзко.
Я взглянулъ: знакомы были мнѣ бурнусъ его и феска.
Онъ кивнулъ мнѣ принужденно и какъ смерть суровымъ взглядомъ
Посмотрѣлъ.... потомъ поѣхалъ; долго ѣхали мы рядомъ;
Но дорогой ни пол-слова не промолвили мы оба.
Было весело мнѣ видѣть, какъ его душила злоба;
И не будь Аллаха воля—слѣдъ во слѣдъ за Бедуиномъ
Цѣлый вѣкъ я все бы ѣхалъ по горамъ и по равнинамъ!
Тутъ она рукою нѣжной осторожно оттолкнула
Покрывало у носилокъ—и очами въ насъ стрѣльнула!
Взглядъ ея разилъ вѣрнѣе острой сабли и кинжала!...
Въ насъ она стрѣльнула взглядомъ—и опять за покрывало....

Н. ВЕРГЪ.

Digitized by Google

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

(Изъ Шиллера).

Вотъ опять весною вѣетъ!
Обновился ликъ земной!
Холмъ подъ солнцемъ зеленѣетъ,
Льды разрушены волной;
Въ лонѣ водъ съ высотъ эфира
Улыбается Зевесъ;
Крылья нѣжнаго Зефира
Чуть колеблютъ юный лѣсъ;
Въ рощахъ хоры пробудились;
Ореада мнѣ поетъ:
Всѣ цвѣты къ намъ возвратились;
Дочь твоя ужъ не придетъ!

* * *

Ахъ! я долго дочь искала,
Обѣжала много странъ;
Вслѣдъ за нею посылала
Всѣ лучи твои, Титанъ!
День приходитъ, день уходитъ,—
Нѣтъ ни слѣда милыхъ ногъ!
Онъ, который все находитъ,
Лишь ея найдти не могъ!
Ужь не ты ль, властитель неба,
Скрылъ ее, плѣнясь красой?
Иль въ подземный мракъ Эреба
Взялъ Плутонъ ее съ собой?

* * *

Кто же къ ней мой стонъ призывный
Отнесетъ за Ахеронъ?
Челнъ отходитъ непрерывно,—
Но лишь тѣни носитъ онъ.
Міръ подземный, мрака полный,
Вѣкъ сокрытъ очамъ земныхъ;

Digitized by Google

Стиксъ, пока струитъ онъ волны,
Не носилъ еще живыхъ.
Много есть туда тропинокъ,
Но оттуда — ни одной....
Тамъ и токъ ея слезинокъ
Скрытъ для матери родной!

* * *

Жены — Пирры поколѣнье!
Вамъ отраденъ смерти часъ:
Огнь священный погребенья
Возвращаетъ къ дѣтямъ васъ.
Лишь для насъ, боговъ блаженныхъ,
Недоступна та рѣка;
Не коснется насъ, нетлѣнныхъ,
Паркъ суровая рука!
Парки! бросьте отъ святыни
Горнихъ странъ меня въ Аидъ!
Не щадите правъ богини:
Мать ихъ бремя тяготитъ!

* * *

Я тогда бы легкой тѣнью
Полетѣла въ тѣ края,
Гдѣ одна, безъ утѣшенья,
Съ мрачнымъ мужемъ дочь моя,
Истомленная тоскою,
Тщетно ищетъ свѣта дня,
Ищетъ мать, — и предъ собою
Вдругъ увидѣла бъ меня!
Снова ласки и лобзанья,
И свиданія восторгъ....
О, тогда бъ отъ состраданья
Прослезился самый Оркъ!

* * *

Тщетный зовъ! мечта пустая!
Все летитъ путемъ своимъ
Колесница дня златая;
Зевса судъ неотразимъ!
Онъ, счастливый, отвращаетъ
Взоръ отъ мрака къ небесамъ.

Digitized by Google

Что̀ однажды похищаетъ
Ночь, то вѣкъ пребудетъ тамъ.
Развѣ только Стикса воды
Лучъ Авроры озаритъ,
Иль Ирида Орка своды
Яркой радугой пронзитъ.

* * *

Не остался ль мнѣ примѣтный,
Сладкопамятный залогъ,
Что любви цвѣтокъ завѣтный
И въ разлукѣ не поблекъ?
Нѣтъ ли сладостныхъ сношеній
Между дочерью и мной?
Нѣтъ ли тайныхъ утѣшеній
У отшедшей и живой?
Нѣтъ! не все еще пропало,
Хоть и скрытъ ея мнѣ ликъ:
Небо вѣчное послало
Намъ таинственный языкъ.

* * *

Лишь умрутъ питомцы мая,
Лишь Борей, дыханьемъ устъ
И листы и цвѣтъ срывая,
Обнажитъ печальный кустъ:
Дастъ мнѣ сѣмя жизни новой
Рогъ Вертумна золотой,
Я же сѣмя это снова
Стиксу жертвою святой
Опущу въ земное лоно,
Къ сердцу дочери моей;
Это въ область Ахерона
Мой сердечный голосъ къ ней.

* * *

Но лишь только съ пляской Оры
Вновь весну къ намъ возвратятъ:
Солнца пламенные взоры
Снова мертвыхъ оживятъ.
Сѣмя, скрытое могилой,
Недоступно для очей,

Digitized by Google

Выйдетъ бодро, съ новой силой,
Въ царство свѣта и лучей.
Корень ищетъ тмы Эреба,
Стебель рвется къ небесамъ:
Имъ отъ Стикса и отъ Феба
Дань заботы пополамъ.

* * *

Вполовину за могилой,
Вполовину межъ живыхъ:
Ахъ! то вѣстники отъ милой....
Мнѣ отраденъ голосъ ихъ!
Пусть родную Орка своды
Скрыли въ страшной глубинѣ, —
Слышу въ первенцахъ природы
Нѣжный зонъ ея ко мнѣ.
Онъ мнѣ радостно вѣщаетъ,
Что и тамъ, въ странѣ тѣней,
Все любовію пылаетъ
Сердце дочери моей.

* * *

Васъ привѣтствую душою,
Чада юныя луговъ!
Да кропитъ на васъ росою
Нектаръ сладостный боговъ!
Краски радуги пролью я
Вамъ на нѣжные листы,
И съ Авророй ихъ сравню я
Въ полномъ цвѣтѣ красоты.
Пусть вѣщаетъ блескъ весенній
Всѣмъ восторгъ сердечный мой,
Пусть печальный мракъ осенній
Всѣхъ роднитъ съ моей тоской.

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

Digitized by Google

МЕЛОДІЯ.

Какіе-то носятся звуки,
И льнутъ къ моему изголовью,
Полны они гордой разлуки,
Дрожатъ небывалой любовью....

Вѣдь годы жъ прошли? И тогда-то
Душа не извѣдала страсти....
Что жъ сердце болѣзненно сжато
Вліяньемъ невѣдомой власти?

Казалось бы, что жъ? отзвучала
Послѣдняя нѣжная ласка,
По улицѣ пыль пробѣжала,
Почтовая скрылась коляска!

И только.... но пѣсня разлуки
Съ несбыточной шутитъ любовью,
И носятся свѣтлые звуки
И льнутъ къ моему изголовью....

А. ФЕТЪ.

ПИСЬМО.

Ужъ ночь—я къ ней пишу—окно отворено,
Шумъ городской затихъ—надъ лампой мошки вьются,
Встаю, гашу огонь, хожу, гляжу въ окно:
Какъ низко облака надъ кровлями несутся!
Отъ этихъ облаковъ не будетъ и слѣда
Въ часъ утра,—а моей любви живыя грёзы,
Задумчивой любви привѣтъ, слова и слёзы
Еще изъ-подъ пера не улетятъ.... о да!
Пусть буря въ эту ночь промчится, пусть потоки
Дождя всю ночь шумятъ и брызжутъ на гранитъ,—
Завѣтнаго письма ни буря не умчитъ,
Ни дождь не смоетъ эти строки!
А! вотъ и мѣсяцъ—вышелъ и глядитъ;
Скажи мнѣ что-нибудь, о мѣсяцъ блѣдноликой,
Ты чувствуешь иль нѣтъ—я говорю съ тобой:
Тамъ, далеко, въ губерніи степной,

Digitized by Google

Среди безбрежія пустыни полудикой,
Скажи мнѣ, какъ она свои проводитъ дни,
И что́ друзья мои? пропустятъ ли они
Не распечатаннымъ мое письмо къ ней въ руки?
Не осмѣютъ ли каждую строку,
Гдѣ такъ невольно я высказывалъ тоску
Души, подавленной насиліемъ разлуки?
Она сама что́ скажетъ? изорветъ
Мое письмо при всѣхъ съ притворною досадой?
Или, измявъ его, потомъ тайкомъ прочтетъ
И вспомнитъ обо мнѣ съ мучительной отрадой?
О мѣсяцъ! холодно ты смотришь съ высока—
Бѣдняжка! жаль тебя: несчетные вѣка
Свидѣтель столькихъ тайнъ и мукъ и сладострастья,
Ты въ небѣ осужденъ—сіять издалека,
Всё видѣть и ни въ чёмъ не принимать участья!

Я. ПОЛОНСКІЙ.

I. I. I.

Она не привлечетъ въ магическій свой кругъ
Коварной прелестью разсчитаннаго взора,
И можетъ быть въ толпѣ найдешь ее не скоро
И не замѣтишь вдругъ.

При встрѣчѣ никого она не поразитъ,
Но если, встрѣтившись, въ нее вглядишься близко,
И въ эти локоны, подстриженные низко,
И въ нѣжный цвѣтъ ланитъ,

И въ этотъ мягкій взоръ, понятный не для всѣхъ,
И въ этотъ станъ ея изнѣженный и тонкій,
И вслушаешься въ смѣхъ пронзительный и звонкій,
Въ наивно-дѣтскій смѣхъ,—

Тогда — тогда найдешь съ мучительной тоской
Все въ этомъ голосѣ, во взорѣ и движеньяхъ,
Что́ грезилось неразъ въ тревожныхъ сновидѣньяхъ
Душѣ твоей больной.

Н. ВЕРГЪ.

Digitized by Google

I. СИЛЬФИДА.

(Изъ Беранже.)

Пускай слѣпой и равнодушный
Разсудокъ мой не признаетъ,
Что въ высяхъ области воздушной
Кружится сильфовъ хороводъ....
Его тяжелую эгиду
Отбросилъ я, — увидя разъ
Очами смертными сильфиду;
И вѣрю, сильфы! вѣрю въ васъ!

Да, вы родитесь въ почкѣ розы,
О дѣти влаги заревой,
И ваши я метаморфозы
Видалъ нерѣдко предъ собой.
Я по земной сильфидѣ милой
Узналъ, что дѣйствовать на насъ
Дано вамъ благодатной силой —
И вѣрю, сильфы! — вѣрю въ васъ!

Ее призналъ я въ вихрѣ бала,
Когда, воздушнѣе мечты,
Она безпечная порхала,
Роняя ленты и цвѣты.
И вился ль локонъ самовластный,
Въ корсетѣ ль ленточка рвалась —
Все былъ свѣтлѣй мой сильфъ прекрасный:
О сильфы, сильфы! вѣрю въ васъ!

Ее тревожить рано стали
Соблазны сладостнаго сна....
Ребенокъ-баловень — она,
Но вы ее избаловали.
Огонь виднѣлся мнѣ не разъ
Подъ дѣтской шалостью и лѣнью....
Храните жъ вы ее подъ сѣнью....
Малютки-сильфы, вѣрю въ васъ!

Бывало, умъ живой струею
Прольется въ дѣтской болтовнѣ.
Какъ сны, онъ ясенъ, что̀ весною
Вы навѣвали часто мнѣ...

Digitized by Google

Летать съ ней — тщетныя усилья:
Она всегда обгонитъ насъ....
У ней сильфиды легкой крылья!
Малютки — сильфы, вѣрю въ васъ!

Ужель предъ изумленнымъ взоромъ,
Свѣтла, воздушна и легка,
Какъ чудный гость издалека,
Она мелькнула метеоромъ,
Въ отчизну сильфовъ унеслась
Царить надъ легкою толпою,
И насъ не посѣтитъ порою?
О сильфы, сильфы! вѣрю въ васъ!

II. [illegible]

(Съ Польскаго.)

Я ее не люблю, не люблю....
Я клянусь въ томъ.....
Но за чѣмъ же съ тревожнымъ волненьемъ
На нее я смотрю, ея рѣчи ловлю?...

* * *

Что́ мнѣ въ тѣхъ простодушныхъ рѣчахъ,
Что́ мнѣ въ прелести гибкой движеній,
И въ воздушной прозрачности тѣни,
И въ опущенныхъ вѣчно-стыдливо очахъ?

* * *

Отъ чего же — и самъ не пойму,
Мнѣ при ней какъ-то сладко и больно,
Отъ чего трепещу я невольно,
Если руку ея на прощанье пожму?

* * *

Я ее не люблю, не люблю....
Но порою пылая, тоскуя,
Неотвязныя грезы гоню я,
И покоя, покоя у неба молю!

* * *

Я ее не люблю.... но дрожу
Я за призракъ воздушной и гибкой,
И за каждою дѣтской улыбкой
Съ подозрительно-грустной боязнью слѣжу.

* * *

Digitized by Google

Все боюсь я, она улетитъ
Въ край воздушный воздушная гостья.—
Оттого-то и чувствую злость я
На болѣзненно-тонкій румянецъ ланитъ.

* * *

Оттого-то я жадно ловлю,
Простодушныя, дѣтскія рѣчи—
И боюся и жду съ нею встрѣчи....
Но ее не люблю я, клянусь, не люблю....

III. ИЗЪ В. ГЮГО.

О кто бы ни былъ ты—богачъ или поэтъ,
Мечтатель-юноша иль мужъ въ борьбѣ созрѣлый,
Но, если ты порой ненастный вечеръ цѣлый
Вкругъ дома не бродилъ, чтобы хоть легкій слѣдъ
Поймать воздушнаго видѣнья, хоть украдкой
Плѣнительныхъ шаговъ услышать шелестъ сладкій,
Но если ты не ждалъ съ тревожной лихорадкой,
Что—вотъ освѣтится парадный входъ, что вотъ
Воздушнымъ призракомъ во тьмѣ она мелькнетъ,
Какъ метеоръ, въ ночи сверкнувшій, исчезая,
Но въ сердцѣ у тебя слѣдъ яркій выжигая;

Но если знаешь ты по слуху одному,
Иль по однимъ мечтамъ поэтовъ вдохновенныхъ
Блаженство, странное для всѣхъ непосвященныхъ
И непонятное холодному уму,
Блаженство мучиться неутолимой жаждой,
Горѣть на медленномъ, томительномъ огнѣ,
Очей любимыхъ взглядъ ловить случайный каждый,
Блаженство ночь не спать, а днемъ бродить во снѣ;

Но если никогда, печальный и усталый,
Ты ночь, подъ окнами сіявшей ярко залы
Невѣдомыхъ тебѣ палатъ, не проводилъ,
Покамѣстъ музыка въ палатахъ не стихала
И освѣщенная темнѣть не стала зала,
Пока разъѣзда часъ еще не наступилъ....
Дыханье затаивъ и прячася за двери,
Не выжидалъ потомъ, какъ маленькая пери,

Digitized by Google

При свѣтѣ фонарей, появится во мглѣ
Вся—розово-свѣтла, воздушный призракъ гибкой,
Съ усталостью въ очахъ, съ ребяческой улыбкой,
Съ цвѣтами смятыми на дѣвственномъ челѣ;

Но если никогда ты не извѣдалъ муки
Безумной ревности, когда ее другой
Свободно увлекалъ въ вальсъ бѣшено-живой,
И стана гибкаго его касались руки,
И мчалъ неистово ихъ вихорь круговой;
А ты стоялъ вдали—ревнующій, несчастный,
Кляня веселый балъ и танецъ сладострастный;

Но, если никогда, въ часы, когда заснетъ
Съ дворцами, башнями, стѣнами вѣковыми
И колокольнями стрѣльчатыми своими
Громадный городъ весь, почія отъ заботъ,
Одѣтый пологомъ осенней ночи темной,
И тихо все кругомъ, и съ башни лишь огромной,
Покрытой ржавчиной и сѣдиной вѣковъ,
Удары мѣрные срываются часовъ,
Какъ-будто птицы съ крышъ неровными стаями,
Иль отдаленный гулъ раздастся временами....
Въ часы, когда на все наляжетъ тишина,
Въ часы, когда дитя безпечное,—она
Заснетъ и на ея ланитахъ вспыхнутъ розы,
Ты, весь измученный томленьемъ страстной грезы,
Въ подушку отъ стыда скрываясь, не рыдалъ
И съ воплями сто разъ ее не призывалъ,
Не ждалъ, что явится она на зовъ мученья,
Не звалъ на помощь смерть, не проклиналъ рожденья....

Но если никогда не чувствовалъ, что взглядъ,
Взглядъ женщины, какъ свѣтъ таинственный сіяя,
Жизнь озарилъ тебѣ, открылъ блаженство рая,
Не чувствовалъ порой, что за нее ты радъ,
За эту дѣвочку, готовую смѣяться
При видѣ жгучихъ слезъ и мукъ твоихъ нѣмыхъ,
Колесованія мученьямъ подвергаться....
Ты не любилъ еще, ты страсти не постигъ!

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

1853.

№ 14. Іюль. Кн. 2.

АДЪ.

ПѢСНЬ X.

Содержаніе. Поэты идутъ между стѣнами города и могилами. Послѣднія открыты, но въ день страшнаго суда закроются; въ нихъ погребены Эпикуръ и его послѣдователи, полагавшіе, что душа умретъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Изъ глубины одной изъ нихъ раздается голосъ, взывающій къ Данту, и вслѣдъ за тѣмъ поднимается до пояса тѣнь Фаринаты, предводителя Гибеллиновъ. Онъ спрашиваетъ Данта о его предкахъ и, узнавъ, что они были заклятые враги его Гвельфы, говоритъ съ негодованіемъ, что онъ два раза изгналъ ихъ изъ Флоренціи. На это Данте отвѣчаетъ, что его предки каждый разъ возвращались изъ изгнанія, чего не удавалось партіи Фаринаты. Пока говорятъ они, изъ могилы, не далеко отъ Фаринатовой, поднимается другая тѣнь: это Гвельфъ Кавальканте Кавальканти. Онъ спрашиваетъ, почему Гвидо, сынъ его и другъ Данта, не пришелъ вмѣстѣ съ нимъ, и, заключивъ ошибочно, что сынъ его умеръ, опрокидывается въ могилу. Между тѣмъ Фарината, не обращая вниманія на упавшаго, продолжаетъ прерванный разговоръ, предсказываетъ Данту изгнаніе и, узнавъ о причинѣ преслѣдованій, направленныхъ Флорентинцами противъ Гибеллиновъ, съ гордостію вспоминаетъ, что онъ одинъ спасъ родной городъ отъ разрушенія; наконецъ, разрѣшивъ Данту нѣкоторое сомнѣніе на счетъ способности грѣшниковъ видѣть будущее и указавъ изъ числа тѣней, вмѣстѣ съ нимъ наказуемыхъ, на императора Фридерика II и кардинала Убальдини, исчезаетъ въ могилѣ. Данте съ горестію возвращается къ Виргилію, который, утѣшая его, напоминаетъ ему Беатриче, отъ которой Данте долженъ узнать истинный путь къ божественной жизни. Поэты идутъ налѣво къ центру города, чтобы спуститься въ глубокую долину, со дна которой поднимаются зловонныя испаренія.

---

1. Вотъ узкою тропинкой, межъ стѣнами
Сей крѣпости и зрѣлищемъ скорбей,
Пошелъ мой вождь, а я за рамепами.

Digitized by Google

4. «О, высшій умъ, съ кѣмъ въ адской безднѣ сей
Вращаюсь я, твоей покорный волѣ, —
Наставь меня премудростью своей.

7. Могу ль узрѣть» спросилъ я: «въ этомъ полѣ
Томящихся въ могилахъ? крыши съ нихъ
Приподняты и стражи нѣтъ ужъ болѣ.»

10. А онъ въ отвѣтъ: «Запрутся всѣ въ тотъ мигъ,
Когда придутъ съ полей Іосафата
И принесутъ тѣла изъ нѣдръ земныхъ.

13. Тутъ погребенъ со школою разврата
Готъ Эпикуръ, который міръ училъ,
Что съ тѣломъ духъ погибнетъ безъ возврата.

16. Здѣсь твой вопросъ, что̀ мнѣ ты предложилъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ и тайное хотѣнье
Сейчасъ найдутъ отвѣтъ внутри могилъ.

19. Но я: «Мой вождь, души моей мышленье
Я утаилъ для краткости въ рѣчахъ,
Къ чему ты самъ давалъ мнѣ наставленье.» —

10—12. Юдоль Іосафата, около Іерусалима, будетъ мѣстомъ страшнаго суда, согласно съ пророкомъ Іоилемъ (Гл. III, 7). Туда соберутся всѣ племена земныя, и оттуда души, вмѣстѣ съ тѣлами, возвратятся въ страну блаженства, или осужденія, и тогда только грѣшники вполнѣ возчувствуютъ весь ужасъ присужденныхъ имъ казней (Ад. VI, 94—96 и XIII, 103—108). По объясненію прежнихъ толкователей, могилы еретиковъ закроются послѣ страшнаго суда потому, что по воскрешеніи мертвыхъ ересь прекратится и, слѣдственно, не будетъ болѣе невѣрующихъ (см. Ад. IX, примѣч. 127).

13—15. По понятіямъ Данта, названіе еретика заслуживаютъ всѣ, коихъ религіозныя понятія уклоняются отъ ученія Христовой Церкви, хотя бы эти невѣрующіе и не принадлежали къ числу христіанъ и даже жили до Христа между язычниками. Потому въ число еретиковъ помѣщаетъ онъ и язычника Эпикура съ его школою, учившаго, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

16—18. Вопросъ Дантовъ состоялъ въ томъ, можно ли видѣть грѣшниковъ, заключенныхъ въ этихъ гробницахъ, при чемъ онъ не высказалъ Виргилію тайнаго своего желанія узнать объ участи своихъ согражданъ, Фаринаты и Кавальканте, которыхъ эпикурейскій образъ мыслей былъ ему хорошо извѣстенъ.

Digitized by Google

22. — «Тосканецъ, ты, что въ огненныхъ стѣнахъ
Живой ведешь бесѣду такъ прекрасно,
Благоволи помедлить въ сихъ мѣстахъ!

25. Звукъ словъ твоихъ мнѣ обнаружилъ ясно,
Что въ благородной ты странѣ возникъ,
Гдѣ, можетъ быть, клянутъ меня напрасно.» —

28. Внезапно здѣсь исторгся этотъ крикъ
Со дна могилъ и, ужасомъ объятый,
Я къ моему учителю приникъ.

31. «Что дѣлаешь?» сказалъ мнѣ мой вожатый:
«Оборотись: передъ тобой возсталъ
До пояса духъ гордый Фаринаты.»

---

21. Эти слова относятся или къ наставленію, сдѣланному Данту Виргиліемъ въ III пѣс. Ад., или къ сжатости Виргиліева стиля вообще, достигшей у нашего поэта высшей степени.

31—93. Здѣсь необходимо сдѣлать бѣглый обзоръ историческихъ событій, на которыя намекаетъ въ этихъ стихахъ Данте.

Страшныя партіи Гибеллиновъ и Гвельфовъ въ первой половинѣ XIII столѣтія стали извѣстными и во Флоренціи, откуда первые, находясь подъ особеннымъ покровительствомъ императора Фридерика II, изгнали послѣднихъ въ 1248 г. Но, по смерти Фридерика, народъ, выведенный изъ терпѣнія жестокимъ правленіемъ Гибеллиновъ, призвалъ снова Гвельфовъ въ Январѣ 1250, уничтожилъ прежній образъ правленія, въ замѣнъ которому установилъ новое, избравъ предводителя народа (capitano del popolo) и присоединивъ къ нему совѣтъ изъ двѣнадцати старшинъ; сверхъ того, были избраны 36 народныхъ вождей и установлены 20 знаменъ съ особымъ значками для того, чтобы народъ въ случаѣ нужды могъ сбираться вокругъ нихъ. Городъ былъ укрѣпленъ новыми стѣнами, построенъ мостъ чрезъ Арно при Санта Тринита, многіе города и крѣпости присоединены къ Флоренціи, имя которой сдѣлалось страшнымъ для всей Италіи, торговля ея процвѣла, искусства и ремесла усовершенствовались. Но это благосостояніе города было непродолжительно. Гибеллины, большая часть которыхъ удалилась въ Сіену, въ тайнѣ продолжали свои происки и, по смерти Фридерика II, обратились съ просьбою о помощи къ побочному его сыну, Манфреду, который въ то время, взойдя на сицилійскій престолъ своего отца, возсталъ противъ церкви. Манфредъ, доброхотствуя, подобно отцу своему, Гибеллинамъ, прислалъ имъ на помощь 800 нѣмецкихъ рыцарей подъ предводительствомъ какаго-то графа Іорданиса, съ которыми изгнанники, а также союзные Сіенцы, немедленно осадили находившійся въ союзѣ съ Флоренціею городъ Монтальчино. Нужно было, во чтобы то ни стало, вовлечь Флорентинцевъ въ сраженіе: съ этой цѣлію Фаринаты дельи Уберти, одинъ изъ знаменитыхъ

Digitized by Google
770953A

34. Къ его лицу я взоры приковалъ;
А онъ возсталъ, подпявъ чело и плечи,
Какъ будто адъ и муки презиралъ.

полководцевъ своего времени, удалившійся вмѣстѣ съ прочими въ Сіену, отправилъ двухъ монаховъ миноритовъ, Кальканьи и Спедито, во Флоренцію съ письмомъ отъ сіенскихъ начальниковъ, которые притворно увѣряли, что «Сіенцы, выведенные изъ терпѣнія тиранствомъ Гибеллиновъ, желаютъ покориться Флорентинцамъ и что съ радостію отворятъ имъ ворота Св. Вита, если они вышлютъ войско къ рѣкѣ Арбіи.» Хитрость удалась какъ нельзя лучше: не смотря на возраженія Теггьяіо Альдобранди (Ад. XVI). и Чеко Герардини, высокомѣрные Флорентинцы рѣшили начать войну. Немедленно собрано было значительное войско, къ которому присоединились союзники изъ Лукки, Пистойи, Пало, Санминіати, Санджиминьяно, Вольтерры и Колле ди Вальдельсы; съ торжественною пышностію оно направилось къ Арбіи, распустивъ красныя знамена и даже взявъ знаменитый вечевой колоколъ Martinella, который на этотъ разъ справедливо названъ былъ въ насмѣшку la campana degli asini. На пути присоединились къ нимъ отряды изъ Орвіето и Перуджіи, такъ, что войско, пришедъ къ р. Арбіи, состояло болѣе, чѣмъ изъ 3,000 рыцарей и 30,000 пѣхоты. Но едва только остановились они у холма Монтаперти при Арбіи (сраженіе, здѣсь происшедшее, упомнпается у Данта подъ тѣмъ и другимъ именемъ), какъ ворота Сіены растворились; но изъ нихъ, вмѣсто ожидаемой мирной депутаціи города, понесся къ нимъ на встрѣчу вооруженный отрядъ нѣмецкихъ рыцарей, который, сопровождаемый Сіенцами и Гибеллинами, врубился въ ряды Флорентинцевъ. Началась страшная битва, тѣмъ ужаснѣйшая для Гвельфовъ, что въ рядахъ ихъ находилось множество Гибеллиновъ, которые, сбросивъ теперь съ себя личину, передались на сторону враговъ. Одинъ изъ этихъ измѣнниковъ, Бокка дельи Аббати (Ад. XXXII, 76—123), обрубилъ руки флорентинскому знаменоносцу Іакопо дель Вакка де' Падзи: паденіе знамени было началомъ общаго разстройства флорентинскаго войска. Четыре тысячи пали на мѣстѣ; множество плѣнныхъ, оружіе, знамена и даже вечевой колоколъ Martinella достались въ руки побѣдителей; спасшіеся Гвельфы бѣжали въ Лукку. Это кровавое побоище происходило 4 Сент. 1260 г. Гибеллины съ торжествомъ вошли во Флоренцію и во имя Манфреда избрали графа Гвидо Новелло де' Конти Гвиди подестою города. Недовольные однакожъ этимъ они въ чрезвычайномъ собраніи въ Эмполи, подъ предсѣдательствомъ графа Іордануса, рѣшили срыть до основанія стѣны и башни Флоренціи какъ гнѣзда упорнаго Гвельфизма. Тогда-то Фаринната дельи Уберти, душа этой войны, одинъ возсталъ противъ общаго рѣшенія и твердымъ голосомъ объявилъ, что «онъ только затѣмъ обнажилъ мечъ, чтобъ снова быть гражданиномъ Флоренціи, и что одинъ готовъ защищать ее съ мечемъ въ рукѣ до послѣдней капли крови.» Такимъ образомъ Флоренція была спасена,—заслуга, которою Фаринната гордится и въ аду.—По смерти Манфреда, павшаго въ сраженіи при Беневенто противъ Карла Ан-

Digitized by Google

37. И межъ гробовъ къ герою страшной сѣчи
Меня толкнулъ поспѣшно мой пѣвецъ,
Сказавъ: «Твои да будутъ кратки рѣчи!»

40. Когда жъ у гроба сталъ я наконецъ,
Духъ, на меня взглянувъ, почти съ презрѣньемъ
Спросилъ: «Кто предки у тебя, пришлецъ?»

43. А я, предъ нимъ стоя съ благоговѣньемъ,
Не утаивъ, все высказалъ вполнѣ.
Тогда нахмурилъ брови онъ съ смущеньемъ

46. И рекъ: «Враги то злые были мнѣ
И партіи моей и нашимъ дѣдамъ:
За то я дважды ихъ громилъ въ войнѣ.»

жуйскаго (1265), Гибеллины вынуждены были сдѣлать нѣкоторыя уступки: они позволили избрать 30 вождей изъ народа, раздѣлили жителей на 12 вооруженныхъ цѣховъ, назначивъ имъ старшинъ, и наконецъ призвали Гвельфовъ. Вскорѣ послѣдніе взяли верхъ надъ Гибеллинами, а народъ вышелъ изъ повиновенія, что заставило графа Гвидо Новелло, намѣстника Манфредова и главу Гибеллиновъ, бѣжать съ своею партіей въ ближній г. Прато. Впрочемъ, на другой день, раскаявшись въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, онъ сдѣлалъ приступъ къ Флоренціи, но былъ отбитъ. Впослѣдствіи Гибеллины еще разъ были призваны назадъ; но въ 1267, когда Карлъ Анжуйскій отправилъ графа Монфора во Флоренцію, они были окончательно изгнаны въ первый день Пасхи. Въ числѣ изгнанныхъ находился Адзучіо Арригетти, предокъ Мирабо. Копишъ. Филалетесъ. Вегеле.

33. Фарината, побѣдитель при Арбіи (см выше). Современники считали его за величайшаго атеиста, утверждавшаго, что все въ этой жизни кончается со смертію, а потому думавшаго, что не должно отказывать себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ. По этой причинѣ Данте помѣстилъ его между эпикурейцами и даже искалъ его въ третьемъ кругу между обжорами (Ада VI, 79). Не будь онъ причастенъ этому грѣху, Данте едва ли помѣстилъ бы въ аду этого мужа, котораго онъ такъ высоко цѣнитъ за его любовь къ отечеству, великодушіе и въ особенности за спасеніе Флоренціи, того мужа, котораго флорентинскій историкъ Виллани не даромъ называетъ вторымъ Камилломъ.

42—51. Предки Данта были Гвельфы. Они были изгнаны два раза: въ 1248 г., за 12 лѣтъ до битвы при Арбіи, но черезъ два года возвратились снова, и во второй разъ, послѣ битвы при Арбіи въ 1260, послѣ чего, спустя семь лѣтъ въ 1267 г., Гвельфы опять взяли верхъ надъ Гибеллинами и выгнали ихъ изъ Флоренціи. Въ началѣ XIV вѣка Гибеллины окончательно были изгнаны и съ того времени навсегда находились въ изгнаніи, не смотря на всѣ свои попытки возвратиться.

Digitized by Google

49. — «Ты ихъ громилъ, но возвратились слѣдомъ
Они отвсюду,» я въ отвѣтъ сказалъ:
«Твоимъ же путь къ возврату былъ невѣдомъ!»

52. Тутъ близъ него изъ гроба приподнялъ
До подбородка ликъ другой безбожный:
Онъ на колѣняхъ, думаю, стоялъ.

55. Вокругъ меня водилъ онъ взоръ тревожный,
Какъ бы желая знать, кто былъ со мной;
Когда же лучъ угасъ надежды ложной,

58. Онъ, плача, вскрикнулъ: «Если въ міръ слѣпой
Проникнулъ ты таланта высотою,
То гдѣ же сынъ мой? что жъ онъ не съ тобой?»

61. И я ему: «Иду не самъ собою:
Тамъ ждетъ мой вождь, за кѣмъ иду вослѣдъ;
Его твой Гвидо презиралъ съ толпою.»

64. Казнь грѣшника и словъ его предметъ,
Кто былъ сей духъ, мнѣ объяснили вскорѣ,
И потому такъ прямъ былъ мой отвѣтъ.

67. Вдругъ выпрямясь, вскричалъ онъ въ страшномъ горѣ:
«Какъ? *презиралъ!* ужъ нѣтъ его въ живыхъ?
Ужъ сладкій свѣтъ въ его не блещетъ взорѣ?»

---

53. Это Кавальканте Кавальканти, знаменитый флорентинскій Гвельфъ, котораго, какъ и Фаринату, подозрѣвали современники въ атеизмѣ. Сынъ его, Гвидо Кавальканти, былъ философъ и замѣчательный поэтъ, искренній другъ Дантовъ. Подслушавъ разговоръ Фаринаты съ Дантомъ и узнавъ послѣдняго по звуку его голоса, Кавальканте заключаетъ, что если Данте могъ проникнуть въ адъ высотою своего таланта, то и Гвидо, какъ глубокомысленный философъ, долженъ находиться вмѣстѣ съ нимъ.

58—59. Кавальканте, какъ закоснѣлый атеистъ, приписываетъ странствованіе Данта въ аду не божественной помощи, но высокости его таланта (ingegno). Копишъ.

61—63. Данте отвѣчаетъ, что ведетъ его не высота таланта, а разумъ (Виргилій), не всегда руководящій людей даровитыхъ. Гвидо, болѣе философъ, чѣмъ поэтъ, писавшій въ легкомъ провансальскомъ родѣ, не имѣлъ такаго уваженія къ Виргилію, какое питалъ къ нему Данте, не изучалъ его твореній и, стало быть, не могъ создать ничего подобнаго Божественной Комедіи.

67—73. Слова: *онъ презиралъ*, заставляютъ Кавальканте думать, что сынъ его умеръ. «Кавальканте до сихъ поръ стоялъ на колѣняхъ; но при этихъ

Digitized by Google

70. Когда замѣтилъ онъ въ очахъ моихъ
Сомнѣніе, тревогу безпокойства,
Онъ навзничъ палъ и навсегда затихъ.

73. Межъ тѣмъ другой, мужъ силы и геройства,
Не двинувъ выи, не склоняя плечь,
Являлъ въ лицѣ души надменной свойства.

76. «Да!» продолжалъ онъ прерванную рѣчь:
«Мысль, что досель мое въ изгнаньѣ племя,
Крушитъ меня сильнѣй, чѣмъ эта печь.

79. Но ликъ жены, гнетущей злое сѣмя,
Въ пятидесятый разъ не проблеснетъ,
Какъ взвѣсишь самъ, сколь тяжко это бремя.

словахъ онъ вдругъ вскакиваетъ на ноги и, видя, что Данте медлитъ отвѣчать ему, опрокидывается въ могилу: не многими словами, но какъ прекрасно выражены любовь и горесть отца! Это изображеніе удрученнаго горемъ отца еще болѣе выигриваетъ въ эффектѣ отъ контраста, который представляетъ слабодушный, но глубоко-любящій Кавальканте съ мощнымъ, величаво-гордымъ образомъ Фаринаты.» Штрекфуссъ.

67. Мысль о смерти ближнихъ вдвое прискорбнѣе для людей, невѣрующихъ въ безсмертіе души. Копишъ.

79. Отрицатели вѣчной жизни тѣмъ сильнѣе сочувствуютъ жизни земной и событіямъ политическимъ. Копишъ.

79 — 81. *Ликъ жены, гнетущей злое сѣмя*, есть луна. Богиня, чтимая на Олимпѣ какъ Луна, на землѣ называется Діаною, а въ аду Прозерпиной, или Гекатою (Ада IX, 43). Смыслъ текста слѣдующій: не пройдетъ 50 мѣсяцевъ (4 года и 2 мѣсяца), какъ ты узнаешь, какъ тяжелы изгнаннику безполезныя попытки возвратиться въ свое отечество. Данте, вначалѣ Гвельфъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся Гибеллиномъ, былъ изгнанъ изъ Флоренціи вмѣстѣ съ множествомъ послѣднихъ въ Январѣ 1302; въ Мартѣ того же года приговоръ надъ нимъ подтвердили и еще съ большею силою произнесли его послѣ попытки Гибеллиновъ проложить себѣ путь во Флоренцію вооруженною рукою, — попытки, въ которой принималъ участіе и Данте. Но такъ какъ Данте предполагаетъ свое странствованіе въ замогильномъ мірѣ въ 1300, то выходитъ, что отъ этой эпохи до временъ его изгнанія протекло только два года и, стало быть, 50-мѣсячный срокъ, назначаемый Фаринатою, будетъ слишкомъ великъ. Надобно думать, что срокъ этотъ относится не къ первому его изгнанію въ 1302, а къ гораздо позднѣйшимъ попыткамъ его возвратиться во Флоренцію, когда онъ былъ членомъ совѣта двѣнадцати, управлявшаго въ Пистойѣ партіею Бѣлыхъ (Гибеллиновъ). Въ это время (1304) въ первый разъ блеснула Данту надежда къ возврату въ отечество: по просьбѣ Бѣлыхъ, папа Бенедиктъ XI отправилъ во Флоренцію кардинала Никколо да Прато въ качествѣ миротворца съ тѣмъ,

Digitized by Google

82. О, если міръ тебя прекрасный ждетъ.
Скажи: за что съ такою нелюбовью
Законами гнетете вы мой родъ?»

85. И я: «Тотъ бой, что залилъ нашей кровью
Всю Арбію, въ ней воды взволновавъ,
Подвигъ насъ въ храмѣ къ этому условью.»

88. Тутъ онъ вздохнулъ, главою покачавъ.
И молвилъ: «Я ль одинъ виновенъ въ этомъ?
И не имѣлъ ли я на это правъ?

91. Но тамъ, гдѣ общимъ рѣшено совѣтомъ
Развѣять въ прахъ Флоренцію, лишь я
Защитникомъ ей былъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. »

94. — «Да обрететъ же миръ твоя семья!
А ты» сказалъ я: «развяжи мнѣ сѣти,
Въ которыхъ мысль запуталась моя.

97. Коль понялъ я, мракъ будущихъ столѣтій
Со всѣми ихъ дѣлами вамъ открытъ;
Но въ настоящемъ вы сомнѣнья дѣти.»

100. А онъ: «Мы зримъ, какъ дальнозоркій зритъ,
Лишь только то, что вдалекѣ таится:
Еще насъ этимъ Высшій Вождь даритъ.

чтобы содѣйствовать возврату изгнанниковъ. Но эта надежда поэта исчезла съ внезапнымъ отбытіемъ кардинала изъ Флоренціи 5 Іюня 1304 г., т. е. спустя 4 года и 3 мѣсяца послѣ замогильнаго странствованія поэта.

83 — 84. Фамилія Уберти, къ которой принадлежалъ Фарината, всегда была исключаема изъ списковъ изгнанниковъ, получавшихъ право возврата во Флоренцію.

87. По словамъ Макіавелли, народныя собранія во Флоренціи до 1282 всегда происходили въ церквахъ.

91. Собраніе, на которое здѣсь намекается, было въ Эмполи (см. выше).

95 — 96. Данту кажется загадкою, почему тѣни грѣшниковъ могутъ узнавать будущее и ничего не знаютъ о настоящемъ, какъ Кавальканте, ст. 68.

100. — 105. Согласно съ богословскимъ ученіемъ Ѳомы аквинскаго, грѣшники могутъ познавать только общее, напр. будущее, но не знаютъ ничего отдѣльно-существующаго, чувственнаго. Напротивъ, блаженныя души все созерцаютъ и видятъ въ Богѣ.

Digitized by Google

103. Когда жъ событье близко, иль свершится,
Тогда намъ очи кроетъ темнота:
Міръ скрытъ для насъ, коль вѣсть къ намъ не домчится.

106. Но ты поймешь, что даръ сей какъ мечта
Разсѣется въ тотъ мигъ, когда судьбою
Затворятся грядущаго врата.» —

109. Тутъ я сознался проступокъ свой съ тоскою
И рекъ: «Скажи сосѣду своему,
Что сынъ его еще живетъ со мною.

112. Я лишь затѣмъ не отвѣчалъ ему,
Что было мнѣ въ то время непонятно
То, что теперь ты разрѣшилъ уму.»

115. Ужъ призывалъ меня мой вождь обратно
И потому я духа умолялъ
Сказать: кто съ нимъ погибъ здѣсь невозвратно.

118. «Лежу средь тысячъ,» онъ мнѣ отвѣчалъ:
«Тутъ Кардиналъ съ могучимъ Фридерикомъ;
Но о другихъ не спрашивай!»—Сказалъ

---

108. Т. е. въ день страшнаго суда, когда крыши закроютъ гробы еретиковъ (см 10 — 15 и прим.).

109—114. Данте сострадаетъ упавшему въ могилу Кавальканте, котораго онъ огорчилъ тѣмъ, что не объявилъ ему, что сынъ его живъ, ибо ошибочно думалъ, что души грѣшниковъ, зная будущее, должны знать и настоящее.

120. Фридерикъ II, императоръ германскій и король сицилійскій, сынъ Фридерика V и племянникъ Фридерика Барбароссы, помѣщенъ здѣсь не столько за борьбу его съ папами, сколько за его эпикурейскій образъ жизни, а въ особенности за то, что, по мнѣнію современниковъ, впрочемъ ошибочному, былъ сочинителемъ въ высшей степени еретической книги: «О трехъ обманщикахъ.» Филалетесъ.

Кардиналъ Оттавіано дельи Убальдини, обыкновенно называвшійся въ Италіи просто *Кардиналомъ*, человѣкъ необыкновенныхъ дарованій и твердаго, но жестокаго характера, рѣвностный Гибеллинъ и потому жестокій врагъ папъ и церкви. Онъ извѣстенъ былъ своимъ атеизмомъ и говаривалъ, что если и была у него когда нибудь душа, то онъ погубилъ ее для Гибеллиновъ. Братъ его Убальдино встрѣчается въ Чистилищѣ (XXIV, 29).

Digitized by Google

121. И скрылся.—Я жъ въ смущеніи великомъ,
Задумавшись отъ слышенныхъ угрозъ,
Шелъ къ древнему поэту съ грустнымъ ликомъ.

124. Подвигся онъ и, взыдя на утесъ,
Спросилъ: «Скажи: что такъ тебя смутило?»
И я ему отвѣтилъ на вопросъ.

127. «Запомни же, что сказано здѣсь было,
И все въ душѣ» онъ рекъ: «запечатлѣй!»
И, перстъ поднявши, продолжалъ уныло:

130. «Когда увидишь дивный блескъ лучей
Въ очахъ прекрасной, имъ же все открыто,
Тогда узнаешь путь грядущихъ дней.»

133. Я шелъ налѣво подъ его защитой
И мы отъ стѣнъ въ центръ города пошли
Тропинкою, въ долинѣ той прорытой,

136. Гдѣ адскій смрадъ всходилъ со дна земли.

130—132. Намекъ на Беатраче. «Виргилій, утѣшая Данта, противопоставляетъ божественную жизнь житейскому тревоженію и говоритъ, что отъ Беатриче, которая все созерцаетъ и зритъ въ Богѣ, узнаетъ онъ истинный путь къ этой жизни божественной; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ запомнить и предсказаніе Фаринаты.» Копишъ.

134—135. Они пересѣкаютъ кругъ и, направляясь къ центру бездны, приближаются къ тому мѣсту, гдѣ спускъ въ слѣдующій кругъ.

136. «Вся эта пѣснь отличается высокимъ драматическимъ эффектомъ, и разнообразіемъ превосходно-обрисованныхъ характеровъ. Какая противоположность между двумя отрицателями вѣчной жизни! Фаринаты, этотъ гордый побѣдитель при Арбіи, забывая о мукахъ и какъ будто презирая цѣлый адъ, озабоченъ только судьбою отечества и своей партіи; и рядомъ съ нимъ, менѣе великодушный Кавальканте, при одной мысли о смерти и (по его понятіямъ) уничтоженіи сына опрокидывающійся въ могилу въ отчаянномъ горѣ. А какъ удивительна при этомъ постановка обоихъ поэтовъ: Данта, еще очень воспріимчиваго къ земнымъ заботамъ, ищущаго вездѣ познанія и нерѣдко пожинающаго горе, вездѣ обнаруживающаго свойства чисто-человѣческія: слабость и величіе, гордость и страхъ, всего же болѣе жажду познанія, и мудраго его вождя Виргилія, который повсюду указываетъ стремленіе къ высшему, небесному, самъ же, какъ посланникъ высшей силы, какъ исполнитель воли божественной, вездѣ является безстрастнымъ, ни чему несочувствующимъ.» Рутъ.

Digitized by Google

АДЕЛИНА ПРОТА.

(Романъ г. Мюргера.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Пріемышъ.

Однажды утромъ, чеботарь, который имѣлъ право ловить рыбу у береговъ, прилежащихъ къ селенію, переѣзжалъ черезъ рѣку въ небольшой лодкѣ, чтобы осмотрѣть свои верши и нѣроты. Когда онъ доѣхалъ до одного мѣста, гдѣ былъ устроенъ висячій мостъ для пѣшеходовъ, ужасный крикъ надъ его головою заставилъ его посмотрѣть вверхъ. Кричали двѣ дамы, которыя стояли на мосту и показывали всѣ признаки невыразимаго ужаса. Вотъ что случилось. Дочь младшей изъ женщинъ, пяти-лѣтняя дѣвочка, упала въ воду. Желая посмотрѣть на что-то вдали, она оперлась на тонкую жердь, которая замѣняла перила; жердь, до половины надломленная, погнулась подъ этой легкой тяжестію, и дѣвочка исчезла, прежде нежели мать успѣла схватить ее. Рѣка Луанъ не очень глубока; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось это несчастное пройсшествіе, русло ея съуживается и быстрое теченіе дѣлается еще стремительнѣе. Ребенка отнесло уже болѣе 20 шаговъ въ сторону, прежде нежели чеботарь замѣтилъ его паденіе. Онъ знаками старался дать понять матери, что намѣренъ поспѣшить на помощь къ утопающей. Прота находился тогда на самой серединѣ рѣки; тамъ она, во всю свою ширину, проросла травою, высокою и до того густою, что пла-

Digitized by Google

ваніе на самой маленькой лодкѣ дѣлается возможнымъ только при помощи багра. Чеботарь разсудилъ, что гресть веслами будетъ неудобно, и что, прежде нежели онъ выберется изъ травы, дѣвочка десять разъ успѣетъ утонуть.

Къ величайшему безпокойству двухъ дамъ, которыя ровно ничего не понимали въ его движеніяхъ, вмѣсто того, чтобы плыть по теченію въ своей лодченкѣ, онъ причалилъ къ берегу и пустился бѣжать изъ всей мочи, лишь только успѣлъ прыгнуть на землю; въ нѣсколько секундъ онъ добѣжалъ до мѣста, противъ котораго несло тогда дѣвочку; бѣдняжку сначала поддерживало на водѣ платье, но она начинала уже тонуть.

Протà бросился въ воду; въ три размаха руками онъ очутился возлѣ дѣвочки, которая едва была видна. На противолежащемъ берегу его ожидали обѣ дамы, прибѣжавшія къ нимъ на встрѣчу. Сначала молодая мать словно обезумѣла отъ горести; теперь, видя дочь свою живою, она обезумѣла отъ радости. Чеботарь предложилъ имъ зайдти къ нему, чтобы подать первую помощь утопшей. Лишь только они пришли туда, Протà развелъ яркій огонь въ огромномъ каминѣ и предложилъ весь гардеробъ Аделины къ ихъ услугамъ. По истеченіи двухъ часовъ ребенокъ совершенно опомнился.

Бабушка ея вышла на минуту на улицу, разсказать собравшимся передъ домомъ крестьянамъ, что̀ такое случилось; тогда одинъ изъ нихъ грубо перебилъ похвалы, которыя она расточала спасителю своей внучки:—Вишь, счастливъ проклятый! Поди теперь, коли не дадутъ ему хорошей награды за то, что промочилъ себѣ ноги!—Да, прибавилъ другой, кабы это приключилось съ его дѣвчонкой, онъ еще подумалъ бы, прежде чѣмъ лѣзть въ воду.

Старая госпожа попала именно на тѣхъ крестьянъ, которые наиболѣе враждовали противъ отца Аделины; ихъ внушенія убѣдили ее, что этотъ самый человѣкъ, который спасъ ея внучку, былъ отецъ безчеловѣчный; она готова была раздѣлять предположенія окружающихъ, что этотъ подвигъ былъ внушенъ чеботарю не столько невольнымъ самоотверженіемъ, сколько обдуманнымъ разсчетомъ. Войдя въ домъ, она съ боль-

Digitized by Google

шимъ вниманіемъ стала наблюдать за маленькой Аделиной, которую едва имѣла время замѣтить, и найдя ее блѣдною и худою, приписала это дурному обращенію и небреженію, въ которыхъ обвиняли отца ея. Между тѣмъ прибылъ зять старой барыни, который былъ по сосѣдству въ гостяхъ во время этаго несчастнаго приключенія. Найдя дитя свое въ живыхъ и уже въ состояніи отвѣчать на его ласки, онъ бросился обнимать избавителя въ душевномъ порывѣ, который глубоко тронулъ Протà.—Что могу я для тебя сдѣлать, добрый поселянинъ? прибавилъ онъ: ты спасъ мою Сесилію; дать мнѣ средство доказать тебѣ мою благодарность, значитъ оказать мнѣ новую услугу.—Въ человѣкѣ, говорившемъ такимъ образомъ, Протà узналъ одного изъ богатѣйшихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, маркиза Белльри; онъ проводилъ лѣто въ прекрасномъ замкѣ близъ Море.—Г. маркизъ, отвѣчалъ чеботарь съ достоинствомъ, я сдѣлалъ то, что первый встрѣчный сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ, и при томъ не подвергаясь никакой опасности. Я достаточно награжденъ радостью, что возвратилъ дитя родителямъ; я также отецъ и понимаю это счастіе, прибавилъ онъ, цѣлуя Аделину.

— Какой лицемѣръ! сказали двѣ дамы, которыя уже имѣли время переговорить между собою; и молодая маркиза, отведя мужа къ сторонѣ, говорила съ нимъ нѣсколько минутъ потихоньку. Безъ сомнѣнія, она повторила слухи, переданные ей матерью, потому что лице маркиза вдругъ выразило негодованіе, и когда онъ возвратился къ-чеботарю, тотъ легко могъ замѣтить внезапную перемѣну, произшедшую въ его наружности.

— Мы надѣлали вамъ хлопотъ; справедливо, чтобы вы были вознаграждены, сказалъ маркизъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы чувствамъ своимъ и обращенію, обыкновенно ласковымъ, придать характеръ надмѣнности. Протà тотчасъ былъ пораженъ этимъ.

— Такъ какъ вы непремѣнно хотите заплатить мнѣ, г. маркизъ....—При этихъ словахъ чеботаря презрительная улыбка мелькнула на губахъ помѣщика; онъ досталъ изъ кармана небольшой бумажникъ и бросилъ его на столъ, между тѣмъ какъ

Digitized by Google

взоры его, казалось, говорили женѣ и тещѣ:—Вотъ чего онъ добивался! Вся эта сволочь заражена низкимъ инстинктомъ сребролюбія.—Чеботарь угадалъ смыслъ его быстраго взгляда. Вся кровь его закипѣла противъ, которые такъ худо его поняли. Онъ посмотрѣлъ на нихъ съ краскою стыда на лицѣ и гордостію, по крайней мѣрѣ, равною гордости маркиза. Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, отвѣчалъ, указывая на ассигнацію:

— Если вамъ непремѣнно угодно расквитаться со мною *такимъ образомъ*, г. маркизъ, то мы сей-часъ сведемъ наши счеты. Я сжегъ двѣ охапки дровъ, чтобы обсушить вашу барышню; каждая охапка стоитъ 5 копѣйки, и того 6-ть копѣекъ; я далъ ей на подержанье платье моей дочери: рубашку, кофточку, юбку; ихъ должно будетъ вымыть; это станетъ 6-ть копѣекъ; два стакана воды съ сахаромъ для вашихъ дамъ,—4 копѣйки, и того: 16-копѣекъ. Потеряннаго времени я не считаю. Я довольно богатъ, чтобы даромъ потерять день. И такъ, я сказалъ, кажется, г. Белльри, что вы должны мнѣ 16-ть копѣекъ. Если у васъ нѣтъ мѣди, прибавилъ онъ, взявъ ассигнацію, я могу дать вамъ сдачи.

Насмѣшливая и злобная радость блистала въ лицѣ чеботаря, когда онъ говорилъ такимъ образомъ; но маркизъ отвѣчалъ холодно:

— Маркиза и я, мы не потерпимъ, чтобы намъ оказали услугу даромъ. Оставьте у себя эти деньги, прибавилъ онъ, указывая на ассигнацію.

— Я *рабъ только моей воли*, сказалъ Протà, и повинуюсь ей всегда, когда она приказываетъ мнѣ дѣлать добро. Сей-часъ, она внушила мнѣ помочь утопавшему ребенку; я не заставилъ себѣ повторять этого два раза. Теперь она запрещаетъ мнѣ принимать плату за поступокъ, который сначала, вы назвали самоотверженіемъ, и который теперь вамъ угодно назвать услугою, и я не заставлю также повторять себѣ два раза и этого запрещенія.

— Чего же ты хочешь? спросилъ, съ бо̀льшею кротостію, маркизъ, начинавшій думать, что поступки и слова этого

Digitized by Google

человѣка были внушены чувствомъ истиннаго благородства, и опасаться, не оскорбилъ ли его.

— Одной благодарности, отвѣчалъ чеботарь. Искренняго сердечнаго *спасибо* и еще, чтобы вы приласкали дочь мою, которая уступила вашей дочери свое платье и свою постель, и на которую вы всѣ, сколько васъ ни есть, не обратили вниманія, прибавилъ онъ тономъ упрека.

Маркизъ посмотрѣлъ на мать свою и жену, которыя съ удивленіемъ наблюдали за всѣми движеніями Протà.

— Послушайте, что жь вы мнѣ такое насказали? проговорилъ г. де-Белльри, указывая двумъ женщинамъ на Протà, который подошелъ къ Аделинѣ и ласкалъ ее. Чеботарь, услышавъ это, обернулся. Онъ замѣтилъ смущеніе этихъ трехъ человѣкъ и прочелъ на ихъ лицахъ удивленіе, которое причинило имъ его ласковое обращеніе съ дочерью. Онъ со всего размаху ударилъ себя по лбу и вскричалъ:

— Бьюсь объ закладъ, что вамъ здѣсь про меня наболтали.

Г-жа де Белльри и мать ея молчали, но маркизъ отвѣчалъ утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Громъ и молнія! вскричалъ чеботарь, падая на стулъ, эти разбойники сдѣлаютъ изъ меня злодѣя!

Маркизъ, жена его и теща, испуганные состояніемъ раздраженія, въ которомъ онъ находился, окружили его и старались успокоить. Въ это время маленькая дочь ихъ, совершенно оправившись отъ несчастнаго случая, котораго едва не сдѣлалась жертвою, играла въ углу съ Аделиною. Дѣвочка показывала ей свои игрушки. Когда Протà нѣсколько успокоился, то ему не нужно было входить въ продолжительныя объясненія, чтобы разрушить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на гостей его гнусною клеветою сосѣдей. Напрасно старая барыня, повторяла, что «не бываетъ дыма безъ огня» (она выражалась всегда пословицами): маркизъ и жена его убѣдились, что только отцовское сердце способно къ тѣмъ порывамъ нѣжности и негодованія, которымъ предавался чеботарь, говоря имъ о своей дочери и о слухахъ, распространенныхъ на его счетъ всеобщею злобою.

Digitized by Google

Когда маркизъ и жена его собрались ѣхать, то имъ большаго труда стоило уговорить маленькую Сесилію, которая успѣла подружиться съ Аделиною и не хотѣла съ нею разстаться. Съ своей стороны, дочь чеботаря въ этихъ общихъ играхъ находила совершенно новое для нея удовольствіе, и, казалось, съ огорченіемъ смотрѣла на приготовленія, которыя должны были разлучить ее съ маленькою подругою. Садясь въ карету, родители Сесиліи въ послѣдній разъ изъявили чеботарю свою благодарность; молодая маркиза, взявъ Аделину на руки, цѣловала ее съ материнскою нѣжностію, и ребенокъ отвѣчалъ ей ласками, которыя, казалось, пробудили движеніе ревности въ отцѣ ея.

Три или четыре дня послѣ этихъ произшествій, и въ то время, какъ во всемъ селеньѣ еще только о томъ и говорили, Протà, воротясь однажды съ поля, очень удивился, найдя у себя г-жу де Белльри; она ждала его, разговаривая съ пожилымъ господиномъ, который пріѣхалъ съ ней вмѣстѣ. Обмѣнявшись съ Протà немногими дружескими словами, маркиза указала ему на незнакомаго посѣтителя.

— Это, сказала она, г. В., одинъ изъ первыхъ докторовъ въ Парижѣ и другъ нашего семейства. Онъ пріѣхалъ погостить нѣсколько дней въ замкѣ, и мнѣ вздумалось привезти его къ тебѣ и просить, чтобы онъ взглянулъ на твою дочь. Я растолковала ему, чѣмъ она больна, сколько могла это сдѣлать по твоимъ словамъ. Онъ сей-часъ ее осматривалъ и, кажется, довольно видѣлъ, чтобы сказать свое мнѣніе.

Ужасное безпокойство выразилось на лицѣ чеботаря; онъ смотрѣлъ попеременно то на маркизу, то на доктора.

— Развѣ вы думаете, что господинъ докторъ можетъ сказать мнѣ что-нибудь непріятное о моей крошкѣ? спросилъ онъ, кланяясь знаменитому врачу, котораго холодный видъ, дѣйствительно, не имѣлъ ничего утѣшительнаго. Прежде чѣмъ отвѣчать, докторъ указалъ ему на Аделину, которая играла съ дочерью маркизы.

Ребенокъ угадалъ, что занимаются имъ; любопытство его было затронуто вопросами, которые дѣлалъ ему докторъ до прибытія отца, и продолжая играть, онъ, казалось, прислуши-

Digitized by Google

вался къ разговору. Г-жа де Бельяри, угадавъ мысли доктора, взяла дѣтей за руки и увела ихъ съ собою въ садикъ, который находился позади дома. Протà и докторъ остались одни.

— Сознаешь ли ты въ себѣ довольно твердости, другъ мой? спросилъ докторъ, пристально смотря на Протà.

— Господи Боже мой! вскричалъ старикъ, падая на стулъ. Точно такимъ образомъ отвѣчалъ мнѣ докторъ изъ Фонтенеблò, когда я спрашивалъ, какъ онъ находитъ мою бѣдную покойницу.... а черезъ три дня ее схоронили. Неужто и моя бѣдная крошка....

— Успокойся, продолжалъ докторъ, дочь твоя еще не въ такомъ отчаянномъ положеніи; но тебѣ должно рѣшиться на жертву, которая, безъ сомнѣнія, будетъ дорого стоить твоему сердцу. Вотъ почему я и спросилъ тебя: имѣешь ли ты довольно твердости? Послушай: дочь твоя больна тою же болѣзнію, которая убила мать. Собратъ мой, который ее лечитъ, долженъ знать это такъ же хорошо, какъ и я.

— Но еще недавно здѣшній докторъ, прервалъ его Протà, подалъ мнѣ надежду; онъ говорилъ, что съ лѣтами, входя въ силы, малютка можетъ поправиться.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что говорилъ такимъ образомъ, хотя, разумѣется, думалъ противное, сказалъ докторъ В. Наша обязанность въ томъ, чтобы, съ самыми горестными убѣжденіями въ душѣ, никогда не показывать ихъ наружу. Впрочемъ, иногда случай сильнѣе науки. Дочь твоя можетъ быть спасена; но если она останется съ тобою, въ этой сторонѣ, то не переживетъ своего дѣтства; развѣ случится какое-нибудь чудо.

При этихъ словахъ, сказанныхъ съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія, которое сообщаетъ изреченіямъ науки всю торжественность смертнаго приговора, чеботарь почувствовалъ, что по всему тѣлу его пробѣжалъ смертный холодъ. Онъ внимательно посмотрѣлъ въ лицо доктору, какъ-будто желая прочитать въ чертахъ его, какая бы могла быть истинная мысль, которая заставила его произнести ужасныя слова:— Дочь твоя умретъ, если останется съ тобою.

Digitized by Google

— Милостивый государь, сказалъ Протà, скрывая, сколько могъ, свое волненіе, я страстно люблю дочь мою. Это единственный ребенокъ, котораго я имѣлъ отъ жены, о которой и теперь не перестаю жалѣть, какъ въ первый день ея смерти. Нѣтъ въ мірѣ вещи, которой бы я не сдѣлалъ для сохраненія жизни этому бѣдному созданію, которое съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ, только-что страдало и плакало. Если бы когда-нибудь довелось найдти ея маленькую постельку пустую, божусь вамъ, мнѣ осталось бы одно: бѣжать и броситься прямо головою въ какой-нибудь омутъ, потому что, если бы я пережилъ ея потерю, то сдѣлался бы величайшимъ негодяемъ въ мірѣ. И такъ я сдѣлаю все, что̀ будетъ возможно, все, г. докторъ. Коли вы живете въ Парижѣ, я буду посылать за вами, чтобы вы ее лечили, и буду платить за визиты, прося васъ не щадить мой кошелекъ.... Я вѣдь не такъ бѣденъ, какъ кажется.... Я таки кое-чѣмъ владѣю въ нашей сторонѣ, не говоря уже о чистыхъ денежкахъ, и ничего никому не долженъ. Коли надобно, все положу до послѣдней копѣйки. Когда я увижу мою маленькую Аделину съ полными и красными щечками, то не буду думать, что слишкомъ дорого заплатилъ за ея здоровье.... Одного я не понимаю: за чѣмъ это вы говорите, что она тогда только вылечится, если не будетъ жить со мною.... Надо что ли везти ее въ Парижъ, чтобы лучше ее лечили? Если вы это хотѣли сказать, то мы сей-часъ будемъ готовы, наши сборы не велики.

— Парижская жизнь столько же мало для нея годится, какъ и деревенская, и еще меньше, возразилъ докторъ; но дай мнѣ кончить. Г-жа де Белльри, которая привезла меня сюда, сбирается провести нѣсколько времени въ южной Франціи. Сей-часъ она разспрашивала меня о твоей дочери, и я отвѣчалъ ей: одно только можетъ спасти этого ребенка: — яркое солнце и здоровый воздухъ другаго климата; но какъ сказать ея бѣдному отцу: дочь твоя умретъ, если не поѣдетъ въ Италію, или на Гіэрскіе острова? Маркиза прервала меня: — мы ѣдемъ въ Провансъ, сказала она, и пробудемъ тамъ, можетъ быть, зимы двѣ. Этотъ добрый человѣкъ спасъ дочь мою.... Если жизнь его дочери зависитъ отъ нѣ-

Digitized by Google

сколькихъ лучей солнца, скажите ему, что я охотно возьму ее съ собою.—Теперь, сказалъ докторъ, смотря на чеботаря, я исполнилъ порученіе. — Маркиза добрѣйшая изъ женщинъ, она будетъ пещись о твоей дочери, какъ самая нѣжная мать. Благодарность, которою она тебѣ обязана, служитъ ручательствомъ за любовь, которую дочь твоя найдетъ въ ея семействѣ; съ нею будутъ обходиться какъ съ сестрою маленькой Сесиліи. Такъ точно, какъ всѣ признаки обязываютъ меня увѣдомить тебя объ опасномъ положеніи, въ которомъ находится малютка, такъ точно я, кажется, могу поручиться за ея выздоровленіе, если ты согласишься разстаться съ нею и отпустить ее съ г-жею де Белльри. Ни она, ни я не полагали, что ты хотя одну минуту будешь колебаться, покончилъ докторъ, видя, что чеботарь не отвѣчаетъ. Въ ту же минуту маркиза вошла въ комнату съ дѣтьми.

— Дочь твоя жалуется на холодъ, сказала она Протà, указывая ему на Аделину, которую укутала въ Сесилiину мантилью. Протà взялъ Аделину на руки и молча цѣловалъ ее. Въ это время маркиза спрашивала взоромъ доктора, указывая на чеботаря, который погрузился въ глубокое размышленіе. Докторъ сдѣлалъ движеніе, которое означало: еще не рѣшился. Аделинѣ, по видимому, было неловко на рукахъ отца; съ нею сдѣлался припадокъ сухаго кашля, и это потрясеніе отражалось на лицѣ ея болѣзненно-судорожными движеніями.

Когда припадокъ миновалъ, малютка тотчасъ забыла о боли, къ которой уже привыкла, и, казалось, любовалась богатою шелковою шубкою, въ которую нарядила ее маркиза.

— Ну, какъ же, сказала маркиза чеботарю, указывая ему на дочь; докторъ сказалъ тебѣ, что̀ должно дѣлать....

— Разстаться съ нею! горестно прошепталъ отецъ, и говоря это, онъ смотрѣлъ на доктора, и, казалось, спрашивалъ взорами: неужто это правда, что̀ вы говорили? Новый припадокъ кашля, сильнѣе прежняго, прервалъ малютку среди громкаго смѣха, и темно-багровыя пятна выступили на ея похудѣвшихъ щекахъ.

— Узнаешь ли ты болѣзнь матери въ страданіяхъ ребенка? спросилъ докторъ Протà, который оставался безмолвнымъ.

Digitized by Google

— Да, сударь, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, къ-несчастію, признаки тѣ же самые; только если бы бѣдная жена моя была въ живыхъ, о, я увѣренъ, что она не отпустила бы ее; она бы слишкомъ боялась, что дочь ея уже не воротится къ ней.—Во время этихъ переговоровъ, священникъ селенія Монтиньи, проходя мимо, зашелъ, какъ онъ не рѣдко это дѣлывалъ, провѣдать о здоровьѣ Аделины. При видѣ незнакомыхъ посѣтителей, онъ хотѣлъ удалиться, но маркиза и докторъ просили его остаться и въ немногихъ словахъ изъяснили общее затрудненіе.

— Какъ отецъ и какъ христіанинъ, ты обязанъ принять благодѣтельное предложеніе г-жи маркизы, сказалъ съ важностію священникъ, обращаясь къ чеботарю. Еще недавно ты молилъ Бога о спасеніи дочери. Безъ сомнѣнія, Онъ услышалъ твою молитву: ибо пути Провидѣнія видимо проявляются въ участіи, которое оказываетъ тебѣ г-жа маркиза. Отвергнуть ея предложеніе значило бы сдѣлаться виновнымъ въ сугубой неблагодарности—и къ великодушію особы, которая хочетъ доказать свою признательность, дѣлая тебѣ истинное добро,—и къ волѣ Божіей, внушившей ей эту мысль. Протà, я приказываю тебѣ поручить дочь твою попеченіямъ маркизы.

— Но если я отпущу малютку, то во всемъ околодкѣ заговорятъ, что я обрадовался случаю отъ нея отдѣлаться.

— И твоя родительская нѣжность не можетъ стать выше какихъ-нибудь сплетень злыхъ празднолюбцевъ! отвѣчалъ священникъ. А что скажутъ тогда, когда узнаютъ, что ты отказался отъ предложенія, которое могло спасти жизнь твоей дочери?...—Эти послѣднія слова какъ будто убѣдили Протà. Онъ всталъ, взялъ малютку за руку и подвелъ ее къ маркизѣ.

— Ну такъ возьмите же ее, сударыня, сказалъ онъ, отирая двѣ крупныя слезы, которыя катились по щекамъ его; возьмите ее!

— Мы еще не такъ скоро ѣдемъ, отвѣчала молодая женщина; но чтобы приготовить дочь твою къ отсутствію, которое можетъ продолжаться нѣсколько времени, быть-можетъ, ты хорошо бы сдѣлалъ, если бы отпустилъ ее погостить въ замокъ до минуты отъѣзда. Я стану привозить ее къ тебѣ

Digitized by Google

разъ или два въ недѣлю, или ты самъ приходи навѣщать ее въ Морѐ. Такимъ образомъ ни тебѣ, ни ей не будетъ уже такъ трудно разставаться, когда наступитъ минута разлуки.

— Справедливо, замѣтилъ докторъ; хотя ребенокъ этихъ лѣтъ обыкновенно не имѣетъ воли, но лишняя предосторожность не мѣшаетъ.—И взглянувъ на священника, онъ, казалось, желалъ знать его мнѣніе.

Священникъ наклоненіемъ головы изъявилъ свое одобреніе.

— Но вѣдь нужно же, по крайней мѣрѣ, снарядить ее?

— Не безпокойтесь объ этомъ, прервала маркиза. Аделина одолжила моей дочери свое платье, дочь моя, въ свою очередь, подѣлится съ нею. Съ нынѣшняго дня, прибавила она, обнимая въ одно время обѣихъ дѣвочекъ и лаская ихъ одною ласкою, съ нынѣшняго дня онѣ сестры.

Не понимая ничего, что̀ вокругъ нея происходило, хотя и чувствовала, что была предметомъ общихъ переговоровъ, Аделина охотно послѣдовала за маркизою. Отцовское сердце Прота̀ терзалось, видя ея радость и нетерпѣнье, съ какимъ она ожидала, когда тронется съ мѣста блестя̀щій экипажъ. Когда онъ исчезъ изъ вида, Прота̀ долго стоялъ на порогѣ, не смѣя войдти въ домъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ описанныхъ происшествій Аделина уѣзжала въ Провансъ.

Отецъ разъ пять или шесть навѣщалъ ее въ Морѐ. Каждое посѣщеніе высказывало ему яснѣе равнодушіе, съ какимъ Аделина покидала родительскій домъ. Однакоже, перемѣна мѣста, которая такъ нравится дѣтямъ, видъ тысячи новыхъ предметовъ, которыми ей позволено было наслаждаться, роскошь, которая ее окружала, щегольской нарядъ, который она надѣвала съ дѣтскою кокетливостію, много измѣнили ея характеръ, ея молчаливый и принужденный видъ; потребность ласкъ, которую одинъ поэтъ называетъ *жалѣбомъ дѣтства*,— потребность, которую, живя съ отцемъ, она должна была подавлять въ себѣ, находила полное удовлетвореніе въ семействѣ, гдѣ сначала ее призрѣли изъ благодарности, и гдѣ вскорѣ она заставила любить себя. Когда отецъ говорилъ ей,

Digitized by Google

что ее увезутъ далеко, и что она долго, долго съ нимъ не увидится, малютка становилась задумчивою и не отвѣчала ни слова. Протà огорчался ея молчаніемъ; онъ не понималъ, что ребенокъ не можетъ имѣть полнаго понятія о времени и разстояніи.

— Научите ее не забывать меня, сказалъ онъ маркизѣ въ тотъ день, когда окончательно прощался съ дочерью.

— Я заставлю ее жить, чтобы любить тебя, какъ самая нѣжная дочь, отвѣчала г-жа де Белльри, которая уже замѣтила странную принужденность въ отношеніяхъ Аделины къ отцу ея.

Въ первое время по отъѣздѣ дочери, горесть чеботаря была такъ сильна, что онъ не могъ оставаться дома. Онъ началъ даже посѣщать кабаки, чтобы запить свое горе. Произшествіе, которое ознакомитъ читателя съ происхожденіемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, заставило Протà воротиться къ своей обычной, дѣятельной и трудолюбивой жизни. Однажды онъ ѣздилъ по дѣламъ въ Фонтенеблò, запоздалъ тамъ, и вмѣсто того, чтобы воротиться домой лѣсомъ, пошелъ по большой дорогѣ, чтобы избѣжать подошвы горы Мерля, гдѣ недавно примѣтили стаю волковъ, разсвирѣпѣвшихъ отъ холода и голода.

Когда чеботарь поровнялся съ высотою Сентъ-Эремскаго Креста, ему почудилось, что онъ слышитъ слабые, жалобные вопли, которые, казалось, выходили изъ избушки, выстроенной стоявшими лагеремъ солдатами на самомъ перекресткѣ и озаряемой луннымъ свѣтомъ. Протà пошелъ въ томъ направленіи, откуда слышался голосъ, и войдя въ хижину, увидѣлъ странное зрѣлище. На полу, едва прикрытый дрянными и худыми пеленками, лежалъ ребенокъ, полумертвый отъ холода. Протà спряталъ маленькое созданіе подъ свою шинель и бѣгомъ дошелъ до деревни Бурронъ, которая находится въ четверти мили разстоянія отъ Сент-Эремскаго Креста. Постоялый дворъ извощиковъ былъ еще отворенъ; онъ вошелъ въ него, чтобы оказать нѣкоторую помощь найденышу.

Это былъ мальчикъ, по видимому 5-ти или 6-ти мѣсяцевъ, худой и слабый.

Digitized by Google

— Все равно, сказалъ Протà, какой есть, такого я и возьму. Завтра, чуть разсвѣнетъ, я объявлю меру, и если не отыщутся родные бѣднаго плаксы, я оставлю его у себя.

— Что жь это сказывали монтиньинскіе, что ты не любишь дѣтей, замѣтилъ трактирщикъ. Это не клеится съ тѣмъ, что ты хочешь сдѣлать?—Протà нахмурилъ брови, не отвѣчалъ ни слова, и когда мальчикъ отогрѣлся, занялъ у трактирщика телѣжку, чтобъ поскорѣй добраться до дому. На другой же день онъ объявилъ меру о своей находкѣ, и меръ позволилъ ему оставить ребенка у себя.

— Право, онъ дуренъ, какъ смертный грѣхъ, говорилъ Протà священнику, разсказывая ему свои приключенія; но я далъ обѣтъ пріютить какого-нибудь сироту, если дочь моя выздоровѣетъ. Съ тѣхъ поръ я получилъ хорошія вѣсти, и пользуюсь первымъ случаемъ исполнить свое обѣщаніе. Подкидышъ тотъ же сирота, еще хуже. Ктому же, это невинное созданіе послужитъ мнѣ обществомъ. Я взялъ дурную привычку таскаться по кабакамъ. Онъ удержитъ меня дома. Я положилъ его на кроватку Аделины, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, домъ кажется мнѣ не такимъ уже пустымъ и печальнымъ. Когда онъ подростетъ, я научу его своему ремеслу. Какъ бы-то ни было, а счастливъ этотъ слюнтяй, что мнѣ довелось проходить тутъ въ ночную пору! Какъ бы матери забыть ребенка въ такомъ мѣстѣ, если бы не было у ней дурнаго замысла! Съ недѣлю, всѣ только о томъ и твердятъ, что лѣсъ наполненъ волками!

Читатель, безъ сомнѣнія, угадалъ, что подкидышъ былъ никто иной, какъ Зефиръ, маленькій ученикъ чеботаря, тотъ самый, котораго онъ видѣлъ въ первой главѣ разсказа.

Прошло около 6-ти мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Аделины. Наканунѣ новаго года чеботарь получилъ изъ Прованса письмо отъ маркизы. Въ немъ было вложено другое; неправильныя, но четкія буквы этого маленькаго посланія походили на тѣ, которыя выводятъ дѣти, когда начинаютъ писать. Оно заключало нѣсколько строкъ и было подписано: *Аделина Протà.* Это поздравленіе съ новымъ годомъ, продиктованное Аделинѣ,

Digitized by Google

маркизою, кончалось слѣдующими словами: «Ты увидишь, папаша, какъ я похорошѣла, и я уже совсѣмъ не кашляю!»

Чеботарь побѣжалъ показывать письмо дочери всѣмъ своимъ знакомымъ. Онъ охотно приклеилъ бы его къ дверямъ своего дома, чтобы всѣ могли его видѣть. Встрѣтивъ лѣснаго сторожа, который дѣлалъ объявленіе на площади, Протà прервалъ его въ исполненіи его обязанностей, и бросился къ нему съ письмомъ Аделины.

— Бьюсь объ закладъ, что это такъ же хорошо написано, какъ всѣ ваши бумаги, кумъ Талò, сказалъ чеботарь, красный отъ гордости.

— Еще бы! И эта малютка, которая едва дышала, ужь такая ученая! Стало быть она теперь совсѣмъ выздоровѣла!... А знаешь ли, вѣдь оно почти безъ ошибокъ, прибавилъ сторожъ съ видомъ знатока. Протà оставилъ его и побѣжалъ показывать письмо нотаріусу, который выходилъ изъ своей конторы. Аделина воротилась послѣ почти двухгодоваго отсутствія. Протà не узналъ ее, такъ она перемѣнилась. Худенькое созданіе, въ которомъ жизнь, казалось, такъ же слабо держалась, какъ держится на вѣткѣ листъ, порываемый бурею, превратилось въ красивое дитя, правда, не толстое и красное, какимъ желалъ видѣть его отецъ, но благородное до того, что, по виду, никто не угадалъ бы его происхожденія.

— Право, мнѣ все хочется назвать ее «сударыня», сказалъ онъ маркизѣ.

— Я привожу ее назадъ, но еще не возвращаю тебѣ, сказала маркиза.

Она умѣла найдти тысячу причинъ, изъ которыхъ многія льстили тщеславію чеботаря, и убѣдила его оставить у ней Аделину, чтобъ дать ей одинаковое воспитаніе съ Сесиліею.

— Что же она будетъ дѣлать со всей этой наукою? спросилъ чеботарь.

Маркиза, на минуту остановленная этимъ размышленіемъ, успѣла однакожь успокоить сомнѣнія Протà.

Проведя нѣсколько дней въ Монтиньи, Аделина поѣхала съ маркизою въ Парижъ. На слѣдующее лѣто она воротилась въ Морѐ, гдѣ Протà часто съ нею видался. Сообразно съ обѣ-

Digitized by Google

щаніями маркизы, Аделина сдѣлалась самою нѣжною дочерью. Отцу очень хотѣлось взять ее къ себѣ, но всякій разъ, когда онъ обнаруживалъ это намѣреніе, маркиза отвѣчала ему:

— Спроси у Сесиліи, согласна ли она разстаться съ названною сестрою?

И Протà возвращался одинъ, полупечальный, полудовольный: печальный потому, что ему казалось, что Аделина не слишкомъ торопится покинуть свое новое семейство; довольный потому, что родительской его гордости любо было видѣть, что дочь его воспитывается, какъ знатная дѣвица. Это состояніе дѣлъ продолжалось 6 лѣтъ.

Аделина проводила каждое лѣто въ замкѣ Морѐ и каждую зиму возвращалась въ Парижъ. Видя, что въ семействѣ обходились съ нею ласково и дружелюбно, привычные посѣтители дома оказывали ей участіе, въ которое, безъ сомнѣнія, много входила вѣжливость; по крайней мѣрѣ, по наружности нельзя было подозрѣвать, что они удивляются ея долгому пребыванію въ отели Белльри. Что̀ касается до Сесиліи, то она имѣла къ Аделинѣ самую искреннюю привязанность; не одна привычка заставляла ее любить подругу, съ которою она помѣнялась почти первыми словами, выговоренными ея младенческими устами, и первыми мыслями, которыя могла вмѣстить ея головка. Безкорыстная, какъ бываютъ дѣти, когда не знаютъ еще различныхъ жизненныхъ нуждъ и обязанностей званія, которое занимаютъ въ свѣтѣ, Сесилія съ радостію отказалась бы отъ половины имѣнія, которое должно было ей достаться, чтобы дочь чеботаря была ей сестрою по крови, точно такъ, какъ была ей сестрою по чувству. По этому, она до слезъ огорчалась, когда въ ихъ задушевныхъ бесѣдахъ Аделина давала ей понять, что наступитъ день, когда разлука сдѣлается неизбѣжною.

— За чѣмъ намъ разставаться? спрашивала Сесилія. Развѣ тебѣ не хорошо у насъ?

— Но ты сама не всегда останешься съ твоими родителями, отвѣчала Аделина. Тебя выдадутъ за мужъ.... А твой мужъ....

Digitized by Google

— Я выйду только за того, кто будетъ исполнять всѣ мои желанія, возражала рѣзвая дѣвочка; а первымъ моимъ желаніемъ будетъ то, чтобы ты жила съ нами.

Аделина улыбалась.

— А отецъ мой? прибавила она. Онъ останется одинъ.— Сесилія опускала голову и отвѣчала:—Да! это правда.

— Когда наступитъ минута разлуки, продолжала Аделина, еще будетъ время огорчаться; зачѣмъ думать о томъ заранѣе.

И отдавшись вполнѣ настоящей минутѣ, дѣвушки забывали будущее и думали только о счастіи жить одна возлѣ другой, раздѣляя удовольствія, занятія, и строя вмѣстѣ тѣ очаровательные, воздушные замки, которые волнуютъ 15-ти-лѣтнее воображеніе. Когда воспитаніе Сесиліи было кончено, родные стали вывозить ее въ свѣтъ. Аделина, допущенная въ короткій кругъ отеля Белльри, не могла слѣдовать за своею подругою на балы, на которые маркиза возила дочь свою. Такъ какъ у ней было много врожденнаго здраваго смысла, еще болѣе развитаго полученнымъ ею образованіемъ, то ея тщеславіе нисколько не страдало отъ этого остракизма. Напротивъ того, это исключеніе такъ огорчало Сесилію, что иногда она нарочно сказывалась больною, чтобы отказаться отъ приглашеній, которыхъ не могла раздѣлять ея подруга, одаренная превосходнымъ сердцемъ; эта молодая дѣвушка желала бы передѣлать общественные законы въ пользу своихъ привязанностей. Простодушно удивлялась, почему ей нельзя было брать съ собою Аделину въ свѣтъ, когда она передъ лицемъ всѣхъ ѣздила съ нею въ театръ, въ концерты, или на гулянье. Однажды она навлекла на себя строгій выговоръ отъ матери, разсердившись на молодаго человѣка, который, встрѣтивъ ее съ Аделиною, поклонился ей съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ ея подругѣ. Впослѣдствіи, на балахъ, гдѣ она съ нимъ встрѣчалась, она упорно исключала его изъ всѣхъ своихъ кадрилей. Когда ей наступилъ 16-й годъ, родители стали думать о томъ, чтобы ее пристроить. Первый женихъ, который сдѣлалъ ей предложеніе, былъ именно тотъ, къ которому она начинала чувствовать нѣкоторую симпатію. Слово было дано съ обѣихъ

Digitized by Google

сторонъ; свадьба отложена на полгода; но послѣдніе дни своей дѣвичьей жизни Сесилія должна была провести у одной изъ своихъ родственницъ съ отцовской стороны, жившей въ Турени. Сесилія хотѣла взять съ собою Аделину, но Аделина, втайнѣ предупрежденная маркизою, дала понять своей подругѣ, что это невозможно и что наступила минута разстаться. Трогательно было ихъ прощаніе. Съ равною искренностію поклялись онѣ въ вѣчной дружбѣ, и, прежде отъѣзда въ Турень, Сесилія требовала отъ жениха своего, чтобы Аделина присутствовала на ея свадьбѣ. Онъ, разумѣется, согласился, какъ человѣкъ, который видѣлъ въ этомъ желаніи ребяческую прихоть сентиментальной дѣвушки.

Въ одно ноябрьское утро, Сесилія и родители ея отвезли Аделину къ отцу ея. Маркизъ, который вписался въ число кандидатовъ на будущіе департаментскіе выборы, желая пріобрѣсть народную благосклонность, принялъ безъ церемоніи почтительное приглашеніе, переданное ему Аделиною отъ отца ея, пріѣхать къ нему отобѣдать. Пригласили также священника. Черезъ часъ послѣ того вся деревня узнала, что Аделина воротилась къ отцу и что чеботарь угощаетъ маркиза. То-то было разговоровъ на посидѣлкахъ, которыя начинались именно въ тотъ вечеръ! На другой день извощикъ привезъ изъ Парижа въ Монтиньи всю мебель изъ комнаты, которую занимала Аделина въ отели Белльри.

Разбираясь въ комодахъ, Аделина нашла въ одномъ изъ ящиковъ банковыхъ ассигнацій на 10 т. франковъ въ маленькомъ, вышитомъ Сесиліею, бумажникѣ. Тутъ же была записочка слѣдующаго содержанія: «Это деньги, сбереженныя мною отъ моихъ собственныхъ дѣвичьихъ расходовъ; возьми ихъ, какъ я даю тебѣ, не считая; эта капля, убавленная отъ моего состоянія, далеко не сдѣлаетъ въ немъ той пустоты, которую твое отсутствіе оставитъ въ моемъ сердцѣ. Благодарить—значило бы почти обидѣть меня. Представь же себѣ, какъ бы приняла я отказъ! Онъ заставилъ бы меня думать, что я для тебя уже не то, чѣмъ всегда хочу оставаться, вблизи какъ вдали, сестрою твоею—Сесиліею.»

Digitized by Google

Аделина совѣтовалась съ отцемъ, должна ли она принять такую значительную сумму. Это привело его въ большое затрудненіе. Быть судьею въ такомъ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ также нѣсколько и участникомъ, и гдѣ, само собою разумѣется, мнѣніе его уже заранѣе было сдѣлано! Онъ притворился, что раздѣляетъ недоумѣніе дочери, говорилъ и *за* и *противъ*, и, въ заключеніе всѣхъ своихъ хитрыхъ разсужденій, умѣлъ убѣдить ее въ необходимости принять подарокъ, особенно настаивая на огорченіе, которое отказъ ея причинитъ подругѣ. «Еслибы она сунула это тебѣ въ руки, какъ милостыню, такъ мы еще посмотрѣли бы; но она такъ мило тебѣ предлагаетъ, что нѣтъ никакихъ средствъ отказаться. Ктому же, мы не такъ бѣдны, чтобы безъ нужды показывать гордость. И безъ этихъ денегъ ты не засидѣлась бы въ дѣвкахъ; но когда станешь выходить за-мужъ, зятю не будетъ непріятно найдти въ приданомъ эти клочки бумаги, не говоря уже о томъ, что они позволятъ тебѣ быть разборчивою.»

Возвращеніе дѣвушки въ домъ родительскій сдѣлалось въ немъ поводомъ ко всеобщей передѣлкѣ. Протà хотѣлъ, чтобы она поселилась въ самой хорошенькой комнатѣ, и не находя ее довольно красивою, призвалъ лучшаго обойщика изъ Немура, чтобы наружный ея видъ не представлялъ противоположности съ щегольскою мебелью, привезенною изъ Парижа.

Аделина дала отцу полную волю во всемъ, чтò касалось до украшенія дома; но къ величайшему удивленію добраго старика, отказалась носить свои городскіе наряды и одѣлась по туземной модѣ. Она, сначала, хотѣла взять на себя всѣ попеченія о домашнемъ хозяйствѣ; но по слабости, или по неумѣнью, не долго выдерживала эту роль и позволила отцу нанять служанку. Извѣстны причины, побудившія Протà взять тетку Магдалину. Чеботарь былъ такъ счастливъ, сдѣлавшись наконецъ обладателемъ своей дочери, что въ первые дни едва не сошелъ съ ума отъ радости. Онъ бросилъ свой прилавокъ и проводилъ все время, смотря, какъ *малютка* съ пріятностію движется въ той самой комнатѣ, гдѣ первые шаги ея такъ долго были слабые и колеблющіеся. Онъ припоминалъ, какъ былъ несправедливъ къ ней въ ея ребячествѣ, и какъ

Digitized by Google

мало щадилъ ея нѣжный возрастъ въ гнѣвѣ и вспыльчивости, которые заслужили ему славу дурнаго отца. Онъ спрашивалъ себя, достаточнымъ ли наказаніемъ были угрызенія и горесть, испытанныя имъ впослѣдствіи? Его особенно озабочивало желаніе узнать, не оставило ли слѣдовъ въ сердцѣ дочери какое-нибудь воспоминаніе первыхъ годовъ въ жизни? Онъ едва осмѣлился разспрашивать ее о прошедшемъ; такъ онъ боялся, что услышитъ какое-нибудь слово, которое послужитъ ему доказательствомъ, что цвѣтущая здоровьемъ молодая дѣвушка, которую онъ теперь душилъ своими ласками, помнила о томъ времени, когда старалась заглушить вопли, исторгаемые у нея страданіемъ, чтобы не возбудить въ немъ досады. Безпрестанно наблюдая за дочерью, онъ изучалъ ее во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, въ самыхъ незначущихъ ея словахъ. Сдѣлавшись психологомъ, самъ того не зная, онъ подводилъ всѣ мысли Аделины подъ стекло тончайшаго анализа, желая открыть: не осталось ли какое-нибудь горькое чувство въ этой душѣ, нѣкогда имъ оскорбленной? Ночью онъ просыпался, чтобы посмотрѣть, какъ она спитъ. Онъ прислушивался къ чистому и ровному дыханію этой груди, которую такъ долго раздиралъ жестокій кашель. Онъ накидывалъ ей на плечи простыню, которая съ нея спадала; онъ подбиралъ подъ нее со всѣхъ сторонъ ея одѣяло. Обожаніе его угадывало инстинктомъ всѣ тѣ трогательныя попеченія, всю ту заботливость, которыя приходятъ на умъ только самымъ нѣжнымъ матерямъ, или самымъ страстнымъ любовникамъ.

Однажды ночью, Аделина проснулась въ то время, какъ отецъ стоялъ въ ногахъ ея кровати.

— Мнѣ показалось, что ты кашляешь, сказалъ онъ, нѣсколько смутившись.

— Ты знаешь, что я больше не кашляю, отвѣчала она со смѣхомъ; и при томъ, если бы мнѣ и хотѣлось кашлять, я удержалась бы, чтобъ тебя не обезпокоить.

Хотя эти слова сказаны были очень просто и безъ всякаго намѣренія, Прота принялъ ихъ за намекъ на прошедшее. Онъ сдѣлался печаленъ; Аделина поняла, что отецъ ея видѣлъ въ нихъ упрекъ, и убѣдила его въ его ошибкѣ такими

Digitized by Google

ласковыми рѣчами, осыпала его такими нѣжными ласками, изъявленіями такой горячей привязанности, что добрякъ шепталъ ей, смѣясь и плача въ одно время: О, пожалуйста огорчай меня почаще, чтобы утѣшать такимъ образомъ!

Не смотря на всю любовь, которую ей оказывали въ домѣ г-жи де Белльри, отъ Аделины не ускользнули оттѣнки, порождавшіе такую разницу между попеченіями, которыхъ она была предметомъ, и тѣми, которыя окружали молодую маркизу, страстно любимую родителями. Видя себя идоломъ отца своего, она вскорѣ поняла и оцѣнила любовь, которой была лишена во все то время, какъ сдѣлалась ребенкомъ чуждаго ей семейства. Дѣвушка, одаренная чувствительнымъ сердцемъ и здравымъ разсудкомъ, умѣла сознаться, что была ничто иное, какъ скромная поселянка, прихотью случая поставленная, или, лучше сказать, переставленная въ блестящую раму. По этому она скоро забыла всѣ прихоти своего прежняго существованія, всѣ привычки къ роскоши и изяществу, которыя себѣ усвоила; а если и не совсѣмъ ихъ забыла, то, по крайней мѣрѣ, не позволяла себѣ никакого наружнаго проявленія, которое могло бы заставить подумать отца ея, что она жалѣетъ о прошедшей жизни. Поставленная царицею и повелительницею въ своемъ скромномъ хозяйствѣ, она старалась сдѣлать власть свою кроткою и царствовать для того только, чтобы дарить радость тому, кто окружалъ ее такою любовію. По возвращеніи въ домъ, она нашла въ немъ сироту, принятаго отцемъ ея, маленькаго Зефира, которому тогда было лѣтъ 11-ть, и котораго прозвали такъ въ насмѣшку надъ его безпечностью и медленностью его походки. Маленькій негодяй любилъ праздность до безстыдства и склонность его къ лѣни обнаружилась съ самыхъ раннихъ годовъ. Названный отецъ его, чеботарь, посылалъ его въ деревенскую школу, чтобы онъ выучился граматѣ, но Зефиръ никогда не выходилъ изъ класса безъ бумажнаго колпака, и каждая изъ буквъ азбуки стоила ему безчисленнаго множества нулей. Всѣ увѣщанія чеботаря были напрасны; самыя строгія наказанія находили мальчика нечувствительнымъ. Онъ ненавидѣлъ дѣятельность. Даже игры — эта страсть дѣтства — казались ему

Digitized by Google

тягостными. Онъ охотно отказался бы отъ обѣда, чтобъ проспать лишній часъ. Когда Прота усадилъ его за прилавокъ, столько для того, чтобы извлечь нѣкоторую пользу изъ трудовъ ученика своего, какъ и для того, чтобы выучить его ремеслу, которымъ онъ могъ бы со временемъ заработывать себѣ хлѣбъ, Зефиръ въ цѣлый годъ не могъ выучиться называть различный инструментъ чеботарскаго ремесла. Лишь только хозяинъ его отворачивался, онъ убѣгалъ изъ дому и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на пѣну, которая воздымала мельничное колесо. Другое его удовольствіе состояло въ томъ, чтобы въ солнечный день отдыхать на лугу, лежащемъ по ту сторону Луана. Зарывшись въ густую траву, которая скрывала его отъ глазъ, онъ смотрѣлъ, какъ летѣли облака, гонимыя вѣтромъ. Когда голодъ слишкомъ сильно понуждалъ его, онъ возвращался домой и выносилъ бурный гнѣвъ дяди Прота съ спокойствіемъ животнаго, или съ безчувственностію камня. Однакожь Зефира нельзя было назвать безсмысленнымъ; напротивъ того, онъ былъ одаренъ достаточнымъ умомъ, но не показывалъ его изъ пренебреженія, или изъ боязни, чтобы хозяинъ его не попробовалъ употребить его въ дѣло. Вотъ черта, которая прекрасно рисуетъ характеръ страннаго ребенка, рожденнаго для того, чтобы вести жизнь неаполитанскаго ладзарони. Однажды, когда онъ показалъ себя еще лѣнивѣе обыкновеннаго, Прота сказалъ ему съ важностію:

— Поди въ *Осинки* и срѣжь палку въ замѣну той, которую я объ тебя изломалъ.

Зефиръ пошелъ въ *Осинки* и принесъ полдюжины палокъ, которыя, безъ преувеличенія, можно было назвать дубинками.

— Я велѣлъ тебѣ срѣзать одну, а ты принесъ цѣлыхъ шесть, сказалъ чеботарь.

— Я принесъ побольше для того, чтобы не ходить туда такъ часто, отвѣчалъ спокойно Зефиръ.

Аделина приняла въ немъ участіе и бралась исправить его отъ неизлечимой безпечности. Ученикъ, непокорный укорамъ Прота, какъ-будто силился повиноваться кроткому голосу дѣвушки, которая, такъ сказать, прикладывала цѣлеб-

Digitized by Google

ный бальзамъ ласкъ на раны, нанесенныя мальчику отцовскими побоями.

Такова была прошедшая жизнь лицъ, встрѣченныхъ живописцемъ въ семействѣ Протà, когда случай сдѣлалъ его въ первый разъ гостемъ чеботаря.

II.

Домашнія ссоры.

Мы станемъ продолжать разсказъ съ возвращенія живописца. Читатель помнитъ, безъ сомнѣнія, ласковый пріемъ, сдѣланный ему чеботаремъ. Онъ, вѣроятно, не забылъ также, что Аделина не могла совершенно скрыть замѣшательства при видѣ художника, хотя знала о его возвращеніи нѣсколькими днями ранѣе, и хотя имѣла все время приготовиться встрѣтить его съ приличнымъ спокойствіемъ. Даже старуха Магдалина, какъ мы уже видѣли, способствовала къ радушному пріему, сдѣланному молодому désigneux, стараясь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, отличиться въ своемъ званіи *кухмистера*. Выслушавъ заслуженные ею комплименты отъ путешественника, старуха воротилась въ кухню и увела съ собою Аделину, чтобы та научила ее обходиться съ кофейникомъ новаго устройства, купленнымъ въ то же самое утро. Наконецъ,—и это будетъ послѣднимъ усиліемъ его памяти,—пусть вспомнитъ читатель, что ученикъ Зефиръ, одинъ изо всего дома, показалъ враждебное чувство при видѣ Лазàра. Никто не могъ понять причины его поступка; только онъ покинулъ художника на порогѣ хозяйскаго дома и изчезъ такъ же быстро, какъ изчезаетъ шарикъ въ рукахъ фокусника.

— Но, спрашивалъ Лазàръ своего хозяина, приглашая его чокнуться, куда же такъ скоро удалилась твоя дочка? Я едва успѣлъ поздравить ее съ ея цвѣтущею наружностію.

— Я увѣренъ, отвѣчалъ чеботарь, прихлебывая вино съ удовольствіемъ знатока и хозяина, я увѣренъ, что дочь и Магдалина побѣжали состряпать для васъ еще какое-нибудь лакомство.

Digitized by Google

— Право, дядя Протà, ты принимаешь меня скорѣе какъ друга, нежели какъ нахлѣбника.

— Развѣ это вамъ непріятно, или вамъ противна дружба маленькихъ людей, какъ мы?

Лазàръ поспѣшилъ возразить противъ такого обвиненія.

— Нѣтъ, не правда ли? продолжалъ чеботарь. Во всякомъ случаѣ, съ вашей стороны это было бы очень дурно! Когда, третьяго дня, письмо ваше извѣстило насъ о вашемъ прибытіи, оно упало посреди насъ словно бомба, начиненная счастіемъ. *Малютка* не помнила себя отъ радости; даже старуха Магдалина какъ будто помолодѣла. Одинъ Зефиръ не радовался, и какъ мнѣ стало досадно, что онъ ходитъ съ длиннымъ лицомъ, когда мы всѣ довольны, то я принужденъ былъ надавать ему колотушекъ, чтобы развеселить его.

— Неужели я имѣлъ несчастіе заслужить неблагосклонность *мосье* Зефира? сказалъ, смѣясь, живописецъ. Я и догадывался, что его не очень радуетъ пріѣздъ мой въ Монтиньи; но впрочемъ, какое же ему до меня дѣло?

— О! я, кажется, маленько угадываю, отвѣчалъ Протà: онъ чуетъ, что вы, какъ въ прошлые годы, станете навыочивать на него вашъ инструментъ, когда пойдете въ лѣсъ; а какъ ему кажется слишкомъ тяжелымъ носить собственную кожу, то, разумѣется, это его и безпокоитъ! Вотъ ужь, клянусь Богомъ, m-r Лазàръ, не посчастливилось мнѣ въ тотъ день, какъ я поднялъ этого лѣнтяя, синяго отъ холода, на Бурронской дорогѣ. Ахъ, если бы я не далъ клятвы передъ Богомъ пріютить сироту, котораго, по человѣчеству, вырвалъ изъ волчьей пасти, давно бы уже я сказалъ ему: послушай, братъ, у тебя вѣрно есть гдѣ-нибудь родные на бѣломъ свѣтѣ! Ты скажешь: свѣтъ великъ, но у тебя здоровыя ноги; сдѣлай мнѣ удовольствіе, ступай отыскивать свое семейство!

— Ну, ну, дядя Протà, прервалъ его Лазàръ, ты не то говоришь, что́ думаешь. Не можетъ быть, чтобы ты раскаялся въ добромъ дѣлѣ, за которое, рано или поздно, Зефиръ будетъ тебѣ благодаренъ, когда оцѣнитъ, что̀ ты для него сдѣлалъ и что̀ еще сдѣлаешь.

— Благодаренъ! какъ же! Бьюсь объ закладъ, что онъ

Digitized by Google

и понятія не имѣетъ ни объ имени, ни о вещи. Развѣ ему мало было времени доказать мнѣ свою благодарность? Вотъ уже 15 лѣтъ, какъ онъ ѣстъ мой хлѣбъ. Нельзя сказать, чтобы онъ согрѣшилъ по невѣдѣнію, когда дѣлаетъ худое, потому что еще болѣе золъ, нежели глупъ. Вотъ за что я и поступаю съ нимъ суровѣе, нежели бы желалъ; но этотъ негодяй хоть святаго выведетъ изъ терпѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ я взялся выучить его ремеслу, повѣрите ли, онъ не въ состояніи еще порядочно надѣть чебота на ногу! О! это дурное сѣмя! Но полно; перестанемъ говорить объ немъ.

— Это странно, однакожь, замѣтилъ Лазàръ. Я помню, что прошлаго года дѣлалъ изъ него, что̀ хотѣлъ.

— Это правда, отвѣчалъ чеботарь; было у него нѣсколько добрыхъ мѣсяцевъ, и въ это-то время онъ и выучился тому немногому, что̀ теперь знаетъ, т. е. читать и писать. Одному Богу извѣстно, сколько это стоило Аделинѣ терпѣнія и мягкаго хлѣба! Я даже былъ имъ порядочно доволенъ послѣ вашего отъѣзда; добрые совѣты, которые вы ему давали, привычка къ усталости, которую онъ взялъ, бѣгая съ вами по лѣсу, немножко отучили его отъ лѣности. Онъ слушалъ съ терпѣніемъ мои увѣщанія, что придетъ день, когда онъ радъ будетъ знать какое-нибудь ремесло. Я начиналъ думать, что изъ него еще можетъ выдти что-нибудь путное. Замѣтя эту выгодную перемѣну, которою онъ отчасти обязанъ наставленіямъ моей дочери (она, моя душечка, ласкала и голубила его, какъ роднаго брата),—я говорилъ самъ съ собою:—худо ты взялся за дѣло, дядя Протà! ты билъ его, такъ онъ не трогался съ мѣста. Аделина ласкаетъ его,—вотъ онъ и двигается!—Съ полгода дѣло шло хорошо,—по-крайней-мѣрѣ, не совсѣмъ худо; онъ умѣлъ уже порядочно отдѣлять кусокъ вяза или каштанника. Когда я приказывалъ ему то или другое, онъ не прикидывался глухимъ, не ныл съ утра до вечера; правда, мнѣ случалось дать ему подъ-часъ оплеуху за то, что онъ слишкомъ долго гдѣ-нибудь таскается, или слишкомъ туго понимаетъ, что̀ я ему толкую,—но когда оплеуха была дана, я почти раскаявался, что побилъ малаго, и, чтобы его утѣшить, посылалъ его поиграть съ часокъ. Когда я говорю

Digitized by Google

поиграть, это значитъ просто, что онъ садился на тотъ бѣ-регъ рѣки и глазѣлъ, какъ летаютъ ласточки, прыгаютъ ля-гушки, или, какъ вертится мельничное колесо. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, ему, видно, надоѣло идти по хоро-шей дорогѣ. Какъ словно ему жаль стало побоевъ и ру-гательствъ; онъ принялся вызывать ихъ что ни-есть мочи, воротившись ко всѣмъ своимъ дурнымъ привычкамъ; опять должно было три раза толковать про одно и то же, и все для того, чтобы онъ ни разу ничего не сдѣлалъ. Я снялъ со стѣ-ны палку. Куда тебѣ! Все равно, что бить по себѣ! Аделина опять принялась читать ему проповѣди; только ея нѣжности такъ же мало имѣли успѣха, какъ и моя дубинка, и еще меньше. Теперь, дочь и я совсѣмъ отъ него отступились. Да я ужь и рѣшился: не сего-дня, такъ завтра, соберу его по-житки въ мѣшокъ, положу туда 10 экю и пущу его на всѣ четыре стороны на волю Божью.

— Странно, сказалъ Лазаръ, который съ видимымъ учас-тіемъ слушалъ разсказъ хозяина. Не смотря на шутку, кото-рую онъ давича со мной сыгралъ, не смотря на дурное ко мнѣ расположеніе, я принимаю участіе въ этомъ маленькомъ негодяѣ. Я не вѣрю, чтобы человѣкъ могъ родиться дурнымъ, какъ ядовитое растеніе. Ты взялъ его еще въ пеленкахъ; ты добрый и честный человѣкъ; давалъ ему одни хорошіе совѣты; дочь твоя пеклась объ немъ, какъ родная сестра; стало быть, не у васъ же въ домѣ онъ испортился.

— Я не согласенъ съ вами, мосье Лазаръ, возразилъ Про-та, качая головою; я вѣрю, что есть люди, которые родятся дурными. У насъ сосѣдка беретъ дѣтей на воспитаніе; не-давно у ней былъ ребенокъ; только что у него прорѣзались зубы, взялъ да укусилъ ее. Что вы объ этомъ скажете?—Это доказательство, на которомъ чеботарь простодушно основывалъ свое убѣжденіе, заставило улыбнуться художника, который, однакожь, не захотѣлъ заводить спора о такомъ важномъ предметѣ. Лазаръ думалъ, что всякая странность имѣетъ свою причину, извѣстную или скрытую, и просилъ чеботаря потерпѣть еще нѣсколько времени, прежде нежели онъ рѣ-шится покинуть своего ученика на произволъ судьбы.

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, что у него ни сердце, ни умъ не испорчены, сказалъ Лазàръ; особенно въ прошломъ году, во время моихъ странствованій по этой сторонѣ, я разговаривалъ съ нимъ столько, сколько можно разговаривать съ мальчишкой. Ну, я признаюсь тебѣ: онъ часто удивлялъ меня своими сужденіями, и мнѣ случалось слышать отъ него такія замѣтки, которыя далеко превышаютъ его возрастъ. Въ особенности онъ одаренъ чрезвычайною чувствительностію, что̀ почти всегда служитъ признакомъ добраго сердца. Онъ лѣнивъ, правда; но его лѣнь не безъ дѣйствія: это лѣнь, которая ищетъ неподвижности тѣла, чтобы предоставить уму всю его дѣятельность. Онъ лѣнивъ, какъ бываютъ лѣнивы всѣ мечтатели.

— О чемъ ему мечтать? спросилъ съ удивленіемъ Прота̀.

— Это ужь его тайна, отвѣчалъ Лазàръ. Я могъ бы еще болѣе распространиться на счетъ странностей, которыя въ немъ замѣтилъ; но должно входить въ подробности и изъясненія, которыя, не въ обиду тебѣ, дядя Прота̀, ничего бы тебѣ не объяснили.

— А почему жь вы такъ полагаете? спросилъ чеботарь.

— Почему? продолжалъ художникъ. Боже мой!... потому что.... ну, однимъ словомъ, ты ничего бы не понялъ.

— Я понимаю все, что̀ можетъ понять человѣкъ, не лишенный здраваго смысла и привыкшій употреблять его къ пользѣ своей и другихъ, отвѣчалъ Прота̀ съ нѣкоторою досадою. Такъ я понимаю, напр., что вы добрый молодой человѣкъ, принимаете участіе въ этомъ увальнѣ и стараетесь обмыть его отъ недостатковъ, которые со временемъ сдѣлаются пороками. Я понимаю, что вы хотите воспользоваться вашимъ пребываніемъ здѣсь, чтобы читать ему проповѣди и толковать, что онъ крадетъ у меня каждый кусокъ хлѣба, который кладетъ себѣ въ ротъ; но не думаю, чтобы онъ захотѣлъ васъ понять. Онъ словно угадалъ ваши намѣренія, потому что удралъ, какъ заяцъ, за которымъ гонится стая собакъ.

— Это правда, что онъ не только не встрѣтилъ меня съ дружелюбіемъ, какъ я ожидалъ, сказалъ Лазàръ, но что мое присутствіе какъ-будто испугало его. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣг-

Digitized by Google

ству его есть причина, что эта причина соединяется съ тайною, о которой я говорилъ тебѣ, и, вѣроятно, та же самая тайна незамѣтно дѣйствуетъ на характеръ его и поступки. Впрочемъ, это удаленіе—одна прихоть; онъ вѣрно недалеко, и какъ бы поздно ни воротился, а все-таки воротится.

— Ужь безъ всякаго сомнѣнія! сказалъ чеботарь, вернется, лишь только заслышитъ запахъ щей.

— Ну, возразилъ художникъ, какъ скоро онъ вернется, я отведу его къ сторонѣ и непремѣнно допытаюсь, отъ чего мой пріѣздъ заставилъ его обратиться въ бѣгство.

— Боюсь, что вы ничего отъ него не добьетесь. Онъ останется нѣмъ, какъ рыба. Ужь коли онъ заберетъ себѣ въ голову молчать, то хоть изрубите его въ куски, ни слова не скажетъ, даже не солжетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я замѣтилъ, что онъ никогда не лжетъ, сказалъ Лазаръ. Отсутствіе этого недостатка извиняетъ отсутствіе многихъ добрыхъ качествъ. Откровенность—добрый знакъ. Ребенокъ, который не лжетъ, рѣдко дѣлается безчестнымъ человѣкомъ. Если бы Зефиръ былъ лгунъ, сколько разъ онъ могъ бы въ своихъ продѣлкахъ найдти извиненія, которыя спасли бы его отъ твоихъ побоевъ. Предпочитая не избѣгать наказанія, онъ доказываетъ свою храбрость и въ то же время отдаетъ себѣ справедливость.... Ну, божусь тебѣ: по мнѣ, это еще достоинство!

— Эхъ, сударь! вскричалъ чеботарь, право, вы меня не на шутку удивляете. Дай вамъ только волю,—не пройдетъ четверти часа, какъ вы меня увѣрите, что этотъ негодяй—образецъ всѣхъ совершенствъ.

— Ну, я такъ далеко нейду, замѣтилъ художникъ; я только выставляю тѣ достоинства, которыя въ немъ находятся. Прошу тебя, не отсылай этого мальчика до моего отъѣзда. Я думаю, что въ это время, и даже нѣсколько прежде, ты замѣтишь въ немъ перемѣну. Если ты это для меня сдѣлаешь, то я, сверхъ того, попрошу тебя не заниматься имъ больше, а предоставить его въ полное мое распоряженіе.

— Я не любопытенъ, замѣтилъ Прота; но признаюсь, желалъ бы знать, какъ вы намѣрены за это взяться. Поду-

Digitized by Google

майте-ка, сударь: мнѣ, которому онъ долженъ повиноваться, какъ хозяину, если не какъ отцу, *мнѣ* не возможно было выдѣлать изъ него что-нибудь путное.

— Быть можетъ, эта самая власть, которую ты хочешь заставить его признать, и возбуждаетъ въ немъ чувство сопротивленія. Быть можетъ, обладаетъ онъ способностями, которыя не находятъ приложенія въ теперешней его жизни. Все это мнѣ должно будетъ распутать. Какъ я возьмусь за это? Самъ не знаю; но ужь навѣрное иначе, нежели ты. Такъ какъ я въ отношеніи къ нему, человѣкъ совершенно посторонній, то онъ будетъ со мною свободнѣе. Чтобы пріобрѣсти его довѣренность, я, пожалуй, сдѣлаюсь его товарищемъ.

— Послушайте: право, вы слишкомъ добры, сказалъ чеботарь, что безпокоитесь объ этомъ негодяѣ.

— Добръ! сказалъ художникъ, улыбаясь. О Боже мой! Дядя Прота, не считай меня лучше, нежели я въ самомъ дѣлѣ. Въ участіи, которое я принимаю въ твоемъ ученикѣ, гораздо менѣе доброты, нежели любопытства. Этотъ малый подстрекаетъ меня. Это родъ загадки, которую я хочу отгадать. Боже мой, въ деревнѣ, въ дурную погоду, когда не знаешь, чѣмъ заняться, иногда бываетъ такъ скучно! Здѣсь развлеченія не слишкомъ многочисленны. Я стану забавляться разгадкою загадочнаго Зефира. Не все ли равно, что заниматься этимъ, что идти играть въ пикетъ въ трактиръ *Бѣлаго Дома*.

— Дѣлайте, что хотите, г. Лазаръ, заключилъ чеботарь; но одолжите и меня также: не станемъ больше говорить о Зефирѣ.

— Это дѣло рѣшеное, отвѣчалъ художникъ. Мы поговоримъ объ немъ тогда только, когда можно будетъ сказать хорошее. Станемъ надѣяться, что это не замедлитъ случиться.

Въ эту самую минуту Аделина принесла кофе.

Лазаръ особенно любилъ этотъ напитокъ. Въ прежніе года ему не разъ случалось жаловаться на кофе, приготовленный теткою Магдалиною. Дѣйствительно, добрая старуха упорно держалась стариннаго способа, который состоитъ въ томъ, чтобы варить въ одно и то же время гущу и кофе въ глиняномъ сосудѣ и потомъ бросить въ него горящій уголь,

Digitized by Google

чтобы ускорить отстой. Какъ всѣ пожилые люди, которыхъ пугаютъ нововведенія, подъ какою бы формою они ни представлялись, Магдалина въ самыхъ бездѣлицахъ любила наблюдать старинные обычаи. Она всегда отказывалась, подъ разными предлогами, усвоить изобрѣтеніе, указанное ей Лазаромъ; но въ то самое утро Аделина, бывши на рынкѣ, не смотря на сопротивленіе Магдалины, купила знаменитую машину и принудила служанку употребить ее. Чтобы убѣдить старуху въ превосходствѣ новаго способа, Аделина хотѣла заставить ее отвѣдать кофе. Она долго отговаривалась; потомъ согласилась, нашла кофе отвратительнымъ, говоря, что онъ пахнетъ жестью, и всѣ эти разсужденія высказала съ большою досадою. Началось преніе. Аделина, которая уже привыкла къ ея грубостямъ, отвѣчала сперва кротко, чтобы не раздражить ее; а это часто съ нею случалось, и тогда она уже не помнила сама, что̀ говорила. У ней вырывались такія выраженія, о которыхъ она послѣ жалѣла; но тѣмъ не менѣе они были сказаны и произвели свое дѣйствіе. Обыкновенно эти ссоры начинались, какъ теперь, изъ-за бездѣлицы. Чтобы ихъ кончить, Аделинѣ оставалось одно средство: уйдти и предоставить полную свободу говорить старухѣ, которая считала своею обязанностію не уступать *«избалованному ребенку»*. Аделина старалась не обращать вниманія на ея грубости, но ей было больно, что Магдалина не умѣла цѣнить доброты, съ которою она щадила ея старость. Какъ всѣмъ людямъ, одареннымъ въ высшей степени чувствомъ справедливости и которые не въ силахъ удержаться, чтобы не призывать ее даже въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда это можетъ быть имъ вредно, Аделинѣ было непріятно, что она должна покупать домашній миръ и молчаніе старухи безмолвными уступками, которыя съ каждымъ днемъ уменьшали ея власть. Тогда происходило то, что̀ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ: Магдалина, сильная ея слабостію, теряла всякое чувство приличія и живостію своихъ укоровъ заставляла дѣвушку возвышать голосъ, и, наконецъ, дать ей понять, что, – права ли она, или виновата,— а все-таки госпожа въ домѣ, и хочетъ, чтобы ей повиновались. Вынужденная возвратиться къ подчиненности, Магдалина

Digitized by Google

изливала всю свою желчь: — Госпожа! кричала она. А! вотъ оно, наконецъ, великое-то слово! Потому, что мы были воспитаны въ хлопкахъ, да ходили въ модныхъ парижскихъ платьяхъ, такъ ужь мы думаемъ, что не учась все умѣемъ и во всемъ всегда правы. Отъ того, что моемъ руки духами, да натыкаемъ въ волосы большихъ булавокъ, стоя передъ зеркаломъ; потому, что батюшка трудится съ утра до вечера въ потѣ лица, а мы сидимъ-себѣ сложа ручки, да почитываемъ книжки, которыя не учатъ ничему доброму, — такъ, отъ нечего дѣлать, должно ссориться съ прислугою!... Коли бѣдная старуха для нашей же пользы осмѣлится замѣтить правду... — Не твое дѣло, старуха! Гдѣ жь ты училась служить, коли не знаешь, что господа всегда правы?—Ну такъ я, сударыня, я, которая съ вами говорю, продолжала Магдалина съ новымъ одушевленіемъ, я не всегда бывала старою тряпкою, какъ теперь, огороднымъ пугаломъ! И у меня былъ домъ, да еще втрое больше вашего; въ годъ-то мы посылали на мельницу больше хлѣба, чѣмъ дядя Протà, отецъ вашъ, нажнетъ въ десять лѣтъ. И у меня были слуги, да еще не одинъ, не два, а цѣлый десятокъ.... Приказывая имъ, я и сама научилась служить.... Когда, бывало, служанка покажетъ мнѣ какую ошибку,—для моей же пользы, извѣстно,—я никогда не вздумала бы обругать ее, какъ вы меня, сударыня; я не обижала ее потому, что она бѣдна да стара, а я была и молода и богата, да еще хороша въ придачу; я говорила: —ты, — какъ тебя тамъ, — ты лучше меня знаешь, потому что это твое дѣло. Такъ дѣлай какъ умѣешь, и полно! И домъ не хуже отъ того шелъ; да и теперь еще былъ бы первый и лучшій въ околоткѣ, какъ бы не несчастіе. Но вотъ, прогнѣвался Господь-Богъ: обѣдняла; а тамъ пришли лѣта; а за ними нужда и старость.... Да и довелось за кусокъ хлѣба все выносить, все выслушивать безотвѣтно.... Охъ, горекъ чужой хлѣбъ!... тяжело ходить по чужой лѣстницѣ! продолжала Магдалина, не подозрѣвая того, что въ этихъ жалобахъ выражала мысль Данте. Потомъ, какъ будто воспоминаніе прошедшаго счастія дѣлало еще безотраднѣе теперешнее ея положеніе, желчь и горечь примѣшивались ко

Digitized by Google

всѣмъ словамъ ея, и она часто начинала говорить какъ помѣшанная.

Эти длинныя тирады возобновлялись всякій разъ, какъ Аделина прибѣгала къ своей власти. Зная по опыту, что, когда расходится старуха, ее ничѣмъ уже не уймешь, она слушала не отвѣчая и часто даже не слыша словъ ея. Во всѣхъ сословіяхъ замѣчательно, что люди, которые перенесли большія несчастія, не хотятъ никогда признать жалость, внушаемую ихъ положеніемъ, и всегда склонны принимать за доказательства пренебреженія всѣ слова или поступки, которыми другіе стараются выразить имъ свое состраданіе. Аделина не оскорблялась намеками Магдалины на привычки, взятыя ею въ домѣ маркизы и которыя она не сочла за нужное покидать. Она не сердилась на нее, когда она упрекала ее въ томъ, что у ней наволочки обшиты кружевами и что по праздникамъ она надѣваетъ шелковое платье; но если старуха, въ своей злобѣ, задѣвала дядю Прота и его слѣпую любовь къ дочери, Аделина возставала во всей своей гордости, до тѣхъ поръ подавляемой. Она тотчасъ заставляла молчать служанку, которая не узнавала скромную поселянку въ дѣвушкѣ съ отрывистымъ голосомъ, съ повелительными движеніями. Часто эти споры доходили до Прота. Вначалѣ онъ попробовалъ въ нихъ вмѣшиваться; но Аделина знала, что его участіе будетъ скорѣе вредно, нежели полезно. Дѣйствительно, онъ не сталъ бы ждать терпѣливо, пока тётка Магдалина выскажетъ всѣ свои жалобы; оттого дѣвушка и просила отца (а эта просьба значила для него приказаніе) никогда не вступаться въ ея размолвки съ Магдалиною, говоря, что должно сохранять въ домѣ *единство власти*. Въ этихъ двухъ словахъ чеботарь понялъ только то, что дочь его хочетъ быть *единственною* хозяйкою въ домѣ, и прежде всего послушался ее. Это, однакожь, ставило его въ странное положеніе. Когда Магдалина дѣлала что-нибудь не по его желанію, онъ не смѣлъ сказать ей ни малѣйшаго замѣчанія: такъ онъ боялся, что это не понравится дочери и что онъ нарушитъ *единство власти*. Доведенный до пассивной роли, которая вынуждала его молчать, когда хотѣлось ему говорить, онъ вымѣщалъ все на Зефирѣ, и

Digitized by Google

рѣдкій день проходилъ, чтобы мальчишка не доставилъ старику случая расправить свой языкъ, а также и свои руки.

Во время разговора съ художникомъ, до дяди Протà уже не разъ долеталъ шумъ ссоры и визгливый голосъ Магдалины, который, по обыкновенію, господствовалъ въ перебранкѣ; но онъ только подумалъ:—опять тамъ шумъ! Дочь журитъ тётку Магдалину; эта разсердится и испортитъ обѣдъ; тѣмъ хуже!...—Если бы на ту минуту случился у него подъ рукою Зефиръ, то нѣтъ сомнѣнія, что на плечахъ его отозвалась бы досада, испытываемая Протà, за то, что онъ не могъ помогать дочери бранить служанку, ужъ безъ сомнѣнія, виноватую.

Споръ, начавшійся въ кухнѣ подъ пустымъ предлогомъ, который мы описали, шелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Магдалина, раздраженная успѣхомъ новой машины, объявила, что кофе прегадкій, не замѣчая того, что опорожнила цѣлую чашку. Дѣвушка, видя такое противорѣчіе между словами и поступками старухи, не могла удержаться отъ смѣха. Магдалина разсердилась. Аделина стала смѣяться еще громче. Магдалина совершенно вышла изъ себя. Тогда Аделина перестала смѣяться и замолчала безъ всякой досады на старуху,—такъ заняты были ея мысли посторонними предметами. Раздраженной Магдалинѣ захотѣлось, во что бы то ни-стало, разсердить ее. Она насказала ей бездну вещей несправедливыхъ и безполезныхъ, ожидая на каждомъ словѣ, что Аделина остановитъ ее, принявъ на себя, какъ она выражалась, *видъ царицы*; но Аделина, казалось, была за сто верстъ отъ происходившаго. Она смотрѣла въ окно на спокойные берега Луана, и мысль ея такъ же далеко уносилась отъ ссоры, какъ сама она была далека отъ облака, рѣявшаго въ воздушномъ пространствѣ, куда по-временамъ устремлялись ея взоры. Магдалина, выведенная изъ терпѣнія равнодушіемъ, которое доказывало ей, что она говорила не только съ нѣмымъ, но и съ глухимъ созданьемъ, не могла болѣе выносить такого явнаго пренебреженія. Она бросилась къ Аделинѣ, которая сидѣла, облокотившись на столъ, вырвала у ней изъ рукъ кофейникъ и вскричала:

Digitized by Google

— Пока вы сидите тутъ, какъ статуя, да мечтаете Богъ васъ знаетъ о чемъ, кофей-то стынетъ, и когда я сойду подавать его, небось вашъ любовникъ, что сидитъ тамъ, мнѣ же станетъ выговаривать, а не кому другому; да и отецъ-то вашъ вымоетъ мнѣ голову, какъ словно это моя вина.... Вотъ еще славная выдумка, твой дьявольскій кофейникъ: не успѣешь перемолвить двухъ словъ, анъ глядь—кофе и простылъ, какъ ледъ.... Если бы я не послушалась тебя, малютка, да сварила кофе въ старомъ кофейникѣ, онъ кипѣлъ бы еще до сихъ поръ; а теперь, поди-ка, разогрѣвай его, чтобы онъ потерялъ весь вкусъ.

При первыхъ словахъ Магдалины Аделина встала, какъ будто тронули въ ней невидимую пружину. Она бросила на служанку взглядъ, который долженъ былъ поразить ее.... Отъ того Магдалина, какъ мы уже видѣли, старалась изгладить непріятное впечатлѣніе, продолжая разговоръ въ дружескомъ тонѣ; но какъ ни былъ искусенъ этотъ манёвръ, только онъ совсѣмъ не удался. Аделина не слыхала послѣднихъ ея рѣчей; она еще размышляла о словѣ, которое раздалось въ ея сердцѣ подобно громовому удару.

— Магдалина! сказала дѣвушка послѣ непродолжительнаго молчанія, должно непремѣнно, чтобы эта ссора была между нами послѣдняя.

— Ссора, дитятко! возразила старуха, снова сдѣлавшаяся привѣтливою, не изъ духа рабства, но потому, что замѣтила, что оскорбила Аделину, и сама о томъ жалѣла; ссора, между нами!... Ты шутишь! Мы немножко покричали, какъ это часто съ нами случается,—и все тутъ. Ты вѣдь знаешь,—я упряма и вспыльчива отъ природы, малютка; а ужь я слишкомъ стара, чтобы исправиться; не должно за это на меня сердиться, и ты вѣрно не сердишься, Аделиночка, не правда ли? Ты слишкомъ добрая дѣвушка.

— Однако жь я сержусь на тебя, Магдалина, отвѣчала спокойно дочь чеботаря; именно потому, что я добра со всѣми и въ особенности съ тобою, тебѣ не должно бы употреблять во зло моей доброты. Вѣдь эти ссоры не въ первый разъ; не я ихъ начинаю, и когда онѣ начнутся, всегда избѣгаю

Digitized by Google

ихъ. Ты несправедлива со мною, а я всегда стараюсь быть терпѣливою и справедливою, и никогда бы себѣ не простила, если бы чѣмъ-нибудь огорчила тебя, потому что ты стара и много потерпѣла въ жизни. Ты очень хорошо знаешь, что я нисколько не горжусь моимъ положеніемъ; да и чѣмъ же мнѣ гордиться? Прежде, когда я жила въ свѣтѣ, для котораго не родилась, я должна была перенять привычки общества, въ которомъ жила; но ты знаешь, Магдалина, болѣе, нежели кто-нибудь другой, что, когда я воротилась къ отцу, то покинула всѣ привычки, которыя были обязанностями, когда я жила у г-жи де-Белльри, а здѣсь сдѣлались бы смѣшными. Я охотно прощаю тебѣ твои шутки на этотъ счетъ, хотя ты иногда и дѣлаешь ихъ съ дурнымъ намѣреніемъ. Досадно также мнѣ бываетъ, когда ты дурно говоришь о свѣтѣ, котораго не знаешь, и узнавъ, который, я нисколько не раскаиваюсь, потому что въ этомъ свѣтѣ, слабый и больной ребенокъ, я нашла семейство, которое любило и защищало меня, какъ родную; оно дало мнѣ воспитаніе, которое, быть можетъ, ни къ чему мнѣ не послужитъ, но которое, по крайней мѣрѣ, доказывало, что они считали меня достойною получить его. Одно только меня истинно сердило противъ тебя: это—когда ты порицала отца моего за любовь ко мнѣ. Я такъ долго лишена была его нѣжности, а онъ моей; теперь мы стараемся вознаградить потерянное время, — кто можетъ осуждать насъ! Быть можетъ, онъ исполняетъ, какъ ты говоришь, всѣ мои прихоти; но этѣ прихоти, какъ ты называешь ихъ, имѣютъ ли онѣ какую-нибудь другую цѣль, какъ только исполнять всѣ его желанія и дѣлать какъ можно счастливѣе остальную жизнь его. Кто скажетъ, чтобы я заслужила, чтобы обо мнѣ говорили дурно? Кто упрекнетъ меня въ словахъ или поступкахъ, которые доказали бы, что меня мучатъ чувства свыше моей смиренной доли? Еще разъ, и это будетъ въ послѣдній, Магдалина,—ни одного слова, ни одного намека на этотъ предметъ. Что̀ касается до слова, сей-часъ тобою сказаннаго, продолжала Аделина, потупивъ глаза, то ты забыла всякое приличіе, всякую скромность; ты была несправедлива и жестока.... ты почти обругала меня. Въ свѣтѣ, гдѣ я жила, Магдалина,

Digitized by Google

меня учили уважать старость; а я скажу тебѣ, что и старые люди должны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имѣть уваженіе къ молодости; а сей-часъ ты это забыла въ отношеніи ко мнѣ.

Боясь привести въ затрудненіе Магдалину и даже отца своего, Аделина какъ-можно менѣе употребляла языкъ, которому ее научили. Она выражалась обыкновенно такъ, чтобы ее легко было понять, и тщательно остерегалась въ разговорахъ съ туземцами навлечь на себя упрекъ въ *краснобайствѣ*,—насмѣшливое названіе, которое у крестьянъ значитъ обыкновенно, въ томъ, кто обладаетъ этимъ качествомъ, человѣка, съ которымъ трудно сговорить. Слушая строгій выговоръ молодой хозяйки, Магдалина казалась нѣсколько минутъ въ большомъ замѣшательствѣ. Она вертѣла въ рукахъ завязки своего фартука, и не знала, на что рѣшиться: принять ли *эту прекрасную рѣчь* за новое оскорбленіе, или броситься на шею Аделинѣ, разцѣловать ее и сказать:—Ну, дитятко, правда твоя: я виновата. Я огорчила тебя; прости меня.—Но самолюбіе ее удерживало. Она чувствовала, что не права; но ей трудно было въ томъ сознаться. Она, какъ выразился однажды живописецъ, употребляла во зло свои сѣдые волосы.

Наконецъ, въ этой борьбѣ дурное чувство одержало верхъ. Магдалина съ новою желчью возобновила споръ, нагромоздила обидныхъ словъ, которыя, наконецъ, выводятъ изъ терпѣнія существа самыя кроткія. Откровенная и честная душа Аделины вознегодовала, что ее такъ дурно поняли. Инстинктъ справедливости оскорбился въ ней тѣмъ, что излишняя доброта ея обращается противъ нея же самой. Блѣдная, трепещущая, и какъ будто удивленная сильнымъ негодованіемъ, которое въ ней пробудилось, она не удостоила служанку отвѣтомъ, и воспользовавшись первою минутою, въ которую Магдалина, истощенная гнѣвомъ, замолчала, въ короткихъ словахъ приказала ей сбираться оставить ихъ домъ.

— Хорошо, хорошо, сказала Магдалина, которая, по видимому, не ожидала такого заключенія, надъ нами не каплетъ; сегодня, завтра, или когда въ другой разъ, не правда ли, сударыня?

Digitized by Google

— Ни сегодня, ни завтра, сказала Аделина, ты уйдешь сей-часъ.

— Еще сначала посмотримъ, что̀ скажетъ вамъ батюшка? возразила Магдалина съ удвоенной грубостію.

— Ты знаешь, что у батюшки нѣтъ другой воли, кромѣ моей.

— Отъ того-то въ домѣ все такъ хорошо и идетъ, возразила служанка.

— Хорошо ли, худо ли, до этого никому нѣтъ дѣла, а тебѣ еще менѣе.

— Коли запрещаете мнѣ говорить, такъ не запретите другимъ думать, мамзель.

— Мнѣ все равно, что̀ кто ни думаетъ, а батюшкѣ и подавно. Мы здѣсь всѣхъ выше.

— А! сказала Магдалина съ злобною усмѣшкою, извѣстно, что вы горды, сударыня. Вы рады случаю показать вашу гордость; а иначе она задушила бы васъ когда-нибудь въ вашей прекрасной постелѣ съ кисейными занавѣсками.... Дитятко! продолжала старуха, удвоивая тонъ насмѣшки, чтобъ быть всѣхъ выше, надо быть очень большою!... Да часто и это не къ добру, а къ худу.... Положимъ, хоть, вотъ, примѣрно сказать, случится упасть; оно вѣдь чѣмъ выше, тѣмъ больнѣе. Не правда ли, мамзель? окончила Магдалина, бросивъ на свою хозяйку такой пронзительный взглядъ, что она невольно покраснѣла и потупила голову.

— Что̀ ты хочешь сказать? возразила Аделина, стыдясь минутнаго замѣшательства.

— Нѣтъ нужды мнѣ повторять; вы и такъ хорошо поняли, сказала Магдалина.

— Ну такъ я тебѣ приказываю объясниться! вскричала Аделина.

— Вы не можете мнѣ приказывать: я ужь не слуга вамъ.

— Ты должна меня слушаться до тѣхъ поръ, пока будешь у меня въ домѣ.

— Да я и не въ домѣ, потому что ухожу отсюда, возразила строптивая старуха, развязывая фартукъ и бросая его на стулъ.

Digitized by Google

— Магдалина! сказала Аделина кроткимъ голосомъ, и посмотрѣла на старуху такъ, что та могла понять, какъ не многое ей слѣдовало сдѣлать, чтобы эта жалкая сцена была забыта.

Служанка ошиблась въ смыслѣ этаго взгляда. Она подумала: Аделина боится, что я уйду изъ дома съ ключемъ отъ ея тайны.

Старуха не отвѣчала на этотъ шагъ къ примиренію, и обратившись сердито въ ту сторону, гдѣ была дочь чеботаря, проворчала: — сударыня!

Слезы показались на глазахъ Аделины; но изъ чувства справедливо оскорбившейся гордости она старалась скрыть ихъ.

Когда начинаешь жизнь, тягостенъ разрывъ во всякой привязанности, какова бы она ни была и какое бы мѣсто ни занимала въ сердцѣ; а дѣвушка была искренно привязана къ Магдалинѣ.

Видя ея волненіе, служанка сама невольно тронулась; но имѣя болѣе опытности, умѣла скрыть свои чувства, и ни одинъ мускулъ лица ея не измѣнилъ ея умиленію.

— Еще у насъ есть маленькій счетецъ; когда прикажете придти повершить? спросила она спокойно.

— Когда ты хочешь, отвѣчала въ томъ же тонѣ Аделина.... Такъ какъ ты не брала....—своего жалованья, хотѣла она сказать, но изъ деликатности, оставленной безъ вниманія Магдалиною, выпустила слово, напоминавшее состояніе зависимости, отъ котораго ея преувеличенное самолюбіе такъ страдало....—Такъ какъ ты не брала денегъ, то мы еще должны тебѣ....

— А сколько, оно, эдакъ, по вашему, состоитъ? спросила старуха, которая очень хорошо знала, сколько ей приходилось.

— Гм.... сказала дѣвушка, всего будетъ франковъ около 40.

— О! вы ошибаетесь, сударыня!

— Быть можетъ, сказала Аделина, если приходится больше, отдадутъ и больше.

— Не о томъ рѣчь: вы должны мнѣ, по крайней мѣрѣ, 10-ю франками меньше. 3 мѣсяца по 10 Ф.,—это, по нашему, составитъ 30-ть.

Digitized by Google

— Точно, отвѣчала Аделина; но мы прибавимъ 10 фр. еще за мѣсяцъ; таковъ обычай.

— Въ вашемъ свѣтѣ, быть можетъ, сказала старуха, а не въ нашемъ, гдѣ никогда не платятъ больше того, что̀ приходится. Вы отдадите мнѣ мое жалованье по уговору, и ни копѣйки больше. Слава тебѣ, Господи, я ужь не нищая; не нуждаюсь, чтобы мнѣ подавали милостыню. Выходя отсюда, я знаю, куда идти; не буду никому въ тягость. Да я, право, и не понимаю, за чѣмъ это идутъ по чужимъ домамъ, когда можно жить у себя. Когда я вошла сюда, это было не столько по нуждѣ, сколько изъ желанія угодить вашему батюшкѣ. Тогда я была не лишняя въ домѣ; теперь, другое дѣло; теперь замѣчаютъ, что у меня есть глаза, а за то и указываютъ мнѣ двери, какъ собакѣ, и говорятъ:—вонъ! —Хорошо! уйдемъ, не безпокойтесь. Да и кофей-то тоже, коль оставите его на огнѣ въ вашей новой посудинѣ! Несите-ка его поскорѣе къ désigneux, вмѣсто того, чтобы терять здѣсь время, разсматривая меня, словно картину какую.... Кланяйтесь батюшкѣ.... Прощайте.

III.

Тайна Аделины.

Когда Аделина сошла въ залу, то была еще вся взволнована сценою, которая происходила въ кухнѣ; Протà готовился спросить ее о причинѣ ея смущенія; но она, бросивъ на Лазàра быстрый взглядъ, приложила палецъ къ губамъ. Старикъ понялъ ее, замолчалъ и даже старался отвлечь вниманіе художника, который не могъ не замѣтить перемѣны, произшедшей въ наружности молодой дѣвушки съ тѣхъ поръ, какъ она оставила комнату. Смущенный видъ Аделины и безпокойство чеботаря распространили какое-то принужденіе на послѣднюю половину завтрака. Знаменитый кофе, источникъ описанной нами домашней бури, былъ поданъ дрожащею рукою молодой дѣвушки. Вмѣсто того, чтобы прихлебывать его по немножку, какъ обыкновенно дѣлывалъ, чеботарь проглотилъ его разомъ, не замѣчая даже, что онъ холодный. Для

Digitized by Google

Лазара слишкомъ было достаточно этихъ признаковъ, чтобы угадать, что отцу и дочери нужно переговорить между собою. Подъ предлогомъ чрезмѣрной усталости, онъ сказалъ, что пойдетъ соснуть часъ или два.

— Все для васъ готово со вчерашняго дня, сказалъ чеботарь, вставая и подавая художнику ключъ отъ комнаты. Мы разбудимъ васъ къ обѣду.

Подлѣ покоевъ Аделины, комната нахлѣбника была самая лучшая въ домѣ. Она находилась въ первомъ этажѣ и выходила окнами на рѣку, которая извивалась серебряною лентою среди веселыхъ ландшафтовъ. Войдя въ комнату, Лазаръ замѣтилъ, что, со времени его послѣдняго пребыванія, въ ней произошли значительныя перемѣны. Сообразно съ желаніемъ, которое онъ не разъ изъявлялъ для удобства въ своихъ занятіяхъ, этой комнатѣ придали видъ мастерской. Обои, которыхъ рѣзкіе цвѣта непріятно поражали глаза, замѣнила сѣрая краска; окно было увеличено и отдѣлано большими стеклами. Лазаръ, который дѣйствительно усталъ смертельно, бросился одѣтый на кровать, и тотчасъ заснулъ.

Лишь только живописецъ ушелъ, Прота принялся разспрашивать дочь свою о причинѣ ея волненія. Аделина разсказала ему все, что происходило между ею и Магдалиною.

— Это еще не объясняетъ мнѣ, почему у тебя красные глаза, отвѣчалъ чеботарь. Если Магдалина тебя не слушаетъ, ты очень хорошо сдѣлала, что отослала ее; но тутъ еще не о чемъ плакать. Ты что-нибудь да скрываешь отъ меня.

Аделина отвѣчала, что ей истинно было жаль отослать старуху. И это была правда; только она не смѣла признаться отцу и даже самой себѣ, что ее до глубины сердца уязвилъ намекъ, два раза повторенный Магдалиною въ припадкѣ гнѣва. Прота упорно стоялъ въ своемъ невѣріи. Инстинктъ отцовской любви говорилъ ему, что подъ этой горестью скрывалось что-нибудь поважнѣе домашней ссоры съ служанкою. Но онъ напрасно развернулъ всю свою ловкость и показалъ чудеса инквизиторіальной дипломаціи, какую не отказался бы признать любой слѣдственный судья. Аделина молчала. Чтобы еще лучше убѣдить отца своего, что печаль ея происходила

Digitized by Google

единственно отъ разлуки съ Магдалиною, она умоляла добряка поговорить со старухою и какъ-нибудь уладить дѣло.

— Ужь вотъ извини! вскричалъ Протà. Я не намѣренъ держать упрямую старуху, которая не хочетъ понять, что въ чужой домъ идутъ не для того, чтобы исполнять свою волю. Чтобы принудить тебя отослать ее, должно, чтобы она очень противъ тебя провинилась.

Аделина покраснѣла; она знала вспыльчивый характеръ отца,—знала, что, если онъ заберетъ себѣ въ голову, что Магдалина чѣмъ-нибудь ее оскорбила, то побѣжитъ и надѣлаетъ ей непріятностей она боялась, что Магдалина, изъ мщенія, повторитъ передъ отцомъ свои сплетни. Ей казалось, что всѣ сосѣди, увѣдомленные нескромностію выгнанной служанки, кричатъ ей въ слѣдъ тѣ самые намеки, которые ее такъ напугали. Должно было, во чтобы-то ни стало, заключить въ домѣ, между ею и Магдалиною, тайну, похищенную послѣднею. Аделина, призвавъ на помощь всю свою хитрость, всѣ любезности избаловаинаго ребенка, стала уговаривать отца, чтобы онъ взялся устроить ея примиреніе съ Магдалиною.

— Признаться откровенно, сказала она, краснѣя невольно не столько отъ лжи своей, сколько отъ причины, которая вызвала эту ложь, я потеряла терпѣніе; я была слишкомъ вспыльчива съ Магдалиною. Даромъ, что она служанка,—она обидчива, какъ всѣ старые люди; я оскорбила ее, покричавъ на нее слишкомъ громко; притомъ же, я съ самаго утра была дурно расположена.

— Ты, дурно расположена? помилуй! вскричалъ Протà; напротивъ того, я никогда не видалъ тебя съ такимъ веселымъ, открытымъ лицемъ; ты летала какъ птичка; ты могла бы, мнѣ кажется, наступить на муху, не раздавивъ ее. Чтобы разстроить тебя въ такомъ прекрасномъ расположеніи, ужь вѣрно старуха надѣлала какихъ-нибудь гадостей. Ты не хочешь мнѣ сказать; но погоди, вскричалъ онъ, дѣлая видъ, что сбирается выдти изъ комнаты, погоди, вотъ я пойду, встряхну ее порядкомъ!

— Увѣряю тебя, что ты ошибаешься, возразила Аделина въ волненіи, удерживая отца; если хочешь сдѣлать мнѣ удо-

Digitized by Google

вольствіе, ты пойдешь къ Магдалинѣ и помиришь меня съ нею.

— Коли ты желаешь; но она останется не иначе, какъ съ условіемъ.

Аделина съ живостію прервала отца.

— Безъ всякаго условія, сказала она; вѣдь я говорю тебѣ, что виновата я.... Ну право такъ, прибавила она, видя, что Протà сомнительно качалъ головою:—вотъ почему мнѣ и досадно, что такъ случилось.... Скажи ей, что ты бранилъ меня за то, что я ее выгнала....

— Какъ ты говоришь? замѣтилъ Протà, удивленный и испуганный тѣмъ, что дочь его видимо хотѣла нарушить *единство власти*, возвышая его надъ собою. Нѣтъ, Лизетта, ужь извини! ты здѣсь госпожа, и когда я самъ считаю за удовольствіе тебѣ повиноваться, то, мнѣ кажется, служанкѣ ужь не слѣдъ быть гордою! Я позову Магдалину. Мы всѣ трое объяснимся. Если она благоразумна, мы ее не отошлемъ; если же она заупрямится и надѣлаетъ глупостей, началъ говорить Протà своимъ толстымъ голосомъ, такъ она уберется ко всѣмъ чертямъ, и добрый ей путь!

— Ну вотъ, сказала Аделина:—ты непремѣнно все испортишь своею вспыльчивостію. Совсѣмъ не такъ должно за это взяться; и меня нисколько не надо мѣшать въ дѣло. Должно же показать, что ты щадишь мое самолюбіе передъ Магдалиною. Поди къ ней и скажи потихоньку:—что́ такое я слышалъ, тетка Магдалина, что будто ты хочешь насъ покинуть? а? я на это не согласенъ. Что́ это за глупости? Вѣдь и я, кажется, немножко здѣсь хозяинъ, чортъ возьми!

— Магдалина засмѣется мнѣ въ глаза, когда я стану такъ говорить, сказалъ Протà съ убѣжденіемъ.

— Покричи немножко, какъ-будто ты на меня сердишься, сказала Аделина, продолжая давать наставленія отцу своему. Скажи еще: развѣ тебѣ слѣдъ обращать вниманіе на вспыльчивость вѣтреницы, у которой немножко длиненъ языкъ, которая была дурно воспитана....

— Дурно воспитана! ты! да ты у меня учена какъ принцесса! вскричалъ чеботарь, сдѣлавши скачокъ отъ удивленія.

Digitized by Google

— Ну, разумѣется! по этому-то я и дурно воспитана для крестьянки! Скажи это Магдалинѣ. Это ей будетъ пріятно; ты знаешь ея конекъ. Когда люди намъ нужны, должно льстить ихъ наклонностямъ.

— Какъ нужны? Да ни мнѣ, ни тебѣ не нужна Магдалина, сказалъ Протà, поставленный въ тупикъ странными совѣтами дочери.

Аделина поняла, что выразилась неосторожно и закусила губу.

— Должно же полагать, что она тебѣ нужна, коли ты хочешь, чтобы она осталась; а чтобы удержать ее, должно сдѣлать нѣкоторыя уступки.

— Какъ? я хочу!... вскричалъ чеботарь, который ужь рѣшительно ничего не понималъ; да я совсѣмъ не хочу и не думалъ хотѣть! Остается ли Магдалина, или нѣтъ, мнѣ все равно.

— Да нѣтъ же! сказала Аделина, обнимая и цѣлуя старика, да не все равно! вѣдь ты желаешь все, чего я хочу; а я хочу, чтобы Магдалина не уходила!

— А! эдакъ-то! ну это другое дѣло! пробормоталъ Протà, уловленный, въ одно и то же время, въ сѣти дочернихъ ласкъ и на приманку ея тонкостей.—Все равно, продолжалъ онъ; ты согласишься, что идти извиняться передъ служанкою.... это немножко слишкомъ.... когда, напротивъ того, ей бы слѣдовало....

— Да ступай же, ступай! отвѣчала Аделина, толкая его къ саду, куда Магдалина вошла въ ту минуту.

— Иду, иду, прошепталъ чеботарь, дѣлая нѣсколько шаговъ въ направленіи, указанномъ дочерью; но вдругъ, обернувшись, прежде нежели переступилъ за порогъ комнаты, онъ увидѣлъ, что Аделина упала на стулъ, и закрывъ лице руками, плакала. Протà располагался воротиться назадъ, но подумавъ, что ничего не вывѣдаетъ отъ Аделины, которая, вѣроятно, имѣла важныя причины молчать, онъ размыслилъ, что, вѣрно, Магдалина знаетъ тайну горести, которая, по его мнѣнію, должна была имѣть связь съ ссорою, которую ему поручили прекратить.

— Пойдемъ къ Магдалинѣ, сказалъ Протà, который начиналъ тревожиться и прибавилъ тихонько:

— Что̀ тутъ за дьявольщина дѣлается, и что̀ я найду въ этомъ мѣшкѣ?

Digitized by Google

Аделина не долго оставалась въ залѣ. Боясь, что отецъ и служанка, возвратившись, застанутъ ее въ слезахъ, она вошла въ свою комнату. Эта комната была отдѣлена отъ той, которую занималъ Лазаръ, небольшимъ чуланомъ, гдѣ спалъ Зефиръ. Она была убрана съ изяществомъ, подходящимъ къ роскоши, мебелью, привезенною, какъ мы уже сказали, изъ отели Белльри. Это очаровательное убѣжище принимало почти таинственный характеръ отъ двойныхъ занавѣсокъ на окнахъ, которыя пропускали кроткій полусвѣтъ. Въ этой комнатѣ царствовалъ сладостный ароматъ дѣвственнаго уединенія, ароматъ монастырской кельи, умѣряемый сильными испареніями, выходящими изъ ящиковъ комода, отъ разныхъ душистыхъ мѣшечковъ, которыми переложены были бѣлье и платье Аделины. Мебель, равно какъ и множество модныхъ бездѣлокъ, которыя на ней были разставлены, доказывали особенное мелочное попеченіе; во всемъ отражались граціозныя руки женщины, привыкшей обращаться съ бренными, прихотливыми вещицами, изъ которыхъ каждая олицетворяла для нея какое-нибудь воспоминаніе. Аделина, дѣйствительно, сама занималась уборкою своей комнаты. Каждый день она проводила часа по два, стряхивала съ своихъ вещей малѣйшую пылинку, которая на нихъ садилась. Для нея было вседневнымъ удовольствіемъ, равно какъ и обязанностію, пещись объ этихъ неодушевленныхъ предметахъ; иногда ей казалось,—они заимствовали голосъ, чтобы говорить о подругѣ, которая ихъ подарила, и вспоминать ей о времени, о которомъ она, конечно, не жалѣла съ горестію, обыкновенно сопровождающей сожалѣніе, но о которомъ не могла не думать, хотя при этомъ воспоминаніи у ней не вырывалось ни одного вздоха. Между всѣми вещами, дочь чеботаря оказывала особенное предпочтеніе небольшому бюро розоваго дерева, которое могло служить и рабочимъ столикомъ. Въ верхней части этой хорошенькой мебели было вдѣлано зеркало, увѣнчанное рѣзьбою, окружающею щитъ для герба; на пурпуровомъ полѣ были вырѣзаны начальныя буквы А и П. Сесилія, которая подарила этотъ столикъ подругѣ, велѣла сдѣлать его по одному рисунку съ тѣмъ, который заказывала для себя, и чтобы сходство было разительнѣе, требовала,

Digitized by Google

чтобы не забыли даже и этой геральдической подробности. Въ ящикахъ бюро молодая поселянка прятала свои скромныя вещицы и также письма, которыя писала къ ней, отъ времени до времени, подруга ея дѣтства.

Когда она вошла въ свою комнату, глаза ея прежде всего упали на этотъ столикъ—хранитель ея богатствъ и ея воспоминаній, и ей показалось страннымъ, что ключъ, который она обыкновенно вынимала и прятала съ большимъ стараніемъ, былъ воткнутъ въ одномъ изъ ящиковъ.

Этотъ случай сначала не пробудилъ въ ней никакого опасенія. Она приписала его забвенію, причиненному мыслями, которыя волновали ее въ эти три дня и въ особенности въ то утро, которое предшествовало возвращенію Лазара въ Монтиньи. Аделина была дѣвушка простодушная, но простодушіе ея не доходило до незнанія, свойственнаго какой-нибудь Агнесѣ. Ей уже не нужно было доискиваться, какого рода чувство испытывала она къ молодому живописцу, который гостилъ у отца ея, когда одно его имя, произнесенное въ ея присутствіи, причиняло ей замѣшательство, которое она думала скрыть отъ всѣхъ взоровъ и которое самая эта скрытность могла бы сдѣлать замѣтнымъ, еслибы кто обратилъ на него вниманіе. Аделина любила Лазара; она знала это, она это чувствовала, и чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, ей не нужно было обращаться къ воспоминанію романовъ, которые давала ей читать бабушка Сесиліи. Эта любовь родилась въ сердцѣ ея, а не въ воображеніи, какъ рождаются, большею частію, страсти молодыхъ дѣвушекъ. Прежде нежели она увидѣла Лазара, она никогда не создавала себѣ идеаловъ, которые чарують первыя дѣвственныя мечты. Книги, которыя старая, безразсудная женщина давала ей, не пробудили никакого любопытства въ умѣ ея, никакаго волненія въ ея спокойной душѣ. Она ускользнула отъ опасности такого чтенія, потому что въ книгахъ, которыя любила старая дама, страсть была представлена въ восторженномъ, невѣроятномъ образѣ, и выражена языкомъ необузданнымъ, который дѣлалъ эти разсказы непонятными для невиннаго ума дѣвушки. Павелъ и Виргинія, или какой подобный разсказъ, гдѣ простота чувства соединяется съ исти-

Digitized by Google

ною выраженія, опаснѣе для юнаго воображенія, нежели иной романъ, написанный для людей развращенныхъ. На разсвѣтѣ своей любви, которая началась вѣчными ребячествами, Аделина испытывала все очарованіе этого чувства, не старалась даже бороться съ нимъ. Когда Лазàръ пріѣзжалъ на три мѣсяца въ домъ отца ея, она была счастлива тѣмъ уже, что жила подъ одною съ нимъ кровлею, счастлива,—встрѣчая его по нѣскольку разъ въ день, сидя возлѣ него за столомъ. Когда, вечеромъ, она слышала, какъ раздавался на мостовой стукъ желѣзнаго конца его палки, возвѣщающій возвращеніе художника съ его трудолюбивыхъ прогулокъ, то руки ея, правда, нѣсколько дрожали, когда она ставила приборъ; она чувствовала, что краснѣла, когда онъ гонялся за ней вокругъ стола, чтобы поцѣловать ее, играя съ нею, какъ братъ съ сестрою; но это счастіе было такъ спокойно, такъ сладостно впечатлѣніе, оставленное въ ней короткостію молодаго художника, что она и не думала пугаться. Что̀ касается до Прота̀, онъ былъ за тысячу верстъ отъ мысли, что дочь его думала о живописцѣ иначе, нежели онъ самъ объ немъ думалъ, т.-е. какъ о пріятномъ гостѣ, котораго общество ему нравилось, въ разговорѣ съ которымъ онъ часто слышалъ вещи для себя полезныя, и котораго честный характеръ и превосходное сердце онъ вполнѣ умѣлъ оцѣнить. Если ужь говорить все, то чеботарь любилъ Лазàра также и потому, что онъ аккуратно платилъ деньги и что пребываніе его въ домѣ было выгодно. И такъ его ни мало не безпокоила короткость, которую общая жизнь устанавливала между имъ и его дочерью; ктому жь, онъ продолжалъ считать ее тѣмъ, чѣмъ Аделина, по-видимому, оставалась и въ глазахъ Лазàра—ребенкомъ. Не прежде, какъ при исходѣ вторичнаго пребыванія живописца въ Монтиньи, чувства дѣвушки означились точнѣе; спокойствіе ея было нарушаемо мечтательностію, которая наполняла ее томностію; за мимолетными проблесками безумной радости слѣдовала неподвижность, внушающая безпокойство, или внезапная перемѣна расположенія; Аделина становилась раздражительною, капризною. Она съ досадою отвѣчала Магдалинѣ, бранила Зефира, лишала отца ласкъ, которыя составляли его

Digitized by Google

радость, и когда живописецъ спрашивалъ послѣдняго: — Что́ такое дѣлается съ малюткою?—чеботарь отвѣчалъ: — Ба! ростетъ!—Онъ и самъ не подозрѣвалъ, какъ мѣтко выражался, отвѣчая такую пошлость. Дѣйствительно, *росла* любовь ея, и это возрастаніе измѣнило всегда ровный характеръ молодой дѣвушки. Эта перемѣна совершилась въ ней, въ особенности, съ одного вечера; Лазаръ объявилъ своему хозяину, что черезъ недѣлю долженъ воротиться въ Парижъ. Когда онъ пересталъ говорить, Прота замѣтилъ, что дочь его, вмѣсто того, чтобы наполнить виномъ стаканъ, который онъ ей подавалъ, лила вино на столъ.

— Эй дочка! что жь это ты дѣлаешь? сказалъ отецъ, посмотрѣвъ на Аделину, которая вся поблѣднѣла.

— Ничего, отвѣчала она. И указывая на ученика, который сидѣлъ противъ нея, прибавила:

— Зефиръ наступилъ мнѣ на ногу. Это заставило меня сдѣлать движеніе!

Напрасно Зефиръ увѣрялъ въ своей невинности.

Прота, отвѣсивъ ему подъ столомъ ударъ ногою, послалъ его обѣдать въ кухню.

Въ эту ночь Аделинѣ не спалось; она плакала.

Наканунѣ того дня, въ который живописецъ долженъ былъ покинуть Монтиньи, взойдя къ себѣ, чтобы уложить свои вещи, онъ нашелъ Аделину въ своей комнатѣ. Онъ былъ не столько удивленъ этою встрѣчею, какъ замѣшательствомъ и почти ужасомъ, которые выразились на лицѣ дѣвушки, когда она его увидѣла. Аделина, запинаясь, объяснила свое присутствіе какими-то хозяйственными распоряженіями, и тотчасъ же вышла. Оставшись одинъ, Лазаръ хотѣлъ окончить начатое утромъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ о своемъ прибытіи въ Парижъ. Письма этого онъ не нашелъ болѣе; но такъ какъ многіе рисунки, которые онъ оставилъ на томъ же столѣ, стоявшемъ у окна, были разбросаны по комнатѣ, то это заставило его предполагать, что сильнымъ вѣтромъ, который дулъ тогда, унесло его письмо въ садъ, а оттуда—въ рѣку.

Онъ не сталъ больше искать и написалъ новое. Въ это время Аделина, удалившись въ свою комнату, запирала на замокъ въ маленькій столикъ письмо, которое художникъ счи-

Digitized by Google

талъ унесеннымъ вѣтромъ. Къ письму была присоединена небольшая черепаховая, изломанная лорнетка и рисунокъ перомъ, который представлялъ неопредѣленное сходство съ Лазàромъ; одинъ изъ друзей молодаго человѣка нарисовалъ его на краю альбома, который *designeur* носилъ всегда съ собою.

Этими-то *сувенирами* питала Аделина въ теченіе цѣлаго года любовь, которой біенія не чувствовалъ Лазàръ въ прощальномъ поцѣлуѣ дѣвушки.

Теперь легко поймутъ стараніе, съ которымъ Аделина запирала ящикъ; его храненію поручала она святыню любви своей, которую каждый день съ благоговѣніемъ разсматривала, взявъ прежде предосторожность запереть задвижку у дверей и задернуть занавѣсъ, для избѣжанія нескромнаго посѣщенія. Всѣми этими степенями, которыхъ анализъ былъ необходимъ, перешла любовь Аделины. Радость отъ возвращенія живописца, даже по сознанію отца ея, она не въ силахъ была скрывать. Въ продолженіе трехъ дней, которые предшествовали его пріѣзду, она назвала работниковъ въ его комнату, превращенную, какъ мы уже сказали, въ мастерскую, и торопила ихъ, боясь, что они не кончатъ работы вò-время. Во всемъ этомъ простякъ-отецъ видѣлъ только невинное желаніе быть пріятной гостю, и какъ всегда—во всемъ съ нею соглашался.

Старуха Магдалина, болѣе опытная, притомъ *женщина*, пронюхала свѣжій запахъ любви во всемъ этомъ волненіи молодой дѣвушки, между тѣмъ какъ та и не подозрѣвала ея наблюдательности. Во время путешествія ихъ въ Морѐ за провизіею, служанка заставила болтать Аделину, которая смертельно желала излить переполненное радостію сердце, и, исключая подробностей, которыя мы открыли, высказала всю тайну, которую полагала извѣстною только одной себѣ.

Магдалина смотрѣла на эту невинную привязанность какъ на событіе совершенно натуральное и, быть можетъ, предвидѣнное ея опытностію съ самаго перваго раза, когда Лазàръ вошелъ къ нимъ въ домъ. Будучи довольно коротка съ художникомъ, она поняла, что молодой человѣкъ не обращалъ вниманія на юную хозяйку; успокоенная съ этой стороны, она ничего не сказала старику Протà и продолжала смотрѣть сквозь пальцы на любовь Аделины.

Digitized by Google

Сидя возлѣ маленькаго бюро, Аделина спрашивала себя: какимъ образомъ Магдалина могла проникнуть ея тайну. Напрасно она перебирала въ умѣ своемъ всѣ происшествія предъидущихъ дней и нынѣшняго утра: въ поведеніи своемъ и рѣчахъ она не находила ни одного поступка, ни одного слова, которые могли бы измѣнить ей. Вдругъ она затрепетала всѣми членами, при мысли, что въ эту самую минуту отецъ ея объясняется съ Магдалиною; что́, если, вмѣсто того чтобы явиться къ старухѣ съ словами мира, какъ она ему поручила, Прота́ увлекся своею вспыльчивостію и сдѣлалъ невозможнымъ примиреніе, на которое она разсчитывала, чтобы купить молчаніе служанки? Что́, если Магдалина, прежде нежели разнести ея тайну по всей деревнѣ, начнетъ съ того, что броситъ ее, какъ угрозу, въ лице отцу ея? При этой мысли, вся кровь застыла въ ея жилахъ. Словно облако прошло передъ ея глазами. Она почувствовала, что сердце замерло у нея въ груди. Она едва не лишилась чувствъ, какъ вдругъ ея пылающая рука схватилась за предметъ, который сообщилъ ей внезапную свѣжесть; она облокотилась на ключъ, который воткнутъ былъ въ бюро. Тогда Аделина увидѣла то, чего сначала не замѣтила: ключъ оставался именно на томъ изъ ящиковъ, который заключалъ письмо, лорнѣтку и портретъ Лазара.

— Странно! прошептала она, начиная чувствовать какое-то безпокойство; я увѣрена, однакожь, что заперла ящикъ!... А ключъ!.. ключъ!... продолжала она; но я его вынула, какъ всегда....—И безпокойство ея усиливалось. Вдругъ, въ то время, какъ глаза ея безцѣльно бродили по комнатѣ, она замѣтила движеніе въ складкахъ занавѣса, или портьерки, закрывавшей забитую на́-глухо дверь, которая вела въ чуланчикъ Зефира. Аделина встала, подняла занавѣсъ, и увидѣла, что заколоченную дверь отворяли. Она даже не совершенно была затворена. Сквозной вѣтеръ заколыхалъ занавѣсъ и обнаружилъ дѣвушкѣ это насильственное вторженіе въ ея комнату. Безпокойство ея обратилось въ подозрѣніе. Это открытіе сначала заставило Аделину забыть происшествіе съ ключемъ; но оба событія не замедлили соединиться въ умѣ ея: одно казалось послѣдствіемъ другаго.—Ко мнѣ входили черезъ комнату Зе-

Digitized by Google

фира, подумала Аделина, и внезапный блескъ озарилъ ея умъ. Она подбѣжала къ бюро, открыла ящикъ, окинула его быстрымъ взглядомъ. Ящикъ былъ пустъ.

— Ахъ! вскричала она съ воплемъ: теперь все объяснилось. Это дѣло Магдалины!

Негодованіе, ужасъ, слезы задушили ее; она хотѣла кричать; уста ея оставались безгласны, глаза закрылись; она упала безъ чувствъ.

Въ то время, какъ это происходило въ комнатѣ Аделины, Лазàръ, отдохнувши порядкомъ, подсѣлъ къ окну и спокойно курилъ сигару, смотря на дядю Протà, который на концѣ сада, казалось, имѣлъ очень живое объясненіе съ Магдалиною.

— Рѣшительно, подумалъ Лазàръ, въ домѣ совершается что-то необыкновенное; дочка плачетъ, Магдалина кричитъ, дядя Протà ругается. Это очень досадно! жаркое подгоритъ, и друга моего Зефира поколотятъ.

Уже съ полчаса, или около того, Протà хитрилъ съ старою служанкою, желая вывѣдать отъ нея тайну слёзъ своей дочери. Когда гнѣвъ ея простылъ, Магдалина, которая на дѣлѣ была добрая женщина, созналась, что она не права въ этой ссорѣ и что сама вынудила Аделину отослать ее. «Я поступила сурово, думала она, расхаживая взадъ и впередъ, очень сурово съ этимъ ребенкомъ.... Гм! дѣвочка жива! Она держитъ голову такъ же высоко, какъ и сердце. Но что жь тутъ худаго, когда ни въ чемъ нельзя упрекнуть себя? По крайней мѣрѣ, справедливы ея слова, что есть случаи, когда и старики должны уважать молодость!... О языкъ, языкъ!... прибавила старуха, когда ты научишься останавливаться вòвремя! Въ этомъ мѣстѣ ея монолога подошелъ къ ней чеботарь. Услышавъ отъ него, что онъ оставилъ Аделину въ слезахъ, Магдалина, которая знала, что она причиною ея печали, снова начала упрекать себя.

— Ахъ ты, старая дура! смотри пожалуй!... эдакая проклятая.... безчувственная скотина.... ну посмотри, что̀ ты надѣлала. Вотъ дочка *моя* теперь плачетъ!

— На какого дьявола ты пѣняешь? спросилъ удивленный чеботарь.

Digitized by Google

— На какого же, какъ не на самой себя, возразила старуха. Послушайте, г. Протà, поведите меня къ малюткѣ, чтобы я передъ ней извинилась. Что̀ правда, то правда; не знаю, что̀ нынче со мною сдѣлалось! Я такъ ее, мою голубушку, раздразнила, что самъ ангелъ небесный потерялъ бы терпѣніе. Поведите меня къ ней; я извинюсь передъ ней. Мы, старики, всегда досадуемъ, когда видимъ, что молодёжь искуснѣе насъ словомъ и дѣломъ. И я была молода; было и мое время. Каждому своя очередь!—оно такъ и слѣдуетъ.

— Что̀ ты тутъ городишь? спросилъ Протà съ нетерпѣніемъ. Стало быть, ты виновата, а не она?

— Конечно я; а кто говоритъ, что нѣтъ, когда я сама въ томъ сознаюсь?

— Ну такъ зачѣмъ же дочь посылаетъ меня просить у тебя прощенья?

Магдалина была не глупа. Она поняла, какой страхъ долженъ былъ овладѣть умомъ Аделины, если уже эта молодая дѣвушка, которую она знала гордою и никогда не уступавшею, когда на ея сторонѣ была правда, согласилась на такой поступокъ.

— О, бѣдное дитя! прошептала старуха, ужь стало-быть я ее обидѣла, когда она считаетъ меня способною измѣнить ей!

— Пойдемте къ ней, сказала она съ живостію, обращаясь къ Протà.

— Послушай, возразилъ добрякъ, ты объяснишь мнѣ по крайней мѣрѣ, что̀ это все значитъ?

— Да, да, послѣ, отвѣчала Магдалина такимъ тономъ, который, казалось, давалъ понять чеботарю, что дѣйствительно было что-нибудь объяснять ему.

Когда они шли вмѣстѣ къ столовой, Лазàръ, который продолжалъ сидѣть у окна, громко закричалъ.

Магдалина и господинъ ея подняли въ одно время голову.

— Къ лодкѣ!... отчаливай.... скорѣй! кричалъ Лазàръ, дѣлая знаки чеботарю, тамъ — кто-то тонетъ. — И художникъ быстро отошелъ отъ окошка. Стукъ, который онъ произвелъ, сходя по лѣстницѣ, и крики въ саду мало по малу извлекли Аделину изъ ея безчувственности; она дотащилась до окна и въ половину раскрыла его. Свѣжій вѣтеръ пахнулъ ей въ

Digitized by Google

лице и возвратиль ей совершенное употребленіе ея чувствъ. Вотъ что она увидѣла:

Въ саду, на берегу рѣки, Магдалина размахивала руками и испускала крики ужаса; посреди рѣки отецъ ея правилъ изо-всей силы веслами по указаніямъ живописца; этотъ стоялъ на кормѣ лодки, полу-раздѣтый и съ багромъ въ рукѣ.

— Еще ударъ!... здѣсь!... вскричалъ художникъ, бросая багоръ, какъ-будто для того, чтобы измѣрить глубину рѣки; здѣсь! вскричалъ онъ, крючокъ зацѣпилъ!...—И съ этими словами онъ бросился въ воду.

Аделина сошла въ садъ.

— Ахъ, дитя мое! вскричала, увидѣвъ ее, Магдалина, поди отсюда; тебѣ слишкомъ тяжело будетъ это видѣть; его навѣрное вытащутъ мертваго.

— Кого? кого? вскричала дѣвушка.

— Эхъ, Боже! Да Зефира! Онъ вѣдь упалъ въ воду! Г. Лазаръ бросился доставать его.

Аделина вся побѣднѣла; Магдалина должна была поддержать ее, чтобы она не упала.

— Небось! шепнула она сй... онъ не въ опасности.

Аделина быстро отскочила отъ Магдалины, бросивъ на нее взглядъ презрѣнія.

— Sacrebleu! кричалъ громовымъ голосомъ Прота, стоя въ лодкѣ, въ которую онъ уложилъ весла, — г. Лазаръ не показывается!...—И чеботарь сбирался скинуть платье....

Въ то время, какъ онъ хотѣлъ уже погрузиться въ рѣку, вода разступилась передъ его глазами и Лазаръ появился. Онъ тянулъ за волосы тѣло, до половины покрытое водяными растеніями.

— Пособи мнѣ! пособи! кричалъ онъ чеботарю; онъ опять у меня вырвется!

При пособіи мощныхъ усилій чеботаря, Лазару удалось вытащить изъ рѣки утопшаго.

— Громъ и молнія! какъ онъ тяжелъ! вскричалъ дядя Прота, и весь побѣднѣлъ, узнавъ ученика своего въ утопленникѣ съ потухшими глазами, посинѣвшимъ ртомъ....

— Будетъ тяжелъ! сказалъ Лазаръ: у него по камню на каждой ногѣ!

Digitized by Google

— Къ берегу! къ берегу!

Еще два взмаха веслами—и лодка причалила.

Съ помощію чеботаря, Лазàръ положилъ тѣло мальчика на траву.

— Скорѣе! скорѣе! сюда! онъ еще живъ! кричалъ художникъ, приложивъ руку къ сердцу ученика, и слыша, что оно сильно бьется.

Аделина хотѣла помогать Магдалинѣ, но оставалась какъ прикованная къ мѣсту страхомъ и жалостію.

— Смотрите! вскричалъ Лазàръ, который, раздвинувъ траву, обвивавшую тѣло утопшаго, ощупалъ маленькій, холстинный мѣшечекъ, привязанный веревкою къ шеѣ мальчика,— что̀ это такое? посмотрите-ка, m-elle Аделина; а ты, дядя Прота̀, бѣги скорѣе за лекаремъ....—Чеботарь изчезъ....

Аделина открыла мѣшекъ и вынула изъ него три вещи, совершенно мокрыя. Узнавъ ихъ, дѣвушка положила руку на сердце, хотѣла что-то сказать, и во второй разъ упала безъ чувствъ.

Лазàръ, который видѣлъ, что она упала на лавку, захотѣлъ узнать причину ея обморока; онъ поднялъ мѣшечекъ, выпавшій изъ рукъ ея, и вынулъ изъ него: письмо, изломанный лорнетъ и небольшой рисунокъ, который вода не довольно еще изгладила, чтобы онъ не могъ узнать его. Одной минуты достаточно было, чтобы все открыть художнику. Онъ все понялъ, и угадалъ, что былъ невольною причиною драмы, которая совершилась передъ его глазами.

— Бѣдный мальчикъ! сказалъ Лазàръ, смотря на Зефира, который не подавалъ никакого знака жизни.

— Бѣдная дѣвушка! прибавилъ онъ, смотря на Аделину, которая все еще находилась въ безпамятствѣ. И подумавъ съ минуту, онъ опустилъ мѣшечекъ въ карманъ дувѣшки. Въ ту же минуту возвратился Прота съ лекаремъ.

(Продолженіе въ слѣд. книгѣ).

Digitized by Google

АДЕЛИНА ПРОТА.

(Романъ Г. Мюргера.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Хитрости Аделины.

Подобно тому рекруту, который храбро отправился въ жаркое сраженье, и, возвратившись цѣлымъ и невредимымъ съ поля битвы, упалъ въ обморокъ при видѣ пуль, выпавшихъ изъ его платья, — ученикъ чеботаря показалъ сильный ужасъ, когда, придя въ чувство, понялъ, отъ какой важной опасности его избавили. Окрывъ глаза, Зефиръ увидѣлъ, что добрый старикъ Протà, наклонившись надъ нимъ, съ тоскою подстерегалъ дыханіе, движеніе, взглядъ, которые успокоили бы его на счетъ ученика. Мальчикъ подумалъ, что изъ рѣки вытащилъ его хозяинъ. Онъ хотѣлъ благодарить Протà и смотрѣлъ съ замѣшательствомъ и нерѣшимостію на своего мнимаго избавителя. Потомъ, не находя, вѣроятно, словъ, онъ схватилъ Протà обѣими руками за шею и обвился вокругъ него въ жаркомъ объятіи, которое выражало гораздо болѣе, нежели самыя краснорѣчивыя объясненія. Протà былъ тронутъ этимъ дикимъ порывомъ ребенка, который находилъ слова слишкомъ слабыми для выраженія чувства, его одушевлявшаго. И онъ также сбирался что-то сказать, но языкъ его былъ какъ связанный. Онъ какъ будто боялся въ одно

Digitized by Google

и то же время сказать слишкомъ много и слишкомъ мало. Онъ чувствовалъ, что совѣсть его была не совсѣмъ чиста въ этомъ покушеніи на самоубійство. Внутренній голосъ, который говоритъ людямъ только въ торжественныхъ случаяхъ, но тогда уже говоритъ со всею властію повелителя, спрашивалъ его потихоньку, точно ли онъ исполнилъ обѣтъ, данный имъ нѣкогда при подножіи олтарей? и принявъ сироту, чтобы отвратить опасность, которая угрожала его дочери, такъ ли онъ понялъ характеръ этого усыновленія? Призрѣвъ это покинутое созданіе, не онъ ли пріучилъ его видѣть въ немъ только строгаго хозяина, тогда какъ потребность любви, которая была въ ребенкѣ сильнѣе самаго чувства благодарности, побуждала его желать родительской привязанности. Эта мысль, которая быстро пролетѣла въ умѣ чеботаря, отразилась и въ его сердцѣ. Держа въ объятіяхъ ученика, лице котораго еще носило слѣды судорогъ, причиненныхъ недостаткомъ воздуха, когда онъ находился подъ водою, Протà испыталъ также ужасъ, обращенный на прошедшее. Онъ подумалъ, что Зефиръ могъ бы не спастись отъ смерти, и передъ нимъ какъ-будто прошелъ призракъ угрызенія, который мало-по-малу изчезалъ отъ правильнаго дыханія, вызваннаго возвратомъ жизни на уста ученика. Слыша, какъ билась въ сердцѣ мальчика благодарность, въ которой онъ сомнѣвался еще нынѣшнимъ утромъ, и которая скрывалась, потому что онъ не только не вызывалъ ее, но даже подавлялъ ея порывы, Протà мгновенно почувствовалъ въ себѣ какой-то трепетъ отцовской любви. Онъ заключилъ Зефира въ свои объятія, и поманивъ Аделину, которая стояла возлѣ, прибавилъ, ударяя по своей мощной груди: «поди сюда, дочка; здѣсь довольно мѣста для двоихъ.» И молодые люди на мигъ очутились такъ тѣсно соединенные въ объятіяхъ чеботаря, что ихъ лица почти касались одно другаго. Лазàръ въ молчаніи наблюдалъ эту сцену. Уступая потребности, знакомой всѣмъ художникамъ по призванію, которыхъ никогда не покидаетъ ихъ главная и постоянная мысль, побуждающая ихъ безпрестанно находить отношенія между искусствомъ и природою, этимъ истиннымъ источникомъ всякаго вдохновенія,— онъ го-

Digitized by Google

ворилъ самъ себѣ: — Parbleu! вотъ сцена, которая составила бы хорошенькую картинку, въ родѣ Грёза, безъ его изысканной простоты! Эта славная, сѣдая голова чеботаря, посреди этихъ двухъ дѣтей, Магдалина, присѣвшая у очага и раздувающая огонь, толстыя балки, пожелтѣвшія отъ дыма, сельскій буфетъ, гдѣ разставлена фаянсовая посуда съ яркими цвѣтами, и этотъ ослѣпительный лучъ солнца, который раздѣляетъ надвое толстую фигуру чугуннаго котла,—всѣ эти подробности пришлись бы какъ нельзя кстати живописцу. Жаль, что здѣсь нѣтъ моего пріятеля Бонвеня!

Однакожь, послѣ быстраго мгновенія, подареннаго искусству, наблюденія художника взяли другое направленіе. Онъ принялся отгадывать различныя чувства, оживляющія трехъ особъ, составлявшихъ группу, которая дѣйствительно какъ бы вызывала кисть живописца. Какъ всѣ открытые характеры, которые не могутъ, не задохнувшись, надѣть маску на лице свое, Протà выказывалъ всю свою радость. Зефиръ, котораго блѣдное лице вдругъ покрылось румянцемъ отъ приближенія Аделины, смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ восторгомъ. Для него, еще сегодня утромъ паріи этого дома, для него, къ которому не обращались иначе, какъ съ палкою въ рукѣ и съ бранью на устахъ, суровое лице хозяина дѣлалось ласковымъ, и толстый голосъ его говорилъ съ кротостію. Весь взволнованный такою быстрою перемѣною и еще худо оправившись отъ сильныхъ испытанныхъ имъ потрясеній, бѣдный мальчикъ, котораго голова была еще такъ слаба, не зналъ навѣрное, спалъ ли онъ, или видѣлъ это на яву; но сонъ ли то былъ или дѣйствительность, только онъ чувствовалъ себя счастливымъ, до такой степени счастливымъ, что не смѣлъ сказать слова, не смѣлъ сдѣлать движенія, боясь нарушить свое счастіе. Что̀ касается до молодой дѣвушки, то подъ ея обманчивымъ спокойствіемъ Лазарь, съ любопытствомъ за нею слѣдившій, угадывалъ смутныя мысли, которыя ее волновали. Дѣйствительно, въ эту минуту Аделина была далеко отъ объятій отца своего. Какъ скоро состраданіе, пробужденное опасностію Зефира, было въ ней истощено, мысль ея воротилась назадъ, къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ самоубійству. Одно впечатлѣніе было

Digitized by Google

въ ней ясно—впечатлѣніе, произведенное на нее открытіемъ въ мѣшкѣ, привязанномъ къ шеѣ ученика, предметовъ, ей принадлежащихъ. Стало быть, то было дѣло не Магдалины; виноватый былъ Зефиръ; вотъ мысль, которая ее занимала, мысль неотступная, наполнявшая ее тревогою и безпокойствомъ. Зефиръ укралъ у ней *сувениры* Лазàра. Какъ? за чѣмъ? Разгадать эту тайну она была не въ состояніи. Съ своей стороны, Зефиръ, сначала погруженный въ восторгъ, не замедлилъ встревожиться, замѣтивъ странное выраженіе въ глазахъ Аделины, на него устремленныхъ. Всегда къ нему ласковая, въ эту минуту она смотрѣла на него съ суровостію, которой онъ никогда не замѣчалъ въ ней.... Что-то похожее на угрозу заключалось въ этомъ взорѣ, который какъ-будто хотѣлъ проникнуть въ самую глубину души его.... Что̀ такое случилось?... Дядя Прота̀, всегда брюзгливый и грубый, изъявлялъ ему дружбу; а Аделина, всегда кроткая и снисходительная, показывала ему.... какое имя дать чувству, въ которое такъ внезапно измѣнилось расположеніе молодой дѣвушки? Бѣдный мальчикъ ничего не понималъ, но почувствовалъ отъ ея гнѣва страданіе, несравненно мучительнѣйшее всѣхъ тѣхъ, которыя онъ испыталъ въ борьбѣ со смертію. Вдругъ онъ возвратился сердцемъ и умомъ къ чувству дѣйствительности; онъ припоминалъ! и первое воспоминаніе побудило его искать на шеѣ предмета, котораго онъ не нашелъ болѣе. Тогда мысли возвратились къ нему во всей своей ясности и полнотѣ, и пропажа маленькаго мѣшка изъяснила ему перемѣну, происшедшую въ обращеніи Аделины.

Движеніе, сдѣланное мальчикомъ, не ускользнуло отъ дочери чеботаря. Въ ту минуту, когда Зефиръ отнималъ руку отъ шеи, Аделина съ живостію ее схватила, и, сжавъ ее сурово, сказала, наклонившись надъ самымъ его ухомъ, отрывистымъ голосомъ, но такъ тихо, что онъ могъ одинъ ее разслышать:

— Зачѣмъ ты меня обокралъ, Зефиръ?

И лишь только она сказала ему эти два слова, съ выраженіемъ, которое произвело на него бо̀льше впечатлѣнія, чѣмъ самый жестокій упрекъ, Зефиръ, не имѣя, силъ отвѣчать ей, поблѣднѣлъ и закрылъ глаза. Онъ имѣлъ нужду во всей вла-

Digitized by Google

сти надъ собою, чтобы удержать вопль, который готовъ былъ у него вырваться. Рука Аделины, маленькая и слабая рука женщины, вдругъ получила ту нервическую силу, которая сообщаетъ мимолетное и искусственное могущество самымъ нѣжнымъ существамъ. Эта рука сжимала пальцы ученика какъ въ клещахъ; онъ чувствовалъ, какъ ея ногти впивались ему въ тѣло. Боль была такъ сильна, что онъ почти лишился чувствъ.

Видя, что онъ поблѣднѣлъ, Аделина выпустила его руку. Не привыкшая къ сильнымъ потрясеніямъ, молодая дѣвушка, словно разбитая самымъ избыткомъ своихъ ощущеній, снова впала въ состояніе неподвижности.

Нѣмая игра чувствъ, которую живописецъ старался уловить на лицѣ каждаго изъ присутствующихъ, совершенно ускользнула отъ дяди Протà и произошла вдесятеро въ меньшее время, нежели сколько нужно было разсказать это.

— Ну! вскричалъ добродушный старикъ, освобождая Аделину и Зефира отъ полнаго чувства объятія, въ которомъ онъ соединилъ ихъ, ну, братъ, какъ ты теперь себя чувствуешь?

И онъ посмотрѣлъ на Зефира, который, не смѣя поднять глазъ,—такъ онъ боялся встрѣтить гнѣвный взглядъ Аделины, удалившейся съ Магдалиною въ уголъ, — отвѣчалъ съ замѣшательствомъ, что чувствуетъ себя совершенно хорошо.

— И все тутъ? продолжалъ чеботарь. Ты даже не сказалъ спасибо тому, кто, вытащивъ тебя изъ рѣки, чуть было самъ тамъ не остался?

И чеботарь, взявъ Лазàра за руку, хотѣлъ привести его къ ученику; но живописецъ быстро отскочилъ, сдѣлавъ Протà отрицательный знакъ, который послѣдній, по краткой нерѣшимости, казалось, совершенно понялъ, хотя наружность его изъявляла глубокое удивленіе.

— Вотъ уже во второй разъ вы меня спасаете отъ смерти, г. Протà, отвѣчалъ Зефиръ. Конечно, видя мое поведеніе, вы могли думать, что я забылъ ваши благодѣянія. Съ нынѣшняго дня вы увидите во мнѣ перемѣну, прибавилъ мальчикъ. Сколько я былъ непокорнымъ и лѣнивымъ

Digitized by Google

работникомъ, столько вы найдете меня послушнымъ и дѣятельнымъ, готовымъ на все доброе и полезное. Мы не хорошо знали другъ друга.... продолжалъ онъ медленнѣе и съ легкимъ оттѣнкомъ упрека, который не ускользнулъ отъ чеботаря; но это моя вина, подхватилъ съ живостію Зефиръ, да, моя вина.... я не умѣлъ показать.... но теперь увидятъ, что у меня совсѣмъ не дурное и неблагодарное сердце, какъ думаютъ нѣкоторые.... При послѣднихъ словахъ Зефиръ посмотрѣлъ на Аделину, погруженную въ глубокія размышленія.

— Перестанемъ вспоминать прошлое, другъ мой; во-первыхъ, ты не работникъ и не слуга, какъ ты говоришь, сказалъ чеботарь, повѣсивъ голову; ты почти какъ дитя дома. Я хочу, чтобы ты пріучался смотрѣть на меня, какъ на отца; какъ первая обязанность сына — довѣренность, — а мы здѣсь все люди свои, — то ты начнешь съ того, что откроешь намъ, по какой причинѣ ты хотѣлъ покупаться въ Луанѣ съ камнями на ногахъ?

При этомъ началѣ допроса Аделина какъ-будто пробудилась отъ сна и стала прислушиваться къ отвѣту Зефира. Сильное безпокойство выразилось на лицѣ дѣвушки. Что̀ касается до ученика, то онъ пришелъ въ сильнѣйшее замѣшательство; онъ, казалось, искалъ отвѣта и не находилъ его. Безпокойство Аделины и смущеніе Зефира были замѣчены художникомъ. Обладая тайною двухъ молодыхъ людей, онъ боялся, чтобы этотъ допросъ не исторгнулъ у мальчика какого-нибудь признанія, которое могло бы, какъ онъ ни былъ слѣпъ, открыть дядѣ Прота̀ настоящую причину его самоубійства. Въ надеждѣ, что, можетъ быть, еще не ушло время излечить Аделину отъ ея мечты, а Зефира отъ его безумія, онъ рѣшился смѣшать карты и никому, кромѣ себя самого, не позволять читать въ сердцахъ ихъ.

— Дядя Прота̀, сказалъ онъ чеботарю, который съ величественною осанкою усѣлся въ кресла и обдумывалъ, какъ вести *слѣдствіе*, — сегодня уже поздно; развѣ не будетъ дня завтра? Кто воротился оттуда, куда отправлялся Зефиръ, тотъ вѣрно усталъ и желалъ бы лучше отдохнуть, чѣмъ разговаривать. Оставь его въ покоѣ на нынѣшній вечеръ. Вы побо-

Digitized by Google

роется въ пескѣ.... Когда я его вытащилъ, у него былъ на шеѣ родъ кошелька, или мѣшечка, который я передалъ твоей дочери, чтобы она посмотрѣла, что̀ въ немъ находится. Я такъ и думалъ, что это ларчикъ, въ которомъ Зефиръ прятaлъ свои драгоцѣнные камни.

— Ну! спросилъ Прота̀ Аделину, которую эти слова убѣдили еще болѣе въ незнаніи художника страшной для нея тайны: — ну, малютка! что̀ же ты нашла въ мѣшкѣ Зефира?

— То, чего ожидалъ г. Лаза̀ръ, — камешки, отвѣчала Аделина съ большою увѣренностію, и прибавила, чтобы еще болѣе убѣдить художника:—это неудивительно; *намедни*, перемѣняя бѣлье на его постели, Магдалина нашла подъ тюфякомъ цѣлую кучу этихъ камешковъ.

То была правда, которую могла подтвердить и Магдалина. Только это *намедни* случилось уже назадъ тому шесть мѣсяцевъ.

Лаза̀ръ не могъ не замѣтить присутствія духа Аделины, и въ первый разъ удивился хладнокровію и уму дѣвушки, въ которой до сихъ поръ видѣлъ ребенка.

— Прощайте, г. Лаза̀ръ, сказала она, уходя; прощай, папа.

— Прощайте, милочка, отвѣчалъ Лаза̀ръ, слѣдуя за нею глазами.

— Спи спокойно, малютка, прибавилъ чеботарь, провожая ее ласковымъ движеніемъ руки.

— Не безпокойся, сказалъ Лаза̀ръ, когда Аделина притворила за собою дверь.... теперь она уснетъ покойно...—Повтореніе этого слова осталось незамѣченнымъ для слуха чеботаря.

II.

Политика Лазара.

— Ахъ, да! вдругъ спросилъ Прота̀ своего нахлѣбника, положивъ локти на столъ и смотря на него съ любопытствомъ:— на кой чортъ помѣшали вы мнѣ разспросить моего ученика?

— Развѣ мы не порѣшили, сказалъ живописецъ, что ты

Digitized by Google

предоставишь его совершенно въ мою волю на все время, пока я здѣсь буду?

— Правда, и я ничего противъ этого не говорю, возразилъ добрякъ, но это не мѣшаетъ мнѣ желать знать, какимъ образомъ пришло ему на мысль топиться.... Знаете ли, г. Лазàръ, это меня не на шутку безпокоитъ.... А вы, прибавилъ онъ, — развѣ это вамъ не любопытно?...

— Точно такъ же, какъ тебѣ, отвѣчалъ художникъ, но я терпѣливъ.

— Такъ, стало быть, вы его не спрашивали, когда ходили съ нимъ на верхъ?

— Я не сказалъ ни одного слова, которое напомнило бы ему происшествія дня. Я пошелъ съ нимъ, чтобы запереть его.

— Ахъ, да, это правда, и вы даже обѣщали мнѣ сказать, за чѣмъ берете эту предосторожность.

— Я заперъ Зефира для того, чтобъ онъ не могъ ни съ кѣмъ имѣть сообщенія, и разсказать, что произошло, всей деревнѣ.

— Но вся деревня ужь это знаетъ! вскричалъ чеботарь, который находилъ предосторожность безполезною.

— Знаютъ, что Зефиръ чуть не утонулъ, но не знаютъ, что хотѣлъ утопиться. Гм! продолжалъ живописецъ, я одинъ изъ васъ сохранилъ нѣкоторое хладнокровіе; я и употребилъ его въ дѣло. Я подумалъ, что нѣтъ никакой надобности, чтобы другіе знали истинную правду, потому что каждый сталъ бы дѣлать заключенія, и отъ этого могли бы произойдти для тебя непріятности.

— Вы думаете, г. Лазàръ? сказалъ чеботарь, котораго лице вдругъ омрачилось.

— Конечно, возразилъ художникъ; подобныя происшествія всегда подаютъ поводъ къ разнымъ толкамъ, а въ числѣ этихъ толковъ могутъ случиться очень непріятные.

— Непріятные! повторилъ чеботарь, который внимательно слушалъ Лазàра, и внутренно, казалось, согласовалъ его слова съ своими собственными мыслями; вы говорите, непріятные?

— Ну, разумѣется! Положимъ, что насъ не случилось бы

Digitized by Google

на ту пору, и мы не могли бы спасти твоего ученика; а вотъ, въ одно утро, вытащили бы его изъ воды другіе, съ камнями на ногахъ! Неужели ты не думаешь, что это подало бы поводъ къ порядочной болтовнѣ въ околодкѣ? Вездѣ есть злые языки; а здѣсь еще больше, если судить по тому, что ты мнѣ разсказывалъ изъ твоей собственной жизни.

— Хорошо! сказалъ съ живостію чеботарь, а что же такое могли бы сказать, если бы Зефиръ умеръ? Ужь навѣрное, меня не обвинили бы въ томъ, что я бросилъ его въ воду?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не думаю этого; но....

— Но, что?... вскричалъ Прота, ударивъ кулакомъ по столу.

— Чортъ возьми! возразилъ Лазаръ, подражая движенію старика:—какой-нибудь негодяй, который имѣлъ бы на тебя вражду, развѣ не могъ бы сказать: эка мудрость! ученикъ утопился, чтобы спастись отъ такого злаго хозяина.

— Вы думаете это?... Но, г. Лазаръ, знаете ли вы, что я задушилъ бы перваго, кто осмѣлился бы сказать....

— Можетъ быть, продолжалъ спокойно художникъ; но ты самъ подвергнулся бы опасности быть задушеннымъ тѣми, кто тутъ случился бы.... Ну, дядя Прота, что сказали бы, если бы, къ несчастію, Зефиръ умеръ, то самое могутъ сказать и теперь, когда онъ остался въ живыхъ; для этого и нужно взять предосторожности, которыя могли бы заставить подумать, что это происшествіе—дѣло случая, а не самоубійство. Я уже далъ наставленіе Магдалинѣ. По моему совѣту, она вѣрно передастъ его Аделинѣ; а я съ твоего позволенія учу тебя, такъ какъ я человѣкъ посторонній въ домѣ, могу судить о вещахъ лучше и предвидѣть послѣдствія издалека. Давеча я сдѣлалъ тебѣ знакъ не говорить Зефиру, что онъ спасенъ мною; необходимо оставить его въ томъ убѣжденіи, что ты его спаситель. Ты слышалъ изъявленія его благодарности и обѣщанія измѣнить свое поведеніе въ будущемъ. Онъ не забудетъ ихъ, я въ томъ увѣренъ;—такъ точно, какъ ты не забудешь своихъ обѣщаній?

— Кому же и что я обѣщалъ? спросилъ чеботарь нѣсколько удивленный, или, по крайней мѣрѣ, притворяясь удивленнымъ.

Digitized by Google

— Это обѣщаніе, продолжалъ Лазаръ спокойно,—ты сдѣлалъ его самому себѣ, думая, что не совсѣмъ чуждъ покушенію Зефира, и мучимый угрызеніями, которыя удалялись отъ тебя по мѣрѣ того, какъ мальчишка возвращался къ жизни. Если ты таишь иногда свои впечатлѣнія, дядя Прота; то ихъ все-таки очень легко прочесть на твоемъ открытомъ лицѣ. Вотъ, давеча, смотря на тебя, какъ ты обнималъ Зефира, я понялъ, что ты обѣщалъ быть впредь терпѣливѣе съ бѣднымъ мальчикомъ, котораго горе, вѣрно, было очень тяжело, коли онъ не имѣлъ болѣе силъ нести его. Такъ ли это? спросилъ въ заключеніе Лазаръ. Прота не отвѣчалъ ни слова, но два или три раза наклонилъ голову въ знакъ согласія.

Послѣ краткаго молчанія, поднявъ глаза на живописца, онъ сказалъ: — Ну, г. Лазаръ, стало быть это и ваше мнѣніе, что Зефиръ....

— Что? спросилъ живописецъ.

— Ну!... сказалъ чеботарь, дѣлая движеніе человѣка, который ныряетъ, что это по той причинѣ.... потому.... однимъ словомъ.... что ему дурно было жить....

— И, чортъ возьми! Неужели ты сомнѣваешься?... Какую же другую причину ты могъ бы предположить?...

— Что̀ правда, то правда.... за то я буду теперь щадить его.... божусь вамъ.

— Это будетъ для тебя тѣмъ легче, продолжалъ Лазаръ, что въ эти два или три мѣсяца я стану поддерживать мальчика въ его добромъ расположеніи и возвращу тебѣ совершенно другимъ человѣкомъ.

— Но,—спросилъ чеботарь, обратясь къ другой мысли,— не странно ли, что онъ побѣжалъ привязать себѣ къ ногамъ камни и броситься въ воду именно въ день вашего пріѣзда и только что разставшись съ вами?

— Чортъ возьми! подумалъ Лазаръ, ну къ чему это добрякъ вздумалъ приплести меня къ дѣлу? Неужели я попустому столько трудился, чтобы утвердить его въ заблужденіи, которое онъ самъ себѣ создалъ?

— И потомъ, продолжалъ дядя Прота:—какимъ образомъ это случилось, что съ того самаго дня, какъ вы увѣдомили

Digitized by Google

насъ о вашемъ возвращеніи, Зефиръ сдѣлался еще угрюмѣе обыкновеннаго? Онъ именно тутъ болтался, когда Аделиночка читала ваше письмо; и когда малютка заплясала отъ радости, онъ вдругъ поблѣднѣлъ, и досада его съ тѣхъ поръ все увеличивалась....

— Послушай, дядя Протà, сказалъ Лазàръ, смѣясь принужденно, чтó это за штуки ты выкидываешь? Сначала ты прежде всѣхъ вообразилъ себѣ, что не совсѣмъ чистъ въ приключеніи Зефира, и согласился въ этомъ со мною; а теперь хочешь снять съ себя отвѣтственность и взвалить ее на меня? Помилуй! да есть ли тутъ смыслъ? Когда я здѣсь, то увожу Зефира съ собою на цѣлый день; ну, а какъ онъ ни лѣнивъ, все же долженъ предпочитать мое общество твоему. Исключая труда нести за мною мои инструменты, лишь только я воткнулъ гдѣ-нибудь мой зонтикъ, Зефиръ можетъ спать въ тѣни, мечтать вдоволь, или подбирать камешки, которые послѣ находятъ у него подъ тюфякомъ. Я спрашиваю тебя, отъ чего ему было огорчаться моимъ пріѣздомъ, когда я аккуратно каждый день увожу его за три, или четыре мили отъ твоего прилавка и твоей палки, чтó составляетъ для его лѣни, такъ сказàть, семь воскресеньевъ въ недѣлю? Да вмѣсто того, чтобы печалиться, ему должно бы плясàть отъ радости.

— Конечно! да въ томъ-то и мудрость, что онъ не плясалъ, а напротивъ того плясала Аделина; и чѣмъ больше она радовалась, чѣмъ больше занималась вами, тѣмъ онъ становился мрачнѣе.

— Ай, ай! подумалъ Лазàръ, попалъ на слѣдъ! того и гляди, что затрубитъ побѣду!

— То-есть, продолжалъ добрякъ,—смотря, какую онъ строилъ рожу всякій разъ, какъ объ васъ говорили,—а Аделиночка говорила объ васъ съ утра до вечера, — можно бы сказать, что Зефиръ ревнуетъ....

— За твое здоровье, дядя Протà! вскричалъ Лазàръ и громко чокнулъ стаканъ свой о стаканъ чеботаря, въ надеждѣ, что стукъ этого прикосновенія, вмѣстѣ съ звуками его голоса, заглушитъ послѣднее слово, которое у него вырвалось, и, быть можетъ, помѣшаетъ этому слову, вылетѣвшему безсознательно,

Digitized by Google

остановить на себѣ его мысль и пролить въ ней внезапный свѣтъ; но чеботарь, опорожнивъ свой стаканъ, поставилъ его на столъ, и, какъ-будто никто его не прерывалъ, продолжалъ: — о, Боже мой! да, можно бы подумать, что Зефиръ ревнуетъ васъ....

Лазàра нѣсколько успокоило то, что добрякъ говорилъ это совершенно просто, и что ни въ движеніяхъ, ни въ голосѣ, ни въ взглядѣ его не скрывалось никакого намѣренія, никакой затаенной мысли. Онъ понялъ однакожь, что продолжительнымъ сопротивленіемъ подвергается опасности усилить его подозрѣнія и завлечь его на проселочную дорогу, ведущую къ истинѣ.

— Впрочемъ, сказалъ онъ Протà,—можетъ статься ты и правъ. Къ причинѣ, которую ты предполагалъ прежде, быть можетъ, Зефиръ прибавилъ другую; и вѣроятно, для этого-то онъ и навязалъ себѣ два камня, а не одинъ, сказалъ Лазàръ, стараясь обратить дѣло въ шутку.

— А! вы видите, что и вы также раздѣляете это мнѣніе, вскричалъ Протà:—есть другая причина.

— Это болѣе, чѣмъ вѣроятно; я даже увѣренъ, что эта причина, прежде всякой другой, побудила Зефира къ тому, что̀ онъ сдѣлалъ.

— Вы думаете? продолжалъ Протà, счастливый этимъ сознаніемъ, которое какъ-будто снимало у него съ души тяжкое бремя. Но, да! какое же отношеніе полагаете вы между этою тайною и печалію, которую ваше прибытіе причинило Зефиру?

— Опять за то же! сказалъ самъ себѣ Лазàръ, и продолжалъ громко:—при первомъ взглядѣ, нѣтъ большаго отношенія,—но когда чего ищутъ, то должно искать вездѣ.

— Что̀ правда, то правда, сказалъ чеботарь съ одобрительнымъ движеніемъ. Ну?

— Ну, ища, вотъ что я нашелъ. Слушай.

— Слушаю, сказалъ Протà, положивъ голову на руки, а локти на столъ.

— Ты знаешь, что черезъ двѣ недѣли праздникъ въ Монтиньи. Ты знаешь также, что между прочими увеселеніями

Digitized by Google

таете завтра, если вамъ непремѣнно хочется болтать. — Ну, другъ мой, сказалъ художникъ, смотря на ученика; простись съ честною компаніею и ступай съ Богомъ спать.

— Развѣ онъ прежде не поужинаетъ? сказалъ Протà.

— Онъ и такъ довольно пилъ сегодня, возразилъ живописецъ со смѣхомъ, впрочемъ, пусть Магдалина дастъ ему бульйону; послѣ того онъ заснетъ. Завтра у него будетъ лучше аппетитъ. Что̀ касается до насъ, такъ какъ мы не путешествовали на тотъ свѣтъ, то кушанье не повредитъ намъ; напротивъ того. Давай же ужинать, Магдалинушка, и живѣе! А я покамѣстъ уложу Зефира въ постелю и запру его на замо̀къ,—шепнулъ онъ дядѣ Протà. Сейчасъ скажу тебѣ, для чего, прибавилъ художникъ.

Ученикъ далъ себя увести Лазà ру. Когда они пришли въ чуланъ, гдѣ спалъ Зефиръ, Лазà ръ сказалъ ему очень скоро:—Завтра утромъ, прежде чѣмъ въ домѣ встанутъ, я постучу у твоихъ дверей; одѣвайся и будь готовъ; мнѣ нужно переговорить съ тобою.

— Со мною? сказалъ ученикъ съ удивленіемъ.

— Да, съ тобою, и можетъ быть я дамъ тебѣ извѣстіе объ одной, потерянной тобою, вещи.—Напрасно ты станешь искать, прибавилъ художникъ, видя, что Зефиръ, въ изумленіи, машинально схватился рукою за грудь. Ты видишь, что твоего мѣшка нѣтъ тутъ.

— Такъ это вы нашли его! вскричалъ Зефиръ съ взглядомъ, почти враждебнымъ.

Лазà ръ притворился, что не слыхалъ, и продолжалъ:

— Если завтра, по первому удару, ты не будешь готовъ, я разскажу дядѣ Протà все, что̀ здѣсь дѣлается. Теперь ты предупрежденъ; покойной ночи.

— Ахъ, М-г Лазà ръ, сказалъ Зефиръ, неужели вы думаете, что я въ самомъ дѣлѣ буду спать.

— Быть можетъ не такъ крѣпко, какъ заснулъ бы въ тростникахъ Луана, а все-таки заснешь. Прощай! Желаю тебѣ в идѣть пріятные сны.

Лазà ръ вышелъ и заперъ мальчика на замо̀къ.

Войдя въ столовую, онъ нашелъ приборъ на столѣ.

Digitized by Google

Аделина и отецъ ея сидѣли на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ. Аделина была все въ такомъ же волненіи, не взирая на наружное спокойствіе.—Ну, сказалъ самъ себѣ Лазаръ, я далъ успокоительную пилюлю маленькому Зефиру; прольемъ немножко бальзама и на сердце Аделины.

И примѣтивъ конецъ веревочки, которая выставилась изъ кармана дѣвушки, онъ сказалъ ей очень спокойно:

— Душечка Аделиночка, вы сей-часъ потеряете что-то.

Аделина схватилась за карманъ. Она почувствовала подъ рукою что-то мокрое. Это былъ мѣшечекъ, который нашли на шеѣ у Зефира, мѣшечекъ, заключавшій ея тайну. Она была увѣрена, что тайна эта попалась въ руки Лазара, и не смѣла смотрѣть на него. Стало быть, эти вещи, которыя она считала потерянными и возвратившимися въ руки того, у кого ихъ похитила, какъ обличеніе, какъ признаніе въ чувствахъ ея къ нему,—стало быть, онѣ ее не покидали, и тайна ея еще принадлежала ей. Но вдругъ безпокойство ея, на минуту утихнувшее, возвратилось къ ней съ бо́льшею настойчивостію:—какимъ образомъ мѣшечекъ этотъ попалъ къ ней въ карманъ? Она помнила только, что Лазаръ бросилъ ей его издалека, что она открыла его, упала безъ чувствъ; что́ же было потомъ?... И только послѣ необыкновенныхъ усилій надъ собою, она снова успѣла себя успокоить.—Какая я дура, безумная дура! подумала она, сжимая судорожно маленькій мѣшечекъ. Если бы г. Лазаръ видѣлъ, что́ тутъ находится, развѣ онъ не угадалъ бы всего? А угадавши, неужели бы онъ не перемѣнилъ своего обращенія со мною? И разсуждая такимъ образомъ, она продолжала сжимать мѣшечекъ. Лазаръ, который слышалъ, какъ шумѣла бумага у ней въ карманѣ, говорилъ самъ въ себѣ:—Мой успокоительный бальзамъ дѣйствуетъ.

Дѣйствительно, Аделина, совершенно успокоенная со стороны Лазара, начинала тревожиться на счетъ Зефира.

И должно признаться: она гораздо меньше занималась причиною, побудившею его къ самоубійству, нежели тѣмъ, какимъ образомъ онъ открылъ существованіе извѣстныхъ предметовъ въ таинственномъ ящикѣ, и для какой цѣли овладѣлъ ими? Никакая догадка, никакое замѣчаніе не приходили къ ней

Digitized by Google

на помощь, чтобы руководить ее и поставить на слѣдъ ея смутныя предположенія. Она не могла повѣрить существованію непріязненнаго чувства въ мальчикѣ, которому всегда оказывала ласковое покровительство; да и Зефиръ старался доказать ей свою благодарность разными средствами, которыя часто противорѣчили его врожденнымъ недостаткамъ. Правда однакожь, что съ нѣкотораго времени усердіе его охладѣло; но Аделина припомнила, что сама, занятая возвращеніемъ Лазàра, сдѣлалась къ нему равнодушнѣе, и разъ или два пропускала случай войдти въ посредничество между имъ и отцемъ своимъ. — Неужели онъ сердится на меня за это? спрашивала она себя. Но какъ онъ могъ придумать такой способъ мщенія? Какъ могъ онъ угадать?—Здѣсь не безполезно будетъ знать одно обстоятельство. Со времени своего возвращенія въ Монтиньи, дѣвушка считала Зефира и поступала съ нимъ точно такъ же, какъ считалъ ее и поступалъ съ нею Лазàръ, т. е. какъ съ ребенкомъ. Что̀ жь удивительнаго, что она и не обращала вниманія на тысячу мелочныхъ подробностей, способныхъ озарить ея сомнѣнія и направить подозрѣнія. Коротко обращаясь съ ученикомъ, подобно тому, какъ Лазàръ обращался съ нею, она, мимоходомъ, дружески трепала его по щекѣ, и въ то время ей никогда не случалось замѣчать, что мальчикъ дрожалъ и блѣднѣлъ, какъ дрожала и блѣднѣла она, когда Лазàръ бралъ ее за талію и поднималъ къ себѣ, чтобы поцѣловать ее. Когда Прота̀ наказывалъ его за лѣнь голодомъ, и Аделина тихонько носила ему ужинать, то въ его благодарности она видѣла просто благодарность; но голосъ, которымъ онъ выражалъ ей это чувство, его взглядъ, движенія, невниманіе его къ принесенной пищѣ, чтобы видѣть, слышать только ее; минутное одушевленіе на лицѣ его при ея появленіи, и когда она говорила ему своимъ кроткимъ и протяжнымъ голосомъ:—На, голубчикъ, я принесла тебѣ поужинать славнаго, мягкаго хлѣбца;—быстрое пламя, которое озаряло взоръ ученика, какъ искра, вылетающая изъ-подъ пепла; тысяча другихъ признаковъ, обличающіе смущеніе мальчика, когда онъ приходилъ въ столкновеніе съ дочерью своего хозяина, — всегда ускользали отъ Аделины; это объясняетъ, почему она не сохранила объ

Digitized by Google

нихъ ни малѣйшаго воспоминанія. Она сожалѣла, что Лазàръ помѣшалъ отцу ея разспросить мальчика. Признался ли бы онъ, или нѣтъ, въ истинной причинѣ покушенія на жизнь свою, только изъ словъ его, вѣроятно, она могла бы уловить какое-нибудь указаніе, которое помогло бы ей проникнуть въ необъяснимую тайну его поведенія. Впрочемъ, такъ какъ она чувствовала инстинктивно, что сохраняетъ большую власть надъ умомъ ученика, хотя власть эта съ нѣкотораго времени и уменьшилась, то и съ этой стороны Аделина наконецъ успокоилась. Она не сомнѣвалась, что скорѣе всякаго другаго успѣетъ выѣдать отъ него все, что̀ хотѣла знать. Въ этомъ расположеніи, по окончаніи ужина, Аделина шла къ себѣ, обнявъ отца и простившись съ нахлѣбникомъ.

Когда она уже была на порогѣ комнаты, Лазàръ обернулся къ ней, заставивъ стулъ свой сдѣлать круговой оборотъ на одной ножкѣ.

— Кстати, милочка Аделина, спросилъ художникъ съ видомъ искренняго любопытства:—что̀ вы такое нашли въ кошелькѣ Зефира? Эдакой себялюбивый малый! Тонетъ съ своимъ сокровищемъ, чтобъ не оставить его наслѣдникамъ! прибавилъ Лазàръ со смѣхомъ.

При этомъ вопросѣ, котораго причины она не могла понять, Аделина стояла съ минуту на порогѣ, какъ вкопанная.

— Кошелекъ! вступился Прота̀,—какъ, у Зефира были деньги, и онъ топился съ ними!

— Ни-дать, ни-взять, скупой старикъ въ «*Потопѣ*» Жироде, продолжалъ художникъ.

— Что̀ вы это такое разсказываете? возразилъ добрякъ, воротившись къ своему обычному состоянію. А гдѣ бы, чортъ возьми, взялъ онъ денегъ? Ужь вѣрно не заработалъ! Онъ слишкомъ для этого лѣнивъ, плутъ эдакой!

— Успокойся, сказалъ Лазàръ; это были деньги, употребительныя только между дикими народами, маленькіе камешки странной формы и красивые цвѣтомъ, которые онъ любилъ собирать на берегахъ Луана. Это его причуда; у этого малаго бездна причудъ! Въ прошломъ году, когда онъ со мною ходилъ, онъ, бывало, на каждомъ шагу останавливается и

Digitized by Google

будетъ стрѣльба въ гуся, и что, кромѣ птицы, побѣдителю достается еще большое уваженіе отъ цѣлой деревни.

— Ужь конечно; Зефиръ, который, бывало, цѣлый годъ не умѣлъ пошевелить руками, очень искусенъ въ этой стрѣльбѣ. Три года сряду онъ выигрывалъ гуся, и подъ его окнами играла музыка....

— Да сверхъ того, онъ имѣлъ право выбирать танцовщицу.

— И, сказалъ дядя Протà со смѣхомъ, плутъ-то себѣ на умѣ. Онъ прямо лѣзъ къ самымъ красивымъ и къ самымъ богатымъ дѣвкамъ, у которыхъ что-ни-на-есть румянѣе щеки и краснѣе ленты.... Но, должно быть справедливымъ. Когда дочь моя воротилась въ Монтиньи, Зефиръ былъ учтивъ съ нею; онъ подарилъ ей гуся и пригласилъ ее танцовать, что̀, впрочемъ, и обязанъ былъ сдѣлать; однакожь она была еще немножко блѣдненька и на ней не было красныхъ лентъ.

— Экой ты! сказалъ Лазàръ съ настойчивостію, Аделина все-таки была всѣхъ лучше и всѣхъ наряднѣе; если на ней не было лентъ, такъ были кольца, браслеты....

— Золотые, сказалъ съ гордостію Протà; изъ чистаго золота.

— И серьги, продолжалъ художникъ.

— Брилліянтовыя, сказалъ Протà, настоящія брилліянтовыя; и у ней столько ихъ въ маленькомъ красномъ ящичкѣ, что можно купить, эдакъ.... десятины три, побольше, луговъ или виноградниковъ.

— Ну вотъ почему Зефиръ и приглашалъ ее; онъ думалъ, что твоими золотыми вещами она и его заставляетъ блестѣть! О! этотъ мальчишка — пресамолюбивое созданье!

— Воротимся къ дѣлу, сказалъ чеботарь. Какое отношеніе могутъ имѣть всѣ эти розсказни съ тѣмъ, что̀ насъ занимаетъ?

— А вотъ сейчасъ! продолжалъ художникъ. Нѣсколько лѣтъ сряду Зефиръ одерживалъ побѣду и пользовался всѣми почестями, за нею слѣдующими. Ну, а помнишь ли, какъ прошлый годъ, нѣкто, общій нашъ знакомый, съ торжествомъ принесъ гуся къ вамъ въ кухню, и мы его съѣли всѣ вмѣстѣ, къ большой досадѣ ученика, который, изъ гордости, не хотѣлъ даже принять участіе въ угощеніи.

Digitized by Google

— Это правда, сказалъ дядя Протà, складывая руки.

— Вотъ ты и правъ былъ, говоря, что онъ завидуетъ мнѣ. Нынѣшній годъ, онъ, можетъ быть, надѣялся возстановить свою славу; вдругъ узнаетъ о моемъ во вращеніи; онъ въ отчаяніи, что̀ очень натурально! И замѣть еще, что, встрѣтивъ его въ Бурронѣ, я имѣлъ неосторожность напомнить ему это происшествіе.

— И вы думаете, что отъ этого онъ и...

— Послушай: ты сказалъ мнѣ: давай отыскивать причину, почему Зефиръ огорчается вашимъ пріѣздомъ! Хороша или нѣтъ эта причина, но она единственная, которую я нашелъ, и одна вѣроятная. Самолюбіе, изъ такихъ же ничтожныхъ побужденій, заставляло дѣлать глупости людей и поважнѣе Зефира. Подумай-ка: вѣдь это было его единственное торжество въ жизни, единственный день, въ которой онъ былъ счастливъ. Вдругъ, тутъ является какой-то пришлецъ, выскочка, и похищаетъ у него счастіе. Онъ разсчитывалъ на мое отсутствіе нынѣшній годъ; а я тутъ какъ тутъ. А тамъ, глядишь, черезъ двѣ недѣли и праздникъ! Ну, онъ и потерялъ голову! и если прибавить къ этому ту причину, что̀ мы предполагали прежде,... ну, знаешь, — такъ выйдетъ ужь двѣ, — анъ и слишкомъ достаточно.

— А что жь? оно и можетъ статься, промолвилъ чеботарь, качая головою.

— Не *можетъ* быть, а навѣрное такъ, сказалъ съ настойчивостію Лазàръ.

— Ну да, да; я такъ и понимаю, возразилъ добрякъ съ видомъ и голосомъ убѣжденія.

— Слава Богу! подумалъ Лазàръ: — стоило мнѣ труда убѣдить его! — И видя, что Протà старался скрыть зѣвокъ, прибавилъ про себя: — ну вотъ. и онъ будетъ теперь спать спокойно.

Въ самомъ дѣлѣ, $9^{1}/_{2}$ часовъ пробило на монтиньиской колокольнѣ. Дядѣ Протà, который засидѣлся и такъ уже позже обыкновеннаго, казалось, смертельно хотѣлось спать. Самъ художникъ желалъ, если не спокойствія, то, по крайней мѣрѣ, уединенія. Они встали; художникъ зажегъ восковую свѣчу, приготовленную для него стараніями Аделины.

Digitized by Google

При разставаньѣ, Прота̀, какъ-будто желая стряхнуть послѣднее безпокойство съ души, сказалъ художнику:

— Ну-такъ, г. Лазàръ, вы думаете, что это приключеніе не будетъ имѣть послѣдствій?

— Всѣ предосторожности взяты, отвѣчалъ живописецъ; это дѣло останется тайною между нами. А Зефиръ, если бы и хотѣлъ, не можетъ разгласить его: онъ запертъ.

— Да, нынче вечеромъ, а завтра?

— Я ужь и объ этомъ думалъ. Завтра, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочу избѣжать дневнаго жара, я уведу его на разсвѣтъ къ *Озеру Волшебницъ*. Ваши монтиньискіе туда не ходятъ; да если бы Зефиръ и расположенъ былъ болтать о своемъ купаньѣ, такъ у меня будетъ цѣлый день, чтобы наставить его на умъ и убѣдить отвѣчать любопытнымъ то же, что̀ станемъ говорить всѣ мы. Впрочемъ, мнѣ кажется, эти предосторожности совершенно лишнія. Мальчикъ считаетъ себя во второй разъ обязаннымъ тебѣ жизнію, и, судя по словамъ его, намѣренъ будущимъ поведеніемъ загладить все, чѣмъ ты былъ недоволенъ въ его образѣ дѣйствій, или, лучше сказать, бездѣйствія. Съ твоей стороны, ты вѣдь, кажется, также расположенъ помогать ему въ добромъ намѣреніи и поощрять его старанія?

— Ахъ, отъ всего сердца! сказалъ чеботарь; мнѣ нечего отъ васъ скрывать, коли вы сами все замѣтили; только, когда давеча я увидѣлъ его мокраго и холоднаго.... это сдѣлало на меня такое дѣйствіе.... Sacrebleu! Мнѣ не случалось еще испытывать ничего подобнаго съ тѣхъ поръ, какъ здѣшніе прозвали меня дурнымъ отцемъ.... Мнѣ казалось, что ужь я такъ и слышу, какъ они кричатъ мнѣ вслѣдъ: *дурной хозяинъ! мучитель ребятъ!* При томъ же, мальчикъ-то вѣдь мнѣ не совсѣмъ чужой, потому что я принялъ его съ пеленокъ. Отъ того, видите ли, я не дожидался, чтобы онъ обѣщалъ мнѣ исправиться, чтобы дать самому себѣ обѣщаніе поступать съ нимъ лучше.

— Я видѣлъ это, сказалъ Лазàръ: — ты обнималъ его вмѣстѣ съ Аделиною. Знаешь ли, на что ты былъ похожъ? продолжалъ художникъ, внимательно изучая лице чеботаря.

Digitized by Google

— На что? спросилъ послѣдній.

— На человѣка, который обѣщаетъ ему въ замужство дочь свою.

Художникъ бросилъ это слово, какъ бросаютъ камень въ бездну, чтобы извѣдать ея глубину. Прота̀ попалъ въ сѣти со всѣмъ желаемымъ простодушіемъ.

— Ха! ха! ха! вскричалъ онъ, широко растворяя ротъ для оглушительнаго хохота. Ха! ха! ха! вѣдь придетъ же въ голову человѣку! Господи! какой смѣхъ! Ахъ! прибавилъ чеботарь, держа себя за бока, право, негодится такъ смѣяться, да силъ моихъ нѣтъ! Зефиръ, Аделина.... Чортъ возьми! гдѣ вы берете ваши сравненія, господа художники!

— Хорошо, подумалъ художникъ; я ожидалъ этого.—Мы беремъ наши сравненія въ нашемъ же ремеслѣ, отвѣчалъ онъ. Въ Луврѣ есть картина: *Обрученіе*. Честный крестьянинъ, какъ ты, даетъ дочь трудолюбивому парню изъ своей деревни: группа, которую вы давеча составили, напомнила мнѣ эту картину.

— А развѣ отецъ похожъ на меня? спросилъ Прота̀.

— Да, у него славное, добродушное лице, какъ у тебя. Онъ какъ будто говоритъ, смотря на зятя: я желалъ бы другаго; но, такъ какъ дочери нравится этотъ—чортъ возьми! это ея дѣло! Женюсь не я; она выходитъ за-мужъ.

— Онъ хорошо разсуждаетъ, этотъ отецъ, возразилъ Прота̀: коли есть склонность между двумя молодыми людьми, мѣшать не должно. Не хорошо.

— Стало-быть, сказалъ Лаза̀ръ съ живостію, которую онъ тотчасъ же умѣрилъ, ты не сталъ бы противиться выбору дочери, каковъ бы онъ ни былъ?

— Каковъ бы ни былъ,... повторилъ добрякъ, запинаясь, ну это тамъ, какъ придется.... Вы очень хорошо понимаете, что съ блестящимъ воспитаніемъ, которое получила дочь моя, ей и въ голову не придетъ выдти иначе, какъ за человѣка отличныхъ достоинствъ.

— Но, продолжалъ художникъ, если бы Аделина сказала тебѣ когда-нибудь: ты не знаешь, папаша.... со мною странное дѣлается!.... я люблю.... Зефира?...

Digitized by Google

— Хо! хо! хо! вотъ шутка-то, сказалъ чеботарь, начиная снова хохотать; потомъ, нечувствительно переходя къ важности, старикъ отвѣчалъ: — я сказалъ бы дочери: — Поди-ка, посиди въ своей комнатѣ! а потомъ взялъ бы Зефира за уши. — И Протà докончилъ свою мысль значительною пантомимою.

— Хорошо, подумалъ Лазàръ; теперь я знаю все, что мнѣ хотѣлось знать.

— Но, спросилъ чеботарь, скажите на-милость, о чемъ мы тутъ разговорились?

— Э! сказалъ Лазàръ, мы говоримъ о живописи, по поводу одной картины въ Луврѣ....—И художникъ принялся самъ смѣяться такъ громко, что изумленный чеботарь спросилъ о причинѣ его смѣха.

— Эхъ! развѣ ты не видишь, что я забавляюсь, и что эта мысль выдать дочь твою за этого мальчишку.... заставляетъ меня помирать со смѣху.

— Аделина и Зефиръ, сказалъ Протà, присоединяя свой смѣхъ къ веселости художника.

— Дочь твоя, которая, ни дать-ни-взять, барышня....

— Знатная барыня, прибавилъ чеботарь.

— Дѣвушка, у которой, по крайней мѣрѣ, тысяча экю приданаго.

— Что это вы говорите, тысяча экю! сказалъ чеботарь, какъ будто униженный этимъ предположеніемъ: да у ней однихъ собственныхъ 10 т. франковъ, которые еще плодятся.... Возьмите же теперь, что она получитъ отъ меня, а тамъ и считайте.

— Правда, сказалъ Лазàръ:—у Аделины будетъ тысячъ 15-ть приданаго.

— Тш! сказалъ чеботарь живо; послушайте, любезный другъ.... вотъ приданое моей дочери....—И чеботарь съ невыразимою гордостію раскрывалъ и закрывалъ 6-ть разъ сряду свою широкою руку съ 5-ю пальцами, распущенными наподобіе вѣера.

— Чортъ возьми! 30-ть тысячъ! сказалъ живописецъ, прищелкнувъ вмѣстѣ языкомъ и пальцами, какъ будто бы онъ желалъ этимъ знакомъ удивленія польстить самолюбію

Digitized by Google

чеботаря, который надулся гордостію, изчисляя свои богатства.—Ну, дядя Протà, сказалъ онъ, вѣдь это дѣлаетъ еще уморительнѣе мое предположеніе: представь же себѣ дочь свою, богатую наслѣдницу, невѣстою Зефира. Ученикъ чеботаря, объявляющій, при подписи брачнаго условія, свои капиталы: мѣшекъ съ камешками. Зефиръ—женихъ, который говоритъ меру: «Я не знаю своего имени, сударь!»

Добрякъ Протà падалъ отъ смѣха на столъ, слушая сравненіе между своею дочерью, прекрасною, богатою, счастливою, съ этимъ существомъ, худымъ, нищимъ и сирымъ, съ Зефиромъ, соединяющимъ въ своей жалкой особѣ двѣ самыя ужасныя общественныя язвы: *безъ имени* и *безъ гроша!* Добрякъ Протà былъ не злой человѣкъ; въ этой картинѣ, вызванной передъ его глазами, онъ видѣлъ только смѣшную сторону, а не видалъ ея жалкой стороны.

— О тщеславіе! подумалъ художникъ, наблюдая за чеботаремъ; злое сѣмя, которое ростетъ на всѣхъ почвахъ, и въ добрыхъ, равно какъ и въ дурныхъ сердцахъ! Положите рубль въ карманъ нищаго,—онъ станетъ плевать на свою тѣнь.

Въ эту минуту пробило 11-ть часовъ. Они разстались, пожавъ другъ другу руки. Протà пошелъ спать; Лазàръ мечтать.

Бросившись, одѣтый, на постель, Лазàръ началъ перебирать въ умѣ своемъ всѣ происшествія, которыя предшествовали и послѣдовали его возвращенію въ Монтиньи.—Какъ это ни странно, подумалъ онъ, а сомнѣваться нельзя: доказательства на лицо. Этотъ ребенокъ любитъ меня. Ребенокъ! Э, чортъ возьми! какой же она ребенокъ! Она ужь дѣвушка, и притомъ хорошенькая. Ей 18-ть лѣтъ, самая пора любить. Но почему же эта невинность выбрала именно меня? Почему? не мудрено объяснить. Добрый Протà самъ сейчасъ говорилъ, что дѣвушка, такъ хорошо воспитанная, можетъ полюбить только человѣка отличнаго. Это значитъ просто, что всѣ монтиньискіе щеголи не стоятъ моего пальца. Быть можетъ, не будь меня, эта барышня и подумала бы о которомъ-нибудь изъ нихъ; но я пришелъ и — veni, vidi, vici. Въ первый разъ въ жизни мнѣ случается осуществлять де-

Digitized by Google

визъ Ю. Цезаря; да еще безъ малѣйшаго старанія съ моей стороны! Что жь? она не дурна! И мнѣ, право, какъ-то пріятно думать, что она цѣлуетъ мое изображеніе уже цѣлый годъ.... При томъ же, какая тонкая штучка! У! какую бы славную можно затѣять тутъ идиллію подъ звѣзднымъ небомъ, на муравѣ, разостланной какъ нарочно для того, чтобы хорошенькая дувѣшка оступилась на ней.... Какое удовольствіе заставить ее выучить любовную азбуку отъ первой буквы до послѣдней. Однакожь, другъ Лазаръ, — прервалъ свой монологъ художникъ, замѣтивъ, что онъ не безъ удовольствія спускался по этому пріятному скату.... — ты большой негодяй! Подумай, что эта малютка какъ-будто сестра твоя, что ты не разъ заставлялъ ее прыгать на колѣняхъ, и еще нынче утромъ, уѣзжая изъ Парижа, хотѣлъ привезти ей конфектъ и куклу, да забылъ по своей прекрасной привычкѣ!... Слѣдовательно, я прошу, и, если нужно, приказываю вамъ излечить зло, котораго вы были виною прелестями вашей особы и пріятностями вашего ума! Эхъ! вскричалъ Лазаръ, дѣлая скачекъ, при которомъ туфля его ударилась въ потолокъ; да что я, право, такъ мучаю себя этими пустяками! Малютка совсѣмъ не любитъ меня. Это просто прихоть воображенія, наполненнаго романами! Романы да ленты,—вотъ вѣдь чѣмъ забавляютъ этихъ дѣвченокъ въ свѣтѣ, гдѣ она, къ отцовской гордости, была воспитана. Первый красивый малый превращается въ Галаора невинною прихотью этихъ невинностей. Мое самолюбіе слишкомъ рано встревожилось.... Ну нѣтъ, продолжалъ Лазаръ, качая головою, тутъ не надъ чѣмъ смѣяться.... Аделина любитъ меня истинною любовію; тутъ всѣ признаки страсти, которая, не смотря ни на что, идетъ прямо, сама не зная, куда. Всѣ мои воспоминанія, всѣ нынѣшнія наблюденія это доказываютъ. Отъ меня это дитя много пострадаетъ. Покрайней мѣрѣ должно, чтобы она страдала не долго; должно, чтобы въ тотъ день, когда затворится за мною дверь этого дома, Аделина не плакала о моемъ отъѣздѣ и не надѣялась на мое возвращеніе. Какъ это сдѣлать?... Что̀ касается до Зефира, продолжалъ Лазаръ, то это еще больше меня удивляетъ и подстрекаетъ мое любопытство,—не по раннему развитію страсти: мы

Digitized by Google

видали примѣры; но рѣдко случается, чтобы въ этомъ возрастѣ страсть проявлялась въ такихъ необузданныхъ явленіяхъ. Зефиръ влюбленъ въ Аделину и ревнуетъ ко мнѣ! въ 15-ть лѣтъ! Сначала, это кажется смѣшно—не правда ли? Но когда подумаешь, что Зефиръ отъ этой ревности бросается въ воду, —невольно задумаешься. Кто бы угадалъ, что подъ этой неуклюжей наружностію.... Странно, очень странно! шепталъ Лазаръ. Къ счастію, продолжалъ онъ, дядя Прота теперь лучше расположенъ къ нему, и уступаетъ его мнѣ; я могу изучить этого загадочнаго мальчишку со страстями мужа; чтобы приложить лекарство, мало видѣть болѣзнь, надобно знать ея причину.... Но захочетъ ли Зефиръ быть со мною откровеннымъ? Кажется, вчерашняя баня немного охладила его ревность; но въ какомъ расположеніи найдетъ его завтрашнее утро? Захочетъ ли онъ вѣрить моему участію? Онъ вѣдь хитеръ съ своимъ глупымъ видомъ. Постой, сказалъ Лазаръ, я нашелъ средство доказать ему мою дружбу.—И соскочивъ съ постели, художникъ подошелъ къ столу, вынулъ листъ бумаги, написалъ нѣсколько строчекъ, высушилъ на свѣчкѣ сырыя чернила, запечаталъ письмо облаткою, потомъ прошепталъ голосомъ человѣка, который старается припомнить:—Кажется, та была голубая.—И онъ запечаталъ письмо голубою облаткою. Окончивъ эту работу, снялъ съ камина зеркало, поставилъ его на столъ, сѣлъ противъ него, расположилъ свѣтъ особеннымъ образомъ и началъ срисовывать съ себя портретъ, на листкѣ альбома, уже наполненномъ очерками. Это продолжалось съ полчаса.

Окончивъ рисунокъ, Лазаръ положилъ его возлѣ письма, потомъ разстегнулъ застежки чемодана, и долго искалъ въ немъ чего-то, вѣроятно по причинѣ безпорядка, въ какомъ находились его вещи.

— Странная дѣвушка! шепталъ онъ, роясь съ нетерпѣніемъ въ чемоданѣ: украсть у меня лорнетъ! да еще изломанный! Впрочемъ, изъ чего любовь не дѣлаетъ святыни! Проклятый свертокъ! куда онъ дѣвался! А! вотъ онъ!

Онъ открылъ небольшой ящикъ; въ немъ находилось съ полдюжины лорнетовъ, подобныхъ тому, который онъ носилъ

Digitized by Google

на шеѣ. Онъ вынулъ одинъ изъ нихъ и изломалъ у него ручку. — Теперь, сказалъ онъ, присовокупивъ лорнетъ къ письму и портрету, съ помощію этихъ трехъ вещицъ я овладѣю тайною Зефира. Да! вотъ еще! Онъ вѣдь хитеръ!... Нѣтъ, постой, братъ Зефиръ.—И распечатавъ письмо, Лазаръ смялъ его въ рукѣ, потеръ его объ полъ и наконецъ обмакнулъ въ тазъ съ водою. Такая же операція была сдѣлана и съ портретомъ.

— Теперь, сказалъ Лазаръ, обсудимъ хорошенько положеніе и планъ дѣйствія. Заставить Аделину разлюбить меня; заставить Зефира разлюбить Аделину; помѣшать Протà узнать тайну дочери и ученика; а сверхъ того, чтобы охотники до чужихъ тайнъ ни на минуту не могли подозрѣвать того, что Протà уже готовъ былъ отгадать, если бы я не остановилъ его вò-время.—Если бы Зефиръ былъ постарше Аделины, то, какъ онъ ни бѣденъ, можно бы дѣйствовать другимъ образомъ; покрайней мѣрѣ въ будущемъ Аделина, переставъ обо мнѣ думать, обратилась бы къ Зефиру. Дядя Протà поломался бы, а потомъ уступилъ бы желанію дочери. Браво! вотъ сколько работы! Я думалъ, что пріѣхалъ сюда для рисованья; анъ выходитъ на дѣлѣ, для дипломатическихъ переговоровъ. Если бы я зналъ это, то привезъ бы съ собою меньше холста для картинъ и побольше бѣлыхъ галстуковъ.

На монтиньиской башнѣ пробило полночь.

— Ну, сказалъ Лазаръ, раздѣваясь совсѣмъ. Завтра утромъ я долженъ предупредить солнце; пора спать.

III.

Озеро Волшебницъ.

На другой день, на самомъ разсвѣтѣ, Лазаръ выходилъ на цыпочкахъ изъ своей комнаты, захвативъ съ собою большой портфель для рисованья, зонтикъ и складной стулъ. Проходя мимо чуланчика Зефира, художникъ тихонько поцарапался у его двери, чтобъ онъ былъ готовъ за нимъ слѣдовать.

Digitized by Google

— Г. Лазàръ, г. Лазàръ! прошепталъ едва слышнымъ голосомъ Зефиръ, не стучите, и, пуще всего, не отворяйте моей двери.

— Это отъ чего? спросилъ Лазàръ, нѣсколько удивясь и понижая голосъ.

— Отъ того, что m-elle Аделина *стучала* мнѣ вчера и сказала сквозь стѣну, чтобы я сегодня утромъ ждалъ ее въ саду. Она хочетъ прежде всѣхъ говорить со мною. Ахъ! я очень знаю о чемъ!—И голосъ ученика выражалъ страхъ. Если *вы* отворите дверь, она проснется, потому что стѣна ея трясется, когда отворяютъ мою дверь, — и ужь навѣрное помѣшаетъ мнѣ идти съ вами.

— Онъ предпочитаетъ идти со мною; добрый знакъ, подумалъ художникъ, и отвѣчалъ тихонько: но чтобъ тебѣ выдти, вѣдь должно же отворить дверь.

— Не нужно, отвѣчалъ Зефиръ. Вчера я нарочно оставилъ окно мое открытымъ; вы приставите лѣстницу, и я спущусь. Уйдите тихонько; снимите башмаки, чтобъ лѣстница не скрипѣла. Я буду ждать васъ у окна.

Предосторожность, которую совѣтовалъ взять Зефиръ, была не лишняя, потому что деревянная лѣстница обыкновенно трещала и потрясала весь домъ, когда по ней шли. Лазàръ разулся, и, сходя, такъ остерегался, что едва слышалъ самъ шаги свои. Пробравшись въ садъ, онъ нашелъ лѣстницу, приставилъ ее къ стѣнѣ, и ученикъ сошелъ.

— Куда же мы идемъ? спросилъ онъ, взявъ портфель и стулъ Лазàра.

— Къ *Озеру Волшебницъ*.

— Двѣ мили, возразилъ Зефиръ съ гримасою.

— Славно! подумалъ Лазàръ, видно лѣнь не осталась въ водѣ. —Коли ты не доволенъ, такъ я уведу тебя на *Воронiй Прудъ*.

— Да! четыре мили! сказалъ Зефиръ съ движенiемъ ужаса.

— Если ты еще не доволенъ, прибавилъ Лазàръ, мы, пожалуй, пройдемъ и до Арбона.

Зефиръ поднялъ носъ къ верху, какъ будто стараясь вычислить разстоянiе.

Digitized by Google

Лазàръ показалъ пять пальцевъ одной руки и три другой.

— Восемь миль! сказалъ Зефиръ, роняя стулъ и портфель.

— Прошу поднять это, духомъ. Какъ! ты жалуешься, лѣнтяй, на двѣ дрянныя мили.

— О! отсюда до *Озера*, сказалъ Зефиръ, будетъ гораздо дальше.

— Да вѣдь ты понесешь только портфель и стулъ,— это легко.

— Конечно. Да еще сумка, а она вѣдь тяжела, продолжалъ Зефиръ, наклоняя голову въ ту сторону, гдѣ была кухня.

Лазàръ не могъ удержаться отъ улыбки; онъ понялъ. Ученикъ говорилъ о большой сумкѣ, въ которой художники носятъ свою провизію, когда отправляются работать въ отдаленныя мѣста.

— Аппетитъ возвращается, сказалъ Лазàръ самъ себѣ, и прибавилъ, смотря на ученика: тебѣ уже хочется ѣсть.

— *Уже!* отвѣчалъ Зефиръ; да вотъ почти трое сутокъ, какъ я не ѣлъ и не пилъ.

— А! сказалъ Лазàръ, а я думалъ, что ты напился вчера, да еще какъ!

Зефиръ притворился, что не слышитъ этого намека, и отправился въ столовую, которая выходила въ садъ.

— О! сказалъ Лазàръ, слѣдуя за нимъ, голосъ природы.... Но, замѣтилъ онъ Зефиру, я не предупредилъ Магдалину, что сегодня пойду въ лѣсъ, и она ничего мнѣ не положила.

— Такъ я положу, отвѣчалъ Зефиръ.

— А чѣмъ же мы отопремъ шкафъ? ты знаешь, что Магдалина всегда беретъ ключъ съ собою.

— Да; но съ годъ тому назадъ, Магдалина потеряла ключъ. Не знаю, какъ это случилось, сказалъ Зефиръ, потупивъ голову, только....

— Ты нашелъ его? сказалъ художникъ.

— Да, отвѣчалъ Зефиръ, шаря въ карманѣ и вытаскивая ключъ. Гм.... продолжалъ ученикъ, когда полжизни морятъ тебя голодомъ....—И отворивъ шкафъ, онъ сначала вытащилъ блюдо, на которомъ остался пресоблазнительный кусокъ баранины отъ вчерашняго ужина.

Digitized by Google

— Подожженъ! сказалъ онъ съ досадою, оборачивая кусокъ во всѣ стороны.

— А кто виноватъ? Магдалина не могла въ одно и то же время смотрѣть за вертѣломъ и грѣть для тебя салфетки!

— Это правда, сказалъ Зефиръ, завертывая жаркое въ журналъ и опуская его въ сумку; потомъ опять принялся за осмотръ шкафа. Онъ вынулъ щуку, которая осталась вчера не початая. Прежде нежели опустить ее въ мѣшокъ, онъ тщательно понюхалъ ее и покачалъ головою съ недовольнымъ видомъ. Наконецъ рѣшился взять и ее, ворча про себя:—не очень свѣжа! но впрочемъ.... съ соусомъ...

— Ты хочешь взять и соусъ? замѣтилъ Лазаръ, удивленный всѣми этими сборами; въ чемъ это, позвольте узнать?

— Вотъ въ этомъ, отвѣчалъ Зефиръ съ тѣмъ же лаконизмомъ. И онъ налилъ въ маленькій пузырекъ масла и уксусу, и прибавилъ туда соли и перца, тщательно сообразивъ ихъ пропорцію. Окончивъ это, онъ положилъ пузырекъ въ кармакъ и возвратился къ шкафу.

— Что жь ты еще ищешь? спросилъ Лазаръ.

— Вина! отвѣчалъ спокойно Зефиръ, и всталъ на стулъ, чтобы достать до верхней полки, гдѣ виднѣлись три или четыре запечатанныя бутылки.

— Это не простое вино, замѣтилъ художникъ.

Ученикъ покачалъ головою, указалъ на печать и пробормоталъ: *лучшее*. Потомъ, обвернувъ каждую бутылку особенно въ тряпку, уложилъ ихъ въ мѣшокъ, куда прибавилъ также пол-хлѣба, два прибора и два стакана. Потомъ заперъ шкафъ и оставилъ ключъ въ замкѣ.

— Ты хочешь сказать Магдалинѣ, что нашелъ ключъ? спросилъ Лазаръ.

— Нѣтъ, *вы* скажите, что увезли его съ собою въ прошломъ году.

— Вотъ еще? а за чѣмъ это?

— Чтобы пошутить съ нею. — И взваливъ котомку на плеча, Зефиръ вышелъ изъ столовой. Они были уже по дорогѣ, когда ученика поразила какая-то новая мысль, и онъ воротился въ садъ.

Digitized by Google

— Куда жь ты еще? спросилъ Лазàръ.

— За десертомъ, отвѣчалъ Зефиръ съ тѣмъ же лаконизмомъ, и тотчасъ сорвалъ три или четыре прекрасныхъ плода, которые висѣли на шпалерахъ и которыхъ степень зрѣлости онъ разсмотрѣлъ съ большимъ стараніемъ. Онъ раскрылъ сумку и положилъ десертъ въ двойной карманъ.

— Ты забываешь кофе и ликёры, сказалъ Лазàръ, смѣясь.

Зефиръ поднялъ руки къ небу, какъ будто говоря: На войнѣ какъ на войнѣ; и пустился въ путь.

— Настоящая загадка этотъ мальчишка, подумалъ Лазàръ, и поровнявшись съ Зефиромъ, который шелъ живѣе обыкновеннаго, сказалъ шутя:

— Знаешь ли, что я думаю. Теперь ты возвратилъ ключъ отъ шкафа; какъ же ты будешь доставать себѣ пищу, когда дядя Протà обрѣжетъ твою долю?

— Онъ больше не будетъ ее обрѣзывать, отвѣчалъ Зефиръ съ убѣжденіемъ.

— Ну, это еще неизвѣстно, сказалъ Лазàръ. Протà добрый человѣкъ; вчерашнее приключеніе сдѣлало его съ тобою ласковѣе, чѣмъ когда-нибудь; но съ твоей стороны ты тоже обѣщалъ ему перемѣниться. Если ты сдержишь слово, онъ будетъ поощрять твои успѣхи; если же, напротивъ того, чуть обсохло твое платье, ты воротишься къ прежнимъ дурнымъ привычкамъ,—можно поручиться, что Протà опять примется за твое исправленіе, и тогда, берегись побоевъ и худаго хлѣба и всего прочаго. У дяди Протà тяжела рука, да и у тебя куда какъ крѣпка голова!

— А что онъ выигралъ, что такъ поступалъ со мною?

— Ничего, согласенъ; но это не дѣлаетъ тебѣ чести. Между нами, признайся, не стыдно ли мальчику твоихъ лѣтъ не быть ни къ чему годнымъ? Какъ! Вотъ уже, не знаю, сколько времени, дядя Протà пытается выучить тебя своему ремеслу, а ты еще до сихъ поръ, какъ онъ самъ говоритъ, не умѣешь взять чебота въ руки. Неужели ужь такъ трудно дѣлать чеботы, э?

— А вамъ, г. Лазàръ, неужели было бы весело дѣлать чеботы?

Digitized by Google

— Я не чеботарь; къ тому же, ремеслу учатъ не для того, чтобы было весело, а для того, чтобы работать, чтобы нажить средства къ жизни, и со временемъ, смотря по избранному пути, пріобрѣсти богатство, довольство, или, по крайней мѣрѣ, независимость.

— Да, прошепталъ Зефиръ, дѣлать что̀ хочешь.

— Но тебѣ, кажется, нравится только ничего не дѣлать, сказалъ художникъ. Подумай-ка, что всѣ мы на свѣтѣ для того, чтобы что-нибудь дѣлать и извлекать пользу изъ нашей силы, или изъ нашего ума. когда Господу Богу не угодно было дать намъ доходовъ. Къ тому же, если ты не знаешь этого, то я скажу тебѣ, что много людей богатыхъ стараются....

— *Забавляться!* сказалъ Зефиръ, хоть въ этомъ словѣ не слышно было никакого оттѣнка горечи или зависти.

— И, другъ мой, это утомительнѣе, нежели ты воображаешь, возразилъ Лазàръ.

— Стало быть, вы очень утомились, m-r Лазàръ? спросилъ Зефиръ.

— Эти вопросы, и особенно способъ предлагать ихъ, очень удивили художника.

— Послушай, сказалъ онъ съ важностію. Я почти вдвое тебя старше. Въ 10-ть лѣтъ я зналъ уже, сколько дней надо трудиться, чтобы заработать экю; а давно вошелъ въ зрѣлый возрастъ, и не зналъ еще, что можно его истратить въ часъ. Никогда не былъ довольно богатъ, чтобы покупать удовольствіе—самый дорогой изъ всѣхъ товаровъ въ мірѣ, — и долженъ былъ извлекать свое удовольствіе изъ моего собственнаго труда; а какъ я трудился много, чтобъ не сказать—всегда, то я дѣйствительно очень старался *забавляться*, если ты хочешь.

— А! вы, 10-ти лѣтъ, уже писали картинки? спросилъ простодушно Зефиръ.

— Я не говорилъ этого. Какъ я былъ слишкомъ молодъ, чтобы работать умомъ, то работалъ руками, какъ ни были онѣ слабы. Ты жалуешься, что ремесло чеботаря скучно; то, которымъ я занимался, было нисколько не веселѣе, а

Digitized by Google

при концѣ дня я, бывало, такъ устану, какъ могло бы только устать колесо монтиньиской мельницы, если бы оно было одушевленное созданіе; я тоже занимался механическою работою. Но къ чему всѣ эти разспросы?

— Для того, чтобы знать, г. Лазàръ, и при томъ.... послушайте, позвольте мнѣ спросить васъ еще объ одномъ.

— Съ охотою, отвѣчалъ художникъ, который изучалъ на лицѣ мальчика, къ какой цѣли клонились его вопросы, и вмѣстѣ, какое дѣйствіе производили на него отвѣты.

— Ну, г. Лазàръ, продолжалъ Зефиръ, когда вамъ наскучило быть мельничнымъ колесомъ, вы дѣлали что-нибудь другое?

— Да, тогда-то я и началъ писать картинки, какъ ты говоришь.

— Но чтобы писать картинки, должно было, чтобы васъ сперва поучили.

— Сначала я самъ учился; по крайней мѣрѣ всему тому, чему можно выучиться безъ учителя.

— Стало быть, можно выучиться чему-нибудь самому? спросилъ Зефиръ съ притворнымъ простодушіемъ.

— Безъ сомнѣнія, когда предпринимаешь что съ любовію и когда къ желанію выучиться присоединяешь вкусъ и понятливость.

— Все равно, продолжалъ Зефиръ, все-таки надо учителя.

— Конечно; природныя способности всегда нуждаются въ пособіи науки.

— А давно ли вы учитесь? продолжалъ Зефиръ.

— Пятнадцать лѣтъ.

— Такъ вы должны быть, почитай, мастеромъ, настоящимъ мастеромъ своего дѣла?

— Ученикомъ, Зефиръ, скромнымъ ученикомъ; посуди-ка, какіе бы ты сдѣлалъ успѣхи, если бы тебя стали обучать моему искусству. ты, который, въ 7 или 8 лѣтъ, не могъ выучиться сдѣлать пару чеботовъ.

— Ахъ! сказалъ Зефиръ, оправляя на плечѣ мѣшекъ, ужь я давнымъ-давно умѣю ихъ дѣлать, чеботы-то!

— Какъ! вскричалъ Лазàръ, останавливаясь посреди дороги.

Digitized by Google

— Да такъ! возразилъ ученикъ, также останавливаясь и разсматривая, какое дѣйствіе произвело это открытіе на его товарища.

Въ эту самую минуту они подошли къ перекрестку, отъ котораго расходились три дороги.

— По какой идти? спросилъ Зефиръ, останавливаясь и смотря на Лазàра, который былъ еще пораженъ послѣднею тайною, прибавленною ученикомъ ко всѣмъ тѣмъ, которыя онъ сбирался открыть.

— По самой короткой, сказалъ художникъ, желая этою уступкою своему лѣнивому товарищу расположить его благопріятно выдержать допросъ, который онъ намѣренъ былъ ему сдѣлать. Зефиръ, которому предоставленъ былъ выборъ, съ минуту оставался въ нерѣшимости.—Вѣтрено, сказанъ онъ, смотря на тополь, который сильный вѣтеръ гнулъ прямо ему въ лице.

— Немножко, сказалъ Лазàръ, оно хорошо утромъ; это освѣжаетъ;—и видя, что ученикъ все еще не рѣшался, прибавилъ:—Что́ намъ за дѣло, откуда дуетъ вѣтеръ? Вѣдь мы не на парусахъ.

— А вотъ какое дѣло, возразилъ спокойно Зефиръ: если мы пойдемъ, вонъ, по той дорогѣ, то у насъ будетъ песку по колѣно, и вѣтеръ засыплетъ намъ глаза; а по этой, сказалъ онъ, смотря на другую дорогу, будетъ дальше.

— Экая важность! шаговъ 200 подальше, возразилъ Лазàръ, начинавшій терять терпѣніе.

— Эхъ, сударь, отвѣчалъ Зефиръ; 200 шаговъ больше или меньше—это очень чувствительно для ногъ и для спины, когда имѣешь ношу.

— Но, несчастный, если сума тяжела, не ты ли ее наполнилъ. Я и не думалъ брать запасовъ; я хотѣлъ воротиться домой къ завтраку.

— Какъ же! сказалъ Зефиръ, въ 11-ть часовъ, въ самый жаръ, не правда ли?

— Скажи пожалуй! Онъ боится загорѣть! А, другъ мой! когда ты попадешь въ наборъ, то будешь такимъ же плохимъ солдатомъ, какъ ты плохой чеботарь. Ты слишкомъ любишь разныя удобства, мой милый!

Digitized by Google

— Я не буду солдатомъ, сказалъ Зефиръ.

— Да; ты вѣрно воображаешь, что тебя пустятъ выбирать №, или надѣешься, что дядя Протà наймет за тебя охотника.

— Ахъ, добрый, бѣдный хозяинъ! Ужь я и такъ ему дорого стòю.—Ну, сказалъ ученикъ, поворачивая на-лѣво, пойдемте по большой дорогѣ; проходя черезъ Марлотту, мы можемъ зайдти выпить.

— Но, сказалъ Лазàръ, возвращаясь къ прерванному разговору, ты самъ сознаешься, что дорого стòишь дядѣ Протà, да вѣдь не въ томъ только дѣло, чтобы сознаваться; такъ какъ ты знаешь его ремесло, то было бы гораздо честнѣе съ твоей стороны попробовать заплатить ему долгъ твоею работою. И если бы ты началъ пораньше доказывать ему твою благодарность, Протà, который воспиталъ тебя, могъ бы тебѣ помочь, когда придетъ твоя очередь поступать на службу.

— Обойдусь и безъ него, сказалъ Зефиръ; при томъ же, до тѣхъ поръ....

— Между тѣмъ, возразилъ Лазàръ, я долженъ тебя предупредить, что нынче же вечеромъ дядя Протà узнаетъ, какой ты отличный работникъ.

— Онъ и самъ это замѣтитъ, сказалъ Зефиръ. Я хочу, прибавилъ онъ стуча палкою по мостовой, чтобы прежде нежели пройдутъ три мѣсяца, по этой дорогѣ не раздавалась ни одна пара чеботовъ, которая была бы не моей работы; я хочу, чтобы дядѣ Протà некогда было приласкать дочь или выкурить трубку; такъ я займу его подготовкою капитанника и вяза. Ужь если этому человѣку должно колотить что-нибудь, то пусть колòтитъ себѣ по дереву. И смотри, пожалуй, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, у меня не будетъ, по крайней мѣрѣ, синяковъ на плечахъ.

— А причина такой быстрой перемѣны?

— Причина! повторилъ Зефиръ съ оттѣнкомъ грусти, причина!... и помолчавъ съ минуту, проворчалъ сквозь зубы:

— Это тайна.

— А нельзя ли узнать эту тайну, другъ мой?

— Нельзя, отвѣчалъ ученикъ довольно сухо.

Digitized by Google

— Гм! подумалъ художникъ; онъ словно задвигаетъ запоры. Потомъ продолжалъ:—а если бы я купилъ у тебя твою тайну? а?

— Я не продаю ее, сударь, продолжалъ ученикъ съ тою же сухостію.

— Однакожь, если бы я предложилъ тебѣ хорошую цѣну.

— Послушайте, Г. Лазаръ, возразилъ Зефиръ, смотря пристально на своего товарища:—я вѣдь не такъ глупъ, какъ кажусь. Вы хотите заставить меня болтать; я это чую. Вотъ почему вы и увели меня сюда утромъ; но, видите ли, прибавилъ онъ, ударяя себя по лбу:—когда я себѣ что-нибудь сюда заберу, такъ это тамъ и остается.

— Очень вѣрю, сказалъ Лазаръ.

— А когда это сюда запало, то самъ чортъ его не вытащитъ.

— Ну, мой бѣдный Зефиръ, а я вытащу то, что у тебя *тамъ*, сказалъ художникъ, также ударивъ себя по лбу; я постараюся даже вытащить то, что у тебя *здѣсь*, прибавилъ онъ, ударяя себя по груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сердце.

Зефиръ поблѣднѣлъ, и полунасмѣшливая улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Послушай, другъ мой, продолжалъ живописецъ:—я больше тебѣ желаю добра, нежели ты думаешь. Твою тайну—я знаю ее отчасти; если я желаю знать ее вполнѣ, то не съ тѣмъ, чтобъ тебѣ вредить. Сейчасъ я предложилъ тебѣ купить ее; я ошибся; я не хочу покупать, а помѣняться съ тобою, и когда ты узнаешь, *что* я хочу дать тебѣ за нее, то увѣренъ, что мы ударимъ по рукамъ.

— А что же вы такое мнѣ дадите, Г. Лазаръ? сказалъ ученикъ съ любопытствомъ.

— Во-первыхъ— совѣтъ.

— Совѣтъ, повторилъ Зефиръ съ недовѣрчивостію, а потомъ?

— А потомъ еще.... все, что въ этомъ небольшомъ свертокъ, отвѣчалъ Лазаръ, вынувъ изъ кармана свернутую бумагу и вытрясая ее въ свою руку. Хотя ты меня не очень любишь, потому что какъ-будто не довѣряешь мнѣ, — я открылъ, что

Digitized by Google

у тебя есть моя рука и мой портретъ, и что безъ сомнѣнія для того, чтобы лучше читать мою руку и лучше разсматривать мое изображеніе. ты досталъ себѣ, не знаю какимъ-образомъ, маленькій инструментикъ, подобный вотъ этому, сказалъ Лазàръ, указывая на лорнетку, которая прыгала у него на шеѣ. Ты, стало быть, близорукъ?

— И вы мнѣ все это отдадите? вскричалъ съ живостію Зефиръ.

— Все, продолжалъ Лазàръ, быстро проводя сверткомъ передъ глазами ученика. я отдамъ тебѣ все, если ты мнѣ *все* скажешь. Ты понимаешь? Все.

— Дайте! сказалъ Зефиръ.

— Дамъ, когда и ты дашь.

— Хорошо, сказалъ ученикъ; послѣ завтрака мы поговоримъ. — И, какъ-будто сговорясь между собою, они молчали, пока дошли до мѣста своего назначенія. Лазàръ шелъ по одной сторонѣ дороги, размышляя о порядкѣ допроса, а Зефиръ по другой, занятый, безъ сомнѣнія, приготовленіемъ изъясненія, которое долженъ былъ дать Лазàру. По прошествіи трехъ четвертей часа они всходили, нѣсколько запыхавшись, по крутой тропинкѣ, ведущей отъ Марлотты къ Озеру Фей.

Площадка. которая, безъ сомнѣнія, обязана своимъ названіемъ какому-нибудь суевѣрному преданію, господствуетъ надъ всѣмъ протяженіемъ страны, которую мы описали въ первой главѣ повѣсти. Мало мѣстоположеній представляютъ столько разнообразія, и въ особенности на такомъ тѣсномъ пространствѣ. На каждыхъ десяти шагахъ видъ перемѣняется съ быстротою декорацій, и съ каждымъ часомъ, смотря по большей или меньшей высотѣ солнца, ландшафтъ измѣняется въ цѣломъ и подробностяхъ, подобно картинѣ въ діорамѣ. Всѣ школы пейзажистовъ могутъ найдти здѣсь предметъ для изученія. Тутъ есть и тучныя пажити, подобныя нормандскимъ, гдѣ стада утопаютъ по грудь въ высокихъ волнахъ сочной благоухающей травы; тамъ внезапно разступится зеленая рама лѣса, этого океана вершинъ, вѣчно колеблемыхъ, какъ морскія волны, и вы увидите спокойныя долины, которыя простираются до

Digitized by Google

Бри, и бѣгутъ такъ далеко, какъ только можетъ взглядъ уловить неподвижную черту горизонта. Тѣ, которые любятъ дикіе ландшафты Сальватора Розы, могутъ сойдти крутыми оврагами въ сонныя уединенныя глубины Волчьяго Ущелья. Проникнувъ въ это ущелье, вамъ покажется, что вы посѣщаете развалины какой-нибудь невѣдомой Ниневіи. Колоссальныя массы утесовъ какъ-будто чувствуютъ еще толчекъ, сообщенный имъ внутреннимъ переворотомъ, и преслѣдуютъ, лѣзутъ одна на другую, какъ армія разбитыхъ гигантовъ; однѣ, едва наклоненныя, какъ-будто сбираютъ силы для новаго порыва, другія, склонившись надъ пропастью въ угрожающемъ положеніи, пугаютъ взоръ своею сомнительною неподвижностію. Деревья, какъ будто еще потрясаемыя вѣтромъ, возвѣщающимъ разрушеніе міра, наклоняются съ движеніями, которыя придаютъ имъ сходство съ существами, находящимися въ опасности и дѣлающими сигналы отчаянія; одни потрясаютъ вѣтвями съ судорожными движеніями; другіе, какъ атлеты, которые вызываютъ другъ друга на борьбу, выдвигаютъ впередъ вѣтви, которыхъ оконечности похожи на сжатые кулаки. Одни могучіе, вѣковые дубы, которые, быть можетъ, погружаютъ свои корни въ потопный илъ, дубы, съ которыхъ нѣкогда друиды собирали амелу, сохранили еще видъ своей первобытной красоты и силы.

Въ самой срединѣ площадки находится озеро, или, лучше сказать, два озерка, образовавшіяся, безъ сомнѣнія, изъ накопленія дождевой воды, удержанной въ природныхъ водоемахъ, вырытыхъ въ утесахъ. Этотъ огромный утесъ царствуетъ отчасти на всемъ протяженіи площадки. Изчезая на неправильныхъ глубинахъ, онъ появляется на каждомъ шагу, пробуравливая землю внезапнымъ возвышеніемъ; что позволяетъ предполагать, что это мѣсто лежитъ надъ пустотою, происшедшею отъ естественнаго переворота, это то, что копыто лошади, или даже бѣгъ пѣшехода, пробуждаетъ звукъ, который продолжается подъ землею. Вокругъ двухъ озеръ, питаясь наносною землею, растутъ водяныя и болотныя растенія, гдѣ лягушки гоняются за насѣкомыми, а жабы за лягушками. По всѣмъ мѣстамъ, до которыхъ, въ разливѣ своемъ, не

Digitized by Google

можетъ достигнуть вода изъ прудовъ, растетъ рѣдкій и коротенькій дернъ, гдѣ стрекоза не можетъ укрыться отъ птицы, которая за нею гонится, растенія больныя, которыхъ корень уже умеръ, когда цвѣтокъ едва начинаетъ распускаться, которыя боятся и солнца и дождя, которыя затопляетъ одна капля воды и изсушаетъ одинъ лучъ солнца. На берегу большаго озера, два огромные кустарника раскидываютъ и переплетаютъ свои вѣтви съ мохнатыми колючками крапивы, съ иглами дикаго шиповника и вьющейся розы. Болота, стоячія воды, кусты зелени, ежеминутно потрясаемые ядовитыми гадами,—таковъ былъ видъ озера, давшаго свое имя мѣсту; но самая эта дикость и безплодіе придавали болѣе поразительности великолѣпію окружающей ихъ рамы. Корова ли пьетъ эту гніющую воду, крестьянка ли нагнется на берегу, мыть, или, лучше сказать, пачкать свое бѣлье, дровосѣкъ ли точитъ топоръ на скалѣ,—все это составляетъ картины, которыя стоитъ только схватывать живописцу.

Когда Лазаръ и спутникъ его вступили на площадку, солнце начинало пронизывать своими огненными стрѣлами высокія деревья Королевиной Сѣчи, которая окружаетъ ее съ одной стороны; а въ глубинѣ оврага послышались колокольчики стада, которое ранній пастухъ пригналъ на деревенское пастбище.

— Уйдемъ отсюда, сказалъ Лазаръ Зефиру:—черезъ часъ всѣ сосѣдніе пачкуны поставятъ здѣсь свои зонтики, и площадка будетъ походить на поляну, поросшую грибами.

И какъ будто въ подтвержденіе его словъ, группа молодыхъ людей поднималась на гору другою дорогою. Оселъ, котораго погонялъ мужикъ, былъ нагруженъ станками, ящиками съ красками и мѣшками съ провизіею. Посреди группы шелъ господинъ въ пальто и съ ленточкой въ петлицѣ; окружающіе слушали его съ почтительнымъ вниманіемъ. Когда эти молодые люди, всѣ прилично одѣтые, въ лаковыхъ сапогахъ и перчаткахъ, прошли мимо, Лазаръ спросилъ:

— Кто это такіе?

— Это désignieurs «рисовальщики» изъ Марлотты; они идутъ на урокъ съ своимъ учителемъ.

Digitized by Google

Въ ту же минуту, тотъ, кого Зефиръ назвалъ учителемъ, обратился къ маленькой группѣ, и указывая имъ на окружающій ландшафтъ, произнесъ: – Господа! 6-ть часовъ; это часъ, когда въ природѣ господствуетъ блѣдножелтая краска (Jaune de Naples?)

— Ахъ, сказалъ Лазàръ, мнѣ хочется послушать его урокъ.

— О, сударь! отвѣчалъ Зефиръ, смотря съ жалобнымъ видомъ на мѣшокъ съ провизіею.

— Ты правъ, сказалъ живописецъ: намъ еще предстоитъ завтракать, а потомъ — говорить.

И они продолжали путь въ направленіи, противоположномъ тому, куда удалились пейзажисты.

IV.

Признанія Зефира.

Выборъ мѣста для отдыха былъ предоставленъ Зефиру. Послѣ долгой нерѣшимости, ученикъ открылъ наконецъ такое, которое соединяло въ себѣ всѣ условія сибаритизма: холмъ съ легкимъ скатомъ, чтобы удобнѣе было лежать, осѣненный свѣжею, развѣсистою тѣнію и покрытый густою и мягкою травою. По окончаніи завтрака Лазàръ сдѣлалъ своему товарищу дружеское увѣщаніе, чтобы расположить его къ полной довѣренности; художникъ далъ ему понять, что онъ сдѣлался добровольнымъ его союзникомъ, и что, для его же пользы въ будущемъ, ему необходимо знать все, что̀ его поведеніе заключало въ себѣ таинственнаго. — Я ужь заступался за тебя у хозяина, сказалъ Лазàръ, а онъ такъ былъ дурно расположенъ, что готовъ былъ выгнать тебя изъ дома. — Зефиръ поблѣднѣлъ. — Успокойся, продолжалъ Лазàръ: — я уговорилъ его къ терпѣнію и снисходительности. Перемѣна, которую ты въ немъ замѣтилъ, произведена не однимъ вчерашнимъ приключеніемъ; тутъ дѣйствовало и мое вліяніе. — Вчера, продолжалъ онъ, показывая ему пакетъ съ поддѣланными

Digitized by Google

«сувенирами» Аделины, когда я нашелъ на тебѣ эти вещи, то поскорѣй ихъ спряталъ, чтобы онѣ тебѣ не повредили. Я отдамъ ихъ тебѣ и буду продолжать за тебя вступаться; но только съ условіемъ: полная откровенность. Иначе, я первый стану, говоритъ Прота, что онъ призрѣлъ негодяя, который своимъ присутствіемъ въ домѣ можетъ только надѣлать ему тьму безпорядковъ и непріятностей.

Зефира, казалось, болѣе тронули увѣренія въ дружбѣ, нежели угрозы; но всего болѣе убѣдило его присутствіе вещей, которыя онъ тотчасъ узналъ именно потому, что ихъ трудно было узнать.

— И вы отдадите ихъ мнѣ навѣрное? спросилъ онъ.

— Пожалуй даже теперь, если хочешь, сказалъ Лазаръ, отдавая ему сверток, но только помни слова мои.

— О, г. Лазаръ! вскричалъ Зефиръ съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ; о, да! я все, все вамъ разскажу. О! у меня много тутъ, прибавилъ, онъ, ударяя себя по груди, и мнѣ такъ тяжело это носить! Вѣдь вы другъ мой, не правда ли?

— Разумѣется, мой милый; вѣдь я доказалъ это и впредь еще докажу.

— Ну, сказалъ Зефиръ:—пусть меня ужалитъ аспидъ, если я не скажу вамъ всей правды.

Но если бы Лазаръ и могъ сомнѣваться, то его сомнѣнія вскорѣ разсѣялись бы. Одушевленіе, съ какимъ говорилъ Зефиръ, плодовитость его разсказа, настойчивость, съ какою онъ возвращался къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, волненіе его, попеременно полное горечи и умиленія, носили весь отпечатокъ истины. Нельзя было также сомнѣваться и въ искренности слезъ его, когда, при воспоминаніяхъ, вызываемыхъ его словами, возобновлялись и страданія, которыя такъ долго заставляли ихъ течь въ одиночествѣ.

Эта смутная исповѣдь, полная повтореній, продолжалась болѣе двухъ часовъ. Не имѣя возможности передать ее съ тою живостію выраженій, которая возвышала иногда грубый языкъ Зефира до высокаго краснорѣчія, мы представимъ одинъ краткій отчетъ, достаточный для изъясненія таинственнаго характера маленькаго героя.

Digitized by Google

Читатель помнитъ обстоятельства, въ которыхъ найденъ былъ Зефиръ. Добрый старикъ Протà рѣдко пропускалъ случай пожаловаться на подарокъ, который сдѣлала ему судьба, бросивъ ему на встрѣчу такого худенькаго и дурнаго ребенка. Красота и пріятность, у дѣтей или у взрослыхъ, все равно, подобна магниту, который привлекаетъ къ нимъ сочувствіе даже постороннихъ людей, даже прохожихъ. Жалкая наружность сироты съ перваго раза повредила ему въ умѣ названнаго отца. Когда чеботарь отдалъ его на воспитаніе крестьянкѣ, то самолюбіе его оскорбилось неохотою, съ какою эта женщина согласилась кормить этого уродца. Самолюбіе его страдало еще болѣе, видя, что другія дѣти удаляются отъ Зефира, и всякій разъ, когда ему приходилось тратить на него деньги, онъ ворчалъ сквозь зубы: — Вотъ мальчишка, который дорого мнѣ стòитъ, а мало дѣлаетъ чести.

Одаренный отъ природы необыкновенною чувствительностію, въ соединеніи съ чрезвычайною робостью, Зефиръ живо чувствовалъ пстребность ласкъ и попеченій, свойственную всѣмъ дѣтямъ. Какъ ни мало понималъ онъ свое положеніе, но какое-то темное предчувствіе говорило ему, что не воздухомъ родной семьи дышалъ онъ въ этомъ домѣ. Рѣдкія попытки добиться какой-нибудь ласки отъ его названнаго отца были приняты послѣднимъ съ равнодушіемъ, почти отвергнуты. Не понимая того, что его собственная холодность была причиною молчаливости ребенка, Протà обвинялъ его въ стараніи, съ какимъ онъ искалъ уединенія.

— Это настоящій волченокъ, говорилъ онъ; какъ онъ ни малъ, а все-таки долженъ бы понимать, чтò я для него дѣлаю, и стараться, по силамъ своимъ, быть полезнымъ въ домѣ; а онъ только сидитъ себѣ, забившись въ уголъ, да молчитъ. Но, погоди, погоди ты у меня!

Лишь только мальчишка вошелъ въ возрастъ, Протà отдалъ его въ школу. — Выучите его поскорѣе тому, чтò необходимо знать, чтобъ не быть ослóмъ, сказалъ чеботарь педагогу; а тамъ, я суну ему инструментъ въ руки. Ужь коли онъ не дѣлаетъ мнѣ чести, такъ пусть приноситъ пользу.

Digitized by Google

Мнѣ сдается, что онъ туповатъ; но вы не церемоньтесь съ нимъ, поколачивайте его порядкомъ.

Это прибавленіе было тѣмъ дѣйствительнѣе, что монтиньскій педагогъ не считалъ терпѣніе добродѣтелью въ наставникѣ. Если ученики съ перваго раза не понимали его объясненій, то повторялъ ихъ уже не онъ, а линейка. Зефиръ, столько же щедро одаренный со стороны умственной, сколько мало могъ похвалиться физическими дарами, могъ бы учиться легко и скоро; но учитель, привыкшій къ тупоумію деревенскихъ мальчишекъ, не умѣлъ, или не хотѣлъ оцѣнить его способностей, а подчинилъ его общему закону: выговорамъ и палкѣ. Сирота, замѣтивъ, что все равно, учиться хорошо или не учиться вовсе, рѣшился предаться своей врожденной наклонности къ лѣни. Тайное чувство оскорбленной справедливости и гордости начинало развивать въ немъ инстинктъ сопротивленія. Дѣятельной строгости учителя онъ противопоставлялъ безотвѣтное упорство; отвергнутый маленькими товарищами въ своихъ дружескихъ порывахъ, мудрено ли, что онъ незамѣтно давалъ развиваться въ себѣ зародышу мизантропіи, который придавалъ ему какую-то дикую наружность. Донесенія учителя, какъ можно себѣ представить, еще усилили нерасположеніе Протà къ Зефиру.

— Дурной ученикъ — плохой работникъ, сказалъ онъ, взявъ его изъ школы и сажая за прилавокъ; но посмотримъ.—Теперь онъ будетъ у меня на глазахъ—и *подъ рукою*, прибавилъ онъ съ значительнымъ движеніемъ. Однакожь, Зефиръ, узнавшій свое настоящее положеніе въ домѣ чеботаря, разсуждалъ иначе. Онъ понялъ, что справедливость требовала, чтобы онъ помогалъ человѣку, который призрѣлъ его и долго объ немъ пекся. Онъ старался его удовольствовать частію изъ благодарности, частію изъ благородной гордости. Протà замѣтилъ его старанія, и втайнѣ былъ имъ доволенъ; но никогда ему этого не показывалъ, никогда не поощрялъ ни словомъ, ни движеніемъ бѣднаго мальчика. А если случалось Зефиру не понять съ перваго раза изъясненія, не рѣдко дурно сдѣланнаго, если онъ немножко болѣе необходимаго просиживалъ за чеботомъ, если срѣзывалъ одною стружкою больше, чѣмъ

Digitized by Google

нужно, и тѣмъ портилъ кусокъ вяза, или каштанника, тогда Прота кричалъ на весь домъ: Зефиръ разоряетъ меня! Зефиръ неблагодарный, лѣнтяй, негодяй!—Если же ученикъ пытался съ кротостію извиниться, голосъ мастера гремѣлъ еще сильнѣе: Хорошо! кричалъ онъ, это меня научитъ впередъ брать въ домъ нищихъ, оборванцевъ! За чѣмъ не бросилъ я тебя тамъ, гдѣ нашелъ!

Однажды, выслушавъ эти слова, Зефиръ всталъ съ прилавка, посмотрѣлъ прямо въ лице хозяину и сказалъ спокойно: — Г. Прота, я иду. — Ну, куда ты идешь? возразилъ выведенный изъ себя чеботарь. — Туда, гдѣ вы меня нашли, отвѣчалъ ученикъ. — Какъ же не такъ! ты воображаешь, что я тебя отпущу! А! ты думаешь, что я здакъ растратилъ на тебя больше экю, нежели ты въ состояніи поднять; что я воспиталъ тебя, обучилъ, какъ *роднаго сына*, а ты можешь такъ просто откланяться мнѣ да и уйдти? Но вѣдь я твой хозяинъ, знаешь ли ты это? Законъ даетъ мнѣ всю власть надъ тобою! Ты уйдешь тогда только, когда я самъ этого захочу; а я захочу не прежде, какъ ты заработаешь мнѣ все, что я на тебя потратилъ съ тѣхъ поръ, какъ, на бѣду мою, ты вошелъ въ домъ. — Зефиръ покачалъ головою и принялся стругать чеботъ.

Однакожь, такъ какъ эти сцены возобновлялись каждый день подъ разными ничтожными предлогами, то Зефиръ началъ становиться равнодушнѣе. Выговоры чеботаря были приправлены ударами; ученикъ слушалъ первые, не слыша, и принималъ вторые, не чувствуя ихъ. Теряя всякое сознаніе, что онъ дѣлалъ хорошо и что дурно, оглушенный вѣчнымъ ураганомъ, который ревѣлъ надъ его головою, Зефиръ начиналъ впадать въ идіотизмъ. Тогда-то возвратилась въ Монтиньи Аделина. Зефиръ, довольно равнодушный къ ея возвращенію, сначала удивился, когда она заговорила. Для него казалось страшнымъ слышать голосъ, который не былъ ни пронзителенъ, ни громокъ, ни бранчивъ. Дѣвушкѣ нужно было нѣкоторое усиліе, чтобы приманить къ себѣ ученика. Привычка къ дурному обращенію и одиночество сдѣлали его дикимъ; но, мало по малу, прелесть ея кроткаго голоса, лас-

Digitized by Google

ковость ея милыхъ движеній, благородство пріемовъ, которые сначала возбудили любопытство мальчика, привлекли его сочувствіе. Аделина, вспомнивъ, какъ въ дѣтствѣ ее пугала грубость отца, и думая, что Зефиръ замѣнилъ ее какъ жертва Протѣ, казалось, взяла на себя обязанность заставить его забыть прошедшее. Что̀ касается до Зефира, то, лишь только потребность любви, до тѣхъ поръ подавляемая въ немъ, нашла себѣ исходъ, она устремилась въ него съ необузданностію потока, прорвавшаго плотину. Лишенный ласкъ, или, лучше сказать, никогда ихъ не знавшій, въ первый разъ, какъ Аделина поцѣловала его въ лобъ, онъ почувствовалъ такое волненіе, что весь затрясся и чуть не упалъ. Онъ полюбилъ Аделину, безъ сомнѣнія, любовью ребенка, но ребенка старѣе своихъ лѣтъ и созрѣвшаго въ размышленіи, любовью, которая вылилась изъ его сердца какъ вопль благодарности, и въ которой разрѣшилась вся непризнанная нѣжность его сиротскаго дѣтства. Если бы Аделина воротилась домой тремя годами ранѣе, то Зефиръ, принимая ея поцѣлуй, назвалъ бы ее, быть можетъ, *матерью;* но она явилась уже слишкомъ поздно, чтобы онъ могъ назвать ее *сестрою.* Привязанность брата казалась ему слишкомъ тѣсною, чтобы заключить всѣ тѣ безотчетныя чувства, которыя волновали его сердце.

Съ этой-то минуты произошла въ Зефирѣ перемѣна, замѣченная дядею Протѣ. Сколько до пріѣзда Аделины Зефиръ любилъ бѣгать изъ дома, столько по ея возвращеніи онъ сдѣлался домосѣдомъ; онъ огорчался, когда давали ему какое порученіе, и торопился возвратиться домой. Потомъ, вдругъ онъ возвратился къ своей прежней лѣни и безпечности и снова пренебрегалъ выговорами, какъ бы они ни были кротки. Эта перемѣна произошла во второе пребываніе Лазàра въ Монтиньи. Инстинктомъ любви угадалъ ученикъ страсть, которая начинала развиваться въ сердцѣ Аделины. Онъ замѣтилъ, что, какъ ни кротко говорила съ нимъ молодая дѣвушка, но она умѣла сообщать совсѣмъ другую пріятность словамъ своимъ, когда обращалась къ Лазàру. Онъ видѣлъ, какъ она дрожала и блѣднѣла отъ братняго поцѣлуя юноши, точно такъ, какъ самъ онъ блѣднѣлъ и дрожалъ отъ

Digitized by Google

ея поцѣлуя. Онъ замѣтилъ сверхъ того, что Аделина меньше имъ занималась съ тѣхъ поръ, какъ живописецъ жилъ въ домѣ; что, привыкнувъ спать цѣлое утро, она вставала раньше всѣхъ, чтобы встрѣтить Лазàра прежде, чѣмъ онъ уйдетъ на работу. Онъ видѣлъ, какъ въ саду она рвала лучшіе плоды и клала ихъ въ котомку художника. Наконецъ, когда живописецъ уѣхалъ въ Парижъ, грусть Аделины не укрылась отъ Зефира, который, ненавидя Лазàра, не показывалъ ему этой ненависти. Въ день его отъѣзда ученикъ ни на минуту не покидалъ его. Посадивъ живописца въ бурронскій дилижансъ, Зефиръ возвратился въ Монтиньи веселѣе. Онъ думалъ, что, такъ какъ соперникъ его уѣхалъ, онъ получитъ всю прежнюю свою долю въ попеченіяхъ и ласкахъ дѣвушки; напротивъ того, онъ нашелъ ее еще печальнѣе и равнодушнѣе къ нему, чѣмъ прежде. Днемъ она сидѣла по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ; а ночью онъ слышалъ сквозь перегородку, какъ она вставала и выдвигала ящикъ комода. Тогда-то подозрѣніе пролетѣло въ умъ Лазàра, быстрое и жгучее, какъ огненная стрѣла. Онъ провертѣлъ отверстіе въ двери и сталъ подсматривать за Аделиною; онъ увидѣлъ, какъ она прижимала къ сердцу и подносила къ губамъ вещи, которыя доставала изъ своего бюро. Ревность сильно побуждала его овладѣть ея тайною; но долго удерживало его чувство чести; потомъ, пришло извѣстіе о возвращеніи Лазàра. Радость, показанная Аделиною, сдѣлала Зефира безумнымъ отъ горести и ревности. Въ продолженіе трехъ ночей онъ не спалъ; въ продолженіе трехъ дней бродилъ по берегамъ Луана; три раза привязывалъ онъ себѣ камни къ ногамъ, смотря на воду. Наконецъ, въ то самое утро, когда возвратился художникъ, и прежде чѣмъ идти къ нему на встрѣчу, Зефиръ воспользовался поѣздкою Аделины въ Морѐ; онъ разломилъ задѣланную дверь, которая раздѣляла обѣ комнаты, нашелъ ключъ отъ бюро, открылъ ящикъ и унесъ вещи, которыя въ немъ были.

— Когда я вышелъ къ вамъ на встрѣчу, г. Лазàръ, сказалъ Зефиръ въ заключеніе, я уже осудилъ себя на смерть; я не могъ болѣе жить. Если бы дядя Протà сталъ бить меня

Digitized by Google

раскаленными желѣзными полосами, то я и тогда ничего бы не почувствовалъ. О! когда я увидѣлъ васъ на верху дилижанса, въ ту минуту правая коренная чуть не упала на спускѣ; вы даже подались назадъ.

— Это правда, сказалъ Лазàръ: — я боялся, что дилижансъ опрокинется. Ну что же, Зефиръ?

— Ну, г. Лазàръ, я закрылъ глаза, сложилъ руки и молился....

— Твоя молитва принесла мнѣ счастіе, сказалъ художникъ: мы не опрокинулись.

— Я не о томъ молился, сказалъ Зефиръ, потупивъ глаза. Гм.... г. Лазàръ, вы сказали, чтобы я вамъ все открылъ; мнѣ не нужно разсказывать вамъ остальное, вы знаете, что̀ случилось.

— А знаешь ли ты, что, если бы дядя Протà только подозрѣвалъ, что̀ ты думаешь объ его дочери, то выгналъ бы тебя изъ дома.

— Вы ему не скажете объ этомъ, возразилъ Зефиръ. Вы сказали, что вы другъ мнѣ.

— Но, послѣ добрыхъ намѣреній, которыя ты имѣлъ въ отношеніи ко мнѣ, я, право, не знаю, долженъ ли сохранить къ тебѣ дружбу, сказалъ художникъ, смѣясь.

— О, сударь, сказалъ Зефиръ, вчера я былъ безумецъ! сущій безумецъ! прибавилъ онъ, стукнувъ ногою въ землю.

— А со вчерашняго дня, стало быть, ты оставилъ свою страсть на днѣ рѣки?

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Зефиръ съ твердостью, и, указывая на сердце, прибавилъ: — она все тутъ, только вмѣсто того, чтобы умереть отъ нея, я буду жить ею.

По разсказу, который сдѣлалъ ему Зефиръ, и въ особенности по выраженіямъ, которыя не разъ его трогали, Лазàръ убѣдился, что могъ говорить ученику чеботаря съ увѣренностію быть поняту имъ. И такъ, онъ сталъ увѣщавать его, какъ увѣщавалъ бы товарища, равнаго ему возрастомъ и званіемъ, стараясь быть вмѣстѣ убѣдительнымъ и ласковымъ.

Digitized by Google

Зефиръ отвѣчалъ ему, что онъ самъ сто разъ говорилъ себѣ то же самое.

— Но, мой бѣдный Зефиръ, сказалъ Лазаръ, вспомни, что Аделина самая богатая невѣста изо всей деревни и что отецъ не выдастъ ее за-мужъ иначе, какъ за человѣка, по крайней мѣрѣ, такого же богатаго, какъ она.

— А вы, monsieur Лазаръ, вы богаты?

— Почти такъ же, какъ ты, отвѣчалъ живописецъ, желая разсѣять страхъ, который, казалось. обнаруживалъ въ ученикѣ этотъ вопросъ. Успокойся, я не женюсь на Аделинѣ: и ты и я — слишкомъ бѣдные зятья для дяди Прота. При томъ же, я не люблю ее. — Но это еще не все, продолжалъ онъ: тебѣ остается еще кой-что сказать мнѣ. Ты говорилъ мнѣ давеча, что давно искусенъ въ ремеслѣ чеботаря; знаешь ли, что это не честно съ твоей стороны, что ты лишалъ хозяина выгоды, которую онъ могъ бы получить отъ твоей работы, и что твоя лѣнь была какъ бы похищеніе, въ которомъ ты сдѣлался виновенъ; работа могла бы доставить тебѣ средство заплатить ему долгъ.

— Я заплачу послѣ, сказалъ Зефиръ съ гордостію.

— Что прошло, то пропало, сказалъ Лазаръ; ты слишкомъ долго былъ лѣнивъ, чтобы вдругъ сдѣлаться прилежнымъ.

— Но, сказалъ Зефиръ, изъ того, что я не дѣлалъ чеботовъ, — еще нельзя заключать, чтобъ я сидѣлъ сложа руки. Я сдѣлалъ, какъ вы, г. Лазаръ, когда вы покинули ремесло, которое вамъ не нравилось, чтобы выучиться самому-собою ремеслу, которое мнѣ нравилось; потому что, какъ вы давеча сказали, легко учиться, когда имѣешь къ чему вкусъ и наклонность. Если я притворялся, что не знаю чеботарнаго ремесла, то это потому только, что моею неловкостію надоѣдалъ г-ну Прота, и онъ радъ былъ, когда я уходилъ изъ дома вмѣсто того, чтобы портить дерево по пустому. Я былъ битъ и ѣлъ сухой хлѣбъ, правда; но за то былъ свободенъ три или четыре часа въ день, и въ это время, тихонько отъ всѣхъ, работалъ.

— Да что же ты дѣлалъ? что? спрашивалъ Лазаръ.

Digitized by Google

Въ эту минуту раздался лай, и собака, которая уже разъ пробѣжала мимо нихъ, снова направилась къ живописцу, который воткнулъ свой зонтикъ въ двадцати шагахъ отъ дерева, подъ которымъ завтракали Зефиръ и Лазàръ, такъ что ни тотъ ни другой того не замѣтили. Товарищъ новоприбывшаго, сидѣвшій въ равномъ отъ нихъ разстоянiи, но на противоположной сторонѣ, закричалъ ему:—Теодоръ, дай спички Лидiи!

— Вотъ онѣ, отвѣчалъ другой живописецъ. — И Лазàръ увидѣлъ, что собратъ его по искусству вложилъ какой-то предметъ въ рыло собакѣ, которая пустилась бѣжать къ своему господину.

— Чортъ возьми! сказалъ Лазàръ, вотъ славное животное, и преполезное! И чтобы разсмотрѣть собаку ближе, онъ показалъ баранью кость, оставшуюся отъ завтрака. Лидiя съ минуту была въ нерѣшимости; потомъ подошла къ Лазàру, но чтобы взять кость, принуждена была выпустить предметъ, который держала во рту. Лазàръ сдѣлалъ движенiе удивленiя, поднявъ коробочку для спичекъ, которую выронило животное.

— Ахъ, прелестная вещица! вскричалъ онъ, вертя въ рукахъ деревянную коробочку, выточенную и украшенную рѣзьбою съ простодушною и изящною прелестью. Это, вѣрно, изъ Германiи, изъ Чернаго Лѣса (Шварцвальда).

— Это изъ Фонтенблòскаго лѣса, сказалъ, вставая, Зефиръ. Если вы хотите видѣть такiя, пойдемте въ мою лавку. Вы можете выбирать любую.... Еще то ли вы увидите, г. Лазàръ.

И видя, что Лазàръ стоитъ неподвижный, какъ человѣкъ, который слышитъ и не понимаетъ, прибавилъ съ небольшимъ оттѣнкомъ гордости:—Это *я* сдѣлалъ.

— Какъ! спросилъ машинально Лазàръ.

— Ножикомъ, деревомъ и терпѣнiемъ; но это самый жалкiй образчикъ; пойдемте со мною; вы увидите гораздо лучше.

Постой, сказалъ Лазàръ: я долженъ отдать это сосѣду.— Сосѣдъ принялъ очень вѣжливо извиненiя Лазàра.—Какая у васъ хорошенькая вещица, сударь! сказалъ художникъ.

Digitized by Google

— Да, отвѣчалъ пейзажистъ; я купилъ это въ Фонтенбло у одного торговца рѣдкостями.

— А дорого? спросилъ Зефиръ.

— Гм.... да! отвѣчалъ молодой человѣкъ. Это выписывается изъ Германіи. Я заплатилъ за ящичекъ двадцать франковъ.

— Ну, а я, г. Лазàръ, сказалъ Зефиръ тихонько своему товарищу, я продалъ его за двадцать су.

Въ то время, какъ Лазàръ и ученикъ его переходили черезъ площадку, они снова увидѣли толпу учениковъ съ профессоромъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ часы, другою указывалъ вокругъ себя на ландшафтъ, облитый раскаленными лучами солнца.

— Господà, сказалъ онъ: —полдень,—это часъ, когда желтая хромовая краска преобладаетъ въ природѣ.

По прошествіи трехъ четвертей часа, Зефиръ привелъ Лазàра въ гротъ, скрытый въ самой уединенной части Длинныхъ Утесовъ. Въ углубленіи, заложенномъ камнями, было спрятано около двадцати затѣйливыхъ вещицъ для разнаго употребленія, изъ рѣзнаго дерева.

Лазàръ въ молчаніи и старательно разсматривалъ ихъ одну за другою; потомъ взялъ Зефира за руку и сказалъ ему:

— Отнынѣ запрещаю тебѣ дѣлать чеботы.

— Что же мнѣ дѣлать, когда г. Протà....

— Купить инструментъ и пріобрѣтать себѣ имя и состояніе.

Digitized by Google

ГОЛЛАНДСКАЯ ИНДІЯ.

ПОЛИТИКА ГОЛЛАНДІИ И МОРСКІЕ РАЗБОИ ВЪ ЗОНДСКОМЪ АРХИПЕЛАГѢ.

Голландія обладаетъ въ Индѣйскомъ архипелагѣ настоящимъ царствомъ, котораго народонаселеніе, непосредственно или отчасти ей подвластное, простирается, конечно, до 20-ти милліоновъ человѣкъ.

Центромъ и основаніемъ этого владычества—островъ Ява, занятый въ настоящее время Голландцами на всемъ его пространствѣ и безропотно сносящій господство своихъ европейпейскихъ властителей. На этомъ островѣ и другихъ, отъ него зависящихъ,—болѣе 10-ти милліоновъ жителей.

За тѣмъ, самыя значительныя владѣнія занимаютъ южную половину острова Суматры, почти весь островъ Целебесъ, двѣ трети острова Борнео, острова Молукскіе и Сумбаву-Тиморъ. Сюда должно еще причислить множество второстепенныхъ заведеній, которыя черезъ Тиморъ идутъ непрерывною цѣпію, въ направленіи къ Востоку, до берега Новой Гвинеи включительно. Главнѣйшіе города: Батавія, Сурабайя, Самарангъ, Бенкуленъ и Макассаръ.

Пользуясь превосходнымъ управленіемъ въ отношеніи нравственномъ и вещественномъ, голландскія колоніи наслаждаются постояннымъ благоденствіемъ съ 1814 г. Богатство ихъ увеличивается вмѣстѣ съ народонаселеніемъ и каждый годъ прибав-

Digitized by Google

ляетъ къ бюджету метрополіи чистаго дохода около 10-ти милліоновъ франковъ.

Безпокойная зависть Англіи ко всему, что относится до распространенія колоніяльнаго могущества другихъ европейскихъ державъ, съ трудомъ выноситъ зрѣлище чуждаго ей благоденствія. Она, не довольствуясь тѣмъ, что тайно раздуваетъ въ туземцахъ чувство недоброжелательства, котораго не можетъ избѣгнуть ни одно чужеземное владычество, — подъ предлогомъ прекращенія морскихъ разбоевъ, изыскиваетъ всѣ случаи учредить на морѣ родъ дѣятельной полиціи, и освятивъ временемъ случайное вмѣшательство въ дѣла морскихъ націй, положить прочное основаніе будущему безраздѣльному владычеству океаномъ. Занятіе ос. Лабюана—первый ея шагъ на этомъ поприщѣ.

Слѣдующая статья, которую мы заимствуемъ изъ Revue Britannique, представляетъ перечень упрековъ и претензій Англіи касательно голландскихъ владѣній въ Азіатскомъ архипелагѣ. Она будетъ имѣть несомнѣнную занимательность для тѣхъ изъ читателей, которые любятъ изучать необъятное морское могущество Великобританіи, во всѣхъ способахъ, которые она употребляетъ для его распространенія.

Не разъ уже описывали роскошную природу очаровательныхъ странъ, гдѣ, подъ небомъ вѣчно-яснымъ, путешественникъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу острова, покрытые благоухающими рощами. Предметъ, который мы себѣ предположили, не столь заманчивъ. Цѣль наша доказать, что два бича тяготѣютъ надъ судьбою жителей Зондскихъ острововъ: малайскіе пираты,—эти новые Норманны индѣйскихъ морей,—и владычество Европейцевъ, которые съ той самой минуты, какъ Альфонзъ Албукиркъ обогнулъ мысъ Ахемскій,—за рѣдкими исключеніями,—стараются истощать всѣми способами эти богатыя страны въ пользу своей торговли.

Прошло 250 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ голландскій флотъ, подъ командою Гаутмана, присталъ къ ос. Явѣ. Начальникъ

Digitized by Google

экспедиціи вышелъ на берегъ въ Бантамѣ и заключилъ съ владѣтелемъ страны наступательный и оборонительный союзъ противъ Португальцевъ. Но не долго голландская факторія въ Бантамѣ пользовалась своею выгодною монополіею. Основалась Остъ-Индская компанія (1601), и четыре англійскіе корабля были посланы на Зондскіе острова, подъ начальствомъ капитана Ланкастера, который, съ небольшой своей эскадрой, пристalъ сначала къ мысу Ахемскому, а потомъ отправился въ Бантамъ и испросилъ у султана дозволеніе основать англійскую факторію возлѣ голландской. Бантамъ въ эту эпоху былъ уже значительнымъ торговымъ городомъ. Тамъ жили купцы изъ Аравіи, Персіи, съ малабарскаго берега и изъ королевства Пегю, Мавры, или Турки, въ нѣбольшомъ количествѣ и множество Китайцевъ. Англичане, какъ и Голландцы, безъ затрудненія получили право поселиться въ странѣ и заниматься торговлею. Яванцы еще не понимали всѣхъ послѣдствій взаимныхъ отношеній между Европейцами. Они полагали, что легко могутъ защитить свою независимость, противупоставляя одни другимъ народы, которые приходили къ нимъ съ Запада. «Голландцы, думали они, избавятъ насъ отъ Португальцевъ, а Англичане, въ свою очередь, выгонятъ послѣднихъ.» Эта надежда должна была, однакожь, смѣниться жестокимъ разочарованіемъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ поселенія Голландцевъ въ Бантамѣ, начальникъ факторіи, находившій неудобнымъ сосѣдство конторъ другихъ европейскихъ державъ, перенесъ свое мѣстопребываніе въ Батавію; въ политическомъ и торговомъ отношеніи выборъ мѣста былъ превосходенъ. Договоръ, заключенный по этому случаю съ султаномъ якатрскимъ, замѣчателенъ, какъ образецъ всѣхъ послѣдующихъ договоровъ Голландіи съ народами Азіатскаго архипелага, и даже трактата, заключеннаго въ 1824-мъ году съ султаномъ ямбійскимъ и представленнаго кабинетомъ гагскимъ, какъ сокращеніе правилъ, которыми онъ расположенъ руководствоваться въ дальнѣйшихъ своихъ сношеніяхъ съ туземными князьями.

Главныя статьи якатрскаго договора слѣдующія :1) Полная

Digitized by Google

свобода торговли для обѣихъ договаривающихся сторонъ. 2) Уступка достаточнаго участка земли Голландцамъ, для основанія ихъ резиденціи. 3) Въ случаѣ нападенія непріятелей, владѣнія султана якатрскаго будутъ защищаемы соединенными усиліями двухъ союзныхъ народовъ. 4) Обложеніе пошлиною всѣхъ товаровъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ привозимы на судахъ голландскихъ или китайскикъ. 5) Султанъ якатрскій запретъ свои гавани для всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ, въ особенности для Португальцевъ и Испанцевъ.» Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого договора, замѣтимъ только, что Китайцы, съ самаго основанія голландскихъ колоній, раздѣляютъ ихъ торговыя привиллегіи и шагъ за шагомъ слѣдуютъ за ними во всѣхъ ихъ завоеваніяхъ, подобно тому, какъ коршуны слѣдуютъ за гіеною, чтобы воспользоваться остатками ея добычи. Дѣйствительно, они обладаютъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы быть посредствующими агентами. Какъ Азіатцы, они въ особенности способны къ должности мытарей и сборщиковъ податей въ отношеніи къ туземцамъ, потому что нѣтъ хитрости или обмана, которыхъ они не съумѣли бы открыть. Какъ чужеземцы, они никогда не бываютъ за-одно съ коренными жителями, которые ихъ ненавидятъ и презираютъ. Нерѣдко голландское правительство отдаетъ на откупъ китайцу какой-нибудь округъ, и въ теченіе невѣроятно-короткаго времени китаецъ пріобрѣтаетъ состояніе, съ которымъ удаляется доживать свой вѣкъ на родинѣ, а между тѣмъ съ точностію выполнитъ всѣ статьи контракта. Что касается до образцоваго договора въ Гагѣ 1824 года, то 3-ею его статьею укрѣпляется въ вѣчномъ подданствѣ Голландіи цѣлое государство; 4-я опредѣляетъ пенсію князю, который слагаетъ съ себя правленіе въ пользу Голландіи; 5-я даетъ Голландцамъ право занять всѣ крѣпости, существующія въ странѣ, и строить новыя, гдѣ имъ заблагоразсудится; 6-я довѣряетъ голландскимъ чиновникамъ неограниченный контроль торговли и мореплаванія; наконецъ, 8-я замѣняетъ старинный таможенный тарифъ исключительнымъ тарифомъ Голландіи.

Digitized by Google

Съ 1621 года, и по сію пору (за исключеніемъ краткаго промежутка отъ 1811—1814 гг., когда Англичане заняли колоніи), Батавія остается главнымъ мѣстомъ всѣхъ голландскихъ владѣній. Прошло едва 62 года со времени основанія этой столицы, и Англичане, побѣжденные происками своихъ соперниковъ, должны были покинуть Бантамъ.

Съ 1683—эпохи изгнанія Англичанъ, и до 1811, казалось, все благопріятствовало успѣхамъ Голландцевъ; но на самомъ дѣлѣ, не смотря на конфискаціи, продажи съ публичнаго торга, разрушеніе плантацій и истребленіе туземнаго народонаселенія, Зондскіе острова продолжали поставлять въ большое затрудненіе Голландцевъ въ финансовомъ отношеніи. Въ 1779 г. недоимки компаніи доходили до 85-ти милліоновъ флориновъ. Въ 1791 посланы были въ Батавію коммисары съ порученіемъ разсмотрѣть, какія измѣненія могутъ быть введены въ способъ управленія колоніями. Но французская революція и послѣдовавшая за нею война помѣшали всѣмъ разсчетамъ на продолженіе мирной торговли.

Была одна роковая минута въ исторіи Голландіи, когда ея владычество въ Индіи могло потерпѣть коренное преобразованіе. Людовикъ XIV, съ 130-тысячною арміею, подъ начальствомъ Тюренна, Люксамбурга, Вобана и Кондѣ, перешелъ черезъ Рейнъ и подвигался къ Амстердаму. Вильгельму Оранскому было 22 года отъ роду; чернь въ слѣпомъ изступленіи умертвила братьевъ Девиттъ. Голландцы перечли свои корабли, и нашли, что 50 т. семействъ могли быть перевезены въ Батавію. Уже начаты были приготовленія къ отъѣзду, когда другіе совѣты одержали верхъ. Прорвали плотины, и вся сторона около Амстердама, Дельфта и Лейдена была затоплена. Какъ измѣнился бы, вѣроятно, политическій видъ Европы, еслибы Стюарты сохранили престолъ, республика Соединенныхъ Нидерландовъ была уничтожена на картѣ Европы, а Вильгельмъ Оранскій сдѣлался начальникомъ батавской эмиграціи въ Яву и Борнео.

Въ 1809-мъ г. Голландія обращена въ королевство, котораго титулъ былъ предоставленъ Наполеономъ брату его Людовику;

Digitized by Google

покоривши Европу, завоеватель обратилъ свои взоры на Зондскіе острова, откуда могъ наносить новые удары Англіи нападеніемъ на Бенгалію. Предвидя его намѣреніе, лордъ Минто, тогдашній генералъ-губернаторъ восточной Индіи, рѣшился предупредить императора и овладѣть Явою. Послали экспедицію. Батавія была завоевана, равно какъ и два королевства—Якатра и Бантамъ. Сиръ Стамфоръ Рафльсъ сдѣланъ губернаторомъ завоеванныхъ колоній, возвращенныхъ Голландіи вмѣстѣ съ другими въ 1814-мъ году.

Самый умѣренный тарифъ былъ введенъ въ Батавію Англичанами, но лишь только Голландцы получили обратно свои владѣнія, какъ возобновили всѣ прежнія пошлины. Этого мало. Вскорѣ открылось, что они дѣятельно стараются вынудить у туземныхъ владѣтелей договоры, которыхъ послѣдствіемъ было бы возстановленіе на Зондскихъ островахъ ея прежняго политическаго и торговаго первенства. Для кораблей, которые отправляются изъ Европы въ китайскія моря, только два прямыхъ пути для выхода изъ Индѣйскаго океана,—проливы Зондскій и Малакскій. Голландцы были властелинами перваго выхода и готовились овладѣть вторымъ. Такимъ образомъ они располагали бы двойнымъ входомъ въ восточныя моря съ такою же полною властію, какъ Датчане и Турки располагаютъ Зундомъ и Дарданеллами. Не говоря уже о политическомъ достоинствѣ Англіи, выгоды торговли ея съ Китаемъ требовали неотступно свободы проливовъ; иначе европейскимъ судамъ пришлось бы дѣлать огромный крюкъ въ проходы Банды и Палауна, что, не говоря уже о трудностяхъ дальняго пути,—въ нѣкоторыя времена года совершенно неудобно по причинѣ муссоновъ. Сиръ Стамфордъ Рафльсъ разрѣшилъ окончательно этотъ споръ основаніемъ Сингапура при Малакскомъ проливѣ. И трактатомъ 1824-го г., между Англіею и Голландіею, постановлено, что проливъ Зондскій остается въ рукахъ Голландцевъ, а Малакскій предоставленъ во владѣніе Англіи и подтверждены права Голландіи на острова Яву и Суматру. Англія, сохраняя во всей силѣ прежніе свои договоры съ туземными владѣльцами, обязалась не заключать но-

Digitized by Google

выхъ; она обязалась также оставить Молукскіе или Пряные острова въ рукахъ Голландіи и уважать ихъ монополію. Самое главное условіе, относящееся до основанія будущихъ колоній, состояло въ томъ, что постановленія, издаваемыя одною изъ договаривающихся націй, не исключатъ подданныхъ другой отъ участія въ торговыхъ выгодахъ, которыя могутъ для нихъ открыться. Таковы были основныя статьи договора 1824 г. и уступки, сдѣланныя Англіи Голландіею, за допущеніе послѣдней къ выгодамъ ость-индской торговли и возвращеніе ей столькихъ богатыхъ колоній. Но едва договоръ 1824-го года былъ подписанъ, какъ начались между министрами обѣихъ націй споры объ истинномъ его смыслѣ и приложеніи къ дѣлу. Скоро на англійскіе товары, привозимые въ Батавію, была наложена пошлина 25 на 100; на протесты ея отвѣчали безконечными разсужденіями и оговорками, и это состояніе дѣлъ продолжалось до 1831-го года, эпохи отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Тогда пошлины на товары шерстяные и бумажные, привозимые изъ странъ, лежащихъ къ З. отъ мыса Доброй Надежды, возвышены были до 70 на 100. На представленія Англіи правительство Голландіи отвѣчало, что это—только временная мѣра, направленная противъ бельгійскихъ мануфактуръ. Подобные уклончивые отвѣты давались всякій разъ, когда одна изъ этихъ «временныхъ» мѣръ поражала бездѣйствіемъ торговлю Англіи, и всегда встрѣчалось несчастное разногласіе между смысломъ данныхъ голландскимъ правительствомъ приказаній и ихъ выполненіемъ. Непремѣнно возникалъ «*непредвидѣнный случай*» и мѣшалъ распоряженіямъ, которыя были соглашены между двумя правительствами. Наконецъ, появилась новая мѣра, состоявшая въ томъ, что запрещенъ былъ привозъ европейскихъ товаровъ во всѣ гавани нидерландскихъ колоній, кромѣ Батавіи, Сурабайя и Самаранга. Говоря другими словами, гавани архипелага были на дѣлѣ заперты для англійской торговли, потому что упомянутыя исключенія не простирались на береговое плаваніе, котораго монополію Голландцы предоставили себѣ. Главнымъ послѣдствіемъ этой новой мѣры было уничтоженіе выгодной тор-

Digitized by Google

говли, которую велъ Сингапуръ съ маленькими гаванями архипелага. Но въ это же время сдѣлано было открытіе гораздо важнѣе. Узнали, что Голландцы дѣятельно стараются наложить на туземныхъ князьковъ договоры, подобные тому, которымъ они связали султана ямбійскаго. Слѣдствіемъ такой политики, еслибы ее допустить, было бы совершенное исключеніе англійской торговли. На этотъ-то пунктъ наши дипломаты и настаивали всегда съ большою силою и опредѣлительностію, предупреждая кабинетъ гагскій, что всякое удаленіе отъ договора 1824-го года неминуемо поведетъ за собою столкновеніе между двумя націями, не смотря на все желаніе англійскаго правительства избѣжать подобной крайности. Но недовольные тайнымъ подрывомъ англійской торговли, голландскіе агенты, около 1836-го или 1837-го годовъ, начали дѣйствовать еще смѣлѣе. Они внесли огонь и мечъ къ природнымъ владѣтелямъ Суматры, изъ которыхъ многіе—союзники Англіи. Одинъ изъ нихъ, раджа сіакскій, далъ знать Англичанамъ, что голландскія войска находятся на нѣсколько дней пути отъ его столицы, и что онъ непремѣнно долженъ будетъ покориться, если они не вышлютъ ему скорой помощи изъ Сингапура, или если представленія британскаго правительства не остановятъ успѣховъ непріятеля.

Эти нападенія не были признаваемы голландскимъ правительствомъ; но всякій разъ, какъ оно дѣлало какую-нибудь уступку, не упускало случая утверждать, что дѣлаетъ это по собственному своему желанію, а не потому, чтобы въ чемъ-нибудь нарушило договоръ 1824 г. Оно обѣщалось также позволить ямбійскому султану измѣнить свой таможенный тарифъ, когда можно будетъ вывести голландскія войска съ восточнаго берега Суматры. Но и это обѣщаніе, подобно многимъ другимъ, не было исполнено.

Въ теченіе немногихъ лѣтъ, въ которыхъ намъ остается отдать отчетъ, Голландцы съ твердостію стремились къ двойной цѣли, которую себѣ предположили въ Индѣйскомъ архипелагѣ: къ уничтоженію англійскаго вліянія и распространенію собственнаго владычества. Такъ какъ статьею 12-ю договора 1824 г.

Digitized by Google

постановлено, что никакое поселеніе не будетъ основано Англіею на островахъ Коримонѣ, Баттамѣ, Бинтангѣ, Лингинѣ и ни на какомъ другомъ островѣ, лежащемъ на Ю. отъ Сингапура, Голландцы хотѣли дать этой статьѣ такой смыслъ, что она исключила бы Англію изо всѣхъ странъ, находящихся къ Югу отъ параллельнаго круга, на которомъ лежитъ Сингапуръ. Съ 1-го градуса сѣверной широты и до Антарктическаго полюса, Англичане должны были бы оставить всѣ острова, на которыхъ теперь имѣютъ поселенія, и, что еще хуже, не могли бы никогда основать новой колоніи въ этомъ поясѣ, для котораго въ договорѣ не поставлено никакихъ предѣловъ градусами долготы, «стало быть (говоритъ авторъ статьи), намъ пришлось бы покинуть и Новую Зеландію и Австралію, потому что, говоря въ строгомъ смыслѣ, это тоже острова.—Вотъ что подало поводъ къ включенію въ договоръ этой странной статьи, доступной такому превратному истолкованію. При входѣ въ Малакскій проливъ существовала группа островковъ, большею частію безъимянныхъ и не имѣющихъ никакой цѣнности. Они зависѣли отъ королевства Іохорскаго, лежащаго на азіатскомъ полуостровѣ. Когда правительство восточной Индіи договаривалось объ уступкѣ острова Сингапурскаго съ княземъ, или, лучше сказать, съ князьями іохорскими (потому что было два претендента), Голландцы, какъ всегда случалось, предупредили насъ, и между тѣмъ какъ старшій братъ, султанъ Гуссейнъ, былъ нашимъ кандидатомъ на престолъ, противники наши поддерживали младшаго брата Абдулъ-Рахмана. Поэтому, лишь только основаніе Сингапура совершилось, агенты голландскаго кабинета полагали, что первымъ дѣйствіемъ британскаго правительства будетъ защищать претензіи султана Гуссейна на обладаніе островами, которыми усѣянъ входъ въ каналъ съ южной стороны; острова, натурально, должны были раздѣлять участь владѣній на твердой землѣ. Голландскіе дипломаты, которымъ поручены были переговоры, употребили всѣ свои усилія, чтобы включить въ договоръ статью 12-ю. Король нидерландскій обязался не поддерживать правъ Абдулъ-Рахмана на владычество

Digitized by Google

Сингапуромъ, а мы, въ замѣнъ, обѣщали не поощрять попытокъ султана Гуссейна къ завладѣнію зависящими отъ королевства іохорскаго островами Коримонъ, Баттамъ, и пр. или всякими другими островами, лежащими къ Ю. отъ пролива. Такова, въ сокращеніи, вѣрная исторія знаменитаго двѣнадцатаго параграфа.»

Голландцы, для распространенія исключительнаго владычества своего на Зондскіе острова и для уклоненія отъ договора 1824 г., употребляютъ двѣ различныя методы. Первая и кратчайшая—*присоединеніе*. Въ силу трактата, они не могутъ заключать съ туземными князьями никакихъ договоровъ, вредныхъ выгодамъ англійской торговли; но полагаютъ, что сохранили право *присоединять* къ своимъ владѣніямъ владѣнія этихъ князей. Такъ въ 1846 г. Голландія располагалась присоединить къ Явѣ остр. Бала, а, четыре года спустя, остр. Ламбокъ. Разумѣется, что за *присоединеніемъ* слѣдовало и введеніе таможеннаго тарифа Голландіи въ новыя провинціи.

Вторая метода еще замысловатѣе. Знаменитые мужи, которые избирали народное право предметомъ своихъ размышленій и изученія, всякій разъ находились въ большомъ затрудненіи, когда должно было опредѣлить во всемъ ихъ пространствѣ права, проистекающія отъ какого-нибудь открытія и поселенія въ новой странѣ. Въ многочисленныхъ спорахъ, порожденныхъ этимъ вопросомъ, всегда должно было оставлять широкое поле здравому смыслу и чувству уваженія, которымъ обязаны одна другой просвѣщенныя націи. При видѣ португальскаго флага на остр. Мадерѣ, или Тенерифѣ, нѣтъ ни одной націи, какъ бы она ни была ревностна къ своимъ собственнымъ выгодамъ, которая не сочла бы необходимостію уважить столь очевиднаго доказательства на законное обладаніе этими островами; равнымъ образомъ, Французъ, любящій самымъ страстнымъ образомъ свое отечество, никогда не могъ бы изъ обладанія Каэнною выводить права на владѣніе всею сѣверной и южной Америкою. Голландцы всегда употребляли во зло и это правило. Удастся ли имъ поставить шестъ съ флагомъ на какомъ-нибудь единственномъ пунктѣ берега,

Digitized by Google

который во всемъ своемъ протяженіи заключаетъ нѣсколько тысячъ миль, — они немедленно объявляютъ, что заняли весь берегъ безъ исключенія. Вынудятъ ли они у султана уступку нѣсколькихъ десятинъ земли, — они тотчасъ возмечтаютъ, что вся земля туземнаго князя сдѣлалась интегральною частію ихъ собственности. Теперь они объявляютъ свои права на $^{5}/_{6}$ долей прибрежья о. Борнео, частію подъ ложнымъ предлогомъ этого общаго владычества, о которомъ мы сей-часъ упоминали, частію потому, что имъ угодно считать зависящими отъ ничтожныхъ и весьма недавныхъ поселеній, которыя они имѣютъ на берегу, всѣ внутренніе округи обширнаго острова.

На самомъ дѣлѣ, Голландія не можетъ требовать законнымъ образомъ въ свое владѣніе никакой части прибрежья о. Борнео, кромѣ развѣ мысовъ Апи и Салатана. Можно, много-много, сдѣлать исключенія въ пользу округа рѣки Коти, потому что живущія тамъ племена, послѣ дурно-соображенной попытки г. Ерскина-Моррея, умерщвленнаго ими со всѣми его товарищами, отдались подъ покровительство Голландіи, которая не замедлила оказать имъ помощь и защиту.

Таковы поселенія Голландіи на о. Борнео. Теперь остается рѣшить, до какой степени столь ограниченныя владѣнія, исключительно лежащія на берегу моря, могутъ давать право на общее обладаніе обширною страною, въ которой полагается не менѣе 900 миль длины на 700 ширины, и которой бо̀льшая часть еще не изслѣдована.

Упомянемъ еще объ одной недавней мѣрѣ, которая была принята Европою, какъ доказательство бо̀лѣе великодушныхъ намѣреній со стороны нидерландскаго правительства. Мы признаемъ, что оно дало британскимъ подданнымъ такую-же свободу торговли въ архипелагѣ, какая дана голландскимъ въ англійскихъ колоніяхъ. Но если мы станемъ разсматривать дѣло ближе, то найдемъ, что сами Голландцы, т. е. масса ихъ купцевъ и моряковъ, совершенно лишены способности

Digitized by Google

вести торговлю съ колоніями Индѣйскаго архипелага, котораго частная торговля есть исключительная собственность, въ видѣ привиллегіи, или монополіи, гигантскаго общества, извѣстнаго подъ именемъ «*Камеры индѣйской торговли*», которая во главѣ своихъ членовъ вписываетъ имя самаго короля голландскаго.

Не будемъ настаивать (продолжаетъ тотъ же авторъ) на поведеніе голландскихъ правителей въ архипелагѣ. Этотъ вопросъ до насъ не касается. Однакожъ должно сознаться, что, если система, для которой требуютъ нашего уваженія, равно чужда человѣчеству и справедливости, то оскорбленное нравственное чувство должно прибавлять еще болѣе энергіи къ рѣшимости нашей снова возвратить выгоды, несправедливо у насъ похищенныя. Мы не хотимъ сказать этимъ, что владычество Голландцевъ на Зондскихъ островахъ такъ же жестоко, какъ было прежде. Теперь нельзя уже представить картины провинцій, совершенно опустошенныхъ, земли, покрытой грудами труповъ, пораженныхъ язвою, голодомъ или оружіемъ. Прошло то время, когда с. С. Раффльсъ увѣдомлялъ насъ, что въ округѣ, гдѣ прежде было *80 т.* жителей, осталось только *8 т.* въ продолженіе невѣроятно-короткаго времени. Одни изнемогли подъ бременемъ бѣдствій, другіе разбѣжались. Справедливость требуетъ прибавить, что, когда подобные ужасы дѣлались извѣстными въ Амстердамѣ и Гагѣ, они возбуждали общее негодованіе. Не должно также полагать, чтобы туземцы безъ сопротивленія покорялись игу Голландцевъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ, два страшныя возмущенія, одно въ Целебесѣ, а другое въ Явѣ, потрясли въ самомъ основаніи владычество Голландцевъ. Первое, названное войною Бона, было въ 1823 и въ 1824-мъ годахъ. Голландцы, съ тѣхъ поръ какъ поселились на Целебесѣ, должны были вести безпрерывную войну съ племенемъ Бугисовъ, столько же храбрымъ, сколько понятливымъ. Они хотѣли подчинить его во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ рѣшенію европейскихъ властей. Вассалы (потому что старинное устройство страны феодальное) должны были сообщаться прямо съ гол-

Digitized by Google

ландскими резидентами, независимо отъ своихъ феодальныхъ властей. Таможенный уставъ Голландіи долженъ былъ получить свою силу на всемъ протяженіи страны. Наконецъ ни одна барка съ бугійскими матросами не могла выдти изъ какой-нибудь гавани острова безъ паспорта и росписки, подписанныхъ голландскими чиновниками. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ была кровопролитная война.

Возмущеніе, которое возникло въ Явѣ въ 1825 г., было еще ужаснѣе. Оно простиралось на пространствѣ 700 □ миль и обнимало богатѣйшія провинціи острова. Два туземныхъ войска, изъ 10 т. чел. каждое, выступили въ походъ и пресѣкли всѣ сообщенія. Впрочемъ непосредственная причина вооруженія была довольно маловажна. Голландскій резидентъ при матарамскомъ султанѣ велѣлъ проложить дороги въ окрестностяхъ дворца, для исполненія чего должно было разрушить гробницу какого-то яванскаго князя. Народъ воспротивился и убилъ голландскаго агента. Но это было только сигналомъ, а не причиною возмущенія; главная заключалась во множествѣ различныхъ налоговъ, возстановленныхъ Голландцами послѣ удаленія Англичанъ, которые было замѣнили ихъ одною поземельною податью. Были налоги на землю, соль, на произведенія вывозимыя на рынки, на народныя игры, дорожный сборъ, поголовная подать, и наконецъ самая тяжкая изо всѣхъ повинностей въ тѣхъ странахъ—работа на владѣльцевъ земли. Потребно было много времени, чтобы усмирить возстаніе, потому что мятежники, въ отступленіяхъ своихъ, всегда находили убѣжище въ болотистыхъ поляхъ, опредѣленныхъ для воздѣлыванія риса, или въ деревняхъ, которыя всѣ занимаютъ военныя позиціи. Яванцы считали у себя до 40 т. человѣкъ, соединенныхъ въ одинъ корпусъ; а дождливое время года, которое должно было вскорѣ начаться, благопріятствовало ихъ дѣйствіямъ. Имѣй они хорошихъ предводителей, нельзя было бы сказать, какіе успѣхи могли имѣть такія значительныя силы, подкрѣпляемыя не только сочувствіемъ, но и дѣятельною помощію 5-ти милліон. народонаселенія, сражающагося за свою

Digitized by Google

независимость; самая страна расположена удивительно удобно для войны партизановъ, потому что наполнена лѣсами, болотами, ущеліями и горами. Когда Голландцы увидѣли себя почти въ отчаянномъ положеніи, то прибѣгли къ хитрости, употребленной нѣкогда византійскимъ дворомъ въ эпоху его величайшаго упадка. Они извлекли изъ темницы, томившагося въ ней уже 14 лѣтъ, стараго султана, низложеннаго Англичанами, и надѣли на него царскую порфиру. Присутствіе этого полупомѣшаннаго старика въ лагерѣ мятежниковъ поселило между ними раздоръ и недоумѣніе въ ихъ совѣтахъ. Не смотря на это, войну можно было почесть оконченною тогда только, когда голландскому генералу удалось, посредтсвомъ военной хитрости, овладѣть главнымъ зачинщикомъ бунта. Съ возстановленіемъ спокойствія, колоніальное управленіе возвратилось къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Старинная система, за исключеніемъ немногихъ измѣненій, была возстановлена, и мы не должны надѣяться лучшихъ дней для бѣднаго яванскаго поселянина до тѣхъ поръ, пока Голландія вынуждена будетъ соображаться точнѣйшимъ образомъ съ духомъ, равно какъ и съ буквою трактата 1824 года.

Перейдемъ ко второй половинѣ нашего предмета—къ морскому разбою, производимому туземцами. Чтобы оцѣнить послѣдствія этого послѣдняго бича во всемъ ихъ пространствѣ, необходимо разсмотрѣть политическія и торговыя условія архипелага, равно какъ и его географическое положеніе. Общество находится тамъ еще въ дѣтствѣ во многихъ отношеніяхъ. Жители острововъ, отъ владычества Европейцевъ, или въ силу ихъ собственной организаціи, остались въ состояніи почти совершеннаго разъединенія. Они не умѣли образоваться въ союзы оборонительные и наступательные. Два большіе острова, Ява и Целебесъ, которымъ принадлежало сдѣлаться центрами союза островитянъ, были удержаны подъ игомъ Голландцевъ. Изъ трехъ главныхъ

Digitized by Google

племенъ, которыя населяютъ архипелагъ, одно племя Малайцевъ осталось свободнымъ; но вмѣсто того чтобы способствовать успѣхамъ общежитія, оно только мѣшало имъ. Всякій разъ, когда оно находилось въ столкновеніи съ племенами менѣе образованными, оно покоряло ихъ самому жалкому рабству, или заставляло раздѣлять самыя дурныя свои страсти. Однимъ словомъ, они породили только тирановъ, или морскихъ разбойниковъ.

Должно, однакоже, сознаться, что Малаецъ Индѣйскаго архипелага одаренъ всѣми качествами, которыя между нами отличаютъ дворянина. Онъ столько же чувствителенъ къ чести, какъ испанскій гидальго. Онъ способенъ научиться уважать другихъ, потому что уважаетъ самаго себя. Малаецъ имѣетъ много сходства съ Арабомъ; для него барка его—конь, а моря его родныхъ острововъ—пустыня, гдѣ совершаются его подвиги и приключенія. Не станемъ забывать, что, если бы предки, которыми гордятся самыя древнія и почтенныя семейства Англіи, должны были отвѣчать за свои дѣйствія передъ присяжными нашихъ временъ, то, конечно, большею частію кончили бы жизнь на висѣлицѣ. Должно надѣяться, что, если нынѣшній Малаецъ предается морскому разбою, то все-таки есть возможность исправить его со временемъ отъ этого порока. Этотъ родъ удальства—необходимое послѣдствіе общественнаго порядка, подобнаго тому, какого картину представляетъ намъ Ѳукидидъ, когда описываетъ происхожденіе древнихъ греческихъ государей. Первобытные жители Эллады были настоящіе морскіе разбойники, а потомки ихъ сдѣлались героями. Разныя случайности общества, находящагося среди обстоятельствъ совершенно исключительныхъ, легкость и постоянное удобство плаванія по безбурнымъ морямъ, безпечность европейскихъ націй, отсутствіе дѣятельности, оправдываемой законами, и наконецъ, природная наклонность всѣхъ полудикихъ народовъ къ отважнымъ предпріятіямъ, достаточно объясняютъ настоящее положеніе дѣлъ. Звѣрство, въ которомъ справедливо упрекали малайскихъ пиратовъ, перешло нѣкоторымъ образомъ въ область

Digitized by Google

Исторіи, потому что постоянныя усилія сиръ Джемса Брука и примѣрныя наказанія, которымъ подвергали пиратовъ, взятыхъ нашими кораблями, въ теченіе послѣднихъ годовъ, поставили злу границы, которыя можно назвать сносными.

Если сиру Стамфорду Раффльсу мы одолжены самыми точными и подробными свѣдѣніями о первыхъ временахъ голландскихъ поселеній, то сиру Джемсу Бруку принадлежитъ та честь, что онъ подалъ мысль къ позднѣйшимъ дѣйствіямъ противъ малайскихъ разбойниковъ. Онъ самъ управлялъ экспедиціями и показалъ въ этомъ дѣлѣ всю ревность и энергію, которыя невольно привлекаютъ сочувствіе и содѣйствіе людей.

Вотъ что говоритъ о морскихъ разбойникахъ г. Гроотъ, секретарь управленія голландскими колоніями, въ своемъ отчетѣ за 1846 годъ:

«Племена, которыя занимаются морскими разбоями, разсѣяны по обоимъ берегамъ о. Суматры, на о. Линга, на прибрежьяхъ Борнео, Целебеса и нѣкоторыхъ изъ Молукскихъ и Филиппинскихъ острововъ. Они находятъ убѣжища въ сосѣдствѣ Зондскаго пролива и среди островковъ, которыми усѣяны воды, окружающія Яву. На лодкахъ ихъ, защищаемыхъ небольшими пушками, обыкновенно находится экипажа отъ 40 до 60-ти человѣкъ, вооруженныхъ копьями и саблями. Если ихъ слишкомъ дѣятельно преслѣдуютъ, или, если они не надѣются получить богатый выкупъ за своихъ плѣнниковъ, то убиваютъ ихъ или продаютъ въ неволю. Племя Илльяносовъ, поселившееся на о. Минданао, съ которымъ въ особенности имѣлъ дѣло с. Джемсъ Брукъ, покидаетъ каждый годъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ свои убѣжища и отплываетъ къ берегамъ Борнео. Флотиліи его состоятъ изъ множества лодокъ, которыя, достигнувъ пояса, предназначеннаго мѣстомъ дѣйствій, раздѣляются на небольшіе отряды, такъ, чтобы покрыть обширное пространство моря, исключая только тѣхъ случаевъ, когда должно отважиться на значительное предпріятіе, требующее сосредоточенія всѣхъ силъ на одномъ пунктѣ. Самыя большія

Digitized by Google

лодки (prahus), говоритъ г. Гроотъ, защищаются двойною абордажною сѣтію и обыкновенно поднимаютъ отъ 60 до 80-ти человѣкъ экипажа. У нихъ на каждомъ бортѣ по 30 веселъ, и на кормѣ двѣ пушки.»

Г. Минтингъ въ 1818-мъ году, описываетъ неслыханныя жестокости, производимыя на З. берегу о. Борнео этими разбойниками, которыхъ Англичане, во время занятія колоній, не разъ преслѣдовали и побѣждали. Въ 1820-мъ году дерзость ихъ до того усилилась, что они овладѣли частію о. Банка, не смотря на его близость къ Явѣ, и даже построили на немъ крѣпости для защищенія своего завоеванія.

Около того же времени, на англійскій бригъ Сифлауеръ (Seaflower), съ 60-ю человѣками экипажа и 16-ю пушками, въ виду Борнео, напали морскіе разбойники изъ Минданао, и онъ едва отразилъ ихъ, послѣ упорнаго сраженія, которое стоило ему 4-хъ человѣкъ убитыми и множества раненыхъ. Англійскій капитанъ былъ раненъ въ 12-ти мѣстахъ и лишился правой руки. Въ эту эпоху флотилія морскихъ разбойниковъ, ежегодно выходившая въ море съ оо. Суло и Минданао, простиралась обыкновенно до 100 лодокъ.

Въ 1831-мъ г. для англійской торговли рѣшительно не было никакой безопасности въ Малакскомъ проливѣ. Генералъ-губернаторъ Индіи предложилъ батавскому правительству дѣйствовать совокупно для истребленія пиратовъ. Голландскій губернаторъ въ своемъ отвѣтѣ говоритъ, что, не будь этого бича, многія изъ колоній, находящихся подъ его вѣдѣніемъ, могли бы достигнуть высокой степени благоденствія. По нашему мнѣнію, это значитъ разсматривать вопросъ не съ самой возвышенной точки. Англійскіе и голландскіе военные, и даже простые купеческіе корабли, достаточно вооруженные, всегда будутъ въ состояніи отразить нападеніе разбойниковъ. Но какимъ образомъ будутъ имъ противиться утлыя лодки туземцевъ? По необходимости онѣ должны держаться береговъ; а моря архипелага все болѣе и болѣе пустѣютъ. Даже самые берега моря и рѣкъ остаются не заселенными, потому что

Digitized by Google

должно относить далѣе во внутренность земель всякое поселеніе, къ которому пираты могли бы приближиться съ своими военными лодками. Отъ этого происходитъ, что цѣлыя племена лишены всякаго соприкосновенія съ цивилизаціею и средствъ сбывать богатыя произведенія своей земли. Въ этихъ несчастныхъ странахъ ни рыбакъ за своими сѣтями, ни поселянинъ въ саду своемъ, ни мать семейства во внутренности хижины, не могутъ считать себя безопасными отъ нападенія разбойниковъ, лишенныхъ всякаго человѣческаго чувства. «Однажды, говоритъ г. Гроотъ, шерифъ Могаммедъ, правитель Манпаваскаго округа, узнавъ, что 9 лодокъ Діаксовъ, каждая съ 30 или 40 разбойниками, находятся при входѣ въ рѣку, рѣшился съ ними сразиться, хотя у него было только 3 лодки. Сражались бортъ-о-бортъ одними саблями. У шерифа погибло 37 человѣкъ, а у пиратовъ 80. Эти Діаксы пріѣхали изъ Серибаса, мѣста, лежащаго во внутренности острова по рѣкѣ, которая судоходна только для ихъ лодокъ, чрезвычайно узкихъ и легкихъ на ходу. Разбойники жгутъ и убиваютъ все, что только имъ попадается на берегахъ, на которые они дѣлаютъ набѣги, и уносятъ, какъ трофеи, черепы своихъ непріятелей. У нихъ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія; они обыкновенно употребляютъ сабли, копья съ металлическими и даже деревянными остріями, закаленными огнемъ. Малайскіе же пираты имѣютъ въ изобиліи огнестрѣльное оружіе; а когда два эти поколѣнія дѣйствуютъ за-одно, то ихъ набѣги дѣлаются дѣйствительно страшными. Флотилія съ 5-ю или 6-ю тысячами отважныхъ разбойниковъ, вооруженныхъ копьями и кинжалами, къ которымъ должно прибавить другихъ, вооруженныхъ ружьями и нѣсколькими пушками,—безъ сомнѣнія, самая опасная встрѣча для всякаго европейскаго купеческаго корабля.»

Журналы Сингапура и Явы разсказываютъ, что въ 1847-мъ году флотилія отъ 50-ти до 60-ти лодокъ балинезскихъ разбойниковъ вышла изъ своихъ убѣжищъ и распространила ужасъ во всемъ архипелагѣ. Они всюду пронесли грабежъ и убійство,

Digitized by Google

опустошили проливы Банды, взяли приступомъ селеніе въ сосѣдствѣ Сингапура, и наконецъ напали на голландскую крѣпость на берегахъ Борнео. Многіе англійскіе корабли были атакованы этими разбойниками. Двѣ шлюбки англійскаго корабля «Виконтъ-Мельборнъ», который попалъ на подводные камни возлѣ о. Сиргассана, были захвачены пиратами, и они имѣли жестокость одну изъ нихъ предать пламени, не сведя съ нея экипажа. Должно замѣтить, что Голландцы упрекаютъ Англичанъ въ медленномъ содѣйствіи ихъ усиліямъ въ истребленіи разбойниковъ, и говорятъ, что они способствовали скорѣе къ распространенію, нежели къ прекращенію зла. Англичане, съ своей стороны, упрекаютъ Голландцевъ въ чрезмѣрной недовѣрчивости при малѣйшей ихъ попыткѣ привести въ дѣйствіе свою морскую силу.

Система морскаго разбойничества, которое опустошаетъ Индѣйскій архипелагъ, простирается на всемъ пространствѣ отъ мыса Ахемскаго до Новой Гвинеи и даже далѣе къ востоку. Жители Папуазской земли и сосѣднихъ острововъ, по мнѣнію г. Гроота, ежегодно снаряжаютъ отъ 100 до 120 военныхъ лодокъ и простираютъ свои экспедиціи на значительное разстояніе. Въ голландскихъ документахъ мы находимъ даже, что звѣрское племя, живущее на Ю.-З. берегу Новой Гвинеи, пожирало плѣнниковъ, которыхъ захватывало въ подобныхъ набѣгахъ. Къ югу, предѣлы разбоевъ ограничиваются цѣпію большихъ и малыхъ острововъ, которыхъ Ява составляетъ западную границу; въ направленіи же къ С. нельзя имъ назначить никакаго предѣла; даже на Филиппинскихъ оо. пираты чрезвычайно размножились. Они чаще всего показывались на сѣверномъ берегу Борнео, но въ 1846-мъ г. ихъ тамъ строго проучили. Они заражаютъ берега Кохинхины и даже прибрежія Китая.

Однимъ словомъ, одна изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ въ мірѣ вся отдана на жертву разбойникамъ, которые сдѣлали изъ нея обширную сцену грабежа, убійствъ и неслыханныхъ жестокостей. Однакожь, не смотря на то, что для прекращенія зла нужно дѣйствовать сильно и рѣшительно, нельзя

Digitized by Google

одобрить исключительной и слѣпой системы истребленія, принятой въ отношеніи къ морскимъ разбойникамъ индо-китайскихъ морей. Доказано неоднократными случаями, что люди, составляющіе часть экипажа малайскихъ разбойничьихъ лодокъ, были вынуждены пиратами избрать этотъ образъ жизни. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ говорилъ передъ судилищемъ въ Сингапурѣ: «Когда вы ловите насъ въ морѣ, то берете въ плѣнъ и осуждаете на смерть; а если мы отказываемся ѣхать съ разбойниками, то должны ожидать той же участи отъ нихъ, или даже отъ нашихъ одноплеменниковъ. Теперь мы въ вашихъ рукахъ, и вы можете отправить насъ на висѣлицу. Ну, а если бы намъ снова былъ предоставленъ выборъ, то мы опять предпочли бы невѣрную смерть отъ вашихъ рукъ увѣренности быть убиту соотечественниками, если откажемся отправиться въ море».

Обратимся теперь къ человѣку, который былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Англіи въ стараніяхъ истребить морскіе разбои на индѣйскихъ моряхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ открытіе Америки и Антильскихъ острововъ представило такое обширное поприще смѣлости и генію искателей счастія, мы не находимъ въ исторіи ни одного примѣра судьбы, которую можно было бы сравнить съ удивительною судьбою с. Джемса Брука. Еще не пришло время, когда подробности исторіи раджи саравакскаго сдѣлаются извѣстными Европѣ, но мы увѣрены, что и теперь читатель съ участіемъ прослѣдитъ небольшое число фактовъ, которые намъ позволено сообщить. Джемсъ Брукъ, второй сынъ Томаса Брука, чиновника Остъ-Индской компаніи, родился въ Бенгаліи, 29-го апрѣля 1803-го года. Смерть старшаго брата доставила ему обладаніе значительнымъ имѣніемъ, но прежде чѣмъ независимое положеніе позволило ему слѣдовать внушеніямъ своего генія, ему суждено было перенести много испытаній. онъ былъ еще очень молодъ, когда вступилъ юнкеромъ въ Бенгальскую армію. Въ одномъ жаркомъ сраженіи противъ Бирмановъ онъ такъ отличился, что индѣйское правительство сочло обязанностію почтить его храбрость публичными похвалами. Впрочемъ этотъ успѣхъ достался ему дорогою цѣною: онъ

Digitized by Google

былъ раненъ пулею въ грудь и принужденъ для излеченія отправиться въ Европу. Пробывъ нѣсколько времени въ Англіи, онъ поѣхалъ путешествовать по твердой землѣ, для довершенія своего образованія, равно какъ и для окончательнаго возстановленія здоровья Когда отпускъ приближался къ концу, онъ сѣлъ на корабль, но на берегахъ о. Уайта претерпѣлъ кораблекрушеніе и воротился въ Калькутту уже по истеченіи даннаго ему срока. Вѣроятно, начальники охотно извинили бы промедленіе, основанное на столь законныхъ причинахъ, но молодой офицеръ, слишкомъ нетерпѣливый, чтобы дожидаться слѣдствія и рѣшенія суда, тотчасъ подалъ въ отставку. Эта внезапная рѣшимость, которая, судя по обыкновеннымъ правиламъ человѣческой мудрости, казалась въ высшей степени безразсудною, сдѣлалась для него источникомъ необыкновенно блестящей судьбы.

Сиръ Джемсъ Брукъ пріѣхалъ въ Индію на кораблѣ, котораго главнѣйшее назначеніе было плаваніе въ Китай. Желая ознакомиться съ странами, которыя онъ зналъ только изъ книгъ и разговоровъ, но которыя давно занимали его воображеніе, онъ взялъ мѣсто пассажира на этомъ кораблѣ. Такимъ образомъ, онъ увидѣлъ въ первый разъ оо. Индѣйскаго архипелага, гдѣ долженъ былъ провести столько лѣтъ своей жизни. Ему самому, вѣроятно, очень трудно было бы означить съ точностію день, въ который овладѣла имъ мысль избрать эти восхитительныя страны мѣстомъ своего пребыванія. Безъ сомнѣнія, воображеніе его было очаровано прелестями природы, и въ то же самое время пробудилась въ немъ жажда дѣятельности перспективою жизни, исполненной приключеній; но на этотъ разъ онъ еще не принялъ твердаго намѣренія посвятить все свое существованіе на подвигъ просвѣщенія архипелагскихъ дикарей. Какъ бы то ни было, только впечатлѣніе, произведенное этимъ путешествіемъ на с. Джемса Брука, было такъ сильно, что, не много времени спустя по возвращеніи въ Англію, онъ снарядилъ бригъ на свой собственный счетъ и во второй разъ направилъ путь въ китайскія моря; но еще не наступило время осуществить замыслы, которые, притомъ, онъ не успѣлъ хорошенько обду-

Digitized by Google

мать. Отецъ его былъ живъ и не захотѣлъ бы способствовать предпріятію, которое казалось во всѣхъ отношеніяхъ безразсуднымъ. И такъ, будущій раджа саравакскій былъ вынужденъ отложить свои замыслы за неимѣніемъ денегъ, продать свой корабль въ Индіи и возвратиться въ Англію безъ всякаго результата, кромѣ пріобрѣтенной опытности въ морскомъ дѣлѣ и болѣе совершеннаго познанія странъ, которыя предоставлено ему было избрать театромъ своихъ дѣйствій. Кажется, что, по возвращеніи въ отечество, онъ жилъ почти такъ же, какъ живутъ всѣ молодые люди, которыхъ будущность обезпечена. Онъ былъ смѣлый наѣздникъ, неустрашимый охотникъ, ревностный членъ морскихъ клубовъ, и превосходно плавалъ. Въ глазахъ толпы ничто не отличало его отъ сверстниковъ; но тѣ, которые имѣли случай узнать его короче, уже тогда предсказывали, что, если ничто не остановитъ его на избранномъ пути, онъ будетъ умѣть составить себѣ громкую славу. Отецъ его умеръ, и въ 1838-мъ г., т.-е. 18 лѣтъ спустя послѣ перваго путешествія въ Китай, онъ рѣшился осуществить предпріятіе, которое должно было увѣковѣчить его имя. Ему исполнилось тогда 35 лѣтъ; состояніе его было довольно значительно и позволяло ему устроить на широкую ногу приготовленія къ путешествію. Наконецъ онъ дождался исполненія мечты, которая такъ давно занимала всѣ его помышленія; но врожденная осторожность не оставила его и въ этомъ случаѣ. Экипажъ корабля состоялъ только изъ 20-ти человѣкъ, но онъ выбралъ ихъ съ величайшимъ стараніемъ и приготовилъ къ перенесенію всѣхъ трудностей предпріятія, такъ что могъ совершенно положиться на ихъ дѣятельность и вѣрность. Корабль его «Роялистъ» былъ снабженъ 6-ю пушками, нѣсколькими фальконетами и множествомъ оружія всякаго рода, чтобы быть въ состояніи дать хорошій отпоръ пиратамъ. Онъ вышелъ въ море въ октябрѣ мѣсяцѣ 1838 г., а 15-го августа слѣдующаго года бросилъ якорь въ рѣкѣ Саравакѣ, передъ резиденціею раджи Муды Гассима.

По видимому, ни въ минуту отплытія изъ Англіи, ни даже въ первый періодъ своего пребыванія на о. Борнео, сиръ

Digitized by Google

Джемсъ Брукъ не предвидѣлъ будущности, которая его ожидала. Его единственною цѣлію, казалось, было двухъ-или трехълѣтнее путешествіе, предпринятое для изслѣдованія Индѣйскаго архипелага. Онъ всегда имѣлъ желаніе посѣщать невѣдомыя страны и изучать неизвѣстныя породы людей. Въ дневникѣ его мы находимъ многочисленныя доказательства давности этой любимой мечты, съ которою въ умѣ его соединялась еще надежда увеличить свои познанія въ естественной исторіи. Онъ покидалъ Англію совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлаться покровителемъ жителей архипелага. Онъ не былъ ни Донъ-Кихотомъ, ни Оберлиномъ, а просто человѣкомъ съ умомъ и душею, который не могъ быть свидѣтелемъ жестокихъ притѣсненій и не желать положить имъ конецъ. Жестокости Малайцевъ съ Діаксами, звѣрскіе поступки самыхъ Діаксовъ, сдѣлавшихся пиратами, съ ихъ родичами, пробудили его негодованіе, когда онъ сдѣлался ихъ невольнымъ свидѣтелемъ. Обстоятельства, среди которыхъ судьба внезапно его бросила, требовали ловкости политика, равно какъ и энергіи солдата, и онъ умѣлъ удовлетворить этому двоякому требованію своего новаго положенія.

Первый успѣхъ вскорѣ породилъ другой, потомъ третій, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока, въ одно прекрасное утро, простой англійскій дворянинъ, покинувшій друзей и отечество, чтобы совершить романическое путешествіе на Зондскіе острова, увидѣлъ себя верховнымъ обладателемъ княжества въ имперіи Борнео, дотолѣ почти неизвѣстной. Это еще не все. Поведеніе того же самаго человѣка было во всѣхъ отношеніяхъ такъ достойно уваженія, что заслужило одобреніе значительныхъ лицъ въ его отечествѣ, что онъ сдѣлался достойнымъ предметомъ королевскихъ милостей, и, троекратно обвиненный завистливыми соперниками предъ англійскимъ парламентомъ, троекратно получалъ отъ этого знаменитаго собранія блистательныя доказательства уваженія, которыя перейдутъ въ потомство.

Когда сиръ Джемсъ Брукъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Саравакъ, страною правилъ раджа Муда Гассимъ, отъ имени

Digitized by Google

своего племянника султана брунейскаго, занятаго войною съ возмутившимися подданными. Раджа умолялъ его продлить свое пребываніе въ его владѣніяхъ, надѣясь, что присутствіе его приведетъ въ страхъ бунтовщиковъ; но Брукъ не счелъ приличнымъ согласиться на эту просьбу. Онъ снова вышелъ въ море, и не прежде слѣдующаго года возвратился въ Саравакъ. На этотъ разъ онъ согласился вмѣшаться въ междоусобія страны. Вскорѣ потомъ, по усильнымъ просьбамъ Муды Гассима, онъ принялъ званіе правителя области и былъ утвержденъ въ этой должности самимъ султаномъ. Вотъ какъ описываетъ новый раджа, въ журналѣ своемъ, причины, побудившія его принять это предложеніе: «У Діаксовъ дни, недѣли, мѣсяцы проходятъ, не принося никакой перемѣны; все та же жизнь: сплетеніе хитростей, обмановъ, побѣдъ и бѣгства съ поля сраженій. Каждый годъ тысячи людей бываютъ лишены жизни, или свободы. Ахъ! если бы средства мои соотвѣтствовали моему желанію освободить это несчастное племя! Пламенныя стремленія мои безграничны, и хотя любовь къ родинѣ безпрестанно понуждаетъ меня къ отъѣзду, я чувствую, что не рѣшусь возвратиться въ отечество прежде, нежели успѣю сдѣлать нѣсколько добра здѣсь». Въ самое короткое время онъ убѣдился, что не возможно думать ни о какомъ прочномъ улучшеніи, пока не истребится отвратительный обычай ходить на морскіе разбои. Онъ потребовалъ дѣятельнаго содѣйствія нашей морской силы, и получилъ его; всѣ начальники, постепенно командовавшіе ею, сознавались, что невозможно сдѣлать болѣе полезнаго употребленія англійскаго оружія. Капитанъ Кеппель, въ 1843-мъ г., первый поступилъ въ распоряженіе раджи саравакскаго. Въ 1845-мъ году, сиръ Томасу Кохрэну дано было порученіе съ эскадрою, состоящею изъ 7 кораблей, требовать объясненій отъ султана брунейскаго, который, не смотря на то, что былъ закоснѣлый морской разбойникъ, отвѣчалъ въ выраженіяхъ самой смиренной покорности. Но лишь только адмиралъ удалился, какъ тотъ же самый султанъ далъ приказаніе перерѣзать, начиная съ Муды Гассима, всѣхъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ,

Digitized by Google

кого онъ подозрѣвалъ въ согласіи съ Англичанами. Этотъ безчеловѣчный поступокъ былъ наказанъ въ 1846-мъ г. взятіемъ Бруни и наконецъ разрушеніемъ разбойничьихъ убѣжищъ на сѣверномъ берегу Борнео. Сиръ Джемсъ Брукъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ мѣрахъ строгости, которыя онъ первый присовѣтовалъ. Сверхъ того, не однѣ прибрежныя орды заслужили этотъ урокъ: возлѣ него жили другіе непріятели, столько же опасные, которыхъ онъ долженъ былъ наказать въ свою очередь.

Въ недальномъ разстояніи отъ устья Саравака, къ В., протекаютъ двѣ другія рѣки, Саребасъ и Сараканъ, по которымъ капитанъ Кеппель поднимался въ 1843-мъ г. съ шлюбками своихъ кораблей, по настоятельной просьбѣ султана брунійскаго. Діаксы, жившіе по берегамъ этихъ рѣкъ, считались самымъ страшнымъ изъ всѣхъ племенъ, занимающихся морскимъ разбоемъ около береговъ Борнео. Въ эту эпоху они управлялись двумя шерифами арабскаго происхожденія, которые считали себя потомками Магомета. Они могли выставить въ море до 100 лодокъ, съ 3, иногда съ 4 тысячами человѣкъ. Когда какое-нибудь предпріятіе было между ними рѣшено, шерифы приказывали ударять въ гонгъ въ городахъ и громко призывали всѣхъ Малайцевъ, которыхъ имъ угодно было назначить для участія въ экспедиціи. Тѣ, которые отказывались идти въ море, были присуждаемы къ значительной пѣнѣ. Для завербовки Діаксовъ употребляли еще меньше церемоній; да это было бы и лишнее съ народомъ, котораго съ дѣтства одушевляли страсть къ морскимъ набѣгамъ и пламенное желаніе воротиться домой съ блистательными трофеями своихъ подвиговъ—непріятельскими головами. Первый урокъ, данный этимъ дикарямъ капитаномъ Кеппелемъ, не имѣлъ продолжительнаго успѣха. Малайцы думали, что присутствіе англійскихъ кораблей было случайное, и, три года спустя, новые разбои, производимые на обширномъ пространствѣ, распространили ужасъ и смятеніе на всемъ островѣ. Военныя дѣйствія въ 1846-мъ г. также не принесли значительныхъ результатовъ. Положеніе дѣлъ только усилилось; грабежъ и

Digitized by Google

убійства царствовали сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Не должно смѣшивать морскихъ разбоевъ Діаксовъ съ непріятельскими дѣйствіями дикихъ ордъ между собою. Въ послѣднемъ случаѣ, это ничто иное, какъ борьба между нѣсколькими племенами, между тѣмъ какъ въ первомъ, это отъявленная война съ цѣлымъ обществомъ. Діаксы, жившіе по рѣкамъ Саребасу и Сараканѣ, безъ различія нападали на всѣ народы, и, до пріѣзда Англичанъ, никто не смѣлъ имъ противиться. Они были слишкомъ сильны и хорошо вооружены. Не смотря на претерпѣнныя ими пораженія, въ іюлѣ 1849 года, они могли еще выѣхать изъ рѣкъ своихъ въ числѣ 3500 человѣкъ, на 100 прагахъ. Весь берегъ былъ пораженъ ужасомъ; ни одна лодка не смѣла показаться въ морѣ; самые рыбаки спасались во внутреннія земли. Менѣе нежели въ 2 мѣсяца пираты отрѣзали 300 головъ и надѣялись еще увеличить число своихъ звѣрскихъ трофеевъ. Выгоды торговли, вмѣстѣ съ воплемъ угнетеннаго человѣчества, настоятельно требуютъ положить немедленный конецъ этимъ ужасамъ. Возникающая мѣновая торговля на Индѣйскомъ архипелагѣ долго еще будетъ нуждаться для своего развитія въ сильномъ покровительствѣ. Одни населенные города привлекаютъ корабли; а города эти могутъ существовать только среди обществъ, которыя пользуются спокойствіемъ и благосостояніемъ.... «Что породило морскіе разбои? говоритъ далѣе авторъ.—Отсутствіе другаго выгоднаго занятія. Когда островитяне, оставивъ варварскіе инстинкты и преданія пяти вѣковъ, убѣдятся, что могутъ умножить свое благосостояніе средствами болѣе вѣрными и кроткими, то покинутъ привычку къ грабежу. Разбойничество порождаетъ бѣдность, а бѣдность, въ свою очередь, порождаетъ разбои. Такимъ-то образомъ, несчастныя племена архипелага движутся въ роковомъ кругѣ, изъ котораго не въ состояніи выдти своими собственными силами».

«Система,—продолжаетъ авторъ,—которой должно слѣдовать въ отношеніи къ пиратамъ, очевидна. Должно наносить имъ сильные удары, за которыми слѣдовали бы промежутки спокойствія, чтобы дать народамъ время одуматься. Для этого необ-

Digitized by Google

ходимо, отъ времени до времени, появляться въ китайскихъ моряхъ пароходамъ и большимъ кораблямъ, чтобы показать, что мы всегда готовы унять ихъ. Должно также поощрять туземцевъ, которые занимаются мореплаваніемъ, къ составленію союзовъ противъ морскихъ разбойниковъ. Должно, чтобы страшный урокъ заставилъ ихъ собственнымъ опытомъ понять всю великость золъ, которыя они причинили ближнимъ». Недавнее открытіе рудниковъ превосходнаго качества каменнаго угля, не только на о. Либуанѣ, гдѣ основана англійская колонія, но и на самомъ о. Борнео, есть одно изъ тѣхъ событій, которыхъ достаточно для того, чтобы перемѣнить судьбы цѣлой страны земнаго шара. Огромный запасъ угля теперь одно изъ самыхъ неизбѣжныхъ условій для широкаго развитія мореплаванія въ китайскихъ моряхъ, гдѣ необходимость учрежденія правильныхъ сношеній становится съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Безпрестанно умножающіяся массы людей, смѣлыхъ, готовыхъ на все, чтобы добиться счастія, тѣснятся на сѣверо-западныхъ берегахъ американскаго материка, принадлежащаго Соединеннымъ Штатамъ. Море, которое такъ легко переплыть, одно отдѣляетъ ихъ отъ Небесной Имперіи; австралійскія колоніи также требуютъ болѣе скорыхъ способовъ сообщенія съ англійскою Индіею и своею метрополіею. Англійскіе негоціянты въ Сингапурѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ минуты, которая отворитъ имъ королевства Сіямъ и Кохинхину. Недавно мы узнали объ американской экспедиціи въ Японію. Еще нѣсколько времени,—и намъ скажутъ, что желѣзная преграда, отдѣлявшая этихъ необщежительныхъ островитянъ отъ остальнаго свѣта, вдругъ сокрушилась. Нѣсколько позже мы узнаемъ, что Панамскій перешеекъ, который уже переѣзжаютъ путешественники, открылъ широкій проходъ кораблямъ. Со всѣхъ сторонъ просвѣщенный свѣтъ какъ будто назначаетъ себѣ общее сходбище въ китайскихъ моряхъ. Всѣ мѣры, способствующія благосостоянію народонаселеній архипелага и примиренію раздоровъ, которые ихъ раздѣляютъ, будутъ также чрезвычайно полезны. Самыя утѣшительныя надежды этихъ племенъ основаны на мудромъ развитіи системы торго-

Digitized by Google

выхъ сношеній съ европейскими народами, а также,—намъ пріятно это думать,—на чувствахъ доброжелательства и человѣколюбія націй, называющихъ себя просвѣщенными. И такъ станемъ надѣяться и вѣрить, что, когда Зондскіе оо. будутъ освобождены отъ двоякаго бича притѣсненія и варварства, то съ своими величественными лѣсами и благоухающими рощами, съ своимъ лучезарнымъ небомъ и лазуревымъ моремъ, они будутъ блистать между всѣми странами земнаго шара, какъ чистый отблескъ славы Создавшаго ихъ.

Digitized by Google

ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ

ВО ФРАНЦІИ.

Въ послѣднее время во Франціи происходили жаркіе споры между защитниками свободной торговли и защитниками покровительственной системы. Чтобы показать нашимъ читателямъ обѣ стороны этого любопытнаго предмета и съ тѣмъ вмѣстѣ познакомить ихъ съ самой исторіей таможеннаго тарифа во Франціи, мы приводимъ здѣсь статью Мишеля Шевалье противъ покровительственной системы (собственно принятой во Франціи), и статью другаго французскаго писателя противъ свободной торговли.

Вотъ что говоритъ Мишель Шевалье о французской покровительственной системѣ:

« Система коммерческой политики, которая имѣетъ высокое предназначеніе поддерживать и развивать отечественныя работы и промышленность, носитъ на себѣ названіе системы покровительственной. Орудіе ея таможенной уставъ. Она состоитъ въ томъ, чтобъ отдать всѣ внутренніе рынки государства въ руки собственныхъ производителей; хороши ли, худы ли ихъ произведенія, дорого, или дешево продаютъ они ихъ—рынки во всякомъ случаѣ должны оставаться за ними. Эту систему представляютъ намъ подъ фирмой патріотическаго чувства къ собственнымъ произведеніямъ, къ собственной торговлѣ. Намъ говорятъ, что, покупая каждое иностранное произведеніе, мы платимъ за него дань иностранцамъ,—и въ понятіяхъ народа, который имѣетъ отвращеніе отъ всего чужеземнаго, и который, не смотря на свой здравый умъ, охотнѣе увлекается общими метафорами, чѣмъ холоднымъ и сухимъ голосомъ разсудка, эти слова имѣютъ необыкновенную увлекательность. Большинство вѣритъ еще и до

Digitized by Google

сихъ поръ, что, если мы откроемъ свободный ввозъ иностраннымъ товарамъ, такъ сдѣлаемся данниками Англіи или Пруссіи; что изъ любви къ отечеству мы непремѣнно должны предпочитать собственныя произведенія иностраннымъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы они обходились намъ дороже; что иначе, наконецъ, государство обѣднѣетъ, и въ особенности рабочій классъ, лишась всѣхъ средствъ къ существованію, впадетъ въ совершенную нищету. Посмотримъ, до какой степени мнѣніе это справедливо.

При всей моей любви къ отечеству, я нисколько не раздѣляю такой исключительной симпатіи къ произведеніямъ отечественныхъ мастерскихъ и отечественной почвы, и не раздѣляю вотъ почему: мнѣ кажется, что отечественный быкъ есть тотъ быкъ, который за мѣньшую цѣну можетъ насытить желудки моихъ соотечественниковъ, и что отечественное желѣзо есть то, которое земледѣлецъ или мануфактуристъ могутъ достать за мѣньшую плату, вымѣнивая его, по возможности, на собственныя произведенія, хотя бы и за границей. Истинная патріотическая заботливость должна состоять въ томъ, чтобы соразмѣрность производительности народа съ его потребностями облегчила сколько возможно больше нужды страждущаго человѣчества. Самая лучшая коммерческая система есть та, которая можетъ достигнуть этой цѣли, между тѣмъ какъ всякая противная система есть система антипатріотическая и антинаціональная, какое бы впрочемъ названіе ни носила она.

Что касается до подати иностранцамъ, я не вижу и слѣда ея въ свободной мѣнѣ двухъ человѣкъ, какихъ бы націй они ни были, изъ которыхъ каждый, получая за свою вещь другую, имѣетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ средства получить самую высокую цѣну за свое произведеніе именно потому, что онъ нисколько не стѣсненъ въ выборѣ товара; если же напротивъ таможенный уставъ принуждаетъ меня купить у своего національнаго производителя 300 килограмовъ желѣза за 100 франковъ, тогда какъ я на эти самыя деньги могъ бы купить у производителя иностраннаго 600 килограмовъ того же самаго желѣза, я не знаю, выгодно ли мнѣ тогда быть Французомъ? Такимъ образомъ приверженцы покровительственной системы, которые такъ обязательно стараются

Digitized by Google

охранить насъ отъ мнимой подати иностранцамъ, съ насъ же берутъ себѣ подать существенную.

Наша покровительственная система явно нарушаетъ свободу работъ и промышленности, вопреки смыслу закона 1848 года, параграфа 13, который ясно говоритъ:» 1) что каждый волент выбрать себѣ ремесло по своему произволу и располагать имъ, какъ онъ знаетъ, лишь бы только не стѣснять имъ другихъ; 2) что каждый ремесленникъ можетъ покупать матеріалы и инструменты, гдѣ онъ хочетъ; и 3) что и товары свои и барыши, за нихъ получаемые, ремесленники могутъ употреблять и на потребность собственную и на потребность другихъ.» Правами перваго пункта, приведеннаго здѣсь, мы еще кое-какъ пользуемся, не смотря на многія болѣе или менѣе значительныя монополіи, стѣсняющія другихъ; но гдѣ же наши права, изложенныя въ двухъ послѣднихъ пунктахъ? Каждый французскій ремесленникъ совершенно стѣсненъ въ свободѣ запасаться инструментами и матеріалами тамъ, гдѣ бы онъ могъ достать ихъ выгоднѣе, и еще больше стѣсненъ въ поставкѣ своихъ произведеній туда, куда бы желалъ поставить ихъ. Китайская стѣна ограждаетъ наши границы съ 1793 года, и по поводу этого препятствія торговлю нашу можно назвать свободной развѣ только въ насмѣшку.

Возьмемъ ли мы предметы роскоши, мы найдемъ, что множество матеріаловъ, потребныхъ для искусствъ, можно гораздо дешевле купить на иностранныхъ рынкахъ, чѣмъ на нашихъ собственныхъ. Возьмемъ ли самый каменный уголь, доставляющій насущный хлѣбъ столькимъ отраслямъ промышленности, и тотъ подчиненъ тому же праву. Каменный уголь Ньюкастля гораздо лучше добываемаго въ нашихъ департаментахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Лоары, и особенно лучше для желѣзныхъ дорогъ; но мы должны предпочитать свой уголь изъ любви къ собственнымъ копямъ, и должны для этого замедлять и останавливать развитіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, отказываясь добровольно отъ пользы, которую онѣ намъ приносятъ. Свободный ввозъ къ намъ заграничнаго каменнаго угля непремѣнно подвинулъ бы впередъ и разработку нашихъ сѣверныхъ углекопень, но мы и тутъ слѣпо придержи-

Digitized by Google

ваемся покровительственной системы. Главную часть всѣхъ машинъ, необходимыхъ какъ для фабричныхъ работъ, такъ и для земледѣлія, составляетъ сталь; но ввозъ ея къ намъ останавливаютъ непомѣрными пошлинами. Въ 1791 году пошлина на литую сталь была 61 франкъ съ 1000 килограмовъ. Во времена первой республики ее измѣнили и сдѣлали въ 6 франковъ и 10 сантимовъ; потомъ она была, послѣдовательно, въ 3 франка, въ 5 франковъ и 10 сантимовъ, и въ 5 франковъ 60 сантимовъ. Во времена имперіи, ее возвысили до 99 франковъ, а теперь до 1320 съ привозимой на своихъ корабляхъ, и до 1412 франковъ съ привозимой на корабляхъ иностранныхъ и сухимъ путемъ. Съ шерсти непряденой, изъ которой вырабатывается столько вещей, нужныхъ какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ, пошлины полагаются 22° со 100 ея цѣнности. Съ пряжи льняной и посконной такъ же берется пошлина огромная. Ввозъ пряденой бумаги и шерсти запрещенъ совершенно, съ нѣкоторыми только исключеніями и оговорками, которыя выходятъ изъ общаго положенія. А между тѣмъ эти пряденыя нити, впущенныя къ намъ въ своемъ натуральномъ видѣ, или по крайней мѣрѣ въ видѣ бѣлыхъ тканей, при нашемъ искусствѣ набивать узорчатыя матеріи, доставили бы нашей торговли источникъ богатства, а нашему народонаселенію постоянную и прибыльную работу. Сто разъ объ этомъ было сдѣлано представленіе правительству и палатамъ: запрещеніе оставалось неизмѣннымъ (*). Зерна маслянистыхъ растеній, которые могли бы доставить нашимъ мастерскимъ разнаго рода масло, необходимое для нихъ, и которые сверхъ того могли бы доставить матеріялъ нашимъ мослабойнямъ и мыловарнямъ (я не говорю ужь о домашней потребности этихъ зеренъ въ каждомъ хозяйствѣ), были нѣсколько разъ таксированы, перетаксированы и наконецъ вытаксированы. Ввозъ инструментовъ, орудій и машинъ, составляющихъ необходимое пособіе промыш-

(*) Не далѣе какъ въ концѣ 1850 года, законный протестъ, поданный по этому случаю мильгаузскими набойщиками и руанскими красильщиками, былъ отвергнутъ, не смотря на то, что они принимали на себя уплату всѣхъ пошлинъ, которыхъ лишилась бы таможня.

Digitized by Google

ленности, тоже затрудненъ непомѣрными пошлинами даже и въ такихъ случаяхъ, когда та или другая машина и выходитъ изъ-подъ общаго запрещенія. Въ этомъ *энтузіазмѣ къ возвышенію цѣнъ* (*enthousiasme d'encherissement*), (*) наложили пошлины даже на такія вещи, которыя вовсе не входятъ въ составъ предметовъ коммерческихъ, а нужны только для шарлатанскихъ аппаратовъ, для предсказателей и ворожей. *Раковые глаза, змѣи, волчьи зубы, лосинныя ноги* и *кости оленьяго сердца* буквально и поименно включены въ тарифъ. Смѣшная пошлина на всѣ эти вздоры, такъ же какъ и пошлина на многіе другіе предметы болѣе серьезные, приноситъ государству доходъ самый ничтожный, но наша покровительственная система непремѣнно хотѣла оказать свое покровительство всему безъ исключенія.

Стѣсненіе домашняго быта этой системой еще очевиднѣе, чѣмъ стѣсненіе самой коммерціи. Вотъ, на примѣръ, мануфактуристъ, который составилъ себѣ капиталъ своей торговлей; вотъ медикъ, вотъ адвокатъ, которые нажили копѣйку своими трудами; вотъ наконецъ работникъ, которому стукнуло пятьдесятъ; — имъ хочется хорошенько поѣсть и попить, одѣть получше свое семейство, меблировать домъ. Они слышатъ, что въ такой-то странѣ очень дешевы съѣстные припасы, скотъ для говядины, солонина, заготовленные въ прокъ плоды; что въ другой странѣ дешевы разныя ткани, нужныя для одежды; въ третьей все потребное для убранства дома. Все это они, разумѣется, и желали бы достать тамъ, гдѣ лучше и гдѣ дешевле, но покровительственная система препятствуетъ имъ въ этомъ своими огромными пошлинами, неслыханными ни въ какомъ другомъ государствѣ. Съ хлѣба берется пошлина, съ мяса берется пошлина. За пол-вѣка до революціи скотъ былъ изъятъ отъ пошлины. Первая республика и имперія продолжала впускать его на томъ же основаніи. Во времена реставраціи, въ 1816 году, этотъ законъ измѣнился, и на быковъ наложили пошлину по 3 франка съ

(*) Слова Беньжамень Констана. Онъ произнесъ ихъ, разбирая законъ 1821 года, который усиливалъ пошлины на озимый и яровой хлѣбъ, установленныя закономъ 1819 года.

Digitized by Google

головы; а съ 1826 года усилися до 55 франковъ. Съ солонины платится пропорціонально вдвое. Масло коровье, масло постное, сало, вино, словомъ, все, что только можетъ входить въ человѣческій желудокъ, подвергнуто большей или меньшей пошлинѣ. Съ матеріями, потребными на одежду, поступлено еще строже. Ввозъ многихъ изъ нихъ запрещенъ совершенно. Фаянсъ тоже, стекло и хрусталь тоже, токарныя вещи тоже; тысячи мелкихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей тоже; сапоги, башмаки, сѣдла и весь конскій ременный приборъ тоже. Запрещеніе составляетъ альфу и омегу нашего тарифа; и изъ тѣхъ вещей, которыя не вовсе запрещены, 99 изо 100 навѣрное обложены такой пошлиной, которая дѣлаетъ ихъ для насъ недоступными и слѣдовательно все равно что запрещенными. Насъ заставляютъ платить въ-три-дорога за все самое необходимое, и насъ же увѣряютъ, что намъ это очень полезно.

Каждый, кто только потрудится взглянуть около себя, тотчасъ же увидитъ, что изъ десяти вещей, его окружающихъ, девять онъ непремѣнно обязанъ купить внутри Франціи, вопреки своему вкусу и выгодамъ. Сукно, изъ котораго шьется его платье, матеріи для его жилетовъ и рубашекъ — всѣ эти товары запрещенные. Башмаки—запрещенный товаръ, бумажные и шерстяные чулки—запрещенный. Пуховыя шляпы и шелковыя на манеръ пуховыхъ ввозятся изъ-за границы съ пошлиной по 1 франку и 60 сантимовъ. Мѣдныя шапки, которыя носятъ моряки, тоже запрещены. Всѣ вещи нужныя для омеблировки почти тоже. Чугуны, въ которыхъ бѣдные люди варятъ себѣ пищу,—запрещенный товаръ; кухонная посуда мѣдная, цинковая, изъ литаго и листоваго желѣза, изъ жести—тоже. Ножевый товаръ и замки тоже, за ввозъ постельныхъ одѣялъ и ковровъ положена пошлина съ каждаго фута, которая составляетъ на первыя по 2 франка и 50 сантимовъ съ килограма, а на вторые отъ 275 до 568 франковъ со 100 килограмомъ, такъ что и то и другое, отъ чрезмѣрности пошлины, становится также запрещеннымъ товаромъ. Вещи накладнаго серебра запрещены; волосяныя матеріи, которыя такъ удобны и дешевы для мебели, запрещены; шерстяныя ткани запрещены.

Digitized by Google

Вотъ вліяніе нашей прокровительственной системы на домашній бытъ. Теперь вопросъ: уравниваетъ ли она по крайней мѣрѣ наши коммерческія права? Нисколько. Наши таможенныя постановленія не имѣютъ никакого единства, и чрезвычайно различны не только въ отношеніи къ различнымъ предметамъ, но и въ отношеніи къ мѣстамъ, откуда предметы получаются. Неравенство правъ въ отношеніи къ двумъ лицамъ, живущимъ въ одномъ и томъ же государствѣ, огромное. Положимъ, что я имѣю какое-нибудь свободное занятіе, или я служу, или наконецъ я простой работникъ. Я полагаю за мои труды вознагражденіе денежное. Таможенная система наша, заставляя меня платить дороже за вещи необходимыя, заставляетъ тѣмъ самымъ отдавать за нихъ часть моихъ трудовъ гораздо бо́льшую той, за какую бы я могъ ихъ пріобрѣсть, покупая по той цѣнѣ, по которой онѣ должны бы были продаваться на общемъ, всемірномъ рынкѣ; или, говоря яснѣе, эта система заставляетъ меня промѣнивать мой трудъ на такое количество вещей, которое, по настоящей своей цѣнности, на всемірномъ рынкѣ, сто́итъ гораздо дешевле моего труда. (*) Мой сосѣдъ имѣетъ желѣзный заводъ, или хрустальную фабрику, или производство мелочныхъ желѣзныхъ вещей, или наконецъ угольныя копи; тотъ же самый законъ, который отягощаетъ меня, ему напротивъ даетъ средство продавать свой товаръ дороже настоящей его цѣнности, и слѣдовательно даетъ возможность пріобрѣтать бо́льшее количество нужныхъ ему вещей, чѣмъ слѣдовало бы въ сравненіи съ моимъ трудомъ и по общей пропорціи. Въ отношеніи къ мануфактуристамъ и вообще къ фабрикантамъ, опять то же неравенство, Я дѣлаю фаянсъ или стальныя вещи; я пользуюсь покровительствомъ закона, пользуюсь монополіей, и продаю мой товаръ одной третью или по крайней мѣрѣ одной четвертью дороже его настоящей цѣны. Но если, вмѣсто того, я шелковый фабрикантъ, или производитель химическихъ припасовъ, или вырабатываю такія вещи, которыя служатъ только къ украшенію и

(*) Подъ словомъ «всемірный рынокъ» я разумѣю такое мѣсто, гдѣ могли бы свободно продаваться вещи всѣхъ странъ, безъ платы пошлинъ.

Digitized by Google

роскоши, какая мнѣ тогда польза отъ покровительственной системы? Она не даетъ мнѣ никакихъ средствъ получить за мои произведенія ни одного лишняго сантима, потому что цѣнность всѣхъ этихъ вещей, впускаемыхъ изъ-за границы, гдѣ онѣ производятся въ изобиліи, никакъ не возвышается наложенной на нихъ пошлиной до такой степени, чтобъ онѣ не могли подорвать меня. И еще сверхъ того та же покровительственная система лишаетъ меня возможности вывозить мои вещи за границу. Гдѣ же тутъ равенство? Даже въ одной и той же промышленности, именно въ производствѣ бумажныхъ товаровъ, набойщики ситцевъ совершенно пожертвованы въ пользу бумагопрядильщиковъ. Разрѣшивъ послѣднимъ вывозъ за границу пряденой бумаги, стѣснили тѣмъ самымъ промышленность первыхъ. Отчего же нашли, что лучше отдать набойщиковъ въ руки бумагопрядильщиковъ, чѣмъ обратно?

Вообще постановленія нашей покровительственной системы полны самыхъ странныхъ противорѣчій. Вотъ, на примѣръ, новая отрасль промышленности, которая, не смотря на то, что ее называютъ *раждающейся*, можетъ встрѣтить больше затрудненій, чѣмъ какая-нибудь другая: это механическое пряденіе льна и шерсти. Ей покровительствуютъ наложеніемъ на иностранную пряжу того же рода, пошлины по 22 со 100. Конечно, эта пошлина большая, но у рождающейся промышленности есть старинная соперница, филатура бумажная, которая твердо уже укоренилась у насъ и которой также покровительствуютъ совершеннымъ запрещеніемъ ввоза иностранной пряденой бумаги (*). Ясно, что всѣ эти постановленія произвольны и безотчетны.

Въ хвастливыхъ рѣчахъ нашихъ мы высказываемъ горячую любовь къ земледѣлію; прекрасно. Предполагается, что послѣ такихъ возгласовъ мы всѣми мѣрами способствуемъ земледѣльцу къ выгодному сбыту его произведеній; но, къ несчастію, этого-то и нѣтъ у насъ. Многіе наши южные департаменты очень успѣшно разводятъ шелковичныхъ червей; иностранцы охотно купили бы ихъ

(*) За исключеніемъ самой тонкой пряжи, выше N 143, ввозъ этого сорта пряжи разрѣшенъ съ 1836, но съ высокой пошлиной.

Digitized by Google

шелкъ за настоящую цѣну, но является покровительственная система, и воображаетъ, Богъ знаетъ почему, что эту отрасль торговли никакъ не надобно выпускать за границу. А наши вина? Ихъ пилъ бы цѣлый свѣтъ въ огромномъ количествѣ, еслибы только иностранцы, въ возмездіе за строгости нашей таможни, не наложили, въ свою очередь, большой пошлины и на наши вина. (*)

До 1780 года покровительственная система наша, гораздо менѣе строгая, чѣмъ въ настоящее время (какъ это мы увидимъ далѣе), имѣла справедливое основаніе въ смыслѣ своихъ постановленій. Въ тѣ времена ничто не могло существовать безъ особой привиллегіи. Начальнымъ пунктомъ общественной организаціи былъ тогда феодализмъ, который раздѣлялъ страну на тысячу мелкихъ государствъ и на столько же различныхъ правленій, а оттого и промышленность въ этой странѣ иначе не могла существовать, какъ посредствомъ тысячи же мелкихъ монополій, которыя дѣлили между собой поле производительности и сами дѣлились на безконечныя отрасли. Общаго права слѣдовательно не могло тогда быть, и для каждаго правосудіе состояло только въ охра-

(*) За два вѣка назадъ Франція отпускала въ Англію, какъ видно изъ коммерческихъ вѣдомостей, количество вина, доходящее въ годъ до 20,000 бочекъ (180,000 гектолитровъ). Съ того времени народонаселеніе Соединенныхъ королевствъ болѣе, чѣмъ утроилось, а общее богатство государства возрасло еще въ большей прогрессіи. Судя по количеству другихъ продуктовъ, потребляемому Англіей, можно безошибочно предположить, что, если бы между нами сохранились прежнія отношенія, такъ она въ настоящее время покупала бы у насъ ежегодно въ десять или двѣнадцать разъ болѣе вина противъ приведенной выше пропорціи, т.-е. по малой мѣрѣ 200,000 бочекъ. Но съ 1667 года обѣ націи рѣшились подорвать одна у другой торговлю и промышленность, не замѣчая того, что взаимные ихъ удары падаютъ на самихъ же себя; и справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ случаѣ Франція больше виновата; по крайней мѣрѣ она первая усилила непріязненныя нападенія на коммерцію Англіи, вмѣстѣ съ войной, возгорѣвшейся въ 1793. Теперь мы отпускаемъ въ Соединенныя королевства не болѣе седьмой доли того количества вина, какое отпускали за два вѣка назадъ, и слѣдовательно семидесятую долю того, что могли бы отпускать. Къ несчастію, и не въ одной Англіи теряемъ мы сбытъ нашихъ винъ, которыя приготовляются у насъ въ такомъ изобиліи и которыхъ нигдѣ не умѣютъ выдѣлывать лучше насъ.

Digitized by Google

неніи правъ его монополіи. Такой порядокъ вещей, при взаимной возможности возвышать цѣны на свои произведенія, все же былъ гораздо менѣе несправедливъ, чѣмъ права нашей покровительственной системы, превратившейся въ настоящее время тоже въ чистую монополію, постоянно стѣсняющую наши рынки.

Никакой трудъ, приносящій выгоду одному только лицу, а не цѣлому обществу, не можетъ быть полезенъ государству, и тѣмъ еще менѣе, если онъ приноситъ выгоду одному въ ущербъ другаго. Покровительственная система обезпечиваетъ, какъ говорятъ, трудъ нашихъ промышленниковъ; безъ нея Франція должна бы была закрыть свои мастерскія, слѣдовательно она стремится къ благу общественному. Но Французы работали еще гораздо прежде учрежденія покровительственной системы, и во многихъ вещахъ, которыя она вздумала принять подъ свое покровительство, никакъ не отстала отъ другихъ націй. Многими нашими произведеніями мы очень успѣшно соперничаемъ за границей даже съ Англіею, противъ которой преимущественно вооружается покровительственная система. Таковы, напримѣръ, наши набивныя полотна и различнаго рода шерстяныя ткани, въ особенности мериносовыя, наша бронза, стекло, мебель, даже нѣкоторыя машины. Списокъ такихъ вещей былъ бы, конечно, гораздо длиннѣе, еслибы покровительственная система своимъ тарифомъ не возвысила цѣну на первоначальные матеріалы, нужные намъ для производства. Покровительственная система только дала нашей промышленности другое направленіе противъ ея направленія естественнаго, но къ общей суммѣ производительности она ровно ничего не прибавила. Каждая промышленность дѣйствуетъ посредствомъ двухъ вещей: рукъ и капитала. Когда мѣрами искусственными дадутъ одной промышленности выгоды передъ другой, —двинутые этимъ толчкомъ капиталы устремятся къ новому, болѣе выгодному направленію, и, разумѣется, повлекутъ за собою туда же и соразмѣрное количество рукъ, занимавшихся прежде другой работой. Что́ же выходитъ? Только то, что общество, пріобрѣтая новое производство, теряетъ съ этимъ вмѣстѣ прежнее, которымъ тѣ же самыя руки и тѣ же капиталы были заняты. Значитъ, это только измѣненіе, а никакъ не пріобрѣтеніе новаго

Digitized by Google

источника труда. И если это измѣненіе происходитъ насильственно, т.-е. происходитъ отъ нѣкоторыхъ привиллегій, данныхъ новому производству, тогда можно сказать почти навѣрное, что въ настоящее время это производство не можетъ принесть пользы обществу, потому что въ противномъ случаѣ она непремѣнно родилась бы сама собой, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, или точнѣе, никакъ бы не опоздала родиться своевременно. Всѣ искусственныя мѣры, стремящіяся къ тому, чтобы дать капиталамъ и рукамъ новое направленіе, могутъ обогатить государство на столько, на сколько новая промышленность принесетъ ему доходъ болѣе прежней, посредствомъ тѣхъ же рукъ и тѣхъ же капиталовъ. Если это такъ, тогда частныя выгоды производителя дѣйствительно принесутъ пользу и обществу; но во всякомъ другомъ случаѣ покровительство тому или другому мастерству, той или другой промышленности даетъ только возможность одному лицу продавать свой товаръ дороже его настоящей цѣны, безъ всякаго за то возмездія другимъ лицамъ, и слѣдовательно не только безъ всякой пользы для общества, но еще въ ущербъ ему.

Я никакъ не спорю, что наша покровительсевенная система даетъ работу; но умножаетъ ли она ее и даетъ ли средства работать съ бо̀льшею выгодой! А именно на этотъ-то результатъ работы и надобно смотрѣть. Человѣкъ долженъ трудиться съ той цѣлью, чтобъ достать необходимое самому себѣ, или чтобъ доставить его другимъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, посредствомъ мѣны опять получить нужное для самаго себя. Иначе тотъ, кто будетъ по цѣлымъ днямъ толочь воду, можетъ ли назваться полезнымъ членомъ общества? Еслибъ Англія издала законъ о совершенномъ запрещеніи ввоза нашихъ винъ, очень вѣроятно, что тамъ бы стали разводить собственные виноградники для добыванія этого напитка, который, со временъ Ноя, составляетъ любимый напитокъ всего рода человѣческаго. Такимъ образомъ Англія начала бы производить вино, которое обошлось бы ей чрезмѣрно дорого, не говоря уже о дурномъ его качествѣ. Для выдѣлки только ста тысячъ гектолитровъ потребовалось бы огромное количество садовниковъ, кромѣ каменьщиковъ и печниковъ, нужныхъ для устройства винодѣленъ. Англійскій парламентъ

Digitized by Google

далъ бы посредствомъ этого закона множество новыхъ работъ націи, но со всѣмъ тѣмъ законъ все былъ бы плохъ и разорителенъ для государства, потому что капиталы и руки, обращенные на выдѣлку вина, были бы оторваны отъ разработки каменнаго угля, отъ филатуръ, отъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, что̀ все вмѣстѣ доставляетъ Англіи мильйонъ барыша на рынкахъ французскихъ, португальскихъ, испанскихъ и т. д. Слѣдовательно Англія за сто тысячъ гектолитровъ вина потеряла бы девятьсотъ тысячъ гектолитровъ, которые могла бы пріобрѣсть на эти деньги. Повелъ ли бы этотъ законъ по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы занять работой бо̀льшее число рукъ? Нисколько; потому что, хотя выдѣлка вина и воздѣлыванье виноградниковъ и потребовали бы, какъ ужь я сказалъ, множество работниковъ, но капиталы, употребленные на эту сумасбродную операцію, были бы достаточны и для того, чтобъ занять то же самое количество рукъ другой работой, болѣе имъ свойственной и болѣе выгодной. Если мнѣ скажутъ, что я привелъ примѣръ фантастическій, я возьму другой изъ самой существенности. Съ тѣхъ поръ, какъ во Францію запрещенъ ввозъ желѣза, она точно начала производить гораздо бо̀льшее количество желѣза собственнаго, но не иначе, какъ съ помощію капиталовъ, которые могли бы быть употреблены съ бо̀льшею пользою на другой предметъ. Каждый, кто хоть не много наблюдалъ механизмъ внѣшней торговли, долженъ знать, что товары одного государства не иначе впускаютъ въ другое, какъ съ условіемъ взаимнаго вывоза товаровъ собственныхъ. Произведенія одной страны вымѣниваются на произведенія другой,— вотъ сущность дѣла. Золото и серебро входятъ въ составъ размѣна только какъ представители цѣнности вещей и какъ дополненіе, служащее для уравненія счетовъ. Если бы Франція покупала за границей сто мильйоновъ килограммовъ желѣза, тогда она выпустила бы на соотвѣтственную сумму и собственныхъ произведеній. Только въ этомъ отношеніи и можетъ принесть государству пользу какая бы то ни была отрасль промышленности, и само по себѣ разумѣется, что чѣмъ дешевле обойдется произведеніе, т. е. чѣмъ меньше потребуется на него рукъ и капиталовъ сравнительно съ его настоящей цѣнностію на всемірномъ рынкѣ,

Digitized by Google

тѣмъ больше оно принесетъ и пользы. Такимъ образомъ, если бы мы употребили тѣ же самые капиталы и тѣ же самыя руки, которыми разработываемъ теперь наше желѣзо, на другую отрасль промышленности, больше намъ свойственную, мы могли бы пріобрѣсть тѣми же самыми руками и капиталами, изъ-за границы желѣза вдвое или по крайней мѣрѣ въ полтора раза больше противъ пропорціи, выработываемой теперь.

Первое условіе, необходимое для того, чтобы сдѣлать какую бы то ни было работу выгодной, есть присутствіе при ней капитала. Назвавъ капиталъ *двигателемъ работъ*, дали ему опредѣленіе очень вѣрное; только съ помощію капиталовъ работы могутъ дать прибыль, и прибыль тѣмъ бо́льшую, чѣмъ больше будетъ употреблено на нихъ капиталовъ, разумѣется, съ разсчетомъ и знаніемъ дѣла. Безъ капитала всякая работа тотчасъ же падаетъ, и въ настоящее время самая ничтожная промышленность требуетъ хоть маленькаго капитала. Если капиталъ отнимается отъ работы, посредствомъ ли своего уничтоженія или обращенія на другой предметъ, нѣсколько рукъ во всякомъ случаѣ остаются безъ работы, въ первомъ безвозвратно, въ послѣднемъ по крайней мѣрѣ временно. Слѣдовательно въ извѣстной массѣ людей работа можетъ усвоиться и сдѣлаться выгоднѣе тогда только, когда въ рукахъ этой массы будетъ болѣе капиталовъ. Если бы мы имѣли возможность покупать у иностранцевъ необходимыя для насъ вещи дешевле той цѣны, какую платимъ за нихъ теперь, и при томъ вещи эти были бы точно такого же качества, ясно, что тогда отъ той суммы, какую употребляемъ теперь на покупку этихъ вещей, у насъ оставалась бы хотя маленькая экономія. Положимъ, напримѣръ, что отъ каждаго центнера желѣза у насъ оставалось бы по 10 франковъ; очень вѣроятно, что хотя часть этихъ остатковъ, откладываемая въ сберегательныя кассы, составила бы капиталъ, который потомъ непремѣнно потребовалъ бы движенія, т.-е. рукъ и работы. При діаметрально же противоположныхъ обстоятельствахъ, т.-е. при необходимости платить за нужныя для насъ вещи дороже ихъ нормальной цѣны, выходитъ и результатъ діаметрально противоположный, т.-е. не приращеніе, а погашеніе капиталовъ.

Digitized by Google

Посмотримъ, сколько переплатили мы лишняго за одно желѣзо, по поводу запрещенія его ввоза. До 1814 годъ пошлина на тянутое желѣзо была не огромная. Съ 1814 и по 1822 годъ она сдѣлалась на толстое полосное желѣзо въ 165 франк. съ тонны (1000 килограммовъ); съ 1822 по 1836 въ 275 франковъ то же самое желѣзо, если оно обработано съ помощію каменнаго угля, и въ 165 франковъ, если обработано съ помощію дровъ. Съ 1836 года и по настоящее время пошлина остается неизмѣнно въ 206 франковъ на толстыя полосы, обработанныя съ помощію каменнаго угля, на тонкія возвышается въ полтора или два раза пропорціонально, а на листовое желѣзо больше чѣмъ вдвое. Независимо отъ полоснаго желѣза, на самые слитки его наложена пошлина высокая, а разныя желѣзныя вещи, составляющія многочисленную и необходимую потребность, совершенно запрещены. Можно сказать навѣрное, что, по самой меньшей мѣрѣ, Франція съ 1814 года платитъ, круглымъ счетомъ, за каждые 1000 килограммовъ полоснаго желѣза 200 франковъ лишняго противъ настоящей его цѣнности. А такъ какъ съ 1814 года она потребила полоснаго желѣза болѣе шести милліоновъ тоннъ, то, слѣдовательно, въ это время переплатила за него пошлины 1200 милліоновъ франковъ,—почти вдвое болѣе той контрибуціи, которую взяли съ насъ союзныя державы въ 1815 году.

Очевидно, что всѣ эти операціи не могли обогатить государства, а только помогали капиталамъ переходить изъ одного кармана въ другой, и переходить не иначе какъ съ общимъ ущербомъ; потому что изъ этихъ 1200 милліоновъ большая часть составляетъ чистую потерю для цѣлой массы народонаселенія. Конечно, нѣкоторая часть этой суммы поступила въ государственный доходъ за продажу казенныхъ лѣсовъ, цѣны на которые, посредствомъ размноженія нашихъ желѣзныхъ заводовъ, возвысились. Другая часть усилила доходы владѣльцевъ частныхъ лѣсовъ. Третья, и очень значительная, осталась въ барышахъ у желѣзныхъ заводчиковъ и особенно у тѣхъ, которые употребляли для своихъ заводовъ каменный уголь. Всѣ эти три числа могли бы принести пользу: изъ нихъ могли составиться капиталы, именно соотвѣтственные тѣмъ самымъ усиленнымъ доходамъ, которые

Digitized by Google

раздѣлились на эти три источника; но и владѣльцы частныхъ лѣсовъ и желѣзные заводчики имѣли ли надъ собой столько власти, чтобы жить такъ же скромно, какъ жили бы они безъ этихъ усиленныхъ доходовъ? Опять можно сказать навѣрное, что нѣтъ, а слѣдовательно бо́льшая часть ихъ доходовъ не обратилась въ капиталы, а истратилась безполезно, какъ сгорѣвшій домъ, какъ разбившійся на морѣ корабль, какъ выбитое градомъ поле.

Бельгія впродолженіе тридцати пяти лѣтъ составляла часть Франціи, и во все это время ея мастерскія нисколько не превосходствовали надъ нашими. Если теперь она ушла впередъ въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ произведеніяхъ, если она, напримѣръ, покупаетъ дешевле нашего желѣзо и машины, это именно оттого, что со времени ея отдѣленія отъ Франціи и таможенный ея тарифъ сдѣлался не такъ строгъ. Швейцарія, совершенно чуждая покровительственной системы, тоже, въ отношеніи къ промышленности, идетъ впередъ исполинскими шагами. Во всякомъ государствѣ, какъ только пошлина на какой-нибудь иностранный товаръ понижается, собственные фабриканты того же самаго произведенія приходятъ въ отчаяніе и начинаютъ провозглашать свою конечную гибель; но впослѣдствіи эта-то самая промышленность, вмѣсто того, чтобъ упасть, напротивъ цвѣтетъ и развивается гораздо быстрѣе. Когда въ Пруссіи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Германіи фабрики шерстяныхъ и бумажныхъ тканей были поставлены въ необходимость войдти въ конкурренцію съ фабриками саксонскими, страшный ропотъ распространился между фабрикантами; но черезъ два или три года эта же самая промышленность, которая боялась паденія, сдѣлала успѣхи огромные. Въ Англіи какой шумъ поднимался каждый разъ, когда сбавляли пошлины съ нашихъ шелковыхъ издѣлій, а между тѣмъ послѣ всякой сбавки англійскія шелковыя издѣлія все больше и больше совершенствовались. У насъ въ 1843 году пониженіе пошлинъ на колоніальный сахаръ заставило трепетать нашихъ свеклосахарныхъ заводчиковъ,—но упала ли эта промышленность? Напротивъ, колоніальные заводчики начали просить послѣ того новыхъ льготъ. Въ подобныхъ случаяхъ падаютъ и закрываются только заведенія неумѣстныя и ненужныя, или такія, отъ которыхъ

Digitized by Google

выгоды основаны на какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Это, конечно, больно для тѣхъ, чьи интересы страдаютъ тутъ,—положимъ даже, что это огорчительно и для всѣхъ людей сострадательныхъ,—но кто жь виноватъ, что человѣкъ избралъ для себя занятіе неумѣстное или разсчитывалъ на обстоятельства невозможныя? Какое право имѣетъ онъ на то, чтобы его выгоды предпочли выгодамъ общимъ? Если хотятъ налогомъ на общество поддержать производителей, которые не въ состояніи поддерживать сами себя, такъ этотъ налогъ поддерживаетъ только ту или другую работу, а не собственно работниковъ. Я согласенъ, что полное и свободное развитіе промышленности не можетъ совершиться безъ частныхъ стѣсненій и ущербовъ, но таковъ общій законъ всего существующаго въ мірѣ. Вездѣ и всегда одно вытѣсняетъ другое; такъ и здѣсь: свекловица вытѣсняетъ сахарный тростникъ, и, можетъ быть, въ свою очередь будетъ вытѣснена какимъ-нибудь другимъ растеніемъ; паровозы вытѣсняютъ дилижансы; пароходы вытѣсняютъ парусныя суда; бумага вытѣсняетъ шерсть и ленъ; механика вытѣсняетъ ручную работу; одна машина вытѣсняетъ другую, одно открытіе, которое казалось еще вчера вѣрхомъ человѣческой изобрѣтательности, завтра вытѣсняется новымъ, но это-то и есть законъ общаго движенія и прогресса.

Въ заключеніе, здѣсь не лишнимъ будетъ привесть хотя въ краткомъ очеркѣ исторію существующихъ у насъ въ настоящее время таможенныхъ постановленій, и посмотрѣть, имѣютъ ли они право на существованіе, если не по поводу приносимой ими пользы, такъ по крайней мѣрѣ хоть по своей древности. Кажется, что и этого нѣтъ. Напротивъ, нашу таможенную систему можно назвать чужеземнымъ выходцемъ, не слишкомъ давно поселившимся во Франціи и основавшимъ свое могущество на происках и интригахъ революцій. Нашъ старинный таможенный тарифъ не составлялъ чисто казеннаго налога. Со временъ Кольберта цѣль его состояла исключительно въ томъ, чтобъ покровительствовать внутренней промышленности, но тогда онъ дѣйствовалъ тихо и скромно. Въ 1790 и 1791 годахъ, когда новая власть преобразовала его, она придала ему формальность и правильность, ко-

Digitized by Google

торыхъ ему недоставало. Между тѣмъ каждый, кто просматривалъ тарифъ 1791 года и предыдущихъ годовъ, увидитъ тотчасъ, что тарифъ нынѣ существующій составляетъ нововведеніе, совершенное уже послѣ того времени. Въ основаніи своемъ настоящій нашъ тарифъ есть ничто иное, какъ созданье двухъ, послѣдовавшихъ одно за другимъ, правленій, которыя воевали со всей Европой, любили воевать и положили на тарифъ печать своего воинственнаго духа. Первая республика и имперія ознаменовали себя огромнымъ количествомъ запрещеній, которыми отличается французскій тарифъ, и всѣ эти запрещенія были слѣдствіемъ войны и враждебныхъ чувствъ. Тарифомъ 1791 года были запрещены вещи очень немногія, и болѣе въ отношеніи казенныхъ податей и полицейскихъ мѣръ, чѣмъ въ отношеніи коммерческомъ. Такимъ образомъ наложили пошлины на соль, на игорныя карты и папушный табакъ собственно для прихода казнѣ. Селитра и пороходъ были запрещены для охраненія общественнаго спокойствія. Изъ тканей запрещался ввозъ только такихъ, въ которыхъ золото и серебро замѣнялись мишурой, и запрещался съ той цѣлью, чтобы иностранцы не могли въ этомъ случаѣ обмануть нашихъ потребителей. Сложные медикаменты также запрещались для сохраненія общественнаго здоровья. Въ цѣломъ тарифѣ 1791 года есть только два запрещенія серьезныя и напоминающія нашъ настоящій тарифъ; это запрещеніе свободнаго ввоза стеклянныхъ вещей и произведеній моря (*). Тарифъ 1791 года свято чтилъ свободный ввозъ съѣстныхъ припасовъ и первоначальныхъ матеріяловъ.

Война, объявленная послѣ 21 января 1793 года, совершенно измѣнила ходъ торговли; запрещеніе начало падать на все, и чтобъ видѣть, какъ распространялось оно, стоитъ только просмотрѣть заглавія декретовъ и постановленій тогдашняго времени.

(*) Ввозъ рыбьяго жира былъ запрещенъ изъ всѣхъ мѣстъ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, что составляло въ этомъ случаѣ исключеніе очень обширное и служило новымъ доказательствомъ, что запрещеніе это было сдѣлано не въ коммерческомъ, а въ политическомъ отношеніи. Тогда предполагали, что съ развитіемъ морской торговли соединяется и развитіе морскихъ силъ государства.

Digitized by Google

1-го марта 1793 года, конвентъ издалъ указъ, значащійся въ *Бюллетенѣ Законовъ* подъ слѣдующимъ названіемъ: «*Декретъ, которымъ уничтожаются всѣ трактаты, какъ союзные, такъ и коммерческіе, существовавшіе между Франціею и воюющими съ нею державами, и которымъ запрещается ввозъ во Францію разныхъ иностранныхъ товаровъ*» (*). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появился еще декретъ подъ слѣдующимъ официальнымъ названіемъ: «*Декретъ, отъ 19 дня перваго мѣсяца, года 11, которымъ воспрещаются внутри Франціи всѣ товары, фабрикуемые и выдѣлываемые въ странахъ подвластныхъ англійскому правительству.*» Директорія пошла по тѣмъ же стопамъ, и 10 Брюмера, V года, издала «*Законъ, воспрещающій ввозъ и продажу англійскихъ товаровъ*» (**).

(*) О духѣ этого закона можно судить по слѣдующимъ его пунктамъ:

«Пунктъ II.—Таможенное начальство возлагаетъ на чиновниковъ и смотрителей, подъ личной ихъ отвѣтственностью, строгое наблюденіе, чтобъ ни одинъ изъ сказанныхъ товаровъ не былъ ввезенъ или впущенъ во Францію. Чиновники и смотрители, которые дозволятъ или оставятъ безъ вниманія ввозъ или вносъ сказанныхъ товаровъ во Францію, подвергаются двадцатилѣтнему заключенію въ желѣза.

«Пунктъ III.—Всѣ лица, которыя, со дня обнародованія настоящаго декрета, позволятъ ввезти, ввезутъ, впустятъ, продадутъ или купятъ, посредственно или непосредственно, товары, выработанные на англійскихъ фабрикахъ, также подвергаются наказанію, объявленному въ предыдущемъ пунктѣ.

«Пунктъ IV.—Всѣ лица, которыя станутъ носить и употреблять сказанные товары, ввезенные послѣ обнародованія настоящаго декрета, будутъ сочтены ослушниками закона, и согласно съ тѣмъ наказаны, на основаніи декрета, изданнаго 17 истекшаго сентября.»

(**) Законъ этотъ издавъ «на основаніи того, что законодатели считаютъ одной изъ первыхъ своихъ обязанностей оборять и развивать всѣми возможными способами внутреннюю промышленность Франціи; что въ настоящихъ обстоятельствахъ они находятъ необходимымъ отвергнуть потребленіе предметовъ, выработываемыхъ враждебными державами, которымъ продажа этихъ предметовъ можетъ способствовать къ поддержанію войны несправедливой и гибельной; и что, вѣроятно, каждый истинный гражданинъ не преминетъ съ своей стороны поддержать эту мѣру, спасительную для государства.»

Главный пунктъ закона слѣдующій:

Digitized by Google

Послѣ конвента и директоріи, Наполеонъ, который все любилъ дѣлать въ огромныхъ размѣрахъ, ознаменовалъ себя тѣмъ же и въ запретительной системѣ: 22 февраля 1806 года онъ издалъ декретъ, которымъ запрещался ввозъ бумажныхъ тканей бѣлыхъ и набивныхъ, кисеи и пряденой бумаги для свѣтиленъ. Это запрещеніе относилось чисто къ Англіи, хотя прямо о томъ и не было объявлено; но очень скоро за тѣмъ послѣдовалъ знаменитый Берлинскій декретъ (10 ноября 1806), которымъ *Великобританскіе острова объявлялись въ осадномъ положеніи*. Потомъ, не менѣе знаменитый, Миланскій декретъ (17 декабря 1807) заключалъ въ себѣ *новыя мѣры противъ мореходной системы Англіи* (*). Здѣсь было начало континентальной системы, стремившейся удержать въ осадномъ положеніи весь европейскій материкъ. Желая нанесть уронъ англійской торговлѣ и тѣмъ ослабить средства Англіи, Наполеонъ принялъ дерзкое намѣреніе запретить всей Европѣ сношенія съ прочими частями свѣта. Лудовикъ XIV сказалъ: «Нѣтъ больше Пиринеевъ». Въ смыслѣ

«Пунктъ V.—Считаются произведеніемъ англійскихъ фабрикъ, гдѣ бы впрочемъ они выработаны ни были, слѣдующіе предметы, привозимые изъ-за границы: 1. Всѣ сорта бумажныхъ бархатовъ, всѣ сукна, ткани шерстяныя и бумажныя, или шерстяныя пополамъ съ бумагой; шерсть и бумага пряденыя; ковры англійскіе. 2. Всѣхъ сортовъ колпаки бумажные и шерстяные, или шерстяные пополамъ съ бумагой. 3. Всѣхъ сортовъ пуговицы. 4. Всѣхъ сортовъ аплике, всѣ мелкія желѣзныя вещи; ножовыя и токарныя издѣлія; часы,—однимъ словомъ, все желѣзное, мѣдное, стальное, жестяное и вообще сдѣланное изъ какаго бы то ни было металла, полированнаго или не полированнаго, чистаго или смѣшеннаго. 5. Кожи крашеныя и не крашеныя, выдѣланныя и не выдѣланныя; экипажи отдѣланные и не отдѣланные; военная аммуниція и всякаго рода конская сбруя. 6. Ленты, шляпы, газъ и шали, извѣстныя подъ названіемъ англійскихъ. 7. Всѣхъ сортовъ кожи для перчатокъ, панталонъ и фуфаекъ, также какъ и всѣ эти вещи уже готовыя. 8. Всякаго рода стекло и хрусталь, кромѣ стеколъ для очковъ и часовъ. 9. Сахаръ рафинированный и сахарный песокъ. 10. Всѣхъ сортовъ фаянсъ и посуда, выдѣлываемые изъ глины, извѣстной подъ именемъ глины трубочной, которою изобилуетъ Англія.» Короче сказать, этимъ указомъ запрещались почти всѣ предметы торговли, откуда бы ни привозились они.

(*) Слова, напечатанныя курсивомъ, составляютъ офиціальныя названія, подъ которыми декреты были изданы въ *Бюллетенѣ Законовъ*.

Digitized by Google

совершенно противоположномъ, Наполеонъ объявлялъ: «Нѣтъ больше ни Америки, ни Азіи: Христоферъ Колумбъ и Васко де Гама никогда не существовали». Не слѣдовало больше употреблять никакихъ колоніальныхъ произведеній; надобно было отвыкнуть отъ кофе и отъ шеколада. Превосходныя англійскія бумажныя издѣлія должны были замѣниться на европейскомъ материкѣ издѣліями изъ собственной пряжи, изъ собственной шерсти, изъ собственнаго шелка. Индиго должно было уступить мѣсто вайдѣ, кошениль разнымъ химическимъ составамъ. И все это было серьезно задумано и серьезно объявлено этимъ могучимъ человѣкомъ, которому никто не смѣлъ противорѣчить (*)!

Казалось бы, что съ наступленіемъ мира все это шаткое зданіе, созданное ненавистью и фантазіей революціоннаго совѣта и великаго завоевателя, должно было рушиться; но тѣ, которымъ эта система доставляла выгоды, не хотѣли отъ нихъ отказаться. Въ 1814 году новое правительство отмѣнило законъ о двадцатилѣтнемъ заключеніи въ желѣза за употребленіе англійскихъ товаровъ, также какъ и нѣкоторыя другія черезъ-чуръ ужь дикія мѣры таможенныхъ штрафовъ; вычеркнуло статью, строго запрещавшую всѣ колоніальные товары и первобытныя произведенія странъ тропическихъ, —и что же? со всѣхъ сторонъ слышались только жалобы: никто не одобрялъ этихъ мѣръ, никто не просилъ, чтобъ онѣ были поддержаны. Кончилось тѣмъ, что покро-

(*) Декретомъ 5 августа 1810 года, пошлины на колоніальные товары и на бумагу и лѣсъ, вывозимые изъ Новаго Свѣта, были увеличены до непомѣрности, и по необходимости заставляли европейскій материкъ замѣнять всѣ эти вещи собственными произведеніями. На американскую бумагу пошлина простиралась отъ 600 до 800 франк. со 100 килограммовъ (нынче 20 фр.); на сахарный песокъ 300 фр. (нынче 45 фр.); на чай черный 900 фр., на чай зеленый 600 (нынче 150 фр.); на кофе 400 фр. (нынче 50 фр.); на какао до 1000 фр. (нынче 40 фр.); на перецъ 400 фр. (нынче 40 фр.); на корицу отъ 1400 до 2000 фр (нынче 33 фр.); на индиго 900 фр. (нынче 50 фр.); на кошениль 2000 фр. (нынче 75 фр.); на красное дерево 50 фр. (нынче 10 фр.); на фернамбукъ 120 фр. (нынче 5 фр.); на кампешь 80 фр. (нынче 1 фр. 50 сантимовъ). Эти огромныя пошлины увеличивались еще, такъ называемой, военной *десятиной*, установленной въ VII годъ первой республики и существующей и по настоящее время.

Digitized by Google

вительственная система, на минуту ослабленная весною 1814 года, была снова возстановлена въ томъ же году, и еще съ бо̀льшими отягченіями. Такимъ образомъ повторился феноменъ, впрочемъ довольно часто встрѣчающійся въ нашей исторіи: выгоды частныя взяли верхъ надъ выгодами общими, потому что силы, которыя у насъ защищаютъ выгоды общія, дѣйствуютъ лѣниво, между тѣмъ какъ интересы частные защищаются смѣло и рѣшительно. Въ Англіи частныя выгоды тоже поддерживаются очень ловко и никакъ не слабѣе нашего, но Англичане такъ хорошо понимаютъ свои общія выгоды и такъ крѣпко стоятъ за нихъ, что онѣ всегда берутъ перевѣсъ. У насъ причиной зла отчасти было и то, что министерская власть попала въ руки людей, вышедшихъ изъ школы имперіи и находившихся еще подъ вліяніемъ декретовъ Берлинскаго и Миланскаго. Потомъ очень неудачно вздумали подражать Англіи, которая для того, чтобы придать больше вѣсу своей аристократіи, обезпечила ее огромными богатствами. Для этого и у насъ сочли нужнымъ издать таможенный законъ, усиливающій доходы богатыхъ владѣльцевъ налогомъ пошлины на скотъ, на непряденую шерсть и даже на самое желѣзо. Тарифъ касательно желѣза составили такъ, что онъ долженъ былъ принесть больше выгодъ владѣльцамъ лѣсовъ, чѣмъ самимъ желѣзнымъ заводчикамъ. Изъ этого вышло, что за исключеніемъ пониженія пошлинъ на товары колоніальные, на непряденую хлопчатую бумагу и другія произведенія странъ тропическихъ, тарифъ временъ реставраціи сдѣлался еще обременительнѣе для націи, чѣмъ тарифъ имперіи, потому что онъ не пощадилъ даже самыхъ первыхъ и главныхъ потребностей—хлѣба и мяса, до которыхъ имперія, по примѣру республики, никакъ не касалась.

Конечно эти мѣры были выгодны для нѣкоторыхъ, но многимъ онѣ только казались выгодными. Эти люди видѣли только возвышеніе цѣнъ на свои произведенія, но имъ надобно было бы взглянуть и на то, что отъ этихъ же самыхъ мѣръ они теряютъ какъ потребители—по поводу дороговизны съѣстныхъ припасовъ, и теряютъ какъ производители—по поводу дороговизны матеріяловъ и машинъ, нужныхъ для ихъ же произведеній. Но непростительнѣе всего, что наши власти не предвидѣли и не приняли въ со-

Digitized by Google

ображеніе страшнаго возмездія, которое наша запретительная система должна была навлечь на изобильнѣйшія и лучшія произведенія самой Франціи. Другіе народы наложили, въ свою очередь, огромныя пошлины на наши товары, — и наши вина, наши шелковыя матеріи, наши модныя издѣлія понесли на себѣ ущербъ, въ замѣнъ выгодъ, доставшихся на часть желѣзныхъ заводчиковъ и на часть владѣльцевъ лѣсовъ и луговъ.

Можно было надѣяться, что по крайней мѣрѣ послѣ іюльскихъ переворотовъ таможенная система наша сдѣлается умѣреннѣе. И дѣйствительно, правительство показало желаніе смягчить тарифъ, обнародовавъ указъ, состоявшійся въ октябрѣ 1835 года, и два закона 1836 года. Это было начало преобразованія тарифа, начало, исполненное осторожности, но и многія самыя важнѣйшія политическія дѣла начинаются тихо и постепенно. Такъ шло до 1841 года, когда сцена опять совершенно измѣнилась. До тѣхъ поръ всѣ, даже самые покровительствуемые промышленники, говорили о свободной торговлѣ съ уваженіемъ. Казалось, что вся нація стремилась къ этой цѣли и сочувствовала мысли правительства, видимой въ каждой бумагѣ, которая касалась только покровительственныхъ законовъ. Къ концу 1840 года это направленіе обозначалось уже ясно. Между тѣмъ образовалась коалиція, очень искусно составленная. Большинство голосовъ ея, не понимая дѣла, тѣмъ горячѣе стояло за него. Ждали только удобной минуты, чтобъ сбросить маску, и политическія обстоятельства представили эту минуту. Событія 1840 года на Востокѣ и трактатъ 15 іюля снова оживили въ государствѣ патріотизмъ воинственный и исключительный. Приверженцы покровительственной системы этимъ воспользовались. «Національные рынки для національныхъ произведеній!» закричали они, и этотъ девизъ увлекъ воображеніе толпы, которая въ это время охотнѣе, чѣмъ когда-нибудь, глядѣла на предметы въ очки шовинизма.

Непосредственно за тѣмъ протекціонисты явно дали почувствовать свою власть самому правительству. Въ концѣ 1841 года, мысль составить торговый союзъ между Бельгіей и Франціей готова была осуществиться. Бельгія формально уже приступала къ

Digitized by Google

началу дѣла. Бельгійскій король самъ нарочно пріѣхалъ для этого въ Парижъ, и французское правительство приняло это искательство со всѣмъ должнымъ вниманіемъ. То была со стороны іюльской династіи мѣра прекрасная, дѣйствіе превосходной внѣшней политики. Этотъ союзъ, по примѣру Цоверейна, нисколько не грозилъ нарушеніемъ мира въ Европѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ бы для нашей промышленности не только безвреденъ, но рѣшительно выгоденъ. Правда, что нѣкоторыя ея отрасли должны бы были или слишкомъ быстро подвинуться впередъ, или упасть; но кто жъ виноватъ, если онѣ не умѣли воспользоваться выгодами оказаннаго имъ покровительства и стать на такую степень, чтобы выдержать конкуренцію съ произведеніями иностранными. Это было никакъ не свыше силъ ихъ. Между тѣмъ протекціонисты завопили, даже просто возстали. Комитеты, уже тайно составленные изъ многихъ промышленниковъ, начали дѣйствовать общими силами. Пустили въ ходъ многихъ депутатовъ, и, слѣдуя за ними, объявили министерству, что не желаютъ союза съ Бельгіей. Министерство видѣло, что большинство голосовъ будетъ на ихъ сторонѣ, и еще озабоченное смутами внутренними, еще не успѣвшее упрочить связей своихъ съ Европой, въ которыя между тѣмъ такъ удачно начинало входить оно, сочло за лучшее уступить. Это было самое сильное оскорбленіе, какое только могли нанесть іюльскому правительству; и кто же нанесъ его? Люди преданные новой династіи, ея друзья, ея почти самые доблестные защитники! Въ нашей четырнадцативѣковой исторіи нѣтъ другаго подобнаго примѣра, чтобъ для частныхъ, меркантильныхъ разсчетовъ было остановлено важное политическое предпріятіе. Голоса тѣхъ, которые породили это, оставались безъ отзыва; сама оппозиція молчала. Вотъ до чего упалъ патріотизмъ во Франціи!

Въ 1845 году, по поводу проэкта закона, главныя статьи котораго касались зерновыхъ хлѣбовъ, протекціонисты заставили министровъ подать, противъ своего же проэкта, голосъ въ пользу усиленія чрезмѣрныхъ пошлинъ на ячмень. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, правительство положило основаніе очень выгоднаго коммерческаго трактата съ Швеціей и Норвегіей. Стокгольмскій кабинетъ соглашался уменьшить пошлины на многія произве-

Digitized by Google

денія французской промышленности, въ замѣнъ чего мы должны были впускать во Францію шведское желѣзо безъ всякой пошлины, но только съ условіемъ, чтобъ оно имѣло спеціальное назначеніе поступать на стальныя фабрики. Это была для насъ чистая выгода. Но министры были предупреждены, что всякое измѣненіе въ статьяхъ, касающихся желѣза, будетъ сочтено святотатствомъ, и что по этому случаю имъ совѣтуютъ оставить проэктъ въ портфелѣ. Такъ и сдѣлалось. Этимъ однакожь не удовольствовались, и въ началѣ ноября 1846 года вынудили министерство обнародовать манифестъ, въ которомъ оно изъявляло не преложное намѣреніе поддерживать покровительственную систему безъ малѣйшихъ въ ней измѣненій и не касаясь даже самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ.

Наконецъ огромное измѣненіе въ англійскомъ тарифѣ показало, что покровительственная система отжила свой вѣкъ. Между тѣмъ какъ сиръ Робертъ Пиль торжественно сталъ въ главѣ защитниковъ свободной торговли хлѣбомъ, и французское правительство, въ слѣдствіе того, рѣшилось представить палатамъ проэктъ измѣненія таможенныхъ узаконеній. Проэктъ этотъ былъ представленъ 21 мая 1847 года. Имъ разрѣшался ввозъ иностранныхъ запрещенныхъ товаровъ, но не иначе какъ съ огромными пошлинами, и съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшался свободный ввозъ множества такихъ вещей, которыя были включены въ тарифъ вѣроятно для того только, чтобъ увеличить его каталогъ вопреки здравому смыслу и затруднить торговлю изъ пустяковъ. Въ длинномъ спискѣ двухъ-сотъ девяноста девяти предметовъ, ввозъ которыхъ разрѣшался условно или безусловно, было не болѣе двадцати пяти или тридцати такихъ, которые могли приходить въ значительномъ количествѣ, но эти предметы, также какъ и еще многіе другіе, не могли ввозиться иначе, какъ на французскихъ корабляхъ. Этимъ хотѣли поощрить французское мореплаваніе. Правительство предлагало еще, чтобы коммерческія суда наши могли строиться въ особомъ антрепо, не платя тамъ никакой пошлины за нужные для постройки ихъ матеріялы. Проэктъ этого закона былъ одобренъ даже людьми самыми хладнокровными и не принимающими большаго участія въ свободной торговлѣ; но это уже былъ шагъ противъ покровитель-

Digitized by Google

ственной системы и нѣкоторое нарушеніе привиллегій желѣзныхъ заводчиковъ, потому что безпошлинная постройка судовъ касалась и безпошлинной покупки желѣза во всѣхъ его видахъ, т.-е. полоснаго, листоваго и обращеннаго въ гвоздь. По всѣмъ этимъ причинамъ проэктъ новаго закона въ глазахъ протекціонистовъ опять казался святотатственнымъ, и коммисія, составленная подъ ихъ вліяніемъ, въ палатѣ депутатовъ совершенно исказила этотъ законъ, представивъ на то свои доводы въ рапортѣ, достойномъ того, чтобъ ему сохраниться въ исторіи. Это рѣчь частнаго интереса, разсуждающаго о самомъ себѣ, эгоизмъ, стремящійся безъ всякой совѣсти утвердить себя на законныхъ правахъ. Собраніе, въ которомъ подобный тезисъ поддерживался почти съ общимъ единодушіемъ, очевидно потеряло голову. Этихъ господъ тотчасъ же можно было поймать въ собственные ихъ силки первымъ возраженіемъ, и однакожь дѣло оставалось въ такомъ положеніи до 1848 года.

И теперь еще, не смотря на то, что ученіе Адама Смита и Тюрго извѣстно намъ уже около вѣка; не смотря на то, что сиръ Робертъ Пиль, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ мужей новѣйшаго времени, согласился съ истинами, высказанными Кобденомъ; не смотря на то наконецъ, что Соединенные Штаты, Бельгія, Голландія, Піемонтъ, Австрія, Испанія, Россія, сдѣлали измѣненіе въ своемъ тарифѣ,—Франція остается въ этомъ отношеніи неподвижна.»

Вотъ статья противъ свободной торговли, недавно напечатанная по поводу рапорта, читаннаго докладчикомъ сената, г-мъ Тролонъ, и по поводу цѣлаго сочиненія объ этомъ предметѣ г-на Гуро, которое издаетъ онъ подъ заглавіемъ: *Essai sur la liberté du commerce des nations*:

«Наши защитники свободной торговли больше всего возстали за то, что краснорѣчивый докладчикъ сената указалъ на ихъ систему, какъ на заблужденіе вредное и гибельное. Она осуждена окончательно, и очень понятно, что наши *fraudeurs* попробовали еще искать апелляціи во мнѣніи общественномъ. Но вмѣсто того чтобъ доказывать свою справедливость, они только вопіютъ противъ невѣждъ, отвергающихъ то, что считаютъ они

Digitized by Google

свѣтомъ истины: средство очень удобное, если не для того, чтобъ убѣдить другихъ, такъ по крайней мѣрѣ для того, чтобъ оправдать себя.

Чтобъ разрѣшить, полезна или вредна система свободной торговли, для этого стоитъ только, какъ сдѣлали г. Гуро и Листъ, авторъ *Системы государственной политической экономіи*, вопросить исторію; а мы знаемъ, что защитники свободной торговли, также какъ и большая часть реформаторовъ новѣйшаго времени, не обращаютъ большаго вниманія на исторію и ея уроки. Они хотятъ подчинить свѣтъ теоріи отвлеченной, формулѣ математической, нисколько не принимая въ соображеніе, входятъ ли въ ихъ идеальные разсчеты всѣ тѣ вещественныя условія, которыя необходимы для существованія каждаго государства. Они смотрятъ на людей какъ на число. Земной шаръ составляетъ для нихъ одно общее владѣніе, все человѣчество одинъ народъ, всѣ страны одну общую мастерскую, одинъ общій рынокъ. Ихъ система вполнѣ основана на томъ, что̀ самъ Росси называлъ романической ипотезой; а романическія идеи въ правленіи никуда негодятся, и соціалисты доказали намъ, до чего можетъ дойдти воображеніе, разгоряченное мечтами объ утопіи. Наука, сказалъ Аристотель, не создаетъ людей, а примѣняется къ ихъ природѣ. То же можно сказать и о государствахъ; въ торговыхъ сношеніяхъ націй историческія данныя служатъ руководствомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ наука, которая въ этомъ случаѣ, по сознанію самихъ ея проповѣдывателей, часто основываетъ всѣ свои зданія на однихъ мечтахъ.

Что̀ же видимъ мы въ исторіи? То, что всѣ великіе правители и великіе политики признавали таможню необходимымъ средствомъ могущества и благосостоянія народовъ, что всѣ государства, которыя пріобрѣли себѣ болѣе или менѣе почетное мѣсто въ кругу всемірной торговли, обязаны этимъ таможенному уставу. Нужно ли повторять и исчислять здѣсь всѣ факты, приведенные г-мъ Гуро? Что̀ было началомъ огромныхъ богатствъ Англіи, какъ не привиллегіи, данныя въ первый разъ суконнымъ фабрикантамъ королевства Эдуардомъ III; запрещеніе ввоза чужихъ суконъ, который преемники его оградили страхомъ смертной казни,

Digitized by Google

и наконецъ знаменитый морской уставъ, изданный Кромвелемъ? Не посредствомъ ли таможенныхъ законовъ и Кольберъ создалъ у насъ купеческій и военный флотъ, пріобрѣлъ колоніи, рыбныя ловли, и развилъ различныя отрасли промышленности? Что дѣлали великій Курфирстъ и Фридрихъ II, когда, принявъ протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи Нантскимъ эдиктомъ, они захотѣли удержать промышленность въ Пруссіи; Петръ Великій и Екатерина II, когда они задумали создать ее въ Россіи; Вашингтонъ, когда онъ предначерталъ основать ее въ Америкѣ?— Всѣ прибѣгли къ тарифу. Наконецъ, когда Наполеонъ, исторгнувъ Францію изъ всѣхъ бѣдствій революціи, занялся устройствомъ ея благосостоянія, онъ не задумался для этого въ выборѣ средства: онъ довелъ покровительственную систему до ея высшей строгости, и съ тѣхъ поръ началась для государства новая эпоха промышленности, которая въ теченіе пятидесяти лѣтъ приносила такіе обильные плоды. Вотъ счетная книга пользы, принесенной таможенными пошлинами; вотъ ихъ слѣдствія; вотъ подъ авторитетомъ какихъ именъ долженъ смотрѣть на нихъ человѣкъ государственный.

Защитники свободной торговли, нѣсколько сбитые съ толку всѣми этими выгодами покровительственной системы, придумали въ оправданіе своей теоріи возраженіе удивительное. По ихъ мнѣнію, и Англія и Франція и всѣ великія державы, слѣдующія покровительственной системѣ, пріобрѣли свое богатство и могущество не черезъ свою коммерческую политику, а вопреки ей; и что ихъ богатство, ихъ могущество и вообще все ихъ благосостояніе увеличились бы въ огромныхъ размѣрахъ, если бы развитіе ихъ внутреннихъ силъ не было ограждено препятствіями, которыя стѣснили ихъ и дали имъ ложное направленіе. Одинъ почтенный гаврскій негоціантъ рѣшился даже защищать эту странную мысль въ письмѣ своемъ въ редакцію *Revue des Economistes*, и мы признаемся, не можемъ повѣрить, чтобы все это онъ говорилъ не шутя. Пусть по крайней мѣрѣ благоволитъ намъ объяснить, отчего благосостояніе всѣхъ этихъ народовъ началось именно съ того времени, когда они приняли систему тарифа, которая должна была замедлить ихъ ходъ и остановить прогрессъ?

Digitized by Google

Исторія начисто опровергаетъ и эти послѣднія отрицательныя доказательства, приведенныя въ пользу теоріи уже едва дышащей. Во времена древнія, во времена среднихъ вѣковъ и во времена возрожденія никто не думалъ покровительствовать внутренней промышленности таможенными пошлинами, и что жъ было? то, какъ замѣчаетъ г. Гуро, что всемірная торговля сдѣлалась чистой монополіей. Монополія только перемѣняла мѣста: съ береговъ Адріатическаго моря и Арно она перенеслась къ устьямъ Везера и Эльбы; потомъ утвердилась на Шельдѣ; потомъ на берегахъ Гарлема и въ Зюдерзее; но тѣми или другими берегами овладѣла она, была ли въ рукахъ Венеціянъ, Пизанцевъ, Бельгійцевъ, или Голландцевъ,—иго ея во всякомъ случаѣ было равно тягостно для всѣхъ остальныхъ государствъ. Конкуренція сдѣлалась возможной только съ тѣхъ поръ, когда Англія, Франція и другія просвѣщенныя державы установили равновѣсіе въ торговлѣ таможенными пошлинами. До учрежденія таможенъ, на моряхъ развѣвался только одинъ какой-нибудь флагъ; только одинъ народъ, часто даже одинъ только какой-нибудь городъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность цѣлаго міра. Но появились таможни, и монополія исчезла сама собой, каждый народъ вступилъ мало по малу въ свои права, занялъ мѣсто, ему принадлежащее, благоденствіе распространилось и образованность разлилась повсюду.

Есть защитники свободной торговли, которые понимаютъ, что нельзя же отрицать всѣхъ этихъ видимыхъ доказательствъ, и они основываютъ свою систему уже совсѣмъ на другихъ началахъ. Они признаютъ, что таможни дѣйствительно могли въ прежнія времена способствовать успѣхамъ народнаго благосостоянія и образованности, но утверждаютъ, что время это прошло, что таможни, приносившія когда-то много пользы, теперь дѣлаютъ только вредъ, и послѣ преобразованія, совершившагося въ Англіи, не могутъ уже существовать. Эта уступка защитниковъ свободной торговли имѣетъ большую относительную важность: если они уже сознаются, что таможенное ограниченіе могло когда-нибудь способствовать народному богатству, то уже этимъ самымъ сознаніемъ лишаютъ себя права возражать во имя политической

Digitized by Google

экономіи противъ покровительственной системы. Очень ясно, что теорія свободной торговли не есть, какъ увѣряютъ ея послѣдователи, теорія всеобщая, годная повсюду и во всѣ времена, теорія, безъ которой нѣтъ спасенія; напротивъ, она теряетъ свою безусловность и становится истиною относительною, или, точнѣе, системой полезной въ одномъ случаѣ и вредной въ другомъ, но уже рѣшительно гибельной, если ее захотятъ примѣнить ко всѣмъ вообще государствамъ, не принимая въ соображеніе того, ушли ли эти государства впередъ отъ другихъ.

Теперь вопросъ состоитъ только въ томъ, существуютъ ли еще и до сихъ поръ тѣ причины, которыя дали поводъ къ учрежденію таможенныхъ линій, и могутъ ли быть уничтожены эти линіи безъ неудобствъ и неблагопріятныхъ послѣдствій для того или другаго государства? Вопросъ этотъ, подведенный подъ такое значеніе, очень простъ, и для разрѣшенія его стоитъ только бросить взглядъ на торговлю всѣхъ странъ нашего міра. Кто осмѣлится утверждать, что неравенство между народами на пути промышленности уже исчезло, что всѣ они двинулись впередъ рука объ руку, и что таможенныя пошлины, защиты и покровительства, которыхъ нѣкогда искали они, сдѣлались теперь для всѣхъ равно безполезны? Еслибы партія защитниковъ свободной торговли одержала верхъ, мы бы опять увидѣли повтореніе того, что было уже прежде. Конкуренція, поддерживаемая теперь защитой таможенъ, уничтожилась бы немедленно; и монополія, точно такъ же, какъ въ среднихъ вѣкахъ, опять перешла бы въ руки народовъ, которые и по преимуществу своего богатства, и по преимуществу своихъ успѣховъ въ промышленности, и по преимуществу пространства своихъ владѣній могли бы захватить всѣ рынки, и такимъ образомъ свободная торговля повела бы еще разъ къ всесвѣтному коммерческому порабощенію.

Но скажутъ намъ: Англія приняла уже систему свободной торговли, она сдѣлала этотъ переворотъ смѣло и рѣшительно, и дѣла ея идутъ не хуже. Г. Гуро прекрасно объяснилъ всю необходимость, которая заставила нашихъ сосѣдей измѣнить свою коммерческую политику. Англія, прибѣгавшая въ продолженіе пяти вѣковъ къ покровительственной системѣ, постоянно помо-

Digitized by Google

гавшей усовершенствованію ея промышленныхъ произведеній, должна была наконецъ отмѣнить ее по встрѣтившимся затрудненіямъ внутри государства: она пожертвовала своимъ земледѣліемъ въ пользу своихъ мануфактуристовъ, она поставила себя въ то самое положеніе, въ какомъ была древняя Италія во времена паденія своей республики: «*externae opis indiget*», какъ говорилъ Тацитъ, и теперь она должна покупать у иностранцевъ третью часть того количества хлѣба, которое нужно для продовольствія ея жителей. Благоразумно ли поступила она, это докажутъ послѣдствія; но нужно ли доказывать, что, еслибы другіе народы поступили такъ же смѣло, какъ Англія, и изъ одного только подражанія ей приняли повсемѣстно систему свободной торговли, тогда непремѣнно торговая монополія перешла бы въ руки тѣхъ же Англичанъ. Слѣдовательно этотъ примѣръ ничего еще не доказываетъ, и народъ, который ему послѣдуетъ, обречетъ самъ себя лишеніямъ, вступитъ въ подданство новаго рода.

Такимъ образомъ г. Гуро, въ краткомъ очеркѣ, но очень основательно доказалъ, что уроки, данныя намъ исторіей, никогда не могутъ потерять своего авторитета; что система, принятая Кромвелемъ и Кольбертомъ, Петромъ Великимъ и Фридрихомъ II, Вашингтономъ и Наполеономъ, не была системой правителей неискусныхъ и неопытныхъ; и что, наконецъ, система эта, послуживъ основаніемъ богатства и независимости народовъ, и теперь еще не менѣе поддерживаетъ ихъ благосостояніе, ихъ развитіе, ихъ силу.»

Намъ съ своей стороны кажется, что здѣсь сущность спора состоитъ вовсе не въ самыхъ системахъ, а только въ крайностяхъ той и другой, и что слѣдственно въ этомъ отношеніи обѣ стороны правы.

Digitized by Google

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛИБИНЪ,

РУССКІЙ МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА.

(ВОСПОМИНАНІЕ *).

Кто такой былъ Кулибинъ и когда жилъ онъ, вѣроятно, знаютъ не всѣ изъ нашихъ читателей,—и не мудрено: у насъ вѣдь нѣтъ ни *Penny Magasin*, ни *Conversations Lexicon*, ничего подобнаго. А между тѣмъ Кулибинъ очень заслуживаетъ быть извѣстнымъ. Родись онъ въ настоящее время, получи образованіе—и изъ него могъ бы выйдти великій ученый, а теперь ему осталось только служить доказательствомъ, какъ всегда была плодотворна русская почва на людей даровитыхъ. Не получивъ никакаго образованія, не будучи ничему ученъ, кромѣ граматы, онъ, съ помощію однихъ нашихъ счетовъ, успѣшно дѣлалъ самыя сложныя вычисленія для своихъ механическихъ и оптическихъ работъ. Онъ былъ и механикъ, и физикъ, и оптикъ, и музыкантъ, и, если не поэтъ, то хоть стихотворецъ,—и всѣмъ этимъ былъ онъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія!

Давно уже обѣщалъ я редакціи Москвитянина написать статью объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Исполненіе моего обѣщанія

(*) Въ послѣднее время я пріобрѣлъ множество нандрагоцѣннѣйшихъ матеріаловъ о Кулибинѣ, которые въ свое время и выдамъ, а теперь сообщаю нѣкоторые изъ нихъ и извѣстіе, написанное по моей просьбѣ сыномъ друга Кулибина. *М. П.*

Digitized by Google

замедлилось главнѣе всего тѣмъ, что мнѣ хотѣлось собрать какъ можно болѣе для этого матеріаловъ,—хотѣлось составить не легкую журнальную статейку, а по возможности полную біографію. Къ сожалѣнію, старанія мои о полученіи подробнѣйшихъ извѣстій о жизни Кулибина остались тщетными, и я долженъ ограничиться одними воспоминаніями, сохранившимися у меня въ памяти изъ разсказовъ моего покойнаго отца, который въ теченіе почти двадцати лѣтъ былъ ежедневнымъ собесѣдникомъ Кулибина.

Это маленькое предисловіе я почелъ нужнымъ написать для предотвращенія упрековъ въ неполнотѣ моей статьи, или, лучше сказать,—для вызова этихъ упрековъ со стороны тѣхъ, кто знаетъ что-нибудь опущенное мною изъ жизни Кулибина: оттого что всякій, указавъ на мои невольные пропуски, подастъ поводъ редакціи Москвитянина, такъ заботливо собирающей и передающей публикѣ извѣстія о достопамятныхъ русскихъ людяхъ, пополнить мой очеркъ, и тѣмъ совершенно возстановить передъ читателемъ образъ замѣчательнаго соотечественника.

И такъ, не ручаясь за полноту своихъ извѣстій, но твердо ручаясь за ихъ правдивость, приступаю къ разсказу.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ родился не позднѣе 1734 года,—но гдѣ, въ Нижнемъ ли Новѣгородѣ, или въ лежащемъ противу Нижняго за Волгою селѣ Бору,—достовѣрно мнѣ неизвѣстно; также неизвѣстно мнѣ, кто былъ его отецъ, нижегородскій ли мѣщанинъ или вольно-пахатный крестьянинъ. Знаю только, что въ самыхъ первыхъ лѣтахъ своего дѣтства Кулибинъ жилъ съ родителями въ Нижнемъ, гдѣ и былъ отданъ въ мучную лавку для пріобученія къ торговлѣ. Такъ распорядились имъ люди; но не то суждено ему было отъ Бога.

Рано начали развертываться необыкновенныя способности ребенка Первый къ этому случай подало обстоятельство самое простое. — Домъ, гдѣ жилъ тогда съ своими родителями

Digitized by Google

будущій механикъ, лежалъ, помнится, въ Успенскомъ оврагѣ (*); въ саду, бывшемъ при домѣ, протекалъ ручей,—и вотъ этотъ-то ручей послужилъ живой водою дремавшему еще генію! Играя здѣсь въ свободное время, Кулибинъ вздумалъ дѣлать запруды и плотины; отъ этого онъ перешелъ къ мысли поставить на ручьѣ меленку, и послѣ нѣсколькихъ опытовъ ему наконецъ удалось это исполнить. Меленка-игрушка во всемъ походила на настоящую мельницу, какъ ихъ тогда строили; она была о двухъ поставахъ и съ жерновами, которые строитель самъ же сдѣлалъ изъ мягкихъ камней, найденныхъ имъ въ горѣ своего сада. Кулибину въ эту пору было около двѣнадцати лѣтъ; но и въ преклонной старости онъ еще живо изображалъ ту радость, которую чувствовалъ отъ успѣха своей затѣи (**). Но не долго позволила судьба любоваться ему и его родственникамъ дѣйствіемъ хитрой игрушки: настала зима, и въ слѣдъ за нею весенній разливъ ручья снесъ плотину и испортилъ всю постройку.... Кулибина крайне огорчило это, но не усыпило въ немъ пробудившейся дѣятельности,—и онъ пошелъ далѣе.— Въ домѣ у нихъ были стѣнные часы, въ которыхъ всѣ колеса и шестерни были деревянныя. Эти часы отчего-то остановились, и Кулибинъ, исправивъ ихъ, снова пустилъ въ ходъ. Эта удача навела его на мысль самому сдѣлать такіе же часы, и вотъ онъ съ помощію одного ножа приступилъ къ исполненію своего замысла. Легко представить себѣ, сколько труда и времени стоило ребенку вырѣзать ножемъ зубцы на колесахъ и шестерняхъ! Можетъ статься, что, по счастливомъ окончаніи тридцати—сорока зубовъ, тридцать или сорокъ первый ломался, и цѣлое колесо надобно было начинать снова! Впрочемъ, какъ бы то и что бы то ни было, долго ли, коротко ли продолжалась

(*) Такъ называется въ Нижнемъ Новѣгородѣ спускъ, идущій съ Ильинки, между церкви Успенія Богоматери и препод. Сергія, на Нижнюю улицу, гдѣ и оканчивается противъ церкви Космы и Даміана.

(**) Замѣчательно, что геній русскаго механика впервые высказалъ себя почти въ то же время, когда въ одномъ нѣмецкомъ городкѣ другой русскій геній узаконялъ формы русскаго стихосложенія. Читатель, конечно, догадывается, что я говорю о Ломоносовѣ.

Digitized by Google

эта работа, но она была кончена,—а успѣхъ не соотвѣтствовалъ ожиданію: часы не могли идти! Причиною вѣроятно было то, что, при ручной работѣ, Кулибинъ не могъ сохранить надлежащей круглоты колесъ, да и самые зубцы едва ли могли выйдти равномѣрны.

Новый часовой мастеръ былъ чрезвычайно опечаленъ своею неудачею; но въ эту пору кто-то изъ родныхъ подарилъ ему карманные часы, которые сдѣлались для него и утѣшеніемъ и предметомъ изученій. Онъ разбиралъ ихъ, собиралъ, внимательно всматривался въ устройство механизма, и мало по малу такъ хорошо ознакомился съ этимъ дѣломъ, что сталъ брать у знакомыхъ и чинить ихъ испортившіеся часы. Въ Нижнемъ въ тѣ поры другаго часовщика не было, а оттого всякій былъ радъ воспользоваться услугами Кулибина и избавиться отъ хлопотъ посылать часы свои для починки въ Москву. Нельзя полагать, чтобы практика и, слѣдовательно, доходы Кулибина были значительны; но все-таки они дали ему возможность оставить мучную лавку и исключительно посвятить себя любимымъ занятіямъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Кулибинъ работалъ усердно; но по природѣ ума своего не могъ удовлетвориться настоящимъ положеніемъ; страдательный, ремесленническій трудъ, которымъ ограничивалась всякая поправка испортившейся часовой машины, былъ для него недостаточенъ; ему было нужно дѣятельности высшей, ему хотѣлось изобрѣтать, творить что-нибудь новое, хоть бы на первый разъ въ области того же самаго часоваго мастерства. День и ночь занимали его эти думы; онъ строилъ въ головѣ своей различные планы, и наконецъ остановился на одномъ изъ нихъ.

Онъ придумалъ устроить часы и придать имъ не обыкновенную форму, а форму яйца. Механизмъ этихъ часовъ былъ чрезвычайно многосложенъ: они заводились на недѣлю, были съ боемъ, музыкою, и сверхъ того каждыя сутки, за пять минутъ до полуночи, въ футлярѣ ихъ сами собою отворялись дверцы и внутри его представлялся гробъ Спасителя и стоящая около него стража. Съ первымъ ударомъ двѣнадцати часовъ являлся Ангелъ, стража падала, и Христосъ возставалъ изъ гроба.

Digitized by Google

Послѣ боя, часы играли на колокольчикахъ «Христосъ воскресе» и кантату въ честь Императрицы Екатерины II. Потомъ дверцы затворялись и видѣніе исчезало до новой полуночи (*).

Кулибинъ работалъ надъ этими часами болѣе трехъ лѣтъ. Многое изъ задуманнаго надобно было во время работы измѣнять, передѣлывать,—однимъ словомъ—безпрестанно совершенствовать первоначальный планъ на самомъ приведеніи его въ исполненіе. Можетъ быть, Кулибинъ при ограниченности своихъ денежныхъ средствъ много и много долѣе долженъ бы былъ трудиться надъ своею выдумкою; но Богъ послалъ ему Мецената въ лицѣ зажиточнаго торговца Костромина, который, узнавши о его планѣ и затрудненіяхъ, препятствовавшихъ осуществить его, великодушно предложилъ изобрѣтателю свой домъ и столъ на все время работы и принялъ на себя всѣ нужныя на нее издержки. Такимъ образомъ Кулибинъ, переселясь къ своему благодѣтелю въ Подновье (сельцо, лежащее за подгородною Печерскою слободою) и не имѣя надобности работать для добыванія пропитанія, получилъ возможность всего себя посвятить совершенію замышленнаго дѣла. Онъ трудился съ такимъ рвеніемъ, что часто, какъ впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ, пробуждался ночью, какъ бы мучимый своею постоянною думою, и что въ эти минуты ему нерѣдко приходили новыя мысли объ усовершенствованіи своего произведенія. Думаю, что здѣсь же будетъ кстати упомянуть и о томъ, что во время пребыванія въ Подновьѣ Кулибину разъ приснился необыкновенный и, судя по послѣдствіямъ, пророчественный сонъ. Ему видѣлось, что кто-то нападалъ на него, а *орлы* его защищали отъ этого нападенія. Въ самомъ дѣлѣ онъ позднѣе нашелъ ревностныхъ покровителей и защитниковъ отъ нападковъ зависти въ графахъ *Орловыхъ*.

Диковинные часы, о которыхъ я сей-часъ говорилъ, на поло-

(*) Здѣсь я долженъ напомнить читателю, что, пиша по однимъ воспоминаніямъ, я не могъ со всею точностію описать этихъ часовъ, — въ чемъ заранѣе и прошу извиненія.

Digitized by Google

вину были кончены, и къ особенному счастію ихъ мастера въ то время Нижній посѣтила Императрица Екатерина II. Кулибинъ былъ ей представленъ и поднесъ свое еще не конченное твореніе. Государыня милостиво его разспрашивала о подробностяхъ плана, и въ заключеніе повелѣла, когда часы будутъ готовы, явиться съ ними къ себѣ въ Петербургъ. Радость Кулибина была неописанна. Онъ съ удвоенною ревностію принялся за работу, и чрезъ годъ или полтора, совершивъ ее, отправился въ столицу. Государыня, также какъ и въ первый разъ, милостиво приняла Кулибина и его произведеніе, которое по ея повелѣнію и было помѣщено въ эрмитажѣ, гдѣ долго служило предметомъ общаго любопытства. Въ заключеніе объ этихъ часахъ скажу, что они вышли величиною съ небольшое гусиное яйцо, и что всѣ части ихъ, кромѣ золотаго яйца—футляра, были сдѣланы самимъ изобрѣтателемъ; даже музыку тропаря «Христосъ воскресе» и кантаты онъ, будучи хорошимъ гуслистомъ, самъ положилъ на валикъ и подстроилъ выполнявшіе ее колокольчики. Кантата была также собственное сочиненіе Кулибина, и, сколько я упомню, стихи ея, сравнительно съ современными имъ стихами, нельзя назвать плохими. Жалѣю, что не могу приложить здѣсь эту кантату; она была у меня; но вѣроятно во время многократныхъ моихъ переѣздовъ какъ-нибудь затерялась, — такъ-что теперь я никакъ не могъ отъискать ее въ своихъ бумагахъ.

Не помню, былъ ли отъ Государыни награжденъ чѣмъ-нибудь Кулибинъ за поднесенные имъ часы. Но съ этихъ поръ онъ остался въ Петербургѣ въ званіи придворнаго часоваго мастера и жилъ тамъ до воцаренія Императора Александра I.

Въ Петербургѣ кругъ умственной дѣятельности Кулибина еще болѣе разширился. Кромѣ любимой своей механики, онъ сталъ заниматься еще оптикою, и такъ успѣшно, что былъ въ состояніи устроить телескопъ. Въ какой именно степени приближалъ этотъ телескопъ наблюдаемые въ него предметы, и гдѣ онъ теперь находится, мнѣ неизвѣстно. Потомъ Кулибинъ (кажется, по задачѣ, предложенной англійскимъ королевскимъ обществомъ наукъ) составилъ и посвятилъ Императору Павлу I-му

Digitized by Google

планъ моста черезъ Неву, который бы держался одними концами, образуя собою арку, длиною въ основаніи *сто сорокъ* сажень.

Модель этого моста, въ десять разъ меньшая настоящей постройки, была освидѣтельствована и совершенно одобрена нашею академіею Наукъ.

Нельзя умолчать, что честь этого изобрѣтенія едва не была отнята у Кулибина своекорыстною завистію. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Когда Кулибинъ занимался составленіемъ чертежей и приготовленіемъ модели моста, къ нему пришелъ одинъ изъ его *пріятелей*, какой-то академикъ — и, увидѣвъ чертежи и части модели, спросилъ, что́ это такое. Кулибинъ простодушно и довѣрчиво разсказалъ ему о своемъ предпріятіи. Пріятель не удовлетворился легкимъ очеркомъ, а, какъ бы внушаемый соучастіемъ, принялся разспрашивать о всѣхъ подробностяхъ плана. Кулибинъ, ничего не подозрѣвая, показалъ всѣ чертежи и далъ на нихъ подробнѣйшія изустныя объясненія. Пріятель выслушалъ его внимательно и ушелъ. Проходитъ нѣсколько времени, какъ вдругъ Кулибинъ узнаетъ, что господинъ такой-то,—это былъ соучастливый пріятель-вопросникъ,—представилъ академіи планъ и модель моста, подобнаго Кулибинскому, и просилъ освидѣтельствовать *свое* изобрѣтеніе. Былъ назначенъ день испытанія; явились академики, пришелъ и Кулибинъ. Смотрятъ, разсматриваютъ — мостъ хоть куда! Осталось сдѣлать послѣдній опытъ, предложенный въ условіяхъ задачи, то-есть, наложить на середину арки моста 5,000 пудовъ тяжести, и если онъ нисколько не уступитъ давленію, одобрить его и подписать протоколъ испытанія. Стали накладывать желѣзо наложили; мостъ стоитъ неколебимо. Творецъ его въ восторгѣ; экзаменаторы осыпаютъ изобрѣтателя поздравленіями съ успѣхомъ.... Между тѣмъ Кулибинъ, коротко знакомый со всѣми подробностями своего пародированнаго здѣсь созданія, зоркимъ взглядомъ прослѣдилъ всю модель и открылъ въ ней гдѣ-то незамѣтно устроенную подпору, которая не могла имѣть мѣста при постройкѣ настоящаго моста. Послѣ этого, когда одинъ изъ

Digitized by Google

испытателей спросилъ Кулибина: «Каковъ мостъ-отъ?»—«Хорошъ,» отвѣчалъ Кулибинъ; «но совершенно одобрить его можно только въ такомъ случаѣ, когда онъ — если отнять вотъ эту подпорку — не погнется и не упадетъ». Въ слѣдъ за этимъ, разумѣется, Кулибинъ объяснилъ, что сказанная подпорка несовмѣстна съ условіями задачи. Ее отняли—и мостъ въ ту жъ минуту рухнулъ. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Вскорѣ представилъ Кулибинъ и свою модель, которая послѣ самаго тщательнаго осмотра была, какъ сказано выше, одобрена академіею. Чертежи и подробное къ нимъ описаніе были напечатаны въ Петербургѣ. Тогда же была издана большая гравюра, представлявшая весь мостъ, какъ онъ долженъ бы стоять черезъ Неву (*).

Въ царствованіе Императора Павла I, Кулибину удалось однажды вовсе случайно выказать свой талантъ и необычайную быстроту соображенія въ дѣлѣ механики. Къ этому служилъ поводомъ спускъ на воду трехъ отстроенныхъ тогда военныхъ кораблей: *Святой Анны*, *Архангела Гавріила* и *Новой Благодати*. О сколькихъ пушкахъ были первые — я не помню, а послѣдній, кажется, ста-десати-пушечный. Всѣ приготовленія къ спуску были сдѣланы; уже ожидали Государя. Кулибинъ, изъ любопытства пришедшій въ числѣ другихъ зрителей посмотрѣть на спускъ кораблей, разумѣется, не могъ оставаться простымъ страдательнымъ зѣвакой. Вникая во все, онъ замѣтилъ какой-то недостатокъ въ механическихъ приготовленіяхъ, и скромно указалъ на него кому слѣдуетъ. На это замѣчаніе укащику, какъ водится, отвѣчали, чтобы онъ не въ свое дѣло не мѣшался. Кулибинъ замолчалъ и вмѣстѣ съ другими сталъ ожидать, чѣмъ все кончится. Между тѣмъ прибылъ Государь; подали знакъ приступить къ дѣлу. Первые два корабля сошли успѣшно; но послѣдній, гораздо большій ихъ, остановился на полу-

(*) Эта самая гравюра, вмѣстѣ съ телескопомъ и часами въ яйцѣ, изображена на портретѣ Кулибина, внесенномъ мною въ отечественное древле-хранилище М. П. Погодина.

Digitized by Google

пути, какъ предсказалъ Кулибинъ, и не трогался болѣе съ мѣста. Разгнѣванный Императоръ уѣхалъ. Скромный русскій механикъ, отправился къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ, гдѣ и нашелъ его гонецъ съ настоятельною просьбою отъ тѣхъ же самыхъ людей, которые за часъ тому назадъ такъ спѣсиво пренебрегли его совѣтомъ, — не льзя ли чѣмъ, какъ можно скорѣе, пособить горю, и тѣмъ утишить гнѣвъ Государя. Незлопамятный Кулибинъ снова пришелъ въ гавань и указалъ на тѣ поправки, которыя нужно было сдѣлать. Работа подъ его распоряженіемъ закипѣла, — и корабль часа черезъ два благополучно спустился на воду (*).

Сверхъ описанныхъ мною изобрѣтеній, Кулибинъ сдѣлалъ электрическую машину, зеркальный фонарь, который съ помощію одной свѣчки давалъ такъ много свѣта, что въ самую темную ночь, въ десяти шагахъ отъ этого фонаря, можно было читать мелкую скоропись, — и наконецъ устроилъ коляску-самокатъ. Послѣднія сорокъ лѣтъ своей жизни онъ исключительно посвятилъ на разрѣшеніе задачи о *perpetuum mobile*, и ничто, никакія неудачи, не могли отвратить его отъ задуманнаго плана. Онъ даже не любилъ слушать, когда кто-нибудь совѣтовалъ ему оставить его. По этому поводу и отецъ мой, всегда впрочемъ пользовавшійся его пріязнію и искреннимъ расположеніемъ, не рѣдко навлекалъ на себя его неудовольствіе. Кулибинъ такъ былъ увѣренъ въ возможности осуществить свой планъ, что не задолго до смерти съ упрекомъ сказалъ моему отцу: «жаль, что моя машина останется не конченною; а если бы ты помогъ мнѣ, — такъ мы бы съ тобой оба прославились!»

Переходя отъ умственной жизни Кулибина къ общественной, упомяну, что онъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины, пользовался особеннымъ покровительствомъ графовъ Орловыхъ и всемогущественнаго тогда князя Потемкина. Его всегда благосклонно принимали въ домахъ этихъ вельможъ. Однажды который-то изъ Орловыхъ, во время ласковой бесѣды съ Кулиби-

(*) Этотъ корабль также изображенъ на портретѣ, подъ аркою моста

Digitized by Google

нымъ, совѣтовалъ ему обрить бороду, обѣщая, что это много подвинетъ его впередъ по лѣстницѣ гражданскихъ почестей. Кулибинъ почтительно отказался, и впослѣдствіи, бывши у Потемкина, разсказалъ ему о предложеніи Орлова. Свѣтлѣйшій сказалъ на это, улыбаясь: «полно, братъ! у насъ и такъ довольно нѣмцевъ: оставайся хоть ты одинъ русскимъ. А коли тебѣ хочется отличій, такъ мы отличимъ тебя; я буду ходатайствовать у Государыни».—И дѣйствительно Кулибинъ по ходатайству князя получилъ для ношенія на шеѣ большую (въ 34 золотника) золотую медаль на лентѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго. На лицевой сторонѣ медали было изображеніе Государыни-Императрицы, а на оборотной (помнится) Минерва съ лавровою вѣтвію въ рукѣ. Здѣсь же была надпись: «достойному». Надобно замѣтить, что въ то время подобное отличіе было величайшею рѣдкостію: кромѣ Кулибина въ цѣлой Россіи еще только *одинъ* Злобинъ, извѣстный тогдашній откупщикъ и поставщикъ разныхъ предметовъ въ казну, имѣлъ золотую медаль на Андреевской лентѣ. Безсмертный Суворовъ также зналъ Кулибина. Разъ гдѣ-то—во дворцѣ или у Потемкина—хорошенько не помню,—Суворовъ, встрѣтивши его, сказалъ: «Ты, Иванъ Петровичъ, скоро сдѣлаешь намъ коверъ-самолетъ!»—«Вашему сіятельству», отвѣчалъ Кулибинъ, «такой коверъ не нуженъ: вы и безъ него всегда летаете къ побѣдамъ».—Суворовъ ласково потрепалъ Кулибина по плечу, примолвя: «Помилуй Богъ—молодецъ!»

Передавая эти анекдоты о *бородѣ* и *коврѣ-самолетѣ*, замѣчу, что передаю ихъ слово въ слово, какъ они съ самаго моего дѣтства сохранились у меня въ памяти изъ разсказовъ моего отца, который неоднократно слышалъ ихъ отъ Кулибина.

Въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра I, Кулибинъ оставилъ службу при дворѣ, и, будучи награжденъ отъ Государя пенсіею въ три тысячи рублей ассигнаціями, отправился на житье въ свой родимый Нижній Новгородъ.

Земляки его, наслышавшись о его чудесныхъ изобрѣтеніяхъ, о его самосвѣтномъ фонарѣ, о его колескѣ-самокаткѣ и пр., въ простотѣ,

Digitized by Google

если не сердецъ, то головъ своихъ, приняли его ни болѣе, ни менѣе, какъ за колдуна.... Конечно, были изъ этого немногія исключенія: но мнѣніе большинства именно стояло на этомъ убѣжденіи. Какъ сильно и постоянно было это убѣжденіе, можно видѣть изъ слѣдующаго. Кулибинъ, по пріѣздѣ въ Нижній, жилъ гдѣ-то на квартирѣ; потомъ купилъ мѣсто близъ церкви Успенія Божіей Матери, откуда великолѣпный видъ на Волгу и заволжскія окрестности Нижняго, и сталъ строить здѣсь домъ.—Постройка, по стѣсненности денежныхъ обстоятельствъ хозяина, шла медленно; домъ, конченный лишь вчернѣ, довольно долго стоялъ пустымъ. Это послужило канвою къ самымъ затѣйливымъ и нелѣпымъ росказнямъ. Нашлись люди, которые утверждали, что сами лично, проходя по ночамъ мимо нежилаго дома, слышали, какъ въ немъ раздавались разные нечеловѣческіе голоса, топотъ, шумъ, гамъ.... Домъ этотъ, не успѣвъ достроиться, сгорѣлъ отъ случившагося близъ него пожара: и тутъ нашлись другіе люди, которые твердо стояли на томъ, что они собственными глазами видѣли, какими дивными, разноцвѣтными огнями горѣлъ чародѣйственный домъ....

Послѣ пожара, отъ котораго сгорѣла и квартира Кулибина, онъ жилъ нѣсколько времени у моего отца; потомъ, не имѣя возможности возобновить постройку, купилъ себѣ самый скромный и уже ветхій домикъ на Ильинкѣ, близъ Вознесенскаго оврага, и въ этомъ домикѣ тихо провелъ остатокъ своей жизни, постоянно трудясь надъ своимъ любимымъ perpetuum mobile.

Въ теченіе своей почти вѣковой жизни, Кулибинъ былъ женатъ три раза (*), и отъ каждаго брака имѣлъ дѣтей—сыновей: Симеона, Димитрія, Александра и Петра Ивановичей, и дочерей: Пелагею, Елисавету, Марью, Александру, Елисавету, Евдокію и Капитолину Ивановнъ. Старшій сынъ, Симеонъ

(*) Не знаю ни происхожденія, ни даже имени первыхъ двухъ супругъ Кулибина; и о послѣдней могу сказать только то, что ее звали Марьею Ивановною, и что она скончалась въ 1823 году.

Digitized by Google

Ивановичъ, служилъ въ Петербургѣ и умеръ не слишкомъ давно, будучи въ чинѣ статскаго совѣтника; Димитрій Ивановичъ, посвятившій себя искусству, былъ граверомъ и умеръ въ молодости еще при жизни отца; Александръ и Петръ Ивановичи воспитывались въ корпусѣ горныхъ инженеровъ, и поступили на службу въ Сибири. Елисавета Ивановна (старшая изъ двухъ сестеръ одного имени) была въ замужствѣ за статскимъ совѣтникомъ Андреемъ Ивановичемъ Поповымъ; Марья Ивановна—за учителемъ Нижегородской гимназіи (кажется по классу Математики) Александромъ Васильевичемъ Соколовскимъ; Пелагея и Александра Ивановны, много лѣтъ спустя послѣ смерти отца, умерли въ дѣвицахъ; дочери же отъ послѣдняго брака—Елисавета и Евдокія Ивановны, оставшіяся послѣ отца въ малолѣтствѣ, впослѣдствіи вышли за мужъ, но за кого именно—не знаю. Послѣдняя, Капитолина Ивановна, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и по окончаніи воспитанія была взята старшею своею сестрою Елисаветою Ивановною Поповою. Дальнѣйшая судьба ея, равно какъ братьевъ ея и сестеръ, мнѣ не извѣстна.—Вотъ и все, что удержалось въ моемъ воспоминаніи о произведеніяхъ, жизни и семействѣ Кулибина. Теперь скажу нѣсколько словъ о его особѣ, и сначала въ физическомъ отношеніи.

Кулибинъ былъ небольшаго роста и довольно худощавъ; лице его, отѣненное бѣлоснѣжною бородою, и въ преклонной старости было чрезвычайно благолѣпно; голосъ у него былъ тихій, рѣчь кроткая, но внушительная, походка медленная и величавая. Къ его наружности чрезвычайно какъ шла и его одежда: фіолетовое бархатное полукафтанье, черныя бархатныя же шаровары, опущенныя въ сапоги, и сверху нѣчто въ родѣ чуйки или нынѣшняго пальто-сакъ. Зимняя верхняя одежда его была опушена бобромъ: такъ представленъ онъ и на портретѣ, писанномъ, по заказу моего отца, живописцемъ Веденецкимъ.

Въ отношеніи нравственномъ—онъ былъ чрезвычайно набожен, человѣколюбивъ и смиренъ сердцемъ; а оттого, не

Digitized by Google

смотря на твердость и стойкость характера, въ высшей степени обходителенъ и любезенъ со всѣми безъ различія званія и возраста. Жизнь онъ всегда велъ самую трезвую и умѣренную. Дѣятельность его превосходитъ всякое описаніе: онъ едва давалъ себѣ отдыха на нѣсколько часовъ въ сутки. По религіознымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ принадлежалъ къ старообрядчеству, и хотя ходилъ къ службамъ въ наши церкви, но исповѣдывался и пріобщался въ церкви единовѣрческой.

Смерть Кулибина послѣдовала скорѣе отъ старости, чѣмъ отъ болѣзни. Въ началѣ 1818 года силы его начали слабѣть и угасать постепенно. Послѣ праздника Пасхи онъ слегъ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ скончался на *восемьдесятъ пятомъ* году своей жизни, завѣщавши погребсти себя какъ можно проще и положить съ собою въ гробъ рукописный его молитвенникъ.

Похоронами распоряжался мой отецъ, и по его предложенію тогдашній директоръ нижегородской губернской гимназіи Петръ Васильевичъ Алферьевъ охотно согласился почтить память усопшаго, и со всѣмъ ученымъ штатомъ гимназіи сопровождалъ тѣло его отъ дому до церкви и оттуда на кладбище. Одинъ изъ учителей несъ передъ гробомъ медаль покойника. Отпѣваніе тѣла совершено въ единовѣрческой церкви Св. Духа и предано землѣ на Петропавловскомъ или Всѣсвятскомъ кладбищѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ западу отъ паперти.

Недавно скончавшійся въ Петербургѣ нижегородскій архіепископъ Іаковъ поставилъ (какъ я слышалъ отъ одного нижегородца) на могилѣ Кулибина скромный памятникъ. И такъ теперь любопытный странникъ легко можетъ отыскать могилу и поклониться праху одного изъ достопамятныхъ русскихъ людей.

Въ заключеніе долгомъ почитаю сказать, что о жизни Кулибина, вскорѣ послѣ его смерти, вышло сочиненіе П. П. Свиньина. Это сочиненіе было написано тоже отчасти съ разсказовъ моего отца, съ которымъ г. Свиньинъ, проѣзжая черезъ Нижній, нарочно для этого познакомился. Въ дѣтствѣ я читалъ

Digitized by Google

эту книгу, и помню, что отецъ мой не вполнѣ былъ ею доволенъ по причинѣ нѣкоторыхъ *авторскихъ украшеній*. Нынче я искалъ въ Москвѣ этой книги (когда и куда дѣвался нашъ экземпляръ—не знаю), но напрасно: какъ видится, она сдѣлалась библіографическою рѣдкостію,—а поэтому я и имѣю нѣкоторое право думать, что статья моя, и послѣ книги г. Свиньина, не будетъ сочтена излишнею.

П. ПАТЕРИКОВЪ.

РЕЭСТРЪ ЧЕРНЕВОЙ

СОБСТВЕННЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ МЕХАНИКА КУЛИБИНА И ДРУГИХЪ ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ИМЪ ПО ЧАСТИ МЕХАНИКИ, ОПТИКИ И ФИЗИКИ ДѢЛЪ, О КОИХЪ СЛѢДУЕТЪ НИЖЕ СЕГО.

1) Будучи въ Нижнемъ Новегородѣ, изобрѣтены и сдѣланы мною часы, имѣющія фигуру ейца, съ дѣйствіемъ въ прообразованіи Воскресенія Христова; Григоріанскій телескопъ, микроскопъ и электрическая машина, съ коими имѣлъ я неоднократное счастіе быть всеподданнѣйше представленъ блаженныя и вѣчной славы достойной памяти Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о чемъ публиковано было при Санкт-Петербургскихъ вѣдомостяхъ особливымъ прибавленіемъ 1769 года, подъ номеромъ 34; которыя вещи хранятся въ Императорской кунсткамерѣ.

Съ начала 1770 года, по вступленіи моемъ въ службу при Академіи Наукъ:

2) По высочайшему Ея Императорскаго Величества повеленію изобретена и здѣлана изъ одной дуги модель Невскаго моста, опробованная и одобренная Академіею Наукъ, о чемъ публиковано въ вѣдомостяхъ 1777 года, подъ N 12-мъ.

Digitized by Google

3) Во время бывшаго при Академіи Наукъ публичнаго собранія и пятидесятилѣтняго отъ заведенія Академіи празднества, надъ картиною и люминаціею изобретено и представлено было въ воздухѣ солнце дѣйствіемъ огня чрезъ стекло съ движимою фигурою, представляющею на облакахъ Аполлона.

4) Изобрелъ и здѣлалъ изъ частицъ зеркальныхъ стеколъ вогнутое зеркало, употребляемое въ фонарѣ, съ коимъ представленъ былъ Ея Императорскому Величеству въ Эрмитажѣ, о чемъ публиковано было въ вѣдомостяхъ 1779 года, подъ № 15.

5) Изобретены для водоходства машинные суда, которыхъ опытъ по Высочайшему Ея Величества повеленію въ прошломъ 1782 году, здѣсь на Невѣ рекѣ покойнымъ Генералъ-Прокуроромъ Княземъ Вяземскимъ и всею Адмиралтейскою Коллегіею опробованъ и одобренъ.

6) По Высочайшему Ея Величества повеленію, изобретены и здѣланы приборы отпирать, отворять, запирать, затворять съ полу верхнія въ Царскосельскомъ дворцѣ въ окнахъ летнія переплеты.

7) Здѣлана и представлена Ея Величеству для Ихъ Императорскихъ Высочествъ машина, представляющая гору со стеклянными каскадами воображаемой воды.

8) Вторая машина, представляющая на столѣ ветреную мелницу, которая представлена Ея Величеству для увеселенія Ихъ же Высочествъ.

9) Сыскано средство осветить темноту днемъ чрезъ постановленныя зеркала въ исподнемъ темномъ калидорѣ Царскосельскаго дворца.

10) Здѣланъ отменной величины эллектрофоръ и представленъ былъ Ея Величеству въ Царскосельскомъ дворцѣ, а нынѣ имѣется въ физическомъ кабинетѣ при Академіи Наукъ.

11) Починкою исправилъ машину, называемую система свѣта или планеттаріумъ, по днебеснымъ стекляннымъ глобусомъ, находящійся въ Императорской кунсткамерѣ, къ чему другіе неприступили.

Digitized by Google

12) Между тѣмъ здѣлано и исправлено мною при Академіи Наукъ и присылаемыхъ изъ Императорскихъ дворцовъ разныхъ оптическихъ инструментовъ, какъ-то Григоріанскихъ и ахроматическихъ телескоповъ, каковыхъ находящіяся при Академіи мастера не исправляли, астрономическихъ часовъ и другихъ званій физическихъ и прочихъ машинъ, не малое количество.

Сверхъ означенныхъ сысканы много же слѣдующія полезныя изобрѣтенія, кои имѣются у меня на чертежахъ и опытахъ.

13) Желѣзной изъ трехъ сводовъ, служащій для Невы и Москвы рѣкъ, мостъ, подъ которыми дугами ширины будетъ на Невѣ 42 сажени, утвердятся на двухъ окладенныхъ изъ дикихъ камней, постановленныхъ въ рѣкѣ, и на двухъ въ берегахъ, фундаментахъ, по которому мосту проѣздъ съ берегу на берегъ будетъ горизонтальной, чему имѣются чертежи и описаніе.

14) Телескопъ съ металическимъ зеркаломъ, которое точить и полировать по параболической линіи, сокращенной длины противъ обыкновенныхъ сферическихъ телескоповъ, чему есть чертежи и начатыя машины.

15) Зажигательное зеркало изъ частей діаметромъ въ 3 сажени; что имѣется на чертежахъ.

16) Металической термометръ для показанія теплоты и стужи во атмосферѣ чрезъ приводъ въ комнатѣ въ цыферъ-платѣ подобной часамъ, дѣйствующей съ раздѣленіемъ каждаго градуса на 60 частей стрелами; коему здѣланъ опытъ и чертежи.

17) Чертежи разныхъ мельницъ, коихъ дѣйствіе имѣетъ быть безъ плотинъ на большихъ быстрыхъ судоходныхъ рекахъ, какъ здѣсь на Невѣ и ей подобныхъ, на водѣ и подъ водою.

Въ 1786 году объявлено мнѣ было блаженныя памяти Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны повеленіе, чтобъ старался я болѣе въ новыхъ полезныхъ изобрѣтеніяхъ, при чемъ объщено было положить на опыты оныхъ каждогодную денежную сум-

Digitized by Google

му; въ чемъ усердствуя выполнять Высоко-Монаршую Ея Величества волю и ревнуя пріобретать пользу государству, но по неполученію на то обещанной суммы, изобреталъ и производилъ оныя опыты съ вольнонаемными мастеровыми людьми не малою частію на кредитъ разныхъ одолжителей слѣдующими трудами:

1.

18) Артилеріи Порутчику Непейцыну вмѣсто оторванной на Очаковскомъ штурме пушечнымъ ядромъ ноги выше колена здѣлана нога въ видѣ натуральной, изъ тонкаго металла, обложена пробочною коркою и кожею, на коей лишенный природныя ходитъ, садится и встаетъ, не касаясь до нее руками, ибо оная сама въ колене и плюсне сгибается и разгибается съ природною согласно.

2.

19) Вышеречённыя машинныя суда противъ перваго опробованнаго здѣсь опыта доведены до наивозможнейшей исправности, такъ что, ежели такія суда произведутся на рекѣ Волгѣ вмѣсто обыкновенныхъ судовъ, то могутъ оные приносить казнѣ прибыли отъ одного собственнаго ея грузу, по уменшенію работныхъ людей, по примѣрной смѣтѣ около полумилліона рублей каждое лѣто, оставшійся же народъ болѣе 30000 человѣкъ обратится можетъ на хлѣбопашество и другія для пользы государства работы, сверхъ того составятъ и во обществѣ частнымъ людямъ, по препорціи ихъ грузовъ, пользу; каковымъ судамъ имѣются чертежи и къ произведенію ихъ въ дѣйство по моему предположенію планъ, для казны весма выгодный, и описаніе.

3.

20) Изобретены и здѣланы на стеклянномъ заводе новыя машины, помощію коихъ перевозятъ со стеклянною матеріею отмѣнной величины горшки, оныя поднимаютъ на воротъ и изъ нихъ выливаютъ для зеркалъ стекла длиною въ $6^1/_2$, а шириною въ $3^1/_2$ аршина, легчайшимъ способомъ.

Digitized by Google

4.

21) Фонарь съ новоизобретенными 4 зеркалами, поставленный на столѣ, можетъ освѣтить вокругъ себя горизонтъ безъ-прерывнымъ свѣтомъ, способный для морскихъ маяковъ, одинакія же зеркала въ фонаряхъ и безъ фонарей полезны для художниковъ и мастеровыхъ, для дѣланія чертежей, писмопроизводства и читанія книгъ, для освещенія пути при каретахъ, дворовъ, подъѣздовъ, даже и улицъ; имѣется на чертежахъ и на практикѣ въ меньшемъ видѣ.

5.

22) Увеселительной въ покояхъ безъ пороху и дыму незгараемой фейерверкъ съ движимыми разнообразно колесными и фонтанными машинами, изъ коихъ воображаются зрѣнію сыплющіяся безчисленнаго количества искры и звѣзды, а слуху отъ разрыву какъ будто бы нескольких тысячь ракетъ слышны удары или шлаги съ немалымъ громомъ, со изображенными на щитахъ зданіями и аллегорическими фигурами, съ разноцвѣтными во огне колерами, вышиною и шириною по пространству покоевъ можно здѣлать на нѣсколькихъ саженяхъ; каковаго фейерверка малой опытъ представленъ былъ въ комнатѣ Царскосельскаго дворца, въ Высочайшемъ присутствіи блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Великихъ Князей и Княженъ и знатныхъ Россійскихъ и чужестранныхъ особъ.

6.

23) По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію изобретена и здѣлана моделъ подъемныхъ креселъ, каковая машина должна двигатся по двумъ столпамъ, здѣланнымъ во образѣ винтовъ, помощію стоящаго за креслами человѣка, такъ расположена, что седящей въ нихъ особе не можетъ быть никакого опаснаго воображенія.

7.

24) Часы карманные большой препорціи съ неперемѣняемой въ теплотѣ и стуже отъ разширенія и съжатія металловъ

Digitized by Google

верностію, у коихъ въ цыфръ-платѣ будутъ движится разнообразно 6 стрѣлъ и показывать зодія 12 знаковъ небесныхъ, мѣсяцы, градусы, повсядневныя числа, — изъ коихъ въ 4 года одно только переставлять рукою, — седмичныя дни въ платнетныхъ знакахъ, часы, минуты и единоударныя какъ во астрономическихъ часахъ секунды, теченіе луны въ шаровидной фигурѣ, теченіе солнца, котораго восхожденіе и захожденіе во всѣхъ дняхъ года по здешнему Санкт-Петербургскому или Московскому градусу съ календаремъ будетъ согласно; чему имѣется особое описаніе чертежами и начатыя работою части.

8.

25) Сыскано мною и здесь внутреннѣе расположеніе машины телеграфра, котораго зделана модель и отънесена въ Императорскую кунсткамеру.

9.

26) Стенные часы съ музыкою русскихъ гуслей, находятся въ дѣлѣ.

10.

27) Опыты самодвижимой машины разными образцами, были дѣланы и нынѣ находятся въ дѣлѣ.

11.

28) По Высочайшему Ея Величества повелѣнію починкою исправилъ и возобновилъ двои механическіе часы, одни съ механическимъ павлиномъ и прочими зделанными изъ металловъ движными птицами, и другіе, представляющіе слона, каскады воды и фейерверкъ изъ разноцвѣтныхъ камней и хрусталей въ дѣйствіи.

12.

29) Во аванзалахъ зимняго дворца къ семи верхнимъ окнамъ здѣланы металическія приборы, чрезъ которыя въ зимнихъ и лѣтнихъ переплетахъ фортки отпираются, отворяются, затворяются и запираются съ полу снурками.

Digitized by Google

13.

30) По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію модель Невскаго моста съ Васильевскаго острова сухопутно перевезена и въ саду Таврическаго дворца поставлена и укрѣплена фундаментально.

Во время царствованія Его Величества блаженныя памяти Государя Императора Павла Петровича находился я въ слѣдующихъ упражненіяхъ:

14.

31) Выгравирована медная доска, для тисненія чертежа предъизображаемаго Невскаго моста, и здѣлано тому печатное подробное описаніе съ гравированными же фигурами къ свѣденію сего любопытнаго строенія и удовольствію публики, о чемъ ей въ Санктпетербургскихъ ведомостяхъ обещено было отъ Академіи Наукъ.

15.

32) По примѣру того моста изобретено и зделано расположеніе для каменнаго зданія подъ железною крышкою и потолкомъ шириною внутри пространства отъ 60 сажень и болѣе безъ столповъ, длиною же по соизволенію въ намереніи томъ, что таковое строеніе не благоугодно ли бы было произвести для экзерцицгауза, о чемъ имѣются тушеванные чертежи, печатное описаніе и гравированные фигуры во одномъ экземплярѣ съ помянутымъ мостомъ.

16.

33) По Высочайшему Его Императорскаго Величества повеленію исправлены и постановлены надъ зимнимъ замкомъ астрономическіе боевые часы, кои имѣются въ моемъ содержаніи и смотрѣніи.

17.

34) По Высочайшему Его Величества повеленію выше помянутые съ павлиномъ и съ слономъ двои часы, въ бывшемъ Таврическомъ дворце разобраны, перевезены и паки испра-

Digitized by Google

влены и постановлены въ эрмитажѣ, кои находятся въ моемъ же смотрѣніи и содержаніи.

18.

35) Во время остановившагося при спускѣ 130-пушечнаго корабля Благодати, призыванъ я былъ во адмиралтейство для совѣта во окончательномъ спускѣ, гдѣ по осмотрѣ и помогалъ своимъ расположеніемъ обще съ обыкновенными употребляемыми притомъ со стороны адмиралтейства машинами къ спуску онаго корабля на воду, а какимъ образомъ, о томъ есть чертежи и описаніе.

19.

36) Препоручено мнѣ было осмотрѣть и помогать въ поднятіи на піедесталъ монумента Государя Петра Перваго, при Михайловскомъ замкѣ, гдѣ я нашелъ приготовленныя прежде меня крѣпости къ поднятію и перенесенію той тяжести весма недостаточны, также и въ оборотѣ монумента на весу неудобства, къ чему по предостереженію моему прибавлено множество укрѣпленій, и обороченъ монументъ по совѣту моему на землѣ; а чрезъ то поднятъ и поставленъ на піедесталъ благополучно, чему есть также чертежи.

20.

37) По Высочайшему Его Величества блаженныя памяти Государя Императора Павла Петровича персональному повелѣнію посыланъ я былъ обще съ господиномъ архитекторомъ Гваренгіемъ осмотрѣть примѣчаемую нѣкоторыми во время сильнаго вѣтра наклонность шпиля, имѣющагося на колокольнѣ Петропавловскаго Собора въ крѣпости; усердствуя я выполнять таковую Высочайшую волю, входилъ уже безъ господина архитектора въ фундаментальное основаніе того шпиля нѣсколько разъ и въ день тихія погоды влезалъ выше того мѣста, между желѣзныхъ проволокъ по курантовымъ колоколамъ и молоткамъ за неимѣніемъ тутъ лѣсницъ, по усмотрѣнію моему во основаніи подъкрѣпилъ ослабленныя винты, задѣлалъ разъсохшіеся въ деревѣ между

Digitized by Google

контрофорсами мѣста и на нѣкоторыхъ стышныхъ брусьяхъ привинтилъ вновь железныя полосы.

Поданъ Его Превосходительству Николаю Николаевичу Новосильцову, августа » дня, 1801 года.

РЕЭСТРЪ,

сколько было именныхъ и изоустныхъ Императорскихъ указовъ о разныхъ милостяхъ къ механику Кулибину.

Указы именныя:

1) О выключеніи изъ подушнаго окладу съ дѣтьми, подписанный Великою Екатериною, 16 генваря, 1775 года.
2) О положеніи по 1200 р. въ годъ жалованья и казенной квартиры, подписанный Великою Екатериною, марта 30 дня, 1792 года.
3) О положеніи по 1200 р. за содержаніе троихъ часовъ въ зимнемъ дворцѣ и о выдачѣ 4800 р. за прошлыя годы, подписанъ Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ, генваря 5 дня, 1801 года.
4) О произведеніи по смерть пенсіона по 3000 р. въ годъ, о выдачѣ 6000 р. на опытъ машиннаго судна заимообразно, и о пожалованіи на расплату долговъ въ награжденіе 6000 р., подписанъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, августа 24 дня, 1801 года.
5) О ношеніи на голубой лентѣ на шее золотой медали, учрежденной Великою Екатериною для штабскихъ чиновъ старшинъ казачьихъ, подписанный Свѣтлѣйшимъ Княземъ Потемкинымъ, мая 5 дня, 1778 года.

Указы изоустныя

Государыни Великой Екатерины.

1) О выдачѣ 1000 р. въ награжденіе за часы, въ яишной фигурѣ сдѣланныя, объявленный Графомъ Орловымъ 1769 года.

Digitized by Google

2) О выдачѣ 1000 р. на машину къ дѣланію телескопа, объявленный Графомъ Орловымъ Академіи Наукъ директору Домашневу, генваря 5 дня, 1774 года.

3) О выдачѣ на модель моста 1000 р., объявленный генералъ порутчикомъ Потемкинымъ 1775 года.

4) О выдачѣ на ту же модель 2000 р., объявленный Свѣтлѣйшимъ Княземъ Орловымъ, 16 мая, 1777 года.

5) О выдачѣ 800 р. за изобрѣтенное вогнутое зеркало и другія работы, объявленный Свѣтлѣйшимъ Княземъ Орловымъ, 1779 года.

6) О выдачѣ прогоновъ въ Молдавію, ѣхавшему къ Свѣтлѣйшему Князю Потемкину, объявленный графомъ Безбородко, августа 19 дня, 1791 года.

7) О выдачѣ 5000 р. въ награжденіе за первый опытъ машиннаго судна, объявленный Статсъ-Секретаремъ Турчаниновымъ, ноября 10 дня, 1782 года.

8) О выдачѣ 4000 р. за разныя машины, объявленный Графомъ Безбородко, іюня 3 дня, 1786 года.

9) О выдачѣ за дѣло опытовъ разныхъ 2000 р., объявленный Графомъ Безбородко, іюля 23 дня, 1790 года.

10) О повелѣніи содержать зеркальные фонари, изобретенные Кулибинымъ, при дворцѣ придворному столарю, объявленный Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Козодавлевымъ, по писму его.

11) О выдачѣ 2000 р. въ награжденіе за опытъ оптическаго фейерверка, объявленный Статсъ-Секретаремъ Турчаниновымъ, 22 числа іюля, 1791 года.

12) О выдачѣ 1200 р. на переправленіе часовъ съ павлиномъ, объявленный Статсъ-Секретаремъ Поповымъ апрѣля 3 дня, 1792 года.

13) О выдачѣ за Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина 4729 р. 95 к. по счету послѣ его кончины 1792 года.

14) О постановленіи модели моста въ саду Таврическаго дворца, объявленный Статсъ-Секретаремъ Турчаниновымъ, по письму его 22 числа маія, 1793 года.

Digitized by Google

15) О припечатаніи на естампѣ моста Высочайшаго имени Государя Императора Павла I, объявленный по повеленію Его Величества чрезъ письмо Свѣтлѣйшаго Князя Лопухина, марта 9 дня, 1799 года.

16) Между тѣмъ по повелѣнію Великія Екатерины, велѣно было имѣть въ готовности нѣсколько зеркальныхъ фонарей, что объявлено было писмомъ отъ Статсъ-Секретаря Турчанинова, 13 сентября 1783 года.

17) По Высочайшему повелѣнію Государя Императора Александра Павловича о выдачѣ 6080 р. 25 к. за здѣланіе пробнаго машиннаго судна и за другіе принадлежащіе къ тому по счету издержки, объявленный кабинету письмомъ Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова 22 генваря, 1807 года.

А всѣхъ вообще 22 указа о немъ Кулибинѣ было о разныхъ милостяхъ съ 1769 по 1807 годъ, въ продолженіи 38 лѣтъ времени.

О успѣхахъ же его службы было напечатано и публиковано въ Россійскихъ и иностранныхъ газетахъ во всей Европѣ въ разныхъ годахъ три раза, о чемъ значитъ въ вышеписанномъ реэстрѣ его изобрѣтеній подробно.

Имѣетъ онъ честь быть членомъ въ вольномъ Экономическомъ Обществѣ, подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ состоящимъ, на что имѣетъ и дипломъ отъ онаго общества.

Сколько случаевъ имѣлъ счастіе механикъ Кулибинъ быть представляемъ персонально и говорить съ Монархами по дѣламъ разныхъ его изобрѣтеній.

Великой Екатеринѣ:

1) Въ Нижнемъ Новѣгородѣ съ неотдѣланными часами, имѣющими фигуру яйца.

2) Въ Санкт-Петербургѣ съ отдѣланными оными часами во дворцѣ зимнемъ.

Digitized by Google

3) Съ Елликтрофоромъ въ Царскомъ селѣ во дворцѣ.

4) Съ первымъ зеркальнымъ фонаремъ въ эрмитажѣ.

5) Съ малымъ фонаремъ, въ зимнемъ дворцѣ.

6) Съ зеркальными же фонарями въ Царскоселъскомъ дворцѣ, для онаго дворца.

7) По персональному же повелѣнію дѣлалъ приборы къ окнамъ въ Царскомъ Селѣ.

8) Показывалъ движимую картину огнедышущей горы во дворцѣ зимнемъ.

9) Благодарилъ за пожалованіе на голубой лентѣ золотой медали, въ Царскомъ Селѣ, во дворцѣ.

10) Показывалъ гору со стеклянными каскадами воображаемой воды, въ комнатахъ Князя Потемкина.

11) Показывалъ оптической несгораемый фейерверкъ въ Царскомъ Селѣ на колонадѣ.

12) Благодарилъ за пожалованіе 1200 р. въ годъ жалованья въ Таврическомъ дворцѣ.

13) Показывалъ Швецкому Королю реченный фейерверкъ въ Высочайшемъ Ея Величества присудствіи, въ Таврическомъ дворцѣ.

14) Іюня 27 дня 1795 года поставлялъ и показывалъ телескопъ въ Царскомъ Селѣ во дворцѣ, въ который изволила смотрѣть Ея Величество на лунное тѣло.

15) Іюня 29, въ тотже телескопъ смотрѣть изволила въ томже дворцѣ на лугу.

16) Іюля 2, въ третій смотрѣть изволила на лунное тѣло въ телескопъ.

17) Іюля 4, паки изволила смотрѣть въ телескопъ на луну.

18) Іюля 5, еще изволила смотрѣть въ телескопъ на луну.

19) Іюля 7, 6-й разъ изволила Ея Величество смотрѣть въ телескопъ на лунное тѣло.

20) Благодарилъ въ Царскомъ же Селѣ за пожалованіе золотой табатерки.

Digitized by Google

Государю Императору Павлу Петровичу:

1) Въ зимнемъ дворцѣ въ кабинетѣ Его Величество изволилъ повелѣть исправить Петропавловской колокольни шпицъ.
2) Въ Михайловскомъ замкѣ благодарилъ за пожалованіе по 1200 р. на содержаніе часовъ въ зимнемъ дворцѣ, марта 5 дня, 1801 года.

Государю Императору Александру Павловичу:

1) Марта 15 числа, 1801 году, имѣлъ счастіе всеподданнѣйше поздравить съ возшествіемъ на Императорскій Престолъ, при чемъ Всемилостивѣйше изволилъ дважды поцѣловать во уста, что̀ происходило въ эрмитажѣ.
2) Августа 28 дня, 1801 года, на Каменномъ островѣ во дворцѣ благодарилъ Государя Императора за Всемилостивѣйшее пожалованіе по 3000 р. въ годъ пенсіона и за оплату 6000 р. долговъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

КРАТКІЯ ПОУЧЕНІЯ Протоіерея *Родіона Путятина*. Изданіе 10-е. Москва. Въ типографіи А. Семена. 188 и 3 стран., въ 8 долю.

Нѣтъ нужды говорить о поученіяхъ о. протоіерея Родіона Путятина: ихъ знаютъ всѣ — и образованные и необразованные, и граматные и даже безграматные. Въ нихъ каждое слово къ сердцу, каждое выраженіе проникнуто глубокимъ чувствомъ, и кажется вамъ какъ будто такъ просто, такъ обыкновенно, но оно глубоко западаетъ въ ваше сердце, потому что само оно вышло изъ глубины сердца и согрѣто истинной христіанской любовью. По прочтеніи этихъ поученій на сердцѣ становится такъ легко, какъ будто съ этого только времени разрѣшена для васъ вся великая задача жизни, и вы спрашиваете себя: о чемъ же тосковать, чѣмъ огорчаться истинному христіанину? Онъ живетъ не для себя,—онъ долженъ быть весь въ Богѣ, и нѣтъ страданій для ходящихъ въ Богѣ!—Проповѣднику все даетъ предметъ для поученія. Всякій простой примѣръ, согрѣтый его теплымъ словомъ, у него становится выше самой высокой мірской мудрости. Приведемъ конецъ поученія въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы и въ великую субботу.

«Хотите ли, слушатели, на опытѣ видѣть, что радость и печаль равно Богу пріятны? Выслушайте слѣдующее происшествіе. Два инока, однажды вышедъ изъ своего монастыря, впали въ тяжкій грѣхъ. И святые падаютъ; но они скоро возстаютъ. И сіи иноки скоро одумались; тотчасъ возвратились въ свою обитель, и открыли грѣхъ настоятелю. Настоятель по обыкновенію положилъ имъ приличное наказаніе, именно такое: они нѣсколько времени должны были прожить въ розныхъ кельяхъ, никуда не выходя и питаясь хлѣбомъ и водою. Когда они такъ прожили положенное время, настоятелю монастыря было свыше открыто во снѣ, что согрѣшившимъ инокамъ все прощено. Настоятель на слѣдующій день велѣлъ освободить ихъ изъ заключенія. И вотъ они явились къ нему; но

Digitized by Google

какая чудная разность была между ними! Одинъ изъ нихъ былъ свѣжъ и полонъ лицемъ, какъ будто онъ питался самою вкусною пищею; другой, напротивъ, былъ сухъ и слабъ, какъ будто онъ цѣлый годъ ничего не ѣлъ. Удивляясь такой разности, настоятель спросилъ перваго: что́ ты дѣлалъ въ своемъ заключеніи? Я, отвѣчалъ онъ, день и ночь радовался и благодарилъ Бога, что Онъ не далъ мнѣ погибнуть во грѣхѣ, а сподобилъ раскаяться. А ты что́ дѣлалъ?—спросилъ другаго. А я, отвѣчалъ тотъ, непрестанно все плакалъ о своемъ грѣхѣ и просилъ у Бога прощенія.

«И такъ вотъ какъ: одинъ радовался, другой плакалъ, а оба получили равное отъ Бога прощеніе. Значитъ и радость Богу пріятна, когда человѣкъ радуется тому, чему должно, и печаль Ему пріятна, когда человѣкъ печалится ради Бога и о томъ, о чемъ слѣдуетъ печалиться.

«Такъ, слушатели, и въ нынѣшній день, и во всякое время, если хотите радоваться, — радуйтесь, если хотите плакать,—плачьте: только и нынѣ и всегда радуйтесь о Господѣ, а плачьте о своихъ грѣхахъ.»

Вотъ начало поученія въ день Св. Пасхи, на текстъ:

Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси.

«И такъ не мы одни празднуемъ нынѣшній день: и на небѣ нынѣ праздникъ. Не мы одни славимъ воскресшаго Христа: и Ангелы на небеси поютъ Его воскресеніе. *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси.*

«Что́ же Ангеламъ? І. Христосъ не для нихъ сходилъ на землю, не за нихъ страдалъ, не за нихъ умеръ, не для нихъ и воскресъ: почему же они поютъ Его воскресеніе? —Потому и поютъ, что они Ангелы, существа добрыя. Вотъ злые духи не станутъ нынѣ пѣть; для нихъ всякая духовная радость нестерпима; для нихъ мученіе, когда другіе блаженствуютъ.—Таково ужъ свойство злыхъ. Но не таковы Ангелы на небеси. Они всегда радуются, когда другіе наслаждаются радостями; кто ни получи благодѣяніе отъ Бога, они торжествуютъ, какъ будто сами получили это благодѣяніе. Такимъ образомъ Ангелы на небеси нынѣ радуются потому, что мы веселимся,—торжествуютъ потому, что у насъ нынѣ торжество.»

Послѣ этихъ словъ сравненіе людей съ ангелами и злыми духами вамъ само собой приходитъ уже на мысль и много думъ пробуждаетъ въ васъ.

Отъ всего сердца радуемся успѣху этихъ поученій — перловъ нашей духовной литературы, — радуемся также, что нынѣ появля-

Digitized by Google

ются и другіе проповѣдники съ такимъ же духомъ, — и отъ души желаемъ, чтобъ такіе образцы преимущественно представляемы были для подражанія воспитанникамъ семинарій.

—

катихизическія бесѣды, говоренныя священникомъ *Іоанномъ Яхонтовымъ*. Выпускъ второй. Спб. Въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. 1853. Стран. 94, въ 8-ю долю.

Это новый вкладъ въ сокровищницу нашей духовной литературы. Изложеніе вѣчныхъ истинъ религіи написано языкомъ простымъ, легкимъ, понятнымъ для каждаго, и мѣстами съ глубокимъ богословскимъ взглядомъ. Но главное достоинство книги въ нашихъ глазахъ — ясность изложенія: ибо имъ достигается высокая цѣль — принесть пользу тому классу читателей, для котораго недоступны учебныя заведенія. Подобная книга будетъ ихъ Богословіемъ.

Содержаніе третьяго отдѣла, составляющаго этотъ выпускъ — обѣтованія, прообразы и пророчества Ветхаго Завѣта.

—

полная гигіена волосъ на головѣ и бородѣ, основанная на новѣйшихъ физіологическихъ и медицинскихъ открытіяхъ, показывающая вѣрныя средства для рощенія волосъ, остановленія паденія ихъ и сѣденія, и для воспроизведенія волосъ на черепахъ самыхъ лысыхъ. Возрожденіе чернаго цвѣта сѣдыхъ волосъ, посредствомъ пищи и питья; этотъ способъ исключаетъ всякое наружное крашеніе и равнымъ образомъ чернитъ рыжіе волосы. Сочиненіе доктора *Дебэ*. Перев. съ французскаго *А. С.* Москва. Въ типографіи В. Готье. 1853.

Рекомендуемъ это издѣліе, не смотря на безграматность заглавія, лучшее изъ подобныхъ издѣлій, тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Кромѣ притязаній на ученое сочиненіе, въ немъ разбросано много любопытныхъ свѣдѣній о модѣ на прически и стрижку волосъ у народовъ разныхъ націй и сословій, древнихъ и средневѣковыхъ.

—

движущіяся столы, пустячокъ въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *Н. В. Сушкова*. Москва. 1853.

Кому не извѣстно, что движеніе столовъ, шляпъ, ключей и проч. занимало почти всѣхъ жителей нашей столицы цѣлую весну? Одни

Digitized by Google

вѣрили, другіе не вѣрили этой вновь замѣченной силѣ, и въ каждой партіи, а особенно при столкновеніи вѣрующихъ съ невѣрующими, бывало много смѣшнаго и оригинальнаго. Остроумный водевилистъ нашелъ бы на этомъ полѣ богатые матерьялы для своего легкаго, шутливаго пера. На этомъ-то полѣ Н. В. Сушковъ далъ волю своему драматическому таланту.

Содержаніе пустячка слѣдующее: Антонъ Богдановичъ Пробкинъ, учитель уѣзднаго училища, имѣетъ отъ первой супруги своей законную дочь Настю, а отъ второй, находящейся въ живыхъ,—четырехъ дѣвочекъ: Сашу, Пашу, Машу и Дашу. Настѣ представляются два жениха, почетный гражданинъ Осипъ Ильичъ Коврижка и становой приставъ Сила Львовичъ Ардатовъ. Пробкинъ вѣритъ въ силу электрическихъ токовъ, и дѣлаетъ испытаніе надъ женихами. Сначала ему кажется, что Коврижка долженъ быть его зятемъ, а потомъ уѣздный лекарь Шафгаузъ новымъ опытомъ убѣждаетъ его, что жениться на Настѣ долженъ Ардатовъ.

О характерѣ дѣйствующихъ лицъ мы не можемъ ничего сказать положительнаго потому, что, не смотря на то, что прочли пустячекъ три (!) раза, характеровъ этихъ не угадали. Можетъ быть, впрочемъ, и то, что дѣйствующія лица въ пустячкахъ могутъ обойдтись и безъ характеровъ.

Пустячекъ Н. В. Сушкова по наружной формѣ имѣетъ видъ комедіи съ куплетами. Куплеты въ комедіи и водевилѣ то же, что лучшіе цвѣтки въ цвѣтникахъ. Вотъ образчики куплетовъ пустячка:

Капитолина Ѳ.

Куда какъ, право, стали милы
Мужчины наши на-подъ-рядъ:
На опыты и трудъ и силы
И умъ свой тратятъ не впопадъ.

Чтобы не разставить въ послѣднихъ двухъ строчкахъ знаковъ препинанія не впопадъ, авторъ ихъ вовсе выпустилъ и предоставилъ читателю догадываться о томъ, что и на что тратятъ мужчины. Далѣе:

Бывало женщину честили,
Теперь насъ цѣнятъ, не честятъ;
Бывало головы кружили,
А нынче такъ столы кружатъ!

Первые двѣ строчки рѣшительно непонятны; слова: цѣнятъ и честятъ, употреблены не въ настоящемъ ихъ смыслѣ. Въ двухъ послѣднихъ строчкахъ тоже не поймешь, кто кружилъ головы и кто кружитъ столы. Далѣе:

Digitized by Google

ПРОБКИНЪ.

Бывало, женушка иная
Сидитъ у мужа за ключемъ—(не подъ ключемъ ли?)

ШАФГАУЗЪ.

Зато, посмышленѣй, другая
Вертитъ, что ключъ твой, муженькомъ.

Какъ видимъ, тутъ смыслъ принесенъ въ жертву игрѣ словъ, потому что ключъ можетъ вертѣться, а не вертѣть. И какая послѣдовательность мысли, какъ кстати слова Пробкина и возраженія Шафгауза!

КАПИТОЛИНА Ѳ.

(*очень кстати*).

Да если мужъ, весь день ни съ мѣста,
Корпитъ, какъ сидѣнь, надъ столомъ,
Иль вонъ, какъ дочь твоя, невѣста,
Весь день съ утра вертитъ ключемъ.

ПРОБКИНЪ.

Да на ключѣ она гадаетъ.

ШАФГАУЗЪ.

Гадали жь прежде на бобахъ.
Ключъ этотъ тайны отпираетъ:
Что̀ магнетизма въ женихахъ,
Что́ электричества?

ПРОБКИНЪ.

Да, милый!
Уравновѣсить силы.... токъ—
Установить....

КАПИТОЛИНА.

Что̀ въ васъ за силы?
Вашъ токъ—пустыхъ рѣчей потокъ.

Остальные куплеты не лучше приведеннаго нами: въ нихъ точно также выпущенъ смыслъ или для краткости, или для риѳмы, или для соблюденія мѣры стиха; а иногда и ради остраго слова, какъ напр.

Не возьму на умъ, хоть и Наумъ.

Digitized by Google

Меня не только цѣпью вашей,
Цѣпями вамъ не повернуть.

—

Эти крошки стоять ломтя.

Настя *(рыдая)*.

Коврижки не хочу. (Надо замѣтить, что Коврижка—женихъ).

Много можно бы еще сдѣлать подобныхъ выписокъ, но мы и такъ уже боимся, что заняли слишкомъ долго читателя рецензіей пустячка, котораго нельзя даже назвать забавнымъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ БОТАНИКИ, или уроки, содержащіе въ себѣ анатомію, физіологію и классификацію растеній. Выбраны изъ новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ сочинителей А. *Божановымъ*, съ 200 политипажными рисунками. Москва. 1853 года, въ 2-хъ частяхъ, 514 стр.

«Выбирая изъ новѣйшихъ сочиненій матеріалы для начальныхъ основаній Ботаники, говоритъ авторъ (Предисл. 1 стр.), я старался изложить ихъ самымъ простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, чтобъ читатель, какого бы онъ ни былъ возраста и пола, могъ понимать изложеніе науки безъ сторонней помощи. По этому я сократилъ нѣсколько число терминовъ и изъ выбранныхъ излагалъ самые простые», и проч. и проч. — Далѣе (4 стран. Пред.) авторъ говоритъ, что, предназначая свое сочиненіе для начинающихъ изучать ботанику, онъ старался сообщить имъ только первоначальныя понятія, изложить главныя основанія науки, поселить любовь къ ней, дать вѣрный взглядъ не столько на частности, сколько на общность ея, съ тѣмъ, чтобы желающій учиться могъ идти далѣе, избирая болѣе пространныя и подробныя сочиненія.

Въ настоящее время появленіе подобнаго сочиненія очень важно потому, что Естественную Исторію изучаютъ въ гимназіяхъ, семинаріяхъ, женскихъ институтахъ и пансіонахъ, словомъ — во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ. Всякій учитель знаетъ, сколь трудно указать учащимся хорошее руководство по Ботаникѣ и вмѣстѣ составлять нарочито записки для сего, кои притомъ требуютъ много времени для переписки со стороны учащихся. Мы займемся теперь подробнымъ и самымъ добросовѣстнымъ разборомъ Ботаники г. Божанова, такъ какъ цѣль этой книжки очень важная, и покажемъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ она условіямъ, изложеннымъ въ предисловіи.

Давъ краткое понятіе о природѣ, и показавъ, какое мѣсто занимаетъ Ботаника въ ряду естественныхъ наукъ, г. Божановъ начинаетъ органографію описаніемъ цвѣтка. Во всѣхъ по этой части русскихъ книгахъ, вышедшихъ въ свѣтъ, органографія начинается опи-

Digitized by Google

саніемъ клѣточекъ, сосудовъ клѣтчатой ткани — анатоміею растеній, которая въ книгѣ г. Божанова поставлена послѣ описанія всѣхъ органовъ растеній. — Подобное расположеніе мы находимъ довольно удачнымъ, такъ какъ книга назначается для начинающихъ знакомиться съ Ботаникою. Ежели бы сначала говорено было о растительныхъ тканяхъ, сосудахъ, клѣточкахъ и проч., то у начинающаго при самомъ началѣ терялась бы охота заниматься изученіемъ науки столько важной. Кромѣ того, говоря о клѣточкахъ и сосудахъ, нужно говорить и о тѣхъ органахъ, внутри которыхъ они находятся — о тычинкахъ, прилистникахъ, кожурѣ, околосѣменникѣ и проч. Само собою разумѣется, что начинающій заниматься Ботаникою не пойметъ этихъ названій, потому что объ нихъ прежде не было сказано ни слова. Изучивъ же сначала органы растеній и переходя потомъ къ тканямъ, учащійся не встрѣтитъ подобнаго затрудненія.

Отдѣлъ объ опыленіи растеній, изложенный непосредственно послѣ описанія цвѣтка, очень удаченъ. Видно, что г. Божановъ разгадалъ пріемы обхожденія съ начинающими учиться Ботаникѣ. Здѣсь, кромѣ точнаго изложенія процесса опыленія, приведено нѣсколько интересныхъ разсказовъ объ опыленіи водяныхъ ранункуловъ (ranunculus aquatilis), валлиснеріи (vallisneria spitalis), фисташекъ.

Что же касается обѣщанія автора изложить начальныя основанія Ботаники самымъ простымъ языкомъ, удобопонятнымъ для читателя, какого бы онъ ни былъ возраста и пола, то это обѣщаніе вообще очень мало исполнено. Страсть выражаться изысканно видна въ книгѣ г. Божанова на каждой страницѣ; наприм. на стр. 1-й читаемъ: «Разсматривая цѣпь міросданія, нельзя не удивляться многочисленности и разнообразію предметовъ творческой дѣятельности! Милліоны міровъ, милліоны существъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ являются предъ наблюдательнымъ взоромъ», и прочее. Воля ваша, г. сочинитель, если не потрудитесь объяснить, то, право, сами мы не уразумѣемъ, почему вздумалось вамъ подобный языкъ называть самымъ простымъ и удобопонятнымъ, да еще не только для каждаго пола, но и возраста. Согласитесь, что послѣ такого обѣщанія мы могли надѣяться, что вашу книгу могутъ понимать самыя дѣти и даже удобно: вѣдь по вашимъ словамъ она удобопонятна. Календарь Флоры, списанный слово въ слово изъ сочиненія Мау, вовсе не нуженъ, тѣмъ болѣе, что и г. Божановъ, слѣдуя общему заблужденію, мхи и лишаи призналъ цвѣтущими, и навязалъ на декабрь. Что касается до часовъ Флоры и Линнея, то они, хотя не совсѣмъ нужны, за то интересны.

Digitized by Google

За опыленіемъ цвѣтовъ г. Божановъ говоритъ о плодахъ и потомъ о сѣменахъ. Здѣсь все изложено кратко и ясно; память учащагося не обременяется длинною классификаціею плодовъ: г. Божановъ упомянулъ только о болѣе употребительныхъ и тѣхъ, кои нужно знать начинающему изучать Ботанику. Трактатъ о разсѣваніи сѣмянъ природою приведенъ весьма кстати и изложенъ очень просто. Мы бы имѣли здѣсь удобный случай указать на нѣкоторыя выраженія, которыхъ напыщенность бросается въ глаза, но мы уже сказали однажды о достоинствѣ языка въ цѣломъ сочиненіи.

Прозябеніе сѣмянъ у г. Божанова объяснено подробно и удобопонятно. Кажется только напрасно введена здѣсь (71 и 72 стр. I части) таблица, въ которой показано время, потребное для прозябенія нѣкоторыхъ растеній, тѣмъ болѣе, что прежде сказано было, что сѣмена различныхъ растеній требуютъ и различнаго времени для прозябенія, а равно и сохраняютъ способность прозябенія различно. При объясненіи прозябенія растеній сказано о вліяніи на растительность воздуха, свѣта, теплоты и влаги; гораздо бы лучше вставить эти прекрасныя мысли изъ Шлейдена въ отдѣлъ о питаніи растеній, въ которомъ, какъ увидимъ, не все изложено отчетливо.

Послѣ прозябенія слѣдуетъ ученіе о корнѣ. Понятіе о корнѣ составлено весьма хорошо; не менѣе удачно объяснено отправленіе корней въ растительномъ процессѣ и мѣста ихъ укрѣпленій, но за то отличій и подраздѣленій почти вовсе нѣтъ. Это очень важный промахъ со стороны автора. Правда, что г. Божановъ сокращалъ научные термины съ цѣлію не обременять памяти учащагося введеніемъ многихъ наименованій, но уже онъ чрезъ чуръ сдѣлался краткимъ. Можно было бы по крайней мѣрѣ назвать корни по формѣ, положенію, массѣ; но все это, къ сожалѣнію, опущено. Причины стремленія корней къ центру земли объяснены по Діогамелю-Дютроше и изложены хорошо; но это не мѣшало бы опустить, какъ трудное для уразумѣнія начинающаго изучать Ботанику, особенно ребенка. О стеблѣ сказано прекрасно, особенно хорошо объяснены процессы выростанія деревъ односѣменодольныхъ и двусѣменодольныхъ. Здѣсь указано, какъ дерево, или вообще растеніе, развивается въ первые моменты послѣ прозябенія — какъ выростаетъ въ толщину и длину, и ко всему этому приложены весьма ясные рисунки съ подробнымъ объясненіемъ состава древесной массы: въ соединеніи съ трактатомъ о прозябеніи сѣмянъ, эти два отдѣленія такъ удачны, что едва ли можно встрѣтить подобныя хоть въ одной изъ русскихъ книгъ.

Digitized by Google

Далѣе идутъ трактаты о почкахъ, листьяхъ, прилистникахъ, усикахъ и проч. Вездѣ видно изложеніе ясное и легкое, только не вездѣ соблюдена пропорція во взглядѣ, наприм. о почкахъ сказано очень мало, равно о прилистникахъ и шипахъ, а между тѣмъ о листѣ слишкомъ обширно; введено множество терминовъ. Относительно отправленія листьевъ можно замѣтить, что многія обстоятельства, которыя до сихъ поръ составляютъ предположенія въ наукѣ, у г. Божанова описаны какъ аксіомы. Но за всѣмъ тѣмъ эти трактаты не лишены интереса, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ говоритъ о листьяхъ, свертывающихся передъ дождемъ, передъ ночью, и проч. и проч. Трактатъ о тайноцвѣтныхъ растеніяхъ слишкомъ коротокъ, главное понятіе дано однакожъ обо всемъ. Странно только, почему сочинителю вздумалось назвать тайнобрачныя растенія безцвѣтными растеніями. Ихъ называютъ: или безцвѣтковыя, или тайнобрачныя, или же тайноцвѣтныя.

Въ главѣ о питаніи растеній опять повторено вмѣстѣ то, что было уже сказано по частямъ при каждомъ отдѣлѣ. Этотъ отдѣлъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Ботаникѣ, а между тѣмъ у г. Божанова онъ такъ коротокъ, что даетъ не болѣе, какъ только слабое понятіе о питаніи растеній. Видно, что авторъ прибѣгалъ къ помощи Шлейдена, но не захотѣлъ потрудиться передѣлать на русскій языкъ этого трактата, который бы также украсилъ сочиненіе, какъ и нѣкоторыя изъ предъидущихъ главъ. О растительныхъ тканяхъ сказано полно, отчетливо и вразумительно. Рисунки, приложенные при описаніи, весьма хороши, и нѣтъ сомнѣнія, что много будутъ содѣйствовать какъ къ лучшему удоборазумѣнію текста, такъ и къ удержанію положительной науки въ памяти учащагося. Въ слѣдъ за растительными тканями г. Божановъ поставилъ отдѣлъ объ искусственномъ размноженіи растеній. Здѣсь, сказавъ очень хорошо о разведеніи растеній отводками и черешками, переходитъ къ изложенію способовъ прививки растеній. Здѣсь сказано о разныхъ пріемахъ прививки растеній травянистыхъ, древянистыхъ, смолистыхъ деревьевъ и проч. и проч. Прекрасная статья, полезная, интересная, и написанная просто, но только ей мѣсто не въ Ботаникѣ, а въ садоводствѣ. Правда, что въ Ботаникѣ при изложеніи условій размноженія растеній, при описаніи растительныхъ частей, изъ коихъ могутъ выростать растенія, нужно говорить и объ искусственномъ ихъ размноженіи, но не такъ пространно.

Въ 15 главѣ и послѣдней въ 1-й части, авторъ, опредѣливъ кратко классификацію растеній — семейства, роды, виды и проч., переходитъ къ исторіи Ботаники и выставляетъ нѣсколько именъ извѣ-

Digitized by Google

стныхъ ученыхъ ботаниковъ; потомъ изложилъ ключъ системы Турнефорта, Линнея и методу Жюссье. На каждую изъ этихъ системъ сдѣлалъ (по примѣру и начертанію другихъ) разборъ, похвалилъ и показалъ недостатки, объяснилъ ключъ и тѣмъ заключилъ 1 часть. Странно, почему г. Божановъ не изложилъ ключъ системы Декандаля, къ которой всѣ мы такъ привыкли. Во второй части г. Божановъ обѣщаетъ расположить всѣ растенія по методѣ Жюссье, называя ее общепринятой. Почему же не расположить по системѣ Декандаля, которая, кажется, болѣе въ употребленіи? Впрочемъ дѣло не въ томъ, чтобъ расположить растенія по той или другой системѣ, а въ вѣрности описанія, простотѣ изложенія и указаніи на употребленіе. (Вторую часть разберемъ въ слѣдующій мѣсяцъ).

Съ удовольствіемъ прочитали мы Начальныя основанія Ботаники. (Это самое приличное названіе книги; добавленіе заглавія: или уроки, содержащіе анатомію, физіологію и классификацію растеній,— къ ней какъ-то нейдетъ). Видно, что авторъ понимаетъ дѣло и любитъ свой предметъ, а это отъ того, что онъ изучилъ хорошо привычки начинающихъ изучать Ботанику и вполнѣ умѣлъ угодить имъ. Мы сдѣлали подробный разборъ съ тою цѣлію, что, если эта книжка скоро разойдется, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, то чтобы авторъ при 2 изданіи передѣлалъ и исправилъ кое-что. Тогда онъ окажетъ большую услугу и принесетъ пользу всѣмъ заведеніямъ, въ которыхъ изучаютъ Естественную Исторію, и также родителямъ, готовящимъ дѣтей своихъ въ гимназіи, корпуса и семинаріи. Эта книга и въ ученомъ и въ нравственномъ отношеніи очень хороша; языкъ ея ясенъ и легокъ. Желательно, чтобы и вторая часть имѣла достоинства первой.

—

ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВІЕ, сочин. Архимандрита *Кирилла*, Экстраординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи. С-Петербургъ. 1853 г.; in 8, 341 стр.

Въ послѣдніе полтора года литература наша обогатилась столь многими и столь замѣчательными сочиненіями по части Богословія, исторіи Церкви и церковнаго законовѣденія,—и притомъ всѣ эти замѣчательные труды встрѣтили въ публикѣ такое глубокое и живое сочувствіе, что одинъ этотъ фактъ уже свидѣтельствуетъ достаточно въ пользу умственнаго и нравственнаго развитія нашего русскаго общества. Въ высокой степени назидательные и ученые труды епископа рижскаго Филарета, архимандритовъ Макарія и Іоанна, читались и читаются весьма многими, сколько намъ извѣстно это по

Digitized by Google

самымъ простымъ фактамъ книжной торговли. Къ числу такихъ же вполнѣ основательныхъ и полезныхъ трудовъ, могущихъ послужить для многихъ духовною пищею, принадлежитъ и трудъ архимандрита Кирилла, заглавіе котораго мы выписали вначалѣ, не смотря на свое болѣе спеціальное назначеніе.

Пастырское Богословіе — есть точное изложеніе обязанностей пастыря Церкви. Такимъ опредѣленіемъ уясняется и составъ Пастырскаго Богословія, а именно: «Составляя отдѣльную науку»,—говоритъ достопочтенный авторъ,—«приноровленную къ особенному служенію въ церкви и въ обществѣ, Пастырское Богословіе, прежде чѣмъ приступить собственно къ своему предмету—изложенію нравственныхъ обязанностей пастыря,—должно утвердить и раскрыть мысль о пастырскомъ служеніи, какъ служеніи особенномъ, налагающемъ потому и особенныя обязанности на лица, принимающія его. Должно, говоримъ, *утвердить* эту мысль предварительно: это необходимо для того, чтобы показать значеніе Богословія Пастырскаго, какъ отдѣльной науки, къ особенному служенію приспособленной,—чтобы, съ другой стороны дать системѣ его основную мысль, которая бы обнимала собою весь составъ его.—Должно *раскрыть* эту мысль, показать самыя особенности, какими служеніе священническое отличается отъ всѣхъ другихъ служеній въ церкви и обществѣ: въ такомъ случаѣ, мысль о служеніи пастырскомъ, какъ особенномъ, утвердится еще болѣе, а, сверхъ того, въ подробномъ ученіи объ особенностяхъ этого служенія положены будутъ начала для болѣе точнаго вывода частныхъ наставленій пастырю, какія Пастырское Богословіе обязано предложить, касаясь, по возможности, всѣхъ сторонъ пастырскаго служенія. Это ученіе о служеніи пастырскомъ, какъ особенномъ служеніи, и составитъ у насъ первую часть науки».

Что̀ касается до второй части,—то она, по начертанію достопочтеннаго автора, изображаетъ свойство и обязанности въ отношеніи къ самому себѣ пастыря, какъ лица, поставленнаго на особенное служеніе.—Третья же предлагаетъ пастырю наставленіе, какъ ему проходить обязанности своего особеннаго служенія.

—

Слова и бесѣды на всѣ воскресные и праздничные дни, съ присовокупленіемъ словъ и бесѣдъ на нѣкоторые особенные случаи, сказанныя Синодальнымъ членомъ Григоріемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ.—Годъ второй. С.-Пб. 1853. Т. I.—471 стр. Т. II.—362 стран. in. 8.

Digitized by Google

Едва ли какая-либо другая Церковь, кромѣ Византійской, можетъ представить такое обильное количество проповѣдей пастырей къ паствѣ, какъ наша Россійская церковь,—и едва-ли гдѣ-либо этому обилію соотвѣтствуетъ такъ полнота содержанія, простота и вмѣстѣ величіе слова. Отъ Кирилла Туровскаго до великихъ проповѣдниковъ нашего времени постоянно раздается неумолкаемо-зовущій гласъ нашихъ духовныхъ пастырей.

Вотъ и еще новое сокровище духовное — въ назиданіе православнымъ христіанамъ. — Не смѣя входить въ подробный разборъ Словъ преосвященнѣйшаго Григорія, которыхъ первый годъ былъ принятъ жаждущими спасительнаго слова съ самымъ глубокимъ сочувствіемъ, мы замѣтимъ только, что простота, общедоступность и духъ истинной любви христіанской составляютъ ихъ отличительное достоинство.

—

О ЗАПАРНЫХЪ СИТЦЕВО-НАБИВНЫХЪ КРАСКАХЪ. Соч. *Альбова*. Москва. Въ типографіи А. Евреинова. 1853 г.

Запарное производство есть изобрѣтеніе новѣйшее. Авторъ приписываетъ введеніе его французу Лоффе (Loffet). «Въ нашемъ отечествѣ», говоритъ г. Альбовъ, «ситцево-набивное запарное производство возникло не ранѣе 1830 года. Т. В. Прохоровъ первый выписалъ изъ-за границы колериста, который основательно зналъ это производство. Но вскорѣ потомъ братья Гучковы взяли первенство, какъ по количеству, такъ и по качеству вырабатываемыхъ запарныхъ ситцево-набивныхъ издѣлій, преимущественно муслинделеневыхъ и чисто-шерстяныхъ, первенство, которое и остается за ними. Однакожь нельзя не замѣтить, что В. К. Прохоровъ, молодой ученый химикъ-колористъ, въ послѣднее время съ отличнымъ успѣхомъ и самостоятельно дѣйствуетъ на поприщѣ запарнаго ситцево-набивнаго производства».—Авторъ надѣется, что къ намъ порѣже будутъ жаловать иностранные колористы, безъ которыхъ, по его мнѣнію, теперь легко обойтись.

Книга г. Альбова, написанная чистымъ языкомъ и съ ясностію, необходимою для такого предмета, есть важное пріобрѣтеніе для русской литературы, которая такъ бѣдна техническими сочиненіями. Вѣроятно гг. фабриканты лучше насъ оцѣнятъ этотъ трудъ, который, какъ видно, стоилъ автору прилежнаго изученія и весьма многихъ собственныхъ опытовъ.

—

Digitized by Google

Монографія родильныхъ болѣзней, сочиненіе доктора Теодора Гельма. Съ нѣмецкаго перевелъ докторъ медицины Александръ Никитинъ. *С.-Петербургъ. 1853.* 159 стран. in 8.

Успѣхи, сдѣланные въ патологической анатоміи, дали совершенно иное направленіе изученію болѣзней, которыхъ распознаніе безъ помощи трупоразъятія невозможно. Такъ, родильныя болѣзни, составляющія большой отдѣлъ въ терапіи, и разсматриваемыя при пособіи трупоразъятія, представляются теперь вовсе въ иномъ видѣ. Рокитанскій, Скода и другіе знаменитые врачи своими изслѣдованіями пояснили патологію и терапію родильныхъ болѣзней. Докторъ Гельмъ, принадлежащій также къ числу знаменитыхъ врачей, вполнѣ воспользовался какъ всѣми этими, пріобрѣтенными уже, данными науки, такъ и указаніями собственнаго опыта—и изложилъ ихъ въ своей отчетистой и вмѣстѣ сжатой монографіи. Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ своею опытностію врачей, г. Никитинъ, прекрасно перевелъ по-русски трудъ доктора Гельма, котораго появленіе на русскомъ языкѣ принесетъ, безъ всякаго сомнѣнія, большую пользу.

—

Маленькія повѣсти и сказки для дѣтей, съ 12-ю литографированными картинками.—Переводъ съ франц. Москва. Въ тип. В. Готье. 1853. in 18, 36 стран.

Бѣдныя дѣти!—подумали мы со вздохомъ, просмотрѣвши эту книженку,—бѣдныя дѣти! за что составители разнаго хлама считаютъ васъ такими глупыми, чтобы печатать для васъ такой вздоръ, и какъ еще до сихъ поръ находятся родители, которые покупаютъ для вашего, яко бы, назиданія, и для вашего, тоже яко бы, забавленія—всѣ эти разныя книженки, переведенныя съ французскаго не русскимъ языкомъ, исполненные грошевой и ни къ чему не прилагаемой морали. Лучше, въ тысячу разъ лучше, если вы въ свободное отъ дѣльныхъ занятій время будете играть въ разныя игры, развивающія по крайней-мѣрѣ жизненную ловкость и силу, чѣмъ читать эту галиматью и разсматривать эти, вовсе не изящныя, картинки.

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТИКА.

СОВРЕМЕННИКЪ. N 5, МАЙ. Въ отдѣлѣ словесности напечатана 3 часть романа г. Григоровича *Рыбаки*.

«— Полно, говорю! тутъ хлюпаньемъ ничего не возьмешь! Плакалась баба на торгъ, а торгъ про то и не вѣдаетъ; да и вѣдать нѣтъ нужды! Словно и взаправду горе какое приключилось. Не на-вѣкъ разстаемся: Господь милостивъ: доживемъ, назадъ вернется,—какъ есть, настоящимъ человѣкомъ вернется; сами потомъ не нарадуемся... Ну, о чемъ плакать-то? Попривыкли! знаютъ и безъ тебя: попривыкли! не ты одна.... Слава те, Господи! наслалъ еще его къ намъ въ домъ.... Жаль, жаль, а все не какъ своего!

Такъ говорилъ Глѣбъ Савиновъ женѣ, вскорѣ послѣ отъѣзда соцкаго.

Соцкій этотъ пріѣзжалъ за тѣмъ, чтобъ объявить о рекрутскомъ наборѣ и сказать Глѣбу, что очередь за его семействомъ. Глѣбу слѣдовало бы отдать Ваню, но такъ какъ своя рубашка къ тѣлу ближе, то вмѣсто сына онъ рѣшился отправить пріемыша Гришку. Вотъ какъ совѣщался онъ объ этомъ съ женой.

Разговоръ происходилъ между задними воротами и плетнемъ огорода, въ извѣстномъ проулкѣ; тутъ, кромѣ стараго рыбака и жены его, никого не было. Глѣбъ, послѣ ужина, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, и соцкій, приказалъ тотчасъ же всѣмъ ложиться спать, а самъ, подмигнувъ украдкою женѣ, отправился съ нею на совѣщаніе. На дворѣ царствовалъ совершеннѣйшій мракъ. Мѣсяцъ, подымавшійся багровымъ шаромъ въ отдаленномъ горизонтѣ, не разливалъ почти никакого свѣта: Глѣбъ и Анна съ трудомъ различали черты другъ друга. Никто, можетъ статься, не смыкалъ глазъ въ клѣтушкахъ и сѣняхъ, но со всѣмъ тѣмъ было такъ тихо, что мужъ и жена говорили шопотомъ; малѣйшая оплошность съ ихъ стороны, слово, произнесенное мало-мальски громко, легко могло возбудить подозрѣніе домашнихъ и направить ихъ къ заднимъ воротамъ, чего никакъ не хотѣлось Глѣбу.

— Какой бы онъ тамъ чужакъ ни былъ,—все одно: намъ обдѣлять его не слѣдъ; я его не обижу! продолжалъ Глѣбъ:—одно то, что сирота: ни отца, ни матери нѣту. И чужіе люди, со стороны,

Digitized by Google

такъ сиротъ уважаютъ, а намъ и подавно не приходится оставлять его. Снарядить надо какъ слѣдуетъ; христіянскимъ дѣломъ разсуждать надо, по совѣсти, какъ слѣдуетъ! За что намъ обижать его! жилъ онъ у насъ какъ родной, какъ родного и отпустимъ; все одно, какъ своего бы отпустили, такъ, примѣрно, и его отпустимъ....

— И то, батюшка, я и сама такъ-то мерекаю... О-охъ!... лепешечекъ напеку ему, сердечному... о-о охъ! заботливо прошептала тетка Анна, утирая рукавомъ слезы и вздыхая въ нѣсколько пріемовъ, какъ вздыхаютъ обыкновенно бабы, которыя долго и горько плакали.

— Вотъ нашла что сказать: лепешки! велика нужда ему въ твоихъ лепешкахъ! закусилъ разъ-другой—все одно, что ихъ и не было! Надо подумать о рубахахъ, а не о лепешкахъ—вотъ что!

— Вистимо, безъ холста не отпущу его, касатика, простонала тетка Анна.

— Холстъ самъ по себѣ: пойдетъ на портянки (*). Я говорю, примѣрно, о рубахахъ. Завтра день да послѣ завтра день,—всего два дня остается: не успѣете вы обшить его какъ слѣдуетъ. Отдать ему Ванюшкины рубашки, которыя залишнія....

— Куды! коротки будутъ! замѣтила старуха съ такою живостію, что мужъ принужденъ былъ шикнуть и поднять руку.

— А коротки, такъ возьмемъ у Васьки.

— А какъ же Вася-то? вѣдь онъ также дома не остается: идетъ на заработки, самому нужны, шепнула жена.

— Нѣтъ, Васька дома останется въ замѣнъ Гришки. Отпущу я его на заработки! А самому небось батрака нанимать! нѣтъ, жирно будетъ! Они и безъ того денегъ почитай-что не несутъ.... Довольно и того, коли одинъ Петрушка пойдетъ въ «рыбацкія слободы»... Ну да не объ этомъ толкъ совсѣмъ! Пойдутъ, стало быть, Васькины рубахи; а я отъ себя цѣлковика два приложу: дѣло ихнее—походное, понадобится,—сапожнишки купить, либо другое что, въ чемъ нужда встрѣнется.

Какъ ни переполнено было сердце старушки, какъ ни заняты были мысли ея предстоящей разлукой съ пріемышемъ, къ которому привыкла она почти какъ къ родному дѣтищу, но въ эту минуту всѣ ея чувства и мысли невольно уступили мѣсто удивленію: такъ поразила ее необыкновенная щедрость Глѣба. Ободренная этимъ, она сказала:

— Вотъ, батюшка, надо также и образочекъ ему дать. Дамъ я ему, сердечному, вотъ тотъ, что въ ризочкѣ-то у насъ....

(*) Куски холста, которыми обматываются ноги вмѣсто носковъ.

Digitized by Google

— Что дѣло, то дѣло. Я, признаться, и самъ о томъ думалъ, перебилъ Глѣбъ: — только что вотъ тотъ, который въ ризѣ, давать не зачѣмъ; можно попростѣе сыскать. Главное дѣло, было бы ему наше родительское благословенье....

Переговоривъ еще кой о чемъ касательно Гришки, рыбакъ замѣтилъ, что время спать идти.

— Ты обогни избу да пройди въ тѣ переднія ворота, примолвилъ онъ: — а я пока здѣсь обожду. Виду, смотри, не показывай, что здѣсь была, коли, по случаю, съ кѣмъ-нибудь изъ робятъ встрѣнешься.... Того и смотри, прочуяли; на слуху, того и смотри, сидятъ собаки!... Ступай! — Эхе-хе! промолвилъ старый рыбакъ, когда скрыпъ калитки возвѣстилъ, что жена была уже на дворѣ: — эхъ! не все, видно, лещи да окуни: бываетъ такъ ину пору, что и песку съ рѣки отвѣдаешь!... Жаль Гришку, добре жаль: озорливъ былъ, плутоватъ, да больно ловокъ за то!

Глѣбъ оглянулъ разсѣянно небо, по которому величественно всплывалъ серебрившійся теперь мѣсяцъ, перекрестился, вошелъ на дворъ, и, закутавшись въ овчину, улегся въ свои сани подъ навѣсомъ. Хотя старикъ свыкся уже съ мыслію о необходимости разлучиться, рано или поздно, съ пріемышемъ, тѣмъ не менѣе, однакожь, заснуть онъ долго не могъ: бо́льшую часть ночи проворочался онъ съ боку на бокъ и часто такъ сильно покрякивалъ, что куры и голуби, пріютившіеся на окраинѣ дырявой лодки, почти надъ самой его головою, вздрагивали и поспѣшно высовывали голову изъ-подъ теплаго крыла.

Но не подозрѣвалъ старый Глѣбъ, что черезъ какихъ-нибудь пять-шесть часовъ приведется перенести испытаніе, передъ которымъ настоящее его горе ровно ничего не будетъ значить! Не предвидѣлъ онъ, что ночь эта, проведенная въ тревожномъ забытьи, будетъ, сравнительно, его послѣднею покойною ночью!

Заря между тѣмъ, чуть чуть занимавшаяся на горизонтѣ, не предвѣщала ничего особенно печальнаго; напротивъ того, небо, въ которомъ начинали тухнуть звѣзды, было чистоты и ясности необыкновенной; слегка зарумяненное восходомъ, оно привѣтливо улыбалось и спѣшило, казалось, освободиться отъ тучь, которыя, какъ послѣднія морщинки на повеселѣвшемъ челѣ, убѣгали къ востоку, длинными, постепенно блѣднѣющими полосками. Вся окрестность какъ словно раскрывала глаза и, приподымая освѣженныя росою рѣсницы, радостнымъ взглядомъ встрѣчала весеннее утро. Надъ лугами трещалъ уже жаворонокъ.... Глѣбъ, по обыкновенію своему, проснулся вмѣстѣ съ жаворонками; нѣжиться да потягиваться

Digitized by Google

не любилъ старикъ: онъ поспѣшно выскочилъ изъ саней, провелъ широкою ладонью по лицу и волосамъ, оглянулъ небо и перекрестился.

— Создалъ Господь вёдра.... знатное утро! сказалъ онъ, выходя за ворота и весело оглядывая Оку и дальный берегъ, только что озаренные первымъ лучемъ солнца.

Ему въ голову не приходило, что это утро, такъ радостно улыбавшееся, западетъ тяжелымъ камнемъ на его сердце и вѣчно будетъ жить въ его памяти!»

Непріятности Глѣба начались тѣмъ, что старшіе сыновья его объявили ему, что хотятъ отдѣлиться и промышлять и торговать особнякомъ. Долго не рѣшались они объявить это строгому отцу, наконецъ рѣшились, предварительно выпивъ для смѣлости. Но они слишкомъ усилили пріемъ, и Глѣбъ съ перваго взгляду на сыновей увидѣлъ, что они пьяни. Разумѣется, онъ не поцеремонился съ ними и «осыпалъ ихъ градомъ ругательствъ». Сыновья не смолчали и тутъ же объявили ему, что отходятъ отъ него. «Это обстоятельство, говоритъ г. Григоровичъ, мгновенно взорвало старика, брови его *выгнулись*, голова *гордо откинулась назадъ* (!), *губы задрожали*». Между отцомъ и сыновьями произошло такое горячее преніе, такое «*бурное засѣданіе*», что женщины выбѣжали изъ избы и попрятались по чуланамъ. Въ чемъ именно состояла эта семейная сцена и въ какихъ выраженьяхъ спорили сыновья съ отцемъ, авторъ не говоритъ, не желая возмущать читателей. Глѣбъ наконецъ вышелъ изъ избы, но тутъ ожидало его еще большее горе: у него произошло объясненіе съ Ваней. Пусть судятъ сами читатели, на сколько положено *истины* какъ въ этой сценѣ, такъ и вообще въ характерѣ *героя* романа Ванѣ

«Подойдя къ лодкамъ, Глѣбъ увидѣлъ Ваню. Тутъ только вспомнилъ старикъ, что его не было за завтракомъ.

— Гдѣ ты шлялся? сурово спросилъ отецъ.

Онъ остановился и, повернувшись почти спиною къ сыну, мрачно оглянулъ рѣку.

— Я здѣсь былъ все время, батюшка, кротко отвѣчалъ сынъ.

— За какою надобностію? сухо и какъ бы не думая, о чемъ говоритъ, перебилъ отецъ.

— Тебя ждалъ, батюшка....

Голосъ, которымъ произнесены были эти слова, прозвучалъ такою непривычною твердостію въ ушахъ Глѣба, что, не смотря на замѣшательство, въ которомъ находились его чувства и мысли, онъ невольно обернулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына.

Кроткій, спокойный видъ парня совершенно обезоружилъ отца.

Digitized by Google

— Чего тебѣ? спросилъ онъ отрывисто.

— Я хотѣлъ *переговорить* съ тобою, батюшка, началъ Ваня:— хотѣлъ сказать тебѣ.... *ты только выслушай меня....*

— Ну, перебилъ Глѣбъ съ возраставшимъ удивленіемъ.

Годъ, безъ малаго, не могъ онъ слова добиться отъ парня, и вотъ теперь тотъ самъ къ нему приступаетъ.

— *Выслушай меня*, батюшка, продолжалъ сынъ, тѣмъ же увѣщевательнымъ, но твердымъ голосомъ:—*слова мои, можетъ статься, батюшка, горькими тебѣ покажутся....* Я, батюшка, во вѣки вѣковъ не посмѣлъ бы передъ тобою слова сказать такова, да нужда, батюшка, заставила!....

— Какъ! вскричалъ отецъ, сжимая кулаки и дѣлая шагъ впередъ: — стало, они и тебя подговорили! стало, и тебѣ ни во что мое родительское проклятіе!

— Нѣтъ, батюшка, никто меня не подговаривалъ, возразилъ сынъ, не трогаясь съ мѣста: — родительское твое благословеніе мнѣ пуще дорого; безъ него, батюшка, я и жить не хочу....

— Чегожь тебѣ? спросилъ изумленный отецъ.

— Я, батюшка, пришелъ переговорить съ тобою о Гришкѣ.... Батюшка! что̀ ты дѣлаешь? опомнись!

Глѣбъ отступилъ шагъ назадъ и опустилъ руки: старикъ не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ.

— Зачѣмъ же ты тогда воспиталъ его? Затѣмъ ли поилъ, кормилъ, ростилъ его, чтобы потомъ за насъ, за сыновей твоихъ, отвѣтъ держалъ.... Батюшка! что̀ ты хочешь дѣлать? опомнись. *Вѣдь это выходитъ, батюшка, дѣлами добрыми торговать!* продолжалъ сынъ и лицо его при этомъ какъ словно озарилось какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ, хотя осталось также кротко и спокойно.— Не бери, батюшка, тяжкаго грѣха на свою душу!.... Господь благословилъ насъ, берегъ твой домъ, далъ тебѣ достатокъ.... самъ ты сколько разъ говорилъ объ этомъ!... Господь отступится отъ насъ за такое дѣло! Достатокъ твой не будетъ тогда Божьимъ благословеніемъ: все пойдетъ прахомъ, — все назадъ возьметъ! За то и берегъ Онъ насъ. Самъ же ты говоришь, что жили по правдѣ!

Глѣбъ стоялъ какъ прикованный къ землѣ и задумчиво смотрѣлъ подъ ноги: губы его были крѣпко сжаты, какъ у человѣка, въ душѣ котораго происходитъ сильная борьба. Слова сына, какъ крупныя капли росы, потушили, казалось, огонь, за минуту еще разжигавшій его ретивое сердце. Разлука съ пріемышемъ показалась ему, почему-то, въ эту минуту тяжелѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Digitized by Google

— Какъ же быть-то? откуда жь намъ взять за него?... Я и самъ, того, думалъ....Развѣ, жеребій.... промежь нами кинуть? проговорилъ онъ наконецъ, какъ бы раздумывая самъ съ собою.

Мысль эта родилась, можетъ быть, въ головѣ старика при воспоминаніи о старшихъ, непокорныхъ сыновьяхъ.

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ бросать жеребій! спокойно вымолвилъ парень:—старшіе братья женаты; ужь лучше....такъ, безъ жеребья....

Глѣбъ поднялъ голову.

— Очередь за нами, за твоими сыновьями, продолжалъ Ваня все тѣмъ же невозмутимо-твердымъ голосомъ: — старшіе сыновья женаты.... Чтожь!... я, я пойду, батюшка....

Старику нешутя представилось, что младшій сынъ его рехнулся. Предшествовавшія слова молодаго парня, его спокойный голосъ, а еще болѣе— спокойный видъ, убѣждали, однакожь, старика въ противномъ. «Чтожь бы такое значило? Ужь не засорилъ ли парень дурью какою голову?... Погоди жь, я вотъ изъ тебя дурь-то вышибу!» При этой мысли Глѣбъ, которому шутить было не въ охоту, вспыхнулъ.

— Видишь ты это? крикнулъ онъ, неожиданно выступая впередъ и показывая сыну коренастый, узловатый кулакъ.

Но Ваня на волосъ не пошатнулся, не мигнулъ даже глазомъ.

— Я тебя проучу, какъ дурью-то забираться! закричалъ отецъ, сурово изгибая свои брови; — я выколочу изъ тебя дурь-то; такъ отдую, что ты у меня на эвтомъ мѣстѣ трои сутокъ проваляешься! заключилъ онъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь.

— Власть твоя, батюшка, сказалъ, съ самымъ кроткимъ, покорнымъ видомъ, парень: — бей меня: ты властенъ въ эвтомъ! А только я отъ своего слова не отступлюсь.

При этомъ гнѣвъ окончательно овладѣлъ старикомъ: онъ ринулся со всѣхъ ногъ на сына, — но, пораженный необычайнымъ спокойствіемъ, изображавшимся на лицѣ Вани, остановился какъ вкопаный.

— *Бей же меня, батюшка, бей! сказалъ тогда сынъ, поспѣшно разстегивая запонку рубашки и подставляя раскрытую обнаженную грудь свою:* — бей: въ этомъ ты властенъ! *Легче мнѣ снести твои побои, чѣмъ видѣть тебя въ тяжкомъ грѣхѣ....* Я, батюшка (тутъ голосъ его возвысился), — я не отступлюсь отъ своего слова: очередь за нами, за твоими сыновьями: я пойду за Гришку! охотой иду! Слово мое крѣпко; не отступлюсь я отъ него.... Развѣ убьешь меня.... а до этого Господь тебя не попуститъ!

Digitized by Google

Глѣбъ остолбенѣлъ. Лицо его побагровѣло. Крупныя капли пота выступили на лицѣ его. Не мысль о рекрутствѣ поражала старика: онъ, какъ мы видѣли, здраво, толково разсуждалъ объ этомъ предметѣ; мысль разстаться съ Ваней, любимымъ дѣтищемъ, наконецъ, неожиданность событія потрясли старика. Такъ несбыточна казалась подобная мысль старому рыбаку, что онъ подъ конецъ махнулъ только рукой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ рѣкѣ; но Ваня тутъ же остановилъ его. Онъ повторилъ отцу, съ бо́льшею еще твердостію, свою рѣшимость.

Тогда между сыномъ и отцомъ началась одна изъ тягостно-раздирающихъ сценъ, похожихъ на вынужденную борьбу страстно любящихъ другъ друга противниковъ. Глѣбъ осыпалъ сына упреками, припоминалъ ему его дѣтство — онъ ли не любилъ его, онъ ли не лелѣялъ! — осыпалъ его за тѣмъ угрозами, грозилъ ему побоями — ничто не помогало: какъ ни тяжко было сыну гнѣвить преклоннаго отца, онъ стоялъ, однакожь, на своемъ. Видя, что ничто не помогало, Глѣбъ рѣшился прибѣгнуть къ ласкѣ и принялся увѣщавать сына со всею нѣжностію, какая только была ему доступна. Но и это ни къ чему не послужило: сынъ остался твердъ и рѣшимость его ни на волосъ не поколебалась. Тутъ только почувствовалъ Глѣбъ, — почувствовалъ первый разъ въ жизни, что крѣпкія, желѣзныя мышцы его какъ словно ослабли; первый разъ осмыслилъ онъ старческіе года свои, первый разъ понялъ, что силы ужь не тѣ стали, воля и мощь не тѣ, что въ прежніе годы! Слишкомъ много потрясеній выдержали въ этотъ день его стариковскія жилы: на этотъ разъ, казалось, горе раздавило его сердце!

— Ваня! воскликнулъ старикъ, все еще не терявшій надежды убѣдить сына: — Ваня! вспомни! тебя ли я не любилъ? тебя ли не отличалъ я?...Съ измалолѣтства отличалъ я тебя отъ твоихъ братьевъ!... Ты былъ моимъ любимцемъ, ненагляднымъ сыномъ моимъ! Ты моя надёжа!... И ты хочешь покинуть меня своею охотой, — на старости лѣтъ покинуть хочешь! старуху свою, мать покинуть хочешь!... Ваня, вспомни.... али ты этого не знаешь?... вѣдь и братья твои насъ покидаютъ.... Что́жь, какже, сиротами хочешь ты стариковъ оставить?... Опомнись! Что́ ты дѣлаешь?... Ваня!...

— Батюшка!... батюшка! перестань! *ты только мучишь меня*! твердилъ въ то же время сынъ, напрягая всѣ силы своего духа, чтобы не разразиться воплемъ: — перестань!... Богъ милостивъ!... Приду во время.... приду закрыть глаза твои.... не на вѣкъ прощаемся.... Полно, батюшка! не гнѣви Господа Бога!... О чемъ ты сокрушаешься? Развѣ я худое дѣло какое дѣлаю? Опомнись:

Digitized by Google

развѣ я въ Сибирь за недоброе дѣло иду?... Что́ ты? Опомнись! иду я на службу на ратную.... иду вѣрой и правдой служить Царю Государю нашему.... вишь: охотой иду, самъ по себѣ.... Полно, опомнись! Не сокрушайся, не мути меня, батюшка.... Лучше ты безъ меня останься, чѣмъ увижу я тяжкій грѣхъ на душѣ твоей родительской!...

— Ну, послушай.... вотъ.... вотъ.... вотъ, что́ я скажу тебѣ, подхватилъ отецъ: — кинемъ жеребій, Ваня!... ну, такъ, хошь для виду кинемъ!... кому выпадетъ, пущай хоть тотъ знаетъ, по крайности, пущай знаетъ.... что ты за него пошелъ!

— Нѣтъ, батюшка! зачѣмъ? возразилъ сынъ, качая головою:— зачѣмъ?... Ну, а какъ кому-нибудь изъ братьевъ вынется жеребій, либо Гришкѣ, вѣдь они вѣкъ мучиться будутъ, что я за нихъ иду!... Господь съ ними! пусчай себѣ живутъ, ничего не вѣдая, дѣло пусчай ужь лучше будетъ закрытое!

Послѣднія слова сына, голосъ, какимъ были они произнесены, вырвали изъ отцовскаго сердца послѣднюю надежду и окончательно его сломили. Онъ закрылъ руками лицо, сдѣлалъ безнадежный жестъ и безотраднымъ взглядомъ окинулъ Оку, лодки, наконецъ домъ и площадку. Взглядъ его остановился на женѣ.... Первая мысль старушки, послѣ того, какъ прошелъ страхъ, была отыскать Ванюшу, который не пришелъ къ завтраку.

— Ступай сюда! ступай, старуха! закричалъ Глѣбъ, махая обѣими руками.

Старушка, ковыляя, подошла къ мужу и сыну.

— Вотъ, сказалъ Глѣбъ, уже разбитымъ голосомъ:—вотъ, продолжалъ онъ, указывая на сына:—послушай его.... послушай, коли сердце твое крѣпко....

Испуганная мать бросилась къ сыну. Тотъ опустилъ голову и молчалъ. Глѣбъ, въ короткихъ, отрывистыхъ словахъ, передалъ женѣ намѣреніе Вани.

— Батюшка! закричала старуха:—батюшка! помилуй!

И какъ безумная повалилась она мужу въ ноги.

— Его проси! проговорилъ Глѣбъ, захлебываясь отъ слезъ, хоть глаза его были сухи: — его проси, старуха! заключилъ онъ указывая на Ваню.

— Ваня!... батюшка!... помилуй! закричала мать, бросаясь сыну въ ноги.

Но Ваня не отвѣчалъ; онъ поддерживалъ только мать и рыдалъ навзрыдъ, обливая ея лицо слезами.

Digitized by Google

Тутъ уже и самого старика слеза прошибла; онъ медленно подошелъ къ женѣ, положилъ ей широкую ладонь свою на голову и произнесъ прерывающимся голосомъ:

— Терпи, старая голова, въ кости скована!—При этомъ онъ провелъ ладонью по глазамъ своимъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху и, сказавъ: «Будь воля божія!» пошелъ быстрыми шагами по берегу, все дальше и дальше».

Мы нисколько не сомнѣваемся, что такой великодушный человѣкъ можетъ существовать и родиться въ простомъ народѣ, ибо русскій человѣкъ не разъ совершалъ подвиги и гораздо выше этихъ. Но станетъ ли *простой* человѣкъ такъ выражаться, какъ выражается Ваня? Нѣтъ ничего труднѣе, какъ патетическія сцены между простолюдинами. У дѣйствующихъ лицъ нашихъ писателей только тогда и естественъ языкъ, когда они въ комическихъ или въ спокойныхъ положеніяхъ, но лишь дѣло коснется до пафоса, они вдругъ перерождаются и говорятъ языкомъ нашихъ журнальныхъ ученыхъ статей. Кромѣ неестественности въ языкѣ есть еще другая причина, вслѣдствіе которой Ваня вышелъ такъ безцвѣтенъ. Г-нъ Григоровичъ не позаботился объяснить, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ образовался *необыкновенный* характеръ рыбака? Не могъ же онъ сдѣлаться *такимъ* отъ того только, что учился грамотѣ!

По выпровоженіи Вани изъ дома родительскаго, романъ опять идетъ ровно и естественно (это идеальное лицо все дѣло портитъ!). Прекрасно историческое и статистическое описаніе с. Камарёва. Жаль, что неудачно изображеніе ярмарки: сцена кулачнаго боя и пляски слишкомъ театральны. Въ описаніи рожденія Захара (новаго работника Глѣба) много живаго истиннаго.

Въ «Критикѣ» помѣщена 2-я статья г. Гаевскаго о Дельвигѣ. Статья необыкновенно интересна. Вотъ это *настоящіе* матеріалы для исторіи литературы! У насъ въ послѣдніе годы стало много появляться статей, имѣющихъ цѣлью опредѣлить литературную дѣятельность русскихъ писателей, статей, носящихъ скромное названіе «матеріаловъ». Но эти статьи только по скромности ихъ авторовъ называются матеріалами, въ сущности же онѣ заключаютъ въ себѣ *разсужденія* о дѣятельности разныхъ писателей, но новыхъ матеріаловъ, бросающихъ новый свѣтъ на писателей, матеріаловъ, добытыхъ трудомъ и розыскиваніемъ, онѣ не представляютъ. Напротивъ того въ статьѣ г. Гаевскаго почти нѣтъ никакихъ разсужденій и субъективныхъ воззрѣній на Дельвига; она наполнена выписками изъ «Благонамѣреннаго» стихотвореній Дельвига, пропущенныхъ въ Смирдинскомъ изданіи. Самое занимательное въ статьѣ г. Гаевскаго—описаніе

Digitized by Google

ополченія тогдашнихъ журналовъ на Дельвига и Баратынскаго. Г. Гаевскій такъ подробно описываетъ политическія выходки *Благонамѣреннаго* и *Сѣверныхъ Листковъ*, что даже не проходитъ молчаніемъ и самыхъ тонкихъ намековъ на Дельвига. Тогдашнія литературныя отношенія, особенно закулисныя, изображены у г. Гаевскаго очень живо. Переносясь въ тѣ времена, невольно подумаешь: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»

Изъ переводныхъ статей особенно обратило наше вниманіе сочиненіе д'Израэли «Литературный характеръ или исторія генія, заимствованная изъ его собственныхъ чувствъ и признаній.» Это живая характеристика генія, составленная по наблюденіямъ надъ жизнію великихъ писателей и художниковъ. В. А.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

HISTORIA GENERAL DE ESPANA,

Por don Modesto Lafuente.

До сихъ еще поръ не искоренилось между учеными Европейцами странное, исключительное мнѣніе, осуждающее Испанцевъ на крайнюю неспособность къ обработыванію исторіи. Ничего не можетъ быть обиднѣе, неосновательнѣе подобнаго приговора. Испанія напротивъ едва ли не больше всѣхъ странъ можетъ гордиться и обиліемъ и достоинствомъ своей исторической литературы. Имя *Маріана* громко говоритъ въ пользу своего народа. Не смотря на свои ошибки, Маріана останется навсегда однимъ изъ писателей, наиболѣе одареннымъ историческимъ талантомъ. На ряду съ нимъ стоятъ другія имена, не менѣе славныя въ разныхъ отрасляхъ, разработывавшія исторію своего отечества.

Историческіе труды въ Испаніи, какъ и вездѣ, могутъ быть раздѣлены на два разряда: на хроники и на исторію въ тѣсномъ смыслѣ. Съ самыхъ первыхъ временъ испанской исторіи вплоть до XVI столѣтія тянется длинный, не превывающійся рядъ лѣтописцевъ. Выше всѣхъ ихъ стоитъ *Лопесъ де Айала* (Lopez de Ayala) съ своими знаменитыми разсказами о царствованіи донъ Педро *Правосуднаго* (don Pedro-el-Iusticiero).

Съ XVI до половины XVII вѣка идетъ золотой вѣкъ испанской литературы; въ это время появляется исторія въ тѣсномъ смыслѣ. Не говоря о Маріаннѣ, укажемъ на другихъ болѣе извѣстныхъ историковъ. Таковы: *Мело*, авторъ *Исторіи возмущеній и войны въ Каталоніи при Филиппѣ IV*; *Хуртадо де Мендоза*, авторъ *войны съ Морисками Гренадскаго королевства*; *Франсиско де Монкада*, написавшій исторію *Похода Каталонцевъ и Арагонцевъ противъ Турковъ*. Сюда же должно отнести имена *Зуниса*, *Аргенсола*, *Сандоваль* и *Геррера* (Herrera)—автора Исторіи испанскихъ завоеваній въ Индіи. О спеціальныхъ исторіяхъ городовъ, провинцій, нечего и говорить: ихъ не перечтешь въ такомъ короткомъ очеркѣ.

Въ XVIII вѣкѣ появляется опять значительное множество историческихъ произведеній, какъ-то: *Святая Испанія* (Hispania Sacra) *Флореса*, *Критическая исторія Masdeu*, и спеціяльные труды *Кампани*, *Ховелансона*, *Кампоманеса* и проч.

Digitized by Google

Среди великаго литературнаго движенія, открывшагося въ современной Испаніи, естественно не должны были остаться въ сторонѣ и науки историческія. Во многихъ изданіяхъ, во многихъ авторахъ замѣтно стремленіе къ объясненію всеобщихъ законовъ политическаго и нравственнаго развитія человѣчества. *Тапія* и *Моронъ* начертали вѣрную исторію испанской цивилизаціи. *Пидаль*, государственный мужъ современной Испаніи, читалъ въ *Мадритскомъ Атенеѣ* свои лекціи о томъ же предметѣ, лекціи, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не собраны и не напечатаны. *Торено* приготовилъ *Исторію Австрійскаго дома*, но ранняя смерть помѣшала ему издать ее въ свѣтъ. Генералъ Санъ-Мигуэль занимается теперь изданіемъ своей *Исторіи Филиппа II* Въ прошломъ году вышла *Исторія Кастильскихъ общинъ при Карлѣ V*, извѣстнаго *Феррера дель Ріо*. Нельзя не упомянуть здѣсь замѣчательныхъ собраній *неизданныхъ памятниковъ*, напечатанныхъ Исторической академіей и разными частными лицами. Одного только не доставало до сихъ поръ для полнаго богатства испанской исторической литературы—не доставало всеобщей исторіи Испаніи, написанной съ современной точки зрѣнія на исторію и на основаніи всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдованій. До сихъ поръ Испанцы и не думали объ этомъ, какъ бы предоставляя заботу эту иностранцамъ. Такъ *Ромей* и *Россевъ Сентъ-Илеръ* съ любовію взялись за трудное дѣло—распутать исторію Испаніи, и до сихъ поръ ревностно продолжаютъ свою работу.

Въ свою очередь, *Лафуэнте* первый изъ своей націи рѣшился пополнить этотъ недостатокъ въ собственно-національной исторіи своего отечества. До сихъ поръ вышло четыре тома его исторіи; полное сочиненіе, по всей вѣроятности, будетъ состоять изъ двѣнадцати или пятнадцати томовъ. Это будетъ, надѣемся, *полная* Исторія Испаніи. Четвертый томъ оканчивается XII-мъ столѣтіемъ.

Подобное предпріятіе вполнѣ заслуживаетъ одобренія по своей важности, и потомъ по причинѣ особенной трудности лично для самого автора. До этого времени Лафуэнте былъ однимъ изъ самыхъ тонкихъ, остроумныхъ сатирическихъ писателей нынѣшней Испаніи. Прикрываясь псевдонимомъ *Fray Gerundio*, онъ долго былъ издателемъ критеческаго журнала современной политики и современныхъ нравовъ. Собраніе сочиненій *Fray Gerundio* состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двадцати томовъ: *Capilladas y Disciplinazos de Fray Gerundio*, *Teatro social del siglo XIX*, *Revista Europea* и проч., и проч. Чтобы сдѣлаться строгимъ, безпристрастнымъ историкомъ, надо было ему, исправляя своими сатирами другихъ, испра-

Digitized by Google

вить нѣсколько и самого себя. И Лафуэнте не отступилъ передъ этой задачей. Его исторія отличается знаніемъ, проницательностью и безпристрастіемъ. Къ ней присоединено *предисловіе*, гдѣ вкратцѣ объяснены начала исторіи какъ науки, и широкими, мѣткими чертами показанъ ходъ испанской цивилизаціи вплоть до нашего времени. Сохранивши до сихъ поръ благородное безпристрастіе, быть можетъ, этотъ историкъ сохранитъ себя и отъ извѣстныхъ *прогрессивныхъ* теорій, поддавшись которымъ человѣкъ терлетъ и истинное сознаніе о прошедшемъ и вѣрный взглядъ на современное ему настоящее.

Въ заключеніе скажемъ, что Исторія Лафуэнте — одинъ изъ тѣхъ добросовѣстныхъ трудовъ, которые всегда заслуживаютъ искренняго вниманія, потому что въ нихъ видно значительное изученіе своего предмета, что̀ очень рѣдко встрѣчается въ наше время и не въ одной Испаніи.

О ГАЛЛЮСИНАЦІЯХЪ, или исторія видѣній, сновъ, восторговъ, магнетизма и ясновидѣнія, *Бріера де Буамона*. 1852.

СОКРАТОВЪ ДЕМОНЪ, *Лелю*.

ПАСКАЛЕВА ЛАДОНКА—*Лелю*. 1846.

Хотя сочиненія г. Лелю вышли въ свѣтъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они получаютъ всю свою прежнюю занимательность, лишь только вопросъ коснется до галлюсинацій; говоря объ этомъ родѣ душевнаго недуга, не возможно не обратиться къ сужденіямъ доктора-философа, который первый во Франціи обратилъ вниманіе на это странное разстройство воображенія и изъявилъ смѣлое мнѣніе о помѣшательствѣ Сократа. Я не намѣренъ дѣлать разборъ предлагаемыхъ сочиненій, а только, при помощи документовъ и мнѣній, которыя въ нихъ содержатся, заняться самымъ важнымъ вопросомъ и единственнымъ, который можетъ казаться занимательнымъ для людей свѣтскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая намъ нужда до разнообразнаго помѣшательства совершенно разстроившагося мозга и до безконечныхъ проявленій этого помѣшательства? Для насъ въ высшей степени было бы любопытно знать, въ какой мѣрѣ можетъ соединяться разсудокъ съ нѣкоторымъ затмѣніемъ и безпорядками воображенія,—однимъ словомъ, показать истинныя границы между разумомъ и безуміемъ.

И такъ, я не стану входить въ подробное разсматриваніе предметовъ, о которыхъ говоритъ г. Бріеръ де Буамонъ, ни приводить его безчисленныхъ «наблюденій», т. е. исторій болѣзней, которыя имѣютъ несомнѣнную цѣну только для ученыхъ и медиковъ; для

Digitized by Google

людей свѣтскихъ, нѣсколько хорошихъ страницъ разсужденій, проистекающихъ отъ одного какого-нибудь факта, несравненно занимательнѣе тысячи подобныхъ фактовъ, которыхъ едва уловимые оттѣнки сверкаютъ передъ глазами и утомляютъ умъ. Равнымъ образомъ пропущу все, что̀ касается до *магнетизма* въ сочиненіи г. Буамона; тутъ прежде всего надлежало бы спорить о значеніи и важности фактовъ, а это была бы слишкомъ длинная исторія; то же можно сказать и *о предчувствіяхъ*. Склонность къ суевѣрію и любовь къ чудесному такъ сильны въ человѣкѣ, что я не довѣряю даже тѣмъ разсказамъ, которые подкрѣплены свидѣтельствами самыхъ достойныхъ уваженія лицъ. Не назову также галлюсинаціею способности нѣкоторыхъ людей, при помощи необыкновеннаго напряженія ума и чрезвычайнаго усилія памяти, представлять себѣ какъ бы на яву мѣста, произшествія, или лица, которыми было поражено воображеніе. Живописца, который, посмотрѣвъ полчаса на модель, могъ, черезъ нѣсколько времени, такъ сказать, вызвать этотъ образъ и поставить его передъ собою, столь же мало можно обвинить въ галлюсинаціи, какъ и математика, который обладаетъ способностію представить внутри самаго себя всѣ элементы длиннаго и труднаго вычисленія, сообразить ихъ и рѣшить задачу. Не льзя причислить къ галлюсинаціямъ и произвольныхъ мечтаній, которымъ предаются восточные жители и въ продолженіе которыхъ воображеніе ихъ порождаетъ всѣ чудеса *Тысячи и одной ночи*.

Ограничивъ такимъ образомъ вопросъ о галлюсинаціяхъ, посмотримъ, совмѣстно ли это состояніе съ здравымъ разсудкомъ, или всегда и неизбѣжно предполагаетъ нѣкоторую степень безумія. Вопросъ этотъ было бы очень легко рѣшить, если бы мы могли сдѣлать вѣрное и точное опредѣленіе разума; но разумъ скорѣе самъ себя чувствуетъ и сознаетъ, нежели опредѣляется. Посмотримъ же, не соприкасаются ли между собою разумъ и безуміе нѣкоторыми точками, не смѣшиваются ли они въ извѣстныхъ границахъ, или, напротивъ того, существуетъ неизмѣримая бездна между самымъ слабымъ разсудкомъ и самымъ легкимъ помѣшательствомъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что безуміе—болѣзнь ума, или его органовъ; анатомія еще не опредѣлила матеріяльныхъ поврежденій, соотвѣтствующихъ различнымъ родамъ помѣшательства, но эта болѣзнь такъ же отдѣльна, такъ же своеобразна, какъ нѣкоторыя органическія поврежденія, которыя не могутъ быть смѣшаны ни съ состояніемъ здоровья, ни съ другими болѣзнями. Я въ одномъ упрекаю медиковъ, которые изучали душевныя болѣзни и писали объ нихъ: они слишкомъ мало придаютъ важности разуму, этой искрѣ божества, драго-

Digitized by Google

цѣннѣйшему дару, который созданіе получило отъ своего Создателя, единственному, который возвышаетъ человѣка надъ животными; должно сознавать, должно утверждать его дѣйствительность даже и тогда, когда онъ находится въ тѣсной связи съ немощами и недостатками нашей природы, должно—до тѣхъ поръ, пока онъ обнаруживается признакомъ, который обличаетъ его небесное происхожденіе,—а именно: сознаніемъ. Увы! будетъ время отрицать его существованіе, когда этотъ божественный признакъ совсѣмъ изчезнетъ. Я не хочу этимъ сказать, что исчезновеніе разума происходитъ только въ послѣднихъ предѣлахъ помѣшательства, и что бѣдные безумцы, называемые маніяками, которые помѣшаны только на одномъ пунктѣ, а на другихъ сохраняютъ все свое правильное сужденіе,—совершенно здравы умственно. Напротивъ, тутъ-то я и вижу существованіе неизмѣримой бездны между самымъ слабымъ разсудкомъ и самымъ легкимъ помѣшательствомъ. Я отвергаю мнѣніе г. Буамона, что «дѣйствія помѣшаннаго ничто иное, какъ преувеличеніе недостатковъ здороваго человѣка». Если все дѣло заключается въ большей или меньшей степени, если человѣкъ здравомыслящій только едва уловимою чертою отдѣляется отъ безумца, если такъ не замѣтна граница между разумомъ и помѣшательствомъ, т. е. между человѣкомъ и животнымъ,— то что же такое разумъ? какую имѣетъ онъ цѣну и съ какого права опираемся мы на него, чтобы подняться до самыхъ возвышенныхъ соображеній и даже до мысли о Богѣ?

Но нѣтъ: если разумъ и тлѣненъ, если орудія его легко могутъ разстроиться, то тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ наше удивленіе и нашу вѣру, тѣмъ не менѣе онъ достоинъ пробуждать нашу гордость, пока онъ утверждается сознаніемъ.

Напрасно вы будете сравнивать крайнюю степень страстей съ дѣйствіями помѣшательства, смѣшивать порывы гнѣва, припадки отчаянія съ необузданными движеніями маніяковъ и безумныхъ: вы никогда не усмотрите въ самыхъ сильныхъ безпорядкахъ помраченнаго ума того безсмысленнаго характера дѣйствованія, въ которомъ замѣтно совершенное отсутствіе разума; развѣ только вы остановитесь на однихъ наружныхъ признакахъ: движенія, голосъ, слезы и вопли могутъ быть одинаковы въ обоихъ случаяхъ; но сойдите глубже, и въ одномъ изъ нихъ вы вскорѣ усмотрите сознаніе и оцѣнку причинъ и дѣйствій, между тѣмъ какъ у другаго уже погасъ свѣтильникъ, который долженъ былъ просвѣщать его разсудокъ. Состояніе безумія есть болѣзнь; это несомнѣнно, потому что безумный можетъ излечиться отъ своей болѣзни, между тѣмъ какъ здоровый человѣкъ никогда не вылечивается отъ своихъ страстей.

Digitized by Google

Много-много, если онъ успѣетъ подавить ихъ и на минуту заставить молчать.

Чрезвычайно жаль, что писатель съ такимъ твердымъ умомъ, какъ г. Лелю, вмѣсто того чтобы доказывать, что общество наше населено колеблющимися разсудками, не избралъ себѣ цѣлію обозначить твердой и рѣзкой рукою границу, которая отдѣляетъ даже колеблющійся разсудокъ отъ дѣйствительнаго, хотя и не столь опредѣленнаго, помѣшательства. Впрочемъ истина, вопреки ему самому, вылилась изъ-подъ пера его; она противорѣчитъ его системѣ, но видно, что она его сильнѣе. Дѣйствительно, не онъ ли оканчивалъ свои «Изысканія о сходствѣ безумія съ разсудкомъ» слѣдующими опредѣленіями, которыя кажутся намъ превосходными и которыя мы принимаемъ безъ малѣйшаго ограниченія:

«Признаки состоянія разумнаго, которое имѣетъ наиболѣе сходства съ помѣшательствомъ, т.-е. страсти, заключаются въ частно-нравственномъ безпорядкѣ, существующемъ при *сознаніи* лица, которое его испытываетъ, и проявляющемся слишкомъ быстрымъ соединеніемъ и слишкомъ исключительнымъ свойствомъ понятій. Признакъ же помѣшательства — нравственный безпорядокъ, болѣе или менѣе общій и сложный, существующій безъ *сознанія* со стороны лица, которое его испытываетъ, приходящій внезапно и безъ настоящей внѣшней причины и проявляющійся въ особенности заблужденіемъ въ тождествѣ и въ существованіи лицъ и вещей, короче: безпорядокъ страстей и воли *безъ сознанія* и безъ внѣшней настоящей причины, сопровождаемый неправильностію въ соединеніи чувствъ и понятій и превращеніемъ этихъ нравственныхъ проявленій въ ощущеніи».

Теперь намъ остается разсмотрѣть, до какой степени нѣкоторые безпорядки нашего ума и воображенія совмѣстны съ цѣлостію разума. и въ особенности, должно ли во всякомъ случаѣ принимать галлюсинаціи за вѣрный признакъ помѣшательства?

Извѣстно, что г. Лелю, въ своемъ «Сократовомъ демонѣ» доказываетъ, что отецъ, мученикъ и слава философіи, какъ онъ самъ его называетъ, былъ помѣшанный. —Начертавъ одну изъ прекраснѣйшихъ картинъ жизни твореній и характера Сократа, сказавъ, что «онъ свелъ на землю любомудріе небесное», онъ показываетъ намъ другую сторону его лица,—сторону человѣческую, страждущую болѣзнями и немощами, искаженную отъ жала недуга, который его гложетъ. Этотъ недугъ—безпорядокъ его ума, бредъ воображенія, которые приводятъ его въ сообщеніе съ невидимымъ духомъ, которые заставляютъ его слышать голосъ «демона», совѣтника его и путеводителя во всѣхъ

Digitized by Google

важныхъ случаяхъ жизни; однимъ словомъ, это галлюсинаціи, которыхъ бѣдный философъ жертва. Нѣтъ возможности оспоривать дѣйствительность этого недуга въ Сократѣ, истину видѣній, о которыхъ онъ самъ разсказываетъ и которыя засвидѣтельствованы вѣрными учениками. Невозможно также подозрѣвать и его искренности. Мы вполнѣ раздѣляемъ убѣжденіе г. Лелю, который съ негодованіемъ отвергаетъ обвиненіе въ обманѣ, взводимое на великихъ реформаторовъ-путеводителей и нерѣдко спасителей человѣчества, которые были столько же подвержены галлюсинаціямъ, какъ и самъ Сократъ: Пифагоръ, Эмпедоклъ, Магометъ, Лютеръ, Тассъ, Іоанна д'Аркъ, Паскаль и пр. Стало быть доказано, что Сократъ имѣлъ галлюсинаціи, т.-е. мечтательныя видѣнія, явленія и голоса. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ былъ помѣшанный? Но нельзя въ одно и то же время провозглашать человѣка свѣтильникомъ мудрости, первымъ изъ добродѣтельныхъ, и объявлять его сумасшедшимъ; не вѣрнѣе ли обратить доводъ противъ васъ самихъ и сказать: первый мудрецъ въ цѣломъ свѣтѣ имѣлъ галлюсинаціи, стало быть галлюсинаціи не всегда служатъ доказательствомъ сумасшествія, и существованіе этого нравственнаго недуга совмѣстно съ дѣйствіями высочайшаго разума.

Г. Бріеръ де Буамонъ подтверждаетъ, укрѣпляетъ это мнѣніе въ своей книгѣ, и это такая заслуга, за которую намъ слѣдуетъ быть ему благодарными.

И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, куда привело бы насъ ученіе г. Лелю. На свѣтѣ столько же людей, подверженныхъ галлюсинаціи, сколько геніевъ, превосходящихъ остальное человѣчество; такъ что должно бы считать сумасшедшими именно всѣхъ тѣхъ, кого родъ человѣческій ставитъ во главѣ своей, которымъ онъ удивляется, какъ прекраснѣйшему выраженію творенія, которыхъ избираетъ своими руководителями.

Доказательства безчисленны. Приведемъ нѣкоторыя:

Одинъ знаменитый членъ академіи Наукъ страдалъ слишкомъ 30 лѣтъ самымъ страннымъ недугомъ: онъ испытывалъ самыя необузданныя движенія, видѣнія лучезарныя, пламенныя, необъятныя; иногда онъ чувствовалъ, что его быстро увлекаетъ вверхъ, внизъ, во всѣ стороны; онъ обонялъ запахъ горячій и зловонный, слышалъ то пронзительный свистъ, то гармоническіе или нестройные звуки, то человѣческіе голоса, поющіе, говорящіе, декламирующіе; то вдругъ возникали передъ нимъ видѣнія грозныя, чудныя, непонятныя, наприм. обширный сводъ, составленный изъ безчисленныхъ человѣческихъ лицъ съ непреклоннымъ выраженіемъ, съ зловѣщимъ взоромъ, и никто никогда не называлъ г. де Савиньи сумасшедшимъ.

Вы скажете, что воображеніе не принимало никакого участія въ этихъ феноменахъ, и что болѣзненныя ощущенія утомляли умъ, не приводя его въ заблужденіе. Это правда; но если бы больной былъ не современникъ нашъ и не членъ института, а просто крестьянинъ Севенскихъ или Вогезскихъ горъ, и жилъ въ то время, когда

Digitized by Google

всѣ вѣрили явленіямъ не здѣшняго міра, то, какъ вы думаете, не сталъ ли бы онъ твердо вѣрить дѣйствительности этихъ видѣній? Слѣдовательно, можно, ни мало не будучи сумасшедшимъ, не только быть подвержену галлюсинаціямъ, но даже вѣрить имъ, судя по степени своей образованности или понятіямъ вѣка.—Галлюсинаціи—сны не спящихъ людей; можно видѣть сны, не будучи безумнымъ, и даже вѣрить снамъ не считалось безуміемъ въ извѣстныя эпохи и теперь еще не считается у извѣстнаго класса людей. Деревенскіе жители, которые до сихъ поръ видятъ привидѣнія и вѣрятъ имъ, совсѣмъ не сумасшедшіе. Такъ, нѣкоторые оптическіе обманы были принимаемы за дѣйствительность, пока наука не открыла ихъ причины и тайны. Когда еще не подозрѣвали существованія марева, то не возможно было не вѣрить явленію городовъ, кораблей, или сражающихся, которые видимы были въ небѣ. Сократъ былъ въ отношеніи къ духамъ и демонамъ на той же точкѣ, на которой товарищи св. Людовика были въ отношеніи дѣйствій марева: они вѣрили легіонамъ всадниковъ, сходящихъ съ неба помогать имъ въ завоеваніи св. земли, такъ точно, какъ Сократъ вѣрилъ и могъ вѣрить пособію посредствующаго божества или демона.

Не смотря на это, я смѣло утверждаю, что, если бы г. Лелю могъ хоть одну минуту поговорить съ великимъ философомъ даже о самомъ предметѣ его заблужденій, то нашелъ бы, что разумъ его не утратилъ ни одного изъ своихъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ, что онъ совершенно способенъ отдавать себѣ отчетъ и судить, однимъ словомъ, одаренъ полнымъ сознаніемъ самаго себя; и ему не стоило бы ни малѣйшаго труда отличить Платонова учителя отъ самаго замысловатаго жителя дома ума лишенныхъ.

Г. Лелю упрекаетъ сверхъ того Сократа въ увѣренности, что онъ дѣйствуетъ на друзей своихъ на нѣкоторомъ разстояніи и посредствомъ нѣкотораго тончайшаго вещества, какъ бы теперь выразились; но стало быть, должно считать безумными всѣхъ тѣхъ, которые въ наше время вѣрятъ чудесамъ магнетизма.

Впрочемъ, отдадимъ справедливость остроумному автору *Сократова демона*; по мѣрѣ того, какъ онъ идетъ впередъ въ своихъ глубокихъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ, по мѣрѣ того, какъ философія его смягчается отъ столкновенія съ людьми, онъ какъ будто отступаетъ отъ суровости своихъ прежнихъ приговоровъ. Говоря о Паскалѣ, объ этомъ дѣятельномъ и высокомъ умѣ, заключенномъ въ слабомъ и больномъ тѣлѣ, о видѣніяхъ его и о Ладонкѣ, которую онъ носилъ въ подкладкѣ камзола со времени приключенія на Нёйискомъ мосту, г. Лелю ограничивается самыми любопытными изысканіями о свойствѣ и причинахъ галлюсинацій знаменитаго автора *Мыслей*; но ни въ одномъ мѣстѣ своего замысловатаго сочиненія не говоритъ прямо, что Паскаль былъ помѣшанъ; 15 лѣтъ тому назадъ, г. Лелю не усомнился бы написать это всѣми буквами.

Д-ръ Ал. Донне.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МАГОМЕТА

и

АРАВСКІЯ ЛЕГЕНДЫ О НЕМЪ.

Mahomet et ses successeurs, par Washington Jrving; 2 vol. *La vie et la religion de Magommed, telle, qu'elles sont relatées par les traditions shiites de Hyât-ul-Kuloob*, traduction du persan, par le réverend James L. Merrick, onze ans missionere en Perse; 2 vol.

Мусульманская легенда говоритъ, что однажды пророкъ разрѣзалъ луну на двѣ части, и что впродолженіе нѣсколькихъ дней одна половина ея была спрятана въ его рукавѣ. Послѣ чего онъ опять сложилъ луну, и она пошла по прежнему. Когда отложеніе Алія грозило разрушить единство мусульманскаго исповѣданія, правовѣрные приводили эту легенду, какъ символическое предзнаменованіе разъединенія религіи и того, что луна снова должна будетъ соединиться.

Рожденіе Магомета предшествовалось и сопровождалось многими чудесами. По словамъ Шіата-эль-Колеба, «въ ту ночь, когда онъ родился, въ магометанскомъ раю было воздвигнуто семьдесятъ тысячъ дворцовъ рубиновыхъ и семьдесятъ тысячъ дворцовъ жемчужныхъ, и всѣ они были названы дворцами *рожденія*. Чудовищная рыба, называемая Тамоаза, величайшая изъ всѣхъ нѣмыхъ обитателей соленыхъ водъ, рыба о семи-стахъ тысячахъ хвостахъ, носящая на своемъ хребтѣ семьсотъ тысячъ тельцовъ, изъ которыхъ каждый больше земнаго шара, каждый украшенъ семью-стами тысячами роговъ изъ чистаго изумруда, и каждый скакалъ и прыгалъ въ эту ночь на огромной массѣ, носящей его, и даже вовсе этого не чувствовавшей, Тамоаза, царица рыбъ, до того разыгралась въ минуту рожденія Магомета, что непремѣнно опрокинула бы вселенную, если бы Аллахъ не укротилъ ея восторговъ.» Пылкое воображеніе жителей Востока не довольствуется одними этими матеріяльными чудесами, сопровождавшими рожденіе Магомета, но олицетворяетъ и источники его духовной силы, прибавляя, что «Творецъ облекъ его въ ризу правды, убралъ въ одежды святыни, покрылъ пеленой божественнаго откро-

Digitized by Google

венія, возложилъ на голову вѣнецъ религіознаго владычества, препоясалъ чресла поясомъ святой любви, обулъ въ сандаліи смиреннаго благоговѣнія и вручилъ жезлъ—знакъ данной ему власти. Потомъ свыше раздался голосъ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его. Едва минуло ему три года, какъ два небесные посланника вскрыли ему грудь, вынули его сердце и извлекли изъ него черную каплю первоначальнаго грѣха, наслѣдія нашего праотца Адама; вдохнули въ него духъ вѣры, духъ премудрости, духъ прозрѣнія будущаго, и вложили снова сердце въ свое мѣсто, а между плечь положили печать пророчества, видимую до конца его жизни».

Магометъ, по общему преданію, родился въ 569 году христіанской эры, отъ бедуинки Халемы, которая вела кочующую жизнь въ горахъ. Лишившись матери еще въ младенчествѣ, онъ, послѣ смерти ея, воспитывался у своего дѣда, одного изъ наслѣдственныхъ стражей Каабы, главнаго храма Мекки (*). Такимъ образомъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ онъ попалъ въ кругъ храмослужителей. Священныя церемоніи и обряды, которыхъ онъ былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ, произвели неизбѣжное вліяніе на его умъ и расположили его къ религіознымъ думамъ. И между тѣмъ, при всѣхъ своихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ служителями храма, онъ не выучился ни читать, ни писать, — и этихъ двухъ познаній не имѣлъ онъ во всю свою жизнь. Но Провидѣніе надѣлило его дарами болѣе высокими: оно дало ему умъ глубокій и созерцательный, воображеніе необъятное, силу воли непоколебимую. Магометъ не умѣлъ читать

(*) Кааба есть древнѣйшій храмъ Мекки, время сооруженія котораго теряется въ первобытныхъ вѣкахъ. Еще за нѣсколько столѣтій до рожденія Магомета, когда Арабы поклонялись идоламъ, храмъ этотъ составлялъ главную ихъ святыню. Къ нему стекались на поклоненіе изъ самыхъ дальнихъ странъ, и родъ, которому ввѣрялось наслѣдственное хрансніе ключа отъ этого храма, чтился выше всѣхъ другихъ. Кааба имѣетъ форму продолговатую, массивную, и построена изъ огромныхъ кусковъ различнаго камня, грубо сложеннаго. Длина ея около осьмнадцати шаговъ, ширина четырнадцать, вышина отъ тридцати пяти до сорока. Близъ дверей храма, подъ сѣверо-западнымъ угломъ его, лежитъ тотъ знаменитый *Черный камень*, который правовѣрные лобызаютъ съ такимъ усердіемъ. Восточное преданіе говоритъ, что камень этотъ, съ самаго сотворенія міра, принесенъ и положенъ тутъ Архангеломъ Гаврінломъ; что сначала онъ былъ бѣлѣе снѣга, но грѣхи человѣческіе помрачили его и сдѣлали черным. Всѣ четыре наружныя стороны Каабы завѣшены богатой черной шелковой тканью, подхваченной вверху золотыми шнурами. Ткань эта ежегодно перемѣняется: богатые вельможи Каира присылаютъ ее отъ себя въ то время, когда у мусульманъ наступаетъ пора поклоненія гробу пророка. Старую ткань разрѣзываютъ тогда на маленькіе кусочки, и продажа этихъ кусочковъ усернымъ поклонникамъ приноситъ почти то же самое, чего стоитъ новая ткань.

Digitized by Google

въ книгахъ, но умѣлъ читать въ сердцахъ. Богомольцы, ежегодно стекающіеся въ Мекку, служили ему источникомъ познаній самыхъ изобильныхъ и самыхъ полезныхъ для его генія. Изъ этого-то источника почерпнулъ онъ ту проницательность, ту тонкость соображеній и тотъ пылкій энтузіазмъ, которые дали ему силу вызвать изъ уединенныхъ степей различныя племена своего народа, оживить ихъ своимъ вдохновеніемъ, соединить въ одно цѣлое, и водворить свою власть на такомъ пространствѣ, какого не обхватывали никогда орлы самихъ Римлянъ. Владычество исламизма, какъ извѣстно намъ, простирается отъ границъ Китая до Столповъ Геркулесовыхъ.

Между тѣмъ Магомету надобно было изучить еще многое, чего не могъ узнать онъ, постоянно оставаясь въ Меккѣ; и для изученія этого новаго свѣта ему представлялось одно средство—путешествіе съ караванами. Дядя Магомета, Абу-Галебъ, одобрилъ его желаніе путешествовать, и началъ брать его съ собой, когда еще ему не было семнадцати лѣтъ. Легенды, которыя составляютъ на Востокѣ любимыя бесѣды путешественниковъ, во время ихъ вечернихъ отдыховъ, вкругъ бивачныхъ огней, сильно дѣйствовали на его пылкое, молодое воображеніе. Въ особенности поразила его исторія о впадшихъ въ идолопоклонство Іудеяхъ. Этотъ разсказъ еще глубже врѣзался въ его памяти, когда ему случайно пришлось потомъ провесть нѣсколько дней у несторіянскихъ монаховъ, въ Баерѣ, на границахъ Сиріи. Одинъ изъ этихъ отшельниковъ, удивленный необыкновеннымъ умомъ Магомета и его вниманіемъ ко всему, что только касалось религіи, рѣшился обратить его изъ идолопоклонства. Первое свиданіе съ монахами и послѣдующія за тѣмъ положительно направили Магомета на религіозный путь.

Впослѣдствіи, продолжая ходить съ караванами, какъ торговый коммисіонеръ и агентъ, онъ постоянно посѣщалъ характеристическіе рынки арабскіе, которые посвящены не исключительно одной торговлѣ, но гдѣ слышатся и поэтическія состязанія, и народные разсказы и религіозныя поученія, — и все это какъ нельзя больше способствовало къ образованію любознательнаго ума и къ удовлетворенію любопытства юнаго араба, который, по неумѣнію читать, только и могъ пользоваться ученіемъ изустнымъ. Способность его къ торговлѣ сдѣлалась извѣстной, и одна очень богатая вдова, не желавшая бросить торговыхъ оборотовъ послѣ смерти мужа, и ежегодно отправлявшая караваны въ Сирію, поручила ему свои дѣла. За успѣшное и честное исполненіе ея порученій она платила ему вдвое противъ другихъ коммисіонеровъ, и кончила тѣмъ, что предложила ему свою руку, которую онъ принялъ, вѣроятно, больше изъ

Digitized by Google

благодарности, чѣмъ изъ любви, потому что вдова была старѣе его слишкомъ двадцатью годами. Жена Магомета разсказывала, что разъ, когда онъ возвращался изъ Сиріи въ Мекку, въ прекрасный солнечный день, она видѣла, какъ два ангела осѣняли его своими крылами. Быть можетъ, она вѣрила въ его назначеніе столько же, сколько самъ Магометъ, увлеченный своимъ пылкимъ воображеніемъ и увлекшій вмѣстѣ съ собой и ее.

Обезпеченный богатствомъ своей жены, онъ пересталъ заботиться о торговыхъ дѣлахъ, и состояніе ея больше проиграло отъ этого союза, чѣмъ выиграло. Единственная мысль—извлечь своихъ соплеменниковъ изъ идолопоклонства, занимала его день и ночь. Его сношенія съ Іудеями и Христіянами, всегда многочисленными въ Аравіи, отторгнули его отъ прежней религіи; впечатлѣнія, запавшія въ его душу во время путешествій, посѣяли въ ней зерно новой вѣры; разговоры съ двоюроднымъ братомъ жены, Варакой, іудеемъ, обратившимся въ христіянство, рѣшили его окончательно. Варака переводилъ тексты Ветхаго и Новаго завѣта, и чрезвычайно былъ радъ, что нашелъ такого внимательнаго слушателя. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, отвращеніе, уже и прежде чувствуемое Магометомъ къ тремъ-стамъ шестидесяти идоламъ Каабы и къ темному фетишизму народнаго поклоненія, скоро дошло до крайности. Его геній понялъ великую истину единства Творца,—и все остальное для него ничего ужь не значило. Соплеменники его тоже нѣкогда исповѣдывали эту истину, но она была помрачена въ глазахъ народа Сабами и Магами, изъ которыхъ первые внесли поклоненіе звѣздамъ, вторые солнцу. Магометъ явился въ свѣтъ въ эпоху ложнымъ толкованій Святаго Писанія, и притомъ все, что совершалось тогда за предѣлами Аравіи, было совершенно ему неизвѣстно. У него не было путеводителя, который могъ бы ему сочувствовать, могъ бы просвѣтить его умъ въ борьбѣ съ самимъ собой, и между тѣмъ, разъ устремивъ свой взоръ отъ идолопоклонства къ истинному Творцу, онъ ужь не хотѣлъ больше ничего видѣть, и до того углубился въ свою мысль, что наконецъ всѣ друзья и родственники начали принимать его за сумасшедшаго честолюбца. Съ каждымъ днемъ онъ уединялся все больше и больше, проводилъ цѣлыя недѣли въ пещерѣ, на горѣ Гара, въ размышленіи и молитвѣ, лежа на голой землѣ и закрывъ лице плащемъ своимъ. Одна только Кадіашь, жена его, проникала иногда въ его уединеніе, и одна только ея любовь не измѣнялась къ нему посреди общей непріязни, которую онъ навлекъ на себя своей мечтательной, отшельнической жизнью. Разъ какъ-то, послѣ долгаго поста и молитвы, онъ сказалъ ей, что ему было чудное видѣніе,

Digitized by Google

но что онъ самъ еще не смѣетъ вѣрить тому, что̀ ему предназначается.«Слава Аллаху!—вскричала Кадіашь, увлеченная, можетъ быть, больше своей горячей привязанностью къ мужу, чѣмъ истиннымъ убѣжденіемъ,—слава Аллаху! съ этой минуты ты будешь для меня пророкомъ нашей земли»! Потомъ, желая ободрить его еще больше, прибавила: «ты былъ всегда хорошимъ семьяниномъ, добрымъ сосѣдомъ; ты никогда не отказывалъ бѣдному въ помощи, страннику въ гостепріимствѣ; ты всегда свято хранилъ слово, всегда и вездѣ былъ защитникомъ справедливости,—за все это Аллахъ не попуститъ тебя посрамиться передъ твоимъ племенемъ».

Вотъ что говоритъ Д. Тайлоръ, въ своей *Histoire du Mahometisme*, о видѣніяхъ Магомета: «не рѣдко встрѣчаются намъ примѣры, что воображеніе, разгоряченное мечтательностью и уединеніемъ, принимаетъ собственные свои призраки за существенность. Людямъ, превосходно организованнымъ, представлялись иногда видѣнія неизъяснимыя; даже можно сказать, что эти-то люди въ особенности и подвержены видѣніямъ призраковъ. Великанъ, предсказавшій Кромвелю его величіе, видѣніе, явившееся Цезарю въ палаткѣ Брута, были не что иное, какъ призраки ихъ слишкомъ напряженнаго воображенія. Вѣроятно, точно такъ же и Магометъ видѣлъ Архангела Гавріила, и чистосердечно былъ убѣжденъ, что назначеніе его послано ему свыше.»

Первымъ обращеннымъ Магомета была жена его,—вторымъ—его же невольникъ Зеидъ, которому онъ далъ за это свободу. Это было основаніемъ закона, принятаго впослѣдствіи благочестивыми мусульманами—освобождать невольниковъ, обращающихся въ ихъ вѣру. Зеидъ, получившій свободу, остался тѣмъ не менѣе преданъ Магомету, такъ же, какъ были преданы ему и всѣ его приближенные. Впродолженіе трехъ лѣтъ, число приверженцевъ Магомета простиралось не далѣе сорока; между ними составился союзъ, и они собирались или въ жилищѣ котораго-нибудь изъ обращенныхъ, или въ уединенной пещерѣ близъ Мекки. Тамъ они молились и слушали поученія. Племя Корейшитовъ, къ которому принадлежалъ Магометъ, смотрѣло на его ученіе, какъ на непростительное отступничество отъ древней своей идолопоклонической религіи. Начались преслѣдованія и увѣщанія, сперва тайныя и кроткія, которыми старались удержать Магомета въ прежней его вѣрѣ, потомъ все болѣе грозныя и явныя, начавшія наконецъ возстановлять противъ него толпу. Это двойное преслѣдованіе, то направленное на нововводителя со стороны моральной, то стѣсняющее его существенно, сдѣлало сильное вліяніе на впечатлительную и симпатическую натуру Магомета. Ему было тогда не съ большимъ

Digitized by Google

сорокъ лѣтъ, но лицо его сдѣлалось блѣдно, всѣ черты приняли выраженіе какой-то одичалости; здоровье и силы его видимо слабѣли, такъ что друзья начали опасаться за жизнь его, между тѣмъ какъ враги еще утвердительнѣе оглашали его сумасшедшимъ.

Несмотря на то, онъ все больше и больше предавался размышленіямъ, посту и молитвѣ. Наконецъ явилось ему второе видѣніе, которое, какъ говорилъ онъ, повелѣвало ему «возстать и проповѣдывать славу Божію». Онъ созвалъ свое племя и торжественно объявилъ, что посланъ возстановить единую истинную вѣру,—древнюю вѣру Адама, Ноя, Авраама, Моисея и всѣхъ слѣдовавшихъ за тѣмъ пророковъ, и тѣмъ самымъ ниспровергнуть грубое и отвратительное идолопоклонство, въ которое впала большая часть его соплеменниковъ. При самомъ первомъ указаніи Магомета на заблужденія идолопоклонства, дядя его, Абу-Талебъ, сынъ котораго былъ женатъ на Магометовой дочери, пришелъ противъ него въ такое ожесточеніе, что въ ту же минуту оставилъ сборище и приказалъ сыну отказаться отъ жены и отослать несчастную женщину въ домъ ея отца.

Нисколько не оскорбясь этой обидой, а напротивъ какъ бы возвеличенный ею, нововводитель вторично пригласилъ къ себѣ всѣхъ своихъ родственниковъ и сдѣлалъ имъ обѣдъ. Когда они напились и наѣлись, онъ, повторивъ имъ все то, что говорилъ уже прежде, прибавилъ: «Я не знаю ни одного человѣка въ цѣлой Аравіи, который бы могъ предложить вамъ вещь болѣе драгоцѣнную той, какую я предлагаю: я хочу доставить вамъ блаженство и въ здѣшней жизни и въ будущей». Потомъ онъ выставилъ имъ въ самыхъ яркихъ очеркахъ все безуміе идолопоклонства, и обернувъ его въ смѣшную сторону, спросилъ, какую вѣру можно имѣть къ безчувственнымъ идоламъ, которые сами не имѣютъ ни дыханія жизни, ни глазъ, которыми могли бы видѣть, ни ушей, которыми могли бы слышать. Наконецъ, воодушевляясь все больше и больше, онъ вскричалъ: «есть ли между вами кто-нибудь, желающій быть моимъ визиремъ и помощникомъ, какъ Ааронъ былъ у Моисея»? Молодой Али, тщетно ожидавшій нѣсколько минутъ, чтобы кто-нибудь болѣе достойный его откликнулся на этотъ призывъ, изъявилъ наконецъ свою приверженность къ Магомету въ выраженіяхъ пылкихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ скромныхъ. Магометъ обнялъ его, прижалъ къ своему сердцу и назвалъ своимъ братомъ, своимъ вторымъ я. Большая часть собранія засмѣялась; Али былъ осыпанъ насмѣшливыми поздравленіями въ своемъ новомъ чинѣ, и насмѣшки эти сыпались и на отца его, которому говорили, что теперь онъ ужь долженъ повиноваться своему сыну.

Digitized by Google

Тѣмъ не мѣнѣе эта выходка Магомета открыла путь его ученію. Народъ началъ съ радостію принимать догматы новой вѣры; женщины, всегда готовыя принять сторону преслѣдуемыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Ирвингъ Вашингтонъ, становились жаркими его поклонницами. Іудеи, предпочитавшіе его ученіе идолопоклонству, тоже не возставали противъ него. Даже впослѣдствіи, когда они увидѣли, что онъ дозволяетъ своимъ послѣдователямъ ѣсть свиное и верблюжье мясо, они не сочли за нужное присоединиться къ его противникамъ.

Продолжая постоянно распространять свое ученіе, Магометъ, отъ времени до времени, диктовалъ его догматы, которые записывались избранными его учениками, и изъ которыхъ впослѣдствіи составился Коранъ. Кажется, говоритъ докторъ Тайлоръ, что онъ никогда не имѣлъ мысли составить изъ своихъ поученій полную и послѣдовательную книгу, а диктовалъ ихъ отдѣльно, по мѣрѣ надобности и вдохновенія. Они были собраны уже послѣ его смерти, по повелѣнію Абу-Беккера, и собраны безъ всякой послѣдовательности, какъ пачка листковъ, разнесенныхъ вѣтромъ, и потомъ попавшихся въ руки человѣка совершенно безграматнаго, сложившаго ихъ кое-какъ.

По мѣрѣ распространенія Магометова ученія, родъ Корейшитовъ, наслѣдственныхъ хранителей храма Каабы, понялъ, что ему угрожаетъ опасность. Корейшиты составили торжественную лигу, цѣлью которой было погубить ихъ врага; и чтобъ придать своему намѣренію болѣе вѣса и даже нѣкоторую святость, копію съ подписаннаго заговорщиками по этому случаю документа положили въ самомъ храмѣ. Магомету удалось открыть заговоръ; документъ, положенный въ храмѣ, исчезъ, и онъ написалъ заговорщикамъ, что Господь, желая истребить доказательство ихъ преступнаго замысла, послалъ червя, который источилъ весь документъ, кромѣ того мѣста, на которомъ было начертано его имя.

Обернувъ на своихъ преслѣдователей ихъ же оружіе, онъ разстроилъ ихъ заговоръ, и впослѣдствіи эта лига уничтожилась сама-собой. Но между тѣмъ Мекка не составляла безопаснаго убѣжища для новообращенныхъ. Реформаторъ долженъ былъ распустить своихъ послѣдователей, и, какъ говорятъ, самъ вмѣстѣ съ ними удалился въ Абиссинію, гдѣ едва могъ найдти пристанище, и гдѣ скрывался до тѣхъ поръ, пока число собравшихся вкругъ него учениковъ достигло до ста. Тогда Магометъ опять возвратился въ Мекку и началъ проповѣдывать повсюду, гдѣ только встрѣчалъ слушателей. Нѣкоторые изъ его родственниковъ, оставляя въ сторонѣ его.

Digitized by Google

ученье, и помня только узы родства, свято чтимыя между Арабами, еще поддерживали своимъ покровительствомъ его личную безопасность; но послѣдователи его часто подвергались оскорбленіямъ Корейшитовъ. Когда одинъ изъ нихъ горько жаловался на обиду, нанесенную ему Корейшитами, Магометъ, вспыхнувъ, сказалъ: «Въ древнія времена вѣрующихъ раздирали на части зубьями желѣзныхъ граблей, отрубали имъ члены; они переносили всѣ муки съ терпѣніемъ и не отрекались отъ своей вѣры. Имѣйте и вы столько же мужества и терпѣнія. Кто истинно вѣруетъ, тотъ одинъ пройдетъ изъ конца въ конецъ вселенную, никого не боясь, кромѣ одного Бога».

Вотъ что разсказываетъ *Шіатъ-эль-Калебъ*, своимъ восточнымъ слогомъ и въ чисто восточной формѣ, объ одномъ оскорбленіи, нанесенномъ лично Магомету:

«Во время стеченія богомольцевъ въ Мекку, Магометъ, для поученія народа, взошелъ на вершину горы Софатъ и началъ кричать во всеуслышаніе: «О вы, которые внимаете мнѣ, знайте, что я посланникъ Творца вселенной!» Народъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, но слушалъ его молча. Магометъ перешелъ на гору Мервашь, и три раза повторилъ тѣ же самыя слова. Тогда одинъ изъ идолопоклонниковъ, услышавъ его, бросилъ въ него камень и ранилъ имъ лучезарное чело Магомета. Другіе идолопоклонники тоже схватили камни.... но тутъ архангелъ Ибраилъ слетѣлъ къ Магомету, и онъ со слезами сказалъ ему: «Посмотри, что̀ мой народъ со мной дѣлаетъ: онъ обвиняетъ меня во лжи и поражаетъ меня каменьями.» —Дай мнѣ свою руку, сказалъ ангелъ,—и посадилъ пророка на вершинѣ горы. Подъ крыломъ его былъ небесный коверъ, украшенный жемчугомъ и рубинами; онъ раскинулъ его въ воздухѣ, и коверъ покрылъ всѣ горы, окружающія Мекку. Потомъ, снова взявъ за руку Магомета, ангелъ посадилъ его на коврѣ и сказалъ: «хочешь ли ты узнать, какъ Аллахъ чтитъ тебя?»— Да, отвѣчалъ Магометъ. — Въ такомъ случаѣ позови къ себѣ это дерево, сказалъ Ибраилъ. По призыву Магомета, дерево приблизилось къ нему и преклонилось передъ нимъ; потомъ, по его повелѣнію, снова возвратилось на свое мѣсто. Тутъ показался ангелъ Измаилъ, управляющій первымъ небомъ. Привѣтствуя пророка, онъ сказалъ: «Аллахъ послалъ меня для исполненія твоихъ приказаній. Если ты пожелаешь, звѣзды посыплются на твоихъ враговъ и сожгутъ ихъ». Потомъ показался ангелъ солнца и предложилъ Магомету уничтожить его враговъ, приблизивъ къ нимъ сферу, ему подвластную. Ангелъ земли предлагалъ разверзнуть нѣдра ея для поглощенія его враговъ; ангелъ горъ хотѣлъ воздвигнуть на нихъ горы; ангелъ моря просилъ позволенія потопить ихъ въ вол-

Digitized by Google

нахъ океана. Магометъ спросилъ всѣхъ этихъ ангеловъ, дѣйствительно ли посланы они охранять его; когда они отвѣчали утвердительно, онъ, обративъ лице свое къ небесамъ, сказалъ: «я не для того посланъ, чтобы судить, но принесть міру прощеніе; оставьте же меня моему народу, который преслѣдуетъ меня по своему невѣжеству».

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ началъ проповѣдывать свое ученіе, и къ этому-то времени ученики его относятъ его знаменитое путешествіе на небо. Въ ихъ разсказахъ это путешествіе разцвѣчено всею яркостью красокъ восточнаго воображенія. По ихъ словамъ, путеводителемъ пророка былъ ангелъ Ибраилъ, лице котораго было бѣло какъ снѣгъ, локоны прекрасныхъ волосъ его красиво развѣвались по плечамъ; одежду его украшали десять тысячъ ароматическихъ подушечекъ, наполненныхъ мускусомъ и шафраномъ. На челѣ его были двѣ золотыя пластинки съ надписями—на одной: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога»; на другой: «Магометъ пророкъ его». Пятьсотъ паръ крыльевъ осѣняли ангела, и каждая отдѣлялась отъ другой пространствомъ на пятьсотъ лѣтъ пути. Ангелъ Ибраилъ предложилъ Магомету для путешествія на небо животное немного менѣе мула и немного больше осла. Этотъ «небесный корабль», какъ называютъ его Арабы, весь былъ украшенъ такимъ множествомъ алмазовъ, что блескъ ихъ былъ подобенъ блеску солнечныхъ лучей. Прежде всего Магометъ съ ангеломъ прибыли въ Іерусалимъ, гдѣ спустилась къ нимъ съ небесъ лучезарная лѣствица. Они начали всходить по ней, и Ибраилъ осѣнилъ Магомета своими крыльями, чтобы предохранить отъ всякой опасности. Такъ достигли они перваго неба, гдѣ были встрѣчены Адамомъ, человѣкомъ высокаго роста и съ бѣлымъ лицемъ. Потомъ увидѣли Іосифа, превосходящаго своей красотой всѣхъ другихъ людей, какъ полная луна превосходитъ звѣзды; увидѣли ангела колоссальнаго роста, одна половина тѣла котораго состояла изъ снѣга, другая изъ огня, и между тѣмъ снѣгъ не таялъ отъ огня, огонь не угасалъ отъ снѣга. Онъ провозглашалъ могучимъ голосомъ: «Святъ Господь, хранящій невредимыми противоположные элементы, изъ которыхъ состоитъ существо мое! О Ты, Который умѣлъ соединить снѣгъ съ огнемъ, сохрани единство чувствъ въ сердцахъ человѣческихъ!» — «Это самый неусыпный стражъ изъ всѣхъ хранителей, посланныхъ Творцемъ его правовѣрнымъ, — замѣтилъ Ибраилъ; — со дня сотворенія міра и до настоящаго дня, онъ не престаетъ молиться о тѣхъ, которымъ посланъ въ заступники.» Наконецъ они увидѣли ангела смерти, держащаго вселенную между колѣнъ своихъ, а въ рукахъ жребіи съ надписями, которые онъ созерцалъ задумчивымъ взоромъ.

Digitized by Google

Ибраилъ замѣтилъ, что должность этого ангела труднѣе и печальнѣе всѣхъ другихъ. Пророкъ спросилъ: «Къ каждому ли смертному обязанъ приближаться онъ?» — «Да, отвѣчалъ задумчивый ангелъ; въ каждомъ жилищѣ я бываю по пяти разъ въ день и осматриваю каждаго его обитателя. Когда родственники и друзья оплакиваютъ умершаго, я говорю имъ: не плачьте, потому что я буду посѣщать васъ еще, и буду посѣщать до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного изъ васъ». — «То, что̀ слѣдуетъ послѣ смерти, часто бываетъ еще ужаснѣе ея, замѣтилъ Ибраилъ, указавъ пророку на людей, повѣшенныхъ за ноги надъ огненными кострами; — казнь эта назначена имъ за то, прибавилъ онъ, что они, пользуясь дарами Всевышняго, Который возвелъ ихъ на степень богатства и величія, употребили ихъ во зло и совратились съ пути истины».—Далѣе ангелы сооружали дворецъ изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей. Пророкъ, увидѣвъ, что они оставили свою работу и стоятъ сложивъ руки, спросилъ ихъ, что̀ это значитъ. — «Мы ждемъ, чтобъ издержки, которыхъ требуетъ наша работа, покрылись приношеніями, отвѣчалъ одинъ изъ ангеловъ. — Какими приношеніями? спросилъ пророкъ. — Молитвами правовѣрныхъ, отвѣчалъ ангелъ; каждый разъ, когда они перестаютъ молиться, мы перестаемъ работать». — На другой сторонѣ Магометъ увидѣлъ людей съ огромными верблюжьими губами. Ангелы обрѣзывали эти губы и бросали отрѣзанные куски мяса тѣмъ же несчастнымъ въ ротъ. —«Это тѣ, сказалъ Ибраилъ, которые смѣялись надъ правовѣрными и поносили ихъ».— Люди жадные, ограбившіе сиротъ, приговорены были къ казни глотать огонь.

Самой грустной эпохой въ жизни Магомета было то время, когда онъ только что началъ открыто проповѣдывать свое ученіе, и время, послѣдовавшее за тѣмъ. Кадіашь умерла. Корейшиты были ожесточены противъ него больше, чѣмъ когда-нибудь. Поклонники, приходящіе въ Мекку каждый годъ, и прежде уважавшіе Магомета, какъ служителя Каабы, теперь гнушались имъ, какъ отступникомъ. Главной опорой служилъ ему дядя его, Абу-Галебъ, но и тотъ лишилъ его своего покровительства съ тѣхъ поръ, какъ онъ предложилъ и ему оставить идолопоклонство. Новообращеннымъ же опять надобно было искать для себя какое-нибудь безопасное убѣжище, но ни одинъ народъ не хотѣлъ принять ихъ.

Наконецъ въ одинъ счастливый день, когда онъ проповѣдывалъ по обыкновенію, на одной изъ горъ, окружающихъ Мекку, ему удалось привлечь къ себѣ вниманіе многихъ поклонниковъ, пришедшихъ изъ Медины, чистыхъ Арабовъ изъ племени Хозрадитовъ, которыхъ еще прежде расположили въ пользу Магомета Іудеи,

Digitized by Google

жившіе въ Мединѣ и одобрявшіе его ученье уже собственно потому, что онъ проповѣдывалъ единство божества. Эти Арабы увлеклись краснорѣчіемъ Магомета, и не имѣя противъ него того предубѣжденія, какое имѣли его соотечественники, приняли его ученіе. Магометъ объявилъ имъ свое желаніе отправиться съ ними въ Медину, но сверхъ всякаго чаянія получилъ въ этомъ отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они ведутъ открытую войну съ другимъ племенемъ, и по этому не могутъ дать вѣрнаго убѣжища чужеземцу. Понявъ съ обыкновенной своей проницательностію, что Хозрадиты боятся еще показать себя слишкомъ явно его приверженцами, Магометъ предложилъ имъ взять съ собой Мусу-Эбнъ-Омира, одного изъ достойнѣйшихъ и надежнѣйшихъ его учениковъ, давъ ему наставленіе разсѣявать сѣмена вѣры на этой новой почвѣ. Муса оправдалъ вполнѣ довѣренность своего учителя и обратилъ къ нему многихъ жителей Медины. Другіе ученики Магомета, преслѣдуемые въ Меккѣ, спѣшили тоже переселяться въ гостепріимный городъ. Подвергнутые гоненію, они, сколько изъ усердія, столько же и для собственной безопасности, старались повсюду распространять и проповѣдывать новое ученіе, и наконецъ жители Медины рѣшились просить Магомета, чтобы онъ избралъ ихъ городъ своей резиденціей. Они прислали къ нему депутацію слишкомъ изъ семидесяти человѣкъ новообращенныхъ, которые должны были служить ему и конвоемъ. Дядя его, Али-Аббасъ, смотрѣлъ на это предложеніе какъ на глупость, но Магометъ призвалъ къ себѣ своихъ адептовъ и требовалъ отъ нихъ торжественной клятвы въ томъ, чтобы они явно отреклись отъ идоловъ, открыто приняли поклоненіе единому истинному Богу, безпрекословно повиновались ему, Магомету, охраняли и защищали его и взаимно другъ друга, какъ бы охраняли и защищали они женъ и дѣтей своихъ. Съ своей стороны онъ давалъ имъ обѣтъ быть съ ними неразлучнымъ, и быть другомъ ихъ друзей и врагомъ ихъ враговъ. Новообращенные спросили его, какую награду обѣщаетъ онъ имъ въ случаѣ, если приверженность къ нему ихъ погубитъ: «*Рай*», отвѣчалъ Магометъ, — и неофиты остались довольны.

Не смотря на то, Магометъ не поѣхалъ еще въ Медину, и отправивъ обратно присланную къ нему депутацію, самъ остался на нѣсколько времени въ Меккѣ, все еще надѣясь обратить въ свою вѣру родныхъ своихъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ его великодушія и любви къ роднымъ, за которую однакожь они заплатили ему гнуснымъ заговоромъ на жизнь его. Ворвавшись ночью въ его комнату, заговорщики нашли на его постелѣ молодаго Али,

Digitized by Google

завернувшагося въ зеленый плащъ своего учителя, между тѣмъ какъ самъ Магометъ успѣлъ уже скрыться отъ нихъ въ жилище Абу-Бекера, а потомъ въ сопровожденіи его убѣжалъ въ одну изъ пещеръ горы Тора. И едва только они вошли въ нее, какъ услышали за собою погоню, горячо ихъ преслѣдующую. Абу-Бекеръ, не смотря на извѣстное свое мужество, со страхомъ замѣчалъ, что ихъ преслѣдуетъ многочисленная толпа, которой двое никакъ не могутъ противиться. «Насъ трое»—возразилъ Магометъ,—«потому что съ нами Богъ!...»

Сто верблюдовъ было обѣщано за голову пророка, и по этому бѣглецовъ отыскивали очень тщательно, но никакъ не могли отыскать. Арабская легенда говоритъ, что входъ въ пещеру, въ которой скрывался пророкъ, заслонился деревомъ акаціи, внезапно выросшимъ. На акаціи было голубиное гнѣздо и въ гнѣздѣ были уже яйца. Паутина тянулась отъ вѣтвей дерева къ краямъ пещеры, и служила доказательствомъ, что туда не входилъ никто. Обманутые этими признаками, Корейшиты удалились, не дѣлая поисковъ въ пещерѣ, и Магометъ съ своимъ будущимъ военоначальникомъ могъ свободно избирать себѣ путь. Само по себѣ разумѣется, что они отправились въ Медину, гдѣ друзья давно уже и нетерпѣливо ожидали ихъ. Послѣ однодневнаго пути, въ продолженіе котораго имъ все еще грозила опасность и требовала отъ нихъ большой осторожности, бѣглецы прибыли наконецъ въ Кобу, отстоящую на двѣ мили отъ Медины, гдѣ не боялись уже никакихъ преслѣдованій. Тамъ они остановились и дали знать въ Медину о своемъ прибытіи. Приверженцы Магомета тотчасъ же начали стекаться толпами и рѣшились устроить ему торжественный въѣздъ. Въ Кобѣ Магометъ провелъ четыре дня въ отдохновеніи, потомъ въ одно утро, собравъ учениковъ своихъ на молитву и сказавъ поученіе, сѣлъ на верблюда и отправился, сопровождаемый семьюдесятью конными всадниками, составлявшими его конвой, между тѣмъ какъ ученики его попеременно держали надъ нимъ балдахинъ, сдѣланный изъ пальмовыхъ листьевъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе другихъ восторженный, вскричалъ: «о посланникъ Божій, ты долженъ войдти въ Медину со знаменемъ!» и снявъ съ головы свой тюрбанъ, онъ прикрѣпилъ его къ концу копья и торжественно понесъ передъ Магометомъ. Это было то самое знамя, которое впослѣдствіи сдѣлалось такъ знаменито и принесло Магомету столько блестящихъ побѣдъ. Новообращенные толпами выбѣгали изъ города на встрѣчу торжественному поѣзду, и тотъ, кто, убѣгая изъ Мекки, спасалъ свою жизнь, вступалъ въ Медину какъ тріумфаторъ. Жители Медины оспоривали другъ у друга честь, кому принять его въ своемъ домѣ.

Digitized by Google

Это-то событіе называется у мусульманъ *Эгирой*, или *Бѣгствомъ въ Медину*, и составляетъ начало ихъ лѣтосчисленія. Оно относится къ 622 году христіянской эры.

Первой мыслью Магомета по прибытіи въ Медину была мысль объ устройствѣ храма для его богослуженія, въ чемъ онъ также видѣлъ лучшее средство для соединенія учениковъ своихъ и для собственнаго на нихъ вліянія. Онъ избралъ мѣсто и началъ созидать первую мечеть. Это было зданіе обширное, но сооруженое изъ самыхъ простыхъ матеріяловъ. Крыша его была изъ пальмовыхъ листьевъ; стволы тѣхъ же пальмъ, оставленные въ натуральной корѣ своей, поддерживали ее вмѣсто колоннъ. Часть этого зданія была назначена для помѣщенія правовѣрныхъ, неимѣющихъ собственнаго пріюта. Магометъ при постройкѣ его работалъ собственными руками, показывая такимъ образомъ примѣръ той простоты и того смиренія, которыми онъ отличался во всю свою жизнь. Наконецъ возникъ вопросъ, какимъ способомъ призывать правовѣрныхъ на молитву. Абдалахъ, который въ то время считался другомъ Магомета, а впослѣдствіи сдѣлался его соперникомъ, предложилъ и ввелъ въ употребленіе призваніе словесное, произносимое громкимъ голосомъ. Съ тѣхъ поръ, и до нашихъ временъ, повсюду, гдѣ принято магометанское исповѣданіе, муезины, всходя на свои минареты, сзываютъ народъ на молитву извѣстными возгласами, и путешественники, посѣщавшіе Востокъ, безъ сомнѣнія, вспомнятъ, какъ, на утренней зарѣ или въ томительной тишинѣ знойнаго полдня, торжественно раздаются эти слова: «Богъ великъ! нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его: идите на молитву!» Повторивъ эту фразу два раза, утромъ муезинъ прибавляетъ: «Молитва лучше сна.» Во время вечерней службы новая мечеть освѣщалась пальмовыми отрубками, которые, заключая въ себѣ много смолистыхъ частей, замѣняли факелы. Магометъ, стоя подлѣ мечети и прислонясь къ одной изъ ея натуральныхъ колоннъ, поучалъ собравшійся вкругъ него народъ.

До тѣхъ поръ основаніемъ ученія его были кротость и міръ, но утвердившись въ Мединѣ, онъ отступилъ отъ этихъ началъ, увлекаясь, можетъ быть, такъ же какъ и многіе другіе сектаторы, тою мыслью, что такія начала недостаточны для удержанія власти въ отношеніи политическомъ. Прежде всего онъ началъ, какъ бы въ отмщеніе врагамъ своимъ Корейшитамъ, посылать небольшіе отряды для нападенія на ихъ караваны въ степяхъ. Нападенія были удачны, слѣдовательно и выгодны. Корысть начала привлекать въ ряды этихъ шаекъ все больше и больше сообщниковъ, и впродолженіе двухъ лѣтъ войско

Digitized by Google

Магомета до того увеличилось, что могло напасть на огромный караванъ, шедшій изъ Мекки подъ охраненіемъ отряда, состоявшаго изъ девяти-сотъ пятидесяти человѣкъ, отлично вооруженныхъ. Дѣло предстояло не легкое, и Шейху, полководцу, нуженъ былъ весь его геній, чтобы кончить битву удачно, потому что непріятели были втрое многочисленнѣе его войска и гораздо лучше пріучены къ дисциплинѣ. Какъ Наполеонъ, Магометъ рѣшился воспламенить своихъ солдатъ великостью предстоявшаго имъ подвига и увлекательными обѣщаніями. «Мечъ, сказалъ онъ, точно такъ же можетъ служить ключемъ къ небесамъ, какъ и къ аду. Тотъ, кто подыметъ его за святое дѣло, будетъ награжденъ еще въ здѣшней жизни. Каждая капля пролитой имъ крови, каждая опасность, каждый подвигъ, будутъ записываться въ великой книгѣ и сочтутся важнѣе поста и молитвы. Тотъ же, кто падетъ на полѣ битвы, получитъ отпущеніе во всѣхъ грѣхахъ своихъ, и его ждетъ рай съ своими вѣчными радостями.»

Очень хорошо понимая, что ему надобно оправдать чѣмъ-нибудь свои военныя дѣйствія, противорѣчащія первоначальному его ученію, Магометъ объявилъ, что, истощивъ всѣ средства кротости для обращенія Корейшитовъ, онъ считаетъ наконецъ себя обязаннымъ обратить ихъ силою, и, какъ бы для смягченія этихъ средствъ, сдѣлалъ нѣсколько наставленій, какъ должны поступать его солдаты во время войны. Онъ запретилъ имъ истреблять фруктовыя деревья, выбивать хлѣбъ на поляхъ, и вообще всякое разрушеніе, допускаемое войной. «Не убивайте ни одно животное, говорилъ онъ, если только не имѣете необходимости убить его для своей пищи; не отравляйте источниковъ, изъ которыхъ невѣрные черпаютъ себѣ воду, не будьте ихъ ночными убійцами. Приблизившись къ врагамъ, старайтесь прежде всего сдѣлать ихъ мусульманами, и если они согласятся, велите имъ идти въ столицу исламизма; если нѣтъ, предложите имъ условія, какъ данникамъ, и только тогда уже, когда все будетъ отвергнуто, *поражайте ихъ въ честной битвѣ*».

Подъ вліяніемъ этихъ поученій, новообращенные оказали чудеса храбрости: нападеніе на караванъ удалось на всѣхъ пунктахъ. Всю ночь, предшествовавшую битвѣ, Магометъ провелъ подъ деревомъ, молясь съ колѣнопреклоненіемъ. Когда стало разсвѣтать, отрядъ его устрашился многочисленности непріятеля, но онъ снова ободрилъ его, постоянно приводя стихи изъ своего Корана. «Вѣрьте, что я пошлю вамъ въ подкрѣпленіе тысячу ангеловъ, говорилъ онъ,— тысячу ангеловъ, которые выступятъ одинъ за другимъ. Побѣда дается Богомъ, а Богъ всемогущъ и справедливъ.» Атаба, начальникъ

Digitized by Google

каравана, видѣлъ, что битва неизбѣжна. Онъ велѣлъ своему сыну и своему брату надѣть шлемы и кольчуги, а самъ, для предохраненія отъ сабельныхъ ударовъ, обвязалъ свою голову двойнымъ тюрбаномъ, и послалъ Магомету вызовъ, чтобы онъ выслалъ изъ своихъ рядовъ такое же число противниковъ. Избѣгая кровопролитія, онъ хотѣлъ рѣшить битву единоборствомъ трехъ человѣкъ. Магометъ избралъ своего двоюроднаго брата Абдалаха-бенъ-Харта, своего дядю Хомсая, и юнаго Али, котораго онъ любилъ какъ сына. Онъ убѣждалъ ихъ положиться на помощь Божію, въ той увѣренности, что Онъ не допуститъ погаснуть свѣтильнику вѣры. Идолопоклонники были побѣждены. Одинъ изъ мусульманъ, старикъ Абдалахъ, былъ раненъ смертельно. Его внесли въ палатку Магомета. «О посланникъ Божій! вскричалъ умирающій, буду ли я въ числѣ мучениковъ?»—«Да, отвѣчалъ Магометъ, глубоко огорченный,—да, и будешь первый въ семействѣ моемъ.»

Вотъ картина этой битвы, заимствованная изъ персидской рукописи:

«Евлисъ лично присутствовалъ подъ знаменами Корейшитовъ, и сталъ во главѣ ихъ. Увидѣвъ это, пророкъ приказалъ своимъ солдатамъ закрыть глаза и не обнажать сабель безъ его повелѣнія. Потомъ, воздѣвъ руки къ небесамъ и преклонясь, онъ воскликнулъ: «О Аллахъ! они сражаются за вѣру Твою, и если погибнутъ всѣ, то кто жь останется на землѣ для поклоненія Тебѣ!» Тутъ пророкъ впалъ въ то безчувственное состояніе, которое обыкновенно служило признакомъ видѣній, являющихся ему изъ другаго міра. Когда онъ опомнился, потъ катился съ лучезарнаго чела его, и онъ воскликнулъ: «смотрите, вотъ Ибраилъ является на помощь къ вамъ, и за нимъ тысяча ангеловъ». Показалось черное облако, разсѣкаемое молніями, и остановилось надъ войскомъ пророка. Стукъ оружія раздавался въ этомъ облакѣ. Вождь язычниковъ, ставъ между двумя арміями, возгласилъ: «О боги! наша вѣра древняя, вѣра Магомета новая; помогите той, которая угодна вамъ!» Непріятели сошлись на рукопашный бой. Али поднялъ горсть песку и подалъ ее Магомету, который бросилъ песокъ въ лице враговъ своихъ съ проклятіемъ. Въ ту же минуту поднялся страшный вихрь, съ силой понесъ на непріятелей Магомета брошенный имъ песокъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство: каждый, кого касалась хотя одна песчинка, не возвратился живой съ поля битвы. Вождь Корейшитовъ тоже погибъ въ ней, и Магометъ, глядя на трупъ его, сказалъ: «Ты будешь наказанъ на томъ свѣтѣ за то, что называлъ меня лжецомъ, когда я проповѣдывалъ истину. Этотъ человѣкъ согрѣшилъ больше Фараона, прибавилъ

Digitized by Google

онъ: тотъ исповѣдывалъ единаго Бога, когда море поглотило его; этотъ до послѣдняго часа призывалъ своихъ идоловъ....

Послѣ этой побѣды, которую мусульмане называютъ Бедерской или Бакрской, Магометъ сдѣлался полнымъ властителемъ Медины. Но Евреи, которыхъ не могъ обратить онъ, мѣшали ему, и онъ, если не преслѣдовалъ ихъ открыто, такъ по крайней мѣрѣ старался унижать сколько могъ. Корейшиты, больше раздраженные, чѣмъ испуганные, нанесеннымъ имъ пораженіемъ, тоже искали только случая возобновить свои непріязненныя дѣйствія, и по этому вся исторія Магомета представляетъ въ это время только безпрерывный рядъ битвъ, по большой части выигранныхъ мусульманами. Между прочими битвами была кровопролитнѣе другихъ битва Ошодская, которую Магометъ тоже выигралъ, хотя и потерялъ много людей. Въ этомъ сраженіи молодой Али бился до того, что лезвее сабли его сломалось. Магометъ далъ ему свой собственный мечъ, и этимъ мечемъ визирь его «посылалъ на дно преисподней каждаго, кто осмѣливался нападать на пророка». Въ рядахъ Корейшитовъ была дочь Атабаха, Хинда, которая въ насмѣшку надъ трусостью своихъ солдатъ, обратившихся въ бѣгство, начала подавать имъ стклянночку съ составомъ, употребляемымъ женщинами для крашенія рѣсницъ, называла ихъ бабами, и говорила, чтобы съ этого времени они не смѣли выдавать себя за мущинъ. Увидѣвъ тѣло своего дяди Хомсая, покрытое ранами и обезображенное, Магометъ заплакалъ и сказалъ: «Клянусь за одно это тѣло точно такъ же растерзать и обезобразить семьдесятъ тѣлъ моихъ враговъ!» Но за этимъ минутнымъ порывомъ онъ какъ будто бы услышалъ тайный голосъ, который говорилъ ему: «если ты будешь мстить, то пусть твоя месть не превосходитъ зла, которое тебѣ сдѣлали; если перенесешь зло съ терпѣніемъ, это будетъ еще лучшимъ послушаніемъ». Здѣсь видны два человѣка: одинъ, увлекающійся страстями и властью, — другой, укрощаемый голосомъ великодушія. Къ чести реформатора надобно сказать, что онъ послушалъ послѣдняго.

Мы не будемъ исчислять всѣхъ битвъ Магомета, а приведемъ лучше еще нѣсколько характеристическихъ разсказовъ о немъ древняго Востока.

Послѣ одной побѣды надъ Корейшитами, Фатьма, дочь Магомета и жена Алія, принесла своему отцу воды, для освѣженія его послѣ усталости. Вдругъ показался на мулѣ ангелъ Ибраилъ, на плечахъ котораго развѣвалась райская ткань, вышитая жемчугомъ и яхонтами. Ибраилъ, также какъ и Магометъ, былъ покрытъ пылью. Замѣтивъ это, пророкъ всталъ, и пыль исчезла отъ одного его дуно-

Digitized by Google

венія. Тогда Ибраилъ сказалъ ему: «да будетъ надъ тобой милость Аллаха! Ты обезоружилъ враговъ своихъ скорѣе, чѣмъ небесные воины, посланные тебѣ на помощь для преслѣдованія Корейшитовъ. Теперь Аллахъ повелѣваетъ тебѣ до тѣхъ поръ не творить вечерней молитвы, пока ты не вступишь во владѣнія Бенъ-Корейшитовъ (враговъ Магомета). Я пойду впереди тебя, поколеблю стѣны жилищъ ихъ, и враги твои сокрушатся отъ моей руки, какъ яичная скорлупа отъ камня, разбивающаго ее на тысячу частей». Когда мусульмане приблизились къ непріятельскому укрѣпленію, многіе изъ непріятелей начали осыпать Магомета и его армію упреками. «Вамъ ли, братьямъословъ и свиней, вамъ ли, поклонникамъ идоловъ, оскорблять меня? А воскликнулъ Магометъ. Вѣрьте мнѣ, горе тому народу, на который возстану я!»—О Магометъ, отвѣчали непріятели,—мы никогда не считали тебя зачинщикомъ кровопролитія! — При этомъ замѣчаніи пророкъ бросилъ на землю трость свою и свой плащъ; чело его вспыхнуло огнемъ стыда, и онъ, отступивъ на нѣсколько шаговъ, погрузился въ размышленія.

Въ одной битвѣ Али встрѣчается съ непріятельскимъ богатыремъ, на шлемѣ котораго, для защиты отъ сабельныхъ ударовъ, было толстое кольцо изъ твердаго камня. Воспѣвая героическіе гимны, противники сблизились, и Али однимъ махомъ разрубилъ и кольцо, и шлемъ, и голову своего противника, еврея Іегоды. Въ другой разъ, аттакуя ворота крѣпости, онъ сорвалъ ихъ съ петель, взялъ въ руки вмѣсто щита, и потомъ отбросилъ на сорокъ шаговъ. Семьдесятъ человѣкъ не могли поднять этихъ воротъ. Удивленный этими подвигами, Ибраилъ явился Магомету и сказалъ: «когда Всевышній повелѣлъ мнѣ истребить народъ Лота, я на одномъ перѣ крыла моего поднялъ семь городовъ этого народа такъ высоко, что жителямъ седьмаго неба стали слышны глосавъ нихъ. Ожидая дальнѣйшихъ повелѣній Всевышняго, я держалъ эти города на воздухѣ цѣлую ночь, и даже не чувствовалъ ихъ тяжести. Но теперь, когда Али, воскликнувъ: *Аллахъ Акбаръ* (Богъ великъ), поразилъ Мархаба и занесъ свой мечъ на Газема, я получилъ повелѣніе сдержать этотъ ударъ для того, чтобы онъ не раздвоилъ вселенной, и ударъ этотъ отозвался на моихъ крыльяхъ тяжелѣе семи городовъ, не смотря на то, что его удерживали еще и другіе ангелы».

Магометъ обѣщалъ двѣнадцать дворцовъ въ раю тому, кто побѣдитъ племя Явисовъ, и Али, принимая это предложеніе, пожелалъ узнать, какіе будутъ эти дворцы. Магометъ сказалъ, что они построены изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей на цементѣ изъ

Digitized by Google

мускуса и амбры. Дорожки вкругъ нихъ усыпаны жемчугомъ и яхонтами, лужайки изъ шафрана, холмы изъ камфоры. Около каждаго дворца протекаютъ четыре рѣки: въ одной течетъ вино, въ другой медъ, въ третьей молоко, въ четвертой самая чистая вода Берега рѣкъ осѣнены различными деревьями, на которыхъ висятъ грозды жемчуга и коралловъ. На берегу каждой рѣки гротъ, высѣченный изъ одной цѣльной, прозрачной жемчужины. Въ каждомъ гротѣ изумрудный тронъ, украшенный яхонтами. На каждомъ тронѣ гурія, наряженная въ семидесяти одеждахъ зеленыхъ и въ семидесяти желтыхъ, и одежды эти и самое существо гурій до того прозрачны, что сквозь нихъ видѣнъ мозгъ, переливающійся въ костяхъ, какъ пламя сквозь хрустальный сосудъ (*). У каждой гуріи въ волосахъ по семидесяти буклей, каждая букля ввѣрена попеченію служанки, и каждая служанка окуриваетъ свою буклю небесными ароматами, сгарающими безъ огня».

Въ битвѣ Мотахской, Джіафаръ, знаменоносецъ Магомета, потерялъ правую руку. Онъ взялъ знамя въ лѣвую, но и лѣвую ему отрубили. Тогда онъ, окровавленными култышками рукъ, спряталъ знамя на своей груди, и сохранялъ его до тѣхъ поръ, пока наконецъ истекъ кровью отъ полученныхъ имъ девяноста ранъ. Магометъ самъ отправился къ его женѣ объявить о его смерти. Онъ взялъ на руки его маленькаго сына, и такъ нѣжно и горестно началъ ласкать его, что несчастная вдова догадалась о своей горькой утратѣ. Со слезами разсказалъ Магометъ всѣ подробности смерти ея мужа, и потомъ прибавилъ:—«да, онъ потерялъ обѣ руки, но въ замѣнъ за то получилъ два изумрудныя крыла, на которыхъ теперь летаетъ въ сонмѣ ангеловъ....»

Черезъ шесть лѣтъ послѣ бѣгства въ Медину, Магометъ захотѣлъ совершить путешествіе въ Мекку, въ то время, когда стекались туда богомольцы, и когда по этому случаю всякая вражда между непріязненными народами должна была прекращаться на цѣлый мѣсяцъ. Изгнанникамъ хотѣлось только взглянуть на свой прежній домашній очагъ и повидаться съ друзьями, которыхъ они такъ давно не видали. Начальникъ ихъ все однакожь по прежнему страстно желалъ присоединить древнюю вѣру свою къ новой, и явиться въ Мекку если не разрушителемъ, такъ по крайней мѣрѣ реформаторомъ. Но вражда еще сильно кипѣла противъ него; слухъ о его прибытіи

(*) Красавицы съ такимъ прозрачнымъ тѣломъ, сквозь которое видно, *«какъ мозжечекъ изъ косточки въ косточку переливается»*, есть и въ нашихъ народныхъ сказкахъ. Не отсюда ли взяты онѣ?

Digitized by Google

встревожилъ жителей Мекки, и они отправили къ нему посольство, которое должно было узнать о его настоящихъ намѣреніяхъ и принять противъ него всѣ мѣры предосторожности. Посольство было удивлено почестями, которыя воздавались Магомету. «Я представлялся, говорилъ одинъ изъ посланниковъ, — персидскому шаху и константинопольскому императору посреди всего величія ихъ дворовъ, но и они не получаютъ тѣхъ почестей отъ своихъ подданныхъ, какія получаетъ Магометъ». Донесеніе пословъ еще болѣе усилило страхъ жителей Мекки, и все, на что могъ склонить ихъ Магометъ, не приступая къ осадѣ своего роднаго города, состояло только въ трактатѣ, заключенномъ на десять лѣтъ, которымъ дозволялось ему ежегодно пріѣзжать въ Мекку не болѣе какъ на три дни; но со всѣмъ тѣмъ исполненіе трактата должно было начаться не прежде, какъ еще черезъ годъ.

Чтобъ утѣшить войска свои въ этой неудачѣ, онъ повелъ ихъ къ осадѣ Хайбара, города, принадлежащаго Іудеямъ, не хотѣвшимъ ему покориться. На этотъ разъ священное знамя несъ любимецъ Магомета Али, заслужившій у мусульманъ названіе *Льва Господня*. «Этотъ человѣкъ, говорили правовѣрные, — любитъ Бога и его пророка, и Богъ и пророкъ любятъ его». Крѣпость Хайбарская, несмотря на всю свою неприступность, была взята, и добыча утѣшила побѣдителей въ ихъ несостоявшемся путешествіи въ Мекку. Но, къ несчастію, тамъ ихъ обожаемому начальнику суждено было найдти свою смерть или по крайней мѣрѣ первый зародышъ смерти. Женщина подала ему плечо баранины, отравленное ядомъ. При первомъ же кускѣ, который проглотилъ Магометъ, въ немъ родилось подозрѣніе, и онъ не сталъ больше ѣсть; но ядъ былъ такъ силенъ, что уже проглоченное имъ количество отравило его кровь и медленно повело его ко гробу. Одинъ изъ товарищей Магомета, съѣвши этой баранины болѣе его, умеръ тотчасъ же. Между тѣмъ Магометъ, нисколько не подозрѣвая, что и онъ отравленъ, и что печать смерти лежитъ уже и на его челѣ, возвратившись въ Медину, послалъ посольство ко многимъ сильнымъ владѣтелямъ, которымъ предложилъ принять исламизмъ, и его, Магомета, признать послѣднимъ и величайшимъ изъ пророковъ. Хозревъ, персидскій шахъ, въ отвѣтъ на это посольство написалъ къ своему іеменскому вице-королю: «постарайся вылечить этого мединскаго сумасброда; а если ужъ это невозможно, такъ привези мнѣ его голову.» Вмѣсто того, вице-король самъ очень скоро обратился къ исламизму, и Магометъ оставилъ ему его прежній постъ. Ираклій, императоръ константинопольскій, принялъ посольство Магомета гораздо благосклоннѣе и наградилъ

Digitized by Google

посланниковъ богатыми подарками. Вице-король египетскій, король эѳіопскій и король бахранскій сдѣлали тоже. Многіе изъ арабскихъ князей не понимали еще всей важности возрастающаго могущества Магомета.

Слѣдующій за тѣмъ годъ былъ ознаменованъ торжественнымъ путешествіемъ въ Мекку. Преданіе говоритъ, что, когда Магометъ, совершивъ поклоненіе, возвращался въ Медину, онъ безпрерывно былъ останавливаемъ на пути своемъ посланниками, являвшимися къ нему со всѣхъ концовъ Аравіи, съ поздравленіями въ его побѣдахъ. Цѣлыя племена покорялись ему. Тогда онъ началъ думать о войнѣ съ иностранными державами, и объявилъ, что каждый народъ, который въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не отречется отъ идоловъ и не признаетъ истиннаго Бога, будетъ наказанъ имъ. Успѣхи его оружія вскорѣ подтвердили, что слова его не однѣ пустыя угрозы.

Но часъ его приближался; онъ самъ чувствовалъ, что силы его съ каждымъ днемъ слабѣютъ, и подъ вліяніемъ этихъ-то чувствъ устроивалъ онъ послѣднее свое путешествіе въ Мекку, которому старался придать сколько можно больше торжественности, съ тою цѣлью, чтобъ оно на будущія времена могло служить образцомъ и правиломъ подобныхъ религіозныхъ путешествій. Стеченіе народа, вышедшаго къ нему на встрѣчу, было огромное: оно простиралось до ста четырнадцати тысячъ, какъ говорятъ нѣкоторые писатели; дѣйствительно то, что Магометъ, вступивъ въ Мекку, увидѣлъ себя еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ былъ онъ въ Мединѣ. Онъ прошелъ по всѣмъ отдѣленіямъ храма Каабы, и, останавливаясь передъ каждымъ изъ его многочисленныхъ идоловъ, провозглашалъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога! истина явилась и попрала ложь!» Послѣ этихъ словъ ученики Магомета тотчасъ же опрокидывали идола и разбивали его.

Возвратившись изъ Мекки, онъ чувствовалъ уже приближеніе смерти, и началъ готовиться къ этому послѣднему путешествію въ вѣчность, со всею твердостью человѣка, который понимаетъ, что дѣло его совершено. Въ совѣтахъ и приказаніяхъ, которые давалъ онъ въ послѣднія минуты своимъ приближеннымъ, выражалось только одно желаніе, чтобы они поддержали и на всегда упрочили успѣхи вѣры, распространенной имъ. Приказавъ привесть къ себѣ двухъ внучатъ своихъ, сыновей Алія, и единственныхъ своихъ наслѣдниковъ по прямой линіи, онъ нѣжно ихъ обнялъ и вскричалъ: «о Господи! Тебѣ я поручаю ихъ, поручаю во славу правовѣрныхъ!» Али, глубоко огорченный, не отходилъ отъ постели умирающаго, который съ своей стороны изъявлялъ самую нѣжную любовь этому другу своего сердца, этому вѣрному сподвижнику. Преданіе говоритъ, что онъ умеръ, обвивъ свои руки около шеи этого достойнаго друга.

Digitized by Google

Своимъ женамъ Магометъ говорилъ: «Не раздирайте вашихъ одеждъ, не вырывайте вашихъ волосъ, не плачьте»; — а ученикамъ: «я только ухожу прежде васъ, но и вы скоро послѣдуете за мной: смерть ожидаетъ всѣхъ. Да никто изъ васъ не отложится отъ меня; моя жизнь была благомъ для васъ, благомъ будетъ и смерть». По мѣрѣ приближенія роковой минуты, мысли его все болѣе и болѣе устремлялись къ одной только религіи; онъ велѣлъ дать свободу всѣмъ своимъ невольникамъ, и раздать всѣ свои деньги бѣднымъ. Потомъ, устремивъ взоръ свой къ небу, сказалъ: «да поможетъ мнѣ Богъ въ послѣдней моей борьбѣ съ смертью!» Аешь, любимая жена его, желая облегчить его предсмертную агонію, поддерживала его голову. У него для каждаго было привѣтливое слово, но въ послѣднія минуты онъ, казалось, уже весь переселился въ духовный міръ. По временамъ онъ только обмакивалъ свои пальцы въ водѣ и дрожащей рукой старался прохладить свое лице. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія, сказалъ прерывающимся голосомъ: «о Аллахъ! да будетъ воля твоя.... во славѣ твоей.... въ раю....» и его не стало.

Магометъ былъ роста средняго и очень статенъ. Черты лица его были выразительны; его черные и густые волосы и борода дѣлали ихъ нѣсколько рѣзкими.

«Когда волосы его слишкомъ отростали», — говоритъ Шіитъ-Эль-Калебъ,—«онъ раздѣлялъ ихъ посрединѣ головы и распускалъ на обѣ стороны. Лицо его было чрезвычайной бѣлизны, лобъ высокій, брови тонкія и правильно согнутыя. Въ минуты гнѣва, чело его становилось грозно, и жилы на лбу напрягались какимъ-то особеннымъ образомъ. Орлиный носъ его былъ очень красивъ и пропорціоналенъ; губы тонки; зубы чисты и ровны какъ жемчугъ; улыбка обворожала каждаго. Его широкія плечи и твердые, мускулистые члены служили признаками мужества и физической силы,—качествъ чрезвычайно уважаемыхъ Арабами. Руки его были нѣжны и красивы; ступни ногъ длинны и такъ высоки въ подъемѣ, что капля воды, упавшая ему на ногу, ни минуты не могла оставаться на ней. Поступь его была важна, но нисколько не обличала гордости; голову онъ всегда держалъ прямо, но безъ всякой надменности, а какъ человѣкъ, который всходитъ на гору. Говоря съ кѣмъ-нибудь, онъ смотрѣлъ на него не изкоси, а оборачивался прямо къ нему. Какая-то постоянная грусть была замѣтна на его лицѣ; постоянно онъ или дѣйствовалъ или обдумывалъ свои дѣйствія, не терпѣлъ пустословія и говорилъ только тогда, когда надобно было говорить. Рѣчь его была проста и ясна; онъ высказывалъ свои мысли полно,

Digitized by Google

но сжато и безъ всякихъ фразъ. Въ обращеніи онъ былъ ласковъ, и никто не видалъ отъ него ни грубости, ни пренебреженія. О мелочныхъ удобствахъ жизни нисколько не заботился; въ питьѣ и пищѣ нисколько не былъ прихотливъ. Не заботился также онъ и о потерѣ благъ земныхъ; но если доходила до его свѣдѣнія какая-нибудь несправедливость, онъ до того воспламенялся гнѣвомъ, что никто не осмѣливался показаться на глаза до тѣхъ поръ, пока истина не получала должнаго возмездія. Вездѣ, гдѣ бы ему ни случалось быть, онъ не требовалъ для себя ни отличнаго помѣщенія, ни отличнаго почета, а напротивъ старался показывать примѣръ смиренія. Когда онъ начиналъ говорить, слушатели ловили каждое его слово съ такой жадностію, что становились безмолвны и неподвижны, какъ окаменѣлыя статуи».

Отъ пяти вещей Магометъ, какъ онъ самъ говорилъ, никогда не могъ отвыкнуть:—обѣдать и ужинать, сидя на землѣ, вмѣстѣ съ своими служителями; ѣздить верхомъ на ослѣ не въ сѣдлѣ, а на попонѣ; доить коз собственными руками; носить шерстяную одежду и кланяться дѣтямъ. Къ привычкѣ доить коз преданіе прибавляетъ еще, что Магометъ имѣлъ также привычку самъ чинить свою обувь; дѣйствительно, нравы его вообще были очень просты. Постелей ему обыкновенно служилъ арабскій плащъ, подушкой—кожаная наволочка, набитая сухими листьями. Однажды какъ-то его приверженцы, желая доставить ему больше спокойствія, сдѣлали для него постель мягче обыкновеннаго; на утро онъ проспалъ часъ, назначенный для молитвы, и впредь запретилъ это дѣлать. Пища его обыкновенно состояла изъ фиников, ячменнаго хлѣба, меду и молока. Онъ самъ мелъ свою комнату, разводилъ огонь, чистилъ и чинилъ свое платье,—словомъ, былъ собственнымъ своимъ слугой. Жена его Аешь, разсказывая о первомъ времени своего замужства, говоритъ: «впродолженіе цѣлаго мѣсяца мы не разводили огня для приготовленія себѣ пищи; мы ѣли только плоды и пили одну воду.» Другая хроника прибавляетъ, что въ тѣ минуты, «когда Магометъ увлекался гнѣвомъ, потъ крупными каплями, подобно жемчугу, катился съ чела его», — и въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что страсти Магомета дѣйствительно были сильны. Его любовь къ своимъ дѣтямъ была чрезмѣрна, и впослѣдствіи составила самую горькую отраву его жизни; всѣ они умерли при немъ, иныя еще въ дѣтствѣ, другія уже въ совершенномъ возрастѣ, и въ послѣднія минуты свои онъ не видалъ вкругъ себя никого изъ нихъ. Жены не только чтили, но, какъ ужь мы сказали, почти боготворили его, и

Digitized by Google

это служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ его практическаго ума и честной жизни. Во все время его супружества съ Кадіашь, единственной женой, въ которой онъ нашелъ истинную спутницу и истиннаго друга, Магометъ остается рѣшительно безупреченъ, — и если впослѣдствіи нѣкоторыя изъ его любимыхъ женъ, гордясь своей красотой и молодостью, спрашивали его, дѣйствительно ли Кадіашь, о которой онъ постоянно сохранялъ самыя нѣжныя воспоминанія, была лучшей женой его, онъ отвѣчалъ: — «Да, когда я былъ бѣденъ — она обогатила меня; когда другіе обвиняли меня во лжи,—она вѣрила мнѣ; когда я былъ отвергнутъ моимъ племенемъ и цѣлымъ свѣтомъ, — она осталась мнѣ вѣрна; и чѣмъ больше несчастій претерпѣвалъ я, тѣмъ больше она меня любила.» Это служитъ лучшимъ доказательствомъ его чистыхъ понятій о брачномъ союзѣ.

Съ такими личными качествами, съ такой творческой силой воображенія, съ такимъ внутреннимъ чувствомъ справедливости, и наконецъ съ такимъ глубокимъ умомъ, Магометъ не могъ не замѣтить всѣхъ заблужденій идолопоклонства, унижающихъ религію его страны. Его постоянныя размышленія объ этомъ важномъ предметѣ выдвинули его понятія еще болѣе впередъ отъ запоздалыхъ понятій его племени. Онъ смотрѣлъ на народъ, какъ на ребенка, которому прежде всего нужно развитіе; народъ смотрѣлъ на него, какъ на мрачнаго энтузіаста, помѣшавшагося на честолюбіи и фанатизмѣ. Посреди этихъ враждебныхъ элементовъ долго онъ хранилъ глубокое молчаніе. Это было облако, скопляющееся на отдаленномъ горизонтѣ и вбирающее въ себя все болѣе и болѣе электричества; наконецъ въ немъ блеснулъ блѣдный лучъ молніи, отозвался глухой, едва внятный гулъ — и вслѣдъ за тѣмъ страшные удары грома покатились одинъ за другимъ. Каждый содрогнулся передъ этимъ новымъ могуществомъ; Магометъ самъ былъ удивленъ своимъ успѣхомъ.

«Когда онъ явился въ Медину, — говоритъ Ирвингъ Вашингтонъ, — онъ никакъ не предвидѣлъ того, что̀ его тамъ ожидало. Вся цѣль его состояла въ томъ, чтобъ воздвигнуть тамъ скромную мечеть для богослуженія, все желаніе — совершать это богослуженіе безпрепятственно.... Фанатическая ревность учениковъ его сдѣлала для него гораздо болѣе, чѣмъ всѣ его военныя познанія: она доставила ему такія побѣды, на которыя не могъ бы разсчитывать никакой военный геній. И между тѣмъ эти блестящія побѣды не возбудили въ немъ ни той гордости, ни того тщеславія, которыми неминуемо бы увлекся каждый военачальникъ, сражающійся изъ лич-

Digitized by Google

ныхъ выгодъ. Богатыя добычи, пріобрѣтаемыя войной, служили ему только средствомъ къ распространенію вѣры и средствомъ вспомоществованія самымъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ поклонниковъ, а между тѣмъ собственная казна его часто бывала совершенно пуста.... Правда, лигатура всплывала иногда на верхъ: человѣкъ, облеченный земной властью, выказывался по временамъ въ Магометѣ, но первоначальное его направленіе тотчасъ же брало верхъ надъ нимъ, и онъ снова уносился своими помыслами за предѣлы здѣшняго міра».

Такова была жизнь и таковъ былъ характеръ этого необыкновеннаго человѣка, ученіе котораго распространилось впослѣдствіи отъ береговъ Атлантическаго океана до Японіи, прошло по материкамъ Азіи и Африки, обхватило Испанію и проникло даже во Францію до сѣверной части Лоары. Могуществомъ исламизма въ Багдадѣ образовался ученый кругъ, состоящій изъ шести тысячъ учениковъ и профессоровъ; въ Каирѣ двадцать учебныхъ заведеній и библіотека, заключающая въ себѣ сто тысячъ манускриптовъ; въ Кордуѣ библіотека въ двѣсти восемьдесятъ тысячъ томовъ; въ королевствѣ Андалузскомъ болѣе семидесяти библіотекъ. Астрономія, анатомія, хирургія, химія, ботаника, — однимъ словомъ, всѣ отрасли наукъ и искусствъ подвинулись въ этомъ магометанскомъ мірѣ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, и составляли въ ту эпоху чистую собственность послѣдователей исламизма.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Уздечка на заносливыхъ журналистовъ. — Изустные журналы. — Теорія молвы.—Что такое журнальные толки.—Европа *à vol d'oiseau*.—Финансы Англіи.—Парламентъ. — Лордъ Кларендонъ и его племянница.—Музыка не по нотамъ. Рѣчь лорда Абердина.—Важная новость изъ Парижа.—Мадридъ.—Римъ.—Ганноверъ.—Берлинъ.—Дѣла на Востокѣ.—Осеннее лѣто въ Парижѣ.—Версаль и Сенжерменскій дворецъ.—Праздникъ въ Сен-Клу.—Игра на биржѣ и домашній преферансъ.—Поздравленіе къ-стати.—Чудакъ.—Лихорадочная жизнь.—Новый графъ Сенъ-Жерменъ.—Завѣтная тайна.— Развязка.—Грусть любовницы.—Таковъ свѣтъ.

Парижскіе журналисты не совсѣмъ довольны закономъ, стѣснившимъ ихъ обычное празднословіе; но какъ эта мѣра не могла имѣть вліянія на свободу молвы, то журнальные толки перешли въ область изустной полемики, и теперь разсказываютъ то, что прежде *писали*. Понятно, что теперь вы услышите много странныхъ мнѣній, много искаженныхъ фактовъ, и наконецъ перестанете вѣрить и основательнымъ слухамъ; которые, если бы были помѣщены въ журналѣ, казались бы вамъ несомнѣнно достовѣрными. Но можетъ ли быть иначе? На каждомъ публичномъ изданіи, по мнѣнію большинства читателей, лежитъ нравственная, а вмѣстѣ и матеріальная отвѣтственность за достовѣрность обнародуемыхъ извѣстій, за основательность мнѣній, за вѣрный взглядъ на положеніе дѣлъ. Недобросовѣстность и заблужденіе или ошибка со стороны издателя журнала влекутъ за собою, какъ многіе полагаютъ, весьма невыгодныя послѣдствія: упадокъ общественнаго довѣрія и убыль подписчиковъ. Разскащики — другое дѣло: они не боятся этой отвѣтственности, и часто говорятъ, что попало, лишь бы поговорить, только бы, хотя на время, занять мѣсто на первомъ планѣ картины; а разскащикъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда найдетъ слушателей по себѣ. Такъ думаютъ многіе, но какъ жестоко они ошибаются! Журналъ—тотъ же разскащикъ и часто разскащикъ пристрастный. Мѣры правительства въ настоящемъ случаѣ были вынуждены пристрастными, а иногда и злонамѣренными статьями публицистовъ. Во Франціи, болѣе нежели гдѣ-нибудь, общественнымъ мнѣніемъ

Digitized by Google

управляютъ журналы, а журналами руководитъ духъ партій; что́ же бы вышло, если бы этимъ ораторамъ позволено было вводить *вѣрующихъ* въ заблужденіе искуснымъ изложеніемъ безвыходныхъ утопій? Слова—не газета: они не могутъ имѣть той всенародности, какъ листокъ журнала, и не всѣ разскащики обладаютъ даромъ слова, силою убѣжденія. Со словъ пошлинъ не берутъ, говоритъ пословица, и жалко, что этого русскаго каламбура нельзя перевести въ назиданіе парижскимъ уличнымъ витіямъ. Эти разскащики—преинтересная личность. Зная, какъ мало въ наше время довѣряютъ слухамъ, они стараются придать вѣроятіе своимъ новостямъ извѣстною фразою: «я это слышалъ отъ человѣка, занимающаго значительное мѣсто при дворѣ,—отъ члена кабинета,—отъ вельможи, живущаго въ кругу диломатическаго корпуса, гдѣ политическая стратегія—не тайна, и проч. и проч». Какъ будто придворные, министры и дипломаты такъ словоохотны, что готовы каждому выболтать все, что́ имъ извѣстно. И чего не знаютъ эти ораторы! Если новость не занимательна, они украшаютъ ее фантастическими подробностями, такъ что въ этомъ хаосѣ обстановки и не отроешь сущности дѣла, и фактъ вовсе не важный принимаетъ другое значеніе, другой характеръ. Вотъ какъ составляются слухи, которымъ, къ-несчастію, и не въ одной Франціи—много вѣры....

Взглянемъ на Европу *à vol d'oiseau*:

Англія занята своими финансами. Новая система нашла много приверженцевъ, но какъ нововведеніе встрѣтила и оппозицію. Парламентъ собирается судить и рядить о важныхъ европейскихъ вопросахъ, но кабинетъ не торопится предлагать ихъ на разсмотрѣніе парламента. Лордъ Кларендонъ, недовольный тѣмъ, что его племянница не была приглашена на придворные балы, пишетъ ноты, (вѣроятно желая, чтобы танцовали подъ его музыку), которыя, впрочемъ, не помѣшали веселымъ праздникамъ.—Три члена англійскаго кабинета подали въ отставку, но прошенія ихъ не приняты. Это гг. Кіофъ (Keogh), генеральный рекетмейстеръ Ирландіи, Седлейръ, одинъ изъ лордовъ казначейства, и Моссель, членъ кабинета. Поводомъ ихъ неудовольствія было выраженіе въ рѣчи лорда Абердина, который сказалъ, что католическая партія, руководствуемая постороннимъ вліяніемъ, постоянно домогалась власти и посягала на свободы государства. Объясненіе лорда Абердина устранило недоразумѣнія.—Въ Парижѣ важная новость: присоединеніи министерства просвѣщенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ, (къ которому еще прежде присоединено министерство полиціи); въ Мадридѣ преобразованіе кабинета, по случаю отставки г. Бермудецъ де Кастро; въ Римѣ празднуютъ вось-

Digitized by Google

мую годовщину вступленія на престолъ папы Пія IX (17 іюня); Ганноверскій сеймъ не соглашается на многія статьи конституціонной реформы, что повлечетъ за собою преобразованіе кабинета и вмѣшательство Германскаго сейма. Въ Берлинѣ носятся слухи, что члены совѣта не согласны въ мнѣніяхъ, относительно введенія въ исполненіе закона о новомъ учрежденіи перовъ. Многіе полагаютъ, что *Первая Палата* могла бы оставаться на прежнемъ положеніи еще съ годъ времени. — Вотъ краткій обзоръ настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ, не говоря о дѣлахъ на Востокѣ, о которыхъ иностранные журналы толкуютъ каждый по своему, и которыя намъ Русскимъ ближе, чѣмъ имъ, извѣстны.

Впрочемъ, не только политическій отдѣлъ иностранныхъ журналовъ, но и другіе, даже ихъ фельетоны, съ нѣкотораго времени очень опустѣли. Занимательныхъ новостей мало.

Въ Парижѣ жалуются на лѣто, (хотя за глаза ни о комъ не слѣдуетъ говорить дурно). Въ Парижѣ и времена года вертятся не хуже столовъ и шляпъ. Въ половинѣ іюня Парижане не знали, весна у нихъ, или осень —Жители раздѣлились на двѣ партіи, на *довѣрчивыхъ* и *недовѣрчивыхъ*, точно какъ на биржѣ дѣлятся теперь спекулянты на вѣрующихъ и невѣрующихъ въ *повышеніе* курса общественныхъ фондовъ. На бульварахъ встрѣчаете вы два рода гуляющихъ: убѣжденныхъ въ повышеніи барометра и ожидающихъ пониженія. Одни наряжаются въ теплыя пальто, въ ваточные капоты, въ бархатныя шляпки; другіе ходятъ въ открытыхъ жилетахъ, въ легкихъ сюртукахъ, въ кисейныхъ платьяхъ и въ креповыхъ шляпкахъ Кажется, что и атмосферическіе и биржевые спекулянты, вѣрующіе въ повышеніе ртути и фондовъ, не будутъ въ накладѣ: и торичеллевскій и биржевой барометры предвѣщаютъ вёдро.

А между тѣмъ Парижане хмурятся и начинаютъ роптать, придираясь къ непогодѣ потому, что у нихъ пасмурно на сердцѣ. Надъ ихъ видимымъ и воображаемымъ горизонтомъ носятся тучи. Вотъ уже конецъ іюня, а Парижъ сидьма сидитъ въ Парижѣ, не смѣя выглянуть за заставы. Версальскіе сельскіе праздники—плохая приманка, хотя этотъ древній городъ и не щадитъ ничего для забавы прихотливыхъ горожанъ. Напрасно разстилаетъ онъ для пріѣзжихъ зеленые луга своихъ садовъ, напрасно рисуетъ въ воздухѣ волшебные узоры струями своихъ волшебныхъ фонтановъ, даетъ каждую недѣлю конскія ристанія, отворилъ двери своего замѣчательнаго музея, —Парижанъ нѣтъ какъ нѣтъ, — и всему виною непостоянная, или правильнѣе, постоянно дурная погода. А вѣдь въ Версали теперь выставка цвѣтовъ, и устроиваются два театра. Сосѣдство и сельскія красоты

Digitized by Google

Сенъ-Жерменскаго дворца также не мало вредятъ великолѣпной природѣ городка Лудовика XIV. Это соперничество двухъ сосѣдей существуетъ издавна. Сенъ-Жерменскій дворецъ не такъ великолѣпенъ, но лѣса его обширнѣе, терраса его — ландшафтъ, и у ногъ его есть прекрасный бассейнъ, не хуже гидравлическихъ чудесъ его соперника; мы говоримъ о рѣкѣ Сенѣ, на которой вскорѣ начнутся регаты, не смотря на атмосферическую сумятицу нашего лѣта.

Это плаксивое лѣто помѣшало и празднику въ Сенъ-Клу, данному въ честь принца Генуэзскаго, и безжалостно измѣнило програму предположенныхъ увеселеній. Кадрили въ костюмахъ не рѣшились начать свои танцы въ саду, такъ роскошно для этого иллюминованномъ, и провели вечеръ въ душныхъ залахъ дворца. Роскошь убранства и нарядовъ представляла обворожительное зрѣлище. Множество иностранокъ на этомъ балѣ были представительницами всего прекраснаго и изящнаго въ Европѣ. На этомъ конгрессѣ красавицы англичанки первенствовали; это былъ живой *Keapsake*. Француженки не завидовали, впрочемъ, красотѣ своихъ сосѣдокъ: у нихъ есть своего рода красота, въ которой имъ нѣтъ соперницъ, — это любезность.

Въ гостиныхъ разсказываютъ презабавное происшествіе. Герой разсказа — супругъ, обогатившійся игрою на биржѣ, но проигравшійся въ домашній преферансъ (preference). Говорятъ, что онъ намѣренъ искать по суду удовлетворенія за свою обиду. Пока производилось слѣдствіе, оскорбленный мужъ хлопоталъ, чтобы виновная жена его была арестована. Однажды, ожидалъ онъ въ пріемной залѣ какого-то вельможи, обѣщавшаго помочь его горю. Съ нимъ вмѣстѣ дожидались нѣсколько просителей, которымъ случившееся съ бѣднымъ супругомъ было извѣстно, но тамъ же былъ одинъ изъ его знакомыхъ, который ничего не зналъ о его несчастіи. Этотъ знакомецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ обязательныхъ людей, которые принимаютъ живое участіе и въ радостяхъ, и въ горѣ своихъ знакомыхъ. Вельможа-покровитель, выходя изъ кабинета, сказалъ своему *protegé*: «дѣло рѣшено; все исполнилось по вашему желанію». Мстительный мужъ осыпалъ своего покровителя выраженіями благодарности. Пріятелю его вообразилось, что онъ получилъ хорошее мѣсто, или другую значительную милость, и какъ только вельможа вышелъ изъ пріемной, онъ бросился въ объятія злополучнаго супруга, восклицая: «очень радъ, другъ любезный, поздравляю, да и быть иначе не могло, я это предвидѣлъ, вы вполнѣ это заслуживаете; искренно радуюсь и отъ души васъ поздравляю». Присутствующіе хохотали; пристыженный мужъ вырывался изъ объятій несноснаго друга, но тотъ продолжалъ обнимать его, приговаривая:

Digitized by Google

«это не трудно было предвидѣть тому, кто зналъ ваши и жены вашей связи въ высшемъ кругу».

Ненастная погода доставила Парижанамъ и другую маленькую *recréation*: на дняхъ умеръ отъ простуды замѣчательный чудакъ, о странностяхъ котораго толкуютъ теперь во всѣхъ парижскихъ гостиныхъ. Стоитъ разсказать объ этомъ оригиналѣ.

Графъ Генрихъ *** жилъ лѣтъ двадцать въ Парижѣ, посѣщая высшій кругъ тамошняго общества. Образъ его жизни отличался замѣчательною странностію. Изъ трехъ дней два проводилъ онъ на дачѣ и одинъ въ столицѣ, во всякое время года. Гдѣ была эта дача? никто не зналъ. Графъ говорилъ, что загородный домъ его въ департаментѣ Сены и Марны, и ограничивался этимъ указаніемъ, не объясняя, гдѣ именно. Цѣлый департаментъ! Не угодно ли отыскать!...

Носились слухи, что онъ женился на богатой, старой англичанкѣ и держалъ ее въ деревнѣ, стыдясь вывозить съ собою; а чтобы удержать ее тамъ, вынужденъ посвящать ей треть своего времени. Другіе говорили, что онъ самъ богатъ и не нуждался ни въ старой англичанкѣ, ни въ старухахъ другихъ націй, чтобы поправить свои обстоятельства.

Когда его спрашивали о причинѣ этой хронической сельской трехдневной лихорадки, онъ отвѣчалъ лаконически, что онъ занятъ изслѣдованіемъ очень важнаго ученаго вопроса—и только. Что̀ это была за ученая задача? облагороженіе металловъ? вѣчное движеніе? сгущеніе газовъ? это было столько же извѣстно, какъ и географическое положеніе его дачи. Словомъ, графъ, его дача и лихорадочный образъ его жизни, въ теченіе двадцати лѣтъ оставались неразгаданной загадкой.

Въ Парижѣ нанималъ онъ прекрасный домъ, тотъ самый, въ которомъ умерла въ 1803 году знаменитая трагическая актриса г-жа Клеронъ, начавшая свое драматическое поприще оперною пѣвицею и покинувшая сцену съ досады, что ее посадили на время въ крѣпость. Въ этомъ домѣ заготовляла она свои записки, которыя написалъ потомъ г. Этьенъ, впослѣдствіи членъ академіи и перъ,—тогда безвѣстный писатель, занимавшій антресоль надъ покоями знаменитой артистки.

Графъ жилъ въ бель-этажѣ—оффиціально, но, что̀ оставалось для всѣхъ тайною, онъ занималъ также антресоль, въ которомъ нѣкогда помѣщался г. Этьенъ. Этотъ антресоль — былъ дачею графа;—тамъ онъ былъ въ департаментѣ Сены и Марны; въ бель-этажѣ онъ былъ въ Парижѣ.

Но прежде нежели мы откроемъ завѣтную тайну графа, пого-

Digitized by Google

воримъ о его парижской жизни, о его періодическихъ набѣгахъ на столицу, гдѣ онъ, какъ метеоръ, появлялся, чтобы исчезнуть.

Лѣтъ за восемь передъ смертію, графъ вошелъ въ короткую связь съ маркизой ***, и связь эта въ теченіе восьми лѣтъ не прерывалась. Маркиза была вдова, молода, прекрасна, богата, умна, образована, словомъ—обладала всѣмъ, съ чѣмъ такъ легко, такъ хорошо жить на свѣтѣ. Чрезъ два дня въ третій графъ являлся къ ней;—въ это утро она никого больше не принимала. Во всѣ восемь лѣтъ, онъ ни разу у ней не обѣдалъ; предъ обѣдомъ онъ уѣзжалъ и по вечерамъ часто встрѣчался съ нею въ свѣтѣ.

Графу было съ небольшимъ лѣтъ за сорокъ: онъ сердился, кто почиталъ его старѣе, и самодовольно улыбался, когда его находили моложе. Онъ занимательно разсказывалъ анекдоты о дворѣ Маріи-Антуанеты, анекдоты, переданные ему очевидцемъ,—отцемъ графа, который былъ пажемъ короля Лудовика XVI. Но мы еще ничего не сказали о наружности графа.

Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, имѣлъ прекрасные черные глаза на выкатѣ и густые каштановые волосы, ровные, бѣлые какъ жемчугъ зубы, красивую руку, а въ движеніяхъ его замѣтна была граціозная небрежность человѣка, который никогда не торопится. Онъ не слѣдовалъ рабски модѣ, но былъ всегда одѣтъ щеголевато и съ фанатическою опрятностію. Разговоры его были остроумны и занимательны, и на вечерахъ около него часто собирался кружокъ слушателей; но едва время подходило къ полночи, онъ раскланивался и уѣзжалъ въ департаментъ Сены и Марны, не докончивъ иногда увлекательнаго разсказа. Привыкшіе къ этимъ странностямъ его знакомые пожимали плечами и прощались съ нимъ на два дня.

Послѣ его отъѣзда, обществомъ овладѣвала на нѣсколько минутъ какая-то тоска, какое-то уныніе, которыя оставлялъ по себѣ покойный Каліостро. Разъ одна молодая дама, видѣвшая его въ первый разъ, сказала, когда онъ оставилъ общество: «если бы онъ не уѣхалъ, я бы съ вами простилась; мнѣ было дурно, я задыхалась, я была подъ вліяніемъ страннаго, неизъяснимаго чувства; мнѣ было тѣсно съ графомъ въ одной гостиной.

Но пора кончить. Графъ умеръ, и племянникъ его, наслѣдникъ имѣнію графа, пріѣхалъ изъ Нанса, чтобы присутствовать при вскрытіи духовнаго завѣщанія. Изъ этого документа узнали наконецъ лѣта графа;—ему было 73 года!...

Семдесятъ три года—вотъ слово загадки, вотъ тайна, вотъ причина искусственной поддѣльной жизни графа.

Digitized by Google

Графъ никогда не уѣзжалъ изъ Парижа. Время его отсутствія изъ столицы, когда его почитали на дачѣ, онъ проводилъ въ покояхъ своего антресоля. Тамъ была его больница, тамъ онъ лечился отъ старости. Вечеромъ, въ день его свѣтской жизни, при выходѣ изъ послѣдней гостиной его многочисленныхъ знакомыхъ, два вѣрные ему лакея сажали его въ спокойное лондо и отвозили въ недоступный для свѣта антресоль. Его переносили туда бережно, какъ ломкую вещь, какъ хрупкій фарфоръ. Искусный врачъ принималъ его подъ свое попеченіе и въ теченіе двухъ дней затворничества укрѣплялъ жизненныя силы графа на тяжкій подвигъ третьяго дня. Старика сажали въ крѣпительную ванну, натирали спиртами, эссенціями, давали лекарства и придавали ему на двадцать четыре часа поддѣльную молодость, искусственныя силы. Столъ его составляли экстракты изъ самыхъ питательныхъ припасовъ; эти экстракты въ маломъ объемѣ и въ формѣ удобоваримыхъ желе, эссенцій и жидкихъ наваровъ, заключали въ себѣ самыя подкрѣпляющія начала. Температура воздуха въ этомъ запасномъ магазинѣ здоровья и молодости установлялась по термотетру, соображаясь съ порою года и гигіеническою потребностію паціента. Свѣтъ въ комнатѣ умѣрялся сторами, стукъ заглушался коврами, всякій запахъ устранялся вентиляторами, всѣ чувства отдыхали, чтобы изостриться для третьяго дня. Наука не щадила ничего, чтобы занять дряхлому старику на одинъ день энергію юности. На третій день, съ ранняго утра начинались приготовленія къ выѣзду. Сначала въ комнату постепенно впускали свѣтъ, чтобы пріучить глаза больнаго къ блеску дня; освѣжали воздухъ, уравнивая температуру его съ температурою внѣшней атмосферы; звуки жизни постепенно усиливались около него, пріучая его слухъ къ городскому шуму; наконецъ приступали къ туалету. Камердинеръ умывалъ его, брилъ, вкладывалъ искусственные зубы, надѣвалъ парикъ, образецъ искусства, обманывавшій самыхъ подозрительныхъ наблюдателей. Пройдя сквозь всѣ косметическія мытарства, графъ надѣвалъ эластическій корсетъ, прикладывалъ искусственныя икры, округлости ноги и бедра, похищенныя лѣтами, выпивалъ ложку элексира, придающаго блескъ его томнымъ глазамъ, и совершенно преобразованный, съ возобновленными силами, отправлялся къ маркизѣ, а отъ нея въ модныя гостиныя свѣта, гдѣ, на костыляхъ врачебныхъ пособій, бодро игралъ роль сорокалѣтняго денди.

Это было нѣсколько часовъ свѣтской жизни, или просто—жизни. Съ дорогою тростью въ рукахъ, съ сигарой во рту, графъ катался съ бульвара къ *благородному* предмѣстью, оттуда въ оперу, изъ оперы на раутъ. Являясь въ свѣтѣ такъ рѣдко, онъ старался

Digitized by Google

какъ можно болѣе быть видимъ. Придайте этому возрожденію неизнеможенный умъ и память любезника прошлаго вѣка, и вы поймете эффектъ комедіи, которая ввела въ заблужденіе маркизу и восемь лѣтъ сряду оставалась для нея безъ развязки.

Графъ умеръ отъ простуды. Играя роль угодника прекрасному полу, онъ принадлежалъ къ кавалькадѣ рѣзвыхъ амазонокъ и отправился съ ними довольно далеко за городъ верхомъ. Къ вечеру набѣжали тучи, пошелъ дождь, подулъ холодный вѣтеръ. Графъ простудился, и въ тотъ же день докторъ изъявилъ опасенія за его жизнь. Сдѣлали консиліумъ. Молва разнесла тайну графа, и онъ, дней пять своей болѣзни, смѣялся надъ своей мистификаціей вмѣстѣ съ ея жертвами. На шестой день онъ умеръ, оставя своему наслѣднику 130,000 фр. годоваго дохода. Маркиза чрезвычайно огорчена, не смертію графа, а тѣмъ, что онъ такъ долго ее дурачилъ.—Видите ли, говоритъ она своимъ знакомымъ, какъ часто свѣтъ ошибается? Никто не хотѣлъ вѣрить, что связь моя съ графомъ только дружеская; надѣюсь, что теперь всѣ этому повѣрятъ:—въ 73 года нельзя быть любовникомъ.—И ея знакомые, убѣждаясь словами маркизы, начинаютъ вѣрить—что и 73 лѣтъ можно быть любовникомъ. Таковъ свѣтъ!.....

Н. П—ій.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЕЛЬСКІЯ СВАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

I. ВРЕМЯ СВАДЬБЪ, ВЫБОРЪ НЕВѢСТЫ, СВАТОВСТВО И ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

Въ Архангельской губерніи, начиная съ марта мѣсяца и по самый декабрь, очень мало бываетъ свадебъ у поселянъ, особенно въ уѣздахъ: Архангельскомъ, Холмогорскомъ, Онежскомъ и Кемскомъ. Если и случаются, то развѣ по какимъ-нибудь семейнымъ обстоятельствамъ, не терпящимъ отлагательства, и то безъ веселыхъ пирушекъ, безъ излишнихъ приготовленій, или, какъ выражаются сами крестьяне, *скороспѣлки*. Отъ чего же въ такое продолжительное время года не многіе изъ холостяковъ рѣшаются запастись женой молодой, доброй, хозяйкой домовитой?

Между простымъ народомъ издавна существуетъ повѣрье, что тотъ не можетъ быть счастливъ въ жизни, кто вступаетъ въ супружество въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ. Въ нашей приполюсной губерніи съ наступленіемъ апрѣля обыкновенно начинается сильная оттепель; вслѣдъ за ней открывается повсемѣстная распутица, изъ чего старые люди и выводятъ: «коли на улицѣ распута, быть свадьбѣ безпутой», т. е. несчастливой. Не менѣе того и самые старики опаснымъ считаютъ май мѣсяцъ. Кажется, самое слово «май» навѣваетъ на нихъ какой-то паническій страхъ и грозитъ чѣмъ-то недобрымъ. «Вѣкъ будешь маяться, коли женишься въ маѣ», такъ уговариваетъ отецъ сына, когда въ немъ западетъ сильная охота жениться! «Въ маѣ жениться—съ женой позориться». Въ теченіе слѣдующихъ пяти

(*) Русская свадьба со всѣми ея пѣснями должна замѣнить намъ Иліаду и Одиссею—изъ древнѣйшаго періода нашей жизни До всѣхъ человѣческихъ струнъ въ сердцѣ мужчины и женщины коснулись русскія свадебныя пѣсни. Ихъ надо, разумѣется, прежде всего собрать, потомъ разобрать, выбрать лучшіе варіанты и составить наконецъ стройное цѣлое, которое сдѣлается вѣнцемъ и украшеніемъ русской словесности. Благодаримъ автора за этотъ богатый матеріалъ. Спѣша сообщить его читателямъ, мы не могли дать ему въ журналѣ болѣе виднаго мѣста только по типографскимъ неудобствамъ и изобилію матеріаловъ. *Ред.*

Digitized by Google

мѣсяцевъ народъ Архангельской губерніи бываетъ до крайности озабоченъ и утомленъ работами то домашними, то сторонними, такъ что о женитьбѣ почти некогда и подумать. Возьмемъ, напримѣръ, жителей Кольскаго и Кемскаго уѣздовъ. — Лишь только вскроется вода, какъ большая часть изъ нихъ пускается на судахъ далеко въ море, на рыбные промыслы, откуда, съ полнымъ грузомъ сельдей, пикшуевъ, трески, палтосины и семги приходятъ къ сентябрю мѣсяцу прямо въ Архангельскъ для продажи своей добычи; а по домамъ — на родину возвращаются не ранѣе, какъ уже по послѣднему осеннему пути, передъ самымъ замерзаніемъ рѣкъ. Изъ жителей прочихъ уѣздовъ, пожилые домохозяева занимаются домашними, полевыми работами, посѣвомъ и уборкою хлѣба, сѣнокосомъ, смолокуреніемъ, выдѣлкою кирпича и глиняной посуды; ихъ дѣти — здоровые, взрослые парни — сплавкою къ Архангельску дровъ, корабельнаго и строеваго лѣсу, камня, извести, смолы, скота и хлѣба; а многіе изъ нихъ уходятъ въ С.-Петербургъ и Архангельскъ, гдѣ съ открытія навигаціи до самой зимы проживаютъ въ рабочихъ артеляхъ. Судите же теперь, когда тутъ жениться, и кому? Далѣе, ноябрь и большая часть декабря проходятъ въ постѣ; остается великое межговѣнье (1), (то-есть великое заговѣнье). Къ этому времени, всѣ семейства бываютъ въ-сборѣ. Получивъ дуванъ (2), молодые артельщики (3) весело возвращаются домой изъ Архангельска, а щеголеватые бурлаки изъ С.-Петербурга. И вотъ съ Рождества Христова и до Великаго поста, хотя и не много времени, но за то сколько бываетъ свадебъ! Вамъ безпрестанно слышится звонъ колокольчиковъ, то и дѣло, что встрѣчаются свадебные поѣзды. И не удивительно! Тутъ у мужичковъ свои разсчеты: во все продолженіе года они никогда не бываютъ столько свободны отъ работъ и такъ денежны, какъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ. Слѣдовательно, въ это время повеселиться и попраздновать они больше имѣютъ возможности, нежели когда-нибудь. А русскій любитъ ужь дѣлать, такъ дѣлать, гулять, такъ гулять; былъ бы только случай, для него все равно: хоть съ радости, хоть съ горя.—Но гдѣ же удастся старикамъ нашимъ столько попить, молодцамъ и краснымъ дѣвушкамъ повеселиться, какъ не на пирушкахъ свадебныхъ? Вѣстимо, что и въ-старь при такихъ случаяхъ любили покуликать; почему же и намъ не вспомнить

(1) Время между Филиповымъ и Великимъ постами называется межговѣньемъ.
(2) Дуванъ — заработныя деньги: дуванъ не былъ, значитъ еще деньги не раздѣлены.
(3) Артельщики и бурлаки вообще имѣютъ одинаковое значеніе, т. е. рабочіе; собственно же бурлаками называютъ однихъ петербургскихъ артельщиковъ; они имѣютъ превмущество.

Digitized by Google

обычай своихъ предковъ? Притомъ, вѣдь и грѣшно быть на свадьбѣ, а не быть пьяну. Пожалуй, чего добраго, тотчасъ разнесется молва, что или женихъ пришелся не по нраву, или невѣста не поглянулась. А это вѣдь не шутка!... И такъ, чтобы доказать противное, всякій у насъ долженъ быть веселъ, и веселъ до нельзя.

Нѣсколько разъ мнѣ случалось быть на пирушкахъ свадебныхъ въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ: это довольно познакомило меня съ обыкновеніями деревенскими; а добрыя старушки доставили мнѣ возможность собрать пѣсни и плачи, которыя, съ незапамятныхъ временъ, нарочно кѣмъ-то сложены, и по нынѣ передаются устно, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Не красно, но подробно могу пересказать все, отъ начала до конца. Начнемъ съ выбора невѣсты.

О Филиповкахъ (*), когда вечера и ночи бываютъ такъ мрачны и продолжительны, а дни такъ коротки и печальны, сельскія дѣвушки, окончивъ домашнія занятія, берутъ свои прялки и собираются для веселья въ одинъ домъ, который теплѣе и удобнѣе прочихъ; туда же, въ видѣ дозора, приходятъ матери, а вслѣдъ за ними и старушки-бабушки, каждая со своей работой. Не пройдетъ и получаса, какъ изба становится полнымъ-полна. Старушки усаживаются въ печномъ углу, а дѣвушки занимаютъ мѣста по лавкамъ; лучина, ярко-пылающая въ свѣтильнѣ, разливаетъ свѣтъ на всю избу. Дѣвушки, сидя за прялицами, или поютъ веселыя пѣсни, или гадаютъ о своихъ суженыхъ, или слушаютъ дивные разсказы старушекъ.

Не подумайте, что молодцы наши въ это время остаются затворниками и что имъ не дозволяется посѣщать веселыя бесѣды дѣвушекъ. Благодаря образованности и чистотѣ русскихъ нравовъ, изъ этихъ бесѣдъ ни одинъ добрый человѣкъ не исключается; входъ открытъ всякому. Хозяинъ и хозяйка каждаго встрѣчаютъ съ низкимъ поклономъ и привѣтомъ, приговаривая: добро пожаловать! просимъ милости! просимъ-ста садиться! Вслѣдствіе такого радушія, не успѣетъ еще пробить шести часовъ, какъ молодые парни цѣлою ватагою входятъ въ домъ собранія. Помолясь иконамъ и раскланявшись съ хозяиномъ и хозяйкой, они безъ дальней церемоніи садятся подлѣ красавицъ. Пѣсни на время прекращаются, каждая дѣвушка стыдится быть первою зачинщицею; нѣсколько минутъ продолжается между ними шопотъ и споръ; но мало-по-малу начинаютъ возвышаться нѣжные голоса, молодцы дру-

(*) Филиповками называется постъ предъ Р. Христовымъ.

Digitized by Google

жно подхватываютъ, и веселый стройный хоръ снова раздается во всеуслышаніе. Сначала все идетъ чинно и хорошо; но потомъ молодежь наша начинаетъ подшучивать надъ красавицами; иной порветъ нитку, другой кинетъ веретено въ печной уголъ, третій подожжетъ кудельку, и что еще? вѣдь бываютъ же такіе смѣльчаки,— легко молвить! иной, будтобы поправляя горящую лучину, гаситъ ее.—Старушки смотрятъ, смотрятъ, да и не вытерпятъ, разсердятся, но гнѣвъ ихъ проходитъ скоро; миръ и порядокъ возстановляется снова; молодцы, какъ ни въ чемъ не бывало, смиренно садятся къ этимъ брюзгливымъ крикуньямъ, и, въ угодность имъ, слушаютъ назидательные разсказы о бываломъ, только изрѣдка посматривая на ненаглядныхъ.

Съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ оканчивается бесѣда, и веселое общество расходится по домамъ, не рѣдко чувствуя новыя, до того неизвѣстныя, ощущенія въ сердцѣ. Такъ проходитъ осеннее время, и такъ услаждается общая скука!

Но вотъ наступаютъ Святки, а съ ними болѣе веселыя бесѣды и игрища. Молодцы цѣлыя ночи прогуливаютъ на пролетъ. То и дѣло, что изъ села въ село перекатываются, отыскивая свою суженую, свою ряженую. Все это дѣлается скоро; тутъ не думу тяжкую думать, не кличъ скликать! Разъ посмотрѣлъ, другой поговорилъ, третій русскую прошелъ,—дѣвица приглянулась, полюбилась, и вотъ уже на другой день парень проситъ у родителей благословенія жениться, и шлетъ за сватьей. За сватьей же дѣло не станетъ; этотъ народъ вездѣ одинаковъ; одно слово—и она готова отправиться хоть въ полночь. Въ самомъ дѣлѣ, по первому призыву является сватья, т. е. старушка словоохотная, всѣми уважаемая и знающая свои дѣла не хуже инаго маклера. Охотно выслушавъ порученіе, она, съ дозволенія родителей, беретъ у жениха руку, молится святымъ иконамъ и отправляется въ домъ невѣсты.

Сотворю судьбу-жалобу
Я на сватью лукавую,
На змѣю семиглавую.
Все ходила ко батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ,
Не путемъ, не дорогою,
Все тропами собачьими,
Хоботами змѣиными;
Колотилась помалешеньку,
Говорила потихошеньку,

Digitized by Google

Говорила—все обманывала,
Чужу сторону нахваливала.

Съ перваго взгляда хозяинъ и хозяйка могутъ догадаться, что это не простая какая-нибудь гостья. Переступивъ черезъ порогъ избы, сватья прокрадывается къ печкѣ, и въ какое бы ни было время года, хотя бы самая печка эта дышала крещенскими морозами, она грѣетъ свои руки, въ той увѣренности, что иначе не быть добру; потомъ выступаетъ на средину избы, молится святымъ иконамъ и кланяется хозяевамъ. Смѣтливая хозяйка усаживаетъ нежданную гостью на лавку и начинаетъ съ нею разговоръ. Бесѣдуя то о томъ, то о другомъ, сватья помаленьку наводитъ рѣчь на жениховъ и на невѣстъ, а наконецъ объясняетъ и цѣль своего прихода. «У васъ, споже (1), есть товаръ, а у меня купецъ». Тутъ она открываетъ имя и фамилію жениха. «Ужъ што за молодецъ!» продолжаетъ она, «умной, смышленой, умѣетъ денежку нажить! А сколько «пахатной земли, сѣнокосу; сколько рогатаго скота, лошадей, овецъ! «а платья-то! а посуды-то!... ну, слышь, домъ, какъ полная цяша (2). «Ужъ цѣмъ-то Богъ не благословилъ его! Сецины довольно (3). Сцестлива и таланиста (4) будѣ доць ваша, коли достанется такой мужъ, ужъ нецего похаять (5)! Есть-то невѣстъ, да ему, вишь, далась (6) ваша доцька, ни жить, ни быть безъ ней не можѣ (7), ужь ладно ли съ нимъ? словно кто-нибудь приговорилъ» и проч. и проч. Мало ли чего при этакихъ случаяхъ бываетъ наговорено и небывалаго! Какъ быть? сватьѣ извинительно, если и погрѣшитъ, т. е. прибавитъ что-нибудь лишнее на счетъ жениха. Хорошо быть у старушекъ деревенскихъ въ милости: уста ихъ медъ точатъ; но и не возрадуетесь, если разладите съ ними: тогда прощай доброе имя; ихъ языкъ на каждомъ шагу будетъ разить васъ злословіемъ. Но обратимся къ дѣлу. Съ примѣтнымъ удовольствіемъ родители, выслушавъ похвалы и предложеніе словоохотной сватьи, благодарятъ за сдѣланную имъ честь, и послѣ угощенія хлѣбомъ-солью провожаютъ ее съ низкими поклонами, прося дня на три или на четыре отсрочки.

У насъ между простымъ народомъ и по нынѣ не вошло въ обыкновеніе, чтобы спрашивать дочерей, согласны ли онѣ идти въ замужство за того-то? или нравится ли имъ такой-то? Вопросъ этотъ считается слишкомъ труднымъ и неудоборѣшимымъ для мо-

(1) Споже вмѣсто госпожа. (2) Вообще въ Архангельской губерніи вмѣсто литеры ч произносятъ ц. (3) Сецины—вмѣсто всякой-всячины. (4) Таланиста—благополучна. (5) Похаять—осудить. (6) Далась—приглюбилась, поглянулась, понравилась. (7) Не може—не можетъ.

Digitized by Google

лодыхъ дѣвушекъ; а потому родители предоставляютъ выборъ жениховъ собственно самимъ себѣ, своей опытной предусмотрительности и благоразумію. Бѣдная дѣвушка не знаетъ и не должна знать объ участи своей дотолѣ, пока не объявятъ ей, что она засватана. Вслѣдствіе этого-то обычая, родители, по отбытіи сватьи, отправляютъ дочь свою въ другую, сосѣднюю деревню, будто бы погостить, а сами втихомолку сзываютъ къ себѣ родственниковъ для совѣщанія, или, какъ говорятъ, *на думу*: вѣдь—умъ хорошо, а два лучше. Не долго продолжается дума эта, если женихъ изъ ближайшихъ деревень, и слѣдовательно уже извѣстный; наскоро перетолковавъ обо всемъ, что̀ у него было, что̀ есть и что̀ будетъ, совѣтъ рѣшаетъ единогласно: или отказать жениху подъ благовидною причиною, или *прикавать*, то-есть изъявить согласіе на сдѣланное предложеніе; о чемъ на третій день и объявляется сватьѣ, съ которой, помолясь Богу, бьютъ по рукамъ; а она спѣшитъ радостную вѣсть сообщить жениху. Но если женихъ изъ другаго какого-либо села, и состояніе его неизвѣстно родителямъ невѣсты,—въ такомъ случаѣ они стараются изъ-подъ руки развѣдать объ немъ между сосѣдями и знаемыми. Если всѣ собранныя вѣсти благопріятствуютъ жениху, то родители хотя и соглашаются на предложеніе, или, какъ они говорятъ, *полагаются на слово*, однако, все еще какъ бы не довѣряя слухамъ, отецъ невѣсты, съ родственниками и ближними своими, отправляется на третій день въ домъ жениха, чтобы собственными глазами видѣть его житье-бытье. Не вѣрь, говорятъ, и брату родному, а вѣрь своему глазу кривому. Всѣ лица, участвующія въ поѣздѣ, называются позорляне (*). Но какъ это обыкновеніе, особенно существующее въ Холмогорскомъ уѣздѣ, извѣстно уже каждому, то и бѣдный женихъ изыскиваетъ всѣ возможныя средства на первый разъ показать себя съ хорошей стороны. Онъ заблаговременно приготовляется встрѣтить гостей, будто бы неожиданныхъ; въ мірѣ не безъ добрыхъ людей; на этотъ случай домъ недостаточнаго жениха всегда наполняется пожитками сосѣдей, и вы найдете у него не только то, что̀ полезно и нужно для крестьянскаго быта, но и то, что̀ вполнѣ выказываетъ зажиточнаго крестьянина. У него и закромы ломятся отъ хлѣба, и скотина разнаго рода тѣснится въ хлѣвахъ; а о мѣдной и оловянной посудѣ и говорить нечего! Посмотрите, въ какомъ множествѣ и порядкѣ она разставлена по полкамъ! — Вотъ и самоваръ на лавкѣ! Какъ онъ дуется, гордится, надмевается: словно въ мірской избѣ писарь! Угостить ли не чѣмъ? Конечно, по скорости вре-

(*) То же что̀ и зрители.

Digitized by Google

мени пива достать негдѣ, но за то водка льется съ избыткомъ: добрые сосѣди всего охотнѣе ссужаютъ деньгами на этотъ предметъ. Послѣ этого, что жъ еще остается дѣлать обманутымъ позорянамъ нашимъ?.... Видя во всемъ изобиліе и довольство, они наконецъ изъявляютъ полное согласіе на сдѣланное предложеніе. За стаканами вина, которые то и дѣло что осушаются и наполняются снова, — съ обѣихъ сторонъ дѣлается условіе о времени, когда быть малому смотрѣнію, по нашему—сговору, большому смотрѣнію или дѣвичнику, и наконецъ — свадьбѣ. Напраздновавшись до нельзя, гости поздно вечеромъ отправляются домой. Молодецкій свистъ, веселыя пѣсни, охриплые крики издали подаютъ дѣвушкѣ вѣсть, что она уже засватана; а по пріѣздѣ отецъ открываетъ дочери имя и фамилію жениха. Какъ часто случается, что выборъ жениха, сдѣланный родителями, падаетъ не на желаннаго, не на того, кого юная дѣвица втайнѣ любитъ о комъ мыслитъ, и къ кому стремится душа ея! Сколько при такой неожиданной вѣсти проливается слезъ, и слезъ горячихъ! Не смотря на то, родительская воля все остается непремѣнною. *Дай Богъ*, чтобы *день плакать, а вѣкъ радоваться! Вѣдь суженаго и конемъ не объѣдешь!* Такъ утѣшаютъ отецъ и мать плачущую дочь, утирая кулакомъ собственныя свои слезы; и дѣвушка, смотря на плачущихъ родителей, наконецъ безусловно покоряется судьбѣ своей.

Недѣля или двѣ — проходятъ въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Въ это время родители жениха и невѣсты варятъ пиво, ѣздятъ въ городъ или на посады за разными покупками; а дѣвушки между тѣмъ каждый день собираются къ невѣстѣ, шьютъ приданое, и, для развлеченія ея, поютъ свадебныя пѣсни, изъ которыхъ здѣсь помѣщаю только двѣ, а прочія будутъ показаны далѣе.

1.

Невѣстѣ.

Что̀ съ тобой, мила подруженька,
Что̀ случилося ненастное?
Отъ чего ты, лебедь бѣлая,
Опустила ясны оченьки,
Приклонила буйну голову,
Распустила косу русую
И грустна сидишь, не радости...
— Не вините меня, милыя,
Не журите, подруженьки,
Меня горькую кручинную....

Digitized by Google

Ахъ! могу ли я веселой быть,
Оставляя домъ родительской,
Выходя за мужъ неволею,
Не своею вѣдь охотою,
По приказу только батюшки,
Исполняя волю матушки,
Государыни-кормилицы.
Я должна скоро отправиться
На сторонку незнакомую
Къ свекру старому, бурливому,
И къ свекровкѣ—ужъ не матушкѣ:
Тамъ житье будетъ не дѣвичье,
Не такое, какъ у матушки,
У роднаго сударь-батюшки.
Я должна буду младешенька
Вставать рано до заутрени
И работать до полуночи,
Изнуряти тѣло бѣлое
И теряти красу дѣвичью,
Угождаючи немилому
Мужу буйному ретивому (*).
Не позволятъ мнѣ, младешенькой,
Въ хороводахъ веселитися
Съ молодцами порѣзвитися.
Я сидѣть буду затворницей,
Словно старица злосчастная,
Тоской лютою убитая,
Въ кельѣ скучной одинехонька,
Вспоминая житье прежнее,
Проклинаючи замужество.

2.

Женихъ.

Какъ изъ устья осиноваго—эхе.
Изъ рѣки изъ рябиновыя—эхе.
Выплываетъ чернёный корабль;—эхе.
На корабликѣ немножко людей—эхе.
Всего семеро рабочихъ гребцей—эхе.
Всѣхъ гребцей—удалыхъ молодцей—эхе.

(*) Вспыльчивый.

Digitized by Google

Восьмой былъ кормщичекъ—эхе.
Девятой былъ носничекъ—эхе.
Десятой—добръ, удалой молодецъ—эхе.
Молодецъ, первобрачной князь—эхе.
Што Петръ, сударь, Ивановичъ—эхе. (1)
Онъ по караблю похаживаетъ—эхе.
По нашестечкамъ погуливаетъ—эхе.
Во карманъ руки покладываетъ—эхе.
Дорогой гребень выдергиваетъ—эхе.
Русы кудри расчесываетъ—эхе.
На проборъ кудри приглаживаетъ—эхе·
Волосъ къ волосу прикладываетъ—эхе.
Волосинку къ волосиночкѣ—эхе.
Што на всякой волосиночкѣ—эхе.
Посканеныя жемчужинки;—эхе.
Калену стрѣлу натягиваетъ—эхе.
Самъ стрѣлѣ приговариваетъ:—эхе.
Ужъ ты, стрѣлка, ты стрѣлка моя· эхе.
Калена стрѣла муравленая—эхе.
Полети моя каленая стрѣла—эхе.
Высоко по поднебесью—эхе.
Далеко во чистое поле—эхе;
Ты подстрѣль, моя каленая стрѣла,—эхе.
Ясна сокола на возлетѣ,—эхе.
Сѣру утицу на заводѣ,—эхе.
Красну дѣвицу въ высокомъ терему;—эхе.
Красна дѣвица, невѣста моя,—эхе.
Што по имени Анна душа—эхе. (2)
Изъ отечества Ивановна свѣтъ—эхе.

—

II. МАЛОЕ СМОТРѢНІЕ ИЛИ СГОВОРЪ.

Не сама я снаряжалася,
Наряжали подруженьки;
Выводилъ меня батюшко,
Среди горницы высокія,
Передъ чудны святы образы:
Приказалъ мнѣ помолитися,
На всѣ стороны поклонитися.

Въ назначенный по условію день отъ невѣсты посылаются созывальщики ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ— просить на

(1) Имя жениха. (2) Имя невѣсты.

Digitized by Google

смотрѣнье. Герольды эти, съ палками въ рукахъ переходя отъ одного дома къ другому, стучатъ въ стѣны, и первому появившемуся въ окнѣ кричатъ, что у такой-то малое смотрѣнье. По такому позыву всѣ дѣвицы, молодыя женщины и родственники, нарядившись въ праздничное платье, въ полдень собираются въ домъ невѣсты, и, въ ожиданіи жениха, разными веселыми разговорами стараются разсѣять грусть ея. Наступаетъ вечеръ, и женихъ, въ сопровожденіи родителей, тысяцкаго, сватьи, шаферовъ и родственниковъ, собравшихся по приглашенію въ домъ его, отправляется къ суженой. Заслышавъ звонъ колокольчиковъ, отецъ, мать и родные невѣсты спѣшатъ на встрѣчу жениху; послѣ низкихъ поклоновъ и взаимныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, женихъ со всѣми поѣзжанами входитъ въ домъ, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ на каждомъ порогѣ; вступивъ въ горницу, онъ молится святымъ иконамъ и раскланивается на всѣ четыре стороны, потомъ садится за столъ, убранный со всею роскошью деревенскою. Отецъ и мать невѣсты, начиная съ перваго и до послѣдняго ребенка, подчуютъ дорогихъ гостей и гостьюшекъ. Стаканы зелена вина то и дѣло переходятъ изъ рукъ въ руки. Принявъ стаканъ, каждый долженъ, если не выпить, то по крайней мѣрѣ прикушать, а когда прикушаетъ, просятъ еще: *любя ради податься*, то-есть еще нѣсколько разъ хлѣбнуть изъ стаканчика. Между тѣмъ какъ хозяева обносятъ гостей виномъ, подруги-дѣвушки въ другой комнатѣ, или чуланѣ, наряжаютъ невѣсту. Такъ проходитъ часъ и болѣе, а родители все не выводятъ невѣсты, не смотря на многократныя настоянія тысяцкаго; наконецъ растворяется дверь—и юная невѣста, сопровождаемая дѣвушками, является вслѣдъ за отцемъ своимъ. Какая тихая и благородная походка!... *Красна дѣвушка идетъ, словно павушка плывётъ* (*). Какъ хорошъ дѣвственный нарядъ невѣсты! Жемчужная повязка красуется на головѣ ея; жемчужныя нити обвиваютъ бѣлую, какъ снѣгъ, шею; русская изъ бѣлаго коленкора полу-рубашка съ пышными рукавами прикрываетъ отъ нескромныхъ взоровъ округлости формъ созрѣвшей красавицы; на рукахъ шелковыя перчатки, перевязанныя у самыхъ локтей алыми лентами; парчевый полушубокъ, голубая штофная или изъ малиноваго бархату юбка, обшитые вокругъ широкимъ хазомъ золотымъ, — обрисовываютъ дѣвственный станъ ея; длинная шелковая коса роскошно разстилается по трубчатому полушубку и оканчивается бантомъ изъ алыхъ лентъ. Съ потупленными внизъ глазами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, невѣ-

(*) Вечеринечная пѣсня.

Digitized by Google

ста останавливается на средине комнаты. *Она крестъ-отъ кладетъ по писаному, а поклонъ-отъ ведётъ по ученому* (*). Между тѣмъ какъ все обращается въ зрѣніе и слухъ, стыдливая дѣва съ глубокимъ благоговѣніемъ кладетъ предъ иконами три поясныхъ поклона, и съ милою застѣнчивостію, скромно, почтительно раскланивается на всѣ четыре стороны; потомъ, опустивъ стыдливый взоръ, безмолвно стоитъ въ ожиданіи рѣшительнаго отзыва.... «Люба ли вамъ дочь моя?» спрашиваетъ отецъ, обращаясь къ жениху. Женихъ отвѣчаетъ: «люба».... Признаюсь, никогда дѣвушка не бываетъ такъ прелестна, какъ въ эту минуту; какъ хорошо, какъ мило она себя держитъ! И кто бы, смотря на нее, не сказалъ, что она люба!... Послѣ этого отзыва, женихъ выходитъ изъ-за стола и становится по правую руку невѣсты. Здѣсь начинается трогательное зрѣлище—благословеніе отъ будущаго тестя и тещи. Взоры всѣхъ обращаются то на жениха, то на невѣсту; отецъ съ иконою въ рукахъ, а мать съ хлѣбомъ и солью, становятся противъ нихъ; и юная чета съ христіанскимъ смиреніемъ, совершивъ три земныхъ поклона, преклоняетъ колѣна свои для принятія благословенія. Сначала отецъ, поднявъ икону, полагаетъ ее на голову жениха крестообразно; а потомъ и мать на головѣ его дѣлаетъ хлѣбомъ и солью то же знаменіе креста. Точно такимъ же порядкомъ благословляютъ и дочь-невѣсту, конечно, не безъ пролитія слезъ горячихъ! Въ эту минуту, кто въ тайнѣ сердца не пожелаетъ имъ благополучія и счастливой жизни!.... По совершеніи благочестиваго обряда, женихъ садится на свое мѣсто, а невѣста подходитъ къ столу и здоровается со всѣми родственниками его. Потомъ она беретъ подносъ съ стаканомъ, и, съ перваго до послѣдняго, каждому подноситъ водку, которую отецъ то и дѣло что наливаетъ. Между тѣмъ дѣвушки и женщины поютъ пѣсни тонкими голосами.

Пѣсни.

1.

Не были вѣтры,
Не были вѣтры—
Навѣяли.
Нежданые гости,
Нежданые гости
Наѣхали.
Подломили,
Подломили

(*) Изъ пѣсни Русскаго виноградья.

Digitized by Google

Сѣни новыя,
Сѣни кошесчатыя.
Разступили,
Разступили
Чару золоту,
Чару серебряную.
Разгнѣвали,
Разгнѣвали
Красну дѣвицу-душу
Зарученную.
Расплакалася,
Расплакалася
Красна дѣвица-душа
Зарученная,
Што по имени Марья (1),
По имени Марья
Андреевна.
Мнѣ по тѣмъ сѣнямъ,
Мнѣ по тѣмъ сѣнямъ
Не гуливати.
Мнѣ изъ этой чары,
Мнѣ изъ этой чары
Не кушивати.
Мнѣ въ этой горницѣ
Мнѣ въ этой горницѣ
Не сиживати.
Возговорилъ,
Возговорилъ
Первобрачный князь,
По имени Иванъ (2),
По имени Иванъ
Сударь Андреевичъ:
Не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи,
Княжна молода
Зарученная.
Я тебѣ сострою,
Я тебѣ сострою

(1) Имя невѣсты. (2) Имя жениха.

Digitized by Google

Сѣни новыя,
Сѣни кошесчатыя.
Я эту чару,
Я эту чару
Самъ солью
Лучше батюшковой,
Краше матушкиной.
Я тебѣ солью,
Я тебѣ солью
Чару золоту,
Чару съ яхонтами.

2.

Не отъ вѣтра отъ вихоря,
Не отъ Божьей отъ милости (1)
Вереюшки пошатались,
Воротéчка растворялися;
Не слыхала душа-дѣвица,
Какъ бояра на дворъ въѣхали,
Поѣзжана на широкій дворъ,
Только узрѣла, увидѣла,
Какъ князь-то вошелъ въ горницу,
Первобрачный во свѣтлую;
Она увидѣла, заплакала,
Подломились ноги рѣзвыя,
Опустились руки бѣлыя,
Наклонилася головушка,
Во слезахъ-то слово молвила:
«Вонъ (2) идетъ разоритель мой,
Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплести русу косу,
Вонъ идетъ погубить красоту!
Какъ проговоритъ князь молодой,
Отвѣчаетъ первобрачный князь:
Что не я разоритель твой,
Что не я погубитель твой;
Разоритель твой—батюшко,
Погубительница—матушка;

(1) Божьей милостію у насъ называется гроза громъ съ молніей: «ну, какая сегодня поднимается Божья милость!»

(2) Вонъ вмѣсто вотъ.

Digitized by Google

Расплететъ косу сватьюшка,
То крестовая матушка;
Потеряютъ красу друженьки,
То родимые братьица.

3.

Што ты, што ты, сине море,
Што стоишь—не колеблешься?
Што ты, што ты, младъ сырой дубъ,
Што стоишь—не качаешься?
Што ты, што ты, красна дѣвица,
Што стоишь—не разсмѣхнешься?
Ужь вы, милы подруженьки,
Мнѣ чему есть разсмѣятися,
При которыя радости?
Много, много у сыра дуба,
Много листья зеленаго;
Только нѣтъ у сыра дуба,
Нѣту самой вершиночки,
Позолоченой маковки.
Много, много у красной дѣвицы,
Много роду и племени,
Много есть честныхъ родителей,
Много милыхъ подружечекъ;
Только нѣтъ у красной дѣвицы,
Нѣтъ родителя батюшки (или матушки)
Что при нынѣшнемъ времени,
При сегоднешнемъ вечерѣ,
При тоскѣ, при кручинушкѣ.
Снарядить меня есть кому,
Благословить меня не кому;
Благословлять молодешеньку
Нареченный мой батюшка,
То родимый мой брателко
Свѣтъ (имя) сударь (и отечество).

Пѣсня эта поется, когда у невѣсты нѣтъ отца или матери.

4.

Эта ягода сладка,
Земляника хороша.
Почему она сладка,

Digitized by Google

Почему хороша?
Потому она сладка,
Потому хороша,—
На угорышкѣ росла,
Противъ солнышка цвѣла
На восточной сторонѣ.
Эта дѣвица статна,
Душа красна хороша,
Красна дѣвица (имя-рекъ)
Свѣтъ (по отечеству) душа.
Почему она статна?
Почему хороша?
Она у батюшка росла,
Во высокомъ терему,
Она у матушки сидѣла
Въ шитомъ браномъ пологу (*),
Она у братьицей жила
Въ новой горницѣ,
За двѣнадцатью замками
На кроватушкѣ спала,
Десятью богатырями
Охраняема была.
Ее батюшко будилъ,
И не могъ разбудить;
Ее матушка будила,
Не могла разбудить;
Ея суженой пришелъ,
Всѣ замки разломалъ,
Сторожей разметалъ,—
Всѣ дѣвицу доступалъ.

5.

Была винная рѣченька,
Сахариная источишка;
Што по сахару рѣка течетъ,
По изюму разливается,
Далеко она во садъ прошла,
Далеко во зеленой протекла.
Было умное дитятко,

(*) За занавѣсами.

Digitized by Google

У родителя, у батюшка,
Было умное, разумное,
Тихо, кроткое, смиреное,
Да какъ (имя и отечество)
Душа красная дѣвица;
Она ходила, похаживала,
Она гуляла, погуливала
Изъ высока нова терема во садъ,
Што изъ саду во бѣлой шатеръ,
Изъ шатра зашла во горницу
Къ удалому добру молодцу,
Да ко князю первобрачному,
Што (имя и отечество жениха),
Она будила побуживала:
Ужъ ты встань, душа умной мой,
Пробудись, душа разумной мой,
Да (имя и отечество жениха),
Я пришла къ тебѣ не пить, не ѣсть,
И не чаю, кофе кушати;
Я пришла разгулятися,
Во таблеи (*) играть, въ шахматы,
И во всѣ игры нѣмецкія.
Обыграла красна дѣвица-душа
Удалаго добраго молодца,
Што (имя и отечество жениха);
Насмѣялась красна дѣвица-душа
Надъ удалымъ добрымъ молодцемъ;
Проигралъ доброй молодецъ-соколъ,
Со правой руки злаченъ перстень,
Со любимаго мизинчика.

6.

Што на тихой на заводи,
На тихой лебединыя,
Не бѣла лебедь кикала
И не ясному соколу,
Не куна жалобилася,
Что не черному соболю;
Жалобилася, плакала.
То сестра брату милому,

(*) Таблеями назывались шашки.

Digitized by Google

Брату милому, любимому.
Ужъ ты, братецъ, ты, братецъ мой,
Удалой доброй молодецъ,
Доступи, сударь, братецъ мой,
До снарядна дубова стола,
И до скатерти берчатыя,
И до кушанья сахарнаго,
До питья виноградnаго,
До родителя батюшка,
До родимыя матушки;
Уговаривай, братецъ мой,
Ты родителя батюшку
И родимую матушку:
За чѣмъ рано воскручинилися
На меня молодешеньку,
На мою буйну голову,
На мою лѣвью красоту?
Всѣ подружки красуются,
Одна я не красуюся.
Не кладу судьбы, жалобы,
На родителя батюшка,
На сударыню матушку;
Сотворю судьбу, жалобу,
Я на сватью лукавую,
На лукавую, вилавую,
На змѣю семиглавую.
Она ходила ко батюшкѣ
Не путемъ, не дорогою,
Все тропами собачьими,
Хоботами змѣиными;
Колотилась помалешеньку,
Говорила потихошеньку,
Говорила—все обманывала,
Чужу сторону выхваливала,
Что чужа дальна сторона
Вся изюмомъ насѣяна,
Виноградомъ загорожена,
И медами поливана
И парчею покрывана.
Я сама знаю, вѣдаю,
Молода догадалася,

Digitized by Google

Что чужа дальна сторона
Всюду горемъ насѣяна
И печалью загорожена,
И слезами поливана,
И тоскою покрывана,
Что тоскою кручиною.
Тамъ сѣры волки сбѣгаются,
Черны вороны слетаются,
Добры люди не съѣзжаются.

Обнеся всѣхъ гостей и гостьюшекъ, сосѣдовъ и сосѣдокъ, невѣста раскланивается, и, прикрывъ лице платочкомъ, уходитъ къ своимъ подружкамъ въ другую комнату (если она есть), или за перегородку; тамъ она начинаетъ плакать тонкимъ, нѣжнымъ голосомъ, приноравливаясь къ протяжному, заунывному пѣнію прочихъ.

Плачи.

1.

Благословлялъ меня милосердый
Чуднымъ образомъ Господнимъ,
Мой крута гора высокая,
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Мой родитель батюшко,
Что по имени (такой-то),
По отечеству (такой-то);
Паче злѣ того тошнѣе,—
Впереди меня благословлялъ онъ
Чужа не вѣдущаго человѣка,
Со чужой дальней сторонушки;
Што еще того тошнѣе
Ретивому моему сердечку:
Благословляла меня милосердая,
Въ день—денна моя печальница,
Въ ночь—ночная богомольщица,
То родитель моя матушка,
Што по имени (такая-то)
Изъ отечества (такая-то)
Бѣлымъ хлѣбомъ и солью:
Съ незнакомымъ добрымъ молодцемъ,
На чужую дальну сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Что въ семью несогласную.

Digitized by Google

2.

Не позазрите, не подивуйте,
Всѣ честны мои родители,
Мои возлюбленны подружечки,
Порядны, ближни сосѣдушки,
Што хорошо я снаря́дилася
Въ цвѣтно платье драгоцѣнное,
Въ дорогую дѣвью красоту,
Во нарядной, нена́глядной
Скатна жемчуга повязкѣ —
Со хазомъ изъ красна золота;
Што не въ пору, не во́ время,
По закатѣ красна солнышка,
При потухшей зарѣ вечернія,
Призаснули люди добрые,
Призамолкли птицы небесныя,
Прихо́дилъ ко мнѣ батюшко
Со грозою великою,
Приказалъ мнѣ-ка батюшко
Встать съ тѣсовыя кровати,
Со пуховыя по́стели,
На бѣло велѣлъ умытися,
Хорошо снарядитися,
Причесати буйну голову,
Заплести косу трубчатую;
У меня въ это времечко
Подломились ноги рѣзвыя,
Опустились руки бѣлыя,
Пріуныло ретиво сердце,
Помутились очи ясныя,
Покатились горючи слезы.
Не сама я снаряжалася,—
Наряжали подруженьки.
Выводилъ меня батюшко,
Што по имени (такой-то)
Изъ отечества (такой-то)
Среди горницы высокія,
Среди свѣтлыя свѣтлицы;
Становилъ меня батюшко
Передъ чудны святы образы,

Digitized by Google

Приказалъ мнѣ помолитися,
На всѣ стороны поклонитися.

3.

Все прошло время, прокатилося,
Красно времячко миновалося,
Соколомъ время пролетѣло,
Золотымъ кольцомъ укатилося,
У меня младой-младешенькой;
Какъ росла я, красовалася
У честныхъ своихъ родителей,
Што у батюшки, у матушки,
Въ здѣшнемъ домѣ благодатномъ,
Я по часту забавлялася
Со милыми подружками,
Душа-красными дѣвицами,
Я не знала, млада, не вѣдала
Ни тоски, ни кручинушки,
Какъ дошло, докатилося
Пора, времечко злосчастное
До меня бѣдной младешенькой:
Заручилъ меня батюшка,
Свѣтъ родимая матушка,
За чужаго чужанина,
На чужую дальну сторону;
Што не чато (1), не вѣдано,—
Мнѣ пришло время разстатися,
Со родителемъ батюшкой,
Со родимою матушкой,
Со всѣмъ родомъ и племенемъ,
Со милыми подружками,
Со моимъ дѣвичьимъ теремомъ,
Со моей свѣтлой свѣтлицей,
Съ житьемъ дѣвичьимъ безпечальнымъ,
Безпечальнымъ, забудущимъ (2).

Въ этотъ вечеръ женихъ и родные его угощаются ужиномъ не роскошнымъ, но сытнымъ и здоровымъ. Русскіе издавна славятся хлѣбосольствомъ; особенно въ свадебную пору—столы ломятся отъ яствъ. Конечно, вы не найдете у нихъ сахарныхъ мороженыхъ,

(1) Не думано. (2) Незабвеннымъ.

Digitized by Google

пудинговъ, котлетовъ, бламанже, бисквитовъ, кремовъ, жиле и другихъ какихъ-либо сластей. Благодареніе Богу! городская роскошь еще не проникнула въ мирныя жилища поселянъ нашихъ. Да и можетъ ли все это удовлетворить, насытить мужичка, который любитъ поѣсть, и поѣсть сытно? Ему потребна пища простая, но сочная, питательная, твердая! Поэтому и на пирушкахъ свадебныхъ столы заставляются кушаньями, ничѣмъ не приправленными. Кулебаки съ палтосиной, семгой, свѣжей рыбой; жаркое изъ рыбъ, изъ баранины и птицъ; продолговатые пироги изъ крупы въ ячменныхъ коркахъ, пироги со пшеномъ въ бѣломъ тѣстѣ; большіе круглые пироги съ черникой или малиной, вотъ и все!... Но всего этого на столѣ бываетъ въ большомъ количествѣ. Гости не требуютъ дорогихъ заморскихъ винъ: хорошее пѣнное вино, молодое русское пиво, они ставятъ выше всѣхъ напитковъ въ свѣтѣ. Передъ каждымъ блюдомъ, то отецъ, то мать, то братья невѣсты подчуютъ гостей водкою и пивомъ: любо смотрѣть, какъ всѣ пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ. Потъ градомъ льется по лицамъ ихъ; здоровый румянецъ съ каждымъ стаканомъ болѣе и болѣе разыгрывается на щекахъ. Бесѣда оживляется, веселый говоръ становится громче и громче. Наконецъ всѣ довольны!... и ужинъ заключается низкими поклонами хозяина и хозяйки.

Послѣ ужина гостьи подходятъ къ невѣстѣ, и когда начинаютъ съ нею прощаться, она плачетъ, приноравливаясь къ пѣнію своихъ подружекъ.

4.

Не позазрите, не подивуйте,
Госпожи, жены, боярыни,
И вдовы благочестивыя,
Что я плакать не умѣю,
Причитать-то (1) не гораздна (2);
Хоть ходила млада кручинная
По веселымъ смотрѣньецамъ,
По крѣпкимъ рукобитьецамъ,
По слезливымъ по свадебкамъ;
Не сбирала млада кручинная,
Ничего на умъ на разумъ свой:
Я не чала млада, не вѣдала,

(1) Причитать значитъ выражать свои печальныя чувства словами.
(2) Не гораздна значитъ не мастерица или неопытна.

Digitized by Google

Надъ собой тоски кручинушки,
Злой великія невзгодушки (1),
Какъ дошла, докатилася
До меня младой кручинушка!

Вслѣдъ за гостьями идетъ прощаться и женихъ; увидѣвъ его, невѣста плачетъ, а дѣвушки поютъ:

5.

Не раздавайтесь, не разступайтесь,
Всѣ честны мои родители
И возлюбленны подружечки;
Не допущайте до злосчастной
Чужа странна чуженина,
Удалаго добра молодца!
Што (имя и отечество).

Не смотря на такое странное пѣніе, женихъ на прощаньѣ цѣлуетъ невѣсту, и даритъ ей нѣсколько денегъ на бѣлила и румяна. Въ то время, какъ женихъ прощается со всѣми родными ея, невѣста продолжаетъ плакать:

6.

Приходилъ ко мнѣ чуждъ господинъ,
Посрамилъ мою головушку,
Пристыдилъ мое бѣлое лице,
Избезчестилъ дѣвичью красоту,
При честныхъ моихъ родителяхъ,
При возлюбленныхъ подружечкахъ;
Подарилъ меня чуждъ чуженинъ,
Што безчестнымъ краснымъ золотомъ,
Приговаривалъ чуждъ чуженинъ:
Вотъ тебѣ, красна дѣвица-душа,
На пригожія румяна и на бѣлыя бѣлила.
Ужъ какъ я млада кручинная,
Я у батюшки, у матушки,
Не бѣдна была, не ужадна
Золотой казны безчестныя.

Звонъ колокольчиковъ, лай встревоженныхъ собакъ, громкія пѣсни, раздающіяся по деревнѣ, докладываютъ престарѣлымъ домохозяевамъ, что смотрѣнье уже кончилось. Проводивъ гостей, невѣ-

(1) Невзгоды—бѣды.

Digitized by Google

ста и дѣвушки на-скоро переодѣваются въ обыкновенные наряды; во время приготовленія ужина, невѣста падаетъ къ ногамъ родителей, и при пѣніи подружекъ плачетъ:

7.

Ужь вы свѣтъ мои милосердые,
Два желанныхъ, сердобольныхъ!
Мой крута гора высокая,
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ты родитель мой батюшко!
Днемъ денна моя печальница,
Въ ночь ночная богомольщица,
Ты родима моя матушка!
Я спрошу у васъ, желанные,
Со горячими слезами,
Ужь скажите, не утайте мнѣ,
Вы на што да прогнѣвилися
На меня младу кручинную?
Што вы вздумали, изволили
Выдавать меня, избывати,
На чужую дальну сторону,
На злодѣйку незнакомую,
За несвѣдуща человѣка,
Въ чужой домъ незнакомый,
Темну жиру невеселую,
Въ большу семью несогласную?
Вѣдь-то я вамъ, милосердые,
Надоѣла, напрокучила,
Хлѣба-соли много скушала,
Много платья приносила,
Бѣлыхъ половъ притоптала;
Вѣдь-то я вамъ, милосердые,
Не слуга была, не замѣнщица;
Избываете меня, родители,
Какъ лиху траву съ чиста поля,
Какъ люта звѣря изъ темныхъ лѣсовъ;
Хоть изъ глазъ меня избудете,
Не избыть вамъ, милосердые,
Изъ желанна ретива сердца;
Послѣ дочери злосчастныя

Digitized by Google

Не два мѣсяца освѣтятъ вамъ,
Не два солнышка огрѣютъ васъ.

8.

Потеряла млада кручинная
Всю вольную дѣвью волюшку,
Все житье мое безпечальное;
Вспомяну млада кручинная,
На чужой, дальней сторонушкѣ,
Мою прежнюю дѣвью нѣгу,
Все житье-бытье безпечальное;
Какъ во ту пору, во то время
Помутятся очи ясныя,
Прокатятся слезы горькія,
Што по бѣлу лицу блѣдному,
По лицу истомленному.

Родители, сами въ свою очередь наплакавшись надъ дочерью, стоящею предъ ними на колѣняхъ, поднимаютъ ее, и вмѣстѣ съ прочими дѣвушками идутъ ужинать. Только въ домѣ жениха остальное время ночи проходитъ въ шумной пирушкѣ. Гости по пріѣздѣ отъ невѣсты снова начинаютъ пить, пѣть и веселиться. Такъ бываетъ въ селеніяхъ Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ.

Въ уѣздѣ Шенкурскомъ малое смотрѣнье называется зарученьемъ или рукобитьемъ. На это рукобитье пріѣзжаетъ женихъ, съ нимъ священникъ съ женою, діаконъ, дьячекъ, передоѣзжіе (1), родные жениха, и многія другія свадебныя лица. Въ числѣ ихъ вы легко замѣтите человѣка съ угрюмымъ лицемъ и сердитымъ взглядомъ; ему больше всѣхъ кланяются, и усерднѣе всѣхъ угощаютъ. Кто это? спросите вы. Это знахарь (2), то-есть старикъ, который слыветъ въ селеніи колдуномъ; его всегда берутъ будто бы для охраненія свадебниковъ, особенно жениха и невѣсты, отъ порчи; кромѣ подарковъ, этому старику платятъ деньги, когда свадьба благополучно кончится и когда между молодою четою будетъ совѣтъ и любовь.

По пріѣздѣ гостей, въ другой комнатѣ или клѣти невѣста наряжается въ праздничный сарафанъ, то-есть въ штофникъ или камлотникъ. На голову накладываютъ узорчатый вѣнокъ, унизанный жемчугомъ, бисеромъ и другими разноцвѣтными камнями; чтобы

(1) Шафера или дружки. (2) Если знахарь хромъ, либо горбатъ, или одноглазой, то его еще болѣе уважаютъ, полагая, что заговоры его могутъ сильнѣе дѣйствовать.

Digitized by Google

придать лицу болѣе красоты, она натирается бѣлилами и румянами; на руки надѣваютъ изъ краснаго сукна рукавицы, хотя бы и въ лѣтнее время, а на ноги коты (*) съ опушками изъ сукна краснаго жъ цвѣта. Въ этомъ нарядѣ, отецъ, становя на средину избы невѣсту, отъ стыда и робости прикрывающую лице свое рукавицею, спрашиваетъ гостей: люба ли? и ему отвѣчаютъ: люба! Тогда родители ея бьютъ по рукамъ со священникомъ, тысяцкимъ, отцемъ и матерью жениха. Послѣ сего женихъ выходитъ изъ-за стола, становится подлѣ невѣсты, наливаетъ вино и пиво въ стаканы, а невѣста подноситъ гостямъ. Обнеся всѣхъ, женихъ отходитъ на свое мѣсто, а невѣсту уводятъ въ уголъ къ дѣвушкамъ, гдѣ мать обвязываетъ вѣнокъ ея большимъ платкомъ, который закрываетъ лице въ видѣ вуаля. Это значитъ невѣсту закрыли; въ такомъ видѣ она ходитъ до самаго вѣнца. Между тѣмъ какъ гости ужинаютъ, что̀ Богъ послалъ,—невѣста громкимъ голосомъ начинаетъ плакать, при пѣніи плачей и прочихъ дѣвушекъ:

9. Отцу.

Не выкатайся, схожо солнышко,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго;
Не проглядывай, свѣтелъ мѣсяцъ,
Изъ-за горъ крутыхъ, высокихъ;
Ужъ ты, схожо мое солнышко,
Мой крута гора высокая,
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Мой родимой батюшко,
Што (имя и отечество)!
Не ставай ты, схожо солнышко,
Среди высока терема
Што на рѣзвыя ноженьки;
Не знимай своей правой руки
Выше своего величества,

(*) Коты—тупоносые, широкіе башмаки изъ черной простой кожи; въ каждый котъ легко могутъ помѣститься обѣ ножки городской барышни.

1 *примѣчаніе.* Въ уѣздѣ Шенкурскомъ не каждая женщина или дѣвушка знаетъ свадебныя пѣсни; поэтому отецъ невѣсты долженъ ѣхать иногда въ другое село, верстъ за двадцать и далѣе, чтобы сыскать тамъ женщину пѣвунью, которая и слыветъ между народомъ плачеей. Безъ плачеи ни одна свадьба не бываетъ тамъ.

2 *примѣчаніе.* Только въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ женщины и дѣвушки поютъ и плачутъ тонкими голосами; а въ прочихъ уѣздахъ толстыми, подобно мущинамъ.

Digitized by Google

Выше буйной головушки;
Ты не кости (1) да лица бѣлаго
Передъ Господомъ Богомъ;
Не подходи ты, схожо солнышко,
Ко снарядну дубову столу;
Не протягивай правой руки
Черезъ сахарныя кушанья,
Ты не бей рука объ руку
Со духовнымъ со батюшкомъ;
Ты не бей-ко рука объ руку
Что со бо́льшимъ со сва̀товцомъ,
Со чужимъ чужениномъ;
Не закладывай правой руки,
Не въ селѣ, не въ деревнѣ,
Не въ рублѣ, не въ полтинѣ,
Не въ зо́лотой гривнѣ;
Тѣ (2) не выкупить правой руки
Не селомъ, не деревней;
Тѣ не выкупить право́й руки
Не рублемъ, не полтиной.
Выкупать буде (3) права рука
Моей буйной головушкой,
Опришенной (4) дѣвьей кра̀сотой.

10. *Матери.*

Ты денна моя печальница,
И ночная богомольщица,
Вѣкова моя сухотница,
Ты родимая матушка!
Не отходи, моя кормилица,
Отъ кирпичнаго шесточка,
Не становись, моя кормилица,
Среди вы́сока терема
На свои рѣзвыя ножки;
Не поднимай ты бѣлой рученьки
Выше сво́его величества,
Выше умной головушки;
Ты не кости-ко лица бѣлаго

(1) Не крестись. (2) Тѣ—тебѣ. (3) Буде—вмѣсто будетъ. (4) Опришенной—одной только,—опришонно его—кромѣ его.

Digitized by Google

Передъ Господомъ Богомъ;
Не подходи, моя кормилица,
Ко снарядну дубову столу,
Не протягивай правой руки
Черезъ сахарныя кушанья,
Ты не бей-ко рука объ руку
Со духовнымъ со батюшкомъ,
Со чужимъ чужениномъ;
Не закладывай правой руки
Не въ селѣ, не въ деревнѣ,
Не въ рублѣ, не въ полтинѣ,
Што не въ золотой гривнѣ;
Тѣ не выкупить правой руки
Не селомъ, не деревней;
Тѣ не выкупить правой руки
Не рублемъ, не полтиной.
Выкупать буде права рука
Моей буйной головушкой,
Опришённой дѣвьей красотой.

Почти то же самое поютъ, когда невѣста плачетъ матери крестной, братьямъ и сестрамъ. Послѣ ужина женихъ и гости уѣзжаютъ, и... въ домѣ становится тихо. Начиная съ рукобитья до самаго дѣвичника, сосѣдки-дѣвушки каждодневно собираются къ невѣстѣ съ своими пяльцами. Вышивая то бумагою, то шелкомъ разные узоры на бѣлыхъ полотенцахъ, назначенныхъ въ подарки родственникамъ жениха, онѣ поютъ свадебныя пѣсни; а закрытая невѣста, сидя между двумя подругами, праворучницею и лѣворучницею, плачетъ, отъ чего это время и называется у нихъ *плакáньемъ*. При входѣ постороннаго человѣка въ избу, невѣста встаетъ съ своего мѣста и съ воплемъ бросается къ ногамъ его, потомъ поднимается и обѣими руками крѣпко обхватываетъ его за шею, продолжая плакать; а прочія поютъ, напримѣръ, молодому, не женатому мужчинѣ:

11.

Какъ изъ загорья-горья́,
Вѣтерокъ попыхаетъ;
Да изъ заморья-морья́
Черне́нъ корабль выбѣгаетъ;
Выбѣгалъ черне́нъ корабль
Изъ-за синяго моря,

Digitized by Google

О двѣнадцати парусахъ
О тринадцати ярусахъ;
Тонки парусы полóтняны,
Всѣ отуги шелкóвыя,
Знамена (1) Государевы.
Выходилъ чернѣнъ корабль
Изъ-за синяго моря;
Подходилъ чернѣнъ корабль
Подъ (такую-то) (2) славну волость;
Подбѣгалъ чернѣнъ корабль
Подъ крутý гору высокую,
Ко святой Божьей церкви;
Вымощали съ кóрабля
Славны мосты калиновы;
Разстилали по мостикамъ
Всѣ ковры семишелковые:
Выходилъ со корабля
Удалый, добрый мóлодецъ;
Какъ садился добрый мóлодецъ
На кóмонь (3) добрую лошадь;
Онъ поѣхалъ, добрый мóлодецъ,
На крутý гору высокую
Ко (такой-то) (4) славной волости;
А о ту пору́, о то время
У меня ли красной дѣвицы
Тихой дѣвій дѣвичничекъ,
Да слезливо плакáньеце.
Сдивовались люди добрые
Удалóму дóбру мóлодцу:
Это чей-то добрый молодецъ?....
Онъ по платью по цвѣтному
Сынъ купца—гостя торговаго;
Онъ по низкимъ поклопечкамъ
Сынъ попá—отца духовнаго;
Онъ по ласковымъ словечушкамъ
Сынъ крестьянина богатаго.
Ты послушай, добрый мóлодецъ,

(1) Флаги. (2) Хоть подъ Усть-важку. (3) Кóмонь значитъ конь. Древнее слово, извѣстное изъ Слова о полку Игоревѣ—тамъ есть: *воротите вы комоней*, и проч. (4) Хоть ко Усть-важской славной волости.

Digitized by Google

Што я стану говорить тобѣ:
Тѣ не дай Боже женитися
У купца гостя торговаго,
Взять купеческую дочку:
Со купеческою дочерью
Много денегъ и приданаго,
Много цвѣтнаго платья;
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тобѣ:
Говорить я стану сказывать,
Сущу истинную правду,
Што купеческія дочери
Нетяглы (1), не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ,
Шолкомъ шить не гораздны (2);
Тѣ не дай Боже женитися
У попа отца духовнаго,
Взять поповскую дочерь:
Со поповской славной дочерью
Много дàнья и приданаго,
Много цвѣтнаго платья;
Ты послушай, добрый мóлодецъ,
Што я стану говорить тобѣ,
Говорить я стану сказывать,
Сущу истинную правду,
Што поповскія-то дочери
Не тяглы и не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ.
Тѣ подай Боже женитися
У крестьянина богатаго,
Взять крестьянскую дочерь:
Со крестьянскою-то дочерью
Много данья и приданаго,
Много цвѣтнаго платья;
Што крестьянскія-то дочери,
Всѣ тяглы и работливы;
Ткать и прясть онѣ гораздны,
Шолкомъ шить мастерицы.

(1) Тяглый значитъ сильный, работящій. (2) Неискусны.

Digitized by Google

Парень не долго позволяетъ давить себя за шею; онъ собирается съ силами и усаживаетъ невѣсту на лавку, а за добрый пріемъ даритъ пятакъ или гривну; невѣста, опустивъ деньги въ братыню или чашку, стоящую въ колѣнахъ у праворучницы, вторично встаетъ, кланяется ему и плачетъ при пѣніи прочихъ:

12.

Тѣ спасибо, добрый мо́лодецъ,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
Што на златѣ, на се́ребрѣ,
И на царскомъ на имени;
(1) Тѣ подай Боже корминицу
Царску службу сослужити,
Золоту казну получити!

Послѣ этого дѣвица, сидящая по лѣвую руку невѣсты, подчуетъ гостя пивомъ.

Подобный пріемъ бываетъ и старому и малому; разность только въ однихъ припѣвахъ. Невѣста плачетъ такъ много и такъ громко, что впослѣдствіи совершенно теряетъ голосъ; равной участи подвергается и плачея, не смотря на то, что хозяева не забываютъ подкрѣплять ее и виномъ и пивомъ.

—

III. Вольное смотрѣнье, или дѣвишникъ.

Поиграйте вы, дѣвушки,
Поиграйте, голубушки,
Въ свою волю у батюшки,
Въ полной нѣгѣ у матушки;
Не равно замужъ выйдется,
Не равенъ чортъ навернется,
Не равенъ накачается!
Либо старо одушливое,
Либо младо недужливое,
Либо въ ровню—упрямчивое....
У меня младой.... старой мужъ,—
Онъ ворчитъ и журитъ и бранитъ,
Разувать, раздѣвать мнѣ велитъ,
Балахонъ съ плечъ стягивати,
Съ ногъ подвязки отвязывати;
У меня ручки бѣленькія,

(1) Это поютъ, если мужчина служитъ въ какомъ-либо мірскомъ выборѣ: десятскимъ, выборнымъ, старостой или писаремъ.

Digitized by Google

Не того я поля ягода цвѣла,
Не такого отца дочерью слыла,
Не така меня мать родила,—
Штобъ тебя старика раздѣвать,
Раздѣвать, разувать, цѣловать (1).

Непримѣтно проходитъ время въ хлопотахъ и суетахъ свадебныхъ. Едва-едва успѣешь около себя осмотрѣться, одуматься, какъ уже и большое смотрѣнье надъ головою. Въ селеніяхъ уѣзда Шенкурскаго, не могу сказать, во всѣхъ-ли, но въ Устьважскомъ, Березницкомъ, Пяндскомъ и Осиновскомъ, гдѣ я нѣсколько разъ самъ былъ очевидцемъ, на это смотрѣнье, или, по тамошнему, на дѣвичникъ, невѣста сама зазываетъ гостей. Въ вѣнкѣ съ распущеннымъ по лицу платкомъ, она, въ сопровожденіи дѣвушекъ и плачей, ходитъ по селенію, и, начиная съ священническаго дома, останавливается предъ окнами каждаго дома, гдѣ живутъ родственники ея или знакомые, кланяется и горько плачетъ, а прочія поютъ,—если у дома священническаго, то:

13.

Ты духовный батюшко,
Да (имя) свѣтъ (отечество)!
Ты гости—да ко мнѣ жалуй-ко
На честной мой дѣвишничекъ,
На слезное плаканьеце,
Со духовною матушкой
Да какъ (имя и отечество)
Со всима дѣтьми любезныма
И всѣмъ домомъ благодатнымъ,
У моихъ честныхъ родителей
Хлѣба-соли покушати,
Што въ послѣдній разъ, останошній—
При дѣвицѣ душѣ красной,
При отлетной бѣлой лебеди!

Переходя отъ дома священника къ другому, третьему и т. д., она вездѣ плачетъ и кланяется, а дѣвушки поютъ ту-же пѣсню, начиная ее—если у дома дяди: *ты родимой дядюшка!*—если у дома крестной матери: *ты крестова матушка!* и пр. и пр.

Въ уѣздахъ Архангельскомъ и Холмогорскомъ на большое смотрѣнье зазываютъ съ обѣихъ сторонъ дружки. А невѣста съ дѣвуш-

(1) Пѣсня хороводная; ее поютъ въ лѣтніе храмовые праздники на лугу въ главномъ хороводѣ, составляющемся только изъ взрослыхъ дѣвицъ и молоденькихъ молодицъ, разодѣтыхъ въ лучшіе наряды.

Digitized by Google

ками и женщинами наканунѣ смотрѣнья ходитъ въ церковь; тамъ, съ благоговѣніемъ предстоя у подножія олтаря Господня, молитъ Чистѣйшую Отроковицу, да благословитъ союзъ ея. Въ этой молитвѣ принимаютъ живѣйшее участіе всѣ окружающія невѣсту. Не за себя онѣ молятся, но за свою подругу. Исполнивъ христіанскій долгъ, невѣста съ душевнымъ спокойствіемъ возвращается въ домъ. Но если невѣста—сирота,—не имѣетъ отца или матери, въ такомъ случаѣ изъ церкви прямо идетъ на могилу родительскую. Здѣсь-то вы увидите трогательную картину!.... Между скромными памятниками, безмолвно охраняющими тихій сонъ мертвецовъ,—завидя деревянный крестъ, стоящій на могилѣ родительской,—бѣдная дѣвушка бѣжитъ съ распростертыми руками обнять, облобызать холодную глыбу земли; она повергается на колѣна и испускаетъ пронзительный вопль, сопровождаемый заунывнымъ пѣніемъ подругъ:

14.

Потяните, потяните, (поютъ онѣ)
Стонка буйные вѣтры!
Вы раздуйте, размечите
Всѣ желты пески сыпучіе!
Разступися мать сыра-земля!
Раскройся гробова доска!
Ты раскройся, размахнися,
Бѣлой саванъ полотняной!
Отнимитесь, руки бѣлыя,
Отъ желанна ретива сердца!
Ты вставай-ко, солнце красное,—
Отъ крѣпка сна пробудися,
Ты родитель мой батюшка! (*)
Я пришла къ тебѣ злосчастная
За родительскимъ благословеніемъ,
Ужъ въ послѣдній разъ, останешней—
Душей красной дѣвицею,
Младой отческой дочерью;
Твое родительское благословеніе
Ты дай мнѣ, солнце красное,
Какъ меня бѣдну злосчастную
Сохранитъ оно, помилуетъ,
На чужой дальней сторонкѣ,

(*) Та же плачь и матери; только вмѣсто *родитель батюшка*, приплакиваютъ: *ты родима матушка*!

Digitized by Google

Въ чужомъ домѣ незнакомомъ,
За чужимъ за чужениномъ,
Въ темной жирѣ (1) не веселой.

Послѣ этого невѣсту, растроганную до глубины души, отводятъ домой; но и тамъ представится вамъ не менѣе печальное зрѣлище. Подойдя къ вышедшей на встрѣчу матери, невѣста падаетъ къ ногамъ ея, и, обливаясь горькими слезами, плачетъ на-взрыдъ, при пѣніи:

15.

Ужь ты свѣтъ моя милосердая!
Въ день-денной—моя печальщица,
Въ ночь-ночную—богомольщица,
Ты родитель моя матушка!
Я ходила, бѣдна, злосчастная,
Со любезными подружками
Дупца красными дѣвицами,
На прекрасно наше буево (2),
Къ Божьей церкви православной;
Я будила бѣдна, злосчастная,
Круту гору, высокую,
Крѣпку стѣну, бѣлокаменну,
Свѣтъ родителя батюшка.
Я просила, бѣдна, злосчастная,
Его родительскаго благословенія
Ужъ въ послѣдній разъ, останешній!
Не промолвилъ солнце красное,
Свѣтъ родитель мой батюшка,
Ни единаго словечушка
Со мною бѣдной, горегорькой. (3)

Бѣдная мать, невѣста и прочіе дѣти, схватившись вмѣстѣ руками, наполняютъ громкими рыданіями воздухъ, и тѣмъ самымъ заглушаютъ жалобное пѣніе. — Уже изнемогшихъ отъ горести, родные уводятъ въ избу, и своею нѣжною заботливостію возстановляютъ спокойствіе духа....

(1) Жира значитъ житье. (2) Площадь, окружающая церковь. «*Пойдемъ играть на буево*», т. е. къ церкви или на церковный лугъ.

(3) Такъ же плачетъ она и предъ отцемъ, если не имѣетъ матери, съ тою только разницею, что приплакиваетъ: *ужъ ты, свѣтъ мой милосердый, мой крута гора высокая, крѣпка стѣна бѣлокаменна, ты, родитель мой, батюшко!*

Digitized by Google

Собравшись по возможности съ силами, каждый принимается за дѣло, — кто чиститъ посуду, кто моетъ полы, кто стряпаетъ, кто варитъ, кто жаритъ; одна невѣста остается ничѣмъ не занята, печальна, безмолвна — долго сидитъ, склоня свою голову на грудь. Уже подъ вечеръ, когда изготовится баня, она, по принятому обыкновенію, идетъ съ подружками мыться; въ это время мать *рядитъ коробью*, т. е. укладываетъ въ сундукъ бѣлье, салфетки, скатерти, нѣсколько кусковъ холста, полотна, и все, что̀ по возможности заготовлено въ приданое за дочерью-невѣстой. Такъ проходитъ день отъ утра до вечера! Наступаетъ ночь — и все погружается въ сонъ.... Рано пробужаются жители околодка; но раньше всѣхъ вспыхиваетъ огонекъ въ домѣ невѣсты. Еще за долго до появленія утренней зари въ немъ все семейство поднимается на ноги; вездѣ движеніе и примѣрная дѣятельность! Опять у каждаго полны руки дѣла! И не удивительно: у невѣсты на большомъ смотрѣньѣ бываетъ множество гостей. Родители ея, по старинному обычаю, въ этотъ день рядятъ два вечернихъ стола, — одинъ ужинъ для мущинъ и женщинъ, а другой — прощальный, для всѣхъ дѣвицъ. Сколько же нужно приготовить всякой всячины, чтобы угостить всѣхъ хлѣбомъ-солью по-русски, или, какъ говорятъ, *на славу*? — Самый бѣдный на этотъ разъ займетъ, но не ударитъ себя лицомъ въ грязь. Сиротамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ оказываютъ пособіе добрые зажиточные сосѣди, или родственники, кто чѣмъ можетъ; *вѣдь голенькой—охъ! а по голенькомъ Богъ!*.... Къ половинѣ дня оканчиваются всѣ домашнія приготовленія, сколько бы многосложны ни были, и русская теплая изба принимаетъ на себя видъ праздничный, чистый, опрятный. Накрывается для жениха длинный отъ стѣны до стѣны столъ; хозяинъ и хозяйка чинно разстанавливаютъ на немъ разныя яства и напитки. Вскорѣ одна за другою начинаютъ сходиться, то женщины, то дѣвушки, одѣтыя уже во все, что̀ есть лучшаго. Невѣста въ повязкѣ на головѣ, но въ полу-праздничной одеждѣ, встрѣчаетъ каждую гостью на срединѣ избы, или на крыльцѣ, если время стоитъ теплое, и, кланяясь, приплакиваетъ: а) въ уѣздѣ Шенкурскомъ, на прим. матери крестной, (по тамошнему божаткѣ):

16.

Это, слава Тобѣ, Господи,
Слава Господу Богу!
Не вода стала сливатися,
Стали родители сбиратися;
Што идетъ-то ко мнѣ, жалуетъ,

Digitized by Google

Свѣтъ крестовая матушка;
Ты любя ходила, матушка,
Во кумы́ во крестовыя;
Ты любя держала, матушка,
Меня крестовую до́чушку;
Снаряжайся-ко, кормилица,
Въ посаженыя сватьюшки;
Ты была, моя корминица,
Ко мнѣ ласкова, привѣтлива;
Не оставь меня, корминица,
Што при нынѣшнемъ времени;
Спроводи меня, корминица,
На чужую дальну сторону.

17. Молодицъ.

Што не лебедь бѣлая
Черезъ поле летѣла,
Она правымъ крылышкомъ
Себѣ путь устилала,
Она лѣвымъ крылышкомъ
Со травы росу сбивала.
Какъ отъ той-то бѣлой лебеди
Всѣ поля забѣлѣли,
И луга зазеленѣли.
Тѣ не быть да бѣлой лебедью,
Молодой быть молодицею,
Старопрежняя подружечка!
Ино (такая-то — имя и отечество),
Ты скажи мнѣ-ка, голубушка,
Скажи сущую правду;
Не давно́ вѣдь время ді́лось (1),
Не въ кою пору забыти;
Выдавали тя родители
На чужу́ да́льну сторону;
Тебѣ выбрали родители
Житье, мѣсто, богачество,
Мужа ласкова, смышленаго;
Ужъ скажи мнѣ-ка, подруженька,
Какъ въ первыжды приходила ты

(1) Было.

Digitized by Google

На чужую дальну сторону?
Какъ свою-ту приносила ты,
'Гамъ на плечахъ буйну голову?
Ты которою рученькой
Впереди дверь отворяла?
Ты которою ноженькой
Черезъ порогъ переступала?
Ты которому святителю
Напередъ-то помолилася?
'Гы кому челомъ ударила,
Али старому, аль малому?
Или середовому? (1)
Какъ отвѣтъ держитъ подруженька:
Отпирала правой рученькой,
Выступала правой ноженькой
Впереди челомъ ударила
Богоданному батюшку;
Другоредь (2) челомъ ударила
Богоданной матушкѣ;
Въ третьиредь челомъ ударила
Богоданнымъ деверьецамъ,
Опослѣ челомъ ударила
Богоданнымъ золовушкамъ.

18. Священнику.

Это слава Тобѣ, Господи,
Слава Господу Богу!
Какъ идетъ-то ко мнѣ, жалуетъ,
Да духовный мой батюшко,
Со духовной со матушкой
Со всѣмѣ дѣтьми любезныма,
Со всѣма да со церковники—
Грамотѣями духовныма,
На слезливый дѣвишничекъ.
Благослови-ко меня, батюшко,
На чужую дальну сторону.

Плачь молодому мужчинѣ уже помѣщенъ мною подъ N 11-мъ. Надобно замѣтить, что въ уѣздѣ Шенкурскомъ на дѣвичникѣ

(1) Пожилому. (2) Другоредь — другой разъ.

Digitized by Google

не бываетъ ни женихъ, ни родственники его. А потому невѣста до самаго ужина тѣмъ и занимается, что плачетъ каждому приходящему.

b) Въ Ненокоцкомъ посадѣ Архангельскаго уѣзда невѣста при встрѣчѣ дѣвушекъ и женщинъ плачетъ такъ:

19.

Я кого да млада ўзрѣла,
Я кого млада усмотрѣла
Сквозе туманны очи ясныя,
Сквозь марево Господне!
Свою любезную подружечку (1),
Што богату, именитую,
Отъ бѣлыхъ лебедей отмѣнитую,
Да какъ (имя и отечество дѣвушки).
Не позазри, лебедь бѣлая,
Моя возлюбленна подруженька,
Што тебя млада я встрѣтила,
Не дошедъ двора широкаго,
Не на новыхъ сѣняхъ косесчатыхъ!
Хоть я встрѣтила кручинная
Во родительскомъ благословеньѣ,
Во батюшковомъ строеньѣ,
Среди горницы высокой,
Подъ косесчатымъ окошкомъ;
Ты начаешьсл (2), лебедь бѣлая!
Што горда я стала, спѣсивая?
Меня спѣсь, гордость одолѣла,
Словно богатство я получила,
Будто имѣнье себѣ великое?
Не начайся, лебедь бѣлая,
Моя возлюбленна подруженька!
Не богатство я получила;
Изняла младу, издолѣла (3)
Зла невольная кручина,
Злы горючія слезы;
Меня той тоской надѣлили—
Мой родитель батюшко,
Моя родимая матушка,
Единоутробные братьица,

(1) Тетушку, сестрицу, или нарядную сосѣдушку. (2) Думаешь. (3) Обезсилила.

Digitized by Google

Весь родъ мой и племя.
Они придумали, пригадали
Отдавать меня, отдалять
На чужую дальну сторону.—
Бью челомъ, низко покланяюся,
Моя возлюбленна подруженька,
Чту на хлѣбѣ да на соли,
Я по-часту къ вамъ ходила,
Все по долгу я гостѝла;
У тебя, моя подруженька,
Мнѣ любима была гозебка,
Часто было перепутьеце.

с.) Въ Холмогорскомъ и Архангельскомъ уѣздахъ:

20.

Приходи да ко мнѣ жалуй-ко,
Моя милая сосѣдушка,
Супротивна моя сѐстрица,
Задушевная подружечка,
Свѣтъ Анна Ивановна (1),
Золота верба кудрявая!
Какъ съ тобой мы красовалися,
У своихъ честныхъ родителей,
Какъ съ тобой мы любовалися
Житьемъ дѣвьимъ безпечальнымъ,
Безпечальнымъ, скоролетнымъ.
Прокатилось время красное,
Мнѣ пришла пора разстатися,
Со всѣмъ родомъ распрощатися.—
Приношу мою благодарность
За твою любовь крѣпкую,
Любовь крѣпкую, неизмѣнную.

Когда уже соберутся всѣ родные и ближніе, невѣста становится за столъ, и до пріѣзда жениха, въ кругу подрушекъ своихъ плачетъ:

21.

Благослови-ко меня, батюшко (1),
За столы стать за дубовые,
Што за сахарныя кушанья,

(1) Имя и отечество дѣвушки. (2) Если нѣтъ отца, плачетъ: матушка.

Digitized by Google

За питья разноличныя,
Красной дѣвицѣ поплакати!
Ужь я стану млада кручинная
На свои рѣзвыя ноженьки;
Я откину руку правую
Со большимъ платомъ шелковымъ
Што отъ блѣдна лица бѣлаго;
Я открою очи ясныя,
Обозрю всѣ свѣтлы горницы,
Всечестныхъ моихъ родителей.
Еще всѣ ли мои родители
Собрались сюда, пожаловали?

Здѣсь она оплакиваетъ всѣхъ отсутствующихъ родителей и родственниковъ своихъ. (Если нѣтъ отца роднаго или крестнаго, — плачетъ такъ:)

Я не вижу, бѣдна, злосчастная,
Своей стѣны бѣлокаменной,
И крутой горы высокой,
Моего ласкова, привѣтлива,
Свѣтъ родителя батюшка.

(Если нѣтъ матери родной или крестной):

Я не вижу бѣдна, злосчастная,
Въ день—денной моей печальщицы,
Въ ночь—ночной да богомольщицы,
Свѣтъ родительницы матушки,
И желанной, сердобольной.

(Если нѣтъ брата, дяди, или другихъ родственниковъ):

Я не вижу млада, кручинная,
Приближенныхъ своихъ сродниковъ,
Единоутробнаго брателка,
Ненаглядна ясна сокола.

Или:

Моего родимаго дядюшки,
Двоюродной моей тетушки. —
и проч. и проч.

Она называетъ каждаго по имени и по отечеству; далѣе продолжаетъ:

Сидите вы, бѣлы лебеди,
Мои возлюбленны подружечки,
Вдоль по брусчатымъ лавочкамъ,

Digitized by Google

Подъ косесчатымъ окошечкомъ;
Пріоткройте-ка околенку,
Посмотрите-ка на улочку;
Вы послушайте, бѣлы лебеди,
Што на широкой-то улицѣ
Нѣтъ-ли топоту лошадинаго,
Нѣтъ ли посвисту молодецкаго?
Ужъ не ѣдетъ-ли мой батюшко, (или брателко, или дядюшка)?
Што изъ дальней пути-дорожечки?

(Если нѣтъ матери):

Вы послушайте, мои голубушки,
Што на широкой-то улицѣ,
Не кикаетъ-ли лебедь бѣлая?
Не журчитъ ли струя тихая?
Не бѣжитъ ли красна шлюпочка?
Не несетъ ли ко мнѣ матушки (или тетушки)?
Вѣдь-то мнѣ бѣдной, злосчастной,
Хоть и ждать, да не дождаться
Моего родителя батюшка,
(Или родительницы матушки),
(Единоутробнаго брателка),
(Моей родимой тетушки);
Какъ изъ той пути-дорожечки
Нѣтъ ни вѣсти, ни павѣсти,
Скорописчатой грамотки.
Ужъ не слышитъ ретиво сердце,
И не видятъ очи ясныя,
Што у насъ да учинилося,
Въ нашемъ домѣ благодатномъ,
Въ свѣтлыхъ горницахъ высокихъ!....
Кабы былъ у меня батюшко (или матушка),
Пожалѣлъ бы молодешеньку;
Онъ не отдалъ бы въ замужество
На чужую дальну сторону.

(Если брата нѣтъ или дяди, то плачетъ):

Кабы былъ у меня брателко,
Заступился бы за бѣдную,
Поканался (1) бы родителямъ:
Не давать меня въ замужество

(1) Канаться — убѣдительно просить.

Digitized by Google

Што не въ полномъ цвѣтѣ, возрастѣ
И незрѣлыхъ лѣтахъ дѣвичьихъ.

Оплакавъ умершихъ родственниковъ, невѣста съ дѣвушками-подругами уходитъ въ другой покой наряжаться; а прочія, для развлеченія общей скуки, поютъ, въ ожиданіи жениха, пѣсню:

7.

Пѣсни.

Долго, долго соколъ не бывалъ;—рано, рано, ранешенько,
Долго, долго ясенъ не бывалъ;—рано, рано, ранешенько (1).
Долго, долго Иванъ (2) не бывалъ;
Долго, долго Андреичъ не бывалъ.
Какъ сказали (такой-то) во царевѣ кабакѣ,
Во царевѣ кабакѣ, зелено вино пьетъ,
Зелено вино пьетъ, безъ пробуду спитъ,
Безъ пробуду спитъ—не разбудится.
Какъ мало по малу пришла вѣсть на дворъ,
Пришла вѣсть на дворъ, вѣстка радостная,
Вѣстка радостная, къ тестю батюшку,
Къ тестю батюшку, тещѣ матушкѣ
Што ѣдетъ Иванъ съ каменной Москвы,
Съ каменной Москвы, славной ярмонки,
Какъ конь-то подъ нимъ въ полтораста рублей,
Уборъ на конѣ во пятьсотъ рублей;
Молодецъ-отъ сидитъ-то—цѣны ему нѣтъ;
Потому цѣны нѣтъ,—первобрачный князь.
Становилъ онъ коня противъ тестева двора,
Противъ тестева двора, противъ батюшкина.
Онъ ударилъ копьемъ во широки ворота;
Онъ вскричалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
Ужъ вы, ой еси, мамушки, нянюшки,
Вы хорошія архангельскія дѣвушки!
Вы сходите-ка, понавѣдайтесь:
Еще спитъ ли, не спитъ ли моя Анна душа (3),
Еще спитъ ли, не спитъ моя Ѳедоровна?
Какъ отвѣтъ держатъ мамушки, нянюшки—
Што сегодня наша Анна всю ночь не спала,
Всю ночь не спала, все уборъ рядила,
Все уборъ рядила и коверъ вышила,
Што этотъ уборъ будетъ коню красота,
Што этотъ коверъ—молодцу похвальба.

(1) Это повторяется послѣ каждаго стиха. (2) Имя жениха. (3) Имя невѣсты.

Digitized by Google

На большое смотрѣнье женихъ, со своей стороны, приглашаетъ не только родственниковъ, но и всѣхъ знакомыхъ своихъ. Мущины и женщины заблаговременно собираются къ нему, чтобы общимъ поѣздомъ отправиться къ невѣстѣ. Всѣ гости по свадебному наряжаются какъ можно лучше: мужчины въ модныхъ картузахъ, въ суконныхъ сибиркахъ, въ плисовыхъ кафтанахъ съ серебряными напереди схватами, въ капотахъ (1) и лисьихъ шубахъ. Молодыя женщины въ собольихъ чебакахъ, жемчужныхъ сережкахъ и перлахъ, въ бархатныхъ или парчевыхъ епанечкахъ и штофныхъ юбкахъ, обшитыхъ по подолу широкимъ золотымъ или серебрянымъ газомъ; а пожилыя?... да! и старушки въ этихъ случаяхъ также любятъ прищегольнуть,—и онѣ являются въ разшитыхъ золотомъ повойникахъ, въ штофныхъ съ серебряными пуговицами шубейкахъ и гридетуровыхъ или камлотовыхъ сарафанахъ. Чтобы впослѣдствіи не возникло между гостями, а особенно между ихъ женами, какихъ-нибудь неудовольствій и пересудовъ, родители жениха предварительно назначаютъ, съ общаго, впрочемъ, согласія, кому послѣ кого должно сидѣть за столомъ у невѣсты, — обыкновенно предоставляя высшія мѣста ближайшимъ роднымъ. Предосторожность эта, конечно, кажется странною; впрочемъ она наблюдается не только въ здѣшнихъ селахъ, но и въ городахъ, между купеческими и мѣщанскими домами, и, конечно, не безполезна; я не говорю о мужчинахъ: они не взыскательны; но обойдти мѣстомъ какую-нибудь женщину, особливо дородную купчиху, — это явная обида; ни за что не простятъ вамъ такого оскорбленія, и во всю жизнь будутъ упрекать, что *звали на честь, а посадили на печь!*

Передъ самымъ отъѣздомъ гости, выпивъ по рюмкѣ водки, садятся всѣ: тысяцкой, женихъ и его родители, за столъ, на которомъ поставленъ большой черный хлѣбъ съ солонкою, полною соли, а прочіе, кто куда. И какъ у насъ на святой Руси издавна ведется не начинать никакого дѣла, не помолясь прежде Богу и не призвавъ Его на помощь, (за что и Богъ видимо помогаетъ Русскимъ); то и женихъ и всѣ гости его, вставъ со своихъ мѣстъ, прежде исполняютъ эту святую обязанность, т. е. молятся Богу, или, какъ говорятъ въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ,— *кладутъ начало*, и потомъ отправляются къ невѣстѣ, иногда саняхъ на десяти, а не рѣдко на двадцати и болѣе....

Ѣдутъ, ѣдутъ! раздается наконецъ громкій крикъ ребятишекъ, толпящихся около дома невѣсты. Родители и родственники ея спѣ-

(1) Верхняя суконная одежда, похожая на шинель безъ капишона, — чуйка.

Digitized by Google

шать встрѣтить дорогихъ гостей. Длинный поѣздъ останавливается у крыльца, мущины и женщины выходятъ изъ саней; отряхнувъ съ себя иней, здороваются съ хозяиномъ и хозяйкой. Потомъ поднимаются на сѣни; здѣсь, при свѣтѣ одной или двухъ горящихъ свѣчь, они осматриваютъ другъ друга съ ногъ до головы, охорашиваются, и, перекрестясь, вступаютъ въ горницу. Какъ водится, поклонясь на всѣ стороны, они садятся за столъ; а женщины, или пѣсенницы, стоящія въ меньшомъ углу,—поютъ пѣсню:

8.

Поступаетъ первобрачный князь
Со родителемъ батюшкомъ,
Со родимою матушкой,
Со своимъ большимъ тысяцкимъ,
Двумя дружками хоробрыми (1),
Двумя братьями назваными,
Со всѣмъ поѣзжанами.
Становится князь молодой
За снарядны дубовые столы,
Что за сахарны кушанья,
За питья разноличныя;
Онъ бьетъ челомъ, низко кланяется,
Низко кланяется на всѣ стороны,
Какъ на перву-то сторону —
То княгинину батюшку,
На другую-то сторону —
То княгининой матушкѣ,
На третью-то сторону —
То княгининымъ братьицамъ,
На четвертую сторону —
То княгининымъ сестрицамъ;
Еще въ лишицу кланяется—
То княгининымъ подружечкамъ.
Онъ кличетъ княжну молоду:
Ты катись, катись, ягода,
Ты сладка виноградная,
Ты княжна первобрачная;
Ты катись, катись, злачень перстень!
Какъ отвѣтъ держитъ княжна молода:
Кабы я была ягода—

(1) Хоробрый—смѣлый, храбрый.

Digitized by Google

У тебя на честномъ пиру была,
На тарелкѣ серебряныя;
Кабы я была злаченъ перстень,
На твоей бы правой рученькѣ была.

Между тѣмъ, смѣтливый хозяинъ подчуетъ гостей и гостьюшекъ водкою и пивомъ; а ласковая хозяйка, кланяясь каждому, приговариваетъ: просимъ принять да выкушать!... съ дорожки! пора стоитъ холодная! и проч.

Вскорѣ выходитъ невѣста; дѣвушки-подружки сопровождаютъ ее;—всѣ онѣ хороши, всѣ бѣлы, всѣ румяны! одна другой лучше, одна другой пригляднѣе; но невѣста краше всѣхъ; въ дѣвственномъ нарядѣ, она свѣтла, какъ майское утро. Одѣвая подругу, дѣвушки не упускаютъ изъ виду ничего, что бы могло придать ей болѣе красоты и привлекательности. Чего не дала природа, то онѣ со всею изысканностію стараются замѣнить искусствомъ. Какъ и на маломъ смотрѣньѣ, невѣста останавливается по срединѣ горницы, съ такимъ же умиленіемъ кладетъ три поясныхъ поклона предъ иконами, также низко кланяется на всѣ стороны. Стаканъ снова наполняется водкою, и невѣста, съ поклономъ низкимъ, привѣтливымъ, подноситъ его каждому, по старшинству, которое во всякомъ случаѣ у русскихъ наблюдается строго. — Подъ конецъ этой церемоніи, изъ общаго круга выходитъ женихъ, беретъ невѣсту за руку и садится съ нею за столъ.

По причинѣ тѣсноты и усилившагося жару, дѣвушки въ это время уходятъ въ другую комнату или на повѣть;—тамъ съ холостыми парнями онѣ поютъ пѣсни, играютъ въ застѣнокъ и пляшутъ; а гости начинаютъ ужинать. Вмѣсто музыки во все продолженіе стола женщины поютъ разныя свадебныя пѣсни.

9. *Жениху.*

Ай у князя, князя,
Ай у молодого,
На его-то буйной главѣ
Золотыя были кудри,
Золотыя, завитыя.
Завивались его кудри,
Заплетались его русы
Кругомъ золота колечка,
Кругомъ серебряна пруточка;
Что по тѣмъ-то его кудрямъ,
Что по тѣмъ-то его русымъ,

Digitized by Google

По его цвѣтному платью,
Тесть ласковый любитъ,
За дубовый столъ сажаетъ,
Своей лошадью даруетъ;
Какъ эти дары зятю
Не по сердцу приходили,
Не по норову, обычью,
Не по нраву молодецкому;
Съ лавки зять не вставаетъ
Тестю шапки не снимаетъ;
Какъ теща зятя любитъ,
Своей дочерью даруетъ,
Своей дочерью любимой;
Какъ тѣ дары зятю
По сердцу приходили;
За тѣ дары любимы
Зять съ лавки вставаетъ,
Съ главы шапку снимаетъ,
Тещѣ кланяется.

10.

Свекру, свекровь и семейству ихъ.

Ужъ ты мать моя, матушка,
Моя мать государыня,
Ужъ ты сядемъ-ка, матушка,
Противъ столика на лавочку,
Подъ кошесчато окошечко,
Разсуди, споже матушка,
Какъ ночесь мнѣ младешенькой
Поспалося малешенько,
Страшенъ сонъ во снѣ видѣлся:
Какъ на нашей-то улицѣ
Стоитъ пустая хоромина,
Она пуста, не покрытая;
Какъ у этой хоромины
Углы прочь отвалилися,
А во той во хороминѣ
На печищѣ котище лежитъ,
Ходитъ по полу гусына,
А по лавкамъ лебеди,
По окошкамъ голубушки,

Digitized by Google

За столомъ сидитъ ясный соколъ;
Разсуди мнѣ-ка, матушка,
Растолкуй этотъ страшный сонъ!
Коли ты не разсудишь сна,
Я сама узнаю, свѣдаю,
Молода догадаюся:—
Вѣдь пустая-то хоромина—
Чужа дальна сторонушка,
И злодѣйка незнакомая;
Углы прочь отвалилися,—
По бревну раскатилися —
Отъ меня отступилися
Всѣ честны мои родители;
На печищѣ котище лежитъ —
Богоданной мой батюшко (свекоръ),
Ходитъ по полу гусына—
Богоданная матушка (свекровка),
Што по лавочкамъ лебеди—
Богоданные братьица (деверья),
На окошкахъ голубушки —
Богоданные сестрицы (золовки),
За столомъ сидитъ ясный соколъ—
Это мой видно суженой,
Это мой видно ряженой,
Удалой доброй молодецъ
Што (такой-то по имени и отечеству).

11. Невѣстѣ.

Хитеръ, мудеръ (такой-то) (1) господинъ,
Хитеръ, мудеръ сударь (по отечеству),
Хитрѣе, мудрѣе его не было!
Ходилъ въ торги, закупалъ шелки,
Закупалъ шелки, все шамахинскіе,
Шамахинскіе шелки, все разноличные.
Онъ плелъ колыбель изъ семи шелковъ,
Изъ семи шелковъ — шамахинскихъ все.
Онъ повѣсилъ колыбелюшку на улицѣ,
Што на улочкѣ на широкія,
На дорожечкѣ на проѣзжія,

(1) Имя жениха.

Digitized by Google

Противъ тестева двора, противъ матушкина.
Онъ вскричалъ, взговорилъ громкимъ голосомъ:
Ужъ вы гой еси ребята, дружки вѣжливые,
Два брателка, два названные,
Два молодца отобранные!
Вы качните колыбелюшку повыше всѣхъ,
Штобы мнѣ-ка увидѣть подальше всѣхъ;
Штобы мнѣ-ка увидѣть свою суженую,
Штобы мнѣ упримѣтить свою ряженую;
Еще што же моя сужена подѣлываетъ?
Еще что же моя ряжена поряживаетъ?
Она золотомъ шьетъ, жемчугомъ садитъ,
Съ руки на руку колечко перекидываетъ,
Что на звончатыхъ гусельцахъ поигрываетъ.
Тихимъ голосомъ своимъ приговариваетъ:
Водою ли, водою ли ко двору приду?
Павою ли, павою ли я во дворъ зайду?...
Въ сѣни новыя влечу я перепелочкой,
Въ новы горницы зайду я молодицею,
Къ своему мужу вступлю я хозяюшкой.

12. Женихъ.

Во теремѣ гусли стояли,
Во высокомъ звончаты стояли,
Не кому во тѣ гусли играти,
Во звончаты потѣшатися,
(Такого-то—имя жениха) въ домѣ не случилось,
(По отечеству) дома нѣту;
Нѣтъ его тамъ, онъ у тестя,
У ласковыя здѣсь у тещи,
Сидитъ за дубовыми столами,
За берчатыми скатертями,
Онъ сахарны яствы вкушаетъ,
Сладкими медами запиваетъ,
Невѣсту свою звеличаетъ:
Ты душечка (имя невѣсты),
Мое сердце (отечество ея),
Безъ тебя мнѣ-ка хлѣбъ-соль не ѣстся,
Безъ тебя сладки меды не пьются.
Какъ зять со двора уѣзжаетъ,
Ай теща ему наказуетъ:

Digitized by Google

Ужь зять ты мой, зятюшка любезной,
Ты гость дорогой, небывалой,
Садись на коня — не шатайся,
Поѣдешь домой—не валяйся,
Ко двору-то пріѣдешь—не ломайся,
Надъ моею ты дочкой не чванься;
Вѣдь мое-то дитя неучено,
Твоихъ нороновъ, обычьей не знаетъ;
Она годъ поживетъ—все узнаетъ,
А другой проведетъ—все сповѣдаетъ.

13. Невѣстѣ.

Полькомъ, полькомъ, полечкомъ,
Уторена дорожка конечкомъ,
Устлана широка ковричкомъ;
Еще кто эту дорожку уторилъ,
Еще кто эту широку устилалъ?
Уторилъ дорожку Петръ господинъ (1),
Устилалъ широку Ѳедоровичъ,
Все ѣзжучи къ Марьѣ (2) своей,
Все ходючи къ Ивановнѣ,
Дороги подарки пошучи:
Што первой подарокъ—пряничекъ,
Второй подарокъ—бѣлъ-сахаръ;
Третей подарокъ—самъ на дворъ.
Вы сборы, сборы Марьюшкины,
Велики сборы Ивановнины!
Собирала Марья всѣхъ подругъ,
Ивановна всѣхъ милыхъ,
Садила подружекъ всѣхъ за столъ,
А сама садилась выше всѣхъ;
Клонила голову ниже всѣхъ,
Думала думу крѣпче всѣхъ;
Вы подружки, голубушки мои!
Вы придумайте мнѣ, пригадайте мнѣ:
Еще какъ мнѣ идти во чужіе люди,
Какъ будетъ звать мнѣ люта свекра?
Батюшкомъ назвать мнѣ не хочется,
Свекромъ назвать,—онъ осердится.

(1) Имя жениха. (2) Имя невѣсты.

Digitized by Google

Еще какъ будетъ звать мнѣ люту свекровь?
Матушкой назвать мнѣ не хочется,
Свекровью назвать—она осердится....
Убавлю спѣсивства, гордости,
Прибавлю смиренства, кротости,—
Назову я свекра батюшкомъ,
Назову свекровку матушкой,
Я за то отъ нихъ не буду бранена;
За то ласково словечко получу.

14. Жениху и Невѣстѣ.

Какъ леталъ, леталъ соколъ,—ой рано, рано, (1)
Какъ леталъ, леталъ, ясенъ,
Онъ по всѣмъ по горамъ,
По дремучимъ по лѣсамъ,
Какъ искалъ, искалъ соколъ
Соколиное гнѣздо,
Соколяночку себѣ
Сизоперчатую,
Златокрыльчатую.
Какъ схватилъ, схватилъ соколъ
Соколяночку свою,
За правое за крыло.
Какъ взмолилась соколянка
Сизу ясну соколу:
Отпусти меня, соколъ,
Отпусти меня, ясенъ,
На мою сторону,
Въ свое теплое гнѣздо.
Какъ возговоритъ соколъ,
Какъ возговоритъ ясенъ:
Я тогда тебя спущу,
Когда перья ощиплю,
Право крылышко сломлю.
Ужъ какъ ѣздилъ, ѣздилъ Петръ,
Ѣздилъ Ѳедоровичъ,
Онъ по всѣмъ по морямъ,
По россійскимъ городамъ,
Какъ искалъ, искалъ Петръ

(1) Припѣвъ: *ой рано, рано,* — послѣ каждаго стиха.

Digitized by Google

Себѣ суженую,
Себѣ ряженую,
Какъ нашелъ, нашелъ Петръ
Себѣ суженую,
Себѣ ряженую
Во (такой-то) волости,
У Ивана (1) во дому,
Душу Марью свою,
Свѣтъ Ивановну,
Онъ бралъ ее за руку,
За злачены за перстни.
Какъ возговоритъ Марья,
Свою рѣчь держитъ Ивановна:
Отпусти меня, Петръ,
Спусти, Ѳедоровичъ,
На родиму сторону,
Къ моему батюшку,
Къ моей матушкѣ;
Какъ отвѣтъ держитъ Петръ,
Отвѣчаетъ господинъ:
Я тогда тебя спущу,
Какъ въ Божью церковь свожу,
Золотой вѣнецъ приму.

15. Тысяцкому и женатымъ мущинамъ.

Во горницѣ вѣ новой,
вѣ новой;
Во свѣтлицѣ высокой,
высокой,
Стоятъ столы дубовы,
дубовы;
На столахъ ковры шелковы,
шелковы;
На коврахъ—чара золота,
золота,
Полна меду налита,
налита;
Ай кто чару наливалъ,
наливалъ?

(1) Имя тестя.

Digitized by Google

Золотую дополнялъ,
дополнялъ?
Наливалъ чару (такой-то) господинъ, (1)
господинъ,
Дополнялъ чару (отечество) соколъ,
(такой-то)—соколъ; (2)
Онъ по горницѣ поспѣшалъ,
поспѣшалъ,
До умныя доступалъ,
доступалъ,
До разумныя доходилъ,
доходилъ,
Чару меду подносилъ,
подносилъ;
Ай (такая-то) (3) другъ моя,
другъ моя;
(Такая-то) (4) сердце мое,
сердце мое!
Скажи, любишь-ли меня,
любишь-ли меня?
Прими чару отъ меня,
отъ меня!
Выпей чару всю до дна,
всю до дна;
Спороди сына молодца,
молодца,
Станомъ, возрастомъ въ меня,
возрастомъ въ меня,
Бѣлымъ личикомъ въ себя,
личикомъ въ себя,
Очи въ ясна сокола,
въ ясна сокола,
Брови въ черна соболя,
соболя!

16. *Гостыь-вдовь съ дѣтьми.*

Чья это нива, 2.
Нива безъ огорода?
Чей высокъ теремъ, 2.

(1) Имя того, кому поютъ пѣсню. (2) Отчество того, кому пѣсню поютъ. (3) Хоть Аннушка, имя жены его. (4) Хоть Ивановна, отчество жены.

Digitized by Google

Безъ верху построенъ?
Чьи новы сѣни, 2.
Сѣни безъ подволоки?
Чья кунья шуба, 2.
Шуба безъ поволоки?
Чей зраченъ (1) перстень, 2.
Безъ позолоты?
Чья вдова бѣдна, 2.
Молода овдовѣла?
Чьи малы дѣти, 2.
Безъ батюшки остались?
Отвѣтъ держитъ бѣдна, 2.
Вдова молодая,
Што по имени (такая-то), 2.
По отечеству (такая-то):
Моя эта нива, 2.
Нива безъ огорода!
Мой высокъ теремъ, 2.
Теремъ безъ верху построенъ!
Мои новы сѣни, 2.
Сѣни безъ подволоки!
Моя кунья шуба, 2.
Шуба безъ поволоки!
Мой зраченъ перстень, 2.
Перстень безъ позолоты!
Я вдова бѣдна, 2.
Молода овдовѣла!
Мои малы дѣти—2.
Безъ батюшки остались!

17. Сватьи.

Сватья на свадьбу спѣшила,
На мутовкѣ рубашку сушила,
На порогѣ повойникъ катала
На дорогѣ его надѣвала.
Вы вставайте, подружечки!
Уливайте, сердечныя,
Круту гору высокую!
Не сойдти бы, не съѣхати

(1) Блестящій.

Digitized by Google

Моей непріятельницѣ,
Што злодѣйкѣ, сватьѣ бо̀льшія,
Лукавой и вилавой змѣи;
Трясло-бы тя, сватьюшка,
Трясло бы тя, отрясывало,
На полати съ печи сбрасывало;
Знобило бы тя, сватьюшка,
Подъ семью бы тулупами,
Подъ восьмой одѣвальницой;
Кабы тебѣ, сватьюшка,
На печи у трубы угорѣть,
Кабы тебѣ, сватьюшка,
У насъ пивомъ залитися,
А виномъ захлѣбнутися,
Пирогомъ заколотися;
Кабы тебѣ, сватьюшка,
Въ омутъ опрокинуться,
Рука и нога изломать,
Хребетная кость надломить,
Кабы шея выставити,
За велику твою выслугу,
Што высватать пожаловала
Нашу милую подружечку,
Душу красную дѣвушку.

19. *Дружкамъ.*

Какъ во садѣ, во саду, — да эхе!
Во зеленомъ во саду, — да эхе!
Што подъ яблонью кровать, — да эхе!
Подъ зеленой тесовая, — да эхе!
На кроватѣ-то перина, — эхе!
На перинушкѣ зголовье, — эхе!
На зголовьѣ одѣяло — эхе!
Черна соболя сибирска, — эхе!
Тутъ лежитъ, почиваетъ — эхе!
Добръ удалой молодецъ, — да эхе!
Первобрачной князь, — да эхе!
Што по имени (такой-то),— да эхе!
По отечеству (такой-то), — да эхе!
Ужъ какъ ходятъ кругъ кровати, — эхе!
Слуги вѣрные его, — да эхе!

Digitized by Google

Дружки храбрые, — да эхе!
Дружки вѣжливые, — да эхе!
Дружки очесливые, — да эхе!
Што по имени (такой-то), — эхе!
По отечеству (такой-то), — эхе!
Што по имени (такой-то), — эхе!
По отечеству (такой-то), — эхе!
Разуваютъ, раздѣваютъ, — эхе!
Спать укладываютъ, — да эхе!
Приговариваютъ, — да эхе!
Ужъ ты спи, молодецъ, — да эхе!
Первобрачный князь, — да эхе!
Князь молоденькой, — да эхе!
Князь хорошенькой, — да эхе!
Князь учтивенькой, — да эхе!
Ненаглядненькой, — да эхе!

19. Имъ же.

Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
Друженьки вѣжливые, дружки привѣтливые.
Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
Какъ на друженькахъ сибирки изъ нѣмецкаго сукна.
Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
Какъ на друженькахъ жилеты рыта бархата.
Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
Што на друженькахъ-то галстуки отласные.
Друженьки хорошіе, друженьки пригожіе!
Што на друженькакъ штаны да черноплисовые.
Друженьки хорошіе...!
Какъ на друженькахъ рубашечки полотняныя.
Друженьки хорошіе...!
Што на друженькахъ сапожки сафьяновые;
Друженьки хорошіе!...
Што на друженькахъ перчатки бѣлолайковыя,
Друженьки хорошіе...!
Какъ на дружкахъ картузы всѣ изъ сибирскаго бобра,
Друженьки хорошіе...!
Какъ у дружекъ во карманахъ итальянскіе платки,
Друженьки хорошіе!...
Дружки вѣжливые, дружки привѣтливые,

Digitized by Google

Дружки очесливые, дружки хоробрые,
Дружки ласковые, дружки догадливые,
Што по имени Иванъ сударь Захаровичъ!
Што по имени Андрей сударь Андреевичъ!

20. Тысяцкому.

У Иванова (1) двора стоятъ трои ворота.
Дымно, дымно въ полѣ, чадно, чадно въ чистомъ.
Какъ во первы-то ворота скорой гонецъ проскакалъ.
Дымно, дымно въ полѣ....
Во вторыя-то ворота соколъ пролеталъ.
Дымно, дымно въ полѣ....
Въ третьи-то ворота Иванъ провзжалъ.
Дымно, дымно въ полѣ....
(Такая-то) (2) его на крыльцѣ стояла,
Дымно, дымно въ полѣ....
На крыльцѣ она стояла, своимъ вѣеромъ махала,—
Дымно, дымно въ полѣ....
Все вѣеромъ махала, звонкимъ голосомъ кричала—
Дымно, дымно въ полѣ....
Ты, Иванъ господинъ! воротись, другъ, назадъ!
Дымно, дымно въ полѣ....
Воротися, другъ, назадъ, я тѣ радость скажу!
Дымно, дымно въ полѣ....
Тебѣ радость скажу, я тѣ сына рожу.
Дымно, дымно въ полѣ....
Я для сына твоего не ворочаюсь назадъ—
Дымно, дымно въ полѣ....
Сыно-тъ у меня вѣдь домашній гость.
Дымно, дымно въ полѣ....
Ты Иванъ госнодинъ, да воротись, другъ, назадъ—
Дымно, дымно въ полѣ....
Воротись, другъ, назадъ, я тѣ радость скажу—
Дымно, дымно въ полѣ....
Я тѣ радость скажу, тебѣ дочерь рожу.
Дымно, дымно въ полѣ....
Какъ для дочери-то я ворочуся домой!
Дымно, дымно въ полѣ....
Воспою, воскормлю, ее за-мужъ отдамъ,
Дымно, дымно въ полѣ...

(1) Имя тысяцкаго. (2) Имя жены тысяцкаго.

Digitized by Google

Ее за-мужъ отдамъ, буду дѣдушкою.
Дымно, дымно въ полѣ; чадно, чадно въ чистомъ.

21. *Всѣмъ вообще гостямъ.*

Кушайте, гости, не стыдитесь!
Рушайте гуся, не студите!
Нашей подружки не томите,
Нашей зарученой не трудите;
Безъ того наша подружка утомилась,
Безъ того ужъ зарученна утрудилась.
Уней рѣзвыя ноги подломились,
Уней бѣлыя руки опустились,
Горючія слезы прокатились;
На полатяхъ молодцы приспотѣли,
Бѣлы фанзовы рубашки подпотили,
Золотые галуночки потемнили.

Исключая жениха, каждый по окончаніи пѣсни встаетъ на ноги, кланяется пѣсенницамъ, и въ знакъ благодарности посылаетъ имъ чрезъ дружекъ гривенникъ или четвертачекъ, а богатый бурлачекъ и полтинничекъ.

Послѣ стола женихъ тотчасъ уѣзжаетъ домой со своими гостями. Спроводивъ его, хозяинъ и хозяйка снова накрываютъ ужинъ, за которымъ невѣста въ послѣдній разъ угощаетъ своихъ подружекъ хлѣбомъ-солью.

Въ уѣздѣ Шенкурскомъ, когда соберутъ ужинъ, невѣста прежде становится за столъ одна и плачетъ отцу, при пѣніи прочихъ:

22.

Ужъ ты схожо мое солнышко,
Мой родимой сударь батюшко!
Подойди ты, схожо солнышко,
Ко снарядну дубову столу;
Ужъ ты стань, да схоже солнышко,
Ко мнѣ поблизку близко;
Разскажи мнѣ, схоже солнышко,
Всѣхъ честныхъ моихъ родителей,
Да которыхъ мнѣ-ка слѣдъ (1) изъ нихъ
Садить по правую рученьку,
Да которыхъ мнѣ-ка надобно
Садить по лѣвую рученьку?

(1) Слѣдъ, вмѣсто слѣдуетъ, употребляется напр. *не слѣдъ такъ дѣлать.*

Digitized by Google

Ужъ ты чадо, чадо милое,
Мое дитятко любимое!
Што со батюшкову сторону,
Тѣ большіе изъ родителей;
Што со матушкину сторону,
То честны изъ родителей;
Ты со батюшкову сторону
Сади по праву рученьку;
А со матушкину сторону—
Тѣхъ по лѣвую рученьку!

При этихъ словахъ она обращается къ дѣвушкѣ-праворучницѣ и плачетъ:

23.

Золота верба кудрявая,
Душа красная дѣвица,
Моя родимая сестрица!
Да што (имя и отечество),
Тебѣ честь, мѣсто, голубушка,
Сидѣть по правую рученьку!

Далѣе къ лѣворучницѣ:

Золота верба, кудрявая,
Супротивная сестрица,
Да што (имя и отечество),
Тебѣ честь, мѣсто, голубушка
Сидѣть по лѣвую рученьку!

Такимъ образомъ она продолжаетъ плакать и кланяться дѣвушкамъ, пока всѣ усядутся за столъ. Въ другихъ уѣздахъ этого не водится; только невѣста, подъ конецъ ужина, беретъ подносъ съ двумя стаканами, наливаетъ пивомъ и проситъ попарно выпить каждую изъ подружекъ своихъ. Двѣ дѣвушки, принявъ по стакану, встаютъ, кланяются и пьютъ, а прочія поютъ: *Спаси Господи люди Твоя* и проч. Въ заключеніе всего праворучница и лѣворучница наполняютъ стаканъ тѣмъ же пивомъ, и подносятъ самой невѣстѣ отъ имени всѣхъ дѣвицъ. Тоже «*Спаси Господи!*» громко раздается не только въ горницѣ, но и во всемъ домѣ. Такъ оканчивается дѣвичій прощальный ужинъ!

По выходѣ изъ-за стола, невѣста падаетъ къ ногамъ родителей и плачетъ:

Digitized by Google

24.

Слава Господу Богу,
И Христу, Царю Небесному!
Отпила млада, откушала,
Я въ послѣдній разъ, останешній,
Душей красною дѣвицею,
Младой отческою дочерью,
У честныхъ своихъ родителей,
Въ здѣшнемъ домѣ благодатномъ,
Въ свѣтлыхъ горницахъ высокихъ,
Во своей дѣвьей свѣтлицѣ,
Со милыми подружечками!
Низко бью челомъ, покланяюся
Двумъ сердечнымъ доброхотамъ
Я на бѣломъ хлѣбѣ на-соли,
На сахарныхъ разныхъ кушаньяхъ,
И на питьяхъ разноличныихъ,
Хоть сидѣла, млада, кручинная,
За снарядным дубовымъ столомъ;
Не пилось мнѣ-ка, не кушалось.
Напитали меня милосердые
Неутолимыми слезами,
Злой великою тоскою.
Мнѣ пришла тоска кручинушка
Не отъ Господа Бога,
Отъ завистливаго человѣка,
Отъ злодѣйки сватьи большія,
Отъ лукавой и вилавой.
Позавидовала лукавая
Ни зрадству (1), ни дородству,
Не драгоцѣнному платью;
Позавидовала лукавая
Житью дѣвью безпечальному,
Безпечальному, забудущему.

Послѣ этого трогательнаго плача подружки уводятъ невѣсту въ особую горницу, и стараются успокоить ее. Такъ какъ дневныя хлопоты и усердное угощеніе склоняютъ каждаго ко сну, то и онѣ, послушныя этому влеченію, скоро всѣ бросаются въ объятія Морѳея.

А. ЖАРАВОВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

(1) Красота, зрачность.

Digitized by Google

НѢКОТОРЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ГОРОДѢ БОРИСОГЛѢБСКѢ — НА Р. ВОРОНѢ, ТАМБОВ. ГУБ.

Борисоглѣбскъ, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ въ Тамбовской губерніи, по прежнимъ опредѣленіямъ астрономовъ находится подъ 51°, 50, сѣвер. широты и 60°, 47, восточ. долготы (Энциклопед. Лексиконъ изд. 1836 г.), по Академич. календарю: подъ 51°, 43, сѣв. шир. и 59° 15, вос. долг., а по новѣйшимъ измѣреніямъ: подъ 51°, 21,, 56,,7 сѣв. шир. (у ген. Воронченко) и 51°, 21, 54″,5 (у подпол. Лемма), и подъ 11°,44,, 24,,3 долг. отъ Пулковской обсерваторіи (по г. Вронченко) и по другому подъ 11°,44′, 20″, 85 (у г. Лемма); по этимъ разнообразнымъ опредѣленіямъ трудно сказать, которое вѣрнѣе, но по видимому слѣдуетъ признать одно изъ послѣднихъ (г. Вронченко) болѣе основательнымъ и правильнымъ. — Топографическое положеніе города представляется въ такомъ видѣ: *р. Ворона*, берущая свое начало изъ Чембарскаго у. Пензенской губерніи, и пересѣкающая Кирсановскій съ Борисоглѣбскимъ уѣзды, на протяженіи около 400 верстъ протекаетъ подъ самымъ г. Борисоглѣбскомъ, съ правой стороны его, и, здѣсь раздѣляясь на два рукава, ниже города соединяется въ 4-хъ верстахъ съ р. *Хопромъ*; по самому же направленію обоихъ рѣкъ и возвышенію береговъ ихъ, кажется, что р. Хоперъ впадаетъ въ р. Ворону, такъ какъ и начало свое берутъ они почти въ одномъ мѣстѣ (*); — почему не точнѣе ли будетъ въ географіяхъ писать, что Хоперъ, соединясь съ Вороною, образуетъ одну рѣку, которая (назвать ее какимъ-нибудь именемъ) впадаетъ въ р. Донъ. — По Книгѣ Б. чертежу, составленной въ 1626 году, гор. Борисоглѣбскъ не значится, но нашъ исторіографъ Карамзинъ полагаетъ, что карта эта сочинена была при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ (1584—1598 г.), потому что въ ней находятся города: Курскъ, Воронежъ и др., построенные въ то время, а нѣтъ новѣйшихъ городовъ, основанныхъ Годуновымъ, какъ-то: Борисова на Сѣверномъ Донцѣ и Царево-Борисова на Протвѣ; по воцареніи Михаила Ѳеодоровича велѣно было карту ту возобновить, означивъ въ ней отъ Москвы города рязанскіе, сѣверскіе и польскіе, и отъ г. Ливень до Перекопи; при Царѣ же Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ карта пересоставлена

(*) *По Книгѣ Большаго чертежа* изданія 1838 г. на 48 стр. сказано: а «съ правой стороны отъ верху р. *Ломовой* вытекла рѣка, (но не поименована, какая, а должно быть *Ворона*) и пала въ р. Хоперъ, а р. Хоперъ вытекла отъ верху *р. Ланкододы*, которая впала въ р. Суру». — До соединенія Хопра съ Вороною, первый принимаетъ только двѣ рѣчки: *Сердобу* съ лѣвой и *Карай* съ правой стороны, а Ворона — пять рѣчекъ: *Панду*, *Алабушку*, *Грибановку* и др. менѣе значительныя. — *Примѣч. автора.*

Digitized by Google

вновь съ дополненіемъ по тогдашнему состоянію Россіи, и къ обѣимъ картамъ было написано «Описаніе». — Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ г. Соколовъ, вѣроятно, полагаясь на Экономическія примѣчанія къ плану Борисоглѣбскаго уѣзда, относитъ время основанія Борисоглѣбска къ царствованію Алексѣя Михайловича, который будто приказалъ здѣсь выстроить бревенчатую крѣпостцу съ валомъ и рвомъ для прикрытія внутреннихъ областей Россіи со стороны при-донскихъ степей отъ набѣговъ казаковъ и Татаръ; въ Экономическомъ примѣчаніи еще сказано, что Петръ Великій предъ началомъ 1-й Азовской войны повелѣлъ обнести Борисоглѣбскъ деревяннымъ обрубомъ съ навѣсами и башнями, тоже отъ нападеній Татаръ; наконецъ въ Русской Исторіи (*), изданія 1840 г. IV ч. на 163 страницѣ, вѣрно ошибкою, сказано, что г. Борисоглѣбскъ основанъ Екатериною Великою въ числѣ другихъ 200 городовъ.

Изъ лѣтописей извѣстно, что во время царствованія Іоанна IV Грознаго и сына его Ѳеодора учреждены были на Юго-Востокѣ по границамъ Волжскихъ и Донскихъ степей *двѣ линіи* укрѣпленій, или *Украинскихъ городовъ для* защиты Московскаго государства отъ вторженія Татаръ (Крымскихъ). Въ этихъ пограничныхъ—сторожевыхъ городкахъ сосредоточивались войска изъ *дѣтей боярскихъ, казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей, пищальниковъ, воротниковъ* (сторожей при воротахъ) и друг. служилыхъ людей разнаго званія; изъ укрѣпленій же такихъ посылались въ степи особые отряды или *станицы* для развѣдыванія и извѣщенія о врагахъ; почему между жилыми городами въ разныхъ степныхъ мѣстахъ были еще земляные валы, въ лѣсахъ дѣлались засѣки и завалы, а въ рѣкахъ честики или заколы (сваи, колья), и колоды или деревья, сваленныя съ береговъ въ воду со всѣми вѣтвями. Въ укрѣпленныхъ городкахъ были воеводы и осадные головы, подъ начальствомъ коихъ состояли всѣхъ разрядовъ нижніе воинскіе чины, которые дѣлились на *городовыхъ* и *полевыхъ, сторожевыхъ и станичныхъ*. Когда правительство увидѣло, что содержаніе въ этихъ крайнихъ городахъ войскъ очень обременительно отъ того, что нужно было снабжать всѣ такіе пункты укрѣпленій продовольствіемъ, то вмѣсто этого признало за лучшее раздѣлить служилымъ людямъ земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они расположены были для обереженія Россіи отъ внезапныхъ набѣговъ степныхъ хищниковъ. Такимъ образомъ по всей Украйнѣ (границѣ, крайней чертѣ государства) служилые люди поселились отдѣльными *слободами*, чрезъ что и произошли названія пригородныхъ предмѣстій или

(*) Профессора Устрялова.

Digitized by Google

слободъ, а именно: *пушкарскихъ*, *стрѣлецкихъ*, *казачьихъ* (или Донскихъ), *станичныхъ*, *солдатскихъ* и проч., а защитники предѣловъ Россіи (боярскіе дѣти и проч. служилые люди), занявшись обработываніемъ жалованныхъ земель, составили особое сословіе—*однодворцевъ*, каковое названіе произошло отъ способа взиманія податей и солдатъ—*съ дворовъ* (съ каждаго двора или семейства). — Къ числу этихъ украинскихъ сторожевыхъ городковъ, по всѣму вѣроятію, принадлежалъ и г. Борисоглѣбскъ, (*) какъ на то указываетъ самое мѣстоположеніе города, построеннаго около сліянія двухъ рѣкъ, между двумя оврагами, впадающими въ протокъ рѣки Вороны, въ сосѣдствѣ Донскихъ степей (кои не болѣе 20 верстъ отъ города); старожилы еще помнятъ, что городъ былъ весь окруженъ лѣсомъ, и устроена была деревянная крѣпость съ 5 башнями и 4 воротами, окопанная землянымъ валомъ, противъ же города на правомъ высокомъ берегу Вороны существуетъ донынѣ густой и высокій корабельный лѣсъ; наконецъ и названіе прилежащихъ къ городу 3-хъ слободъ: *солдатской*, *станичной и приворотничей*, объясняетъ, что они образовались изъ тѣхъ служилыхъ людей, кои оберегали предѣлы Россіи и потомъ обращены въ *однодворцевъ*, къ сословію которыхъ принадлежатъ и утратившіе дворянство, не служившіе нигдѣ дѣти и внуки благородныхъ лицъ, древнихъ бояръ.

О послѣдующихъ судьбахъ Борисоглѣбска, отъ основанія его до царствованія Петра В., мы не можемъ сказать ничего замѣчательнаго, ибо не имѣемъ для того никакихъ достовѣрныхъ данныхъ, ни изустныхъ преданій, ни письменныхъ матеріаловъ; но въ 1709-мъ году по росписанію губерній Борисоглѣбскъ означенъ въ числѣ городовъ Азовской губерніи, стоящимъ *на рѣкѣ Хопрѣ*, что географически неправильно; по новому же раздѣленію губерній 1719 года Б. показанъ имѣющимъ 604 двора и состоящимъ въ провинціи Тамбовской; въ 1732 году состоялся указъ о нерубкѣ по рѣкамъ Донцу, Воронежу и Воронѣ лѣсу, годнаго для судостроенія; очень вѣроятно, что отъ Борисоглѣбска былъ сплавляемъ въ кр. Азовъ заготовляемый для корабельнаго дѣла лѣсъ и малые суда, (изъ Теллермановской рощи) (**). Въ 1745 году по росписанію губерній Б. вмѣстѣ *съ Хоперскою крѣпостью* (Новохоперскъ отъ Б. въ 40 верстахъ по проселочной

(*) Не Годуновымъ ли велѣно было заложить г. Борисоглѣбскъ, какъ и др. города съ именемъ этого государя; или же городъ названъ въ память Бориса и Глѣба, благовѣрныхъ князей, изъ коихъ одинъ убитъ въ степяхъ на югъ отъ Б. (на р. Ахтубѣ въ Саратовской губерніи). *Авт.*

(**) Этотъ лѣсъ хотя и подлѣ Борисоглѣбска, но числится Новохоперскаго уѣзда Воронеж. губерніи.

Digitized by Google

дорогѣ) числился въ Тамбов. провинціи Воронежской губер.; по табели же 1766 г. значился въ пров. Воронежской и въ немъ съ уѣздомъ считалось 6,862 души муж. пола. Въ 1779 г. съ учрежденіемъ Тамбов. намѣстничества, г. Б. вошелъ вмѣстѣ съ прочими городами, нынѣ находящимися въ Тамбовской губерніи, въ составъ этой области, и тогда же утвержденъ штатъ ея, а 17 декабря того года указомъ повелѣно къ названію Борисоглѣбска прибавить имя рѣки Вороны, на коей онъ стоитъ, для отличія отъ другихъ соименныхъ городовъ. Въ 1781 г. утверждены гербы городовъ Тамбовской губ., и Борисоглѣбскъ получилъ слѣдующій: «въ голубомъ полѣ пять завязанныхъ мѣшковъ съ хлѣбомъ»,—какъ уѣздъ самый плодороднѣйшій во всей губерніи; въ 1782 г. утверждены планы городовъ Тамбовской губерніи; но послѣ большаго пожара, истребившаго почти весь Борисоглѣбскъ въ 1805 году, вновь конфирмованъ планъ для Борисоглѣбска съ раздѣленіемъ его на 32 квартала.

Изъ дѣлъ Уѣзднаго Суда, оставшихся отъ пожара, видно, что въ г. Борисоглѣбскѣ строились барки въ 1772 году и слѣдующихъ; изъ указовъ Воеводской канцеляріи отъ конторъ Таганрогскаго порта и Новопавловскаго адмиралтейства, полученныхъ въ 1777 году, видно, что въ Борисоглѣбскѣ и Новохоперскѣ строились морскія суда и хранились деньги на корабельныя постройки для Азовской флотиліи; съ 1801 по 1806 годъ здѣсь находилась команда морскихъ солдатъ и мастеровъ подъ начальствомъ генерала Кусакова. Въ настоящемъ столѣтіи сплавъ барокъ съ хлѣбомъ и лѣсомъ сталъ развиваться съ 1840 года, когда отправлено было только 2 барки въ Ростовъ на Дону; въ 1845 году ихъ было снаряжено уже 12, въ 1846 г. 17, съ грузомъ до 100 тысячъ руб. сереб. изъ льнянаго сѣмени и др. продуктовъ, также изъ бондарныхъ матеріаловъ и дровъ; въ 1847 и 1848 г. по 10 барокъ, а въ 1849 г. только 8 б. по случаю неурожаевъ; въ 1850 г. до 30 барокъ, въ 1851 г. 13, тоже по худому урожаю, въ 1852 г. до 50 барокъ съ грузомъ до 400 т. руб. сереб., а въ настоящемъ году это послѣднее число, какъ надобно думать, еще увеличится, по той причинѣ, что будетъ поставка казеннаго провіанта въ ростовскіе магазины.

Величина барокъ не равномѣрна: отъ 40 до 50 аршинъ въ длину и отъ 12 до 15 арш. въ ширину и отъ 3 до 4 арш. въ вышину; такія барки поднимаютъ грузу отъ 15 до 20 т. пудовъ каждая. Матеріалъ для постройки барокъ сначала брали преимущественно изъ лѣса гр. Кушелевыхъ (близъ города Борисоглѣбска въ 5 верстахъ), проданнаго купцу Хрѣнникову, гдѣ произрастаетъ дубъ и осина, но съ 1849 года стали привозить сосновый лѣсъ изъ дачи

Digitized by Google

С. Хрѣновой (Бобровскаго уѣзда), отстоящей отъ г. Борисоглѣбска въ 130 верстахъ. По разсчету торговцевъ, строющихъ барки, выгоднѣе ихъ дѣлать изъ сосны, такъ какъ онѣ прочнѣе, легче и скорѣе продаются въ Ростовѣ, нежели осиновыя, кои нейдутъ никуда кромѣ дровъ, а сосновыя барочныя доски употребляются на разныя строенія и огороды. Съ 1851 года нашли средство еще сходнѣе пріобрѣтать готовыя барки изъ Саратова, куда на нихъ привозятъ разную кладь изъ верхнихъ пристаней, и по выгрузкѣ ея продаются не дорогою цѣною; почему, разобравъ такую барку, можно ее перевозить удобно и дешево на волахъ въ г Борисоглѣбскъ и здѣсь опять выстроить для нагрузки вновь, чрезъ что барка обходится почти вдвое дешевле, нежели осиновая изъ здѣшняго лѣса, а въ продажѣ все-таки пойдетъ въ Ростовѣ дороже послѣдней.

Впродолженіе всего времени съ открытія судоходства по р. Воронѣ, только въ 1848 году четыре барки за мелководьемъ остановились на половинѣ пути, а крушеній и не было ни одного разу. Кромѣ мѣстныхъ выгодъ, причиною увеличенія сплава барокъ послужило еще то, что нагружаемыя въ г. Балашевѣ барки, идущія по р. Хопру почти мимо Борисоглѣбска (въ 3—4 верстахъ), встрѣчаютъ выше соединенія той рѣки съ Вороною препятствія: большія мельничныя плотины, на которыхъ не одинъ разъ уже останавливались и повреждались барки; почему балашевскіе купцы также признаютъ за лучшее строить и нагружать барки въ г. Борисоглѣбскѣ. Кромѣ здѣшнихъ и балашевскихъ купцовъ пріѣзжаютъ въ нашъ городъ Армяне и Греки изъ Нахичевани и Таганрога для закупки туземныхъ продуктовъ и сплавовъ внизъ къ Ростову.

Вотъ бѣглый историко-статистическій очеркъ судоходства по рр. Воронѣ и Хопру отъ г. Борисоглѣбска. Изъ этихъ немногихъ данныхъ можно уже составить заключеніе, что со временемъ нашъ городъ изъ захолустья и незначительнаго—станетъ на ряду съ важными и замѣчательными городами Россіи: торговля и промышленность вообще составляетъ могущественнаго двигателя, возстановляя города и селенія изъ мрака неизвѣстности!

По 8-й ревизіи (1834 г.) въ городѣ Борисоглѣбскѣ состояло 1570 городскихъ обывателей, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ (1836 г.) показано здѣсь жителей обоего пола 4,419 душъ, въ томъ числѣ 2,203 муж. и 2,216 жен. пола; по 9 же народной переписи оказалось въ Борисоглѣбскѣ горожанъ: 3,367 мужскаго и 3,440 жен. пола, въ томъ числѣ купцовъ 1,105 муж. и 1,015 жен., кои предъявляютъ болѣе 150 капиталовъ ежегодно при взносѣ гильдейскихъ

Digitized by Google

пошлинъ; въ означенномъ изчисленіи не полагаются: дворяне, духовные, разночинцы и иногородные временно-жительствующіе.

Въ г. Борисоглѣбскѣ находится: 4 церкви, изъ коихъ 3 каменныя, одна изъ нихъ не совсѣмъ отстроенная, а 4-я кладбищенская — деревянная; 2 училища — уѣздное и приходское; присутственныя мѣста, тѣ же, какъ и въ другихъ городахъ, не имѣютъ еще, кромѣ Думы и Магистрата, казеннаго помѣщенія; каменныхъ домовъ въ городѣ не болѣе 10, а больше такихъ, гдѣ нижній этажъ каменный, а верхній деревянный. Ярмарки здѣсь бываютъ 8 іюля и 22 октября не весьма значительныя. Лавокъ каменныхъ 10, деревянныхъ до 15 мелочныхъ; салотопенныхъ заводовъ 12, моекъ 6, прочихъ заведеній по малому числу, ничѣмъ незамѣчательныхъ. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ г. Соколовъ говоритъ, что въ Борисоглѣбскѣ съ успѣхомъ занимаются садоводствомъ, тогда какъ эта отрасль домоводства въ самомъ бѣдномъ положеніи: здѣсь и садовъ порядочныхъ нѣтъ; также несправедливо, что будто въ Борисоглѣбскѣ вытапливается до 150 т. пудовъ сала, тогда какъ его не бываетъ въ лучшій годъ и далеко до 100 т. пудовъ. — Вотъ бѣглый очеркъ Борисоглѣбска, составленный на основаніи самыхъ скудныхъ фактовъ, какіе только нашлись. **К. КОЗЛОВЪ.**

Январь, 1853 года.

—

ИЗЪ ХАРЬКОВА. Обыкновенно, когда не о чемъ говорить, или когда не знаютъ, чѣмъ начать и поддержать разговоръ, то начинаютъ самымъ простымъ образомъ, самымъ простымъ вопросомъ: какова погода? и потомъ продолжаютъ: да! очень хороша! Этимъ же самымъ и я начну свое письмо, не потому впрочемъ, что не о чемъ поговорить мнѣ съ вами, читатель, — нѣтъ! у меня подъ рукою довольно матеріаловъ и различныхъ новостей, — но потому, что съ погоды какъ-то лучше завязывается разговоръ. — И такъ въ Харьковѣ, который, по выраженію одного писателя, не знаю впрочемъ какого, лѣтомъ представляетъ собою песочницу, а осенью чернилицу, — въ этомъ-то странномъ Харьковѣ погода теперь довольно сносная, т. е. не слишкомъ грязно, и не слишкомъ пыльно; дожди перепадаютъ, особенно въ послѣднее время, довольно часто, все зеленѣетъ, солнце величаво катится на порою безоблачномъ небѣ, а ночью луна (какъ же забыть луну?) освѣщаетъ серебристымъ свѣтомъ успокоившійся городъ. — Какая чудная картина! — восклицаешь, глядя на блѣдную спутницу земли, — какая тихая, лунная ночь! Италія, настоящая Италія! Впрочемъ, эта Италія оказывается иногда

Digitized by Google

черезчуръ уже русскою и даритъ насъ для разнообразія то пылью, то бурей: недавно еще была довольно сильная буря, отъ которой пострадали крыши и стѣны многихъ домовъ и церквей.

И такъ, погода въ Харьковѣ довольно сносна, хотя и непостоянна! Но постоянны ли сами жители Харькова, постоянны ли они всегда въ своихъ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ? Нѣтъ! Кажется, погода и Харьковцы заключили между собою нынѣшней весной тѣсный союзъ, и вотъ вамъ доказательства: погода то дождлива, то пыльна, то гремитъ громъ, то вѣетъ чудною прохладою тихая, безоблачная ночь, — и жители Харькова то гонятся за однимъ, то покидаютъ его и обращаются къ другому. Около рождественскихъ святокъ всѣхъ Харьковцевъ сильно занимала превосходная труппа Раппо; не много послѣ и даже при самомъ Раппо — различныя новыя польки—Раппо-полька, Гамбургъ-полька и Ванька-Танька; потомъ занимала всѣхъ весна, надежды на будущее хорошее лѣто, на тихую дачную жизнь, которая и у насъ, подобно Петербургу, развивается съ быстротой,—занимали толки о модахъ, гуляньяхъ и готовящихся увеселеніяхъ, и наконецъ въ настоящее время сильно занимаетъ Харьковъ— одъ, прошедшая ярмарка, Контскій, Мартини и пр., и пр...

«Одъ! Что такое одъ? Каковъ одъ? Дѣлали ли вы одъ? Кто его выдумалъ? Батюшка! горю желаніемъ посмотрѣть одъ! Вы, кажется, мастеръ въ одѣ!» вотъ восклицанія, замѣнившія теперь у насъ обыкновенныя: добро пожаловать! мое почтеніе! какъ ваше здоровье? и какова погода? — Вотъ восклицанія, поминутно летящія изъ устъ пожилой помѣщицы, тощаго чиновника и 16-лѣтней блондинки, съ томными глазами, полными непроницаемой грусти и ода! Вотъ восклицанія, безъ которыхъ рѣшительно нельзя теперь обойдтись! Нѣтъ ни одной гостиной, гдѣ бы не толковали объ одѣ, нѣтъ ни одного стола, который бы не подвергался дѣйствію ода, и нѣтъ пары человѣческихъ рукъ, которая бы не производила этого дѣйствія. Вслѣдствіе этого носыпались со всѣхъ сторонъ остроты, каламбуры и анекдоты, гдѣ главную роль играетъ тотъ же самый одъ; одъ принялъ какое-то таинственное значеніе, выстроилъ для себя треножникъ, и съ большою важностію, подобно древнимъ оракуламъ, началъ давать поклонникамъ своимъ разнообразные отвѣты на заданные вопросы. — Иногда, впрочемъ, одъ ошибался и несъ ужасную чепуху! Но какъ же не сбиться съ толку при множествѣ вопросовъ, летящихъ со всѣхъ сторонъ? Для примѣра позвольте представить вамъ одну сцену. — Нѣсколько человѣкъ производили опыты надъ одомъ и задавали различные вопросы, на которые онъ отвѣчалъ довольно

Digitized by Google

удовлетворительно. Наконецъ одинъ господинъ, который вообще слыветъ за остряка, началъ такую рѣчь:

—Скажи мнѣ, душенька одъ, долго ли мнѣ остается жить на свѣтѣ?

Всѣ замолчали и приготовились къ грозному отвѣту; но напрасно! Одъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Тогда тотъ же господинъ опять началъ:

— Чтожъ? Неужели мнѣ сейчасъ умереть! Не хорошо! Скажи, по крайней мѣрѣ, одъ, сколько минутъ осталось мнѣ до смерти?

Всѣ опять приготовились къ отвѣту, и одъ отвѣчалъ:—одну!

—Не хорошо! воскликнулъ записной острякъ; надо хоть въ послѣдній разъ выпить!—И взявши рюмку, онъ поднялъ ее вверхъ, и сказалъ: «прощайте, господа! Мои дни сочтены! Пью за ваше здоровье и за здоровье прорицателя ода!—И онъ выпилъ.

Но прошла минута, двѣ, три — а записной острякъ шутилъ и не думалъ умирать. Одъ ошибся!!!

Не смотря на это, одъ все еще имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ, которые всевозможными способами стараются восхвалять его силу и таланты. Конечно, есть и такіе злые умы, которые смотрятъ на всѣ проказы ода съ предубѣжденіемъ и говорятъ: это пустяки! — но такихъ умовъ мало. — Да! одъ произвелъ на Харьковъ магическое дѣйствіе, — онъ его закружилъ, завертѣлъ и выказалъ надъ нимъ вполнѣ свою силу. Но надолго ли? Нѣтъ! Харьковцы непостоянны! Одъ уже блѣднѣетъ, забывается и уступаетъ мѣсто другимъ новинкамъ!

Съ перваго числа началась у насъ Троицкая ярмарка. Еще и прежде этого замѣтно было усиливающееся движеніе, шумъ и крикъ по улицамъ, скрипъ телѣгъ, нагроможденныхъ шерстью; но съ перваго числа все это приняло огромные размѣры, начали появляться помѣщики—и ярмарка открылась. Она шла довольно удачно, шерсти было много и раскупалась скоро и по значительной цѣнѣ (по 7 р., 7, 25 к. и 7, 50 к. с. за пудъ не мытой).—Но вотъ прекратилась ярмарка, шерсть продана, и помѣщики отправляются утромъ въ магазины и лавки, а вечеромъ—въ театръ, концерты или садъ. — Что касается до магазиновъ, то особенное движеніе замѣтно было около магазиновъ Жантиля, Томасенъ, Раппель, Губина и другихъ обитателей Московской улицы, увѣшанной безчисленнымъ множествомъ разнообразныхъ вывѣсокъ на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ стѣнъ, дверей и оконъ и оклеенной большими и малыми объявленіями и афишами, извѣщающими почтеннѣйшую публику о различныхъ фокусахъ, концертахъ и спектакляхъ. — Кстати о спектакляхъ!

Digitized by Google

На Харьковской сценѣ въ настоящее время мало замѣчательнаго; актеры всѣ прежніе, за исключеніемъ г-на и г-жи Шванъ, прибывшихъ къ намъ изъ Воронежа, и г-жи Кутузовой; пьесы тоже идутъ знакомыя и большею частію дюжинные водевили, только въ послѣднее время сыгранъ былъ въ пользу Благотворительнаго общества *Деньщикъ* г-на Кукольника. — Но Боже! я и забылъ! Недавно явился къ намъ *Жанъ Мартини* съ сыномъ, и теперь тешитъ публику различными фокусъ-покусами, въ числѣ которыхъ на каждомъ представленіи главную роль играетъ и пресловутая неистощимая бутылка! Да! Мартини мастеръ на фокусы, и нѣкоторые его штуки дѣйствительно замѣчательны, хотя дебютъ его былъ очень странenъ. Господину Мартини вздумалось показать себя въ первый разъ публикѣ въ университетскомъ саду подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ предварительныхъ объявленій и притомъ безмездно! Конечно, выказывать свое искусство среди зелеѣющихъ кустовъ, въ толпѣ немногочисленной публики, гдѣ поминутно шныряли мальчишки,—выказывать свое искусство съ такою филантропическою цѣлью,—конечно, все это ново, оригинально; но для чего прибѣгалъ къ этому Мартини, или, какъ онъ самъ себя называетъ, натуральный Боско, — не знаю! Впрочемъ, первый дебютъ г-на Мартини не совсѣмъ испортилъ дѣло, чему доказательствомъ служатъ послѣдующія представленія его въ театрѣ, представленія, изобличающія въ Мартини довольно ловкости, знанія дѣла и даже таланта. Недавно былъ (14 іюня) его бенефисъ, на которомъ, кромѣ собственныхъ штукъ и фокусовъ Мартини, актерами Харьковской театральной дирекціи были разыграны два харьковскія же произведенія, два водевиля *г-на Вейнберга*, именно: *Харьковскій силачъ, или Раппо въ провинціи*, и *Полтинникъ, или два жилета, шутка безъ сюжета*, водев. въ 1 дѣйствіи.—Что мнѣ сказать объ этихъ двухъ водевиляхъ? Какъ не пожалѣть послѣ этого о такомъ молодомъ человѣкѣ, какъ *г-нѣ Вейнбергѣ*, съ такимъ талантомъ, съ такими способностями и такъ во зло употребляющими ихъ? Что такое *Харьковскій силачъ*? Слабый фарсъ съ нѣсколькими вздорными куплетами, и больше ничего! Зачѣмъ онъ написанъ? Неужели только для того, чтобы быть вызваннымъ публикой? Напрасно и писать съ такою цѣлью! *Полтинникъ*, произведеніе вполнѣ охарактеризованное самимъ авторомъ названіемъ — «*шутки безъ сюжета*», также плохъ, какъ и Харьковскій силачъ! Да! жаль, что г-нъ Вейнбергъ употребляетъ свои способности на такія мелочи! Вообще надо замѣтить, что онъ мастеръ переводить, владѣетъ хорошимъ стихомъ, — но писать оригинальныя произведенія, кажется, не въ его духѣ, чему доказа-

Digitized by Google

тельствомъ служатъ упомянутые нами водевили. — Но да не оскорбится г-нъ Вейнбергъ нашими справедливыми замѣчаніями, потому что ими мы хотѣли только выразить то уваженіе, которое мы питаемъ къ его таланту! Вотъ, кажется, и всѣ новости по части сценической! Но есть еще концерты и другія увеселенія! Что̀ касается до концертовъ, то болѣе другихъ замѣчательны были два концерта *А. Контскаго*: — одинъ, данный имъ въ домѣ Дворянскаго собранія, а другой—въ театрѣ, гдѣ публики было гораздо больше, чѣмъ на первомъ. — Контскій былъ принятъ хорошо, но все не такъ, какъ принимали его при первомъ посѣщеніи имъ Харькова. — Въ одно время съ Контскимъ пріѣзжалъ также скрипачъ Кременецкій, и далъ всего только одинъ концертъ; были и другіе артисты въ различныхъ родахъ,— были и уѣхали, не произведя большаго впечатлѣнія на Харьковъ.

Въ заключеніе позвольте упомянуть объ одной ученой новости. Недавно въ одной изъ университетскихъ аудиторій происходило защищеніе диссертаціи: «*О пользѣ бумажныхъ денегъ и о введеніи ихъ въ Россіи*», написанной исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора магистромъ *Клобуцкимъ* съ цѣлью полученія степени доктора политическихъ наукъ. — Прежде всего былъ прочтенъ деканомъ юридическаго факультета Ал. Вас. Куницынымъ краткій очеркъ дѣятельности соискателя на поприщѣ наукъ, за этимъ послѣдовала рѣчь самого соискателя, заключающая въ себѣ бѣглый обзоръ содержанія диссертаціи, и наконецъ начался собственно диспутъ. — Одинъ изъ двухъ оппонентовъ, ординарный профессоръ по предмету Римскаго права, г-нъ Мицкевичъ, прежде всего высказалъ въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ тѣ условія, которыя, обыкновенно, требуются отъ диссертаціи на докторскую степень, потомъ перешелъ къ самой диссертаціи г-на Клобуцкаго и разобралъ ея основанія болѣе общно, не касаясь частностей. Между тѣмъ другой оппонентъ, ординарный профессоръ Платоновъ, обращалъ болѣе вниманія на частности и разбиралъ диссертацію, такъ сказать, переходя отъ одной страницы къ другой. **А. Ж. понъ.**

Харьковъ, іюня 17-го.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ Г. ЭЙНЭРТА И ДѢВИЦЫ ЛУЦІИ.

Очень недавно читатели наши видѣли на страницахъ Москвитянина имя учредителя Тиволи, такъ часто теперь повторяемое въ Москвѣ, но мы не лишнимъ считаемъ сказать объ немъ еще нѣсколько словъ, потому что у Раппо всегда найдется что-нибудь новое, о чемъ можно поговорить.

Самая главная новость въ его Тиволи есть—воздушныя путешествія, которыхъ совершено, въ теченіе очень немногихъ дней, уже четыре. Мы опишемъ здѣсь предпослѣднее путешествіе, доставившее столько удовольствія посѣтителямъ Тиволи, и сопровождавшееся самой благопріятной погодой. Вечеръ 14 іюня былъ одинъ изъ рѣдкихъ вечеровъ нашего лѣта. Публики собралось столько, что, потерявши кого-нибудь въ саду, уже нельзя было сыскать. И вотъ приблизилась ожидаемая минута....

Сколько разъ видѣли мы подобныя путешествія, и всякій разъ волновались однимъ и тѣмъ же чувствомъ пріятнаго страха, смѣшаннаго съ любопытствомъ; всякій разъ сердце билось и замирало, когда наступалъ послѣдній мигъ пребыванія на землѣ этого летучаго исполина, готоваго поднять на своихъ могучихъ крыльяхъ того, кто отважился къ нему прицѣпиться. То же было и на этотъ разъ.

Въ 7 часовъ шаръ уже наполнился совсѣмъ и рвался въ воздухъ, но толпившійся на подмосткахъ народъ удерживалъ его, схватясь за веревки корзинки.

Вотъ смѣлый воздухоплаватель ведетъ за руку дѣвицу Луцію, которая рѣшилась летѣть вмѣстѣ съ нимъ; они весело кланяются публикѣ, прощаясь съ нею; цвѣты и букеты сыплются имъ въ путь,—и вотъ они оба въ корзинкѣ подъ шаромъ. Смотрите на нихъ, одинъ мигъ—и вы уже не разглядите ихъ лицъ: такъ они будутъ далеко въ воздухѣ! —И этотъ мигъ насталъ. Гремятъ рукоплесканія, сердца замерли.... и вонъ они, бывшіе сію минуту между нами, уже качаются далеко въ голубомъ небѣ, и нѣтъ средствъ остановить ихъ быстраго полета! уходитъ и уходитъ въ облака могучій

Digitized by Google

Орелъ; только видно, какъ вѣютъ флаги.... Но вотъ ужь и ихъ не стало видно, а только зыблется вверху какая-то полосатая точка.... Публика оставила садъ г. Тургенева, гдѣ пускали аэростатъ, и наполнила садъ Тиволи; всѣ скамьи, всѣ стулья — заняты въ минуту; тысячи чашекъ разсыпались по столамъ; всѣ пьютъ чай; пошелъ веселый говоръ и шумъ. Оркестръ Сакса (добрый, изобрѣтательный Саксъ) сыгралъ нѣсколько любимыхъ публикой пьесъ, — и началось другое воздушное путешествіе, г-жи Левекъ, на высоконатянутомъ канатѣ,—путешествіе не менѣе отважное, какъ и то.... Браво,г-нъ Вейнертъ! Брависсимо,его спутница! Молодецъ г-жа Левекъ!

Послѣ ея путешествія открылись представленія въ циркѣ, почти тѣ же, о которыхъ мы уже говорили въ прошломъ году, только съ участіемъ новоприглашенныхъ персонажей: вольтижеровъ, Зигриста, отличающагося комическимъ талантомъ; Дени, вольтижера-пластика; Отто Веле, который разыгрываетъ на лошади разныя сцены, и г-жи Зигристъ, граціозной наѣздницы.—За тѣмъ слѣдовали представленія физико-механика и чревовѣщателя Франгопуло, который, послѣ Индѣйскихъ магическихъ фокусовъ, поетъ соловьемъ, звенитъ жаворонкомъ, пилитъ пилой, жужжитъ мухой—и мало ли что еще дѣлаетъ онъ своимъ хитрымъ горломъ, едва ли уступая Германну, первому хитрецу въ этомъ родѣ.

На Большомъ театрѣ Раппо также участвуютъ новыя лица, въ числѣ которыхъ особенно замѣтенъ Шумахъ, гимнастикъ съ самыми разнообразными талантами; но тамъ же и прежніе гимнастики, и тѣ же атлетическія игры, извѣстныя уже нашимъ читателемъ изъ прежнихъ статей о Тиволи, и все тотъ же единственный красавецъ-гимнастикъ, Францъ Раппо, которому мы никогда не перестанемъ удивляться и не устанемъ рукоплескать!...

Публика оставалась въ саду почти до часа ночи. Въ 12 часовъ было получено первое извѣстіе о воздухоплавателяхъ: г. Вейнертъ опустился въ 25 верстахъ отъ Москвы по Троицкой дорогѣ, высадилъ свою спутницу, и передалъ попеченію подъѣхавшихъ верховыхъ, а самъ снова поднялся вверхъ и полетѣлъ дальше....

Вообще можно сказать, что Тиволи Раппо въ настоящее время побѣдило всѣ гулянья, и нигдѣ не собирается столько публики, какъ у Раппо, и нельзя не повторить ему вновь и вновь наше искреннее московское спасибо.

Б.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Всеобщее вниманіе въ Вѣнѣ занято теперь открытіемъ такъ называемаго самопечатанія (Naturselbstdruck). Для типографа и натуралиста, промышленника и художника оно имѣетъ одинаково важное значеніе, предлагая средство — воспроизводить цѣлые гербаріи или любые образчики кружевъ, тканей, растеній и т. д., какими-бы возвышеніями или углубленіями они ни были испещрены, самымъ простымъ и вмѣстѣ скорымъ способомъ. Слава этого открытія принадлежитъ Императорско-Австрійской типографіи, а именно директору ея г-ну *Ауеру* и фактору г-ну *Воррингу*. Г. Ауеръ читалъ первое донесеніе объ этомъ въ математическо-натуральномъ классѣ Императорской Вѣнской Академіи наукъ, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ столько-же великолѣпныя, сколько и замѣчательныя иллюстраціи и оттиски ископаемыхъ, минераловъ, тканей, растеній и т. п., которые были отпечатаны въ придворной типографіи по новому способу, и встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ. Слѣдующимъ образомъ объясняетъ онъ способъ произведенія, въ нѣсколько секундъ и безъ большихъ издержекъ, вѣрнаго изображенія какого-нибудь оригинала на печатной доскѣ, безъ помощи живописца или гравера:

«Данный оригиналъ: растеніе-ли, цвѣтокъ, насѣкомое, ткань, словомъ, что бы то ни было, слѣдуетъ положить между мѣдною и свинцовою досками и пропустить его между двумя вальцами или цилиндрами, плотно между собою на свинцовой доскѣ свинченными: отъ пропуска между этими цилиндрами оттискъ даннаго предмета обозначится до послѣдней черты, до тончайшей подробности.

«Наложивъ на эту, вытиснутую такимъ образомъ, свинцовую плитку краски, какъ это дѣлается при обыкновенной гравюрѣ, на мѣди, можно получать, при каждомъ оттискѣ, поразительно-сходныя копіи съ даннаго предмета, наведенныя красками.

«При надобности въ большомъ количествѣ этихъ оттисковъ, котораго невозможно было бы спять съ одной и той-же плитки или клише (по причинѣ мягкости свинца), можно перевести это изобра-

Digitized by Google

жепіе, оттиснутое показаннымъ способомъ, на стереотипныя доски, или воспроизвести его посредствомъ галванизма на болѣе твердомъ металлѣ, съ котораго потомъ производится печатаніе экземпляровъ въ какомъ угодно числѣ.

«Если предметъ, предназначенный для оттиска, слишкомъ нѣженъ и не вынесетъ указаннаго сжиманія безъ обезображенія, тогда намазываютъ его разведеннымъ растворомъ гуттаперчи, и, покрывъ потомъ осадкомъ серебрянаго раствора, употребляютъ приготовленную такимъ образомъ гуттаперчевую форму въ видѣ матрицы, для снимка съ нея потомъ гальванопластическихъ клише или формъ для оттисковъ».

Въ Персіи совершилось событіе, которое такъ замѣчательно и котораго послѣдствія могутъ быть такъ значительны, что подробности, сообщенныя непосредственными свидѣтелями онаго, чрезвычайно интересны. Мы говоримъ о совершенномъ разрушеніи города Шираза отъ страшнаго землетрясенія, случившагося въ ночь съ 21 на 22 апрѣля.—Одинъ изъ чиновниковъ Русской Императорской миссіи получилъ по сему предмету слѣдующее письмо ота шведскаго медика Фагергрена (Fagergren), состоящаго въ персидской службѣ и находящагося въ Ширазѣ.

«На свѣтѣ бываетъ много событій», пишетъ г. Фагергренъ отъ $^{14}/_{26}$ мая, «которыя, увидѣвъ разъ, нельзя потомъ никогда забыть: онѣ врѣзываются въ нашей памяти со всѣми своими ужасами и бѣдствіями, и хотя время проходитъ и обстоятельства измѣняются, но онѣ все-таки не изглаживаются изъ воспоминаній. Мнѣ много случалось видѣть подобныхъ событій, и я сохранилъ ихъ всѣ въ моей памяти,—но такого страшнаго, такого исполненнаго несчастій и ужаса, какое случилось здѣсь 22 апрѣля (4 мая) за часъ до разсвѣта, я не видалъ, и надѣюсь, что Господь избавитъ меня впредь отъ подобнаго зрѣлища. Я увѣренъ, что еще до полученія письма моего вы знаете уже, что городъ Ширазъ болѣе не существуетъ, что онъ былъ ниспровергнутъ и разрушенъ землетрясеніемъ помянутаго числа. Земля доселѣ еще не перестала колебаться, и одинъ лишь Богъ знаетъ, когда бѣдственные симптомы прекратятся. Я не въ силахъ описать ужасъ перваго удара, продолжавшагося цѣлыхъ пять минутъ. Всѣ жители погружены были въ крѣпкій сонъ, отъ котораго были пробуждены шумомъ гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ ударъ грома, и массами каменьевъ, которые посыпались къ нимъ въ комнаты. Первою мыслію моею было спасаться бѣгствомъ, и мнѣ посчастливилось со всѣми моими домашними добраться до средины двора, въ ту минуту, какъ съ трескомъ повалились стѣны зданія, и домъ палъ въ

Digitized by Google

развалины. Когда взошло солнце, тогда лишь обнаружились всѣ несчастія, причиненныя этимъ феноменомъ. Куда взоры ни обращались, всюду встрѣчали они разрушенные домы, наполненныя камнями улицы и обвязанные веревками и тряпьемъ трупы, нагруженные на спины носильщиковъ, выносившихъ ихъ за городскія стѣны. Но что̀ болѣе всего поселяло ужасъ въ сердце человѣка, это было зрѣлище оторванныхъ членовъ отъ человѣческихъ тѣлъ, виднѣвшихся изъ-подъ развалинъ стѣнъ, и толпы несчастныхъ родителей, мужей, женъ и дѣтей, силившихся извлечь задавленныхъ наружу и рывшихъ землю зубами, руками, ногтями. Но изъ нѣсколькихъ тысячъ жертвъ лишь весьма немногихъ удалось извлечь на свѣтъ съ остатками жизни. Подобныя сцены продолжались цѣлыхъ пять дней, и въ это время было насчитано *болѣе 12,000 труповъ*; оставшіеся въ живыхъ начали помышлять о себѣ только на третій день послѣ этого событія: на развалинахъ своихъ бывшихъ жилищъ они разбивали крошечныя палатки и балаганы и тамъ собирали небольшое количество своего прежняго достоянія, которое имъ удавалось отрывать изъ-подъ стѣнъ. На четвертый день появились внутри и внѣ города разбойники, которые начали грабить оставшихся живыми безпріютныхъ и беззащитныхъ бѣдняковъ. Эти грабежи продолжались три дня; наконецъ ширазскому беглербеги удалось положить конецъ этому новому несчастію, которое, впрочемъ, замѣнилось другимъ, гораздо бо̀льшимъ бѣдствіемъ: начали открыто и повсюду говорить, что шахъ умеръ, а такой слухъ былъ достаточенъ, чтобы распространить грабежъ и убійство по всей провинціи. Земля по сю пору не перестала еще колебаться; каждый день здѣсь случается по три и по четыре удара, которые часто бываютъ до того сильны, что разрушаютъ уцѣлѣвшія отъ паденія стѣны. Я самъ, хотя и спасъ себѣ и женѣ жизнь, но лишился рѣшительно всего, что̀ ни накопилъ со дня моего пріѣзда въ Персію. Три мѣсяца тому назадъ я купилъ себѣ здѣсь небольшой домикъ, а теперь отъ него осталась лишь куча праху».

Несчастія, разразившіяся надъ Персіею, не ограничились однимъ Ширазомъ: въ Фарсѣ и Ферейдунскомъ магалѣ исфаганской провинціи появилась саранча; въ самомъ Исфаганѣ совершенно высохла единственная рѣка Заендерудъ; въ Иракѣ, Ездѣ и Мазандеранѣ выпалъ опустошительный градъ; въ Савѣ, Кумѣ и Верашинѣ червь поѣлъ всѣ посѣвы, и кромѣ того въ Ездской провинціи наводненія уничтожили всѣ плантаціи опіума и табаку. (*Газета «Кавказъ»*).

Въ Journal de Constantinople сообщаютъ содержаніе двухъ султанскихъ фирмановъ, изданныхъ 11-го минувшаго мая (29-го

Digitized by Google

апрѣля ст. ст.) относительно Святыхъ мѣстъ. Въ первомъ изъ этихъ фирмановъ объявлено, что передача Латинамъ, по повелѣнію Порты, ключа отъ Виѳлеемской церкви, даетъ имъ только право проходить чрезъ эту церковь, не предоставляя вовсе права, котораго они не имѣли и которое искони принадлежало Грекамъ, совершать въ ней богослуженіе; вслѣдствіе того и смотрителемъ входа въ эту церковь остается, по прежнему, греческій священникъ. Въ замѣнъ исчезнувшей, въ 1847-мъ г., звѣзды надъ пещерою въ Виѳлеемской церкви, сооружена вновь такая-же, по повелѣнію Султана, безъ предоставленія какому-либо изъ христіянскихъ исповѣданій новыхъ правъ по этому предмету. Право поклоненія гробу Пресвятыя Дѣвы предоставлено христіанамъ всѣхъ исповѣданій, съ тѣмъ только, чтобы ежедневно, ранѣе всѣхъ, съ восходомъ солнца могли тамъ совершать надлежащее богослуженіе Греки, за ними Армяне, и потомъ уже Латины, съ опредѣленіемъ полуторачасоваго времени для каждаго богослуженія. Два сада, прилегающіе къ латинскому монастырю въ Виѳлеемѣ, останутся, по прежнему, подъ надзоромъ Грековъ и Латиновъ, сохраняющихъ равное право пользованія ими. Вообще относительно къ Святымъ мѣстамъ, находящимся въ Іерусалимѣ во владѣніи различныхъ христіанскихъ исповѣданій, предписано симъ фирманомъ сохранить прежнее положеніе дѣлъ (statu quo) и никому не предоставлено новыхъ правъ. Во второмъ фирманѣ объявлено о возложеніи на особую коммиссію въ Іерусалимѣ порученія возобновить, на счетъ турецкаго правительства, куполъ надъ храмомъ Гроба Господня, въ прежнемъ его видѣ, безъ всякихъ измѣненій, съ предоставленіемъ патріарху греческому наблюденія за точнымъ исполненіемъ сего порученія; сверхъ того предписано закрыть стѣнами окна, продѣланныя изъ сосѣднихъ мусульманскихъ жилищъ во внутренность сего храма.

Въ Лондонѣ живетъ теперь князь *Комненъ*, объявляющій себя претендентомъ на константинопольскій престолъ, по происхожденію въ прямой линіи отъ восточныхъ императоровъ, царствовавшихъ въ Требизондѣ до 1562-го года. Отецъ его Дмитрій Комненъ признанъ былъ во Франціи, при Лудовикѣ XVI-мъ, парламентскимъ актомъ 1782-го г., прямымъ потомкомъ императорской фамиліи Комненовъ, служилъ въ арміи принца Конде, потомъ получалъ отъ Наполеона и при Бурбонахъ пенсію въ 4,000 фр. и умеръ въ 1821-мъ году, въ чинѣ французскаго генералъ-маіора, 71-го года отъ роду.

J. de C.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЕЛЬСКІЯ СВАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Окончаніе).

IV. ДЕНЬ БРАКА.

За рѣченькой, за быстрою
Кимваликн бьютъ;
Меня ли молодешеньку
Къ вѣнчанію ведутъ. —
Женихъ ведетъ за рученьку,
Другой — за другу,
Третій стоитъ — слезы ронитъ:
Любилъ дѣвицу.... не взялъ.
Досталася любезная
Иному, не мнѣ. —

Народная пѣсня.

Не долго почиваетъ юная невѣста въ послѣднюю ночь своей дѣвичьей жизни. Пѣніе пѣтуха, двукратно повторенное, далеко отгоняетъ сонъ отъ глазъ ея. — Утренняя заря встрѣчаетъ скромную дѣву, уже молящуюся предъ святою иконою. — Въ третій разъ кричитъ пѣтухъ, и невѣста оканчиваетъ свою пламенную молитву. — Въ повязкѣ, но въ ситцевомъ или кумачномъ сарафанѣ, она становится съ двумя дѣвицами за небольшой столикъ, покрытый бѣлою салфеткою, и начинаетъ плакать, кланяясь и всплескивая руками.

Плачи.

25

Вамъ пора ужъ, бѣлы лебеди,
Отъ крѣпкà сна пробуждатися.
Высокò взошло красно солнышко;
Обогрѣли лучи яркіе
Всю землю свято-русскую,
Всю вѣру православную,
Нашъ батюшковъ широкій дворъ,
Нашъ матушкинъ высóкъ терéмъ!

Digitized by Google

Я спала, млада, кручинная,
На тесовыя кровати,
На пуховыя постели,
Со любезными подружками,
Съ душа-красными дѣвицами. —
Я ждала, млада, кручинная,
Поутру ранняго буженья
Отъ денной своей печальницы,
Отъ ночной богомольницы,
Што родимой моей матушки.
Не могла, млада дождатися,
Поутру ранняго буженья!
Еще ходитъ милосердая
Все окольными дорогами;
Приговариваетъ милосердая:
Пускай спитъ мое сердечное,
Въ послѣдній разъ, останешній,
Во родительскомъ теремѣ, —
Душой красною дѣвицею;
Навстается, лебедь бѣлая,
На чужой дальней сторонушкѣ,
Въ чужомъ домѣ незнакомомъ.
Тамъ намается, голубушка,
Надъ тяжелою работою. —
Я вставала, млада, кручинная,
Со тесовыя кровати,
Со пуховыя постели;
Умывалась, млада, кручинная,
Ключевой водой, холодною;
Утиралась, млада, кручинная,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцомъ;
Одѣвалась, млада, кручинная,
Въ свое цвѣтное платье,
Въ дорогую дѣвью красоту —
Во повязку скатна жемчуга;
Становилась, млада, кручинная,
Передъ чудны святы образы;
Я молилась, млада, кручинная,
Свѣту—Господу Богу,
Пресвятой Богородицѣ,
Своему Ангелу Хранителю.

Digitized by Google

Я первой поклонъ положила
За Царя Благочестиваго;
Я второй поклонъ положила
За Царицу Благовѣрную;
Я третій поклонъ положила
За весь домъ Ихъ благодатный;
Я четвертый поклонъ положила
За честныхъ своихъ родителей,
Всѣхъ возлюбленныхъ подружечекъ:
Я еще поклонъ положила
За себя младу́ кручинную.
Становилась млада̀, кручинная,
За снарядны дубовы столы;
Я откинула, млада̀, кручинная,
Сле́зенъ платъ со лица бѣлаго;
Обозрѣла млада̀, кручинная,
По всей свѣтлыя свѣ́тлицѣ,
По столовой новой горницѣ,
По честнымъ своимъ родителямъ.
Они ходятъ милосердые,
Все крутятъ, меня снаряжаютъ,
Со пуховою постелью,
И житьемъ-бытьемъ, богачествомъ,
На чужую дальну сторону.

26. Матери (*).

Ужъ ты, свѣтъ милосердая,
Въ день—денна моя печальщица,
И ночная богомольщица, —
О сударыня матушка;
Доступи, моя сударыня,
До нарядна дубова̀ сто́ла,
До меня, младо̀й, кручинныя,
Одинокой твоей дочери, —
Ко отъѣзжей красной дѣвицѣ.
Не убойся, моя сударыня,
Меня младой, кручинныя!
Отъ твоей-то бѣдной дочери

(*) Когда у невѣсты нѣтъ матери, тогда этотъ плачъ поютъ ближайшей родственницѣ, занимающей мѣсто матери.

Digitized by Google

Вѣдь не зима студитъ холодная
Со крещенскими морозами;
Не огонь со пламемъ пышетъ.
Ты вздыми, моя милосердая,
Свою правую рученьку
На мою-то буйну голову,
На любезну дѣвью красоту.
Отняла, моя судариня,
Всю во́льну мою волю,
Всю прежнюю нѣгу
И гульбы и проклады.
Ужъ сними съ меня, судариня
Дорогую дѣвью кра̀соту, —
То повязку скатна жемчуга,
Со хазомъ изъ кра̀сна золота.

При произношеніи послѣднихъ словъ, мать подходитъ къ невѣстѣ, снимаетъ съ головы ея повязку и кладетъ предъ нею на столъ; невѣста, обвившись руками около шеи своей матери, продолжаетъ плакать:

27.

Ужъ ты свѣтъ, моя милосердая,
Моя родимая матушка!
Еще какъ да поднялися
Твои бѣлыя рученьки
На мою буйну головушку, —
Дорогу́ снять дѣвью кра̀соту?
Не убоялась милосердая
Моего страху великаго;
Ты сняла бы, милосердая,
Съ плечь дочернюю головушку.

Потомъ плачетъ надъ своей повязкой:

28.

Насмотритесь, очи ясныя,
На дорогую дѣвью кра̀соту
Въ послѣдній разъ, останешній,
Душой красною дѣвицею.
Я возьму свою дѣвью кра̀соту
Што на правую на рученьку;
Я прижму да дѣвью красоту

Digitized by Google

Ко позябломy сердечушкy;
Не огрѣетъ ли моя красота
Дѣвьей груди лебединыя?
Хоть и грѣетъ дѣвья красота,—
Ужъ не по старому, не по прежнему.

Далѣе она, обратясь къ дѣвушкѣ-сестрѣ или родственницѣ, плачетъ:

29.

Подойди ко мнѣ, бѣла лебедь,
Единоутробная сестрица,
Душа (имя и отчество).
Оставляю тебѣ, желанная,
Дорогую дѣвью красоту,
Што повязку скатна жемчуга.

При этихъ словахъ накладываетъ на сестру повязку, и продолжаетъ:

30.

Ты красуйся, лебедь бѣлая,
Въ дорогой дѣвьей красотѣ,
Што повязкѣ скатна жемчуга!
Ты носи ее, лебедь бѣлая,
По честнымъ Владычнымъ праздникамъ;
Береги ей, лебедь бѣлая,
Отъ злодѣйки сватьи бо̀льшія,
Злозавистнаго человѣка.

Снявъ съ сестры повязку, невѣста опять накладываетъ ее на свою голову и плачетъ:

31.

Мнѣ позволь ты, лебедь бѣлая,
Три часа покрасоватися:
Первой часъ покрасоватися—
Въ здѣшнемъ домѣ благодатномъ;
Второй часъ покрасоватися—
Во пути да во дорожечкѣ;
Третій часъ покрасоватися—
Въ Божьей церквѣ православной!
Отошлю тѣ, лебедь бѣлая,
Со надежнымъ человѣкомъ,

Digitized by Google

Со крестовой своей матушкой.
Вспоминай ты, лебедь бѣлая,
Свою любиму сѣстрицу,—
Меня бѣдную, злосчастную,
Душу красную дѣвицу,
Младу отческую дочерь.

32.

На широкой-то улицѣ
Бѣлой свѣтъ разсвѣтается,
Дѣвій вѣкъ коротается,
Бабья старость приближается.
Дорогая дѣвья красота
Въ двадцать лѣтъ меня не состарила.
Какъ срамна бабья шамшурица (1)
Въ три часа меня состаритъ всю,
Въ два часа да напрокучитъ мнѣ.

Плачь надъ красотою невѣсты уѣзда Шенкурскаго.

33.

Ужъ ты, схожо мое солнышко,
Мой родимой сударь-батюшко;
Подойди-ка, сударь-батюшко,
Ко мнѣ поблизку близко.
Ты послушай, споже батюшко,
Што я стану говорить тебѣ;
Говорить я стану, сказывать
Сущу истинную правду:
Хошь вамъ жаловать, корминицы,
Не нажаловати будё;
Хошь вамъ миловать, корминицы,—
Не отмиловати будё;
Суха дерева завершиста
Вамъ не отростити будё;
Што коня да сухопараго
Вамъ не откормити будё;
И меня ужъ красну дѣвицу
Вамъ не воротити будё.—
Ты, родима моя матушка,
Въ ночь—ночная богомольщица,

(1) Исподница, сверхъ которой накладывается кокошникъ на голову.

Digitized by Google

Вѣкова моя сухотница,
Подойди, моя корминица,
Ко столу, да ко снарядному;
Ты стой, постой, корминица,
Ужъ постой передо мною;
Ты пристой-ка ноги рѣзвыя
Што ко полу ко дубовому;
Присуши ты руки бѣлыя
Ко ретивому сердечку;
Пригляди ты очи ясныя
На свою дочь любимую;
Не верба стоитъ, шатается,
До земли наклоняется,—
Твоя дочь поклоняется,
Все горемъ убивается,
Съ красотою разставается.

Въ этотъ день родственники дѣлаютъ невѣстѣ разные *приносы*: кто пряникъ, кто башмаки или платочекъ, кто ленточку, кто сережки или перчатки.—А въ уѣздѣ Шенкурскомъ приносятъ хлѣбъ-соль, т.-е. блюдо пироговъ, или стопу сочней, кулебяку или большой продолговатый хлѣбъ, называемый *челпачъ* (1).—За все это невѣста благодаритъ каждаго слѣдующимъ плачемъ:

34.

Приношу мою благодарность
Я на хлѣбѣ-на соли,
На честныхъ твоихъ подарочкахъ,
Мой любезный сударь-дядюшка,
Да (имя) споже (отчество).

Въ девятомъ часу утра пріѣзжаютъ къ невѣстѣ дружки съ поклономъ отъ имени жениха и съ подарками. «Челомъ здорово!» привѣтствуютъ они: «бачко, мачка, княгиня первобрачна! нашъ князь первобрачный остался въ добромъ здоровьѣ съ отцемъ и съ матерью, съ тысяцкимъ, со сватьюшкой, съ крестовой матушкой, со всѣмъ родомъ и племенемъ, съ дружками молодцами, ясными соколами, съ красными дѣвицами, пирожными мастерицами, горшечными пагубницами. Нашъ князь стоитъ въ чистомъ полѣ, подъ бѣлымъ

(1) *Челпачъ* въ Шенкурскомъ уѣздѣ называется большой продолговатый хлѣбъ; его пекутъ изъ пшеничной или ржаной муки на молокѣ о Св. Пасхѣ и къ свадьбамъ.

Digitized by Google

шатромъ, подперся острымъ копьемъ; велѣлъ про твое здоровье спросить, а про свое сказать; затѣмъ поклонъ воздать; желаетъ тебя въ ясны очи видѣть!» (1) Тутъ они подносятъ невѣстѣ пряникъ съ кольцемъ. Принявъ дары, невѣста, въ знакъ уваженія, приподнимаетъ ихъ на голову и потомъ кладетъ на столъ.—Въ это время дѣвушки, сидящія около нея по обѣ стороны, перевязываютъ у дружекъ правыя руки, повыше локтей, одна бантомъ изъ ленты голубой, а другая изъ алой. Молодцы наши, въ знакъ признательности, неожиданно отдариваютъ красавицъ жаркимъ поцѣлуемъ, и, раскланявшись, отъѣзжаютъ обратно къ жениху.

Около десяти или одиннадцати часовъ пріѣзжаетъ за невѣстою женихъ съ дружками, тысяцкимъ и родственниками своими. При входѣ его въ домъ невѣста въ послѣдній разъ плачетъ:

Плачь 35.

Къ намъ наѣхали, пріѣхали
Живы, скорые разлучники,
Мнѣ-ка не дали разлучники
Свѣту бѣлаго обозрѣти;
Меня не дали разлучники
Красну солнцу обогрѣти;
Еще не дали разлучники
Съ родомъ-племенемъ проститися.

Съ этими словами уводятъ ее въ особый покой и наряжаютъ къ вѣнцу. Женихъ въ ожиданіи невѣсты садится за столъ, держа шапку или картузъ въ рукѣ, а женщины поютъ пѣсню:

Пѣсня 22.

Ужъ што вы, боляра,
Не бѣлы пришли?
Черны, какъ вороны,
Широки бороды;
Сходите въ кузницы,
Скуйте топоры,
Бѣжите во темны лѣса,
Нарубите осиннику,
Нажгите пепелу,
Сварите щелоку,
Умойте головы;

(1) Привѣтствіе это большею частію замѣняется началомъ и концемъ; да и то ничего не услышишь, потому что въ это время еще продолжаютъ плакать.

Digitized by Google

Купите бороны,
Разчешите бороды.

Пословица говоритъ: *что городъ, то норовъ; что деревня то обычай!*... Въ селеніяхъ уѣзда Шенкурскаго, опять не могу сказать, во всѣхъ ли, родители, увидѣвъ поѣздъ жениха, тотчасъ запираютъ ворота дома, а невѣста между тѣмъ реветъ на весь околодокъ, при громкомъ пѣніи окружающихъ ее:

Плачь 36.

Нагонили скоры гонцы
Съ чуже-дальней сторонушки,
Со чужой, дальней сторонушки,
Што со службы со царскія,
Што изъ грозной государевой.
Они правятъ челобитьицё (1)
Отъ родимаго брателка.
Принимайте челобитьицё
Вы на бѣлыя рученьки;
Прижимайте челобитьицё
Ко ретивому сердечку;
Выздымайте челобитьицё
На свою буйну голову;
Вы берите челобитчиковъ
За ихъ правыя рученьки;
Посадите челобитчиковъ
За снарядны дубовы столы;
Принесите пива пьянаго
И крѣпка вина зеленаго.
Вы дарите челобитчиковъ
Шито-браными платочками;
Я для нихъ шила и ладила
Тонки бѣлыя ширинки.
Какъ сказали люди добрые
И порядныя сосѣдушки:
Нагонили-то скоры гонцы
Со чужой дальней сторонушки;
Ужъ какъ правятъ челобитьицё
Не отъ брателка родимаго,
Што отъ злаго чуженина.

(1) Поклонъ.

Digitized by Google

Ужь ты, схожо мое солнышко,
Мой родитель, сударь-батюшко;
Ты бросай да челобитьице
На сыру землю холодную;
Затопчи ты челобитьице
Подъ свои мощныя ноги;
Принесите вы скорымъ гонцамъ
Изъ болотъ воды ржавыя;
Вы гоните скорыхъ гонцовъ
Изъ высока нова терема.

На сильный стукъ тысяцкаго одинъ изъ родственниковъ невѣсты подходитъ къ воротамъ и спрашиваетъ: «*Кунами ли богаты? ногами ли доступны до нашего дитяти*»? (1) «*Кунами богаты и ногами доступны до вашего дитяти*»! смѣло отвѣчаетъ тысяцкій, разглаживая свою бороду. Тогда растворяются ворота, и женихъ со всѣми поѣзжанами, подъ охраненіемъ какого-либо калеки-знахаря, входитъ въ избу. А невѣста въ послѣдній разъ плачетъ что есть мочи:

Плачь 37.

Запустили живу рòзлуку
Въ нову свѣтлую горницу;
Разлучитъ та меня рòзлука,
Со родимымъ со батюшкой;
Разлучитъ та меня рóзлука
Со родимой матушкой,
Со всѣмъ родомъ и племенемъ,
Со любезными подружками,
Съ дорогой-то дѣвьей крàсотой.

Этими словами она оканчиваетъ продолжительный и многотрудный свой подвигъ, извѣстный подъ именемъ *плакàнья*. Вотъ и пѣсня, которую поютъ женщины толстыми голосами, когда невѣста уходитъ въ клѣть одѣваться къ вѣнцу:

23.

Какъ въ лѣсѣ тетёры,
Все чухари;
У (такого) (2) поѣзжане
Всѣ дураки;

(1) Значитъ: богатствомъ или силою хотите взять нашу невѣсту?

(2) Имя жениха,—положимъ хоть у Ивана.

Digitized by Google

Они въ избу идутъ,
Столбу кланяются,
Не здороваются.
Столбу бьютъ челомъ,
Будто тестю поклонъ;
Бьютъ ступѣ челомъ,
Будто тещѣ поклонъ;
Песту бьютъ челомъ,
Будто шурину поклонъ;
Бьютъ лопатѣ челомъ,
Будто свойкѣ поклонъ;
Въ большой уголъ глядятъ,
Бочки пива хотятъ;
Они на грядку глядятъ,
Словно острежка (1) хотятъ.
Сказали: у (такого-то) (2)
Поѣзжане бодры;
Еще чортъ не бодры, —
У нихъ носы одни;
Сказали—на поѣзжанахъ
Все кафтаны модны;
Еще чортъ не модны —
Лишь заплаты одни;
Сказали—на поѣзжанахъ
Кушаки шелковы;
Еще чортъ не шелковы,—
Лишь рямки-то одни;
Сказали—у поѣзжанъ
Изъ бобровъ картузы;
Еще чортъ не картузы, —
Лишь поскоры (3) одни;
Сказали—у поѣзжанъ
Рукавицы новы;
Еще чортъ не новы,—
Лишь затылки одни;
Сказали—у поѣзжанъ
Сапоги-то смазны;
Еще чортъ не смазны,—
Закаблучья одни,

(1) Ощипанное березовое полѣно. (2) Имя жениха. (3) Подкладки.

Digitized by Google

И то—не свои,
Въ людяхъ выпрошены,
Въ людяхъ вытащены,
Што на той сторонѣ
Знать на Ваеньгѣ (1).
Сказали—у поѣзжанъ
Будто кони горды;
Еще чортъ не горды,—
Только рёбра одни;
Какъ сказали—на коняхъ
Хомуты шелковы;
Еще чортъ шелковы,—
Лишь дерева одни.
Сказали: у поѣзжанъ—
Будто сани модны;
Еще чортъ не модны,—
Лишь полозья одни.
Сказали—у (такого-то),
Будто сватья баска (2);
Еще чортъ не баска,—
Какъ корова сдра (3),
Будто въ лѣсѣ была,
У медвѣдя драна,
Прицарапаная.
Ужъ сказали: у сватьи
На головушкѣ модно;
Ино чортъ не модно,—
Кэкъ воронье гнѣздо.

Не въ однихъ только описываемыхъ мною уѣздахъ, но и во всей Архангельской губерніи, къ вѣнцу одѣваютъ невѣсту какъ можно лучше, въ самые дорогіе, свѣтлые наряды. Самъ отецъ выводитъ ее въ горницу и передаетъ жениху. Принявъ за руку невѣсту, прикрывшую лице свое платкомъ, женихъ садится съ нею за столъ, а дѣвушки поютъ:

24.

Золото съ золотомъ свивалось,
Жемчужина съ жемчужиной скаталась,

(1) Ваеньга, самое бѣднѣйшее село Шенкурскаго уѣзда, находящееся въ лѣсу.
(2) Нарядна. (3) Бурая, рыжая.

Digitized by Google

Какъ наше красно золото получше,
Какъ наше бѣло серебро почище,
Нашъ скатенъ жемчугъ покрупнѣе.
Какъ наша-то невѣста понаряднѣ,
Какъ наша заручена попригляднѣ,
Буде наша невѣста не нарядна,
Буде наша подружка не приглядна;
Пошто вы за ней пріѣзжали?
Сперва семь сватовей присылали,
Семеры полозья притерли,
Семь лошадей притомили,
Все нашу подружку доступали.

Во время этой пѣсни дружки подчуютъ дѣвушекъ и женщинъ свадебнымъ, т.-е. орѣхами, закусками или баранками; въ отдаленныхъ же отъ городовъ селахъ, за неимѣніемъ пряниковъ и орѣховъ, *раздаютъ сочни* (1).

Наступаетъ торжественная, но вмѣстѣ и горестная минута, въ которую родители должны навсегда ввѣрить дочь свою, можетъ быть, единственный плодъ многолѣтняго супружества и заботъ, чуждымъ, едва, едва извѣстнымъ людямъ. — «*Господи благослови! Дай Господи во святъ часъ!*» произноситъ тысяцкій, и всѣ присутствующіе встаютъ съ мѣстъ своихъ, молятся Богу, Подателю благъ, и въ ту же минуту выходятъ изъ-за стола. Женихъ съ невѣстою останавливаются на срединѣ горницы; къ нимъ подходятъ родители невѣсты: отецъ со святою иконою, а мать, держа на рукахъ *банникъ* (2). Начинается благословеніе. — Юная чета троекратно повергается предъ образомъ Божіей Матери, каждый разъ налагая на себя знаменіе креста. — Первый благословляется женихъ, за нимъ невѣста. Плачущая дѣва съ глубокимъ благоговѣніемъ становится на колѣни предъ родителями своими, и, сложа руки на груди, въ послѣдній разъ принимаетъ благословеніе.—Потомъ.... зарыдавъ громко, она падаетъ къ ногамъ ихъ; стенанія отца и вопли матери, доселѣ таившіеся въ душѣ ихъ, вырываются изъ

(1) *Сочни* приготовляютъ изъ ячменной муки, густо замѣшанной на водѣ. — Когда ихъ испекутъ, тогда намазываютъ съ одной стороны коровьимъ масломъ.—Сочни всегда бываютъ круглые.

(2) *Банникъ*—хлѣбъ, зашитый въ бѣлую скатерть вмѣстѣ съ жареною птицею, солонкою и двумя столовыми приборами: парою тарелокъ, ложекъ, ножиковъ и вилокъ.—Банникомъ называется потому, что молодые расшиваютъ и ѣдятъ весь этотъ припасъ, по выходѣ въ первый разъ изъ бани.

Digitized by Google

стѣсненной груди. — Родители поднимаютъ дочь-невѣсту, заключаютъ въ свои объятія и нѣжными поцѣлуями стараются успокоить ее, сами не менѣе нуждаясь въ утѣшеніи. Далѣе, она переходитъ изъ объятій въ объятія своихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ и подругъ; вездѣ тотъ же плачъ, тѣ же рыданія и слезы!

Простившись со всѣми, невѣста еще разъ останавливается, еще разъ смотритъ на всѣхъ дорогихъ, милыхъ ея сердцу; потомъ, перекрестившись, закрываетъ лице свое платкомъ. — Въ ту же минуту надѣваютъ на нее теплую епанечку или шубу, чтобы защитить отъ холода во время ѣзды.—Первые выходятъ изъ горницы дружки, — одинъ неся на рукахъ икону, а другой—банникъ.—За ними тысяцкій съ женихомъ, тутъ *подвѣнечная сватья* (1) съ невѣстой, кланяясь обѣ, то на право, то налѣво; далѣе *проводники* (2) *и кручельщицы* (3). Отецъ, мать, родные и ближніе, всѣ подружки дѣвушки провожаютъ невѣсту на улицу. Плачъ, благословенія и молитвы напутствуютъ ее! Пока подводятъ лошадей и усаживаютъ свадебниковъ, дѣвушки поютъ звонкими голосами:

25.

Мы тебѣ, подружка, накажемъ,
Ты нашего совѣта послушай:
Какъ пріѣдешь ко Божіей Церкви,
Какъ будешь законъ Божій примати,
Какъ станешь золотой вѣнецъ держати,
Не давайся у вѣнца цѣловати,—
Либо низкій поклонъ поклонися,
Либо на сторону отвернися,
Либо шелковымъ платочкомъ прикройся.

Когда же тронется поѣздъ, дѣвушки, разставаясь съ своей подругою (4), наполняютъ воздухъ печальнымъ пѣніемъ:

26.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Тутъ летитъ стадо сѣрыхъ гусей,

(1) *Сватьей подвѣнечною* называется или крестовая мать невѣсты или ближайшая родственница ея, всегда женщина.

(2) Дружки со стороны невѣсты, холостые родные или двоюродные братья.

(3) Женщины, которыя должны наряжать невѣсту на свой манеръ, т.-е. въ повойникъ.

(4) Въ Архангельской губ. дѣвушки не ѣздятъ за невѣстою въ церковь; только въ однихъ городахъ провожаютъ ее къ вѣнцу.

Digitized by Google

А другое бѣлыхъ лебедей;
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго.
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду сѣрыхъ гусей;
Не умѣла лебедь бѣлая
По мелкимъ ручьямъ плавати,
По гусиному кикати.
Ее стали гуси щипати,
Бѣла лебедь стала тигати
Лебединымъ тонкимъ голосомъ:
Не щиплите вы, сѣры гуси,—
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Не своею охотою,—
Занесло меня погодою,
Злой великою невзгодою.
Отставала душа (такая-то) (1),
Отставала свѣтъ (по отечеству)
Прочь отъ роду и племени,
Отъ своихъ милыхъ подружечекъ;
Приставала наша (такая-то)
Къ незнакомому роду племени,
Ко чужимъ, честнымъ родителямъ.
Не умѣла свѣтъ (по отечеству)
На головушкѣ поправити,
На свекровушку уладити;
Люди начали журить ее,
Стала (такая-то) плакати
Жалобнѣшенькимъ голосомъ:
Не браните вы, чужи люди,—
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своею доброй волею,—
Завезли меня добры кони
На чужую дальну сторону,
Въ вашу землю незнакомую,
Отъ честныхъ моихъ родителей
И возлюбленныхъ подружечекъ.

Проводивъ невѣсту, родители въ то же время отправляютъ въ домъ жениха ближнюю родственницу свою, называемую *запостель-*

(1) Имя невѣсты.

Digitized by Google

ною сватьею, потому что подъ ея надзоромъ препровождаются постель и все приданое, а дѣвушки остаются въ домѣ невѣсты до самаго обѣда; онѣ играютъ на повѣти съ молодыми парнями, бѣгаютъ въ тройкахъ и поютъ разныя хороводныя пѣсни. Послѣ обѣда всѣ расходятся по домамъ, въ ожиданіи другой свадьбы, въ чемъ и не ошибаются большею частію. Въ Архангельской губерніи много бываетъ примѣровъ: пока дѣвушка гоститъ и веселится у невѣсты, въ то время родители засватываютъ ее самоё; и, лишь только возвратится отъ своей подружки, бѣдненькой, какъ снѣгъ на голову, объявляютъ, что она сама невѣста. И вотъ для одной горе, а для прочихъ дѣвушекъ опять праздникъ!... Что̀ нужды, хотя между ними одною красавицею будетъ меньше! На этомъ праздникѣ, разумѣется, успѣетъ попировать и наша молодая чета; вѣдь не вездѣ же такой строгій обычай, какъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, гдѣ молодая всѣ первыя шесть недѣль сидитъ дома затворницею и никому постороннему не кажется. Но довольно объ этомъ! Юная чета наша въ церкви; поспѣшимъ туда же за брачущимися и мы.

По окончаніи священнаго обряда вѣнчанія, сватья отводитъ новобрачную на церковную паперть и садитъ на лавку. Тутъ подходятъ *кручельщицы*, снимаютъ съ головы ея жемчужную повязку, которую, для возвращенія по принадлежности, предоставляютъ крестовой матери; потомъ расплетаютъ дѣвичью косу, и, раздѣливъ волосы на двѣ равныя части, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, которыми и обвиваютъ голову наподобіе вѣнка. Мѣсто повязки заступаетъ женскій повойникъ; сверхъ него повязывается розовая косынка или платокъ шелковой. Наконецъ заплакавшуюся новобрачную притираютъ бѣлилами и румянами. Нарядивъ такимъ образомъ, подвѣнечная сватья представляетъ ее молодому супругу, который вмѣстѣ и отправляется въ домъ своихъ родителей; вслѣдъ за ними туда же ѣдетъ и прочая толпа свадебниковъ.

Разумѣется, домъ жениха давно уже наполненъ *зрителями*,— родными и ближними. Пестрая толпа мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и ребятъ тѣснится на улицѣ. Взоры всѣхъ устремлены въ одну сторону, откуда ждутъ новобрачныхъ. Въ поморскихъ селеніяхъ, какъ скоро свадебный поѣздъ остановится у дома, гдѣ живутъ родители жениха, изъ оконъ сосѣднихъ домовъ салютуютъ новобрачныхъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами. То же самое случалось видать мнѣ въ уѣздахъ Архангельскомъ и Холмогорскомъ, но только на богатыхъ свадьбахъ. Бываетъ ли такъ и у бѣдныхъ? Объ этомъ ничего навѣрное сказать не могу. У крыльца дома хоръ изъ бабъ и дѣвокъ привѣтствуетъ новобрачныхъ пѣніемъ:

Digitized by Google

27.

На горѣ, на высокія,—ой вью, ой вью, елелю!
На красы, на великія,—ой вью, ой вью, елелю! (*)
Стоитъ храмъ бѣлокаменной;
Во томъ храмѣ бѣлокаменномъ
Какъ вѣнчалися два отрока,
Младой отрокъ съ отрочицею,
Молодецъ со дѣвицею,
Красенъ князь со княгинею.
Какъ проговоритъ княжна молода
Тихимъ жалобнымъ голосомъ:
Ужъ ты, сватьюшка, сватьюшка!
Ты крестова моя матушка!
Мнѣ открой покрывалышко,
Покрывалышка немножечко.
Мнѣ не столь бы тошнешенько
Во святой церкви стоючи,
Законъ Божій примаючи,
Золотой вѣнецъ держучи,
Чудѣнъ крестъ цѣлуючи.
Вы попы, отцы духовные,
И причетники церковные!
Напишите-ка граматку
Не перомъ, не чернилами,
Не на бѣлой бумажечкѣ,—
Что по рытому бархату,
Аравійскимъ, краснымъ золотомъ.
Отошлите вы граматку
Ко родителю батюшкѣ,
Осударинѣ матушкѣ.
Благодарствую батюшко,
Осударыня матушка!
Что вспоили вы, миловали,
Воскормили, пожаловали,
Меня красную дѣвицу
До бо́льшаго возрасту
И до полнаго разума,
До мо́его суженаго,

(*) Припѣвъ: *ой вью, ой вью, елелю!* — послѣ каждаго стиха.

Digitized by Google

До мóего ряженато,
Удала, дóбра мóлодца.

28.

Крýгомъ, крýгомъ
Солнце катилось;
Рядомъ, рядомъ
Лебеди летятъ;
Полкомъ, полкомъ
Бóяра ѣдутъ;
Бережно везутъ
Нашу Аннушку (1),
Бережнѣ того
Нашу Ивановну;
Часто Андрей-то (2)
Припадываетъ,
По óтчеству Ивановичъ
Выспрашиваетъ:
Душечка Аннушка,
Сердце мое!
Што въ даръ везешь
Моему батюшкѣ?
Отвѣтъ держитъ
Анна Ивановна:
Я, сударь, везу
Твоему батюшкѣ:
Сорокъ соболей,
Сорокъ сибирскіихъ;
Тѣмъ хочу дарить
Твоего батюшку,
По имени Ивана
Андреевича.
Это, споже Анна,
Не правда твоя!
Ты небы́ль говоришь,
Мое сердце гнѣвишь!

29.

Со угóръ, со угóръ
Вѣтры тянутъ;
Со терёмъ, со терёмъ
Свёкоръ смотритъ;

(1) Имя невѣсты. (2) Имя жениха.

Digitized by Google

Самъ про себя
Разговариваетъ:
Хороша была Анна
Дѣвицею;
Лучше, краше того
Молодицею.

30.

Андрей-отъ ѣдетъ съ суженой, съ суженой,
Ивановичъ ѣдетъ съ ряженой, съ ряженой,
Съ своей суженой Анной Ивановной.

Въ сѣняхъ встрѣчаютъ новобрачныхъ двѣ ближайшія родственницы съ пряникомъ въ рукахъ, поднятымъ вверхъ; въ горницѣ свекоръ и свекровь принимаютъ новобрачныхъ дѣтей своихъ съ иконою и хлѣбомъ съ солью. Послѣ благословенія и обычныхъ поздравленій, тысяцкій, новобрачные и сватья становятся за столъ, еще до пріѣзда приготовленный и уставленный различными яствами. — Изба биткомъ набита народомъ. Всякой встрѣчный и поперечный, старый и малый, тѣснится, чтобы посмотрѣть на молодую чету. — Также какъ у невѣсты, и здѣсь дружки со стороны жениха раздаютъ свадебное женщинамъ и ребятамъ — калачи и закуски, а мущинамъ выставляютъ на повѣть бочку пива, иногда двѣ и болѣе, смотря по состоянію жениха. — Въ уѣздѣ Шенкурскомъ, въ извѣстныхъ мнѣ селеніяхъ, сверхъ пива, мужиковъ угощаютъ нюхательнымъ табакомъ, который тамъ въ большомъ употребленіи и не рѣдко играетъ важную роль въ случаѣ недостатка въ немъ. Передоѣзжіе, или, по нашему, дружки, заблаговременно насыпаютъ табакомъ два бычачьихъ рога, и стуча объ стѣну избы, кричатъ: *отъ туре маревѣ* (*), *отъ нашего первобрачнаго бью челомъ!*

Мущины, не только пожилые и старые, но и молодые, спѣшатъ на этотъ призывъ, предупреждая другъ друга. Каждый, получившій добрую щепоть табаку, отходитъ на свое мѣсто, сморкается и преусердно трудится надъ своею порціею.... не рѣдко даже до слезъ.

Вскорѣ толпа постороннихъ зрителей выходитъ на улицу, и съ громкими пѣснями, пройдя нѣсколько разъ по околодку, расходится по домамъ. — Между тѣмъ какъ дружки заботятся объ угощеніи зрителей, подвѣнечная сватья, или, какъ называютъ въ другихъ гу-

(*) *Отъ туре марева* значитъ— съ Турецкаго моря гостинецъ, или: *изъ Турецины, изъ бычачьяго рога заморскимъ гостинцемъ отъ нашего первобрачнаго кланяемся.*

Digitized by Google

берніяхъ, посаженая мать невѣсты раскрываетъ коробъ, полный разныхъ ситцевъ, платочковъ, лентъ, жилеточныхъ матерій и штофныхъ скройковъ на повойники. — Начиная со свекра и свекрови, она даритъ родственниковъ и родственницъ жениха, то тѣмъ, то другимъ, смотря по назначенію.

Вотъ и пѣсня, которую поютъ женки во время раздачи даровъ:

31.

Вы гдѣ гуси были?
Вы гдѣ побывали?
Гдѣ спали, ночевали?
Мы были у княгини,
Побывали у первобрачной.
Еще што княгиня дѣлатъ?
Во гусли играетъ,
Дары снаряжаетъ.
Она плачетъ, возрыдаетъ,
Къ дарамъ причитаетъ:
Ужъ вы дары, мои дары,
Тонки, бѣлы, полотняны!
Не годъ я васъ пряла,
Не годъ сподобляла,
Пришло тако время,—
Всѣ въ часъ раскроила,
Въ другой раздарила:
Какъ батюшку-свекру
Рубашку, порточки,
Жилетку, платочикъ;
Матушкѣ-свекровѣ
Рубашку, повойникъ;
Деверьямъ-сокольямъ
Всѣмъ по платочку;
Золовкамъ-сестрицамъ
По алой косынкѣ.

Въ уѣздѣ Шенкурскомъ свекру и свекровѣ дарятъ по рубашкѣ, знахарю нѣсколько аршинъ холста; прочимъ родственникамъ и священнику подаютъ бѣлыя полотенцы (утиральники), вышитыя по концамъ разноцвѣтными шелковыми или бумажными узорами. Обдаривъ всѣхъ, сватья вмѣстѣ съ новобрачными кланяется и проситъ *не погнѣваться, не посудить на честныхъ подаркахъ*.

Послѣ этого начинается обѣдъ, называемый иначе *княжинъ столъ*. Много бываетъ обоего пола гостей у жениха; но все лица

Digitized by Google

новыя, почти незнакомыя, чуждыя для новобрачной.—Съ ея же стороны одна сватья, въ этотъ день неотлучно находящаяся при ней, и еще нѣсколько проводниковъ. Къ нимъ-то по временамъ обращается робкая красавица; на нихъ-то иногда отдыхаетъ усталый, потупленный взоръ ея! — Обѣдъ бываетъ очень продолжителенъ. За столомъ всего бываетъ вдоволь, и пива крѣпкаго, и вина зеленаго. Каждое блюдо начинается попойкою. Стаканы съ водкой, *братыня* (1) съ пивомъ, то и дѣло обходятъ гостей. Исключая новобрачныхъ (2), всѣ пьютъ и ѣдятъ. Русскій мужичекъ никогда отъ хлѣба-соли не отказывается; за то и самъ любитъ угостить друга и недруга. А на свадьбѣ какъ не попировать! какъ не выпить за здоровье молодыхъ! Тысяцкій тотчасъ замѣтитъ, если кто станетъ отнѣкиваться. «*А што, не пьется? не вино ли стало горько*»? — «*Горько! горько*»! кричатъ подвеселившіеся гости. «*Ну, такъ надо подсластить*», продолжаетъ тысяцкій,—и сказано—сдѣлано. Новобрачный, покраснѣвъ до ушей, встаетъ, и въ ту же минуту цѣлуетъ свою стыдливую подругу. Послѣ этого опять всѣ пьютъ, приговаривая: «*теперь сладко*»! Часто повторяется эта выходка. Житель сѣвера, на котораго не дѣйствуетъ ни буря, ни холодъ, никакая непогода,—короче, нашъ архангельскій богатырь, сколь ни крѣпко сложенъ, не можетъ устоять противу винной стихіи. Трезвый, онъ всегда чѣмъ-то озабоченъ, молчаливъ,—не скоро добьешься слова; но лишь только подгуляетъ порядкомъ, то дѣлается веселъ и разговорчивъ до упаду. Не даромъ сказано: *вино веселитъ сердце человѣка, вино развязываетъ языкъ*. Изъ этого можете себѣ представить, что и бесѣда пирующихъ, въ началѣ тихая, пріятная и веселая, впослѣдствіи дѣлается шумною, смѣшною, даже несносною. Всѣ говорятъ, всѣ кричатъ, но слушать нечего, да и не кому.

Въ уѣздѣ Шенкурскомъ, подъ конецъ обѣда, свекровь подаетъ на столъ большой горшокъ каши, приготовленной изъ ячменной крупы на молокѣ. Какъ тучный трактирщикъ, горшокъ этотъ тихо двигается вдоль по столу, отъ одного десятка гостей къ другому,

(1) Братыня или ендова—большая мѣдная чаша съ носкомъ, обѣ стороны которой вылужены оловомъ. О праздникахъ, или на свадьбахъ, хозяинъ, наполнивъ братыню пивомъ, прежде откушиваетъ изъ нея самъ, а потомъ уже подаетъ ее первому гостю; первый гость, послѣ порядочнаго пріема, передаетъ ее другому, другой третьему; такимъ образомъ она переходитъ изъ рукъ въ руки, и всѣ гости пьютъ какъ братья. То же дѣлаетъ и хозяйка съ гостьями.

(2) Новобрачные ничего не пьютъ и не ѣдятъ за обѣдомъ, а закусываютъ послѣ на подклѣтѣ.

Digitized by Google

и такъ далѣе. Когда всѣ гости удовольствуются, тысяцкій беретъ горшокъ и бросаетъ его на печь; бѣдняжка ударяется объ стѣну и съ трескомъ разлетается въ дребезги.

Послѣ стола новобрачные отходятъ *на подклѣть*, т.-е. въ спальную комнату, куда сопровождаютъ ихъ всѣ, кто только въ состояніи подняться на ноги и тащиться въ-слѣдъ. Здѣсь, пока новобрачные подчуютъ гостей, священникъ, діаконъ и прочіе поютъ духовные гимны: богородичны, задостойники и тропари. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣтъ обыкновенія приглашать священно-церковно-служителей, священный хоръ замѣняется большею частію пьяными бабами, а духовные гимны—непристойными, безнравственными пѣснями, о которыхъ неприлично упоминать здѣсь. Мущины и женщины, выпивъ отъ молодой четы по рюмкѣ вина и по стакану пива, раскланиваются и снова возвращаются къ прежнему пиршеству. Одна сватья остается при новобрачныхъ въ спальнѣ. Закусивъ кое-чего, юные супруги начинаютъ снимать праздничные наряды; сватья служитъ новобрачной; новобрачная въ свою очередь стыдливо преклоняется предъ своимъ супругомъ, и, въ знакъ покорности, снимаетъ съ ногъ его сапоги. Эта милая услужливость тутъ же награждается серебрянымъ рублемъ или полтинникомъ, выкатившимся изъ сапога, при разуваніи правой ноги. Тутъ сватья прощается съ ними, и вскорѣ по выходѣ уѣзжаетъ съ проводниками домой.

Въ поморскихъ уѣздахъ, послѣ разуванья сватья подводитъ новобрачную къ супругу и заставляетъ ее проситься въ товарищи. «*Возьми меня въ товарищи*» (называя супруга по имени и отчеству), кланяясь, едва слышнымъ голосомъ, говоритъ стыдливая красавица. «*Радъ товарищу*»! отвѣчаетъ супругъ, и принимаетъ ее на брачное ложе.... Тогда уже оставляетъ ихъ сватья.

Долго пируетъ шумная толпа празднолюбцевъ. Наконецъ полупьяные разъѣзжаются по домамъ; а совершенно опьянѣлые тутъ же засыпаютъ,—кто какъ и кто гдѣ можетъ.

На другое утро еще до свѣту поднимаются гости: головная боль докладываетъ имъ, что ее нужно прогнать тѣмъ же лекарствомъ, отъ котораго наканунѣ эта боль получила свое начало. *Клинъ выбивается клиномъ*. Такъ и дѣлаютъ Заботливый хозяинъ съ братынею кипяченаго пива (1) и съ сулеею вина суетится около страждущихъ гостей; усердно онъ служитъ имъ и еще усерднѣе

(1) Чтобы пиво сильнѣе дѣйствовало на похмелье, мужики опускаютъ въ братыню нѣсколько раскаленныхъ камушковъ, и пьютъ, коль скоро пиво закипитъ ключемъ.

Digitized by Google

своей буйной головушкѣ, тоже отуманенной отъ похмѣлья.—Чѣмъ свѣтъ къ молодымъ пріѣзжаютъ дружки; за ними тысяцкій съ женою, за тысяцкимъ и прочіе свадебники. При поздравленіи молодыхъ съ добрымъ утромъ, деревенскіе доки-говоруны не упускаютъ ввернуть словца два-три такихъ, отъ которыхъ новобрачная не рѣдко вспыхиваетъ живымъ румянцемъ и скромно опускаетъ свои глазки. Наконецъ является подвѣнечная сватья съ блинами. Молодые, подкрѣпивъ себя лакомыми гостинцами, начинаютъ наряжаться. Въ это время лукавая сватья неприметно растираетъ нѣсколько кусочковъ бѣлилъ и врасплохъ мажетъ ими сначала тысяцкаго, потомъ дружекъ, а послѣдніе прочихъ гостей. Такимъ образомъ шутка эта, сопровождаемая громкимъ хохотомъ, распространяется на всѣхъ. Каждый вновь прибывшій, едва успѣетъ поздороваться съ молодыми супругами, какъ невидимая рука чертитъ на лицѣ его разные іероглифы, то красною, то бѣлою красками. Странное обыкновеніе это существуетъ во всей Архангельской губерніи. Что̀ оно значитъ? «*Не знаемъ*»—отвѣтятъ вамъ: «*вишь у насъ исконна такъ водится; вѣдь-то такъ надо!*»

Спустя часъ или два, шутка эта прекращается; та же сватья кладетъ на столъ нѣсколько бумажекъ съ притираньями, и, кланяясь, проситъ: *на бѣло умыться, хорошо снарядиться во бѣлыя бѣлицы, во красныя румянцы!*» Тогда гости и гостьи принимаются умывать свои замазанныя лица, причесываются и наскоро оправляются. Въ полдень пріѣзжаютъ родители новобрачной. ея родные и ближніе. Молодые супруги съ свѣтлымъ лицемъ, старые хозяева съ патріархальнымъ радушіемъ встрѣчаютъ новую родню.

Послѣ длинныхъ съ обѣихъ сторонъ поздравленій, всѣ садятся за столъ, и начинается обѣдъ. День этотъ проходитъ такъ же весело, какъ и первый. Гости разъѣзжаются уже въ глубокую полночь.

На третій день молодые ходятъ въ баню, которую приготовляютъ для нихъ дружки. По выходѣ изъ бани, сватья разшиваетъ такъ-называемый *банникъ*, вынимаетъ на столъ хлѣбъ и жареную птицу; къ этому обыкновенію присоединяются штофъ водки и разные остатки отъ двухдневныхъ обѣдовъ.... Всѣ завтракаютъ.—А на обѣдъ, или, какъ говорятъ: въ уѣздѣ Архангельскомъ—*на блины*, въ Холмогорскомъ—*на гозьбу*, въ Шенкурскомъ—*на хлѣбины*, а по поморью—*на горячіе*,—ѣдутъ къ родителямъ невѣсты. Весь околодокъ сбѣгается посмотрѣть на молодыхъ, когда лошади остановятся у дома тестя и тещи. Родители съ распростертыми объятіями спѣшатъ на встрѣчу дочери и богоданнаго сына, супруга ея; хлопочутъ около свекра и свекрови; ласковы и внимательны къ каж-

Digitized by Google

дому изъ гостей. Послѣ жаркихъ привѣтствій всѣ заходятъ въ домъ и вскорѣ садятся за столъ. Обѣдъ также бываетъ праздничный. Хозяева стараются уподчивать гостей, что̀ называется, до самаго нельзя. Теща то и дѣло проситъ: «*подайтесь еще*! *(1) еще покушайте*. Весело пируютъ старики, когда молодые супруги дышатъ радостію и удовольствіемъ. У тещи на такой великой радости ушки пляшутъ. «Дай-то имъ Господи совѣтъ да любовь», шепчетъ про себя старушка:—«вѣдь на этомъ, говорятъ, свѣтъ стоитъ!» Уже поздно вечеромъ молодые и гости уѣзжаютъ домой, чѣмъ и оканчиваются свадебныя пирушки.

Послѣ всего этого, какъ я сказалъ выше, въ уѣздѣ Шенкурскомъ, молодая хозяйка въ первыя шесть недѣль, какъ затворница, никуда не выходитъ; но въ прочихъ уѣздахъ Архангельской губерніи молодые супруги ѣздятъ по свадьбамъ, по гостямъ, а объ масляницѣ каждый день гуляютъ въ обозахъ и катаются на горахъ. Такъ проводятъ они время! Но скоро проходитъ медовый мѣсяцъ для счастливыхъ супруговъ. Наступаетъ великій постъ,—и бурлаки женатые и холостые отправляются цѣлыми толпами въ Петербургъ и въ другіе города, какъ говорится, *добывать денежку*. Молодыя жены ихъ остаются дома подъ строгимъ надзоромъ свекра и свекрови—людей старыхъ, нерѣдко своенравныхъ и капризныхъ. Разлука эта надолго помрачаетъ свѣтлые дни молодыхъ супруговъ глубокою печалью. Много бываетъ выронено слезъ на прощаньѣ. Тяжело время одиночества; *скучно жить съ милымъ въ разлукѣ*! За то сколько бываетъ радостей, когда, послѣ осьми или девяти мѣсяцевъ, молодые мужья возвращаются домой въ добромъ здоровьѣ, съ порядочнымъ запасомъ денегъ и съ разными обновками для молодыхъ женъ своихъ! Впрочемъ это дѣло извѣстное; здѣсь нечего распространяться. Моя тема кончена. Что̀ зналъ и вѣдалъ, то и высказалъ о свадебныхъ обыкновеніяхъ, которыя существуютъ въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ Архангельской губерніи. Пусть не взыщутъ съ меня, если чего я и не досказалъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Многимъ, быть можетъ, покажется разсказъ мой и скучнымъ и сухимъ,—но зато онъ вѣренъ, въ чемъ ссылаюсь на села: Вознесенское уѣзда Архангельскаго, Куростовское—Холмогорскаго и Устьважское—Шенкурскаго, гдѣ собраны мною всѣ эти свѣдѣнія.

А. ЖАРАВОВЪ.

Архангельскъ. 11 апр. 1853 г.

---

(1) *Подайтесь*, т.-е. прикушайте, попейте водки изъ стакана.

Digitized by Google

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПѢСНИ

КРЕСТЬЯНЪ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. ОБРЯДЫ.

Свадебные обряды крестьянъ состоятъ въ особаго рода церемоніяхъ.

Отецъ и мать жениха, навѣдавшись чрезъ нарочно посланнаго—свата, сходатая, или свахи о согласіи извѣстнаго лица выдать дочь свою за ихъ сына, идутъ съ сыномъ своимъ—женихомъ въ домъ нареченной невѣсты съ хлѣбомъ-солью и виномъ; взошедъ въ избу и помолившись Богу, кланяются хозяину со всѣми домашними, желая здоровья. Хозяинъ дома, отвѣчая имъ тѣмъ же, спрашиваетъ ихъ: «что́ вамъ, добрые люди, надобно?» — «У васъ есть, мы слышали, — отвѣчаютъ отецъ и мать жениха, — товаръ, а у насъ на вашъ товаръ есть купецъ—добрый молодецъ». Хозяинъ дома отвѣчаетъ: «прошу покорно, добрые люди: намъ того и надобно. Хоша товаръ свой не продаемъ, но и такъ не отдаемъ, а можетъ, слово молвивъ, другъ другу полюбимся; прошу покорно, небывалые гости, добрые люди».

И небывалые гости усаживаются кругомъ стола: отецъ и мать жениха на коникѣ въ переднемъ углу, женихъ на лавкѣ, и слѣдуетъ угощеніе. За тѣмъ со стороны жениха идетъ рѣчь объ уговорномъ, т.-е. приданомъ невѣстѣ. Уговорное состоять должно въ томъ, что отецъ и мать обязаны дать невѣстѣ шубу овчинную, зипунъ, сапоги и что́ придется по согласію денегъ. Во все это время дѣвицы-подруги поютъ величальныя пѣсни — величаютъ жениха, невѣсту и всѣхъ родныхъ. На слѣдующій день отецъ, мать и родные невѣсты идутъ въ домъ жениха для угощенія; это покрестьянски называется: смотрѣть колушки, т.-е. домъ и домашнее заведеніе жениха. Такъ бываетъ всегда, хотя бы невѣста была не вдалекѣ отъ жениха. Въ это время назначаются дни для сговора и дѣвичника. На дѣвичникѣ и сговорѣ старые и молодые пьютъ, веселятся, а дѣвицы поютъ пѣсни. При томъ замѣтить надобно, что у здѣшнихъ крестьянъ во все время свадьбы не бываетъ никакихъ музыкальныхъ орудій.

Въ назначенный день для свадьбы женихъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты съ особенно-устроенною для нея повозкою; съ нимъ дружко

Digitized by Google

въ одной и той же повозкѣ, впереди его поѣздъ, т.-е. поѣзжане — товарищи жениха, — это передовой отрядъ молодаго князя жениха со княжною невѣстою. Лѣтомъ всѣ они въ красныхъ рубашкахъ, осенью — кафтанахъ, зимою — шубахъ новыхъ, въ шляпахъ, перевязанныхъ красными лентами; лошади подъ ними съ погремушками; гривы и хвосты лошадей перевязаны въ пучки красными лентами. Должность этого передоваго отряда — сопровождать молодаго князя со княгинею отъ дома жениха до дома невѣсты, отъ дома невѣсты до церкви, а оттуда до дома жениха. Чѣмъ женихъ богатѣе, тѣмъ и поѣздъ его пышнѣе, шумнѣе. Въ этотъ послѣдній разъ, когда женихъ пріѣзжаетъ съ поѣздомъ въ домъ невѣсты, она сидитъ за столомъ на лавкѣ, наклонившись головою на хлѣбъ, лежащій на столѣ; подъ нею овсянный снопъ, накрытый овчинною навыворотъ шубою; подлѣ нея сваха. Женихъ, взошедъ въ избу, помолившись Богу, кланяется на обѣ стороны, потомъ подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за голову, поднимаетъ голову, цѣлуется съ нею три раза и садится съ боку ея; за нимъ садится за столъ весь поѣздъ, и слѣдуетъ угощеніе отъ невѣсты. Послѣ того весь поѣздъ сопровождаетъ, какъ и до дома невѣсты и въ томъ же порядкѣ, жениха и невѣсту до церкви. Невѣста ѣдетъ въ особенной повозкѣ со свахою; послѣ поѣзда впереди, женихъ вслѣдъ за нею, съ нимъ дружко. Когда поѣздъ съ невѣстою и женихомъ пріѣдетъ къ церкви, то дружко, высадивши молодыхъ и взявши ихъ за правыя руки, вводитъ въ церковь. Въ это время у жениха на правой рукѣ длинное до земли полотенце, у невѣсты красный платокъ, на головѣ у ней бѣлое кисейное полотенце, закрывающее все лице. Въ такомъ нарядѣ невѣста бываетъ во все время совершенія брака. По окончаніи вѣнчанія невѣста убирается въ обычный молодымъ женщинамъ головный нарядъ. Во время убранства молодой князь стоитъ подлѣ молодой княгини; послѣ сего молодые слушаютъ молебенъ. Послѣ того поѣздъ съ молодыми отъ церкви слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ до дома жениха.

Когда молодые въѣзжаютъ на дворъ, дружко обсыпаетъ ихъ, въ знакъ будущаго благополучія и довольства, овсомъ, а отецъ и мать молодаго ожидаютъ молодыхъ въ дверяхъ дома: отецъ держитъ образъ, мать хлѣбъ-соль. Молодые, помолившись три раза въ землю предъ образомъ, цѣлуютъ образъ, мать и отца, входятъ въ домъ и усаживаются за столомъ на вывороченной шубѣ. Вслѣдъ за этимъ начинается поздравленіе хозяина дома съ молодыми и обѣдъ. Наслѣдующій день бываетъ въ домѣ жениха обѣдъ, называемый княжой. Послѣ княжаго обѣда молодая даритъ свою новую родню: кого рубахою, кого наручникомъ, кого ширинкою. Дружко, поднося

Digitized by Google

при этомъ кому слѣдуетъ отъ имени молодыхъ вино, приговариваетъ: «Молодой князь со княгинею даруетъ даромъ, да не даромъ: имъ на мѣстѣ на новѣ много надобно: на шилица, на мылица, на бутылица, на тенцы, веретенцы.»

Весь этотъ обрядъ называется покрестьянски поцѣловки, потому что каждый, принимая отъ молодой подносимый даръ и отдаривая за оный, цѣлуетъ молодаго и молодую.

На слѣдующій день послѣ обѣда княжаго происходитъ пиршество въ домѣ отца молодой. Это называется отводами, и тѣмъ оканчиваются всѣ свадебные обряды.

—

II. ПѢСНИ.

1. Послѣ сговора.

I.

Скуковалася кукушечка за селомъ;
И восплакалася (имя невѣсты) за столомъ:
Не милостивъ осударь мой батюшка до мене,
Отдаетъ мене молоденьку отъ себе.
Остаются мои цвѣтики у батюшки,
Остаются алые у родимаго,
Осударь ты мой, батюшка родимой!
Вставай же ты раненько,
Поливай мои цвѣты алые частенько—
Утренними, вечерними зарями,
А ты, моя матушка, слезами.

2.

Кукушечка рябая,
Что́ летишь—не кукуешь,
По волѣ не тужишь,—
По теплому лѣту,
По зеленому лѣсу?
Ты (такая-то) что́ сидишь—не плачешь,
По волѣ не тужишь,—
По волѣ по батюшкиной,
По нѣгѣ по матушкиной?
Все тебѣ мнется:
И батюшкина волька,
И матушкина нѣжка!

Digitized by Google

3.

Гой ты, мой гоголочикъ,
Бывалъ ли ты на морѣ,
Видалъ ли тамъ гоголку?
Ну мнѣ на морѣ не бывать,
Какъ гоголку тамъ не видать?
Она изъ луга въ лугъ перелетала,
Шелковая травка зашумѣла,
Золотая головушка прояснѣлась.
Кудрявый, щеглеватый (имя жениха)
Бывалъ ли ты (имя жениха) во тестя,
Бывалъ ли ты (имя жениха) во тещи,
Видалъ ли ты (такую-то—имя невѣсты)?
Какъ мнѣ во тестя не бывать,
Какъ мнѣ (имя невѣсты) не видать?
Она съ терема во сѣни переходила,
Свое цвѣтное платье переносила;
Золотая цѣпочка прозвѣнѣла,
На головушкѣ платочекъ прояснѣлся!

4.

Промежъ горъ по каменьямъ
Винный ручей течетъ,
По этому ручеечку
Дивный гоголъ плыветъ
И съ дивною гоголкою.
И къ этому ручеечку
Съѣзжалися бояре,
Дивовалися гоголочку
И дивной гоголушкѣ.
Князья и бояре,
Чему вы дивитесь?
Поглядите въ поле—
Дивнѣй того ѣдетъ:
Дивный гоголочикъ—что (имя жениха),
Дивная гоголушка—что (имя невѣсты).

2) Когда отправляются на дѣвичникъ:

Давно гостей ждали,
Давно поджидали!

Digitized by Google

Кунами дворъ устилали,
Лисицами крыли,
Бобрами опушали.

3) На дѣвичникѣ.

1.

Растопилася банюшка,
Разгорѣлася каменка,
Разсыпался бѣлъ ясменъ жемчугъ
По атласу, по бархату,
По серебрянному блюдечку.
Погляди-ка (имя невѣсты),
По твоимъ подруженькамъ:
У твоихъ подруженекъ
Головушки гладкія,
Косы русыя дробныя,
Въ косахъ ленты алыя,
А къ твоей головушкѣ
Бѣлъ снѣжекъ припадаетъ,
Косу русую съѣдаетъ.

2.

Перепелка, перепелка молодая,
Куда ты летала?
Ой люли (2), я летала (2),
Я летала, я летала
Во зеленый садъ, виноградъ,
Ой люли (2), виноградъ (2),
Обивала, обивала
Золотыя крыльца-корыльцы,
Ой люли (2), корыльцы (2).
Что не ластка (2) прилетала
Она вѣстку (2) приносила,
Ой люли (2), приносила (2),
Она вѣстку, она вѣстку,
Она вѣсточку (2) слезовую,
Ой люли (2), слезовую (2),
Марьюшка по сѣнюшкамъ,
По сѣнюшкамъ ходила,
Ой люли (2) ходила (2);
Она батюшку будила:

Digitized by Google

Встань, батюшка (2), проснися,
Ой люли (2), проснися (2),
Встань, родименькой,
Встань, родименькой, проснися,
Ой люли (2), проснися (2),
Что не годъ мнѣ (2)
У тебя годовати,
Ой люли (2), годовати (2),
Не недѣльку (2)
Ночевати,
Ой люли (2), ночевати (2),
Одну ночку (2)
Ночевати,
Ой люли (2), ночевати (2),
И таё мнѣ (2)
Въ слезахъ не видати,
Ой люли (2), не видати (2);
Мнѣ (такому-то—имя жениха)
Коверъ вышивати, лошадь одѣвати,
Ой люли (2), одѣвати (2).

4) *Когда женихъ подъѣзжаетъ съ поѣздомъ ко двору невѣсты и она сидитъ за столомъ:*

1.

Садилася галушка
Высоко на ракиту;
Хотѣла галушка
Ракиту сломать;
Сломить не сломила,
Только наклонила.
Садилася невѣста
Высоко подъ святые;
Хотѣла батюшку развеселить;
Но не развеселила,
А—разслезила.

2.

Заря-ль моя красная зорюшка (имя невѣсты),
Зарею городъ обошла,
Вдарила тучею въ ворота,
Пустила силенъ дождь по двору,

Digitized by Google

Сама подплыла утицею,
А сѣла за столомъ соколомъ,
Махнула рукавомъ на теремъ.
Вы раздайтеся, бояре,
Разступитесь, господа!
Чѣмъ меня батюшка жалуетъ:
Не большимъ даромъ — теремомъ;
А матушка—вѣковымъ даромъ женихомъ (имя его).

3.

На дворѣ дождь, дождь силенъ поливаетъ,
Ой люли, поливаетъ.
Больши того буря хоромы ломаетъ,
Ой люли, ломаетъ.
Потому по дождичку (имя невѣсты) гуляетъ,
Ой люли, гуляетъ.
Она ходитъ, горюетъ,
Ой люли, горюетъ:
Куда же отъ дождичка мнѣ съ горя дѣваться,
Ой люли, дѣваться?
И отъ буйнаго вѣтра,
Ой люли, отъ буйнаго вѣтра?
И я кинуся, брошуся къ батюшкѣ на сѣни,
Ой люли, на сѣни,
И къ матушкѣ во теремъ,
Ой люли, во теремъ.
А тамъ-то мнѣ не мѣсто, не помѣстье,
Ой люли, не помѣстье.
Хлѣба-соли много, привѣта нѣту,
Ой люли, нѣту.
И я кинуся, брошуся къ жениху на колѣни,
Ой люли, на колѣни;
Тамъ-то мнѣ мѣсто, тамъ-то мнѣ помѣстье,
Ой люли, помѣстье,
Хлѣба-соли мало, привѣту мнѣ много,
Ой люли, много,
Отъ свекора и свекрови,
Ой люли, свекрови!

5) Когда женихъ подъѣзжаетъ къ невѣстину дому съ поѣздомъ.

1.

Подплывали лебеди
Подъ крутые берега;

Digitized by Google

Подъѣзжалъ (имя жениха)
Подъ тестевъ дворъ, подъ село,
Подъ тещины подъ новы сѣни,
Подъ невѣстинъ высокъ теремъ.
Посмотри (имя невѣсты):
Что̀ это за дымы задымилися?
Это дымы NN } (имя жениха).
Это полки NN }
Какъ восплакалась (имя невѣсты):
Осударь ты мой батюшка,
Осударыня ты моя матушка,
И братцы мои родимые,
Попечальтесь обо мнѣ!
Замечите дубьемъ поле,
Застружите стругомъ рѣку,
Защитите щитомъ ворота;
Не пускайте войны на дворъ,
Не отдавайте меня въ полонъ.
Сестрица паша (имя невѣсты),
Знать, не заметать дубьемъ поле
И не застружить стругомъ рѣку,
Не защитить щитомъ ворота.
Знать, быть войнѣ на дворѣ,
Знать, быть тебѣ въ полонѣ
У свекора на дворѣ,
У свекрови въ теремѣ,
У жениха на рукѣ.

2.

Приступили, приступили бояре къ воротамъ,
Растворили, растворили ворота на пяты,
Положили, положили стѣны каменныя,
Разложили съ переходомъ.
Выломали, вытоптали весь зеленый садъ,
Выпужали, выстращали соловья въ саду.
Какъ востужится, восплачется (имя невѣсты):
Свѣтъ вы, мои сѣни, сѣни новыя,
Сѣни новыя (2) съ переходами,
Жалко мнѣ (2) батюшкинъ садъ,
Жалчѣй того (2) соловья въ саду,
Онъ-то меня (2) рано пробужалъ.

Digitized by Google

N (имя жениха) говоритъ сударь N (отечество его);
Не плачь не тужи (имя невѣсты),
Поживемъ, наживемъ сѣни новыя,
Наживемъ (2) съ переходами,
Наживемъ (2) свой зеленый садъ.
И я-то у тебя, какъ соловей въ саду,
Повсегда тебя буду рано будить:
Вставай рано (2) поутру:
Люди прядуть, лишь початки гудуть,
А тебя на нихъ лишь завидки беруть.

б) Когда съѣзжаютъ со двора съ невѣстою къ вѣнцу.

Жарко каменю самоцвѣтному
Въ горахъ лежать противъ солнушка,
Грубно животу матернему:
Милое чадо изъ-за стола ведуть,
Шитое, браное все за нею несуть,
Кованы сундуки черезъ руки дають,
И милое чадо изъ за-столья ведуть.
Невѣста сидючи осердилась,
Двинула ключи вдоль по столу:
Примите ключи батюшкины,
Я теперь у батюшки не ключница;
Буду ключница у свекора у батюшки,
У свекрови у матушки.
А радостно животу свекровьиному:
Милое чадо на подворье везуть,
Шитое, браное все за нею несуть,
Кованы сундуки черезъ руки подаютъ.

7) Когда отъ вѣнчанія подъѣзжаютъ къ дому жениха.

Встрѣвай, мати, сына;
Твой сынъ соколъ ѣдетъ
Перемѣнушку везетъ:
Перемѣну молодую,
Перемѣнныя ручки,
Въ полѣ работницу
Въ домѣ куховницу.
Дѣтушки, батюшки,
Работайте, не гуляйте.

Digitized by Google

8) Когда молодые слазятъ съ повозки.

Сказали милымъ-милешенькѣ,
Ахъ (имя невѣсты) великимъ-великошенькѣ.
Она по двору прошла—
Весь дворъ освѣтила,
На сѣни ступила—
Всѣ сѣни поломила.

Н. Г. . . . . ъ.

Новосиль, Тул. губ.
1852 года, августа 25.

ЛѢТОПИСЬ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Закладъ. — Предчувствіе В. А. Каратыгина. — Кто занялъ роли В. Самойловой? — Дебютанты и гости. — Г. Леонскій съ дочерью. — Максимовъ. — Щепкинъ. — Г-жи Шубертъ, Гольцъ. — Бенефисы «Кораблекрушители». — Драма не драма, комедія не комедія. — Литературные похитители. — Появленіе г. Яковлева въ роли Гюго Бидермана. — День памяти покойнаго трагика. — Отъѣздъ русскихъ артистовъ за границу.

На похоронахъ старѣйшины русскихъ артистовъ, Я. Г. Брянскаго, къ не менѣе старой Еленѣ Ивановнѣ Гусевой подошелъ актеръ И. И. С.

«Ну, Елена Ивановна, теперь видно наша очередь!»

— Врешь ты, любезный, можетъ быть, твоя очередь, а не моя еще! отвѣчала г-жа Гусева.

— А не хочешь ли загадать?

«Давай.»

Завязываютъ узелъ на кончикѣ платка, складываютъ этотъ узелъ съ другимъ концомъ, и вотъ два одинаковые кончика высунулись изъ сжатой руки И. И. С. — Онъ дернулъ за кончикъ, за другой дернула Елена Ивановна—и узелокъ очутился у ней.

Черезъ недѣлю—она играла роль няни въ извѣстной «Русской свадьбѣ», почувствовала вдругъ дурноту и упала. Ее подняли, посадили въ кресло.... Но уже было все кончено. Она сказала только: «простите, друзья, умираю», и—артистки не стало.

На впечатлительную натуру нашего знаменитаго трагика, В. А. Каратыгина, глубоко подѣйствовала внезапная кончина Гусевой.

Густыя толпы народа провожали тѣло любимаго, высоко-почитаемаго ими артиста, изъ Благовѣщенской церкви на Смоленское кладбище. Не богатая колесница поддерживала гробъ покойнаго

Digitized by Google

артиста, не шестерка траурныхъ лошадей тащила колесницу.... а несли его, и донесли до могилы руки почитателей таланта усопшаго.... руки, некогда такъ громко, въ пылу восторга, привѣтствовавшія появленіе на сценѣ талантливаго трагика.

Но мои позднія сожалѣнія и сѣтованія о недавнихъ утратахъ петербургскаго театра не прибавятъ ничего къ памяти усопшихъ. И такъ, оставимъ ихъ почивать въ мирѣ; а сами воротимся къ живымъ.

Новый 1853—54 театральный годъ открылся 19 апрѣля представленіемъ «Браслета», комедіи барона Ѳ. Корфа, гдѣ вмѣсто г-жи Самойловой явилась г-жа Жулева. Не думайте, чтобъ я сталъ сравнивать между собой двухъ равно талантливыхъ и любимыхъ артистокъ; роль молодой жены въ «Браслетѣ» такъ незначительна, что исполненіе ея не требуетъ ни большаго старанія, ни большаго таланта. Подождемъ появленія г-жи Жулевой въ роли Самойловой 2-й, болѣе трудной, но напередъ увѣрены, что г. Жулева не уронитъ себя, чему доказатекьствомъ служатъ съ успѣхомъ выполненныя ею роли Агнесы въ «Жизни игрока», Офеліи въ «Гамлетѣ» и друг. Соперницей г-жи Жулевой является г-жа Читау, получившая извѣстность по своей роли въ комедіи «Не въ свои сани не садись». Она играла вмѣсто В. Самойловой, въ «Русской свадьбѣ», и имѣла успѣхъ. Впрочемъ, роль невѣсты такая не значительная и плачущая, что дарованіе артистки совершенно пропадаетъ незамѣченнымъ. Кромѣ Жулевой и Читау, въ роляхъ Самойловой появились г-жа Голцъ (объ ней мы скажемъ ниже) и г-жа Н. Самойлова 2-я въ роли Офеліи (впрочемъ, только въ отрывкѣ изъ Гамлета).

За «Браслетомъ» слѣдовалъ «Харьковскій женихъ»; въ немъ играли роли г-жа Ленская и г. М. Максимовъ.—Первая уже гоститъ у насъ м сяца четыре. Первый дебютъ ея былъ въ роли Маріи въ драмѣ «Материнское благословеніе». Дебютъ вышелъ полуудачный; роль Маріи—не ея амплуа, но въ этой роли—она была неизмѣримо выше виленской актрисы, г-жи Котовской, которая, не смотря на похвалы, разсыпанныя ей г. Ѳ. Б., въ роли Маріи была.... но изъ приличія я умолчу объ этомъ.—Г. Максимовъ, молодой провинціальный актеръ на роли молодыхъ повѣсъ—актеръ не безъ дарованія, привычный къ сценѣ, развязный, — не съ сильнымъ, но съ пріятнымъ голосомъ. — Г-жа Ленская и г. Максимовъ имѣютъ большое сходство по своей игрѣ: оба они молоды, ловки на сценѣ,

Digitized by Google

и оба симпатизируютъ своимъ ролямъ. Въ «Харьковскомъ женихѣ» оба они имѣли успѣхъ и были вызваны нѣсколько разъ.

Шестаго мая появился г. Ленскій въ роли Хлестакова въ «Ревизорѣ»; 21-го—Щепкинъ въ «Матросѣ». Послѣдній, по прежнему, былъ радушно принятъ, но, вѣроятно, торопясь къ отъѣзду за границу—онъ появился на сценѣ только 4 раза: въ «Матросѣ», въ «Москалѣ-Чаривникѣ» и въ «Скупомъ рыцарѣ» 2 раза.

Заговоривъ объ артистахъ пріѣзжихъ, скажемъ нѣсколько словъ еще о двухъ артисткахъ: г-жѣ Гольцъ и Шубертъ. Первая—дебютировала въ роли княгини въ «Странной ночи». Читаетъ она прекрасно, но вслѣдствіе своей молодости и непривычки къ сценѣ, ей чего-то не достаетъ. Со временемъ она обѣщаетъ сдѣлаться актрисою замѣчательною. Г-жа Шубертъ (урожд. Куликова), сестра г-жи Орловой, также актриса старательная и съ талантомъ. Къ сожалѣнію, голосъ ея чрезвычайно слабъ. — Вотъ вамъ отчетъ о дебютантахъ и гостяхъ; перехожу теперь къ бенефисамъ и къ новымъ пьесамъ.

Бенефисовъ было четыре. Начнемъ по порядку: бенефисъ Петрова (артиста русской оперной труппы) замѣчателенъ по успѣшному дебюту г-жи Леоновой въ роли Вани въ «Жизни за Царя». Г-жа Леонова, сдѣлавшаяся любимицею русской публики за пѣніе русскихъ пѣсень въ дивертисментахъ и въ «Русской свадьбѣ», до сихъ поръ не появлялась ни въ одной изъ серьёзныхъ ролей. Первый дебютъ ея оправдалъ надежды и ожиданія любителей русской оперы.

Бенефисъ режиссера Краюшкина,—возобновившаго въ свой бенефисъ четыре старыхъ пьесы, между ними и «Страшныхъ Керугальскихъ рыбаковъ-кораблекрушителей», вѣроятно, забывъ, что эти рыбаки сами ужъ давно потерпѣли крушеніе.

Другой режиссеръ г. Алекинъ далъ въ свой бенефисъ двѣ новыя пьесы: Драму — нисколько не похожую на драму, «Любовь артиста», гдѣ играетъ роль опіумъ. Въ Москвѣ эта мнимая драма была уже играна, только не знаю, имѣла-ли успѣхъ.—«Любовь» написана авторомъ «Лекаря», покойнымъ Вонлярлярскимъ, что и заставляетъ удивляться крайней пошлости этой драмы. — За драмой шла комедія, также не похожая на комедію,—«Долгъ красенъ платежемъ», въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе г. К—ва. Вѣроятно, авторъ, не имѣя охоты написать куплеты для своей пьесы, чтобъ сдѣлать ее настоящимъ водевилемъ, далъ ей названіе комедіи. — Увольняю себя отъ разсказа содержанія этой комедіи,—скажу только одно, что, будь

Digitized by Google

эта пьеса покороче, съ хорошо-написанными куплетами, она имѣла-бы успѣхъ. Въ настоящемъ видѣ — она «ни пава, ни ворона», и въ репертуарѣ не останется.

Послѣдній бенефисъ въ маѣ былъ г. Славина. Въ немъ данъ былъ отрывокъ изъ траги-комедіи Ченстона, «Скупой рыцарь», не въ переводѣ, а въ сочиненіи Пушкина. Скупаго рыцаря игралъ Щепкинъ. Въ прошломъ году эту роль занималъ В. А. Каратыгинъ. Въ игрѣ Щепкина больше правды.

Въ 1851 или 52 году Леонъ Гозланъ написалъ пьесу «Dieu mercі le couvert est mis», съ оговоркою, что сюжетъ этой пьесы заимствованъ съ русскаго. Мы, не найдя въ русскомъ репертуарѣ пьесы содержаніемъ похожей на пьесу Л. Гозлана, посмѣялись надъ французскимъ писателемъ, тѣмъ дѣло и кончилось. — Вдругъ является та же пьеса (съ другою обстановкою), но уже сочиненіе нѣмецкаго драматурга Бенедига,—я говорю про«Упрямство и настойчивость». Одинъ русскій фельетонистъ ухватился за представившійся ему случай уколоть Французовъ, и прямо объявилъ, что Леонъ Гозланъ похитилъ свой сюжетъ у нѣмецкаго писателя. Но мнѣ кажется, что Леонъ Гозланъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, и скорѣй Бенедигъ воспользовался его пьесою, чему доказательствомъ служитъ и то, что въ русской литературѣ точно существуетъ разсказъ «Доля казака» Луганскаго, содержаніемъ своимъ совершенно схожій съ пьесами Гозлана и Бенедига, слѣдовательно Гозланъ нисколько не лгалъ и не хвасталъ, объявивъ, что сюжетъ его комедіи взятъ съ русскаго. — Что объявилъ г. Бенедигъ при изданіи или при постановкѣ на сцену своей комедіи — намъ неизвѣстно. Неизвѣстно также и время появленія комедіи г. Бенедига, а это рѣшило-бы споръ скорѣй и вѣрнѣй (*).

Въ перечисленіи дебютантовъ мы забыли упомянуть о дебютѣ г. Яковлева въ роли Гюго Бидермана, въ драмѣ Полеваго «Смерть или честь». По этому дебюту вы можете заключить, что г. Яковлевъ готовится занять роли трагика.—По первому дебюту судить объ актерѣ трудно: къ первому дебюту актеръ приготовляется чуть-ли не за годъ; совѣты опытныхъ товарищей, желаніе не ударить въ грязь лицомъ, все это дѣлаетъ первый дебютъ всякаго актера довольно удачнымъ. Одна бездарность измѣняетъ этому правилу.— Дебютъ г. Яковлева былъ не только удаченъ, но блестящъ.—Его наградили рукоплесканіями, и, какъ мы замѣтили, онъ артистъ не

(*) Въ іюлѣ 1847 г. одобрена къ представленію комедія Бенедикса (а не Бенедига), подъ заглавіемъ: «Eigensinn».

Digitized by Google

безталантливый,—и при стараніи пойдетъ далеко. Ктому же онъ еще молодъ, не привыкъ къ сценѣ (два года на провинціальной сценѣ едва ли большой срокъ образованія трагика). Желаемъ ему отъ души успѣха; со смертію г. Каратыгина и съ утратою г-жи Самойловой—русская драма осиротѣла.

21 мая данъ былъ спектакль въ память покойнаго трагика. Сборъ съ этого спектакля пожертвованъ г-жею Каратыгиною въ пользу бѣдныхъ. Не смотря на теплый, свѣтлый вечеръ, публики собралось много. Стихотворенію г. Бенедиктова «Его не стало!» прочитанному г. Максимовымъ, рукоплескали съ одушевленіемъ, какъ во время оно, при появленіи любимаго трагика на сценѣ любимаго имъ театра.

Чрезъ пять дней мы простились въ «Лекарѣ» съ г. В. Самойловымъ, отъѣзжающимъ, на время, за границу. Счастливаго пути русскимъ артистамъ Щепкину и Самойлову; дай Богъ, чтобъ они запаслись здоровьемъ въ чужихъ краяхъ и возвратились къ намъ счастливыми и довольными. **З . . . . . въ.**

—

О ДВУХЪ НЕИЗСЛѢДОВАННЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ДРЕВНОСТИ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. Сибирскія древности важны для ученаго свѣта почти столько же, какъ древности Рима и Греціи. Это единственные памятники, свидѣтельствующіе о существованіи въ сей странѣ народовъ, исчезнувшихъ съ лица земли безъ всякихъ историческихъ объ нихъ воспоминаній. Древности эти въ нѣкоторомъ отношеніи подобны тамошнимъ рудникамъ: чѣмъ болѣе въ нихъ углубляемся, тѣмъ большія открываемъ сокровища. Памятникъ временъ Чингисъ-Хана, недавно объясненный г. Шмидтомъ, можетъ служить тому доказательствомъ.

Этотъ-то послѣдній памятникъ заставляетъ обратить особенное вниманіе и на слѣдующія древности, находящіяся въ сосѣдственномъ краю съ тѣмъ, гдѣ оный былъ открытъ.

Первыя изъ этихъ древностей существуютъ при рѣчкѣ Иркутѣ, въ 25 верстахъ отъ Тункинской крѣпости, и состоятъ изъ остатковъ стѣнъ и насыпей отъ нѣкоторыхъ зданій, называемыхъ Бурятами *Монголъ-Шибетъ*, т.-е. монгольская крѣпость. Остатки главной стѣны во время осмотра ихъ имѣли еще вышины до 3 и толщины до 1½ аршинъ, образуя полукружіе до 50 саженъ въ поперечникѣ, коего концы примыкались къ горѣ, подобно прочимъ стѣнамъ, тутъ же одна къ другой весьма близко расположеннымъ. Близъ стѣнъ

Digitized by Google

видны были также двѣ печныя трубы и обвалившійся сводъ. Вѣроятно, въ насыпяхъ сохраняются какіе-нибудь предметы, любопытные и могущіе служить къ нѣкоторому поясненію самыхъ развалинъ.

Второй памятникъ древности составляютъ находящіяся на утесистомъ лѣвомъ берегу рѣки Теси, близъ Барлуцкой слободы и въ одной верстѣ отъ деревни Скорописной, изображенія многихъ людей въ монгольской одеждѣ, стоящихъ рядомъ, также лошадей и рогатаго скота. Всѣ оныя начертаны краскою, похожею на желѣзную охру. Памятники сего рода открыты и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Многіе образцы ихъ сообщены въ Сибирскомъ Вѣстникѣ. Можетъ быть, эти грубыя изображенія видимыхъ предметовъ произведены были съ тою же цѣлію, какую приписываетъ имъ Лагонтанъ у канадскихъ дикарей. Въ такомъ случаѣ, какую драгоцѣнность составили бы оныя для исторіи!

На томъ же берегу Теси находились и надписи, частію уже отмытыя водою и частію сами по себѣ обвалившіяся. Отъ существованія ихъ, вѣроятно, утесъ сей и близъ онаго лежащая деревня получили названіе *Скоропасныхъ*. **спасскій.**

Старомаинчскія и грузскія минеральныя грязи въ землѣ Войска Донскаго. Въ землѣ Войска Донскаго, въ первомъ Донскомъ округѣ, въ Задонской его сторонѣ, находятся, какъ извѣстно, соляныя озера: Староманычское, Грузское и много другихъ, на которыхъ садится соль. Озера эти съ нѣкотораго времени получили еще новое важное значеніе: ихъ начали употреблять для пользованія больныхъ, одержимыхъ различными застарѣлыми и не уступающими фармацевтическимъ средствамъ болѣзнями, и результатъ леченія, въ теченіе трехъ курсовъ, превзошелъ всѣ наши ожиданія. Одинъ курсъ леченія, въ 1850 году, производился на Староманычскомъ, а два послѣднихъ—на Грузскомъ озерѣ. Для пользованія больныхъ употребляется грязь и соленая сгущенная озерная вода, подъ названіемъ ропа. Онѣ оказались весьма полезными: въ застарѣлыхъ ревматизмахъ и ломотѣ, въ золотухѣ—въ различныхъ ея видоизмѣненіяхъ, въ сведеніи членовъ, и проч. и проч.

Отъ многихъ изъ болѣзней больные или получали облегченіе, или совершенно выздоравливали въ самое короткое время, будучи до того лечимы всевозможными фармацевтическими средствами, безъ всякой пользы.

Digitized by Google

Курсъ пользованія начинается съ 20 іюня и продолжается до послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца. Чѣмъ жарче, суше и постояннѣе стоитъ погода, тѣмъ успѣхи леченія благопріятнѣе.

Заведеніе для пользованія устраивается при *Грузскомъ озерѣ*, которое находится на юго-востокъ въ 250 верстахъ отъ г. Новочеркасска, въ степяхъ Манычскихъ, получившихъ это названіе отъ рѣки Маныча, въ которой вода тоже соленая.

Разными путями можно достигнуть отъ г. Новочеркасска до Грузскаго озера, но самая лучшая дорога на Аксайскую станицу, по такъ называемому соляному тракту, — ровная, укатанная, проложенная возлѣ помѣщичьихъ зимовниковъ, въ которыхъ можно имѣть удобные ночлеги. По сіе время не было другаго средства достигнуть Грузскаго озера, какъ только на своихъ лошадяхъ, или на наемныхъ, — такъ называемыхъ *долгихъ*; однакожь мѣстное начальство намѣрено предпринять мѣры для облегченія сообщеній на будущее время. Самое озеро, хотя лежитъ въ странѣ дикой, не заселенной, но во время курсовъ леченія мѣсто это оживляется прибывающимъ народомъ для ломки и набиранія соли и разнаго званія солено-промышленниками; впрочемъ окрестность его не лишена пріятныхъ видовъ. Небольшая возвышенность (*), на пространствѣ одной версты, усѣянная растительностію, свойственною южному краю, отдѣляетъ отъ него другое очаровательное озеро, подъ названіемъ Гудило (**), образовавшееся въ плоскомъ бассейнѣ, на самомъ теченіи рѣки Маныча; ширина его отъ 5—9, а длина болѣе 30 верстъ; берега его съ сѣверной стороны вышиною до 20 саженъ, утесистые, наподобіе морскихъ; грунтъ ихъ глинистый, рыхлый, пронизанный соляными жилками. Видъ на озеро съ этой стороны превосходный: зоркій глазъ можетъ видѣть противоположный берегъ, составляющій границу Ставропольской губерніи; заглядѣвшись на это озеро, забываешь о *Манычскихъ* степяхъ, а переносишься мыслію къ Азовскому морю, съ которымъ оно сходствуетъ. Упомянутая возвышенность, раздѣляющая Грузское озеро отъ озера Гудила, и живописный берегъ сего послѣдняго были любимымъ мѣстомъ прогулокъ посѣтителей.

(*) Вообще въ этомъ краѣ ощущается недостатокъ прѣсной воды, и въ окружности соляныхъ озеръ скудная растительность; но на этой возвышенности, особенно въ дождливое лѣто, открывается много мочевинъ и родниковъ съ прѣсною водою.

(**) Гудиломъ оно названо потому, что во время вѣтра покрывается волнами и шумитъ, наподобіе моря.

Digitized by Google

При самомъ Грузскомъ озерѣ разводится садъ для гулянья, и получено Высочайшее разрѣшеніе на постройку церкви. Многіе изъ посѣтителей, въ благодарность за избавленіе отъ болѣзней, которыя считались неизлечимыми, сдѣлали пожертвованія, и въ нынѣшнее лѣто имѣетъ начаться постройка храма.

Между тѣмъ, по распоряженію начальства, устроено уже довольно значительное количество нумеровъ (сухихъ и опрятныхъ домиковъ) для помѣщенія посѣтителей, и приняты мѣры для заготовленія нужнаго для нихъ продовольствія; не забыто тоже о фуражѣ для лошадей и о прочихъ потребностяхъ, необходимыхъ при пользованіи,—такъ что въ прошлыхъ курсахъ, больные, имѣя все необходимое, проводили время весело и весьма остались довольны леченіемъ.

Ежегодно на курсъ командируется туда опытный по этой части и весьма рачительный врачъ.

Химическій анализъ минеральныхъ грязей и соленой озерной воды, т.-е. ропы, въ которыхъ производится купанье, сдѣланъ профессоромъ Харьковскаго университета, статскимъ совѣтникомъ Гордѣенко.

По свойству составныхъ частей помянутыхъ минеральныхъ грязей и соляной озерной воды, можно судить о пользѣ, какую принесутъ онѣ въ застарѣлыхъ и не уступающихъ фармацевтическимъ средствамъ болѣзняхъ, — что и подтвердилось уже на самомъ дѣлѣ во время прошлыхъ курсовъ. Г. профессоръ Гордѣенко, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 8 марта 1852 года, выражается слѣдующимъ образомъ: «Воды ваши совершенно могутъ замѣнить Славянскія со«ляныя озера для купанья. Грязь столько же будетъ полезна, какъ «и Сакскія грязи въ Крыму».

Въ теченіе курса назначалось большею частію 12—14—16 грязныхъ ваннъ, которыхъ температура доходила до +40° Реомюр. Послѣ же, для уменьшенія излишняго раздраженія кожи и большой ея чувствительности, назначались ропныя ванны,—сперва изъ подогрѣтой воды, постепенно понижаемой въ температурѣ до натуральной озерной, которой назначеніе у насъ совершенно тождественно съ морской водою въ Крыму, по окончаніи курса въ Сакскомъ озерѣ; и успѣхъ леченія, какъ уже сказано выше, такъ былъ превосходенъ, что прибывшіе на озеро на двухъ костыляхъ часто подъ конецъ курса прохаживались съ помощію одной палки, въ теченіе же зимы избавлялись окончательно отъ болѣзни, а весною какъ бы совершенно перерождались и не имѣли уже никакой надобности въ механической подпорѣ. Особенно отличное и скорое ихъ дѣйствіе было

Digitized by Google

на больныхъ золотушныхъ: не было ни одного почти примѣра изъ этого рода болѣзней, который бы не уступилъ одному курсу леченія. Сверхъ того, купанье въ озерной водѣ оказалось весьма полезнымъ въ хроническомъ катарральномъ пораженіи слизистой перепонки легкихъ и мокротномъ удушьи, равно въ удушьи и хроническомъ кашлѣ, зависящемъ отъ начинающагося туберкулознаго процесса въ легкихъ, золотушнаго свойства. Самое даже пребываніе такого рода больныхъ вблизи озеръ, гдѣ воздухъ напитанъ соляными испареніями, оказалось, по нашимъ замѣчаніямъ, весьма полезнымъ.

Въ пользу противоміазматическаго свойства этого воздуха говоритъ то, что во время свирѣпствовавшей на Дону холерной эпидеміи въ 1847 и 1848 годахъ, изъ числа почти 5000 людей, занимавшихся въ то время ломкою и выгрузскою соли,—на всѣхъ озерахъ, по донесенію смотрителя соляныхъ озеръ, г. полковника Михайлова, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ для жизни не было ни одного холернаго случая, и въ теченіе прошлыхъ трехъ курсовъ, когда повсемѣстно въ землѣ Войска Донскаго свирѣпствовала перемежающаяся лихорадка, изъ такого же почти числа рабочихъ замѣчено было въ теченіе всего времени едва нѣсколько примѣровъ перемежающихся лихорадокъ, да и тѣ, безъ сомнѣнія, произошли отъ неумѣреннаго употребленія арбузовъ и дынь, которые подвозятся промышленниками изъ ближайшихъ зимовниковъ.

Сверхъ этого, въ землѣ Войска Донскаго въ недавнее время открытъ еще сѣрный источникъ, который, по химическимъ своимъ составнымъ частямъ, не уступаетъ сѣрнощелочнымъ Кавказскимъ водамъ. Анализъ надъ нимъ произведенъ тоже профессоромъ Харьковскаго университета, статскимъ совѣтникомъ Гордѣенко. Этотъ источникъ лежитъ въ 85 верстахъ отъ г. Новочеркаска, на юго-востокъ, въ 12 верстахъ отъ селенія Орловки, на рѣкѣ Салѣ, въ Балкѣ Сатковкѣ. Вода въ немъ чистая, прозрачная и холодная, въ +14° Реомюр., имѣетъ запахъ гнилыхъ яицъ, отъ чего въ простонародіи именуется *вонючкою*; работающими въ полѣ людьми употребляется она для питья и приготовленія пищи.

По неустройству помѣщеній для посѣтителей, хотя мало еще имѣемъ опытовъ относительно цѣлительнаго ея дѣйствія на болѣзни, но и эти немногіе опыты поразительны.

(Изъ Ставр. Губ. Вѣд., изъ статьи г. Пучневскаго).

—

СКОРОХОДЪ МАРУСЯ.— Въ Радомысльскомъ уѣздѣ (Кіевской губерніи), въ селеніи Гуменникъ, проживаетъ крестьянинъ Тимоѳей

Digitized by Google

Маруся, принадлежащій къ имѣнію тамошняго уѣзднаго предводителя дворянства Богдановича. Онъ одаренъ отъ природы скороходствомъ, и до 40 лѣтъ своей жизни бѣгалъ 10 и болѣе верстъ въ часъ, не чувствуя никогда устали. Однажды Маруся былъ посланъ съ письмомъ за 200 верстъ, и возвратился домой ровно въ три дня, неся на спинѣ мѣрку ячменя и десять кусковъ ржанаго хлѣба, которыми его снабдили при полученіи отвѣта. Въ другой разъ посланъ былъ за 60 верстъ съ письмомъ, въ 7 часовъ утра, и возвратился въ тотъ же день вечеромъ, въ 7 часовъ. Въ третій разъ посланъ былъ отвести собаку за 60 верстъ; собака, пробѣжавши двадцать верстъ, устала и легла; тогда Маруся взялъ ее на руки и принесъ въ назначенное мѣсто, а вечеромъ былъ уже дома. Большее разстояніе скороходъ проходитъ лѣтомъ и въ хорошую погоду, но и зимой онъ замедляетъ нѣсколькими часами. Теперь Марусѣ болѣе 50 лѣтъ; но когда посылаютъ его изъ с. Гуменникъ въ г. Радомысль, остоящій въ 25 верстахъ, въ 7 часовъ утра, онъ возвращается въ 12 часу въ полдень. Если Марусѣ скажутъ: «скорѣй!» тогда едва ли можно догнать его и на верховой лошади, конечно, на большомъ разстояніи. Плату за ходьбу скороходъ беретъ самую незначительную: злотъ и хлѣба на дорогу. Никогда не видали его дорогой, чтобъ онъ когда-нибудь присѣлъ отдохнуть, или просилъ себя подвезти, хотя нѣкоторые въ уѣздѣ нарочно его испытывали изъ любопытства. Ѣстъ онъ на бѣгу, развѣ остановится напиться воды у рѣчки или ручейка. Маруся зимой и лѣтомъ ходитъ босой, даже еслибъ былъ и морозъ. Бѣжитъ бокомъ, подскакивая, какъ будто для легкости однимъ плечомъ разсѣкаетъ воздухъ; а сапоги несетъ въ рукахъ. Чтобъ увидѣть, какъ скороходъ скачетъ, для этого надобно гдѣ-нибудь спрятаться, а то, если онъ увидитъ, то тотчасъ пойдетъ только скорымъ шагомъ, опасаясь, какъ онъ говоритъ, чтобъ злые глаза не «напрочили его», т.-е. не сглазили. Росту Маруся средняго, бѣлокуръ, худощавъ, ноги имѣетъ тонкія и жиловатыя. Маруся не любитъ заниматься мужскими работами. Онъ отлично прядетъ, любитъ готовить кушанья, печетъ хлѣбъ, моетъ бѣлье. Теперь онъ вдовъ, имѣетъ взрослыхъ дочерей, которыя столько же неклюжи и неповоротливы, сколько отецъ ловокъ и легокъ. *(Курск. Губ. Вѣд.).*

—

Изъ Одессы. Въ ночь съ четверга на пятницу, т.-е. съ 18 на 19 іюня, замѣчено здѣсь странное явленіе. Въ 20 минутъ перваго часа по полуночи раздался въ воздухѣ чрезвычайно сильный ударъ съ раскатомъ, болѣе похожій на грохотъ отдаленнаго выстрѣла, нежели

Digitized by Google

на громовый ударъ; небо въ это время было совершенно ясно и погода тихая. Бывшіе на улицѣ ясно услышали, что окна въ домахъ сильно задрожали и что собаки залаяли; бывшіе въ домахъ испуганы были сильнымъ потрясеніемъ дверей и оконъ, какъ будто бы кто ломился въ нихъ снаружи; люстры и лампы въ покояхъ, гдѣ открыты были или открылись окна или двери наружу, закачались; на нѣкоторыхъ приморскихъ дачахъ замѣтили, что земля по обрывамъ нѣсколько осыпалась; многіе приняли наружный гулъ за грохотъ быстро ѣдущихъ тяжелыхъ экипажей. Вообще это явленіе, кажется, явственнѣе ощущено было въ частяхъ города ближайшихъ къ морю; на разстояніи версть 20-ти отъ города оно не было замѣчено. При этомъ никто, сколько намъ извѣстно, не ощутилъ сотрясенія земли: по-видимому, явленіе это было не *землетрясеніемъ*, а внезапнымъ *сотрясеніемъ воздуха*, отъ нарушенія равновѣсія въ нижнихъ слояхъ атмосферы, происшедшаго отъ неизвѣстной намъ причины.

—

изъ ставрополя. (Ясновидѣніе движущихся столовъ.) Лучше поздно, чѣмъ никогда. Сообщимъ еще извѣстіе о *модномъ феноменѣ* изъ 23 нумера Ставропольскихъ Губ. Вѣдомостей. Не удивительно, что и у насъ скоро появятся *стукалы*. Но какъ хотите, такъ и судите: мы много говорили о столахъ и стукалахъ,— всякія разсужденія послѣ всего, что было сказано нами и другими, были бы лишними; выписываемъ статью буквально:

«Въ послѣдніе два—три мѣсяца о движеніи слоловъ, шляпъ, тарелокъ, колецъ и проч., такъ много было писано и говорено, что наконецъ оно признано дѣломъ обыкновеннымъ и малозанимательнымъ; но вотъ новый замѣчательный фактъ по этому предмету, не описанный доселѣ въ извѣстныхъ намъ журналахъ и газетахъ, а съ 26 мая сдѣлавшійся извѣстнымъ мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ (*).

Посреди комнаты или зала, вокругъ маленькаго, круглаго, лакированнаго столика о трехъ ножкахъ стали четверо мужчинъ средняго возраста, положивши слегка на доску стола свои руки такъ, что большой палецъ лѣвой руки каждаго изъ нихъ находился на большомъ пальцѣ правой руки, а мизинецъ правой руки на мизинцѣ лѣвой руки другаго, близъ стоящаго. Производившіе опытъ, кромѣ ручнаго сообщенія, не имѣли никакого соприкосновенія между

(*) А именно: профессору Ставропольской семинаріи Цареградскому, смотрителю здѣшнихъ духовныхъ училищъ Акимову, агроному Добровольскому и другимъ

Digitized by Google

собою и съ прочими лицами, бывшими въ залѣ, впрочемъ общій разговоръ не прекращался. Чрезъ 13 минутъ столъ началъ наклоняться на одну сторону, и вскорѣ за тѣмъ, держась на двухъ ножкахъ, наклонился такъ, что край его доски былъ вершковъ на пять отъ пола. Это однообразное движеніе стола наконецъ намъ наскучило; мы хотѣли, чтобы онъ поднялся и двигался другими ножками, и тотчасъ столъ принялъ прежнее положеніе, потомъ, поднимаясь то на одну, то на другую ножку, сталъ качаться и за тѣмъ на одной ножкѣ вертѣться коловратно; при этомъ мы захотѣли, чтобы онъ двигался въ другую комнату —гостиную, и вскорѣ столъ, переступая на двухъ ножкахъ, подобно шаткой походкѣ людской, побрелъ по сказанному нами направленію; приказали ему вернуться назадъ, и онъ повиновался. За тѣмъ намъ вздумалось спросить у него: которое сегодня число? Столъ, приподнимаясь и опускаясь одною ножкою, ударилъ ею объ полъ 26 разъ; которое число по новому стилю?—ударилъ 7 разъ; который мѣсяцъ?—5 разъ; на вопросъ: сколько такому-то изъ насъ лѣтъ?—послѣдовало точь-въ-точь столько ударовъ, сколько этому лицу лѣтъ отъ роду; спросили: сколько стульевъ въ этой комнатѣ? отвѣтъ былъ вѣренъ, равно какъ и на многіе другіе предложенные вопросы. Послѣ этого, оставивши столъ въ покоѣ минутъ на пять, каждый изъ насъ порознь подходилъ къ нему, клалъ обѣ руки на его доску, дѣлалъ тѣ же и другіе вопросы, и столъ удачно отвѣчалъ своимъ постукиваніемъ. Опыты эти повторены на другой и въ послѣдующіе дни мужчинами и дамами, и всегда постоянно съ тѣми же результатами. Впрочемъ, движенія стола скорѣе и сильнѣе происходили отъ прикосновенія къ нему мужчинъ средняго возраста съ цвѣтущимъ и прочнымъ здоровьемъ.

Эти странныя и загадочныя явленія, невольно заставляющія призадуматься и натуралиста, и философа, и скептика, конечно, поведутъ къ новымъ открытіямъ, примѣненіямъ, изобрѣтеніямъ какихъ-либо движущихся цилиндровъ, круговъ и стеклянныхъ треножниковъ, породятъ много электро и животно-магнитическихъ, одеическихъ и другихъ фантастическихъ гипотезъ; но пока объ этомъ судятъ да гадаютъ, мы скажемъ только, что движенія стола происходятъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ непрерывнаго тока нервной силы особъ, соприкасающихся своими пальцами и передающихъ оную предмету неодушевленному; при чемъ особы эти, по мѣрѣ упражненія въ такихъ опытахъ, неминуемо должны физически ослабѣвать, что было всегда нами замѣчаемо; кромѣ того, при этомъ должны переходить отъ одного человѣка къ другому нервныя разстройства или болѣз-

Digitized by Google

ни; впрочемъ, можетъ ли это быть или нѣтъ,—доказывать не беремся, но совѣтуемъ оставить эту неразгаданную игру столами, шляпами и пр., если не съ цѣлью сохранить свои силы, здоровье и спокойствіе духа, то по крайней мѣрѣ съ цѣлью сберечь драгоцѣнное намъ время, которое многими изъ насъ можетъ быть употреблено на другія болѣе полезныя занятія (*).

Штабъ-лекарь Миняевъ.»

(*) «Намъ извѣстно, что подобные опыты съ небольшимъ столомъ производились на дняхъ и въ другомъ обществѣ нашего города, и показали тѣ же изумительныя явленія ясновидѣнія стола.» *Примѣч. редакт. Вѣдомостей.*

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ИВАНА ТИМОѲЕЕВИЧА КОКОРЕВА.

И. Т. Кокоревъ былъ сынъ вольноотпущеннаго, и получилъ образованіе сперва въ уѣздномъ училищѣ, потомъ во второй московской гимназіи, изъ которой вышелъ изъ 5-го класса, по несостоятельности внести въ гильдію опредѣленной суммы, чтобъ получить увольненіе отъ общества. Братья его, умершіе въ молодости, платили въ гильдію съ купеческаго капитала, и онъ, вмѣстѣ съ ними, причислялся къ званію купеческихъ дѣтей, а по смерти ихъ былъ причисленъ къ московскому мѣщанскому обществу. Въ школѣ онъ отличался прилежаніемъ, необыкновенно быстрыми успѣхами и кроткимъ поведеніемъ, и былъ любимъ всѣми, какъ товарищами, такъ и наставниками, изъ которыхъ многіе обращали на него особенное вниманіе и полагали большія надежды. Такъ (къ-сожалѣнію, намъ неизвѣстны имена ихъ) учитель уѣзднаго училища ходатайствовалъ передъ директоромъ гимназіи о принятіи Кокорева въ гимназію, и онъ, при содѣйствіи директора, принятъ былъ во второй классъ уже послѣ экзаменовъ, на которыя по чему-то не успѣлъ явиться.

Изъ этого видно, что покойный Кокоревъ обязанъ развитіемъ своего таланта единственно самому себѣ, своей натурѣ, а не образованію, которое было незначительно, и даже можно бы было сказать — не жизни, кругъ которой, бѣдняки по состоянію, избранный впрочемъ имъ совершенно добровольно, былъ тѣсенъ и душенъ и скорѣе могъ бы противодѣйствовать его развитію, если бъ покойный менѣе сочувствовалъ ему. Напротивъ, этотъ тѣсный кругъ былъ и мученіемъ его и пищею его таланта. Случайно встрѣтившись съ какимъ-нибудь ремесленникомъ, покойный всегда дружелюбно сходился съ нимъ, вступалъ въ длинный разговоръ, разспрашивалъ съ любовію о всѣхъ подробностяхъ его жизни, задумывался надъ нею, если она была горька, и страдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ вполнѣ былъ прежде человѣкомъ, чѣмъ писателемъ. Онъ былъ одаренъ отъ природы большимъ практическимъ тактомъ, русскою смѣтливостію и трудо-

Digitized by Google

любіемъ, но натура его была часто непосредственная, рефлексіи (*) въ ней вовсе не было. Впродолженіе всего довольно долгаго знакомства со мною я ни разу не слыхалъ отъ него даже въ литературныхъ бесѣдахъ ни одного выраженія въ родѣ нѣмецкихъ эстетикъ и философій, ни одной сухой мысли. Во взглядѣ на жизнь—то же, и въ высшей степени. Это, быть можетъ, было причиной и его преждевременной смерти. Рефлексія, не вѣрно и даже въ злую сторону направленная, покрывая на время истину мракомъ эгоизма и изгоняя мысль свѣтлую, но томительную, для личности часто бываетъ спасительна: она даетъ свободно перевесть духъ глубокочувствующему, усталому отъ своихъ стаданій, не находящему исхода своей широкой любви, сердцу. Тяжко-грустное впечатлѣніе производятъ слѣдующія строки, думы его Саввушки, послѣ разныхъ проносившихся передъ нимъ въ «распивочной» безотрадныхъ видѣній, — особенно соединяясь съ свѣжимъ впечатлѣніемъ грустной утраты его автора:

«Вѣдь тоже была молода, можетъ быть и собой не дурна, наря-
«жалась барышней, въ шляпкахъ щеголяла, а объ этакомъ мѣстѣ
«и подумать боялась.... Чай, были отецъ съ матерью, родные какіе-
«нибудь, и за-мужъ снаряжали. Чего жъ они смотрѣли?... А можетъ
«статься, выросла одна-одинехонька, негдѣ было пріютиться сиротѣ...
«Спросить бы у ней.... Не скажетъ. Вишь что стала теперь: одинъ
«образъ человѣческій, и то не полный.... Отчего же это?

«*Но вопросъ этотъ остался не рѣшеннымъ*; не помогли ему
«даже и пріемы свѣжаго напитка,—и опять забродила въ головѣ
«жажда веселья, какъ было за нѣсколько минутъ тому....»

Полная самоотверженность, горячее, тоскливое состраданіе страданію и нравственнымъ недугамъ другихъ—вотъ мысль его жизни и его произведеній.

Литературное поприще покойный И. Т. Кокоревъ началъ очень рано, 16—19-ти лѣтъ, мелкими статейками въ Живописномъ Обозрѣніи и другихъ сборникахъ. Для Живописнаго Обозрѣнія онъ занимался сперва у А. А. Стойковича исправленіемъ языка нѣкоторыхъ статей. Потомъ стали появляться очерки и мелочи съ его именемъ въ Москвитянинѣ. Въ послѣднее время онъ помѣщалъ свои очерки въ Моск. Полицейскихъ Вѣдомостяхъ. Лучшее произведеніе его — «Саввушка», напечатанное въ прошедшемъ году въ Москвитянинѣ,

(*) Да проститъ намъ покойникъ это ненавистное ему слово, котораго онъ терпѣть не могъ уже потому только, что оно не русское, и котораго мы не умѣемъ вполнѣ замѣнить никакимъ русскимъ.

Digitized by Google

можетъ быть, не доношенное, нѣсколько не отдѣланное, но высокое по идеѣ, гдѣ уже ясно высказались направленіе его таланта и его личность. Онъ называлъ это задушевнымъ своимъ произведеніемъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ свѣжесть и дѣвственность чувства и мысли.

Покойный жилъ въ бѣдности, отчасти потому, что требованій отъ жизни для себя собственно у него не было никакихъ, кромѣ самыхъ крайнихъ необходимостей. Былъ религіозенъ; въ разговорѣ со всѣми былъ простъ до крайней степени, но благороденъ, и всякая претензія блеснуть въ разговорѣ или выставить свою личность возбуждала его негодованіе, на сколько можно было возбудить его въ этой добрѣйшей душѣ. Это негодованіе онъ часто, не въ обиду, и высказывалъ своимъ короткимъ пріятелямъ названіемъ лорда, маркиза, дэнди, джентльмена, ваше сіятельство. Я не помню, чтобы онъ когда-нибудь даже за глаза отозвался объ комъ дурно, развѣ когда вполнѣ былъ убѣжденъ въ сознательномъ или намѣренномъ злѣ чьего-нибудь поступка или характера, и въ справедливости своего замѣчанія, всегда беззлобнаго. Но литературныя произведенія цѣнилъ строго и имѣлъ очень вѣрный, хотя часто и безотчетный, критическій тактъ. Онъ никогда не высказалъ ни одной жалобы на свою жизнь, всегда склоненъ былъ къ самообвиненію, и страдалъ отъ своихъ такъ своеобразныхъ думъ глухо, но тѣмъ глубже. Чтобъ не встрѣчать столкновеній, оскорбительныхъ для самолюбія, на сколько его есть врожденнаго во всякомъ, даже самомъ самоотверженномъ человѣкѣ,—для самолюбія мысли, убѣжденій и вѣрованій, онъ какъ будто чуждался и избѣгалъ знакомствъ съ людьми, не сочувствующими ему, и даже вообще съ людьми не изъ избранной имъ сферы, и ему какъ будто было лучше между страдающими, между самопроизвольными, но тѣмъ болѣе несчастными, слабыми паріями, надъ которыми онъ такъ глубоко и грустно задумывался, чѣмъ между всѣми — или самодовольными, или жалующимися на жизнь и страданія отъ неудовлетворяемаго эгоизма, не смотря иногда на пресыщеніе, или *отъ скуки бездѣйствія*, и никогда не видавшими и не понимающими истинныхъ страданій. Въ такихъ эгоистическихъ личностяхъ онъ никакъ, кажется, не могъ отыскать того значенія, какое находили въ нихъ, и тѣмъ менѣе сочувствовать имъ, начиная съ лучшаго литературнаго ихъ отраженія, «Героя нашего времени». Эгоистическая сторона ихъ не могла внушить его самоотверженной натурѣ вѣры въ искренность и высокихъ ихъ стремленій. Любилъ воспоминанія своего дѣтства,—какъ его провожала изъ гимназіи послѣ классовъ толпа товарищей, любившихъ его и заимствовавшихся

Digitized by Google

отъ него познаніями, какъ ему пріятно было, когда, по чьей-то рекомендаціи, гр. Е. П. Ростопчина отдавала ему переписывать свои стихотворенія и хвалила его за знаніе правописанія. Всегда имѣлъ при себѣ книжку, въ которую вписывалъ мимолетныя мысли и выраженія, случайно подслушанныя, характеризующія какое-нибудь сословіе или личность. Заботился о чистотѣ русскаго языка, и терпѣть не могъ употребленія въ немъ иностранныхъ словъ.

Въ послѣднее время онъ какъ-то особенно упалъ духомъ. Разъ, когда онъ шелъ улицей, съ нимъ сдѣлался ударъ. Бывшіе съ нимъ подняли его, и онъ, видимо слабѣя здоровьемъ, не поспѣшилъ послѣ этого лечиться. Около этого же времени потерялъ весьма значительную по его состоянію сумму денегъ, и не думалъ искать ихъ;—а когда ихъ возвратилъ ему совершенно посторонній человѣкъ, который могъ бы и утаить,—и не требуя никакого вознагражденія, въ немъ не обнаружилось никакого особеннаго внутренняго движенія ни отъ честности возвратившаго, ни радости отъ возвращенія суммы, отъ которой почти зависѣла участь его семейства.

Умеръ отъ тифа, на 28 году отъ рожденія. Не задолго до кончины у него былъ бредъ, въ которомъ онъ сперва сердился на неправильный взглядъ литературы на жизнь, и говорилъ, что въ литературѣ все ложь: ясно, что и въ это время въ броженіи мыслей взяла въ немъ перевѣсъ его завѣтная идея; потомъ разсказывалъ, какъ онъ будто бы путешествовалъ ко святымъ мѣстамъ. Скончался тихо, одиноко, въ Екатерининской больницѣ. При кончинѣ его, когда онъ почти уже не говорилъ, и когда разнесшійся по комнатѣ могильный запахъ мошуса правдиво уже высказалъ мнѣніе доктора, случился съ нимъ одинъ его короткій знакомый. Умирающій какъ будто обрадовался его приходу и около часа не выпускалъ его руки изъ своей. Этотъ знакомый разсказывалъ нѣкоторымъ, что покойникъ за нѣсколько часовъ до смерти, когда не могъ уже говорить, улыбался,—но послѣ сознался, что отъ волненія не помнитъ, дѣйствительно ли улыбался, или ему такъ представилось почему-то или даже снилось это; но это все равно: стало быть, трудно представить покойнаго при кончинѣ иначе, какъ улыбающимся: онъ едва ли могъ много жалѣть о жизни *для себя*, а мы должны и будемъ жалѣть объ утратѣ его: еслибъ, при другихъ условіяхъ, натура его вынесла и окрѣпла въ жизни, то и этотъ, не только самый гуманный, но и вѣрный, свѣтлый взглядъ, сталъ бы не такъ болѣзненъ, и нашелъ бы пищу таланту, и многое литература потеряла въ немъ невозвратно. Передъ кончиной, когда еще можно

Digitized by Google

было разслушать нѣсколько словъ, покойникъ прошепталъ: «все отъ своей глупости». Не было ли это позднимъ сознаніемъ въ излишнемъ перевѣсѣ чувства и впечатлительности надъ размышленіемъ, въ излишнемъ увлеченіи своей идеею?...

При похоронахъ память его почтили своимъ присутствіемъ нѣкоторые изъ профессоровъ и ученыхъ. Похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ, такъ элегически описанномъ имъ въ «Саввушкѣ». Вѣроятно, не одинъ изъ Москвичей, посѣщающихъ это «тихое жилище смерти, однимъ только валомъ отдѣляемое отъ поля разгульнаго веселья» Марьиной рощи, съ грустной думой остановится на могилѣ того, кто ничего не требовалъ отъ жизни для себя, и не взялъ съ нея никакой части своей доли.

Миръ праху твоему, благороднѣйшая, самоотверженнѣйшая личность! Да сойдетъ твой духъ любви къ ближнему на каждаго дѣятеля на литературномъ поприщѣ! Прими горячую слезу отъ друзей и всѣхъ знавшихъ тебя, и прости, если, можетъ быть, поздно оцѣнили тебя, или если не поняли тебя!

Престарѣлые родители покойника остались въ крайней бѣдности и требуютъ помощи.

Сочиненія Ивана Тимоѳеевича, правда, не всѣ, давно уже начаты печатаніемъ, но почему-то остановились. Вѣроятно, всѣ они скоро выйдутъ въ свѣтъ. Предметъ ихъ — Москва и московская жизнь и народность: покойный всю жизнь провелъ въ Москвѣ, и къ ней была въ немъ особенная любовь и даже пристрастіе своего рода. По новому началу, внесенному въ литературу, и по самой высокой добросовѣстности на службѣ ея, онъ долженъ занять свое мѣсто въ ея исторіи.

В. ДЕМЕНТЬЕВЪ.

27 іюня.

ОРУЖІЕ НА ВЫСТАВКѢ МАНУФАКТУРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ВЪ МОСКВѢ (1853 ГОДА).

Посѣтителей выставки въ нынѣшнемъ году, какъ и всегда и на всякой выставкѣ, можно раздѣлить на нѣсколько классовъ сообразно цѣлямъ ихъ посѣщенія. Одни,—и это самая большая часть,—идутъ на выставку изъ одного желанія посмотрѣть, какъ украшены товарами залы собранія, поболтать съ встрѣтившимися знакомыми и имѣть право сказать, что они были на выставкѣ. Многіе даже ограничиваются только двумя послѣдними побужденіями Другіе идутъ, воодушевленные чувствомъ патріотизма, съ благородною надеждою и увѣренностію, что найдутъ ясныя доказательства

Digitized by Google

усовершенствованія отечественной мануфактуры; а нѣкоторые, заинтересованные лично какою-нибудь одною отраслью мануфактуры, сосредоточиваютъ главное свое вниманіе на произведеніяхъ именно этой отрасли.

Какъ охотникъ, я не могъ не остановиться въ томъ залѣ собранія, гдѣ расположено оружіе, не могъ не повторить нѣсколько разъ моихъ посѣщеній выставки, съ цѣлію внимательно вглядѣться въ представленныя издѣлія и подѣлиться моими впечатлѣніями съ собратами по любимому занятію.

Въ оружейной комнатѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе оружія, представленныя съ трехъ казенныхъ заводовъ: Тульскаго, Ижевскаго и Сѣстрорѣцкаго. Отъ каждаго изъ этихъ заводовъ представлено по одному ружью пѣхотному, казачьему, драгунскому, и по два солдатскихъ пистолета. Сверхъ того отъ образцовой оружейной мастерской при Сѣстрорѣцкомъ заводѣ представлены ударное ружье пѣхотное и казачье съ кинжальнымъ штыкомъ, офицерскіе пистолеты, пѣхотный, кавалерійскій и казачій карабины и штуцера; всѣ эти издѣлія съ принадлежащими къ нимъ лекалами и повѣрительными инструментами.

Успѣхъ и значительное усовершенствованіе въ выработкѣ оружій на казенныхъ заводахъ бросаются въ глаза даже самаго поверхностнаго наблюдателя. Чистота отдѣлки, математическая вѣрность каждой части и легкость оружія, ясно доказываютъ, что послѣднія десять лѣтъ не даромъ утрачены для ружейной мануфактуры въ Россіи.—Легкость оружія такъ замѣчательна, что я приведу для доказательства вѣсъ его. Пѣхотное солдатское ружье, вѣсившее прежде осьмнадцать фунтовъ, вѣситъ теперь только одиннадцать фунтовъ шесть золотниковъ, а ружье драгунское только девять фунтовъ четыре золотника.—Да это не строевыя, а охотничьи ружья; кому не извѣстно, что двухствольныя ружья нѣкоторыхъ англійскихъ мастеровъ вѣсятъ болѣе?—Важнѣйшее усовершенствованіе военныхъ оружій въ послѣднее время состоитъ безспорно въ замѣнѣ кремневаго замка замкóмъ ударнымъ; но объ этомъ улучшеніи было уже много говорено, и оно, состоя въ большой быстротѣ выстрѣла и въ безопасности отъ осѣчки, слишкомъ очевидно.

Изобрѣтеніе металлическихъ лекалъ или формъ и повѣрительныхъ инструментовъ, которые, хотя существовали и прежде, но дѣлались изъ дерева и были далеко не такъ вѣрны, имѣетъ важное и чрезвычайно полезное приложеніе. Теперь на всѣхъ ружейныхъ заводахъ по этимъ лекаламъ дѣлаются одинаковыя составныя части ружья, такъ что, если взять по ружью съ каждаго завода, разобрать ихъ и перемѣшать составныя ихъ части, то сборка ихъ вновь не представитъ ни малѣйшаго затрудненія. Замóкъ тульскаго ружья придется какъ разъ къ ружью ижевскому; винты, антапки ружья сѣстрорѣцкаго придутся совершенно къ тульскому, и такъ далѣе.

Офицерскіе пистолеты сдѣланы такъ чисто и щеголевато, что ихъ можно назвать предметами роскоши.

Digitized by Google

Короткіе карабины и штуцера отличаются, кромѣ отчетливой отдѣлки, далекимъ боемъ. Бой этотъ съ перваго взгляда кажется даже невѣроятнымъ. Весь стволъ имѣетъ не болѣе полуаршина длины, а несетъ коническую пулю на четыреста шаговъ.

Ружья собственно охотничьи были представлены тульскими ружейниками Гольтяковыми, и московскими: Шишковыми и Артари Колумбомъ. Первыми, кромѣ ружей, представлены два штуцера и пара пистолетовъ, а послѣдними—двухствольный штуцеръ, пара пистолетовъ и солдатское ружье новаго изобрѣтенія.

Прежде чѣмъ буду говорить отдѣльно о каждомъ изъ этихъ мастеровъ, скажу два слова о русскихъ охотничьихъ ружьяхъ вообще. Не смотря на всю очень понятную любовь мою ко всему отечественному, на все горячее желаніе избѣжать въ употребленіи не необходимаго иностраннаго, я сознаюсь, что я еще не доволенъ нашими охотничьими ружьями. Отдѣльныя части ружья дѣлаются у насъ превосходно. Стволы чисто и плотно спаяны, достаточно вывѣрены, бьютъ удовлетворительно. Замки не тяжелы на взводахъ; легки на спускахъ и разбиваютъ аккуратно пистоны. Ложи дѣлаются изъ прекраснаго, игристаго дерева, всѣ вещи врѣзаются въ нихъ плотно и отчетливо. Рѣзьба или порѣзка на вещахъ доходитъ иногда до художественности. Но когда взглянешь на ружье, составленное изъ всѣхъ этихъ превосходныхъ частей, то невольно сознаешься, что въ немъ чего-то недостаетъ. При болѣе внимательномъ наблюденіи замѣтишь, что недостатокъ этотъ состоитъ въ отсутствіи своего собственнаго отличительнаго характера, составляющаго какъ бы гармонію частей въ цѣломъ. Недостаетъ въ нашихъ ружьяхъ того, что при взглядѣ на ружье англійское заставитъ сейчасъ же отличить его отъ ружья французскаго, шведскаго и на оборотъ, нѣтъ въ нихъ того, что называютъ французы l'ensemble.

Между ружьями, представленными на нынѣшнюю выставку, были ружья очень цѣнныя. Такъ напр. Петръ Гольтяковъ представилъ ружье съ двумя парами стволовъ, оцѣненное въ триста рублей серебромъ; Иванъ Гольтяковъ двухствольное ружье, оцѣненное въ двѣсти пятьдесятъ рублей серебромъ. Объ этихъ ружьяхъ можно повторить именно все то, что я сказалъ выше, прибавивъ, что въ нихъ гораздо болѣе труда, чѣмъ отъ этого труда пользы. Прибавленіе это относится преимущественно къ рѣзьбѣ на ружейныхъ принадлежностяхъ. Долго и внимательно трудился рѣзчикъ надъ этой работой, стараясь представить рѣзьбу самую мелкую и отчетливую. Рѣзьба вышла въ самомъ дѣлѣ мелка, пожалуй и отчетлива, но плохая награда мастеру, если ему скажутъ: да это вовсе лишнее. А между тѣмъ, вѣроятно, эта мелкая, трудная работа была одною изъ причинъ высокой цѣны этихъ ружей.—Говоря о наружной отдѣлкѣ ружья, нельзя не обратить вниманія на лакъ, которымъ покрываютъ стволы. Крытіе лакомъ до сихъ поръ еще не удается нашимъ ружейникамъ. Они думаютъ, что достоинство лака въ густотѣ его, и чѣмъ темнѣе выходитъ онъ на стволѣ, тѣмъ лучше; между тѣмъ какъ это наобо-

Digitized by Google

ротъ. Чѣмъ нѣжнѣе и тоньше лакъ, тѣмъ яснѣе виденъ рисунокъ стволоваго желѣза, а видѣть этотъ рисунокъ и убѣждаться, что стволы краснаго желѣза—не малое удовольствіе охотнику.—Что̀ касается до боя этихъ ружей, то, имѣвъ случай присутствовать при пробѣ оныхъ, могу сказать, что они удовлетворительны для ружья охотничьяго вообще, но не для ружья тысячнаго. Конечно, можно смѣло идти въ поле съ ружьемъ, которое на пятьдесятъ шаговъ приноситъ девяносто и сто дробинъ 8-го N въ листъ бумаги; но заплатить за него триста или двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ едва ли кто согласится. Остальныя ружья Гольтяковыхъ менѣе дороги; назначенныя цѣны были: сто двадцать пять, семьдесятъ пять и шестьдесятъ рублей; одно ружье было даже въ двадтцать восемь рублей. Послѣднее было куплено въ первый день открытія выставки.

Штуцера Николая и Ивана Гольтяковыхъ отдѣланы щеголевато, что̀ же касается до силы и вѣрности боя ихъ, то сказать объ этомъ нельзя ничего утвердительнаго. На пробѣ, по неимѣнію надежныхъ стрѣлковъ пулею, стрѣляли только на сто шаговъ и въ мишень большаго размѣра.

Иваномъ же Гольтяковымъ представлены были пистолеты въ ящикѣ, съ полнымъ прибором̀. Пистолеты эти не были вынесены на пробу; но вполнѣ изящная оддѣлка ихъ, отчетливая оконченность каждой части прибора, заслужили общую похвалу посѣтителей выставки.

Московскій ружейникъ Шишковъ представилъ на выставку два двухствольныхъ ружья, одно крытое лакомъ, оцѣненное въ тридцать пять рублей серебромъ, другое въ натуральномъ видѣ стволоваго желѣза, оцѣненное въ восемьдесятъ рублей серебромъ. Оба ружья, въ особенности послѣднее, отдѣланы чисто, стволы посажены и сплочены вѣрно, замки имѣютъ прочныя и легкія пружины, порѣзка довольно изящна, бой обоихъ ружей тоже удовлетворителенъ. Прочитавши эти строки, конечно, не всякій пойметъ, почему всѣ знающіе толкъ въ оружіи и имѣющіе понятіе о способахъ и условіяхъ его производства, отдавали ружьямъ Шишкова преимущество передъ всѣми остальными ружьями, бывшими на выставкѣ. Чтобы сдѣлать это предпочтеніе общепонятнымъ, скажу слѣдующее:

Ружья Гольтяковыхъ дѣлались въ Тулѣ, гдѣ находится до десяти тысячъ ружейниковъ,—четыре тысячи работаютъ постоянно на заводѣ, остальные занимаются по домамъ. Для бо̀льшей легкости трудъ дѣлится между послѣдними такимъ образомъ, что одинъ занимается замками, другой рѣзьбою, третій ложами, четвертый вывѣркою стволовъ, и т. д. Занимаясь постоянно только одною этою частію, мастеръ достигаетъ въ ней значительной степени совершенства; а это облегчаетъ замѣчательно трудъ того, кто ружье собираетъ. Онъ знаетъ, гдѣ добыть лучшую ложу, гдѣ взять превосходные замки, кому отдать вывѣрить и довести стволы, кого заставить сдѣлать порѣзку. Московскому же ружейнику эти удобства неизвѣстны. Ружье отъ начала до конца дѣлается въ одной собственной мастер-

Digitized by Google

ской его; а между тѣмъ имѣть по каждой части ружья отличнаго мастера онъ не имѣетъ средствъ; при современной дешевизнѣ иностранныхъ фабричныхъ ружей, ему едва ли придется продать три или четыре ружья своей работы въ годъ. Вотъ основанія, по которымъ каждый добросовѣстный цѣнитель труда въ его проявленіи, согласится, что заслуга московскаго ружейника достойна гораздо бо́льшаго вниманія и сильнѣйшаго поощренія, чѣмъ заслуга ружейника тульскаго.

Другой московскій ружейникъ Колумбъ-Артари представилъ двухствольное ружье, двухстольный штуцеръ, пару пистолетовъ съ приборомъ въ ящикѣ и солдатское ружье новаго изобрѣтенія. Представленное ружье уже много стрѣляло и не имѣетъ того лоска, который имѣютъ обыкновенно всѣ вещи, представленныя на выставку. Какъ охотникъ, я помирился бы съ этимъ недостаткомъ, если бы хозяинъ ружья доказалъ, что оно выкупаетъ его замѣчательнымъ боемъ: но ни ружье это, ни штуцеръ, ни пистолеты не были вынесены на пробу. Штуцеръ отдѣланъ довольно просто; для избѣжанія осѣчекъ у каждой камеры сдѣлано по двѣ шпильки подъ пистоны Пистолеты возбудили бы, можетъ быть, болѣе сочувствія въ наблюдателѣ, если бы назначенная цѣна имъ была сколько-нибудь соразмѣрна ихъ достоинству. Колумбъ-Артари оцѣнилъ ихъ въ триста рублей серебромъ,—цѣна необъятная; такъ дорого не цѣнятъ своихъ пистолетовъ ни Лепажъ, ни Девимъ, ни другія знаменитости между ружейными мастерами.

Что жъ касается до солдатскаго ружья новаго изобрѣтенія, то о немъ можно сказать только то, что въ немъ не видно ничего новаго. Заряжаніе со стороны камеры введено уже давно: оно извѣстно намъ со временъ Роберта и было усовершенствовано впослѣдствіи Лефоше и др. Едва ли эта система заряжаній можетъ быть удобна для солдата. Мнѣ удалось видѣть въ кіевскомъ арсеналѣ крѣпостныя ружья этой системы, но слышно, что правительство нашло уже ихъ неудобными, и они будутъ передѣланы на обыкновенныя ударныя ружья.

Были обѣщаны для нынѣшней выставки ружья варшавскаго мастера Беккера; получена даже фактура этого ружейника, но ружья къ выставкѣ не поспѣли. Многіе жалѣли объ этомъ, потому что Беккеръ работаетъ хорошо, и, вѣроятно, представилъ бы ружья замѣчательныя. **В. В.**

—

ГАЛЬВАНИЧЕСКАЯ БАТАРЕЯ ДОКТОРА БѢЛЯВСКАГО.

Между физическими инструментами, бывшими на послѣдней выставкѣ, обратила на себя общее вниманіе Электро-галвано-магнитная батарея (multiplicator electro-galvanicus) доктора Бѣлявскаго.

Батарея эта устроена такъ, что при небольшихъ затрудненіяхъ и издержкахъ, употребляемыхъ на заряжаніе ея, производится высшая степень силы и доставляется возможность пользоваться ею

Digitized by Google

по произволу. Она состоитъ изъ VI паръ спиральныхъ цилиндровъ (катушекъ), обвитыхъ изолированною проволокою, въ коихъ помѣщены проволоки изъ мягкаго желѣза по 57 паръ въ каждой парѣ, и приводится въ дѣйствіе однимъ элементомъ, состоящимъ изъ цинка и мѣди. Спиральные цилиндры, составляющіе батарею, умножаютъ силу элемента, которая на основаніи закона объ индукціи, выведеннаго знаменитымъ англійскимъ физикомъ докторомъ Фарадэ, обусловливается тѣмъ, что каждый оборотъ въ спирали равняется по объему одному элементу галваническаго слолба. А какъ на основаніи закона Фарадэ, въ каждой парѣ цилиндровъ въ батареѣ, устроенной г-мъ Бѣлявскимъ, содержится 832 оборота равныхъ умножающеюся въ нихъ силою такожу же (832) числу элементовъ галваническаго столба, то и понятно, что. желая замѣнить ее элементами галваническаго столба. необходимо будетъ устроить галваническій столбъ изъ 2,496 элементовъ (паръ), равныхъ объему проволоки, употребленной для обвивки цилиндровъ въ батареѣ г. Бѣлявскаго.

Желая устроить галваническую батарею еще съ бо̀льшею силою на основаніи изложенныхъ правилъ, нужно только прибавить величину цилиндровъ, или умножить число оныхъ, и тогда можно достигнуть предѣловъ возможной силы.

Элементъ въ описанной нами батареѣ приводится въ дѣйствіе растворомъ поваренной соли и мѣднаго купороса, не отдѣляетъ непріязненныхъ для здоровья газовъ и дѣйствуетъ около трехъ дней безъ возобновленія. Матеріалъ для заряда батарей ничтожной цѣнности.—12 к. сер. въ сутки.

Въ батарейномъ ящикѣ помѣщенъ механизмъ, приводящій токи въ прерывистое состояніе, необходимое для врачебнаго употребленія.

Несложность и удобство этой батареи вполнѣ удовлетворяютъ давно высказанному желанію ученыхъ: «необходимо пополнить чувствуемый физиками и врачами недостатокъ въ малосложныхъ галваническихъ аппаратахъ съ большею силою.» Выполнивъ по возможности общее желаніе устроенною по изложенному описанію электро-галвано-магнитною батареею, г. Бѣлявскій поставилъ ее на московскую публичную выставку 1853 года, съ тою цѣлію, чтобы открытіе свое, польза котораго подтвердилась опытомъ, сдѣлать народнымъ и общеполезнымъ.

Правила и законы, на основаніи которыхъ устроена эта электро-галвано-магнитная батарея, подробно изложены во II отдѣлѣ изданной имъ же Монографіи объ электро-галвано-магнитномъ леченіи, Москва, 1853 года.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ВЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

Воспитательный домъ въ Лондонѣ.

Статья Диккенса.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, мнѣ попалась печатная бумага такого содержанія: « » дня « » мѣсяца, принятъ младенецъ, т. е. день, мѣсяцъ и имя ребенка *въ пробѣлѣ.*

Я узналъ, что эта принятая форма соединяется съ исторіею болѣе нежели 20,000 *безъимянныхъ* дѣтей, и это побудило меня къ розысканіямъ, которыхъ результатъ я хочу сообщить читателю. Главное жилище *безъимянныхъ* дѣтей, изъ котораго и выпущенъ небольшой документъ, возбудившій мое любопытство, это — лондонскій Воспитательный домъ. Не угодно ли посѣтить со мною пріютъ малютокъ, которыхъ мірской стыдъ посылаетъ сюда подъ завѣсою неизвѣстности.

Это благотворительное заведеніе есть домъ, существующій на самомъ дѣлѣ, а не въ *пробѣлѣ* только; онъ не представляется жилищемъ темнымъ, уединеннымъ, мрачнымъ; это зданіе покойное, обширное, съ удобными помѣщеніями, лежащее посреди хорошаго воздуха, хотя и находится только въ 10-ти минутахъ разстоянія отъ Темпль-Бара. Оно стоитъ на принадлежащей ему землѣ и можетъ любоваться своими осѣненными арками, зеленою муравою своихъ лужаекъ, своими прекрасными, могучими деревьями. Позади главнаго зданія — превосходная сажалка; вблизи его, нѣтъ нескромныхъ окошекъ, которыя отворялись бы на его фасадъ; вѣтеръ свободно ходитъ вокругъ его ограды, вѣтеръ, который Богъ соразмѣряетъ со слабостію маленькихъ барашковъ, лишенныхъ шерсти. Однимъ словомъ, видъ этаго зданія таковъ, что онъ какъ-будто осуществляетъ въ архитектурѣ олицетвореніе тѣхъ добрыхъ горожанъ стариннаго покроя, которые, съ пріятною величавостію, на-

Digitized by Google

слаждаются благосостояніемъ, доставляемымъ постояннымъ доходомъ съ денегъ, положенныхъ въ банкъ. Должность директоровъ заведенія, пользующихся достаточною властію, считается въ числѣ почетныхъ; обширныя залы его обиты столярною работою; имена благотворителей образуютъ на нихъ надписи, формою и величиною напоминающія тѣ, которыя мы видимъ на скрижаляхъ заповѣдей; широкія его лѣстницы снабжены балюстрадами такими прочными, какія могли бы построить слоны, если бы слоны сдѣлались архитекторами; этѣ лѣстницы ведутъ не только въ длинныя столовыя, въ длинные дортуары, въ длинныя прачешныя, въ длинныя классныя залы для *безъимянныхъ* дѣтей, но еще въ другіе покои, съ дверьми, снабженными портьерками и съ теплыми коврами на паркетѣ, въ покои, украшенные картинами первѣйшихъ англійскихъ живописцевъ. Въ залахъ Воспитательнаго дома замѣчательное образцовое произведеніе Гогарта »*Гвардія короля Георга, отправляющаяся въ походъ въ Финчлейскую долину.*« Неллеръ, Ренольдсъ, Геньсборо увѣковѣчили на полотнѣ лица покровителей и вкладчиковъ заведенія. Даже добрый герцогъ Кембриджскій, въ полномъ масонскомъ костюмѣ, удостоиваетъ служить живописною загадкою надъ каминомъ, въ столовой того отдѣленія младшихъ дѣтей, которыя уже довольно взрослы, чтобы обѣдать за столомъ.

Воспитательный домъ былъ нѣкогда колыбелью королевской академіи живописи и ваянія, и она имѣла въ немъ свои первыя засѣданія. Въ церкви заведенія находится органъ — благородный даръ музыканта Генделя; его безсмертная ораторія *Мессія*, сочиненная для питомцевъ заведенія и исполненная въ ихъ пользу, принесла имъ 10 т. ф. стерлинговъ. Подъ покровительствомъ великаго художника, воскресная служба и теперь еще совершается со всѣми красотами духовной музыки, но безъ всякихъ театральныхъ аффектацій, введенныхъ въ другихъ мѣстахъ безвкусіемъ различныхъ сектъ, кончающихся на *измъ* и происходящихъ отъ *англиканизма*. Тамъ также можете выслушать одного изъ самыхъ лучшихъ теперешнихъ проповѣдниковъ.... одного изъ благоразумнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ истолкователей Св. Писанія.

Когда все это пришло мнѣ на память, то во мнѣ все больше и больше разгоралось любопытство знать исторію *Воспитательнаго дома*. Вотъ она. Въ 1722 году отъ Р. Х. (прежде этого года и во всю блаженную старину, которая продолжалась со времени царствованія папы Иннокенія III, Англія была слишкомъ занята, чтобы

Digitized by Google

сколько-нибудь позаботиться о бѣдныхъ найденышахъ), въ 1722 г. или около того, жилъ-былъ въ Лондонѣ достойный морякъ, по имени Томасъ Корамъ. Хотя капитанъ Корамъ и разбогатѣлъ въ американскихъ колоніяхъ, хотя онъ и видѣлъ ужасныя вещи на своемъ вѣку, но воротился въ Англію со всею врожденною нѣжностію своего сердца. Онъ удалился въ Родершдъ, чтобы тамъ, какъ настоящему англійскому моряку, свободно наслаждаться видомъ Темзы. Вотъ, на него такъ грустно подѣйствовало то, что онъ безпрестанно встрѣчалъ *безъимянныхъ* дѣтей, однихъ живыхъ, другихъ уже умершихъ, кинутыхъ на дорогѣ, по которой онъ ходилъ изъ Родершда на доки и биржу и возвращался съ биржи и доковъ въ Родершдъ, съ старымъ товарищемъ шкиперомъ, который обыкновенно самъ напрашивался къ его столу; на него, говорю я, это зрѣлище сдѣлало такое тягостное впечатлѣніе, что онъ рѣшился пособить горю. Вотъ онъ и взялся за дѣло съ твердостію и постоянствомъ человѣка, который плавалъ со всѣми возможными вѣтрами. Однакожь онъ и не подозрѣвалъ, какими терніями наполненъ новый путь, на который онъ вступалъ; онъ и не подозрѣвалъ, что самая добродѣтель находитъ иногда страшныя препятствія при совершеніи добра, о которомъ мечтаетъ. Капитанъ не унывалъ; онъ умѣлъ давать возраженія и на хорошія причины, которыя ему представляли, равно какъ и на дурныя, и, наконецъ, собралъ по подпискѣ довольно значительную сумму, чтобы положить основаніе заведенію для призрѣнія бѣдныхъ подкидышей и для пріобрѣтенія участка земли въ 56 десят., что стоило 550 ф. стерл. Если онъ и не подозрѣвалъ, сколько встрѣтится ему затрудненій при достиженіи цѣли, то вѣроятно столько же мало подозрѣвалъ и то, что наступитъ время, когда цѣна этаго участка увеличится въ такой пропорціи, что доходы съ него будутъ равняться всей его первоначальной цѣнности; не менѣе того, это сущая правда: до такой степени земли въ Лондонѣ вдругъ возвысились.

Десять лѣтъ послѣ того, какъ добрый капитанъ Корамъ былъ такъ глубоко тронутъ *выставкою* дѣтей живыхъ, или умершихъ, которыхъ встрѣчалъ въ своей ежедневной прогулкѣ, одинъ флигель теперешняго зданія былъ воздвигнутъ и отдѣланъ окончательно. Первые 20 *безъимянныхъ* дѣтей были въ немъ приняты и водворены. Въ это время, особа, приносившая ребенка, должна была соображаться съ слѣдующими наставленіями: »Войдите въ наружныя сѣни и позвоните; не уходите прежде, нежели примутъ отъ васъ

Digitized by Google

ребенка (больныхъ дѣтей не принимали), и подождите, чтобы вамъ объявили о его принятіи. Особамъ, приносящимъ дѣтей, не будутъ дѣлать никакихъ вопросовъ и ни одинъ изъ служителей заведенія не станетъ стараться узнавать, кто онѣ такія, подъ опасеніемъ лишиться мѣста.« Сверхъ того каждому ребенку должно было привязывать знакъ, или отмѣтку, по которой, со временемъ, можно было бы узнать его, если бы родные вздумали его потребовать. Большая часть этихъ знаковъ состояла изъ маленькихъ монетъ, или половинокъ монетъ, другую половинку которыхъ, безъ сомнѣнія, родители берегли у себя. Иногда монету замѣняли старымъ шелковымъ кошелькомъ, иногда просто бумажкою съ стихами, приколотою къ пеленкамъ бѣднаго ребенка; одного принесли съ лоттерейнымъ билетомъ. Лѣтописи заведенія не говорятъ, выигралъ ли онъ, или нѣтъ. Вѣроятно, если бы выигралъ, то это обстоятельство осталось бы въ памяти. Во всякомъ случаѣ, съ страннымъ счастіемъ являлся бѣдный сирота.

По мѣрѣ того, какъ заведеніе дѣлалось извѣстнымъ, число кандидатовъ на поступленіе возрастало въ огромныхъ размѣрахъ. Наружныя сѣни были осаждаемы женщинами, которыя царапались и дрались между собою, кому изъ нихъ ухватиться за снурокъ колокола и зазвонить прежде. Въ этихъ битвахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, сила рѣшала первенство. Чтобы положить конецъ подобнымъ сценамъ, ввѣрили судьбѣ назначеніе маленькихъ кандидатовъ. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ открытія заведенія, директоры его сочли за нужное обратиться къ правительству для полученія пособія. Это пособіе было оказано съ такою щедростію, что, казалось, отнынѣ Воспитательный домъ уже не долженъ былъ никому отказывать. Учредили отдѣленія въ провинціяхъ; вывѣсили за двери корзину, и предупредили публику, что станутъ принимать всѣхъ дѣтей не старѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Слѣдствіемъ объявленія было то, что 9-го іюня 1756 года, въ первый день этого необдуманнаго распоряженія, корзина у дверей наполнялась и опоражнивалась 117 разъ сряду. Впослѣдствіи матери, въ полной мѣрѣ въ состояніи кормить новорожденныхъ, и безчеловѣчные отцы (которые, сами того не зная, подражали Жанъ-Жаку Руссо) тысячами наполняли корзину заведенія. Что̀ покажется невѣроятнымъ, и что̀, къ-несчастію, слишкомъ достовѣрно, то при этомъ возникла новая промышленность, отрасль разнощиковъ, перевозящихъ свои товары изъ города въ городъ: появились разнощики подкидышей; они брались перевозить по стольку-то

Digitized by Google

за штуку, изъ всѣхъ частей Англіи, дѣтей, которыхъ родители, виновные или несчастные, назначали въ Воспитательный домъ.

Одинъ изъ этихъ извощиковъ везъ пятерыхъ дѣтей, каждаго въ особой корзинкѣ; дорогою онъ заснулъ, а можетъ быть и напился пьянъ. Когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что изъ 5-хъ дѣтей, трое умерло. Другому поручили 8 человѣкъ. Семеро изъ нихъ умерло прежде, нежели онъ доѣхалъ до Лондона, а осьмой остался въ живыхъ только благодаря привязанности матери, которая пѣшкомъ послѣдовала за повозкою, чтобы пещись о своемъ ребенкѣ и не дать ему умереть съ голода. Наконецъ, третій объявилъ себя перевощикомъ дѣтей, обзаведясь лошадью и двумя корзинками, и горько жаловался на подрывъ, который дѣлалъ ему одинъ изъ его товарищей. »Онъ вырываетъ у меня хлѣбъ изо-рту, сбавляя цѣну съ перевоза, говорилъ онъ; прежде, чѣмъ этотъ зловредный человѣкъ взялся за дѣла, я заработывалъ по 8-ми гиней съ каждаго ребенка, (я обыкновенно набиралъ ребятъ въ Йоркшейрѣ); на этой недѣлѣ я принужденъ везти ихъ за 6-ть гиней; на слѣдующей буду возить за 3; вотъ какимъ образомъ соперничество разрушаетъ торговлю«. Къ-несчастію, извощики не всегда довольствовались платою за перевозъ: они обирали у дѣтей пеленки и бѣлье, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ дадутъ другія въ Воспитательномъ домѣ; счастливы были еще тѣ изъ малютокъ, которые получали отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, какія-нибудь тряпки, въ замѣну рубашки, свивальниковъ и пр., что̀ самая холодная мать непремѣнно даетъ ребенку, даже покидая его на состраданіе общества.

Между прочими преданіями Воспитательнаго дома разсказываютъ, что одинъ богатый банкиръ, который провелъ первое дѣтство въ пріютѣ, основанномъ добрымъ капитаномъ, полюбопытствовалъ узнать свое происхожденіе, и посмотрѣвъ въ спискахъ пріемышей, могъ найдти въ нихъ только то, что онъ былъ вынутъ изъ корзинки нагой. Три года съ половиною продолжалась эта система. Въ это время 15,000 дѣтей перешло черезъ корзину Воспитательнаго дома; но отъ трудности продовольствовать такое огромное число дѣтей и отъ недостатка предосторожностей, которыми необходимо окружать новорожденныхъ, изъ 15 т. осталось въ живыхъ и было отдано въ ученье разнымъ мастерствамъ только 4 тысячи. Наконецъ, по тщательномъ разсмотрѣніи, система была подвергнута осужденію. При этомъ случаѣ нельзя не сочувствовать сожалѣнію и безпокойству, которыя

Digitized by Google

испыталъ Г. Корамъ. Увы! этотъ англійскій Винцентъ-де-Поль, пожертвовавшій на доброе дѣло все свое достояніе, умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ такой бѣдности, что должно было сдѣлать подписку, чтобы нѣсколько обезпечить отъ тяжкихъ нуждъ его старость. О, если здѣсь, на землѣ, добрый капитанъ претерпѣлъ горестное кораблекрушеніе, то нѣтъ сомнѣнія, что тамъ, по ту сторону гроба, онъ прямо присталъ къ пристани спасенія, гдѣ ожидали его сотни питомцевъ, причисленныхъ къ сонму ангельскому.

Неизвѣстно, кто былъ творцемъ новой системы. Но такъ какъ заведеніе впало въ такую же бѣдность, какъ и его основатель, то нѣкто, одаренный умомъ столько же смѣлымъ, сколько изобрѣтательнымъ, сдѣлалъ предложеніе, чтобы, въ теченіе извѣстнаго времени, принимать только тѣхъ дѣтей, которые будутъ приносимы подъ завѣсою тайны, съ банковою ассигнаціею въ 100 фр. стерлин. Совѣтъ заведенія принялъ эту мысль, и, должно сознаться, — она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Но въ 1801-мъ г. нашли, что въ такомъ способѣ пріема было ужъ слишкомъ сильное отклоненіе отъ первоначальной мысли основателя. Условіе банковой ассигнаціи было уничтожено и приняты нынѣшнія правила. Какія это правила? Чтобы лучше ознакомить съ ними читателей, я разскажу, что происходило во время моего посѣщенія.

Двѣ матери, одна послѣ другой, при мнѣ принесли своихъ новорожденныхъ. Каждая изъ нихъ сначала позвонила у двери, и придверникъ выдалъ ей печатный образецъ просьбы, написанный на имя директоровъ заведенія. Никакая просьба не принимается, если она не написана и не подписана въ комнатѣ придверника; всякое предварительное сообщеніе матери съ чиновниками заведенія запрещается. Дитя должно быть перворожденное; оказывается предпочтеніе матери, которая можетъ предъявить письменное обѣщаніе взять ее въ замужство, или доказать, что она была жертвою какого-нибудь другаго обмана. Должно, чтобы она никогда не жила вмѣстѣ съ отцемъ своего ребенка. Эти исключенія (которыя подаютъ поводъ къ тщательному изслѣдованію) имѣютъ двоякую цѣль—возвращеніе матери обществу и заботы о нуждахъ ребенка.

Такъ какъ положенныя условія были выполнены, къ полному удовольствію начальства заведенія, то обѣ матери принесли своихъ дѣтей и получили въ замѣну, приведенную уже мною вкратцѣ, бумагу. Вотъ ея содержаніе:

Digitized by Google

»Благотворительное заведеніе для прокормленія и воспитанія дѣтей, подкинутыхъ и оставленныхъ,—день (въ пробѣлѣ), мѣсяцъ (въ проб.), годъ (въ проб.), — приняло младенца (въ проб.). Подпись секретаря (въ проб.) NB. Сохраняйте какъ можно тщательнѣе эту бумагу, чтобы представлять ее, когда придете навѣстить ребенка (что можно дѣлать каждый понедѣльникъ отъ 10 ч. до 4-хъ), и также въ томъ случаѣ, если бы захотѣли взять его обратно«.

Съ этою бумагою матери удалились, и мы увидали двухъ младенцевъ. Это были — мальчикъ и дѣвочка. Клочекъ пергамена съ № 20,563 былъ нашитъ на плечѣ мальчика; на плечѣ дѣвочки № 20,564. Эти нумера предполагаютъ довольно значительное число пріемовъ; не извѣстно только, къ какому времени учрежденія должно отнести № 1. Для принятія послѣ-прибывшихъ призвали двухъ кормилицъ, урожденокъ графства Кентскаго, гдѣ заведеніе имѣетъ особенное вѣдомство. Кормилицы немедленно отнесли будущихъ своихъ питомцевъ въ церковь, для совершенія надъ ними св. крещенія. Тамъ мы нашли экономa, бабушку, учителя и надзирательницу надъ кормилицами: они призваны были служить воспріемниками маленькимъ христіанамъ, для которыхъ должны заступить отсутствующее и неизвѣстное семейство.

Священникъ совершилъ обрядъ крещенія со всевозможнымъ благоговѣніемъ, и двое *безымянныхъ* получили наконецъ имя во св. крещеніи.

Эти имена были поводомъ къ маленькимъ затрудненіямъ въ исторіи заведенія. При крещеніи 20-ти первыхъ дѣтей, принятыхъ Воспитательнымъ домомъ, знатнѣйшія лица Англіи—герцогъ Бедфордскій, герцогъ и герцогиня Ричмондскіе, графиня Пемброкская, и проч. удостоили служить воспріемниками маленькимъ христіанамъ и дать имъ свои собственныя имена. Этотъ высокій примѣръ нашелъ множество подражателей. Между англійскою знатью вошло въ моду крестить *безымянныхъ* дѣтей, и въ церковныхъ спискахъ заведенія находимъ мы самыя аристократическія имена Великобританіи. Наконецъ, сословіе англійскихъ перовъ истощило свой календарь. Тогда охотно стали давать питомцамъ имена знаменитыхъ въ исторіи лицъ. Я приглашаю здѣсь нашего антикварія *Марка-Антонія* Лауэля, или всякаго другаго издателя археологическихъ сборниковъ, чтобы они взяли на себя трудъ произвести генеалогическія изслѣдованія о происхожденіи болѣе или менѣе неизвѣстныхъ *тесокъ*, которыхъ заведеніе дало Виклифу, Латимеру, Чосеру, Шекспиру, Мильтону, Бэкону,

Digitized by Google

Кромвелю, Гампдэну, Гогарту или Микель-Анджело. Имена литературныхъ и политическихъ знаменитостей истощились, подобно именамъ перовъ и историческихъ лицъ, и тогда должно было прибѣгнуть къ романамъ. Вотъ отъ чего такъ размножились служанки, которыхъ зовутъ Софья, Кларисса, Флора, и честные ремесленники, называемые Томомъ, Эдуардомъ, Гомфри, въ честь Софіи Уэстернъ, Флоры Макъ-Иворъ, Томъ Джонса, Эдуарда Уэверлея, Чарльса Грандиссона и Гомфри Клиппера. Наконецъ, начальники и директоры заведенія вынуждены были ограничиться своими собственными именами, и раздавали ихъ съ щедростію, которую нѣкоторые изъ ихъ тёсокъ, войдя въ лѣта, употребили во зло и надѣлали имъ непріятныхъ исторій, отыскивая родственныхъ съ ними связей.

Теперешній обычай состоитъ въ томъ, чтобы приготовлять заранѣе списки именъ, взятыхъ на удачу въ адресъ-календарѣ. Когда двухъ принятыхъ младенцевъ окрестили, то кормилицы увели ихъ съ собою на родину, давъ росписку въ полученіи ребенка и нѣкотораго количества бѣлья.

Надзирательница сдѣлала имъ наставленіе и вручила имъ по экземпляру слѣдующаго документа: »Этотъ ребенокъ, записанный въ книгу Воспитательнаго дома, подъ *такимъ-то №*, поручается тебѣ начальствомъ заведенія, которое надѣется, что ты своими объ немъ попеченіями заслужишь одобреніе мѣстнаго надзирателя. Тебѣ станутъ давать на содержаніе упомянутаго ребенка по 6-ти пенсовъ на день, и эту сумму тебѣ будутъ выдавать въ первое число каждаго мѣсяца за весь протекшій мѣсяцъ. Если ты прокормишь упомянутаго ребенка до истеченія одного года и будешь имѣть объ немъ всѣ нужныя попеченія, то, въ это время, получишь, по представленію мѣстнаго надзирателя, въ награду 25 шиллинговъ.

»На одежду ребенка, по истеченіи года, будешь брать деньгами:

Между 1-мъ и 2-мъ годомъ 15 шилл.
Между 3-мъ и 4-мъ —— 17 ——
Между 4-мъ и 5-мъ —— 18 ——

»На подъемъ и путевыя издержки до Лондона, когда придешь за ребенкомъ, получишь отъ надзирателя 2 шиллинга; за мѣсто будетъ заплачено начальствомъ заведенія.

»Тщательно сохраняй эту бумагу и привози ее всякій разъ, когда потребуютъ ребенка въ Воспитательный домъ, или когда возьмутъ его отъ тебя обратно; предписывается неотмѣнно, чтобы № ре-

Digitized by Google

бенка всегда былъ при немъ. Еслижъ опустишь эту предосторожность, у тебя отнимутъ питомца.«

Когда дѣти подростутъ и начинаютъ ходить, ихъ берутъ въ Воспитательный домъ и помѣщаютъ въ школу, въ отдѣленіе дѣтей одного съ ними возраста. Я полюбопытствовалъ осмотрѣть классы, и мы пашли около сотни мальчиковъ и дѣвочекъ, сидящихъ на полу, гдѣ они образовали нѣчто въ родѣ квадратовъ, которыми располагаются цвѣтники. Учители ходили между рядами дѣтей, разсыпая между ними азбуки и таблицу умноженія. Внезапное появленіе секретаря и надзирательницы, которые провожали меня, разсѣяло, какъ будто волшебствомъ, квадраты одушевленнаго цвѣтника. Молодыя растенія вдругъ поскакали съ мѣстъ съ пронзительнымъ крикомъ: *ура*! Одни бросились въ объятія надзирательницы, другіе кидались подъ ноги секретарю, съ плѣнительною довѣрчивостію. Что̀ касается до меня, то, кромѣ нѣсколькихъ крошечныхъ рученокъ, которыя теребили фалды моего фрака, кромѣ нѣсколькихъ едва замѣтныхъ пальчушекъ, которые тихонько щипали меня за ноги, кромѣ похищенія моей шляпы, подъ которой изчезъ ребенокъ, надѣвшій ее на голову и вѣроятно полагавшій себя навсегда лишеннымъ свѣта.... моя величественная особа возбудила очень мало вниманія.

На одномъ концѣ залы поставлены амфитеатромъ лавки, назначенныя для маленькихъ учениковъ. Онѣ служатъ также для помѣщенія оркестра духовыхъ инструментовъ, въ которомъ участвуютъ старшіе воспитанники заведенія. Эти юные музыканты, числомъ около 30-ти, именно въ эту минуту вошли въ залу; занявъ свои мѣста, они начали исполнять трудную итальянскую пьесу съ такою точностію и такимъ одушевленіемъ, что не удивительно, если судьи, болѣе меня опытные, поздравляли ихъ учителя въ письмахъ, которыя онъ сообщилъ намъ; эти свидѣтельства были подписаны синьоромъ Костою, удивительнымъ художникомъ, и г-мъ Годфри, капельмейстеромъ гвардейскихъ полковъ Его Величества. Офиклеидъ издавалъ звуки необъятной обширности и богатой модуляціи въ рукахъ маленькаго музыканта, который ростомъ былъ не выше инструмента, на которомъ игралъ. Особенно поразили насъ нѣкоторыя мѣста изъ Генделевой »*Аллилуія*«, и голоса *безымянныхъ* дѣтей показались намъ столько же полными и звучными, какъ голоса общества *кузнецовъ – гигантовъ* Бельпера, подъ руководствомъ г. Шуля. Прослушавъ »*Аллилуія*«, мы дали доказательства

Digitized by Google

нашей щедрости младшей части слушателей, столько же внимательной къ музыкѣ, какъ и мы, раздавъ имъ множество игрушекъ, которыя за ничтожную цѣну дѣлаютъ счастіе этого возраста. Мы сами были счастливы, видя, какъ эти маленькіе человѣчки сильно били въ крошечные барабанчики, дули въ крошечныя трубы, или охотничьи рога (не смотря на то, что эти трубы и рога не издавали никакого звука); другіе размахивали крошечными деревянными саблями; третьи приводили въ движеніе пѣхотные и конные полки, которымъ никогда не суждено нарушить политическаго равновѣсія Европы своими маневрами; наконецъ, еще другіе вынимали животныхъ изъ Ноева ковчега, или пускали по паркету паровозы, съ которыми никогда не бываетъ взрыва. Имъ позволили наслаждаться нѣсколько времени этими неожиданными подарками, и игры прекратились только при появленіи священника заведенія. Онъ пришелъ за однимъ изъ *большихъ* учениковъ, за первымъ кларнетистомъ въ оркестрѣ, которому исполнилось 14 лѣтъ отъ роду. Въ 14-ть лѣтъ, никакъ не позже, воспитанники оставляютъ заведеніе, чтобы избрать какое-нибудь ремесло. Первый кларнетистъ долженъ былъ въ этотъ самый день начать свое ученіе у типографа-литографировщика. Священникъ дружески положилъ ему руку на плечо и увелъ его съ собою, чтобы снабдить его нѣсколькими добрыми совѣтами касательно будущихъ его обязанностей. Но кромѣ изустныхъ увѣщаній, всѣ дѣти, выходящія изъ заведенія, получаютъ письменное наставленіе слѣдующаго содержанія:

»Ты отданъ въ ученіе начальствомъ Воспитательнаго дома. Ты былъ принятъ въ заведеніе маленькимъ, беззащитнымъ, покинутымъ на произволъ судьбы, нищимъ, сиротою. Милосердіе вскормило тебя, одѣло, научило; это все такія благодѣянія, въ которыхъ нуждаются и которыхъ не имѣютъ многіе.

»Тебя учили бояться и любить Бога, быть честнымъ, бережливымъ, трудолюбивымъ, расторопнымъ. Если ты хочешь заслужить успѣхъ въ этомъ свѣтѣ и блага въ будущемъ, то помни, чему тебя учили. Ты долженъ вести себя честно и справедливо, быть умѣреннымъ и благоразумнымъ въ желаніяхъ, оказывать всѣмъ уваженіе, но въ особенности твоему хозяину и его семейству, и исполнять всѣ его законныя приказанія со вниманіемъ и усердіемъ, съ пріятнымъ и кроткимъ видомъ. Когда ты будешь въ свѣтѣ, то тебѣ могутъ встрѣтиться различныя искушенія; но удаляйся, бѣги отъ нихъ, во что бы то ни стало. Говори всегда истину. Когда

Digitized by Google

тебѣ случится сдѣлать что-нибудь достойное порицанія, то чистосердечнымъ признаніемъ ты можешь заслужить прощеніе гораздо легче, нежели увеличивая свой проступокъ упорною ложью, которая при томъ подвергнула бы тебя строжайшему наказанію. Ложь начало всякаго зла; человѣкъ, который навыкъ во лжи, не заслуживаетъ болѣе ни вѣры, ни уваженія, ни довѣренности.

»Не стыдись того, что ты былъ воспитанъ въ благотворительномъ заведеніи. Сознавайся въ этомъ громко и говори, что ты былъ принятъ и воспитанъ тамъ дѣйствіемъ особенной отеческой благости Всемогущаго. Благодари Его за то отъ всего сердца.

»Не забывай ежедневной молитвы; будь усерденъ къ божественной службѣ. Удаляйся игры, божбы и всякихъ непохвальныхъ рѣчей. Такимъ образомъ благословеніе Божіе снизойдетъ на труды твои и ты будешь счастливъ. Иначе ты навлечешь на себя печаль, стыдъ и бѣдность.

»NB. Каждый годъ, въ праздникъ Пасхи, когда ты предъявишь свидѣтельство о хорошемъ поведеніи за протекшій годъ, комитетъ заведенія выдастъ тебѣ награду, соразмѣрную со временемъ, проведеннымъ въ ученьѣ; а при концѣ ученья, представя свидѣтельство за все протекшее время, ты получишь право на сумму 5 гиней, или другую меньшую, по усмотрѣнію комитета.«

Мы осмотрѣли классы, дортуары, кухню, прачешную, буфетъ, лазаретъ; присутствовали при обѣдѣ 400 воспитанниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ (это дѣйствіе совершается въ заведеніи съ истинно-военною точностію), но тутъ не замѣтили значительной разницы отъ общаго устройства всѣхъ благотворительныхъ заведеній.

Послѣ обѣда мальчиковъ созвали звукомъ трубы на дворъ заведенія, гдѣ они дѣлали военныя экзерциціи, и они исполнили ихъ къ величайшему удовольствію сержанта, который ихъ учитъ; онъ сказалъ намъ на ухо, что самая пѣшая гвардія не лучше маршируетъ. Я думалъ тогда, что узналъ всю исторію *безымянныхъ* дѣтей, и хотѣлъ уже удалиться, совершенно довольный всѣмъ видѣннымъ, какъ вдругъ изъ комнатъ придверника вышла женщина, очень прилично одѣтая; она пошла сказать секретарю, что »Джое пріѣхалъ на австральскія рудокопни; — Джое прислалъ ей банковый билетъ въ 10 ф. стерл.;—Джое надѣялся въ скоромъ времени прислать такой же билетъ заведенію въ знакъ своей почтительной признательности;—Джое въ непродолжительномъ времени долженъ былъ переслать достаточную сумму, чтобы она могла къ нему пріѣхать (это была жена Джое) съ своимъ сыномъ и двумя дочерьми.

Digitized by Google

Но старшая ихъ дочь вошла уже въ совершенныя лѣта и, имѣя свою волю, отказывалась ѣхать съ матерью и сестрами, потому что дала обѣщаніе въ нѣжной привязанности молодому рѣзчику, который не носилъ имени Джое. Признаюсь, во мнѣ пробудилось сильное любопытство узнать, кто такой былъ Джое,—тѣмъ болѣе, что мистриссъ Джое, казалось, была въ восторгѣ отъ того, что могла говорить о своемъ мужѣ.

Я легко получилъ изъясненіе этой маленькой домашней исторіи. Въ заведеніи существуетъ капиталъ, изъ котораго, по усмотрѣнію начальства, выдаютъ иногда заимообразно пособіе воспитанникамъ, покинувшимъ заведеніе.

Джое, подобно другимъ своимъ товарищамъ, не разъ обращался къ банку Воспитательнаго дома, хотя и вышелъ изъ заведенія въ ранней юности, чтобы вступить юнгою на одинъ изъ кораблей Нельсонова флота. Джое отвѣдалъ въ жизни удачу и горе, но всегда честно платилъ свои денежныя обязательства; за то еще разъ ссудили его деньгами, когда онъ рѣшился отправиться въ Австралію отыскивать золотые рудники. На этотъ разъ счастіе, казалось, улыбнулось ему. Радость мистриссъ Джое была заразительна; мы выразили ей все удовольствіе, которое причиняло намъ счастіе Джое, и наше желаніе, чтобы онъ могъ собрать довольно золота для себя, для мистриссъ Джое, ихъ сына, двухъ дочерей и рѣзчика. Это желаніе повторяемъ мы еще разъ; дай Боже, чтобы, при нашемъ вторичномъ посѣщеніи, мы нашли имя Джое между именами благотворителей, которые отвѣчали и отвѣчаютъ на великодушный вызовъ капитана Корама; дай Боже, чтобы *безъименныя* дѣти привѣтствовали на панеляхъ столовой его имя, съ слѣдующимъ прибавленіемъ:

»Джое.... 500 ф. стерл.«

Таково убѣжище, которымъ найденыши обязаны доброму капитану (да благословитъ Богъ его память). Тутъ получаютъ они имя и воспитаніе и дѣлаются полезными членами общества.

Воспитательный домъ теперь богатое заведеніе.

Пусть тѣ, которые прочли насъ съ нѣкоторымъ участіемъ, какъ мы, посѣтятъ заведеніе въ воскресенье послѣ обѣдни. Мы думаемъ, что, подобно намъ, они останутся довольны видомъ, пищею и помѣщеніемъ дѣтей. Быть можетъ и имъ, какъ намъ, покажется, что чиновникъ, который присутствуетъ при обѣдѣ, могъ бы имѣть наружность менѣе суровую. Видя его такимъ важнымъ, мы невольно спрашивали себя, не отниметъ ли онъ аппетита у своихъ невинныхъ го-

Digitized by Google

стей. Онъ ударяетъ также по столу молотомъ съ такою торжественностію, что напомнилъ намъ стукъ молотка у двери Донъ-Жуана, когда къ нему приходитъ каменная статуя командора. Это слишкомъ печальный сигналъ для молитвъ передъ начатіемъ и по окончаніи дѣтскаго обѣда.

Прибавимъ, что должностей начальниковъ не добиваются здѣсь избирательными интригами, какъ въ большей части благотворительныхъ заведеній нашего времени. Эти домогательства постыдны, особенно, когда поразсудишь, что дѣло идетъ о собственности бѣдныхъ, и что тѣ, которые являются такими смиренными и льстивыми, чтобы заслужить честь оффиціальнаго мѣста начальника, подвергаютъ себя эпиграммѣ, которую Жильблазъ обращаетъ къ начальникамъ мадридскихъ больницъ: »Синьоръ Мануель Ордоннецъ, господинъ мой, человѣкъ глубокой набожности.... говорятъ, что въ молодости, имѣя въ виду только пользу бѣдныхъ, онъ пекся объ нихъ съ неутомимымъ усердіемъ. Какая благодать! радѣя о дѣлахъ бѣдныхъ, онъ обдѣлалъ также и свои собственныя«.

—

Посѣщеніе парижскаго Воспитательнаго дома.

Справедливо превозносятъ понятливость парижскихъ извощиковъ; когда они не понимаютъ васъ съ одного слова, то это значитъ просто, что они не хотятъ васъ понять. На дняхъ одинъ англичанинъ, который слишкомъ плотно пообѣдалъ и хотѣлъ движеніемъ облегчить пищевареніе, садится въ фіакръ: — куда прикажете, сударь? спрашиваетъ Автомедонъ. »*Къ чорту!*« отвѣчаетъ джентльменъ. Минуту спустя карета катилась; черезъ пол-часа остановилась на углу улицы. »Какой *№*, сударь?« спрашиваетъ кучеръ черезъ плечо своего сѣдока. Джентльменъ смотритъ въ дверцы и видитъ на стѣнѣ надпись: *Адская улица*.

Я вспомнилъ про этотъ анекдотъ вчера, приказавъ отвезти себя въ эту же самую *Адскую улицу*, гдѣ изо всѣхъ столичныхъ улицъ лучше можно видѣть *небо*; тутъ находится обсерваторія, которой восточный фасадъ считается широтою Парижа. Въ одной изъ залъ этого великолѣпнаго зданія ученые начертили также и меридіанъ его. Тутъ телескопы для изученія звѣздъ, анемометръ для означенія направленія вѣтра, плювіометръ для измѣренія количества дождя, которое падаетъ ежегодно; зала, которая можетъ вмѣстить въ себѣ до 600 человѣкъ и гдѣ г. Араго читаетъ свои лекціи, наконецъ прекрасная библіотека, содержащая 45 т. томовъ.

Digitized by Google

Но сегодня я пріѣхалъ въ Адскую улицу не для того, чтобы осматривать обсерваторію, хотя экипажъ мой остановился почти напротивъ этого зданія, подъ небольшимъ трехцвѣтнымъ флагомъ, который развѣвается на концѣ остроконечнаго шеста и служитъ вывѣскою четырехъ-угольному отверстію, продѣланному въ стѣнѣ. Отверстіе, шириною около 20 вершковъ, вмѣщаетъ въ себѣ круглый черный ящикъ; это-то, что̀ называютъ *un tour* (*воротъ*, *оборотный ящикъ*) для принятія подкидышей.

Такъ какъ заведеніе всегда отворено для публики, то я позвонилъ у главныхъ воротъ, и когда они отворились, хотѣлъ изъяснить причину моего посѣщенія; но привратникъ, съ быстротою французскаго ума, угадалъ мое желаніе, прежде нежели я раскрылъ ротъ, и попросилъ меня войдти въ его комнату и присѣсть на лавку; потомъ позвонилъ самъ и прибавилъ, что сей-часъ придутъ и покажутъ мнѣ все, что̀ есть замѣчательнаго въ заведеніи.

Въ компатѣ привратника сидѣла сестра милосердія, чисто одѣтая, съ скромною и привѣтливою наружностію и смиренно занятая штопаніемъ чулковъ. Вскорѣ, по лѣвую руку отъ меня, отворилась дверь, и я увидѣлъ почтенную женщину, которая, не входя въ комнату, сдѣлала мнѣ знакъ за нею слѣдовать. Лишь только я переступилъ за порогъ, какъ очутился на обширномъ четвероугольномъ дворѣ, нѣкогда принадлежавшемъ монастырю ораторіянцевъ и окруженномъ зданіями нынѣшняго заведенія. Въ центрѣ фасада трехъ-этажнаго дома блистали башенные часы—эмблема порядка и правильности, которую можно видѣть на всѣхъ парижскихъ общественныхъ зданіяхъ.

Въ лѣвомъ флигелѣ, на двухъ параллельныхъ дверяхъ были надписи: »*контора*,« »*казначейство*.« Въ правомъ находилась церковь съ двумя рядами оконъ.

20-ть лѣтъ тому назадъ во Франціи считалось не менѣе 296 Воспитательныхъ домовъ, гдѣ, безъ малѣйшихъ предварительныхъ справокъ, принимали бѣдныхъ дѣтей, не рѣдко носимыхъ по улицамъ въ плетенкѣ коммиссіонера, которому поручено было собирать ихъ. Въ 1832 году необыкновенная смертность, замѣченная между найденышами, и другія, равно важныя причины, заставили ограничить пріемъ. Потребовали, чтобы не приносили ни одного ребенка безъ свидѣтельства объ его »оставленіи«, подписаннаго полицейскимъ чиновникомъ, который имѣлъ позволеніе пожурить мать, или другую

Digitized by Google

особу, покидающую ребенка, но не имѣлъ права отказать въ свидѣтельствѣ, котораго отъ него требовали. Это ограниченіе уменьшило число пріютовъ для подкидышей до 152-хъ; но оно такъ было противно общему мнѣнію, что въ 1848 году, изъ 55 генеральныхъ совѣтовъ 44 подали голосъ за уничтоженіе мѣры. Вслѣдствіе этаго теперь дѣтей опять кладутъ въ *вороты* (tour), какъ до 1833 г. Заведеніе не только обязано принимать дѣтей всѣхъ матерей, которыя объявляютъ невозможность держать ихъ у себя; но сверхъ того постановленіемъ присвоиваетъ право поступленія въ заведеніе сиротамъ (отъ 12 до 14 лѣтъ) и дѣтямъ всякой особы, которая можетъ доказать недостаточность способовъ прокормить ихъ.

Здоровыхъ дѣтей, почти немедленно по принятіи, разсылаютъ по деревнямъ и раздаютъ женщинамъ, которыя обязываются кормить ихъ за 4 франка въ мѣсяцъ; эта сумма постепенно возвышается до 8 фр., если дѣти подростутъ у нея въ домѣ. Извѣстно, что не разъ молодая мать, покинувши свое дитя, обращается въ Воспитательный домъ, въ который она его помѣстила, съ просьбою — дать ей питомца, и въ надеждѣ, — быть можетъ, сама того не зная, — подражать матери Моисея и заставить публичное милосердіе играть роль дочери Фараона.

Я уже имѣлъ нѣкоторое понятіе объ этихъ подробностяхъ, когда послѣдовалъ за своею путеводительницею; она ввела меня въ обширную и длинную залу, называемую »*ясли*« (la crichе). Тамъ, какъ я и ожидалъ, увидалъ я, прежде всего, голову ребенка, которая качалась на-право и на-лѣво въ рукахъ женщины; потомъ рядомъ съ нею 15 другихъ малютокъ, которые, подобно первому, вертѣли головами, или спали на рукахъ 15 поселянокъ, спокойно сидящихъ на стульяхъ. Причина этаго почти безпрестаннаго волненія состояла въ томъ, что одна голова дѣтей оставалась свободною, между тѣмъ какъ все тѣло ихъ было стянуто пеленками и увито свивальниками, какъ мумія, или какъ вѣтвь дерева, сжатая своею корою. Многія изъ крестьянокъ показались мнѣ довольно пожилыми, и могли быть бабушками своихъ питомцевъ, поэтому я ни мало не удивился воплямъ и крику дѣтей. Однажды, музыка казалась мнѣ болѣе шумною, нежели сколько должно было ожидать отъ числа пѣвцовъ; вскорѣ я открылъ тому причину, замѣтивъ хоръ, сначала для меня невидимый, который находился въ нѣкоторомъ родѣ корыта или колоды на оконечности линіи и состоялъ изъ 12 ребенковъ въ черныхъ шапочкахъ; этимъ малюткамъ не было еще недѣли, и они плотно ле-

Digitized by Google

жали одинъ возлѣ другаго, какъ клавиши на фортепіано! Какіе фортепіаны!

Никогда еще не случалось мнѣ видѣть такого множества дурныхъ дѣтскихъ лицъ, смуглыхъ, красныхъ, темныхъ, и которыя всѣ вмѣстѣ не только кричали, но дѣлали невообразимыя гримасы, какъ-будто бы ротъ ихъ на мѣсто молока, въ которомъ они нуждались, наполненъ былъ ревенемъ, ялапомъ, алоемъ, горчицею, однимъ словомъ, всѣми возможными аптекарскими снадобьями. Кажется, не было ни малѣйшей надежды успокоить ихъ; просто, было отъ чего придти въ отчаяніе. Когда начиналъ одинъ, другіе немедленно подхватывали, и т. д. Если же, на минуту, они умолкали, какъ ураганъ передъ новымъ и сильнѣйшимъ порывомъ, то въ этихъ маленькихъ существахъ, вынужденныхъ къ краткому промежутку молчанія недостаткомъ дыханія, проглядывало такое горестное выраженіе, что я весь былъ проникнутъ жалостію. Увы! я одинъ испытывалъ чувство сострадания и обращалъ на нихъ вниманіе. Каждая изъ 16 кормилицъ занималась только своимъ питомцемъ и старалась усыпить его, раскачивая то на право, то на лѣво, то взадъ, то впередъ.

Моя путеводительница, которая никакъ не могла понять, что такое меня тутъ удерживало, нѣсколько разъ покушалась увести меня далѣе, чтобы показать мнѣ то, что, по ея мнѣнію, было несравненно занимательнѣе; но не смотря на ея повторенныя убѣжденія, я оставался погруженнымъ въ это зрѣлище до тѣхъ поръ, пока наконецъ, оторвавшись отъ созерцанія 12 кандидатовъ на пищу, я сдѣлалъ послѣдній вопросъ касательно клочка бумажки, пришитаго къ шапочкѣ каждаго ребенка. Это былъ №, подъ которымъ онъ записанъ въ реэстрахъ заведенія. Тутъ же упомянутъ день, или ночь, и часъ его прибытія. Слишкомъ часто случается, что этимъ числомъ и ограничивается все, что только извѣстно изъ жизни маленькихъ несчастливцевъ.

Паркетъ комнаты, по которой я проходилъ, былъ такъ хорошо натертъ, что я едва не упалъ, хотя у меня не было на рукахъ ребенка. Стараясь возстановить равновѣсіе, я увидалъ, что нахожусь среди цѣлаго сонма дѣтей. Дѣйствительно, я насчиталъ тутъ не менѣе 120 желѣзныхъ колыбелей, которыя всѣ были заняты. Возлѣ колыбелей я замѣтилъ множество женщинъ, которыя держали рожки, назначенные замѣнить для питомцевъ материнскую грудь. На концѣ возвышалось изваянное изображеніе Того, Кто сказалъ: »Sinite parvulos venire ad me«

Digitized by Google

потомъ путеводительница моя провела меня въ залу, гдѣ на одной сторонѣ находился рядъ колыбелей, а на другой рядъ кроватей для кормилицъ. За этой слѣдовала еще комната, въ которой было только 38 колыбелей. Я стоялъ уже на порогѣ, когда провожавшая меня женщина сказала мнѣ, что тутъ лежали дѣти, страдавшія всякаго рода глазными болѣзнями. При этомъ извѣщеніи я поскорѣй воротился назадъ и не хотѣлъ войдти *). Потомъ, не изъясняя причины моего страха, съ большею храбростію перешелъ черезъ длинную лазаретную залу, наполненную колыбелями съ голубыми занавѣсками, гдѣ всѣ малютки лежали въ кори. Но пусть успокоится читатель; я не стану описывать непріятнаго концерта чиханій, кашля, пронзительныхъ, или хриплыхъ воплей, которые меня тутъ привѣтствовали.

Изъ оконъ этой залы я замѣтилъ еще два флигеля, которые также надѣялся осматривать; но моя вожатая сказала, что они предоставлены взрослымъ дѣтямъ и что туда не водятъ посѣтителей. Въ замѣну, она не безъ гордости показала мнѣ прачешную, сушильню скотный дворъ, обширные сады и сарай съ 30-ю желтыми омнибусами, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣститься до 16-ти кормилицъ (именно то число женщинъ, которое я видѣлъ въ залѣ, и которыя дожидались часа отъѣзда). Въ этихъ омнибусахъ отвозятъ ихъ на станцію желѣзной дороги, откуда онѣ возвращаются къ себѣ, каждая съ полученнымъ ею питомцемъ.

Я узналъ, что заведеніе въ 1851 г. приняло около 5 т. дѣтей, не считая 1500, принадлежащихъ женщинамъ, принужденнымъ лечь въ больницу, гдѣ онѣ не могли кормить дѣтей своихъ, взятыхъ на это время въ заведеніе. Пять тысячь дѣтей, принятые окончательно, кормятся и воспитываются на счетъ заведенія до 21 года, если до тѣхъ поръ не поступили въ ученіе или не пристроились какимъ-нибудь другимъ образомъ. Кромѣ необходимаго числа прислуги и кормилицъ, тутъ находятся 34 сестры милосердія, три монаха изъ христіанскихъ школъ и главный надзиратель. Весь расходъ заведенія простирается до 1,318,118 ф. р. (Отчетъ 1848 года). Посѣщеніе мое окончилось тѣмъ, съ чего должно бы начаться, — съ воротa (tour). Сперва мнѣ представилась только небольшая черная доска,

*) Сиръ Фр. Гэдъ пріѣзжалъ въ Парижъ совѣтоваться съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ парижскихъ главныхъ врачей.

Digitized by Google

но обернувши ее *), я увидѣлъ подушку, набитую соломою и покрытую полинялою зеленою матеріею. Эта подушка возбудила во мнѣ движеніе глубокаго и горестнаго умиленія. Какъ! здѣсь, на этомъ логовищѣ парижскія матери кладутъ ребенка, съ которымъ на вѣки разстаются. Найдется ли какая мать, изъ самаго низкаго разряда тварей, въ которой подобное дѣйствіе не возмутило бы всѣхъ чувствъ! И вотъ все, что придумало просвѣщеніе, приходящее на помощь несчастнымъ, которымъ стыдъ или нищета запрещаютъ сознаться въ священномъ званіи метери. Для извѣщенія дежурнаго чиновника звонятъ, положивъ ребенка въ воротъ; но иногда присутствіе его возвѣщается одними воплями. Понятно, что много матерей не имѣютъ силъ позвонить. Наконецъ, какимъ бы образомъ ребенокъ ни вступилъ въ заведеніе, но главное сдѣлано. Онъ принятъ.... Его вынимаютъ изъ ворота, привязываютъ ему №, и утромъ на другой день крещеніе даетъ ему имя.

(*A faggot of French Stieks*).

—

Эти двѣ статьи, касающіяся предметовъ такой высокой занимательности во всѣхъ отношеніяхъ, въ религіозномъ, нравственномъ и статистическомъ, принадлежатъ двумъ англійскимъ писателямъ: первая — знаменитому Диккенсу, вторая — сэръ Френсисъ Гэду, который недавно путешествовалъ по Франціи. Читая эти два небольшіе очерка, невольно переносишься въ умѣ къ великолѣпному заведенію въ томъ же родѣ, заведенію, которымъ Царское милосердіе одарило наше отечество!.... Сколько глубокихъ чувствъ и сколько разнообразныхъ, богатыхъ мыслей пробуждаетъ подобное сближеніе! Одна цѣль, одно божественное вдохновеніе руководило основателей, но какая разница, — во 1-хъ, въ самой исходной точкѣ, въ образѣ основанія! Во Франціи, мужъ святой жизни, тронутый воплями *сироты съ минуты рожденія*, — уноситъ ихъ подъ полою собственной расы и звуками сердечнаго краснорѣчія пробуждаетъ жалость и сочувствіе въ сердцахъ благородныхъ дамъ, изъ которыхъ одна, безупречныя въ жизни и совѣсти, другія, можетъ быть, тайно укоряемыя внутреннимъ чувствомъ при видѣ несчастныхъ заброшенныхъ малютокъ, — спѣшатъ добровольными приношеніями способствовать ихъ спасенію. Въ Англіи — странное явленіе! — также

*) *En tournant*, откуда *tour*.

Digitized by Google

человѣкъ одинокій и безсемейный, но грубый, суровый по наружности, морякъ, испытанный всѣми превратностями судьбы, закаленный въ буряхъ и опытахъ жизни, въ свои праздныя прогулки по берегу рѣки умиляется надъ судьбою брошенныхъ на погибель созданій! У насъ же не нужно было раздаваться голосу святаго мужа, чтобы возбуждать частныхъ людей къ состраданію и пожертвованіямъ; — у насъ примѣръ жалости и благотворительности сошелъ свыше! Первая державная Жена огромнаго государства, мать безчисленныхъ подданныхъ, обожавшихъ ее, сама кладетъ основаніе этому истинному пріюту высокой благотворительности, и съ щедростію Царицы, равно какъ и съ заботливостію матери, отсыпаетъ часть своихъ сокровищъ на обезпеченіе — не только нуждъ, но и всѣхъ прихотей дѣтства, но и всей будущей судьбы питомцевъ. За то, если мы видимъ такую разницу въ основаніи и въ средствахъ, такая разница и въ исполненіи, и въ образѣ управленія и ходѣ дѣлъ! Какой громадный объемъ принялo это заведеніе! Какъ процвѣло, и въ какихъ широкихъ, гигантскихъ размѣрахъ раскинулось это колоссальное заведеніе Россійскаго Императорскаго Воспитательнаго Дома! это вѣковое дерево, подобное чудовищнымъ африканскимъ блобабамъ, далеко раскинувшимъ мощныя вѣтви, шириною и толщиною подобныя первоначальному стволу, дерево, подъ тѣнь котораго прибѣгаютъ и укрываются множество поколѣній! Какъ жаль, что лица, имѣющія въ рукахъ всѣ матеріалы касательно этаго единственнаго въ мірѣ заведенія, всѣ способы и средства употребить ихъ въ дѣло, и нужныя дарованія, чтобы соединить ихъ въ одно цѣлое необыкновенной занимательности, не воспользуются ими и не подарятъ публикѣ и потомству письменный памятникъ для изображенія гигантскаго памятника, достойнаго высокой души Монархини, его основавшей! Какой живой, глубокій и необъятный интересъ имѣло бы для всѣхъ Русскихъ и даже для иностранцевъ подобное произведеніе, когда уже съ участіемъ и удовольствіемъ читаютъ иностранныя статьи, касающіяся до заведеній, которыя въ сравненіи съ нашимъ Воспитательнымъ домомъ то же, что маякъ на скалѣ съ пламенемъ, поддерживаемымъ невѣрною рукою человѣка, передъ великолѣпнымъ свѣтиломъ, стройно совершающимъ свое теченіе въ небѣ, гдѣ оно поставлено рукою Вседержителя!

Для дополненія этихъ двухъ отрывковъ о предметѣ, котораго занимательность, повторяемъ, кажется намъ неистощимою, приве-

Digitized by Google

демъ нѣсколько строкъ изъ статьи, напечатанной въ судебной газетѣ г. Карменемъ въ защиту *воротовъ* (*tours*).

Онъ называетъ вопросъ о воротахъ (tours) *католическимъ*, забывая, что добрый капитанъ Корамъ былъ протестантъ, а другіе, еще высочайшіе образцы благотворительности — православные. Мы, не причастные духу сектъ и партій, приводя его слова, назовемъ его просто *религіознымъ*.

»Вопросъ о воротахъ (des tours) - религіозный, говоритъ онъ, потому, что это—учрежденіе, пользующееся всею любовію народа, учрежденіе полное милосердія, любви, преданности, безкорыстное, таинственное, и потому, что оно такъ хорошо удовлетворяетъ всѣмъ нѣжнымъ и сокрытымъ чувствамъ души. Онъ религіозный потому, что, за долго до св. Винцента де Поля, и еще въ 422 г., соборы Арльскій и Ванзонскій разрѣшили класть въ церквахъ новорожденныхъ и предписали церковникамъ принимать ихъ. Онъ религіозный потому, чт. св. Винцентъ де Поль давалъ ангельскихъ сестеръ милосердія матерями дѣтямъ, которыя не знали своихъ матерей. Онъ религіозный въ томъ смыслѣ, что въ глазахъ язычника ребенокъ былъ ничто иное, какъ вещь; въ глазахъ новѣйшихъ матеріалистовъ, ребенокъ — цифра; но передъ очами вѣры ребенокъ есть созданіе Божіе, носящее Его благословеніе. Онъ религіозный (католическій) потому, что монахини, которыхъ нѣтъ у протестантовъ, принимаютъ на свои материнскія руки плачущихъ дѣтей, — монахини, которыя женщины, и женщины снисходительныя и скромныя, — понимаете ли вы? для того, чтобы скрыть стыдъ матерей, — а не большіе и маленькіе чиновники, которые, конечно, дѣлаютъ, что могутъ, но которые ничего не разумѣютъ ни въ материнскомъ чувствѣ, ни въ новорожденныхъ, ни въ стыдѣ, ни въ тайнѣ. Онъ религіозный, потому, что съ закрытіемъ воротовъ размножится подкидываніе, дѣтоубійство, т.-е. смерть безъ разрѣшенія, между тѣмъ какъ пріемъ въ Воспитательный домъ новорожденныхъ ведетъ за собою немедленное отправленіе таинства св. крещенія. Онъ религіозный, потому, что лучше, чтобы заведеніе однажды, случайно, приняло (большое несчастіе!) законнорожденнаго ребенка, порученнаго его милосердію нищетою, или заблужденіемъ матери въ отчаяніи, нежели подавать поводъ къ ужасному преступленію и сраму истребленія младенцевъ въ чревѣ матерей. Онъ религіозный, потому, что, что вы ни дѣлайте со всѣми прекрасными вашими административными мѣрами, одна вѣра науче-

Digitized by Google

ніемъ и милосердіемъ можетъ умепьшить слишкомъ большое число незаконныхъ дѣтей: наученіемъ, врачуя испорченность ума и сердца, и милосердіемъ, умиляя богатыхъ надъ нищетою бѣдныхъ. Наконецъ — онъ религіозный, и это такъ справедливо, что нѣтъ во Франціи священника, который не противился бы уничтоженію воротовъ, — потому что, если ихъ уничтожить, то должно будетъ оставить дѣтей на попеченіе незамужнихъ матерей ихъ. Не понятно ли, что тогда произойдетъ? Что такія матери, воспитывая дѣтей своихъ, сообщатъ имъ-то именно ту религію, которую сами исповѣдуютъ, т.-е. не научатъ никакой вѣрѣ, никакимъ правиламъ, и обрекутъ ихъ съ младенчества на жизнь безпорядка и безславія....

Заключимъ эти слова повтореніемъ желанія нашего, чтобы люди, способные къ тому по своему положенію, вліянію и дарованіямъ, сами, или выбравъ людей достойныхъ замѣнить ихъ, посвятили, съ любовію и желаніемъ добра, свои труды вопросу, который занимаетъ теперь всю Европу и который заслуживаетъ возбудить участіе во всякомъ человѣкѣ, одаренномъ чувствомъ и мыслію.

1853 года, іюня 8-го. Москва.

ЕЩЕ ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Самому мнѣ удивительно, что я, школьный учитель небольшаго уѣзднаго городка, учитель, не издавшій даже ни одной хрестоматіи, и слѣдовательно человѣкъ не имѣющій никакого авторитета ни въ литературномъ, ни въ ученомъ мірѣ, рѣшаюсь замѣчать ошибки *противъ правилъ* русскаго языка, *встрѣчаемыя*.... ухъ! страшно и подумать! въ нашихъ журналахъ, *въ* этихъ представителяхъ всей нашей литературы!....

Найдутся, или покрайней мѣрѣ могутъ найдтись — люди, которые мнѣ скажутъ — или покрайнѣй мѣрѣ могутъ сказать, — что самъ я и въ самомъ началѣ моего листка, *направленнаго*.... опять ошибка: листокъ не можетъ быть направленъ.... *возстающаго* — листокъ не можетъ возставать.... *пишущагося* — листокъ не можетъ писаться, а его кто-нибудь пишетъ.... и такъ просто: моего листка (это и правильнѣе и короче) сдѣлалъ уже двѣ ошибки *въ*

Digitized by Google

русскомъ языкѣ: 1) мнѣ могутъ замѣтить, что ошибку дѣлаютъ *въ чемъ-нибудь*, а не *противъ чего-нибудь*, и что слѣдовательно мнѣ надобно было сказать: рѣшаюсь замѣчать ошибки не *противъ* правилъ русскаго языка, а *въ* правилахъ русскаго языка. Я такъ и думалъ сказать, я даже долго думалъ надъ этимъ оборотомъ, (не объ этомъ ли оборотѣ?); но если бы я сказалъ: рѣшаюсь замѣчать ошибки *въ* правилахъ русскаго языка, тогда бы этотъ оборотъ могъ имѣть такой смыслъ, что я какъ будто бы замѣчаю ошибки, *существующія* или *вкравшіяся* въ правила русскаго языка, — и это, по моему мнѣнію, выходило бы еще неправильнѣе уже по самой двусмысленности фразы. Я рѣшился выбрать изъ двухъ золъ меньшее. 2) Мнѣ могутъ замѣтить, что, говоря объ ошибкахъ представителей, нельзя сказать: ошибки, встрѣчающіяся *въ* представителяхъ, а надобно говорить: у представителей; что, слѣдовательно, сказавъ: ошибки, встрѣчающіеся въ нашихъ журналахъ, *въ* этихъ представителяхъ нашей литературы,—я сказалъ неправильно, и что надобно было бы сказать: ошибки, встрѣчающіяся въ нашихъ журналахъ, *у* этихъ представителей и проч. Я знаю, что есть *пуристы* удивительно придирчивые!....

Но перейдемъ къ журналамъ и ихъ ошибкамъ, которыя гораздо важнѣе моихъ, т. е. важнѣе не въ томъ смыслѣ, что журналы дѣлаютъ ошибки болѣе важныя, чѣмъ дѣлаю я, но важнѣе по послѣдствіямъ.

Прежде мнѣ казалось, что противъ журналовъ, которые издаются въ столицахъ, и въ которыхъ участвуютъ всѣ наши литературныя и ученыя знаменитости, нашему брату

Какъ можно смѣть
Свое сужденіе имѣть!

Въ этомъ мнѣніи еще больше поддерживалъ меня нашъ уѣздный казначей, который, пополамъ съ судьей, прежде выписывалъ Московскія Вѣдомости и Библіотеку для Чтенія, потомъ Московскія Вѣдомости и Отечественныя Записки, а теперь выписываетъ Московскія Вѣдомости и Современникъ. Какъ литературный дилетантъ, какъ человѣкъ, идущій рука объ руку съ нашей журналистикой, казначей считается у насъ въ городѣ литературнымъ оракуломъ. Чувствуя свое превосходство по этой части надъ всѣми своими согражданами, онъ, разумѣется, очень любитъ поговорить о литературѣ, любитъ поставить въ тупикъ своимъ литературнымъ вопро-

Digitized by Google

сомъ, своимъ смѣлымъ мнѣніемъ, своимъ полнымъ одобреніемъ всякому нововведенію, не разбирая даже слишкомъ строго, худо ли, хорошо ли оно.

Когда еще казначей получалъ Библіотеку для Чтенія, онъ однажды поподчивалъ меня табакомъ и потомъ спросилъ очень значительно:—

— А чего вы это понюхали?

— Разумѣется табаку, отвѣчалъ я, поглядывая на него съ удивленіемъ.

— Табаку.... табаку.... повторилъ казначей; отчего же не табака? Вѣдь мѣстоимѣнія: *кого*, *чего*, кажется, требуютъ родительнаго падежа, а не дательнаго, — слѣдовательно надобно говорить табака, а не табаку.

— Нѣтъ правила безъ исключенія, замѣтилъ я.

— Такъ вы считаете это только исключеніемъ, а не общимъ правиломъ? спросилъ казначей засмѣявшись.

— Конечно.

— Хорошо! хорошо! продолжалъ онъ съ какимъ-то внутреннимъ торжествомъ; а подлѣ чего, на примѣръ, стоятъ вотъ эти дрожки?— Изъ окна былъ виденъ заборъ, подлѣ него стояли дрожки.

— Подлѣ забора, отвѣчалъ я.

— Анъ подлѣ забору, возразилъ казначей.

— Почему же это!

— Да потому же, почему вы сей-часъ сказали табак*у*, а не табак*а*.

— Но ужь я вамъ замѣтилъ, что это исключеніе.

— А я вамъ говорю, что это вовсе не исключеніе, а общее правило: эти дрожки стоятъ подлѣ забор*у*, а не подлѣ забор*а*; вонъ священникъ идетъ изъ собор*у*, а не изъ собор*а*; вонъ судья выходитъ изъ своего дом*у*, а не изъ своего дом*а*.

— Но откуда жь вы взяли эти правила? спросилъ я засмѣявшись въ свою очередь; изъ какой грамматики?

— Изъ грамматики! отвѣчалъ казначей съ презрѣніемъ: стану я брать правила изъ вашихъ грамматикъ! Вотъ откуда надобно брать вамъ правила, господа увздные педагоги, прибавилъ онъ, ударивъ рукой по толстой книжкѣ Библіотеки для Чтенія. Согласитесь, что тѣ, которые издаютъ этотъ журналъ, знаютъ больше нашего.

Тутъ онъ раскрылъ книжку Библіотеки, и не больше какъ на одной страницѣ указалъ мнѣ покрайней мѣрѣ десять примѣровъ употребленія дательнаго падежа вмѣсто родительнаго.

Digitized by Google

Противъ такого авторитета, какимъ пользовалась тогда Библіотека, спорить было нельзя. Черезъ недѣлю весь нашъ городъ и писалъ и говорилъ по новому правилу, а я ввелъ его въ мой учебный курсъ.

Послѣ, когда уже казначей получалъ Отечественныя Записки, онъ вдругъ озадачилъ меня слѣдующимъ вопросомъ: скажите-ка мнѣ, какіе есть въ Петербургѣ театры?

Я назвалъ ему Большой театръ, Михайловскій, Александринскій.

— Большой и Михайловскій театръ дѣйствительно есть въ Петербургѣ, отвѣчалъ онъ, но Александринскаго нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! развѣ онъ сгорѣлъ?

— Да развѣ то, чего нѣтъ, можетъ сгорѣть? спросилъ казначей въ свою очередь. Александринскаго театра въ Петербургѣ нѣтъ, да никогда и не бывало.

Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Не понимаете?

— Рѣшительно не понимаю.

— Александринскаго театра нѣтъ, сударь, въ Петербургѣ, а есть театръ Александрынскій.

Я все еще ничего не понималъ.

— Да знаете ли вы, продолжалъ казначей, не давая мнѣ опомниться отъ моего изумленія, что въ Петербургѣ даже вовсе нѣтъ петербургскихъ театровъ?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ я, совершенно ставъ въ тупикъ.

— Въ Петербургѣ, сударь, есть театры только петербуржскіе, но никакъ не петербургскіе.

Казначей раскрылъ книжку Отечественныхъ Записокъ, и я долженъ былъ сознаться, что Александринскій театръ дѣйствительно надобно называть Александрынскимъ, а вмѣсто петербургскаго говорить петербуржскій.

И въ нарѣчіи нашего города, и въ моемъ учебномъ курсѣ опять послѣдовали измѣненія. Я такъ же безпрекословно повиновался журналамъ, какъ и нашъ казначей.

Такъ шло долго, шло именно до тѣхъ поръ, пока наконецъ г. Покровскій своимъ »Памятнымъ Листкомъ ошибокъ въ Русскомъ языкѣ« не доказалъ мнѣ, что и въ провинціи можно писать очень дѣльныя замѣчанія на слогъ столичныхъ журналовъ. Отдавая полную справедливость этимъ замѣчаніямъ, я однакожъ нахожу въ нихъ два недостатка: 1) иногда г. Покровскій доводитъ свой пуризмъ до излишества, а крайности, какъ извѣстно, вредны во всемъ. 2) За-

Digitized by Google

мѣчая *ошибки въ русскомъ языкѣ, встрѣчаемыя въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей*, г. Покровскій говоритъ объ ошибкахъ, встрѣчаемыхъ во всѣхъ русскихъ журналахъ, кромѣ Москвитянина.

Вотъ образчикъ черезъ-чуръ строгаго пуризма г. Покровскаго: »*Чувство, чувствованіе*. Вотъ два слова, говоритъ онъ, которыя у насъ ошибочно смѣшиваютъ между собою *). Объяснимъ значеніе того и другаго. — Чувствъ у насъ, какъ извѣстно, пять. Вотъ только въ отношеніи къ нимъ и употребляется слово *чувство*, т. е. тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о физическомъ ощущеніи. Вездѣ же, гдѣ говорится о сердечномъ, душевномъ, мѣсто *чувствованію*. Такимъ образомъ: »Это человѣкъ съ *чувствомъ*; она говоритъ, играетъ съ *чувствомъ*« — фразы фальшивыя, и должно выражаться: это человѣкъ съ *чувствованіемъ*; она говоритъ, играетъ съ чувствованіемъ.« (Москвит. № 24 1852 года, отд. VIII, стран. 207 и 208).

Мы постоянно говоримъ и пишемъ: »это человѣкъ съ чувствомъ; она говоритъ, играетъ, поетъ съ чувствомъ«, — и каждый изъ насъ очень хорошо понимаетъ, что здѣсь слово *чувство* означаетъ чувство душевное и сердечное, а никакъ не физическое; зачѣмъ же намъ стѣснять смыслъ этаго слова и замѣнять его другимъ, т. е. *чувствованіемъ*, которое и болѣе растянуто и болѣе тяжело? Еслибы кто-нибудь сказалъ въ порядочномъ обществѣ: »это человѣкъ съ *чувствованіемъ*, она поетъ съ большимъ *чувствованіемъ*« — тотъ бы непремѣнно или разсмѣшилъ всѣхъ, или заставилъ бы подумать, что самъ онъ говоритъ съ насмѣшкою. Если бы кто-нибудь написалъ то же самое — его слогъ сильно бы отозвался слогомъ семидесятыхъ годовъ. Да и на какомъ же основаніи г. Покровскій утверждаетъ, что слово *чувство* употребляется только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о физическомъ ощущеніи, а вездѣ, гдѣ говорится о сердечномъ, душевномъ, мѣсто *чувствованію*? Если я, напримѣръ, чувствую горечь во рту, мнѣ кажется, что гораздо правильнѣе назвать это ощущеніе чувствованіемъ горечи во рту, чѣмъ *чувствомъ* горечи во рту, — а это *чувствованіе* вовсе не сердечное и не душевное. Я, по моему крайнему уразумѣнію, думаю, что слово *чувство* выражаетъ всякое чувство, данное природой какъ тѣлу нашему, такъ

*) Если ужъ пошло на пуризмъ, такъ и здѣсь слова: *между собою* употреблены неправильно: *между собою* можно только смѣшиваться; но если смѣшиваетъ какія-нибудь вещи третье лицо, такъ ужь смѣшиваетъ ихъ *одну съ другой*, а никакъ не *между собой*, потому что само оно, т. е. третье лицо, въ эту смѣсь не мѣшается.

Digitized by Google

и душѣ, на примѣръ: чувство слуха, чувство осязанія, чувство любви, ненависти, раскаянія и т. д.; а слово *чувствованіе* выражаетъ ощущенія, получаемыя нами отъ вліянія на насъ постороннихъ предметовъ, на примѣръ: чувствованіе ушиба, тепла, холода и т. д.; слѣдовательно г. Покровскій, раздѣляя эти слова между собою, далъ имъ въ своемъ раздѣленіи совершенно превратный смыслъ.

Прошу у читателей извиненія за этотъ длинный *трактатъ* о словахъ: *чувство и чувствованіе*, напоминающій, — замѣчу мимоходомъ, — знаменитый трактатъ *о пискаряхъ* знаменитаго члена Пиквикскаго клуба, и съ тѣмъ вмѣстѣ спѣшу прибавить, что всѣ остальныя замѣтки г-на Покровскаго, напечатанныя въ той же книгѣ Москвитянина, совершенно справедливы и дѣльны какъ нельзя больше.

Теперь перейду къ другому недостатку »Памятнаго Листка,« къ тому, что въ немъ г. Покровскій не указываетъ ни на одну ошибку писателей, помѣщающихъ свои статьи въ Москвитянинѣ. Между тѣмъ какъ самъ редакторъ его въ примѣчаніи своемъ къ одному изъ »Листковъ« г-на Покровскаго говоритъ вотъ что:

»Авторъ обѣщалъ доставлять намъ ежемѣсячно по подобному листку.—Мы просимъ его не исключать отнюдь изъ своей рецензіи Москвитянина, потому что сознаемъ у себя ошибокъ не менѣе другихъ журналовъ, хотя стараемся избѣгать ихъ. Большинство литературное, надо признаться, ослабѣло въ знаніи русскаго языка, и и печатая по двѣ книги въ мѣсяцъ, мудрено исправить все, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ мы не имѣемъ даже права. Авторы irascibile genus!« (Москвит. № 21, 1852 г., отд. VIII, стр. 209).

Вслѣдствіе этого-то вызова, доказывающаго вполнѣ благонамѣренность и безпристрастіе почтеннаго редактора Москвитянина, я и рѣшился сдѣлать то, чего не сдѣлалъ до сихъ поръ г. Покровскій, т. е. замѣтить нѣкоторыя ошибки, попавшіяся мнѣ въ Москвитянинѣ, и послать мою статью въ тотъ же самый журналъ.

Тотъ, кто будетъ отыскивать ошибки съ увеличительнымъ стекломъ придирчивой критики, можетъ всегда и вездѣ найдти ихъ многое множество. Я нисколько не старался отыскать побольше ошибокъ въ Москвитянинѣ; даже и теперь, когда я пишу мою статью, я никакъ не намѣренъ принимать на себя этотъ трудъ, а замѣчу только тѣ ошибки, которыя сами собой попались мнѣ на глаза, при самомъ бѣгломъ просмотрѣ нѣкоторыхъ книжекъ, и которыя остались у меня въ памяти. Поэтому замѣтки мои будутъ коротки и нисколько не послѣдовательны.

Digitized by Google

Неправильная разстановка словъ. »Кратковременное австрійское владычество надъ Неаполитанскимъ королевствомъ началось и кончилось въ такой промежутокъ времени, въ который австрійская администрація *только* существовала *даже* относительно собственной Австріи (Москвит. 1852 г., № 24, Горцы Абруццо, стран. 183). Въ этой фразѣ слова: *только* и *даже*, поставленныя не на мѣстѣ, совершенно затемняютъ смыслъ. Перенесите ихъ такъ: »Австрійская администрація существовала *только* относительно *даже* собственной Австріи«, и тогда смыслъ будетъ понятенъ.

Напоминаютъ, похожи. Иногда эти слова неправильно употребляютъ одно вмѣсто другаго. Вотъ примѣръ: »за то они сражались съ мужествомъ древней Италіи, которое посреди малодушія новой *напоминаетъ* памятники, увезенные изъ Греціи для украшенія англійскихъ парковъ. Эти памятники сохранили свое изящество; но кругомъ ихъ нѣтъ ничего греческаго ни въ людяхъ, ни въ вещахъ, ни въ цвѣтѣ неба.« (Тамъ же). Если бы здѣсь вмѣсто: *напоминаетъ памятники*, было сказано: *похоже на памятники*, тогда вся фраза была бы очень ясна, между тѣмъ какъ теперь надобно добираться до ея смысла, не говоря ужь о той непріятной *какофоніи*, которая происходитъ отъ столкновенія словъ: *напоминаютъ памятники.*

Я могъ бы изъ той же статьи привесть еще въ примѣръ чистой безсмыслицы слѣдующую фразу: »тѣ и другіе, принявши имя абруццкихъ горцевъ, сохранили враждебное чувство къ городамъ, способъ постройки бѣдный и ломкій« (?), но подобные промахи я готовъ скорѣй приписать корректорскому недосмотру, чѣмъ невѣденію писавшаго статью и недосмотру редакціи.

Плеоназмы. »Но за то всѣ, рѣшительно всѣ и всегда, понесутъ въ самихъ себѣ *утѣшительную отраду*« (Москвит. 1853 г., № 3, концертъ и балъ съ сюрпризами, стр. 89). Когда я показалъ эту фразу нашему казначею, онъ нашелъ, что тутъ есть нѣкоторая игра словъ, т. е., что вмѣсто *утѣшительной отрады*, можно сказать *отрадное утѣшеніе*—и смыслъ фразы нисколько отъ того не измѣнится. Онъ нашелъ, что это очень хорошо, но я съ нимъ не совсѣмъ согласенъ, и по моему мнѣнію, это ужь еще больше непростительный плеоназмъ, чѣмъ *врожденные инстинкты*, о которыхъ говоритъ г. Покровскій въ одномъ изъ своихъ листковъ.

Короткій, сухой. »Постараемся хотя въ немногихъ словахъ, въ *сухомъ* очеркѣ, передать нашимъ читателямъ программу концерта

Digitized by Google

и проч.—»(та же статья, стр. 90). Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: въ *короткомъ* очеркѣ,—потому что стоитъ ли стараться о томъ, чтобы передать какое бы то ни было извѣстіе въ *сухомъ* очеркѣ? А если бы автору и дѣйствительно пришла такая мысль, такъ едва ли читатели скажутъ за нее спасибо.

Если бы я былъ критикъ придирчивый, я могъ бы (въ той же статьѣ, стр. 91) придраться еще къ слѣдующей фразѣ: »послѣ этого начался балъ; *на немъ* играли тѣ же три оркестра *музыкантовъ*, *что* были и въ утреннемъ концертѣ.« Во-первыхъ, я бы сказалъ, что балъ не инструментъ, и слѣдовательно *на немъ* играть нельзя; во-вторыхъ, что, если сказано: три оркестра, такъ ужь не надобно было прибавлять: *музыкантовъ*, потому что оркестры рѣшительно не могутъ составляться ни изъ какихъ другихъ людей, кромѣ музыкантовъ; въ-третьихъ, что вмѣсто: *что были* и въ утреннемъ концертѣ,—надобно бы сказать: *которые играли* и въ утреннемъ концертѣ.... Все это я могъ бы сказать, но я поставилъ себѣ за правило къ подобнымъ вещамъ не придираться. Замѣтьте, что я вовсе не педантъ, хотя и школьный учитель.

Вещь вмѣсто дѣйствія. »Не любопытно ли, напр., описаніе трудностей, которыя должно было преодолѣть, для осуществленія баснословнаго *предпріятія*, *называемаго* тоннелемъ?« (Москвит. № 5, 1853 г. Реценз. Живописный Сборникъ, стр. 13). Предпріятіе не можетъ называться ни тоннелемъ, ни домомъ, ни мостомъ, точно такъ же, какъ ни топнель, ни домъ, ни мостъ не могутъ называться предпріятіями. Предпріятіемъ можетъ быть названа только *постройка* и того, и другаго, и третьяго,—и если бы авторъ сказалъ: для осуществленія такого баснословнаго предпріятія, какъ постройка (или, пожалуй, устройство) тоннеля, тогда бы онъ сказалъ правильно.

Недомолвки. »Герцогъ Бургундскій былъ вызванъ Бедфордомъ изъ Фландріи ободрять и защищать Парижъ съ Англичанами.« (Москв. № 5 1853 г., Іоанна д'Аркъ, стр. 32). По смыслу фразы можно подумать, что герцогъ Бургундскій былъ вызванъ ободрять и защищать Парижъ, *и съ тѣмъ вмѣстѣ* защищать и ободрять *Англичанъ*, которые находились въ немъ. А въ самомъ-то дѣлѣ, онъ былъ вызванъ для того, чтобы *вмѣстѣ съ Англичанами* ободрять и защищать Парижъ. Слѣдовательно такъ бы и надобно было сказать.

Ошибки, которыя можно назвать большими неловкостями. »Здѣсь ему (Карлу V) должно было провести три зимнихъ мѣсяца,

Digitized by Google

пока монастырь сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія къ принятію его; потому что самое неограниченное могущество, если бы Карлъ еще обладалъ имъ, не устояло бы, быть можетъ, противъ испанской медленности« (Москвит. № 7, 1853. Карлъ V въ монастырѣ стр. 88). *Устоять и не устоять* можетъ только то, на что̀ нападаютъ. Испанская медленность вовсе не нападала на Карла V, а только истощала его терпѣніе, — слѣдовательно и надобно бы сказать, что все *прежнее неограниченное могущество Карла едва ли могло бы подвинуть испанскую медленность.*

»Книжка очень не безполезная, *какъ имѣющая предметомъ* одну изъ важнѣйшихъ частей гигіены, и написанная *авторитетомъ* по этой отрасли медицины. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ ней глава, *излагающая* общія правила глазной діэтетики.« (Москв. № 7, 1853. Критика, стр. 87). *Какъ имѣющая предметомъ* — неловко. *Написанная авторитетомъ* — еще больше не ловко: авторитетъ можно имѣть, можно его пріобресть, можно имъ пользоваться, но быть авторитетомъ человѣку (хотя бы и доктору), точно такъ же нельзя, какъ нельзя предпріятію быть тоннелемъ. *Глава, излагающая* — опять неловко: *въ* главѣ можно изложить все, что̀ угодно, но сама глава изложить ничего не можетъ. Вообще вся эта фраза очень *неловко* составлена.

Нѣтъ, я рѣшительно не созданъ критикомъ, и въ особенности критикомъ мелочей! У меня нѣтъ *для* этого ни нужной копотливости, ни терпѣнія. Оттого-то я и дѣлалъ скачки отъ 24 кн. Москвитян. 1852, прямо къ 3-й 1853, отъ 3-й къ 5-й, отъ 5-й къ 7-й; просто, я дѣлалъ критическія *salto mortalis для* того только, чтобы поскорѣе кончить мою статью, которая смертельно мнѣ надоѣла. И если я написалъ эту статью, то потому только, что мнѣ очень грустно видѣть въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, и при томъ въ журналѣ, который по преимуществу долженъ бы былъ отличаться чистотой русскаго языка, ошибки подобныя тѣмъ, какія я замѣтилъ.

Если статья моя будетъ напечатана, я изъявляю полную мою готовность сообщать въ Москвитянинъ мои замѣтки и о другихъ журналахъ (само по себѣ разумѣется русскихъ), получаемыхъ въ нашемъ городѣ. Только повторю опять: *микроскопическая* критика не по мнѣ; я чувствую призваніе къ критикѣ.... этакъ, знаете, *широкой, размашистой*, какъ говоритъ нашъ казначей, всегда говорящій языкомъ современности.

Городъ Горшковъ, 30-го апрѣля 1853 года.

Digitized by Google

АНЕКДОТЪ О БОГДАНОВИЧѢ.

Богдановичамъ послѣ родителей осталось наслѣдство небольшое. Ипполитъ Ѳедоровичъ отказался отъ своей части въ пользу сестеръ, а себѣ взялъ только одного дворового мальчика, Павла, который съ тѣхъ поръ и находился при немъ, исправляя должность камердинера. Онъ самъ училъ мальчика граматѣ, привыкъ къ нему, и обходился съ нимъ какъ съ роднымъ. Случилось Богдановичу въ то время, какъ онъ жилъ въ Москвѣ и служилъ въ Архивѣ, получить откуда-то или скопить 1600 рублей. Одинъ пріятель Павловъ, также чей-то дворовый человѣкъ, услышавъ объ этой суммѣ, подговорилъ молодаго и легковѣрнаго Павла украсть ее, а послѣ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Между тѣмъ самъ онъ, принявшись за такую же операцію около своего господина, попался, и разсказалъ весь свой умыселъ.

Господинъ отправился къ Богдановичу.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, сказалъ онъ,—а Павелъ стоялъ тутъ же.

— Что прикажете?

— Мнѣ нужно поговорить наединѣ.

— При этомъ человѣкѣ вы можете говорить все, что угодно; это мой близкій.

— Нѣтъ, — я прошу васъ выслать его.

— Пожалуй! Что вы желаете?

— Увѣрены ли вы въ вашемъ человѣкѣ?

— Какъ въ себѣ самомъ.

— Онъ сбирался украсть ваши деньги и бѣжать съ моимъ человѣкомъ, котораго я поймалъ, и получилъ это признаніе.

Богдановичъ изумился. Распростившись съ неизвѣстнымъ, онъ призвалъ къ себѣ виноватаго.

— Паша! не обидѣлъ ли я тебя?

— Помилуйте, я вами всегда доволенъ.

— Но я замѣчаю, что ты становишься не доволенъ мною.

— Никакъ нѣтъ-съ, ничего.

Богдановичъ не сказалъ больше ни слова, отправился въ Гражданскую Палату, написалъ отпускную, засвидѣтельствовалъ ее, и, воротясь домой, позвалъ Павла.

— Вотъ тебѣ отпускная! Зачѣмъ ты хотѣлъ уйдти отъ меня тайкомъ. Вѣдь ты погибъ бы. Товарищъ твой плутъ выманилъ бы у

Digitized by Google

тебя деньги, и ты остался бы ни съ чѣмъ. Тебѣ надо было сказать мнѣ просто, что не хочешь жить у меня. Я не стану держать тебя по неволѣ. Вотъ тебѣ половина моихъ денегъ.

— Батюшка! виноватъ, простите! закричалъ Павелъ и повалился ему въ ноги. Я останусь и у васъ на вѣки.

— Пожалуй, сказалъ Богдановичъ, останься, но если ты соскучишься у меня, захочешь уйдти, то вотъ отпускная будетъ лежать здѣсь за зеркаломъ. Ты можешь взять ее всегда, только пожалуйста не бери всѣхъ денегъ, а оставь мнѣ половину.

—

Этотъ Павелъ оставался при Ипполитѣ Ѳедоровичѣ до его кончины, и разсказывалъ самъ объ этомъ происшествіи въ Курскѣ Михаилу Семеновичу Щепкину, отъ котораго я слышалъ этотъ анекдотъ уже лѣтъ десять назадъ, а теперь записалъ, чтобъ сохранить драгоцѣнную черту добродушія въ знаментомъ нашемъ авторѣ Душеньки.

P. S. Щепкинъ засталъ въ Курскѣ Богдановича, который ѣзжалъ въ домъ графа Волькенштейна, увидѣлъ его, еще мальчика, за книгами, погладилъ по головѣ, велѣлъ ходить къ себѣ за книгами, и, получая ихъ назадъ, всегда разспрашивалъ объ ихъ содержаніи. **М. П.**

НОВОЕ СВѢДѢНІЕ О ДѢВИЦѢ ЛУПОЛОВОЙ.

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ).

М. Г. М. П. Прочитавъ въ 10-й книжкѣ Москвитянина нынѣшняго 1853 г. статью о дѣвицѣ Луполовой, долгомъ считаю сообщить вамъ слѣдующее свѣдѣніе, найденное мною въ бумагахъ покойнаго О. П. Козодавлева, и, по мнѣнію моему, составляющее фактъ достовѣрный.

»1798 года іюля 20-го дня, Высочайше конфирмованъ докладъ Правительствующаго Сената о лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства и ссылкѣ на житье въ Сибирь отставнаго прапорщика Григорья *Луполова*, за сдѣланныя имъ разныя кражи и за покровительство ворамъ. Онъ сосланъ былъ Тобольской губерніи въ Ишимскій округъ. Жена его и дочь за нимъ туда же слѣдовали. Дочь сія, по имени Прасковья, услышавъ, что многіе, одной участи съ отцомъ ея подвергшіеся, получили Всемилостивѣйшее отъ Государя Императора Александра I-го прощеніе, рѣшилась, изъ дѣтской горяч-

Digitized by Google

ности къ отцу своему, предпринять подвигъ сколько трудный, столько же опасный.—Безъ всякой помощи отъ родителей, по претерпѣніи невѣроятныхъ затрудненій, пришла она пѣшкомъ, въ 1804 году, изъ Тобольска въ С.-Петербургъ, пройдя около 4000 верстъ. Дорогою узнала она о добродѣтеляхъ и христіанской любви къ неимущимъ покойной княгини Дарьи Александровны Трубецкой, и потому, тотчасъ по прибытіи своемъ въ С.-Петербургъ, дѣвица Луполова къ ней явилась. Княгиня Трубецкая, принявъ участіе въ ея бѣдствіяхъ, рекомендовала ея сенатору Козодавлеву, который, взявъ отъ нея просьбу о исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго прощенія отцу ея, представилъ оную въ Коммиссію пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, коей онъ былъ членомъ. Коммиссія, разсмотрѣвъ дѣло о Григорьѣ Луполовѣ, хотя и нашла, что онъ былъ справедливо обвиненъ, но при томъ, уважая старость его лѣтъ и что его жена и дочь вмѣстѣ съ нимъ терпѣли несчастіе, а послѣдняя оказала столь рѣдкій подвигъ дѣтской любви, всеподданнѣйше представила Всемилостивѣйшему Государя Императора благоусмотрѣнію, мнѣніе свое по сему предмету, состоящее въ томъ, чтобы Луполова, отца просительницы, возвратить на прежнее жилище, не возвращая ни чиновъ, ни дворянства. Въ 27 день декабря 1804 г. докладъ Коммиссіи Высочайше конфирмованъ. — Дѣвица Луполова похвальнымъ поступкомъ своимъ обратила на себя сверхъ возвращенія отца ея милосердое воззрѣніе Ихъ Императорскихъ Величествъ, тѣмъ, что Государь Императоръ пожаловалъ ей 2000 рублей, Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна 500 руб., и Императрица Марія Ѳеодоровна единовременно 300 руб., да ежегодной пенсіи по 100 рублей. Всѣ сіи деньги положены въ ломбардъ; а она сама по обѣщанію пошла въ монастырь и находится нынѣ въ дѣвичьемъ монастырѣ Новгородской епархіи.«

Въ *Сѣверной Почтѣ* 1810 года (къ сожалѣнію я не отмѣтилъ у себя нумера) помѣщено было нижеслѣдующее извѣстіе изъ Новгорода, отъ 14-го января 1810 года:

»Въ прошедшемъ мѣсяцѣ скончалась здѣсь дѣвица Прасковья *Луполова*. 6 лѣтъ тому назадъ пришла она пѣшкомъ изъ Тобольска въ С.-Петербургъ, пройдя около 4000 верстъ, сопровождаемая одною бѣдностію и состраданіемъ человѣчества; пришла повергнуться къ Престолу и просить о помилованіи отца своего, сосланнаго въ Сибирь въ 1798 году, по лишеніи дворянскаго достоинства, за нѣкоторое преступленіе. Еще въ юныхъ лѣтахъ жизни постигъ ее съ

Digitized by Google

матерью несчастный жребій родителя, которому она изъ дѣтской горячности послѣдовала и въ самое заточеніе. Желаніе быть избавительницею отца, возрастая купно съ ея лѣтами, заставило ее наконецъ совершить толикій подвигъ, не взирая на всѣ препятствія и трудности столь дальняго пути, но полагаясь во всемъ на Провидѣніе Божіе.—По прибытіи въ С.-Петербургъ она нашла пристанище въ домѣ одной госпожи, которая повсюду славилась христіанскою любовію. Сія, приявъ участіе въ ея бѣдствіяхъ, препроводила ее къ одному сенатору, присутствующему въ Коммисіи о пересмотрѣ прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, который взялъ отъ нея просьбу о исходатайствованіи прощенія отцу ея, и представилъ оную на благоразсмотрѣніе своихъ сочленовъ. Государь, по докладу Коммисіи, узнавъ о похвальномъ поступкѣ дѣвицы Луполовой, въ воздаяніе за ея подвигъ облегчилъ участь отца ея освобожденіемъ его изъ ссылки, а ей пожаловалъ 2000 рублей. Еще получила она милости и отъ всей Императорской Фамиліи. Сверхъ того не малую сумму пріобрѣла она отъ благотворительности частныхъ особъ, что вмѣстѣ составило нарочитый капиталъ, который обезпечилъ ее на всю жизнь. — Совершивъ съ желаемымъ успѣхомъ толь чрезвычайный подвигъ (предпріятіе), она немедленно обратилась къ исполненію обѣта, даннаго ею предъ Богомъ, прежде нежели отправилась она изъ Сибири, посвятить жизнь свою вѣчному уединенію, и въ мирной обители молиться непрестанно Господу. Она избрала для сего въ здѣшней епархіи Десятинскій дѣвичій монастырь, гдѣ нынѣ и окончилось странствованіе ея жизни«.

Изъ свѣдѣній этихъ видно:

1) Что Луполову звали *Прасковья*.

2) Что путешествіе ея изъ Сибири въ С.-Петербургъ происходило въ *1804* году.

3) Что она умерла въ *декабрѣ 1809 года*.

4) Что Елисавета Лупалова, скончавшаяся 11-го мая 1802 года и погребенная въ Новгородскомъ Десятинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, есть лице, не имѣющее ничего общаго съ Прасковьею Луполовою, подвигъ которой послужилъ сюжетомъ для извѣстнаго романа г-жи Коттень.

Примите, М. Г., и проч.

С.-Петербургъ, 5-го іюня 1853 года.

Digitized by Google

P. S. Оба эти свѣдѣнія служили покойному Д. Н. Бантышъ-Каменскому матеріялами для составленія краткой біографіи Луполовой. *См. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, М. 1836 г. Ч. III. стр. 222—224.* — Замѣчательно, что оба лица: Прасковья Луполова и Елисавета Лупалова, похоронены въ одномъ и томъ же монастырѣ.

О ТОНКОШЕРСТНЫХЪ И ПУШНЫХЪ КОЗАХЪ.

Въ 9 № Сѣверной Почты (старой петербургской газеты) 1819 года было помѣщено письмо изъ Маріуполя, что туда пригнаны французомъ Жубертомъ кашмирскія козы въ числѣ 1,300 головъ; это извѣстіе надѣлало въ то время много шуму и встревожило петербургскихъ купцовъ азіатцевъ, торгующихъ персидскими шляпами и др. издѣліями изъ пуху козъ; но въ 11 № той же газеты и того же года напечатанъ отзывъ одного персіанина о томъ, что сообщенныя маріупольскимъ корреспондентомъ свѣдѣнія не должны быть справедливы, ибо г. Жубертъ не могъ такъ скоро (въ 5 мѣсяцевъ) съѣздить и привесть стадо настоящихъ козъ изъ *Чантанскаго кочевья* Кабулистана, куда въ оба пути потребно времени болѣе года, да и названіе козъ *ицапами* также не тибетское и не персидское, а киргизское и значитъ по-русски *матка*. Наконецъ въ 22 и 33 №№ Сѣверн. Почты того же самаго года послѣдовали донесенія (оффиціально) отъ г. Феодосійскаго градоначальника Энгеля къ г. министру Внутр. Дѣлъ, что г. Жубертъ, по собственному сознанію, дѣйствительно не былъ ни въ Кашмирѣ, ни въ Тибетѣ, а пригнанное имъ въ г. Маріуполь стадо козъ купилъ у Калмыковъ и Киргизовъ и никогда не называлъ ихъ ицапами, но зоветъ просто козами; по всей вѣроятности, первоначальное извѣстіе о козахъ, приведенныхъ г. Жубертомъ, сообщено было петербургской газетѣ частнымъ лицомъ, малосвѣдущимъ, или желавшимъ подшутить надъ г. Жубертомъ.

—

Въ 14 № Земледѣльческой газеты 1850 года, г. Стевенъ (нынѣ умершій), инспекторъ сельс. хозяйства Южн. Россіи, говоря объ *ангорскихъ козахъ*, между прочимъ упоминаетъ, что кашмирскія или тибетскія козы, водящіяся въ горахъ Средней Азіи, еще ни-

Digitized by Google

гдѣ въ Европѣ не разведены, а лѣтъ 30 тому назадъ, посланный отъ французскаго правительства для доставки такихъ козъ во Францію, вмѣсто ихъ закупилъ у кочующихъ въ Заволжскихъ степяхъ Калмыковъ тамошнихъ козъ и отвезъ ихъ во Францію, гдѣ онѣ найдены гораздо богаче пухомъ, нежели туземныя; и дѣйствительно, пухъ этотъ скупается и нынѣ у кочевыхъ инородцевъ и доставляется на Нижегородскую ярмарку и во Москву. Къ этому г. Стевенъ присовокупилъ, что ангорская коза, имѣя бѣлую, тонкодлинную и блестяще-волнистую шерсть, а равно и пухъ очень мягкій, можетъ быть разводима съ успѣхомъ въ степяхъ южнаго края имперіи, только холоду она не любитъ, тогда какъ тибетскія козы съ густымъ пухомъ лучше могутъ выдержать нашъ климатъ. А я съ своей стороны прибавлю, что даже въ нашихъ мѣстахъ водятся козы особой отъ простыхъ породы и называются въ просторѣчіи *ангала* (т. е. ангорская), вѣроятно помѣсь отъ извѣстныхъ козъ, выведенцыхъ въ Россію, ибо имѣетъ въ своей шерсти и пухѣ нѣкоторыя описанныя выше качества, только, разумѣется, гораздо ниже достоинствомъ.

—

Въ $18\frac{43}{44}$ годахъ, состоя въ военной службѣ, я лично видѣлъ въ имѣніи маіора Абрамова (вскорѣ умершаго) Ростов. уѣзда Екатеринослав. губ., козъ шерсти подобной той, какая описана г. Стевеномъ, но не помню, какъ онѣ назывались владѣльцемъ, только кажется, что покойный маіоръ говорилъ, будто бы козы эти пригнаны изъ-за Кавказа, но откуда именно, не упоминалъ; объ успѣхѣ же разведенія и выгодахъ отъ этихъ козъ я ничего не могу сказать, потому что въ то время мнѣ было не до этого, когда мысли были заняты иными предметами и некогда было разспрашивать о томъ г. Абрамова. Теперь же, поселившись въ деревнѣ и полюбивъ вполнѣ хозяйство, я съ особеннымъ удовольствіемъ занимаюсь теоретически и практически этою новою наукою, читая всѣ любопытныя по сему предмету изданія и испытывая все полезное; такъ мнѣ было весьма пріятно узнать изъ библіографическаго отдѣла Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономич. Общества 1851 года № 8-го, стран. 76 — 78, что у г. Абрамова (сына покойнаго маіора), мною видѣнныя *козы* — изъ породы *кашмирскихъ*, куплены въ 1828 году у французскаго фабриканта, который выписывалъ значительное стадо этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ въ Марсель, но по полученіи первой партіи козъ, доставленной ему въ

Digitized by Google

Таганрогъ, нашелъ, что покупка и доставка кашмировъ обошлась ему очень дорого, почему и счёлъ нужнымъ другую партію продать, поручивъ это своему коммиссіонеру, по привозѣ остальныхъ козъ въ Таганрогъ. Узнавъ о томъ, покойный маіоръ Абрамовъ не упустилъ случая и вмѣстѣ съ другими купилъ довольное число кашмировъ, для разведенія коихъ ему и предоставлена была тогда же степь въ 500 десятинъ близъ Маріуполя въ Александровскомъ уѣздѣ; но по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, особенно отъ смертности, умершій отецъ г. Абрамова не успѣлъ очень размножить стадо свое, а съ 1844 года, по вступленіи въ управленіе имѣніемъ сына маіора Абрамова, послѣдній довелъ число ихъ до 513 головъ, изъ чего теперь и продаетъ сосѣднимъ хозяевамъ, кои также и прежде занимались разведеніемъ у себя тибетокъ, но большею частію неудачно; къ сему г. Абрамовъ (сынъ) присовокупляетъ, что козы эти боятся дождя и холоду, но въ писходящихъ поколѣніяхъ, какъ замѣчено имъ, онѣ лучше выдерживаютъ погоды неблагопріятныя, нежели тѣ, кои первоначально были пригнаты изъ Кашмира.

Послѣ такихъ подробныхъ свѣдѣній, нельзя не удивляться, какъ покойный Стевенъ, будучи инспекторомъ сельс. хоз. въ томъ (южномъ) краѣ, не зналъ о существованіи и долголѣтнемъ разведеніи кашмирскихъ козъ близъ г. Таганрога; при чемъ возникаетъ вопросъ: въ какомъ именно году выписывались кашмирскія козы во Францію, или это было дважды: въ 1818 и 1828 годахъ, быть можетъ въ 1-й разъ ограничились покупкою калмыцкихъ козъ, а въ другой отправлялись чрезъ Кавказъ до становищъ Индѣйскихъ номадовъ (Афгановъ), имѣющихъ превосходныя стада тѣхъ дорогихъ животныхъ; каковой выводъ большихъ партій составляетъ замѣчательный подвигъ со стороны марсельскаго фабриканта и стоилъ огромныхъ издержекъ. Будемъ надѣяться, что кто-либо изъ знающихъ объ этомъ предметѣ разрѣшитъ вопросы наши, столь интересные для каждаго хозяина, потому что эта отрасль скотоводства могла бы приносить существенныя выгоды земледѣльцамъ, не менѣе, если не болѣе даже, чѣмъ разведеніе испанскихъ овецъ-мериносовъ, и тѣмъ болѣе еще, что намъ русскимъ доступнѣе пріобрѣтеніе и доставка тибетскихъ козъ, нежели кому-нибудь другимъ европейцамъ.

Х. КОЗЛОВЪ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

РАСТРЕАДОРЪ *)

СЦЕНЫ ИЗЪ ВОЕННОЙ МЕКСИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Габріэля Ферри).

I. Хорошенькая сигарщица.

Въ 1814 году, въ прекрасное лѣтнее утро, по дорогѣ къ Пуукуаро, небольшому городу мексиканскаго штата Вальядолидъ, посвистывая, ѣхалъ верхомъ путешественникъ.

Не смотря на немилосердыя пришпориванья, лошадь шла почти шагомъ. Наконецъ стали ему показываться на горизонтѣ дома, освѣщенные лучами солнца. Судя по изнуренной лошади и запыленному платью всадника, можно было догадаться, что они провели ужъ нѣсколько дней въ дорогѣ, торопясь куда-то. Всадникъ былъ человѣкъ молодыхъ лѣтъ, высокаго роста и крѣпкаго сложенія; онъ могъ бы быть очень красивымъ мужчиной, если бы только густыя, чорныя какъ смоль брови не придавали его лицу чего-то зловѣщаго, что̀ служитъ отпечаткомъ настоящей воинственной храбрости. Всадникъ этотъ съ гордой осанкой былъ никто иной, какъ знаменитый Беррендо. Много лѣтъ спустя послѣ этого, во время моего путешествія къ берегамъ Тихаго Океана, мнѣ случилось найдти у него гостепріимный кровъ и узнать его приключенія, которыя постараюсь теперь разсказать вкратцѣ. Разсказъ этотъ представляетъ намъ войну за невисимость Мехики, дошедшую до самыхъ критическихъ минутъ. Беррендо носилъ тогда свое на-

*) Искатель слѣдовъ, отъ испанскаго глагола: *rastrear* — идти по слѣдамъ.

Digitized by Google

стоящее имя — Луціано Гомбоа, и былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ мексиканской арміи.

Небольшой городъ Пўкуаро, къ которому подъѣзжалъ Беррендо, привлекалъ въ тотъ самый 1814 годъ по разнымъ причинамъ вниманіе Мексиканцевъ и Испанцевъ. Сюда отступилъ, послѣ кровопролитной схватки съ королевскими войсками, братъ генерала дона Игнатія Рахона, донъ Рамонъ, съ сотнею человѣкъ, успѣвшихъ уйдти съ поля битвы; но странно, что съ того самаго времени, какъ донъ Рамонъ вступилъ съ своей маленькой арміей въ Пўкуаро, самый слѣдъ его исчезъ; никто не могъ сказать, чтобы онъ ушелъ изъ Пўкуаро, и между тѣмъ никакъ не было видно, чтобы онъ находился тамъ. Вѣроятно онъ не останавливался въ Пўкуаро, а *только прошелъ* черезъ него тайкомъ, незамѣтно *для* жителей; но куда же онъ дѣвался? Вопросъ этотъ одинаково занималъ всѣхъ, какъ мексиканскихъ *guerrilleros*, такъ и испанскихъ генераловъ, но болѣе всѣхъ мучилъ дона Игнатія Рахона. Желая соединться съ братомъ своимъ донъ Рамономъ, донъ Игнатій напрасно разсылалъ въ продолженіе мѣсяца по всему штату Санъ-Луи-Потози своихъ курьеровъ для отысканія его; наконецъ Беррендо, въ свою очередь, взялся отыскать убѣжище арміи, такъ странно вдругъ исчезнувшей. По этому порученію и ѣхалъ онъ въ Пўкуаро, завидя уже первые дома города и торопя измученную лошадь, боясь опоздать или встрѣтить какую-нибудь задержку.

Беррендо радовался уже окончанію своего путешествія; но развивавшіеся въ концѣ долины значки испанскихъ улановъ Наваррскаго полка, которыя онъ случайно увидѣлъ, вдругъ перемѣнили ходъ его мыслей. Уланы ѣхали на встрѣчу ему, и онъ, очень опасался подобной встрѣчи. На дорогѣ подлѣ него въ то время стоялъ огромный дубъ съ сгнившимъ уже отъ древности стволомъ; широкія вѣтви его клонились къ подошвѣ скалъ, верхушка которыхъ, возвышаясь постепенно, составляла довольно высокій холмъ. Воображенію его представилось, какъ хорошо красовался бы онъ на дубовомъ сучкѣ, и это еще увеличило его безпокойство. Вдругъ Беррендо замѣтилъ плющъ такой же старый, какъ и дубъ; плющъ этотъ закрывалъ снача цѣлую сторону ствола, потомъ опускался внизъ широкимъ темно-зеленымъ занавѣсомъ, складки котораго приходились такъ, что закрывали отверстіе скалы. По какому-то внезапному внушенію, слѣзъ онъ съ лошади, поднялъ плющевую драпировку и вскрикнулъ отъ радости: этотъ

Digitized by Google

занавѣсъ закрывалъ входъ въ темный гротъ, куда могла свободно пройдти лошадь. Онъ рѣшился ввести туда за собой свою лошадь и спрятаться. Для него это было дѣломъ одной минуты. Между тѣмъ, едва онъ успѣлъ войдти въ гротъ, какъ началъ въ томъ раскаяваться. Страшный, непонятный шумъ раздавался во внутренности подземелья. Густая темнота развернула передъ нимъ свою непроницаемую завѣсу, и только одинъ лучъ свѣта, проскользавшій сквозь листья плюща, доходилъ до него. Ему казалось, чтоп осреди этого густаго мрака раздается какой-то глухой гулъ словно шелестъ крыльевъ огромнаго вампира, или тяжелый, мѣрный шумъ сильнаго дыханія какого-нибудь громаднаго звѣря. Находясь такимъ образомъ между двухъ опасностей, всадникъ стоялъ какъ вкопанный, боясь шевельнуться и съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда можно будетъ ему выйдти изъ грота.

Къ несчастію, эта минута довольно долго не приходила: испанскіе уланы расположились отдыхать подлѣ дуба, и теперь двойной страхъ овладѣлъ имъ, — шумъ голосовъ смѣшивался съ страннымъ звуками подземелья. Беррендо боялся двинуться съ мѣста. Цѣлый часъ почти пробылъ онъ въ такомъ состояніи, пока не послышался ему дикій, пронзительный ревъ. Всадникъ бросился вонъ изъ грота, рѣшась лучше попасться въ руки непріятеля, нежели оставаться еще въ гротѣ, гдѣ, казалось, находились какіе-то ужасные звѣри. Дорога была ужъ свободна, и Беррендо могъ опять продолжать свой путь. Менѣе чѣмъ въ два часа добрался онъ до Пуэкуаро, и тогда только вздохнулъ свободнѣе; но ему предстояла новая встрѣча.

Проѣзжая по главной улицѣ Пуэкуаро, guerrillero увидѣлъ молодую дѣвушку, которая сидѣла, скрестивши ноги по мексиканскому обычаю на цыновкѣ у крыльца одного дома, отдѣленнаго отъ другихъ рядомъ большихъ садовъ, и свертывала табакъ. Бѣлая бумажная вуаль (tapados) съ голубыми полосками изящно покрывала ея голову, граціозный овалъ ея лица и плечи. Молодая дѣвушка бросила быстрый взглядъ на всадника и тотчасъ же опустила его внизъ, какъ только тотъ началъ разсматривать ее. Беррендо ничего больше не могъ разглядѣть въ ней, какъ только чорные волосы, которые двумя округленными связками лежали на лбу ея, гладкомъ и чистомъ какъ слоновая кость. Двѣ маленькія голыя ножки виднѣлись изъ-подъ платья; изъ rebozo ея выказывались двѣ бѣлыя миніатюрныя ручки; живые, проворные пальцы ихъ съ очаровательною ловкостью свертывали табакъ.

Digitized by Google

— Клянусь небомъ! проговорилъ молодой человѣкъ самъ про себя, мнѣ много кой-чего надо передать этой дѣвушкѣ.

Видно было, что застѣнчивость не составляла главнаго недостатка всадника; онъ ловко взялъ шляпу въ руки и зазвенѣлъ шпорами о бока своего коня, и тотъ, послушный своему хозяину, сдѣлалъ одинъ изъ красивѣйшихъ прыжковъ и сталъ какъ вкопанный подлѣ крыльца. Это было сдѣлано такъ проворно, неожиданно, и при томъ такъ близко отъ молодой дѣвушки, что она не могла удержаться отъ невольнаго вскрика и рѣзкаго движенія. Rebozo ея спустилось сперва на плечи, потомъ съ плечъ къ ногамъ на тростниковую цыновку. Беррендо увидѣлъ тогда прелесть ея фигуры и чудное очертаніе плечъ ослѣпительной бѣлизны; и ловкій молодой человѣкъ, который не за долго передъ тѣмъ хотѣлъ *сказать много* кой-чего дѣвушкѣ, не могъ теперь вымолвить ни одного слова; словно пораженный внезапнымъ свѣтомъ, безмолвно глядѣлъ онъ на нее. И только тогда, какъ прекрасная мексиканка съ инстинктивною живостью набросила опять на себя rebozo и закрыла имъ все, что на минуту оставалось обнаженнымъ, онъ могъ заговорить съ ней.

—Извините, *sennorita*, сказалъ онъ, извините, что испугалъ васъ; но мнѣ нужно было обезпокоить васъ однимъ вопросомъ: нѣтъ ли здѣсь гдѣ-нибудь гостинницы для путешественниковъ, и отъ души былъ бы радъ, если бы не нашлось ни одной.

— Это почему, синьйоръ? спросила молодая дѣвушка.

— Потому что тогда я попрошу васъ оказать мнѣ свое гостепріимство.

— Конечно! возразила она, гордо взглянувъ на него. Съ чего вы взяли, что мать моя приметъ къ себѣ такого гостя, какъ вы? Если хотите, такъ въ двухъ шагахъ отсюда есть гостинница.

Молодая дѣвушка встала, положивши въ мѣшокъ своего rebozo свернутый ею табакъ, и исчезла за дверью съ граціозной горделивою поступью, которая выказывала какъ нельзя лучше тонкій ея станъ.

— Caramba! бѣда мнѣ, если донъ Рамона нѣтъ въ Пуэбло! проговорилъ молодой человѣкъ самъ про себя: тогда я, можетъ быть, никогда не отыщу его; а теперь никакъ не рѣшусь выѣхать изъ этого города, въ которомъ находится такое прекрасное и юное созданіе.

Встревоженный этой встрѣчею, пріѣхалъ онъ къ гостинницѣ. Помѣстившись въ ней, онъ сталъ однакожъ стараться думать о взятомъ имъ на себя порученіи; но чтобъ кончить его успѣшнѣе, нужно

Digitized by Google

было держать себя осторожно. Пуèкуаро, какъ видно было, не стоялъ за независимость, и подлѣ него стояли лагеремъ отряды испанскаго войска. Беррендо придумывалъ средства, которыя бы онъ могъ употребить для полученія нужныхъ ему свѣдѣній такъ, чтобъ чрезъ то нисколько не повредить ни донъ Рамону, ни себѣ.

Закусивши въ гостинницѣ, Беррендо прежде всего старался найдти предлогъ къ свиданію съ молодой дѣвушкой. Онъ рѣшился открыть ей цѣль своего путешествія. По этому отправился онъ къ ея дому, находившемуся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостинницы. Къ досадѣ его, кругомъ все было заперто, и какъ онъ ни стучалъ въ дверь, собака одна отвѣчала ему лаемъ. Принужденный на этотъ день отказаться отъ своего намѣренія, пошелъ онъ въ *neveria*, въ надеждѣ услыхать какія-нибудь свѣдѣнія о донъ Рамонѣ между тамошними посѣтителями. Вечеръ былъ жаркій, народу въ кофейной была пропасть. Беррендо сѣлъ, вслушиваясь въ разговоръ, который шелъ у нѣсколькихъ лицъ, сидѣвшихъ подлѣ него. На этотъ разъ онъ не былъ вполнѣ обманутъ надеждой; толковали о дѣлахъ того времени и имя донъ Рамона скорѣе иронически, чѣмъ съ негодованіемъ, было произнесено нѣсколько разъ.

Одинъ только человѣкъ изъ всего множества народу, находившагося въ кофейной, казалось, нисколько не интересовался тѣмъ, что такъ сильно занимало всѣхъ. Костюмомъ онъ ни въ чемъ не отличался отъ прочихъ; лица его не льзя было разглядѣть въ темной внутренности кофейной, и притомъ длинныя космы волосъ, будто вѣтви ивы послѣ грозы, свѣшивались у него съ головы, и закрывали почти все лицо. По временамъ только Беррендо встрѣчалъ устремленный на него проницательный взора незнакомца.

— Такъ развѣ донъ Рамонъ былъ здѣсь? спросилъ Беррендо съ любопытствомъ одного изъ толпы, который произнесъ имя *guerrillero*. Прежде нежели Беррендо получилъ отвѣтъ, незнакомецъ взглянулъ на него съ ироническимъ презрѣніемъ; потомъ всталъ, заплатилъ хозяину и вышелъ изъ *neveria*.

— Конечно, было Беррендо въ отвѣтъ; и въ церкви есть люди, которые, если бы захотѣли, могли бы сказать, что теперь сталось съ тѣмъ, *кто поругался надъ могилами*.

Поругался надъ могилами! разрушилъ ихъ! это было открытіемъ весьма страннымъ для Беррендо. Онъ рѣшился разузнать объ немъ подробнѣе; для этого онъ долженъ былъ, какъ сказали ему, обратиться къ служителямъ церкви. Вечеромъ отправился онъ къ церкви,

Digitized by Google

и у паперти встрѣтился съ прекрасной молодой дѣвушкой, которая, какъ легкій призракъ, пронеслась мимо его. Онъ тотчасъ же узналъ ее. Она выходила изъ церкви, и Беррендо со всей ловкостью своей предложилъ ей на концѣ своего пальца святой воды, сказавъ ей тихимъ, страстнымъ голосомъ:

— Счастливы глаза, которымъ въ день два раза пришлось видѣть васъ! и я благодаренъ небу, что встрѣтилъ васъ въ другой разъ.

Молодая дѣвушка покраснѣла и ничего не отвѣчала; но пожилая женщина, которая шла позади ея, взялась отвѣтить за нее.

— Ваше блаженство, синьйоръ,—блаженство эгоиста, сказала она хриплымъ голосомъ; никто не раздѣляетъ его съ вами. Сдѣлайте милость, учтивый и любезный синьйоръ, ступайте своей дорогой.

— Извините за вопросъ, почтенная синьйора, возразилъ Беррендо: можете ли вы мнѣ сообщить что-нибудь о донъ-Рамонѣ?

— Убирайтесь къ чорту вмѣстѣ съ донъ Рамономъ, сердито отвѣчала мать, уводя дочь; что́ намъ за дѣло до мятежниковъ.

Беррендо, не очень смутившись словами старухи, продолжалъ все смотрѣть на прелестную мексиканку, которая была уже далеко и наконецъ скрылась совсѣмъ изъ виду. Онъ призадумался тогда объ исполненіи возложеннаго на него порученія, все-таки не переставая мечтать о прекрасной мексиканкѣ. Открывшаяся передъ нимъ картина вскорѣ поразила его и разсѣяла его любовныя мечты. Когда онъ взошелъ въ церковь, тамъ было почти темно; сумерки едва освѣщали внутренность алтаря, изъ котораго понесся сильный смрадъ. Онъ подошелъ ближе къ алтарю, и хорошо теперь понялъ намеки, которыя слышалъ въ кофейной. Огромныя каменныя плиты были сняты съ гробницъ и лежали, одни разбитыя въ куски, другія цѣльныя, подлѣ могилъ, которыя нѣкогда онѣ покрывали. Все-таки не могъ онъ совершенно объяснить себѣ цѣли подобнаго посмѣянія надъ святыней, и искалъ взоромъ вокругъ себя живое существо, которое могъ бы разспросить объ этомъ. Въ церкви совсѣмъ стемнѣло; эти открытыя гробницы, куда не смѣлъ онъ заглянуть, боясь увидѣть отвратительные трупы, поздній часъ и смрадный запахъ—все это наводило на него какой-то невольный страхъ. Вскорѣ показалось ему, что изъ одной могилы поднялся словно человѣческій образъ или, скорѣе, тѣнь мертвеца, и вмѣсто невольнаго страха пробудилось въ немъ совсѣмъ противоположное волненіе.

Digitized by Google

Хотя Беррендо былъ человѣкъ не трусливый, не трепеталъ ни передъ живыми, ни передъ мертвыми; но какъ теперь онъ былъ весь подъ вліяніемъ идей, которыя преимущественно овладѣли имъ, то не могъ удержаться отъ перваго движенія испуга, за которое пришлось ему горько поплатиться: насмѣшливый хохотъ раздался по церкви. Оскорбленный, бросился онъ къ тому, кто такъ простодушно потѣшался надъ нимъ; тѣнь обозначилась тогда яснѣе,— и что же! онъ увидѣлъ того самаго незнакомца, котораго встрѣтилъ утромъ въ кофейной. Единственный глазъ его, — незнакомецъ былъ кривъ, — блестѣлъ еще огнемъ иронiи, которую Беррендо привелось ужъ разъ замѣтить въ немъ. Длинные его волосы, совсѣмъ откинутые за уши, оставляли открытыми славный лобъ и рѣзко выразительное лице, ротъ и глазъ, отражавшiе въ себѣ хитрость и вмѣстѣ спокойную твердость; цвѣтъ его до того былъ смуглъ, что не возможно было повѣрить, чтобы онъ принадлежалъ къ бѣлой породѣ. Словомъ, между человѣкомъ, котораго Беррендо недавно, видѣлъ, и тѣмъ, который теперь внезапно явился передъ нимъ, контрастъ былъ такъ же поразителенъ, какъ между дикимъ индѣйцемъ, и городскимъ индѣйцемъ.

— Кто ты такой? спросилъ его со гнѣвомъ молодой человѣкъ.

— Вотъ въ чемъ мы и разнимся-то другъ отъ друга, спокойно отвѣчалъ незнакомецъ; вы не знаете меня, а *я васъ знаю:* вы пріятель донъ Рамона Рахона и отыскиваете слѣдъ его, но безъ всякаго успѣха.

— Кто это вамъ сказалъ? съ горячностью возразилъ Беррендо, раздраженный тѣмъ, что догадались объ его тайнѣ.

Ваше дурно скрытое равнодушiе,—для меня покрайней мѣрѣ, — во время толковъ, бывшихъ сегодня въ кофейной о донъ Рамонѣ. Теперь еще болѣе убѣждаюсь въ мѣткости своихъ догадокъ: на лицѣ вашемъ ясно написано для меня принужденiе, которое вы дѣлаете надъ собой; и я знаю хорошо, зачѣмъ вы пришли сюда: вамъ, конечно, сказали, что только здѣсь вы найдете людей, которые, если захотятъ, могутъ сказать вамъ, гдѣ тотъ, котораго вы ищете. Такъ вотъ они, эти люди, видите, вотъ они,—это мертвыя тѣла, разърытыя могилы которыхъ передъ вами. Гдѣ же вамъ вопрошать ихъ, когда вы ничего не могли выпытать у живыхъ.

Digitized by Google

Эти странныя слова, важно произнесенныя, привли Беррендо въ большое недоумѣніе. Онъ не зналъ, какъ ему быть, — скрыть что ли истину отъ незнакомца, или довѣриться ему. Онъ рѣшился на послѣднее, и открылъ ему истинную цѣль своихъ розысковъ.

— Ну скажите теперь, сказалъ онъ незнакомцу: а вамъ мертвые открыли ли то, чего я не могъ добиться отъ живыхъ?

— Да, отвѣчалъ улыбаясь незнакомецъ. А то я былъ бы недостоинъ той обязанности, которая возложена на меня, и вмѣстѣ имени, которое ношу, если бы не умѣлъ находить слѣды тѣхъ, которыхъ разыскиваю по разнымъ отпечаткамъ, оставляемымъ ими послѣ себя на землѣ. Спуститесь по моему примѣру въ какую-нибудь могилу, и не такъ давно еще потревоженная вокругъ груды костей каменистая земля скажетъ вамъ, за чѣмъ приходилъ сюда донъ Рамонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пылая мщеніемъ, партизанъ всячески старался поднять на Испанію враговъ ея и добыть, гдѣ только можно, средства для уничтоженія ея; онъ проникъ даже въ эти склепы за селитрой, которой много здѣсь отъ подземельной сырости.

— Такъ что жъ! сказалъ Беррендо; развѣ вы по этому знаете, гдѣ находится донъ Рамонъ и какимъ образомъ могъ онъ такъ таинственно исчезнуть съ своей арміей?

— Конечно. О чемъ долженъ онъ теперь больше всего заботиться, когда ужъ потревожилъ покой мертвыхъ? Кажется, о пріобрѣтеніи селитры для пороха и о надежномъ убѣжищѣ.

Беррендо убѣдился, по видимому, по крайней мѣрѣ въ справедливости этой догадки.

— Вчера, продолжалъ незнакомецъ, когда я отъискивалъ въ полѣ слѣдъ донъ Рамона, по порученію,—но это должно остаться между нами,—брата его, донъ Игнатія, послышался мнѣ глухой шумъ въ родѣ того, какой происходитъ обыкновенно въ жерлѣ кратера; потомъ увидалъ легкій дымъ, подымавшійся изъ-за холма. Я думалъ, что этотъ глухой гулъ происходилъ отъ отдаленнаго марша какого-нибудь отряда испанской кавалеріи, выступавшей изъ Пуэкуаро, а дымъ—отъ огня, разведеннаго какимъ-нибудь пастухомъ-невидимкой; но разрытая земля въ этихъ склепахъ навела вскорѣ меня на истину. Подземный этотъ гулъ раздается вслѣдствіе пребыванія подъ холмомъ людей; дымъ же, который я приписалъ сперва огню пастуха, выходитъ, разумѣется, изъ земли чрезъ какія-нибудь скважины. Да, донъ Рамонъ вѣроятно занятъ въ этой пещерѣ разработкой се-

Digitized by Google

литры, которую нашелъ тамъ: я готовъ подтвердить это клятвой, хотя и не видѣлъ на этомъ холмѣ никакого признака подземельнаго входа; но я найду его.

Беррендо былъ сильно пораженъ проницательностью незнакомца, тотчасъ вспомнивъ пещеру, входъ въ которую онъ открылъ случайно; и вмѣстѣ съ удивленіемъ глубокая симпатія пробудилась въ сердцѣ молодаго человѣка къ этому незнакомцу, съ которымъ сошелся онъ такъ случайно.

— A fé de caballero! воскликнулъ Беррендо, протягивая руку незнакомцу; я буду счастливъ, если позволите быть мнѣ другомъ такого человѣка, какъ вы; меня зовутъ Луціано Гамбоа. А васъ какъ?

— Андре Таніа; но это имя *для* меня почти не существуетъ; я отвыкъ отъ него; а обыкновенно зовутъ меня *Искателемъ слѣдовъ*, хотя, признаться, я въ сердцѣ человѣка такъ же вѣрно могу читать сокровенныя его думы, какъ на влажной или сырой землѣ, на травѣ луговъ или на мхѣ лѣсномъ находить оставленные на нихъ кѣмъ-нибудь слѣды.—Потомъ прибавилъ, словно желая показать Беррендо свою проницательность: — Что новаго хотите вы мнѣ сказать?

— Что догадки ваши справедливы, по крайней мѣрѣ, касательно существованія неподалеку отсюда пещеры. Сегодня утромъ я ее открылъ случайно, и, если вамъ угодно, мы сей-часъ къ ней отправимся.

— Нѣтъ, сказалъ Андре, сегодня вечеромъ мнѣ некогда, но завтра пріѣзжайте *верхомъ*, *пожалуй* къ воротамъ Пуэкуаро; я буду тамъ.

Послѣ этого, новые друзья пожали другъ другу руки и разстались. Беррендо спать не хотѣлось, и чтобы убить какъ-нибудь время, онъ пошелъ въ цирюльню.

Въ то время какъ цирюльникъ занимался завивкой черныхъ его усовъ, онъ увидѣлъ на стѣнѣ мандолину, у которой были почти всѣ струны.

— Синьйоръ цирюльникъ, сказалъ онъ, мнѣ нужно бы вашей мандолины нынче вечеромъ на нѣсколько часовъ; не можете ли вы мнѣ ее одолжить? я, конечно, при этомъ дамъ вамъ подъ залогъ вещь поцѣннѣе вашей мандолины.

— Какую? спросилъ цирюльникъ.

Беррендо показалъ ему длинную шпагу съ серебрянымъ ефесомъ, превосходной работы, и бросилъ ее на стулъ.

Digitized by Google

— А, сиѣньоръ! сказалъ цирюльникъ, положа шпагу въ сторону, я бы вамъ даже безъ залога съ удовольствіемъ одолжилъ этой мандолины, которая впрочемъ для меня дороже всякихъ денегъ.

Беррендо взялъ инструментъ, спряталъ его подъ плащъ и вышелъ изъ цирюльни, давъ слово зайдти на другой день.

—

II. Пещера подлѣ Пукуаро.

Въ этотъ самый вечеръ, около десятаго часа, все спало въ городкѣ Пукуаро, за исключеніемъ немногихъ, и между прочими не спала также молодая и прекрасная дѣвушка и мать ея. Они сидѣли вдвоемъ въ одной изъ комнатъ ихъ дома, которая выходившей въ обширный садъ, въ которомъ роскошно росъ гранатникъ и миртъ. Въ этотъ садъ легко можно было проникнуть черезъ плетень, устроенный изъ молодаго кактуса. Плетень этотъ шелъ отъ улицы по обѣимъ сторонамъ домика. Снаружи, съ улицы, все было заперто, дверь и ставни.

Глава семейства, мужъ старухи и отецъ молодой довушки, находился въ то время въ штатѣ Оахака и служилъ въ мексиканской арміи подъ предводительствомъ генерала Терана; жена его и дочь жили продажею cigarreras. Хотя старуха и показала Беррендо, котораго она не знала, такъ много презрѣнія, когда тотъ спросилъ ее о мятежникѣ донъ Рамонѣ; но это со стороны ея было не больше какъ хитрость, которую употребила она для осторожности. Мать и дочь разговаривали между собой, и въ то же время работали *cigarreras*. Разговоръ принялъ извѣстный оборотъ, который отчасти оправдываетъ испанскую пословицу: *toda vieja es alcahueta*, и которую можно услыхать въ Мексикѣ даже и въ хорошемъ обществѣ. Воображая, что никто не можетъ ихъ слышать, мать говорила дочери:

— Ну! Лусъ, скажи, правду ли я тебѣ говорила, что привлекать къ себѣ мужчинъ презрѣніемъ и надмѣнностью гораздо лучше и надежнѣе, нежели сладкими улыбками и нѣжными взглядами? Вотъ ужъ въ продолженіе двухъ дней ты поймала двухъ мужчинъ въ сѣти, разставленныя гордостью и дикостью обращенія. Они думали увидать въ тебѣ слабую женщину, а между тѣмъ ты теперь можешь выбирать изъ нихъ любаго себѣ въ супруги.

— Маменька, вы думаете, что эти два иностранца....

Digitized by Google

— Ну чтожъ такое, что я это думаю! Это зависитъ чисто отъ тебя, потому что ты приворожила обоихъ дикимъ дѣвственнымъ видомъ, который ты принимала по моему совѣту въ обращеніи съ ними. Разнаго рода приманки какъ словами, такъ и поступками, и потомъ привлекательныя улыбки и пылающіе глазки предоставь женщинамъ безобразнымъ; имъ все это необходимо, чтобы разгорячать сердца мужчинъ, которымъ онѣ собственно навѣваютъ одинъ холодъ. Повѣрь, другъ мой, что мужчины потому любятъ и уважаютъ женщинъ, какъ ты, что такія женщины, кажется имъ, сами влюблены въ себя. Да, у насъ были бы два проводника, два путевыхъ товарища до Техуакана, гдѣ твой отецъ ждетъ насъ каждый день, если бы ты только захотѣла этого. Что, какъ тебѣ кажется, вѣдь они для защиты готовы будутъ послужить намъ своей могучей рукой и мужественной душой?

— Дѣйствительно, они должны быть оба очень храбры, и, какъ видно, свыклись ужъ съ опасностями войны; но какъ быть? Въ случаѣ, если я окажу предпочтеніе одному изъ нихъ, другой непремѣнно придетъ въ отчаяніе, и тогда вмѣсто двухъ защитниковъ у насъ останется одинъ.

— Э, милая моя! въ томъ-то и сила, что, оставаясь равнодушною къ обоимъ, прельщая ихъ надеждою, что предпочтеніе будетъ отважнѣйшему изъ нихъ, подстрекая поперемѣнно самолюбіе каждаго изъ нихъ, то одобряя одного, которому ты выказала презрѣніе, то презирая другаго, котораго недавно ободрила, ты можешь ихъ такимъ образомъ увлечь за собой на край свѣта, и развѣ ужъ тамъ своимъ выборомъ вздумаешь осчастливить кого-нибудь изъ нихъ.

— Какъ! неужели вы думаете, это такъ легко сдѣлать, сказала дочь со вздохомъ; а мнѣ кажется, что, когда сердце мое заговоритъ въ пользу одного изъ нихъ, невозможно, чтобъ глаза мои и губы стали говорить противное.

— Ну, пожалуй, если хочешь, выбирай себѣ любаго по сердцу, только не мѣшай дѣло какъ мнѣ вести съ ними, слѣдуетъ. Молодой человѣкъ, что встрѣтили мы вечеромъ сегодня, съ черными бровями, съ глазами, сверкающими огнемъ....

— А у донъ-Андре въ одномъ глазѣ, который остался у него, гораздо больше жизни, нежели у молодаго человѣка въ его двухъ глазахъ, и эта рана вмѣсто глаза не говоритъ ли въ пользу его храбрости? По моему, онъ долженъ гордиться этой царапиной.

Digitized by Google

— Это такъ. Единственный глазъ его удивительно проницателенъ: ничто, кажется, не ускользнетъ отъ него. Замѣтила ты намедни, какъ скоро догадался онъ, что мы во глубинѣ души давали обѣтъ всячески способствовать возстанію?

— Его́ проницательность, догадливость и храбрость должны ручаться за безопасность той, которую онъ любилъ?

— Г-мъ.... Прозорливость эта, правда, хороша въ женихѣ, но въ мужѣ она не годится.

Разговоръ былъ прекращенъ раздавшимися въ тишинѣ ночи отдаленными звуками мандолины; вскорѣ потомъ кто-то запѣлъ на улицѣ не совсѣмъ гармоническимъ, а скорѣй мужественнымъ голосомъ слѣдующій куплетъ:

Luz divina de los ojos
Que me tienen cautivo
Que si vieras los des pojos
De mi corazon vivo.....

(Божественный свѣтъ очей, меня плѣнившихъ, — что̀, если бы вы видѣли страданія этого истерзаннаго сердца....)

— Каковы стихи-то! сказала старуха, словно ихъ еще нѣтъ въ печати. Лусъ, вѣдь это твое имя и для тебя вѣдь поются эти стихи, а знаешь ли, чей это голосъ? молодаго человѣка съ черными бровями.

— Лучше бы, если бъ пѣлъ не онъ, а Андре, сказала дочь.

— Да что жъ такое? Одному вручи сердце, а другому отдайся слухомъ.

И обѣ женщины ожидали продолженія куплета; но пѣвецъ ждалъ одобренія своимъ любовнымъ стансамъ. Ничто однакожъ не нарушало глубокой тишины. Онъ не упалъ духомъ, — черезъ нѣсколько минутъ голосъ снова раздался, и ужъ этотъ разъ въ саду, куда пѣвецъ перелѣзъ, должно быть, черезъ плетень. Но не успѣлъ онъ кончить куплета, какъ послышался звукъ обнаженной шпаги и вслѣдъ за тѣмъ посыпались угрозы.

— Господи! никакъ они биться хотятъ! закричала испугавшаяся старуха; обнажили ужъ шпаги; ну, прощай наши защитники!

Но Беррендо попался въ расплохъ, — шпаги при немъ не было, она осталась въ цирюльнѣ, и онъ долженъ былъ отдаться въ руки противника своего Андре, который, забравшись прежде его въ садъ, слышалъ почти весь разговоръ матери съ дочерью.

Digitized by Google

— Остановитесь, синьйоры! воскликнула мать; дочь моя никому изъ васъ не дала права биться за нее; а впослѣдствіи заслужить которому-нибудь эту честь зависитъ отъ васъ.

Послѣ этого неожиданнаго ободренія, угрозы обоихъ противниковъ стихли. — Подойдите сюда къ окошку, продолжала старуха; примите отъ матери, дорожащей честью дочери, доказательство самой безкорыстной преданности. Подойдите сюда, со шпагами въ ножнахъ и безъ вражды на сердцѣ и на губахъ; не то дочь моя и я сочтемъ васъ вѣроломными рыцарями.

Андре и Беррендо подошли вмѣстѣ къ окошку, съ шляпами въ рукахъ. Двѣ смоляныя свѣчки, находившіяся въ комнатѣ, освѣтили ихъ физіономіи. Андре, казалось, забылъ о ссорѣ, упоенный признаніемъ, сорвавшимся съ устъ молодой дѣвушки. Беррендо стоялъ съ увѣренностью, которую внушало ему чувство собственнаго достоинства. Тогда мать такъ ловко вклеила въ разговоръ обѣщаніе смягчить дикій нравъ дочери и грусть вдовы и сироты по главѣ семейства; такъ ярко выставила передъ глазами любезныхъ молодцовъ надежду на сладостное вознагражденіе, что каждый изъ нихъ, вполнѣ увѣренный въ пріобрѣтеніи его, далъ обѣщаніе матери и дочери сопутствовать имъ хоть на край свѣта. Между тѣмъ старуха, зная, что нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, назначила на третій день путешествіе свое въ Техуаканъ. Послѣ этого они отправились по домамъ.

— Видишь ли, Лусъ, сказала, торжествуя, мать, успѣхъ зависитъ отъ того, какимъ образомъ возьмешься за дѣло, и я сегодня связала опять сердца двухъ мужчинъ, которыми ты можешь отнынѣ располагать по произволу.

Старуха была права. На другой день, на разсвѣтѣ, Андре и Беррендо, какъ это было между ними условлено, отправились къ пещерѣ и ѣхали все время такъ миролюбиво, словно у нихъ наканунѣ между собою ничего не было. Пріѣхавши къ пещерѣ, они привязали лошадей къ дубу, который закрывалъ входъ. Драпировка изъ плюща колыхалась въ томъ же видѣ, какъ оставилъ ее вчера Беррендо; но это только такъ казалось для близорукаго. Опытный же глазъ искателя слѣдовъ сейчасъ увидѣлъ по едва замѣтно перемятымъ листьямъ, что драпировка нѣсколько разъ поднималась отъ безпрестанной ходьбы въ пещеру и изъ пещеры. Прежде нежели они взошли въ нее, Беррендо спросилъ у *растреадора*, есть ли у него свой лозунгъ, кромѣ его, потому что неловко было бы въ

Digitized by Google

агентахъ донъ Рамона возбуждать напрасное подозрѣніе. Тапіа увѣрилъ его, что имѣетъ свой лозунгъ, и они взошли смѣло въ гротъ, но подвигались впередъ осторожно, не зная сами еще, съ кѣмъ имъ придется имѣть дѣло.

Едва прошли они нѣсколько шаговъ ощупью, (драпировка изъ плюща едва пропускала свѣтъ), какъ поразилъ ихъ какой-то странный шумъ. Въ этомъ неопредѣленномъ шумѣ выдавался и звукъ человѣческихъ голосовъ. Вскорѣ впрочемъ поняли они причину этого шума. Пройдя узенькій проходъ, который велъ къ самой обширной части подземелья, они остановились, пораженные странной картиной. Огонь, разведенный въ огромныхъ печахъ, освѣщалъ безчисленное множество высокихъ колоннъ, образовавшихся подъ гранитнымъ сводомъ необъятнаго пространства отъ сильнаго натиска пробиравшейся въ пещеру воды. Отсвѣтъ огня освѣщалъ множество суетившагося народа, множество длинныхъ, узкихъ потоковъ расплавленнаго металла, которые струились изъ горнилъ, и наконецъ, въ самой дали, лошадей, привязанныхъ къ стѣнамъ, осѣдланныхъ, взнузданныхъ, вполнѣ приготовленныхъ для ѣзды на всякій случай.

— Ну что? воскликнулъ искатель слѣдовъ, не говорилъ я вамъ, что здѣсь скрывается донъ Рамонъ? Конечно, не Испанцамъ же скрываться внутри земли, чтобы выливать тамъ пушки. Проникнуть въ могилы, чтобы добыть оттуда селитры, могъ только человѣкъ, довольно закаленный въ борьбѣ, каковъ донъ-Рамонъ.

Беррендо ничего не могъ отвѣчать на это замѣчаніе. Казалось, иначе никакъ нельзя было объяснить внезапное исчезновеніе донъ Рамона. Вскорѣ оба посѣтителя были окружены мятежниками, которые бросились къ нимъ на встрѣчу.

— Представьте насъ донъ Рамону, сказалъ Тапіа.

— Мы не знаемъ никакого донъ Рамона! воскликнулъ одинъ изъ работниковъ.

— И сколько я вижу, вы не знаете также Андре, искателя слѣдовъ, потому что думаете морочить его. Донъ Рамонъ здѣсь, и мнѣ нужно ему кое-что сообщить по порученію генерала донъ Игнатія, сказалъ смѣло *растреадоръ*, нисколько не боясь западни, которую думали ему разставить. Увидя проходившаго мимо его въ это время какого-то офицера, Тапіа воскликнулъ:

— Синьйоръ донъ Рамонъ, посланному вашего брата нужно васъ видѣть.

Digitized by Google

— Я не знаю, любезный, кто ты такой, а ты показываешь, словно знаешь меня? возразилъ офицеръ.

— Вы меня не знаете! Я тотъ, который умѣлъ бы узнать двухъ братьевъ, хотя бы они были меньше схожи другъ съ другомъ, нежели вы съ вашимъ братомъ, отвѣчалъ Андре улыбаясь, и вы перестанете сомнѣваться во мнѣ, когда я, по порученію вашего брата, скажу вамъ одно слово и при томъ на ухо, чтобъ никто не могъ услыхать его.

Искатель слѣдовъ нагнулся къ уху офицера и прошепталъ такъ, что никто не могъ его слышать, нѣсколько словъ, которыя страшно взволновали офицера.

— Такъ, хорошо, сказалъ онъ лаконически, человѣкъ этотъ изъ числа нашихъ.

Беррендо признался, что, хотя онъ коротко зналъ донъ Игнатія, но никогда не счелъ бы донъ-Рамона по лицу за его брата; и это обстоятельство раскрыло передъ нимъ еще больше проницательность Андре.

Оба посланные отъ генерала Игнатія были приняты какъ нельзя болѣе дружески, и имъ сообщили всѣ происшествія, вслѣдствіе которыхъ случилось внезапное исчезновшіе донъ Рамона. Мѣсяцъ тому назадъ, въ пещерѣ находились одни звѣри осужденные жить во мракѣ. Случай привелъ къ этому убѣжищу одного солдата, находившагося подъ начальствомъ донъ Рамона. Страшный гулъ, раздававшійся внутри, испугалъ его и заставилъ, какъ и Беррендо, выбѣжать оттуда. Когда узналъ объ этомъ открытіи донъ Рамонъ, то рѣшился проложить, во чтобы то ни стало, удобные ходы въ эту пищеру, гдѣ въ изобиліи находилась селитра, въ которой онъ очень нуждался. Взявши съ собой нѣсколько человѣкъ, снабженныхъ факелами и топорами, отправился онъ во внутренность пещеры. Едва только сдѣлали они нѣсколько шаговъ, какъ цѣлая сплошная масса летучихъ мышей, испуганныхъ непривычнымъ для нихъ свѣтомъ, устремилась на факелы и потушила ихъ, но не совсѣмъ, такъ, что можно было мѣстами разглядѣть удивительную колонаду сталактитовъ изъ черной селитры. Для людей, отыскивавшихъ повсюду матеріалъ, необходимый для дѣланія пороха, это было, просто, благодѣяніемъ Провидѣнія. Однакожь, какъ оказалось, нельзя было уничтожить эти природныя пилястры; они, безъ сомнѣнія, поддерживали сводъ пещеры, и донъ Рамонъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. На землѣ кучами лежалъ навозъ; донъ Рамонъ велѣлъ полить

Digitized by Google

его варомъ, смѣшаннымъ съ сѣрой, и потомъ зажечь. Въ продолженіе пятнадцати дней, пламя истребило всѣхъ скрывавшихся въ пещерѣ звѣрей, и, когда потушили огонь, предпріимчивый партизанъ увидѣлъ надежное убѣжище, гдѣ могли свободно расположиться двѣ тысячи людей, и гдѣ земля, пропитанная селитрой, могла въ изобиліи снабдить его самыми нужными веществами для фабрикаціи пушечнаго пороха. Сооружены были въ скоромъ времени четыре плавильныя печи и приведены въ дѣйствіе; подѣланы формы для литья пушекъ; Андре и Беррендо явились въ пещеру въ то самое время, когда донъ Рамонъ натолкнулся на новыя вещества, сохранявшіяся въ нѣдрахъ земли. Донъ Рамонъ всячески старался приманить къ себѣ въ службу сперва Андре, потомъ Беррендо; но ни тотъ, ни другой не согласился, подъ предлогомъ, что, по приказанію генерала донъ Игнатія, они должны теперь, не медля нисколько, явиться къ нему.

Еще до заката солнца успѣли они прибыть въ Пукуаро, и остатокъ дня посвятили приготовленіямъ къ путешествію. Денегъ при нихъ оказалось достаточно. Не условившись ни въ чемъ заранѣе, на другой день утромъ оба они пріѣхали къ знакомому имъ домику. Привели они съ собой каждый по отличной лошади для матери и дочери. Старуха не могла пожаловаться на невѣжливость своихъ спутниковъ; она благодарила ихъ за вниманіе. Дочь же, какъ ни старалась, не была въ состояніи держать себя сообразно наставленіямъ матери, не могла придать себѣ гордой, суровой осанки; покрывшіяся румянцемъ щеки и глаза, изнуренные пріятнымъ томленіемъ зародившейся въ груди ея любви, ясно говорили о неспособности ея къ той роли, на которую мать думала ее поставить.

Какъ только явились всадники съ лошадьми, мать обратилась къ ней съ торжествующимъ видомъ; а она, несчастная, смущенная взглядомъ матери, только и сдѣлала, что опустила на лицо свое *rebozo*. Отъ взора Андре не ускользнула эта нѣмая сцена, и хотя бы искателю слѣдовъ и не привелось подслушать сокровенныя чувства матери и дочери, но все-таки смущеніе дѣвушки не могло бы остаться незамѣтнымъ для проницательнаго его глаза.

Положено было, что поочередно изъ четырехъ лошадей двѣ должны отдыхать во время пути. Когда обѣ женщины, съ помощію услужливыхъ кавалеровъ, помѣстились на сѣдлахъ, старуха, обратясь къ нимъ, сказала:

Digitized by Google

— Теперь на вашей ответственности лежитъ жизнь и честь двухъ женщинъ.

— Провалиться бы тебѣ въ первую на дорогѣ пропасть, проклятая старуха! проговорилъ сквозь зубы Беррендо, крутя отъ досады усы.

И поѣздъ тронулся. —

III. Ночной косецъ.

Въ тѣ времена подобное путешествіе изъ Пуэбло, находящагося въ штатѣ Вальядолидѣ, въ Техуаканъ, городъ штата Оахака, составляло довольно продолжительный и притомъ опасный переѣздъ; а въ особенности не легко было проѣхать разстояніе болѣе чѣмъ въ двѣсти льё, лежащее между этими городами, въ компаніи женщинъ или съ тюками товаровъ. Каждый вооруженный мексиканецъ, какъ мятежникъ, рисковалъ быть повѣшеннымъ Испанцами, безъ всякаго суда, на первомъ попавшемся на дорогѣ деревѣ; а мирнымъ путешественникамъ, погонщикамъ лошаковъ, торговцамъ, предстояли разнаго рода напасти. Особенно страдала отъ Испанцевъ въ то время провинція Оахака, богатая отъ торговли, которую вела она съ Пуэблой и другими городами. А испанскіе конвои только увеличивали эти гнусныя злоупотребленія. Каждая траншея, каждая крѣпостца сдѣлались заставами для сбора пошлины. Тамъ не только платили, смотря по капризу начальниковъ, огромныя суммы денегъ, но казалось даже, что воскресъ прежній феодализмъ съ своими безразсудными правами. Начальники грабили путешественниковъ и позволяли то же дѣлать своимъ солдатамъ. Самую же гнусную подать приходилось платить женщинамъ.

Чтобы не натолкнуться на испанскіе посты, путешественники нѣсколько разъ принуждены были дѣлать большіе объѣзды. И не будь съ ними Андре, врядъ ли бы они доѣхали даже до границъ штата Оахака, гдѣ находились самые опасные испанскіе посты. Къ счастію, искатель слѣдовъ былъ урожденецъ этого самаго штата, и ему знакомы были малѣйшія тропинки въ лѣсахъ и горахъ. Во все время путешествія старуха мастерски ухаживала за двумя кавалерами, и въ каждомъ поперемѣнно возбуждала надежду на награду. Лусъ, съ своей стороны, никакъ не могла приспособить себя къ той роли, о которой не переставала напоминать ей мать; природа въ ней взяла свое: все время была она скромна и застѣн-

Digitized by Google

чива, и не помоги Андре случай узнать тайну ея сердца, онъ не могъ бы въ ней подсмотрѣть той страсти, которую она питала къ нему. Скромная гордость молодой дѣвушки была завлекательнѣе всякаго утонченнаго кокетства; восторгъ двухъ вздыхателей увеличился, и Беррендо былъ вполнѣ увѣренъ, что растопчетъ въ прахъ своего соперника. Вскорѣ два чрезвычайные случая нарушили полное согласіе между путешественниками; эти два случая рѣшили участь Андре и приготовили ужасную развязку сантиментальнаго романа, прологъ котораго открылся въ Пуэкуаро.

Для бо́льшей безопасности путешественники наши находились въ дорогѣ только ночью. Обыкновенно, они отправлялись въ путь въ сумерки и останавливались на разсвѣтѣ, и солнце встрѣчало ихъ пріютившихся гдѣ-нибудь въ одинокой хижинѣ, заставленной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, или въ какомъ безплодномъ, дикомъ мѣстѣ, вдали отъ дорогъ. Почти подъѣзжая уже къ Техуакану, они остановились ночью у одного индѣйца, чтобы дать лошадямъ по порціи маису, и, поужинавши, отправиться опять въ дорогу. Андре и Беррендо суетились ужъ на дворѣ съ лошадьми, какъ прибѣжала къ нимъ мать Лусъ, вся въ испугѣ, и объявила имъ, что, такъ какъ не далеко до Текуахана, то ужъ лучше до слѣдующаго дня отложить конецъ путешествія.

— А почему этакъ? спросилъ ее изумленный искатель слѣдовъ.

— Почему? возразила старуха, перекрестившись. А вотъ индѣецъ, у котораго мы остановились, видѣлъ прошлую ночь ночнаго косца, и говоритъ, что мы непремѣнно при лунѣ встрѣтимъ его въ полѣ съ огромными ножницами, которыми онъ коситъ *альфальфу* (люцерну). Право, увѣряю васъ, продолжала испуганная старуха, если я увижу его, то умру со страха.

— Ну что жъ такое, если мы его и увидимъ! сказалъ Андре; ночной косецъ никого не трогаетъ. Въ случаѣ, если лошадь устанетъ, то очень пріятно даже будетъ, что онъ потрудился накосить люцерны. Опасности, стало быть, никакой нѣтъ; ночныя встрѣчи мнѣ не страшны; но за денныя я не ручаюсь вамъ.

Эти слова успокоили старуху, и путешественники отправились къ послѣднему этапу.

Вѣрованіе въ ночнаго косца составляетъ одинъ изъ крѣпко-закоренѣлыхъ предразсудковъ штата Оахаки. Въ тамошнемъ народѣ ходитъ молва, что въ началѣ побѣды, обезславленной множествомъ жестокостей, одинъ испанскій воинъ, который прославился безпо-

Digitized by Google

щадною ненавистью къ Индѣйцамъ, встрѣтилъ разъ одного изъ нихъ въ полѣ, косящаго люцерну. Испанецъ ѣхалъ на отличной, горячей, но уже изнуренной лошади, которую гналъ въ галопъ, и, проѣзжая мимо косца, закричалъ ему:

— Эй! послушай! Когда я доѣду до Оахаки, если буду продолжать ѣхать тѣмъ же маршемъ?

— Никогда! отвѣчалъ индѣецъ.

Въ самомъ дѣлѣ, проѣхавши нѣсколько шаговъ, лошадь его, надорвавшись отъ усталости, упала. Всадникъ, не понявшій, вѣроятно, индѣйца, который хотѣлъ сказать, что онъ никогда не доѣдетъ на той лошади, по крайней мѣрѣ, если не перестанетъ ее такъ надрывать, вообразилъ, что его лошадь околдовали, бросился въ бѣшенствѣ на индѣйца и убилъ его. Это злодѣйство довершило всѣ несправедливости Испанцевъ. Въ тотъ же самый вечеръ изчезъ онъ, осужденный,—какъ говорятъ Индѣйцы, желая этимъ поразить своихъ непріятелей, — вѣчно косить люцерну. Около цѣлаго часа ѣхали наши путешественники, не обмѣнявшись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ. Глубокая тишина царствовала кругомъ. Оба путеводителя съ восторгомъ вкушали, кромѣ упоенія, которое имѣютъ въ себѣ ясныя ночи въ прекрасныхъ странахъ, невыразимое наслажденіе любоваться обожаемымъ существомъ. Слегка наклоненная къ сѣдлу, побѣднѣвшая отъ усталости и тщательно окутанная своимъ *rebozo*, подобно цвѣтку дурмана (datura), спрятавшемуся къ ночи въ свою чашечку, Лусъ казалась задумчивою больше обыкновеннаго. Подобно нѣкоторымъ цвѣткамъ, которые съ приближеніемъ грозы опускаются къ землѣ на своихъ тонкихъ стебляхъ, она, казалось, предчувствовала, что въ эту ночь должна рѣшиться ея судьба. Наконецъ, по прошествіи двухъ часовъ, кавалькада должна была бросить окольныя дорожки, по которымъ пробиралась до тѣхъ поръ для минованія испанскихъ этаповъ. Выѣхавши на большую дорогу, ведущую къ Техуакану, путешественники увидѣли огни, сверкавшіе вдали по обширной равнинѣ, и вскорѣ могли разглядѣть людей, бѣгавшихъ въ разныя стороны съ озабоченнымъ видомъ, и лошаковъ, съ спутанными передними ногами, прыгавшихъ при свѣтѣ разведеннаго огня, который освѣщалъ палатки и разбросанные по землѣ тюки товаровъ. Путешественники по этимъ признакамъ тотчасъ догадались, что это долженъ быть роздыхъ погонщиковъ лошаковъ, и осторожно приблизились къ нимъ, думая разспросить ихъ о дорогѣ къ Техуакану, откуда, вѣроятно, выбыли тѣ въ то же самое утро. Нѣкоторые изъ нихъ зашивали тюки

Digitized by Google

большая часть которыхъ была распорота, выказывая упрятанный въ нихъ товаръ. Между ними особенно отличался одинъ человѣкъ, который съ отчаяніемъ глядѣлъ на эти раззоренные тюки. Должно быть, это самъ хозяинъ товара.

— Позвольте узнать, вы теперь изъ Техуакана? спросилъ его искатель слѣдовъ.

— Rayo de Dios! воскликнулъ онъ; хорошо бы было, еслибъ оттуда! Честный генералъ Теранъ вѣроятно не ограбилъ бы меня, какъ....

— Не бойтесь, продолжайте! какъ эти роялисти, враги наши.

— Какъ эти разбойники Испанцы, продолжалъ погонщикъ лошаковъ (arriero). Мало было имъ, что взяли по 5 піастровъ съ головы лошака, всего почти 200 *duros;* вздумали совершенно раззорить меня; изъ каждаго тюка повытаскали по образчику всякой матеріи. Покарай ихъ небо; они въ конецъ раззорили меня своей алчностью!

И несчастный сталъ вздыхать и стонать пуще прежняго; но вскорѣ успокоился и воскликнулъ, сжавши кулаки: — Ахъ, если бы небо послало мнѣ теперь двухъ или трехъ человѣкъ изъ этой шайки грабителей по большимъ дорогамъ, все равно, офицеровъ ли, или солдатъ, — какъ бы я заставилъ ихъ поплатиться мнѣ за все!

Едва успѣлъ онъ кончить эти слова, какъ раздался выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ другой.

— Что́ такое? спросилъ *arriero.*

— Пистолетные выстрѣлы, отвѣчалъ Беррендо, посмотрите, небо услыхало васъ, посылаетъ вамъ на мщеніе испанскаго драгуна.

Погонщикъ лошаковъ, казалось, не совсѣмъ-то былъ радъ, что желаніе его такъ скоро исполнилось.

— Послушайте, сказалъ онъ, обратясь къ Андре и Беррендо, неужели вы допустите убить человѣка, совсѣмъ уже ограбленнаго?

Оба пріятеля обнажили свои шпаги при приближеніи къ нимъ солдата; но вскорѣ должны были опять вложить ихъ въ ножны. Всадникъ былъ раненъ въ голову и едва сидѣлъ на сѣдлѣ, а лошадь несла его. Подъѣзжая къ путешественникамъ, драгунъ свалился съ лошади и остался недвижимъ. Беррендо взялъ его лошадь.

— Возьмите ее себѣ, сказалъ онъ погонщику: хоть и ничтожное, но все-таки составитъ вамъ вознагражденіе.

— Сохрани меня Богъ! возразилъ погонщикъ лошаковъ.

Между тѣмъ, искатель слѣдовъ, приставивши кулакъ къ единственному глазу, чтобы лучше сосредоточить лучъ зрѣнія, смотрѣлъ

Digitized by Google

въ даль, но за темнотою ничего не могъ разглядѣть; однако жъ догадливость его совершенно проникла и за темноту.

— Оба эти пистолетные выстрѣла, сказалъ онъ, были сдѣланы однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, потому что звукъ ихъ одинаковъ, пистолеты были заряжены одной и той же рукой и одинаковой мѣрой пороху. Всадники эти должны быть съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; потому что при несчастномъ, который упалъ съ лошади, два пистолета въ чушкахъ; впрочемъ я слышу только стукъ саблей. Вотъ слышно, кто-то взываетъ о помощи: это иностранецъ, котораго, вѣроятно, хотятъ взять живаго и стараются обезоружить.

Слухъ Беррендо далеко не былъ такъ тонокъ, какъ у Андре. До него не доходилъ ни стукъ сабель, ни крикъ человѣка, молящаго о помощи, и пока онъ оставался въ нерѣшимости, что̀ ему дѣлать, Андре полетѣлъ галопомъ по направленію крика, который слышался ему. Лусъ смотрѣла на все это неподвижная и блѣдная, какъ мраморная статуя. Беррендо, желая тоже блеснуть отвагою передъ своей повелительницею, устремился было вслѣдъ за Андре; но раздирательные крики старухи остановили его.

— *Maria santissima!* воскрикнула она, что жъ, вы насъ одныхъ оставите?

Беррендо остался. Иностранецъ между тѣмъ, какъ ни старались солдаты заложить ему ротъ, продолжалъ взывать о помощи. Андре пришпорилъ лошадь и поскакалъ еще скорѣе. Къ счастію его, мѣсто было песчаное: топотъ лошадиный не могъ выдать его непріятелю. Вскорѣ онъ увидѣлъ трехъ драгуновъ, собравшихся подлѣ какого-то человѣка, лежавшаго на землѣ, которому старались они зажать ротъ и связать руки и ноги. Андре, немедля нисколько, бросился на нихъ. Они до того оторопѣли, что не скоро рѣшились защищаться. Искатель слѣдовъ не хотѣлъ разсуждать, правы ли они или нѣтъ; достаточно было и того, что онъ видѣлъ передъ собой трехъ испанскихъ драгуновъ, своихъ непріятелей, и несчастнаго человѣка, изнемогающаго отъ неровной борьбы. Съ двухъ выстрѣловъ убилъ онъ двухъ изъ нихъ наповалъ; теперь оставалось раздѣлываться съ третьимъ; но, или этотъ испанецъ посовѣстился отстаивать гнусное дѣло, или по природѣ ужъ не терпѣлъ никакихъ объясненій, только поскакалъ какъ сумашедшій, и такъ безпощадно дѣйствовалъ шпорами, что чрезъ минуту скрылся изъ виду.

Андре, оставшись побѣдителемъ, поспѣшилъ освободить иностранца отъ веревокъ, которыми опутали его; лошадь его, проколотая

Digitized by Google

шпагою, какъ быкъ въ циркѣ послѣ нанесеннаго ему *матадоромъ* удара лежала на пескѣ. Поймавши лошадь одного изъ драгуновъ, Андре подалъ ее иностранцу, который черезъ силу усѣлся на нее. Когда они вдвоемъ возвратились, Лусъ шептала пламенную молитву благодарности. Погонщикъ лошаковъ, не смотря на сильное желаніе мщенія, дрожалъ отъ страха, когда увидѣлъ его осуществленнымъ. Въ то время еще такъ страшно гремѣло имя Испанца для большей части Креоловъ, что всѣ люди, бывшіе при погонщикѣ лошаковъ, не понимали, какимъ это образомъ Андре посмѣлъ напасть на солдатъ вице-короля. И потому погонщикъ лошаковъ, испугавшись, что, пожалуй, обвинятъ его въ участіи, со слезами умолялъ путешественниковъ уѣхать поскорѣе отъ него. Арріеро не могъ сообщить никакихъ свѣдѣній объ освобожденіи иностранца, а Андре ничего не стоило согласиться на просьбу этого труса, который въ состояніи былъ скорѣе обличить его, нежели благодарить за мщеніе. Искатель слѣдовъ поѣхалъ впередъ, а за нимъ послѣдовали и прочіе спутники, къ которымъ присоединился иностранецъ. Путешественникъ этотъ былъ англичанинъ и назывался Робинсономъ. — Очень благодаренъ вами! сказалъ онъ Андре: вы оказали вашей страны и генералу Терану такую важную услугу, о какой, можетъ быть, и не воображаете.

Послѣ этой благодарности, выраженной непонятными словами, иностранецъ совершенно погрузился въ самаго себя. Проѣхавши нѣсколько льё, путешественники стали ужъ различать, при свѣтѣ луны, дома Техуакана, какъ искатель слѣдовъ указалъ имъ картину, отъ которой пробѣжала у нихъ дрожь по тѣлу.

Въ сосѣднемъ съ дорогою полѣ, роскошно покрытомъ *альфальфой*, на которое луна отбрасывала тѣнь отъ оливковыхъ деревьевъ, стоялъ пагнувшись какой-то человѣкъ и косилъ или хотѣлъ показать, что коситъ люцерну. Изъ сѣраго войлока шляпа, съ широкими, поднятыми къ верху полями и съ длиннымъ перомъ съ боку, скрывала отъ постороннихъ черты его лица; рубашка съ широкими оборками на рукавахъ и коротенькіе панталоны доставляли косцу сходство съ портретами лицъ временъ завоеванія, оставленными испанскимъ живописцемъ Мурильо. Ноги его закрыты были люцерной, и потому не видать было, есть ли у него, какъ у лицъ на тѣхъ старинныхъ портретахъ, бродкины изъ кордовской кожи. Впрочемъ путешественники такъ сильно были встревожены этимъ явленіемъ, что не могли хорошенько разсмотрѣть косца. Два острія огромныхъ

Digitized by Google

ножницъ открывались и закрывались безъ малѣйшаго шума, блестя при свѣтѣ луны; потомъ, когда скошенная люцерна упадала къ его ногамъ, онъ, казалось, рылся въ карманѣ и послѣ того описывалъ рукой въ воздухѣ вокругъ себя таинственный полукругъ; потомъ опять принимался за ножницы, и снова скошенная альфальфа ложилась на землю къ его ногамъ.

Бронзовое лицо искателя слѣдовъ, казалось, покрылось на минуту блѣдностью; но раздувшіяся ноздри и огонь, сверкнувшій изъ его единственнаго глаза, показывали, что, если страхъ и овладѣлъ имъ, то по крайней мѣрѣ не вслѣдствіе недостаточности его непогрѣшимой проницательности: эта минута нерѣшимости или, какъ казалось, страха, была вслѣдствіе того, что онъ старался разпознать, что̀ за человѣкъ ночной косецъ и что̀ бы могло заставить его прибѣгнуть къ подобной шалости.

— Боже мой! вѣдь это ночной косецъ! прошептала старуха.

— О! выговорилъ англичанинъ, который не понималъ старуху.

Искатель слѣдовъ покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ; сдѣлавши только знакъ путешественникамъ, чтобъ они не трогались съ мѣста, онъ слѣзъ потихоньку съ лошади и отдалъ ее Беррендо.

— Что̀ вы хотите дѣлать? спросила его испугавшаяся Лусъ.

— Тссъ! было ей отвѣтомъ, при чемъ Андре бросилъ на нее взглядъ, который говорилъ, что даже видъ сверхъестественнаго существа не испугаетъ его; потомъ, согнувшись, пошелъ вдоль кустарника, росшаго подлѣ дороги. Наконецъ очутился онъ на такомъ мѣстѣ, что могъ выпрямиться. Дорога выходила ложбиной, а двѣ платформы, которыя находились на обоихъ концахъ дороги, приходились совершенно въ уровень съ головами путешественниковъ. Такимъ образомъ, они могли видѣть почти все, что̀ происходило на каждомъ скатѣ, и притомъ такъ, что при нѣкоторой осторожности сами никѣмъ не могли быть замѣчены.

Въ то время какъ Андре остановился за кустами и разглядывалъ косца своимъ проницательнымъ глазомъ, тотъ пересталъ косить, а водилъ рукой по воздуху надъ скошенной имъ травой. Тогда слышно стало, что онъ пѣлъ пѣсню, но смысла которой никакъ нельзя было понять,—вѣроятно, какую-нибудь пѣсню не здѣшняго міра. Потомъ Андре вдругъ изчезъ; въ то же самое время дерево и тѣнь, лежавшая отъ него, совершенно скрыли косца отъ взоровъ путешествен-

Digitized by Google

никовъ. Луна освѣщала только пустое, совсѣмъ выкошенное поле *альфальфы*.

Англичанинъ, которому не была извѣстна легенда о ночномъ косцѣ, очень спокойно ждалъ возвращенія Андре, который вскорѣ явился мѣрнымъ шагомъ и съ задумчивымъ лицемъ, и взялъ свою лошадь у Беррендо.

— Глупо я сдѣлалъ, что не взялъ съ собой карабина; но впрочемъ знаю, что̀ мнѣ теперь нужно сдѣлать, сказалъ онъ.

— Къ чему послужатъ пули противъ призрака? возразилъ ему Беррендо. Развѣ вы не замѣтили, какъ онъ исчезъ, не смотря на всю предосторожность и ловкость вашу при подходѣ къ нему?

— Да, если бы только время мнѣ позволяло, такъ, будь хоть самъ духъ воздуха, я съумѣлъ бы найдти его по слѣду; но оставаться здѣсь не возможно: чрезъ это несчастіе успѣетъ ойти до гавани. Видите ли, сейчасъ покажутся передъ нами колокольни Техуакана.

Андре сѣлъ на лошадь, и путешественники поѣхали теперь довольно скоро, чтобы наверстать потерянное время. Растреадоръ молчалъ, и, казалось, глубоко былъ погруженъ въ самаго себя.

Вы, стало быть, не вѣруете въ ночнаго косца? спросила Лусъ, прерывая его размышленія.

— Этотъ косецъ, такое же существо, какъ и мы, изъ тѣла и костей; лошади, видѣвшіе его, нисколько не пугались, что̀ бываетъ съ ними, какъ говорятъ, при видѣ пришлеца съ того свѣта. Но что̀ онъ дѣлалъ?

— Ахъ, Господи, да онъ косилъ! возразилъ Беррендо, онъ за грѣхи свои осужденъ на эту вѣчную казнь. Замѣтили ли вы на немъ шляпу съ длиннымъ перомъ, какая была въ ходу лѣтъ триста тому назадъ въ Испаніи?

— Это не больше какъ роль, увѣряю васъ, а когда играютъ какую-нибудь роль, всегда прежде всего заботятся пріискать соотвѣтствующій ей костюмъ; но къ чему ведетъ эта комедія? этого-то я и добиваюсь. Настоящій индѣйскій косецъ не надѣлъ бы этой шляпы даже и въ эту ночную пору; а этотъ разсчитываетъ, стало быть, обмануть или напугать кого-нибудь, продолжалъ Андре; потомъ, все усиливаясь доискаться этой, по видимому, неразрѣшимой загадки, воскликнулъ наконецъ съ глубокимъ сознаніемъ своей проницательности: — я узнаю, что̀ дѣлалъ этотъ человѣкъ или, пожалуй, призракъ! Вы чрезъ часъ будете въ безопасности — въ Техуаканѣ; а я тамъ буду чрезъ два часа послѣ васъ.

Digitized by Google

И не слушая увѣщаній двухъ женщинъ и Беррендо, которые продолжали увѣрять, что ночной косецъ существо не здѣшняго міра, Андре повернулъ лошадь и поскакалъ во весь духъ по возвратному пути, и вскорѣ опять исчезъ, подобно древнимъ странствующимъ рыцарямъ, которые, пылая горделивымъ желаніемъ доказать свое необузданное мужество въ глазахъ своей возлюбленной, безъ всякаго раздумья бросались въ самыя страшныя приключенія.

Беррендо, англичанинъ Робинсонъ и обѣ женщины подъѣзжали ужъ къ самому городу, воображая себя внѣ всякой опасности, какъ выѣхавшіе изъ города къ нимъ на встрѣчу всадники, человѣкъ около двадцати, загородили имъ дорогу. Ужъ начало разсвѣтать, и по свѣтамъ, которыя везли съ собой всадники, можно было догадаться, что они отправлялись за фуражемъ. Начальникъ отряда окликнулъ путешественниковъ. Лошадь драгуна, которая была подъ англичаниномъ, послужила передъ офицеромъ подтвержденіемъ справедливости свѣдѣній, которыя Беррендо сообщилъ ему.

Послѣ этой встрѣчи путешественники не долго ѣхали; благополучно достигли они первыхъ домовъ Техуакана, гдѣ мы ихъ на время и оставимъ. А между тѣмъ, теперь сперва познакомимся съ англійскимъ путешественникомъ, а потомъ отправимся вслѣдъ за нимъ къ генералу Терану. Вильямъ Робинсонъ былъ владѣлецъ огромнаго груза оружія, находившагося на кораблѣ, который стоялъ у береговъ рѣки Гоазасоалосъ. Рѣшившись продать драгоцѣнный грузъ первому встрѣчному покупателю, не разбирая, кто онъ такой, испанецъ или мятежникъ, англичанинъ напалъ на испанскаго командира, который согласился на его предложеніе, сначала условившись на наличныя деньги, а потомъ просилъ отдать въ кредитъ. Но подъ конецъ придумалъ еще болѣе выгодное для себя средство — просто по праву сильнаго завладѣть этимъ грузомъ оружія. На первой уговоръ англичанинъ очень польстился, второй нѣсколько встревожилъ его, и наконецъ противъ третьяго онъ совершенно возсталъ. Испанецъ объявилъ ему рѣшительно, что, если онъ не передастъ ему, по подлинному акту, всего своего груза, то на вѣки долженъ будетъ проститься съ свободой; при чемъ, смѣясь, замѣтилъ ему, что самаго корабля не тронетъ, что онъ можетъ еще остаться послѣ того вполнѣ счастливымъ человѣкомъ. И несчастный, по приказанію командира, былъ посаженъ въ крѣпость Вильгасъ. Возненавидя роялистовъ, онъ сталъ помышлять о Теранѣ, и подкупилъ караульныхъ крѣпости; но когда онъ выѣхалъ изъ крѣпости и запла-

Digitized by Google

тилъ имъ за побѣгъ деньги, они вздумали опять воротить его въ крѣпость, и конечно успѣли бы въ этомъ, еслибъ только на ту пору не подоспѣлъ къ нему Андре.

Не смотря на внезапное обогащеніе свое, генералъ Теранъ принималъ каждаго во всякое время дня и ночи. Пріѣхавшій въ гостиницу (*posada*), англичанинъ поспѣшилъ только перекусить коечего, и когда труба заиграла зорю, онъ отправился ко дворцу и немедленно былъ допущенъ внутрь. Тамъ онъ увидѣлъ молодаго человѣка, лицо котораго выражало вмѣстѣ знатность, привѣтливость и самый живой умъ. Это былъ генералъ донъ Мануэль де-Мьеръ Теранъ. Какъ видно было, денная его работа уже началась: онъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами и географическими картами. Начальникъ Мексиканцовъ былъ тогда при деньгахъ и съ радостью принялъ предложеніе Робинсона продать ему драгоцѣнный грузъ оружія. Въ то время, какъ онъ договаривался съ англичаниномъ о цѣнѣ, страшный шумъ поднялся на площади, гдѣ за недостаткомъ казармъ расположены были лагеремъ два полка. Генералъ подошелъ къ окну.

— А! это фуражиры наши возвращаются съ добычей; да нынѣшній разъ они забрали еще больше вчерашняго; но что это за человѣкъ съ ними?

Это, ваше превосходительство, сказалъ ему англичанинъ, Андре Тапіа, искатель слѣдовъ. Этотъ самый освободилъ меня отъ испанцевъ, и если вы побѣдите съ помощію оружія, которое я вамъ доставлю, вы будете обязаны собственно этому человѣку.

Андре размахивалъ руками и говорилъ съ жаромъ, а толпа на его слова отвѣчала смѣхомъ. — Если вашему превосходительству угодно будетъ выслушать его, воскликнулъ Робинсонъ, я увѣренъ, что вы съ нимъ согласитесь.

— А *ver* (увидимъ), сказалъ генералъ и приказалъ привести къ себѣ Андре. Тотъ, вошедши, обратился къ Терану съ слѣдующими рѣшительными словами:

— Не угодно ли будетъ вашему превосходительству отдать приказаніе сжечь какъ можно скорѣе весь привезенный фуражъ?

— Зачѣмъ же?

— Потому что враги наши употребляютъ всякаго рода средства для нашей гибели. Вотъ теперь они воспользовались однимъ изъ закоренѣлыхъ предразсудковъ цѣлой нашей провинціи, чтобы отрав-

Digitized by Google

лять фуражъ, который накошенъ, всякій въ томъ увѣренъ, ночнымъ косцемъ, и свойства котораго никто не подозрѣваетъ. За этотъ фуражъ мы поплатимся, я васъ увѣряю, лошадьми цѣлаго полка.

Андре, казалось, былъ вполнѣ увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ. И потому генералъ отдалъ приказаніе спрятать на время фуражъ, боясь такъ дорого поплатиться за него, и на пробу отпустить его какой-нибудь негодной лошади. Немедленно было приступлено къ исполненію приказанія генерала.

— Такъ, сказалъ Беррендо Андре, когда они остались вдвоемъ, этотъ ночной косецъ....

— Былъ не больше какъ жалкій человѣкъ, который исполнялъ предписанную ему роль, но который не въ силахъ былъ бороться со мной.

— Да что́, онъ признался что ли вамъ, что въ этомъ фуражѣ есть отрава?

— Нѣтъ, онъ мнѣ объ этомъ ни слова не сказалъ; у насъ разговоръ былъ только о прекрасной погодѣ и послѣднихъ дождяхъ, отвѣчалъ Андре, разпуздывая лошадь.

— И для васъ это было достаточно, чтобъ....

— Да что жъ! Я угадалъ мысль многихъ изъ нѣсколькихъ словъ, которыя онъ мнѣ сказалъ. Я могъ нѣсколько времени наблюдать за нимъ такъ, что онъ меня не замѣчалъ, а когда я подъѣхалъ къ нему, я уже зналъ, что́ мнѣ слѣдовало сдѣлать — Послушай, любезный, сказалъ я ему, я посланъ чрезвычайнымъ курьеромъ къ коменданту крѣпости Вильгасъ съ важнымъ извѣстіемъ; лошадь моя измучилась, и одна охапка люцерны укрѣпитъ ее; иначе я долженъ буду пріѣхать къ крѣпости ночью, и она будетъ взята. Я предугадывалъ его отвѣтъ; онъ мнѣ сказалъ, что лошадь моя скорѣе доѣдетъ до крѣпости, если поѣстъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, потому что.... потому что та люцерна свѣжа и влажна отъ ночной росы. — Хорошо, отвѣтилъ я ему; я возьму у тебя твою дурацкую шапку.—Съ этими словами я сорвалъ съ его головы маскарадную шляпу, и когда онъ послѣ остолбенѣнія пришелъ въ себя, я ужь скакалъ убѣдить васъ, что ночной косецъ простой человѣкъ, нанятый нашими врагами отравлять сосѣднія намъ поля *альфальфы*. Вотъ черезъ полчаса пойдемте поглядѣть лошадь, накормленную его люцерной.

Digitized by Google

Слова искателя слѣдовъ вполнѣ оправдались на дѣлѣ. Несчастное животное не замедлило вслѣдствіе яду издохнуть въ судорогахъ, и огромный огонь, разведенный на площади, истребилъ вскорѣ до чиста весь фуражъ, который, безъ вмѣшательства Андре, былъ бы очень губителенъ для кавалеріи Терана.

—

IV. Рѣка Плаха-Вицентe.

Пріѣхавши наконецъ, послѣ столькихъ приключеній, въ Техуаканъ, напрасно воображали Андре и Беррендо мирно продолжать борьбу, предметомъ которой была Лусъ. Дней черезъ восемь послѣ пріѣзда ихъ въ Техуаканъ, они находились,—но въ этотъ разъ ужъ одни,—льё за шестьдесятъ отъ города, на границѣ двухъ штатовъ—Оахаки и Вера-Круцъ.

Погода была дождливая, и страна, по которой они ѣхали, представляла самый унылый и странный видъ. Съ одной изъ высочайшихъ оконечностей хребта Мадре, съ горы Рабонъ, стремится несмѣтное множество потоковъ, которые потомъ сливаются въ одну массу, разливающуюся наконецъ на двѣнадцать отдѣльныхъ рѣкъ, и почетнѣйшее мѣсто въ этой великолѣпной связкѣ рѣкъ занимаетъ рѣка Плаха-Вицентe.

Потоки эти отъ безпрерывныхъ сильныхъ дождей вырвались изъ береговъ, затопили страну и превратили ее въ обширное озеро мутной воды, на поверхности котораго выказывались, какъ корабли, верхнія части затопленныхъ зданій.

Посреди узкихъ полосъ земли, оставшихся на поверхности этого огромнаго озера въ видѣ искусно расположеннаго шоссе, лошади обоихъ авантюристовъ, завязнувши по груди въ тинѣ, съ трудомъ подвигались впередъ. По ихъ слѣдамъ, почти за полмили отъ нихъ, ѣхалъ отрядъ изъ четырехъ-сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ генерала Терана. Они пробирались къ рѣкѣ Плаха-Вицентe, а потомъ къ рѣкѣ Гоазакоалькосъ, гдѣ находился корабль съ богатымъ грузомъ оружія, купленнымъ Тераномъ у Робинсона. Оба проводника, и въ особенности Андре, ѣхали въ мрачномъ унынiи, вполнѣ соотвѣтствующемъ виду мѣстности и непріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ они находились.

— Хорошо бы, если бы мои предвидѣнія не сбылись, сказалъ Андре, окинувъ грустнымъ взоромъ поля, опустошенныя водою, и чтобы съ нами не случилось того же, что съ лошадью испанца, ко-

Digitized by Google

торая потому не достигла цѣли своего путешествія, что всадникъ сначала слишкомъ сильно гналъ ее!

— Я то же этого боюсь, подхватилъ немедленно грустно Беррендо.

— Эта страна мнѣ совершенно незнакома, продолжалъ искатель слѣдовъ; я говорилъ объ этомъ генералу, но онъ и слышать про это не хотѣлъ; а все-таки, случись, что я какъ-нибудь собьюсь съ дороги или наѣду на непріятеля, не разузнавши его попытокъ напасть на насъ, я никакъ не переживу тогда этого позора. Хоть бы онъ отсрочилъ эту экспедицію до окончанія дождей.

— Вы сами виноваты, что онъ взялъ насъ своими проводниками, возразилъ Беррендо: не отправься мы въ ту ночь изъ хижины индѣйца, въ которой хотѣли остаться переночевать, боясь встрѣтить ночнаго косца, вы тогда не оказали бы генералу такой важной услуги, не спасли бы его кавалеріи; вы тогда не оказали бы ему еще важнѣйшей услуги, — не дать Испанцамъ завладѣть грузомъ оружія. И тогда его превосходительство не зналъ бы ни о вашей проницательности, ни о вашей храбрости; уѣзжая изъ Техуакана, мы избавились бы тогда.... Но кстати скажу вамъ, продолжалъ Беррендо, словно пришла ему въ голову какая-то внезапная мысль, должно быть, и за мной видятъ какое-нибудь достоинство; но, кажется, я не былъ такъ счастливъ, чтобъ могъ оказать его превосходительству хоть какую-нибудь услугу. За что же онъ удостоилъ меня своего лестнаго разговора, и сказалъ, что, если я хочу вамъ сопутствовать, то могу ѣхать съ вами, а въ противномъ случаѣ не могу оставаться въ Техуаканѣ.

— Послушайте, возразилъ ему важно искатель слѣдовъ: ваша честь погибла бы въ неровной борьбѣ; я позаботился поддержать эту вашу честь. Да какъ можно допустить, вамъ остаться одному подлѣ прелестной Лусъ; противная сторона при чемъ бы осталась? Вотъ я и уровнялъ съ обѣихъ сторонъ шансы, и, благодаря моей неотступной просьбѣ, вы находитесь теперь подлѣ меня въ качествѣ втораго проводника.

— Какая удивительная симпатія существуетъ между нами! возразилъ ему не менѣе важно Беррендо. Видите ли, если бы я не вознесъ до облаковъ вашего несравненнаго достоинства, какъ проводника, вы вѣроятно теперь были бы еще въ Техуаканѣ.

Поменявшись признаніями другъ съ другомъ, оба соперника замолкли; но взоры ихъ враждебно встрѣтились между собою. Вскорѣ очутились они на оконечности скалы, откуда дорога спускалась къ равнинѣ, или, вѣрнѣе, къ тинистому озеру, образовавшемуся отъ

Digitized by Google

наводненія. Это озеро затопило цѣлый городъ. Находясь на возвышенности, оба проводника могли вполнѣ обозрѣть странную картину, открывшуюся ихъ глазамъ.

— Странное дѣло! сказалъ Беррѐндо: я предлагалъ, что городъ теперь долженъ быть въ страшномъ отчаяніи.

— Напротивъ, возразилъ Андре, время наводненія здѣсь самое веселое: тогда собственно бываютъ здѣсь всѣ торжества и увеселенія.

Множество лодокъ разной величины, пирогъ, пересѣкало желтоватую поверхность озера по всѣмъ направленіямъ. Звукъ колокольчиковъ, какъ и всегда, разносился по городу, а черезъ отворенныя двери церквей видно было, какъ входили пироги внутрь ихъ и останавливались передъ алтаремъ. Черезъ одинъ входъ тихо проскальзывала лодка, вся обвѣшенная чернымъ сукномъ, съ покойникомъ, котораго везла она къ послѣднему человѣческому жилищу; у другаго же входа виднѣлась тоже лодка, но только вся украшенная огнями и павильонами и наполненная молодыми дѣвушками, съ цвѣточными вѣнками на головахъ; дѣвушки съ пѣснями провожали въ церковь невѣсту. На верху террасъ, гдѣ вѣтеръ раскачивалъ повѣшенныя койки, нѣкоторые оставшіеся дома жители радостно кивали головами своимъ знакомымъ, носившимся на лодкахъ по поверхности озера; другіе, свѣсивши ноги наружу, сидѣли на окнахъ и удили на дворѣ и въ комнатахъ нижняго этажа рыбу, которая искала себѣ тамъ въ застоявшейся водѣ убѣжища отъ сильнаго напора разлившихся изъ береговъ рѣкъ. Иногда среди лодокъ вдругъ выказывались вѣтвистые рога оленя, котораго порывистое теченіе воды увлекло за собой изъ лѣсной чащи, или попадались испуганные кабаны, выставившіе наружу свои рыла. Словомъ, казалось, природа измѣнила своему порядку.

Оба проводника должны были сдѣлать большой объѣздъ, чтобъ не попасть въ эту затопленную равнину. Къ счастію, Андре успѣлъ понабрать кой-какихъ свѣдѣній о дорогѣ къ рѣкѣ Плаха-Виценте отъ индѣйцевъ, мелькавшихъ съ помощію широкихъ бревенъ по тинистой странѣ. Но все-таки очень трудно было подвигаться впередъ по этимъ топкимъ мѣстамъ: не видать было ни дорогъ, ни тропинокъ. Самъ Андре, какъ гончая, у которой вдругъ пропало обоняніе отъ росы или отъ большой сухости, не зналъ, какой стороны держаться. То же самое было и съ кавалеріей, съ трудомъ тащившейся по слѣдамъ проводниковъ. Передовымъ лошадямъ приходилось ступать по довольно твердой землѣ; но послѣ нихъ эта земля

Digitized by Google

обращалась въ страшное мѣсиво, такъ что прочія лошади съ трудомъ ужъ тащились по этимъ болотистымъ лужамъ и часто совершенно вязли въ нихъ. По полученнымъ искателемъ слѣдовъ свѣдѣніямъ, нужно было ѣхать къ востоку; но непроходимыя болота не позволяли держаться означеннаго направленія: слѣдовало бы просто повернуть назадъ, но народъ и безъ того ужь упалъ духомъ. Беррендо, погрузившись въ раздумье, ѣхалъ подлѣ искателя слѣдовъ, который съ мрачнымъ видомъ подвигался впередъ. Вдругъ чуткое ухо Андре услыхало глухой и мѣрный отдаленный шумъ какой-то рѣки, которой нельзя было видѣть за плотною стѣною лѣса.

— Теперь не далеко отъ насъ рѣка, сказалъ онъ; но какая рѣка— Богъ знаетъ! нужно поразузнать объ этомъ. Отправимтесь-ка вмѣстѣ, а то пожалуй станутъ говорить, что Богъ лишилъ меня той вѣрной догадливости, которою я ужъ очень гордился.

Оба проводника добрались вскорѣ до какой-то рѣки; но объѣздъ въ сторону, который имъ нужно было слѣлать, не позволялъ имъ рѣшить, какая это именно рѣка. Беррендо увѣрялъ, что это должна быть Плаха-Виценте; Андре не соглашался и подтверждалъ, что это Ріо-Біанко. Во всякомъ случаѣ, теперь нужно было отыскать переходъ. Рѣка эта протекала между высокихъ скалъ, и отъ того, не смотря на ясный день, казалась черною; утесистые берега ея, отстоящіе другъ отъ друга слишкомъ на 40 футовъ, возвышались съ каждой стороны въ видѣ зубчатыхъ стѣнъ и роскошно были усѣяны великолѣпными деревьями; пѣніе разныхъ птицъ, скрывавшихся въ вѣтвяхъ деревьевъ, мѣшалось съ ревомъ рѣки, а сосѣдніе лѣса откликались на эту смѣсь гармоническимъ эхомъ.

— Видите, сказалъ Андре, эта рѣка никакъ не можетъ быть Плаха-Виценте, потому что ничто не обнаруживаетъ здѣсь присутствія человѣка.

— Во всякомъ случаѣ, отвѣтилъ Беррендо, прежде чѣмъ пустимся мы въ дальнѣйшія разысканія, благоразумнѣе будетъ захватить съ собой нѣсколько человѣкъ.

— Отправляйтесь за ними, а я между тѣмъ поищу въ это время перехода, отвѣтилъ Андре.

Беррендо чрезъ нѣсколько времени воротился на то мѣсто, гдѣ оставилъ своего товарища. Онъ привелъ съ собою человѣкъ шесть всадниковъ, менѣе другихъ измученныхъ, и шесть піонеровъ съ топорами. Андре не было ужъ тамъ; но Беррендо услыхалъ его голосъ и вскорѣ присоединился къ нему. Андре указалъ ему на мѣсто, гдѣ берего-

Digitized by Google

выя скалы склонялись надъ водой и сближались другъ съ другомъ вершинами. Индѣйцы перекинули съ одного берега на другой одинъ изъ тѣхъ деревянныхъ мостовъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ Мексикѣ. Связанныя ремнями доски, повѣшенныя на ліанахъ, прикрѣпленныхъ къ деревьямъ, составляли надъ рѣкой мостъ, черезъ который съ трудомъ могли пройдти два человѣка рядомъ, конечно мостъ довольно шаткій отъ гибкости ліанъ, на которыхъ онъ висѣлъ, но прочный на столько, чтобъ выдержать переходъ легкой артиллеріи; отряду генерала Терана случалось ужъ нѣсколько разъ переходить черезъ подобныя мосты и безъ всякаго затрудненія.

— Слава Богу, сказалъ Беррендо; но знайте, Андре, что нынѣшній день отрядъ ужъ дальше не пойдетъ, а станетъ отдыхать, потому что какъ лошади, такъ и люди совершенно измучились, и я сейчасъ слышалъ, что генералъ созвалъ военный совѣтъ, чтобъ разсудить, благоразумно ли углубляться по вашимъ слѣдамъ все больше и больше въ этотъ лабиринтъ лѣсовъ и затопленныхъ мѣстъ.

— Такъ генералъ ужъ не довѣряетъ мнѣ! воскликнулъ живо Андре.

— Совсѣмъ нѣтъ; но только всѣ увѣряютъ, что ваша проницательность нынѣшній разъ погрѣшила, потому что вотъ эту рѣку вы принимаете за Плаха-Виценте. Но въ честности, правдивости вашей никто не сомнѣвается.

— Конечно, это справедливо, возразилъ съ мрачнымъ видомъ искатель слѣдовъ. Но въ случаѣ чего-нибудь я съумѣю умереть, чтобъ очистить имя свое отъ незаслуженнаго поношенія.

Оставя двѣнадцать человѣкъ конвойныхъ у моста, искатель слѣдовъ и Беррендо перешли чрезъ него на другой берегъ, желая поразузнать мѣстность. Отрядъ былъ въ самомъ дѣлѣ въ жалкомъ состояніи: солдаты до того упали духомъ, до того утомились переходомъ по тинистой странѣ, что внезапное нападеніе могло быть гибелью экспедиціи. На другомъ берегу оба проводника нашли ту же тишину, ту же пустынность, какъ и на противоположномъ берегу. Въ продолженіе часа объѣзали они равнины, пролѣски и лѣса, и ничего не могли отыскать, кромѣ ослиныхъ слѣдовъ. Вѣроятно, индѣйцы пригоняли сюдаословъ, чтобы перетаскивать на нихъ сухой лѣсъ, который они продавали по деревнямъ. И точно, вскорѣ увидѣли они индѣйца съ его женой, гнавшихъ передъ собой нѣсколькоословъ, навьюченныхъ хворостомъ.

— Эй! послушай-ка, закричалъ Беррендо индѣйцу, что, правда ли, что вонъ та рѣка Ріо-Біанко?

Digitized by Google

Индѣецъ улыбнулся какъ человѣкъ, который видитъ, что его хотятъ завлечь въ сѣти, и ничего не отвѣтилъ.

— Да что, отвѣтишь ли ты мнѣ, скотина?

— Вашему синьйорству извѣстно очень хорошо, что до Ріо-Біанко отсюда слишкомъ шесть льё, а что это Плаха-Виценте.

Андре какъ громомъ поразило въ самое сердце. Въ первый разъ въ жизни пришлось ему — непогрѣшимому въ своихъ предположеніяхъ—обмануться; но онъ принялъ доказательство своего заблужденія все съ тѣмъ же мрачнымъ, по видимому, спокойнымъ видомъ, которому онъ только едва замѣтно измѣнилъ въ то время, какъ Беррендо объявилъ ему, что увѣренность въ его дарѣ нѣсколько поколебалось въ войскѣ.

— Вернемтесь-ка въ лагерь, сказалъ онъ; я попрошу генерала, чтобъ онъ сыскалъ себѣ проводника посчастливѣе и поискуснѣе меня.

— Но честнѣе васъ ужъ не найдти ему! воскликнулъ Беррендо.

— Можетъ быть; но одной честности недостаточно для хорошаго проводника. Еще счастіе мое, что это заблужденіе не могло очернить меня, потому что мы внѣ всякой опасности.

Въ ту самую минуту случай еще разъ посмѣялся надъ словами Андре: шумъ ружейной стрѣльбы дошелъ до слуха обоихъ проводниковъ; искатель слѣдовъ поблѣднѣлъ; Беррендо хотѣлъ броситься въ ту сторону, откуда слышалась стрѣльба, но Андре ухватилъ его крѣпко за руку и сталъ вслушиваться.

— А, стрѣльба эта происходитъ на мосту! воскликнулъ онъ. Беррендо, именемъ матери вашей умоляю васъ, очистите имя мое отъ подозрѣнія въ измѣнѣ.

Потомъ Андре зарядилъ свой карабинъ и пустился бѣгать по всѣмъ сторонамъ съ такою быстротою, что Беррендо едва поспѣвалъ за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ добѣжали они до мѣста схватки. Къ счастію, двѣнадцать человѣкъ, поставленныхъ у моста для охраненія его, перешли черезъ него, и на противоположномъ-то берегу вели неровную борьбу съ двадцатью человѣками изъ авангарда испанскаго войска, находившагося подъ командой генерала Топете. Впослѣдствіи узнали, что этотъ испанскій генералъ шелъ на встрѣчу отряду Терана съ семью-стами человѣкъ войска; нѣсколько труповъ валялось ужъ на землѣ, и мексиканскіе солдаты начали отступать къ мѣсту, какъ оба проводника, прокравшись вдоль по берегу, втерлись въ ихъ ряды. Одушевленные ихъ присутствіемъ, мексиканцы остановились и храбро вступили опять въ бой; но сверхъ

Digitized by Google

всякаго ожиданія замѣтили не вдалекѣ отъ нихъ приближавшіеся передовые отряды многочисленной испанской колонны.

— Здѣсь суждено намъ умереть, сказалъ съ жаромъ Андре Беррендо, по крайней мѣрѣ мнѣ. Если Испанцы завладѣютъ мостомъ, но погибла честь моя, а вмѣстѣ съ ней и генералъ Теранъ; прикажите отступать.

Беррендо, не понимая намѣренія искателя слѣдовъ, исполнилъ его желаніе.

— Къ мосту, къ мосту! закричалъ онъ.

Солдаты повиновались, и вскорѣ всѣ очутились на мосту, образовавши изъ себя укрѣпленіе для отраженія непріятеля.

Нѣсколько испанцевъ также успѣло взойдти на мостъ, который колебался отъ продолжавшейся борьбы. Андре схватилъ тогда у одного изъ солдатъ топоръ, и Беррендо понялъ, но ужъ очень поздно, чтобъ остановить Андре, какое было его намѣреніе, когда онъ сказалъ, что здѣсь имъ суждено умереть. Вмѣсто того чтобъ дѣйствовать топоромъ противъ непріятеля, Андре, какъ бѣшеный, рубилъ ліаны, поддерживавшія мостъ. Къ счастію, гибкость скрученныхъ ліанъ не позволила ему скоро привести въ исполненіе своего намѣренія: какъ онъ ни ударялъ по нимъ топоромъ, никакъ не могъ ихъ разрубить: топоръ отскакивалъ отъ нихъ. Беррендо хотѣлъ было помѣшать усиліямъ искателя слѣдовъ; но въ то же время онъ долженъ былъ защищаться отъ испанскаго солдата, напавшаго на него. Пользуясь свободой, Андре напалъ на мостъ съ другой стороны. Онъ рубилъ ремни, которые связывали мостъ поперегъ, и Беррендо почувствовалъ, какъ онъ началъ подаваться подъ его ногами. Освободившись кое-какъ отъ своего противника, онъ закричалъ Андре, чтобъ пощадилъ его; но было поздно. Послѣдній ударъ топора разрубилъ послѣдній ремень, сдерживавшій соединенныя доски. Тотчасъ же мостъ обрушился, и всѣ, другъ и недругъ — полетѣли съ высоты футовъ въ тридцать и упали въ мрачныя воды Плаха-Висенте. Беррендо одинъ сохранилъ довольно спокойствія духа; онъ крѣпко ухватился за одну изъ ліанъ, висѣвшихъ надъ рѣкой. Находясь между водой и небомъ, безъ всякой надежды на помощь, онъ провелъ такъ нѣсколько секундъ въ ужасномъ отчаяніи; а потомъ вскорѣ, пущенная съ другаго берега пуля повредила ему плечо, и руки его выпустили ліану, на которой онъ висѣлъ. Когда онъ всплылъ, не смотря на свое израненное тѣло, со дна рѣки на поверхность, открывшійся его глазамъ видъ поразилъ его. Кругомъ его царство-

Digitized by Google

вала мертвая тишина; рѣка казалась темною отъ свода остроконечныхъ скалъ, между которыми она тихо пробиралась. На двухъ берегахъ не видать было ниодного мѣста, къ которому можно бы было подплыть. Не смотря на то, онъ все-таки продолжалъ плыть по теченію воды, пока изнеможенный, лишенный послѣднихъ силъ, началъ опять уходить ко дну. Однакожъ чувство самосохраненія не оставило его совсѣмъ, и онъ вскорѣ замѣтилъ, что его послѣднія, инстинктивныя усилія привели его къ одному изъ береговъ. Тогда, совсѣмъ лишенный чувствъ, упалъ онъ на землю.

Прошло нѣсколько часовъ, Беррендо все лежалъ безъ чувствъ. Съ закатомъ дня глубокая тишина нарушена была голосами, раздавшимися въ окрестныхъ лѣсахъ, за тишиной жаркаго дня наступилъ вечерній шумъ, и въ то же время, какъ эта безжизненная пустыня стала оживать, сердце Беррендо тоже забилось жизнію. Наконецъ, въ сумерки, онъ открылъ глаза, и страшная боль дала ему почувствовать, что онъ еще живъ. Тогда онъ замѣтилъ, что лежалъ на песчаномъ берегу, который узкой полосой извивался у подошвы скалъ. Не далеко отъ него лежали два какихъ-то трупа, вѣроятно выброшенные рѣкою на берегъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ повернулся и издалъ пронзительный, ужасный крикъ, повторенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ эхомъ. Берренцдо узналъ въ немъ голосъ искателя слѣдовъ.

— Андре, вы ли это? воскликнулъ онъ, между тѣмъ какъ крикъ все еще раздавался въ глубинѣ его сердца.

— А! это вы, Луціано. Хвала Господу, возразилъ Андре, подойдите ко мнѣ, дайте мнѣ ощупать вашу руку.

Беррендо, какъ могъ, дотащился до него, между тѣмъ какъ Андре разставлялъ свои руки, словно старался обнять какой-нибудь невидимый предметъ.

— Вы развѣ меня не видите? воскликнулъ Беррендо, и прежде нежели получилъ отъ него отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что вмѣсто единственнаго глаза у него была кровавая рана: несчастный совершенно ослѣпъ.

— Мнѣ не видать больше ни свѣта дневнаго, ни Лусъ, которая меня любила, и ничего изъ творенія Божьяго, возразилъ Андре голосомъ, разбитымъ отъ горести; но къ счастію, прибавилъ онъ, Господь прислалъ васъ ко мнѣ.

Странныя мысли явились вдругъ въ головѣ Беррендо. Имя Лусъ, произнесенное Андре, напомнило ему въ одно время и прекрасную

Digitized by Google

его повелительницу и опаснаго его соперника, и онъ почувствовалъ въ глубинѣ сердца и радость, и состраданіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасъ.

— Я отнесу васъ въ лагерь, сказалъ онъ; тамъ какъ нельзя лучше будутъ за вами ухаживать, и, можетъ быть, есть еще надежда, что вы выздоровѣете.

Андре обратился къ Беррендо лицемъ, обезображеннымъ кинжаломъ. — О, Луціано! воскликнулъ онъ, я совсѣмъ не на то разсчитывалъ, позвавши васъ къ себѣ. Я разсчитывалъ на вашъ кинжалъ, чтобъ вы избавили меня отъ жизни, которая тяготитъ меня. Убейте меня, Луціано. Сжальтесь надо мной, убейте меня!

— Никогда! ни за что! возразилъ Беррендо; но Андре возобновилъ свои требованія болѣе умоляющимъ голосомъ, и Беррендо почувствовалъ, что борьба противъ этой высшей воли умирающаго становилась невозможною: въ ту самую минуту, какъ на словахъ онъ отказывался исполнить просьбу искателя слѣдовъ, рука его судорожно нанесла въ сердце Андре два удара кинжаломъ. И несчастный испустилъ послѣдній духъ, не произнесши ни одного слова, но съ улыбкой благодарности Беррендо.

На другой день Беррендо былъ въ состояніи отправиться въ лагерь генерала Терана, и вмѣстѣ съ отрядомъ возвратился опять въ Техуаканъ. Прибывши туда, онъ поспѣшилъ сообщить Лусъ о смерти Андре; онъ осмѣлился даже гордиться той ужасной услугой, какую ему оказалъ. Проклятія, которыя молодая дѣвушка послала на его голову за это извѣстіе, горькія слезы, которыя она при этомъ пролила, показали ему то, о чемъ бы ему слѣдовало пораньше догадаться, — что Лусъ никогда его не любила. — Такъ Богъ съ вами, жертвуйте собой для своихъ пріятелей, сказалъ самъ про себя Беррендо, оставляя Техуаканъ. Мнѣ теперь остается заключить себя въ какой-нибудь монастырь.

Однако Беррендо не поспѣшилъ привести въ исполненіе этого благочестиваго намѣренія, и вмѣсто монастыря очутился на службѣ у страшнаго Гомеца *el Capador*. Онъ участвовалъ во всѣхъ его главныхъ походахъ и былъ у него однимъ изъ лучшихъ солдатовъ. Когда же наступилъ миръ послѣ этой войны съ Испаніею, онъ поселился въ лѣсахъ Санъ-Бласа, промѣнявши жизнь гвирильероса на жизнь охотника.

Digitized by Google

ДЕНЬ ЛУДОВИКА XIV.

Одинъ придворный, имѣвшій право говорить довольно откровенно съ дочерью Людовика XVI, сдѣлалъ ей вопросъ: котораго изъ своихъ предковъ, царствовавшихъ впродолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, т.-е. начиная съ Людовика XV и до Генриха IV, больше любитъ она по родству и крови, и котораго больше уважаетъ по чувству національной гордости.—По родству мнѣ ближе всѣхъ Людовикъ XV, отвѣчала принцесса: онъ мой прадѣдъ, и о немъ дошло до меня много фамильныхъ преданій отъ людей, которые его еще помнили.—А Людовикъ XIV?—О, Людовикъ XIV принадлежитъ не одной нашей фамиліи; этотъ великій король принадлежитъ цѣлой Франціи.

Каждый, кто знаетъ исторію Франціи, знаетъ и исторію Людовика XIV, но не многимъ, можетъ быть, извѣстны подробности его вседневной жизни и тотъ строгій, неизмѣнный порядокъ, который онъ соблюдалъ въ своихъ занятіяхъ. Требуя многаго отъ другихъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ умѣлъ и цѣнить заслуги, и желая, чтобъ ему угождали, онъ умѣлъ и самъ внушить къ себѣ самую восторженную привязанность. Онъ писалъ къ Кольберу: »берегите ваше здоровье, которое нужно для всѣхъ насъ. Я этого требую именемъ моей къ вамъ дружбы и довѣренности.« Къ г-ну Монтозье: »вы радуетесь успѣшному ходу дѣлъ моихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщаете мнѣ пріятныя извѣстія о моемъ сынѣ: только одни вы могли мнѣ доставить вдругъ два такія удовольствія. Да заплатитъ вамъ Богъ тѣмъ же.« Къ герцогу Вандомскому: »я не знаю, кто больше радъ вашимъ удачамъ, вы или я, потому что оба мы равно любимъ Францію.« Наконецъ, онъ писалъ въ запискахъ, составленныхъ имъ для своего сына: »Опытъ доказалъ намъ, что ничто такъ не утомляетъ и не разслабляетъ, какъ совершенная праздность. Поэтому и надобно намъ привыкать къ ежедневной работѣ, къ занятіямъ долгимъ, постояннымъ и правильнымъ. Для трудовъ царствуемъ мы, и только посредствомъ трудовъ можемъ царствовать.«

Здѣсь увидимъ мы, какъ работалъ Людовикъ XIV и какъ были раздѣлены всѣ часы его.

Перенесемся въ Версальскій дворецъ, — не въ тотъ, какимъ мы видимъ его послѣ передѣлокъ Людовика XV и Людовика XVI,—но въ прежній Версальскій дворецъ, въ томъ видѣ, въ какомъ его расположилъ Мансаръ, и въ которомъ такъ долго жилъ Людовикъ XIV

Digitized by Google

Церковь, Геркулесова зала, шесть другихъ залъ, слѣдующихъ за ней, большая галлерея и галлерея l'Oeil de-Boeuf, комната короля и два кабинета, въ которыхъ собирался совѣтъ, остались почти неизмѣнны. За этими парадными покоями, наполненными всегда тѣми лицами, которыя составляли общество короля, такъ сказать, внѣ общества, были его жилыя комнаты, которыя выдавались на мраморный дворъ; комнаты королевы къ сторонѣ оранжереи; г-жи Меньтенонъ тоже на мраморный дворъ, по продолженію королевскихъ комнатъ. Дофинъ или Monseigneur, какъ его тогда называли, часто жилъ въ Медонѣ; королевскій братъ или Monsieur, въ Сень-Клу, герцогъ Шартрскій по большей части въ Парижѣ; герцогъ Бургонскій и его братья, военные сановники, знатные придворные и придворный штатъ въ замкѣ; канцлеръ, министры и министерство, которыя тогда были не многочисленны, помѣщались около дворца.

Тамъ кипѣла вся государственная жизнь и дѣятельность: надежды, опасенія, разсчеты, всѣ страсти, какія только могутъ волновать людей, сосредоточивались на этомъ небольшомъ пространствѣ.

Вилларъ съ береговъ Рейна, герцогъ Вандомскій изъ Альманзы, Расинъ изъ 'Otel de Bourgogne, Фенелонъ изъ-подъ сѣни своихъ епископальныхъ башенъ, Филиппъ Орлеанскій изъ среды своей безпорядочной жизни — всѣ стремились своими мыслями къ этому маленькому мраморному двору, на который смотрѣла г-жа Меньтенонъ, по которому посланники проходили съ уваженіемъ, и въ самой тишинѣ котораго какъ бы чувствовалось присутствіе великаго короля.

Утромъ этотъ дворъ былъ совершенно пустъ, да и ни въ какое время дня чрезъ него не проходилъ никто, кромѣ принцевъ и знатнѣйшихъ вельможъ. Три внутреннихъ лѣстницы и два внутреннихъ двора служили для входа и выхода всей прислуги. Около девяти часовъ утра, въ королевскомъ отдѣленіи начинали слышаться легкіе шаги. Первый камердинеръ, почевавшій всегда въ спальнѣ короля и въ ногахъ его кровати, вставалъ, выходилъ, одѣвался въ другой комнатѣ, и потомъ опять возвращался въ спальню, чтобъ открыть три ея окна, обращенныя на мраморный дворъ. Вслѣдъ за нимъ входила въ спальню сгорбленная старушка, поднимала занавѣсы кровати, будила короля и нѣжно цѣловала его въ голову. Это была кормилица Лудовика XIV; пока она была жива, она никому не уступала своего права будить короля и слышать прежде всѣхъ его утренній привѣтъ. Онъ давно уже былъ великій король, онъ ужъ самъ начиналъ стараться, но кормилица все еще называла его мой

Digitized by Google

сынъ *Людовикъ* и пеклась о немъ съ заботливостью нѣжной матери. Эти утреннія минуты были ея счастьемъ и славой, и до самаго конца ея долгой жизни Людовикъ XIV принималъ ея простыя ласки, напоминавшія ему ласки родной матери, съ самой искренней признательностью.

Тотчасъ послѣ кормилицы входили Monseigneur, Monsieur и герцогъ Бургонскій или герцогъ Беррійскій, передъ которыми растворяли объ половинки дверей. Потомъ, уже въ одну половинку, входили другіе принцы, оберъ-камергеръ, первый камеръ-юнкеръ королевской комнаты, нѣкоторыя важныя должностныя лица и комнатные служители. Король прочитывалъ въ постелѣ краткую молитву, потомъ вставалъ, и, выходя изъ алькова, садился около камина. Пока его одѣвали, мундшенкъ подавалъ ему на золотомъ подносѣ бульйонъ или стаканъ шалфею, которые составляли весь его завтракъ. Между тѣмъ къ главнымъ подъѣздамъ безпрестанно подъѣзжали экипажи, и комната короля, въ которую не входили, а, такъ сказать, пропалзывали, все больше и больше наполнялась. За дверью тоже стояла толпа придворныхъ, ожидавшихъ въ свою очередь пропуска. *) Швейцаръ, стоявшій у подъѣзда, обязанъ былъ узнавать имя и званіе каждаго пріѣзжавшаго. Отъ времени до времени онъ передавалъ эти имена швейцару внутреннихъ комнатъ, тотъ оберъ-камергеру, а оберъ-камергеръ докладывалъ королю, который очень любилъ видѣть около себя какъ можно больше придворныхъ, спѣшившихъ наперерывъ присутствовать при его туалетѣ. Онъ зналъ ихъ всѣхъ, зналъ ихъ имена, состоянія, связи, поведеніе, и, при случаѣ, умѣлъ намекнуть, что ему все это очень хорошо извѣстно. Фамильярность, которую позволялъ себѣ въ это время король съ своими придворными, не только не уменьшала къ нему того уваженія, которое онъ внушалъ къ себѣ своими великими дѣлами, своимъ величественнымъ видомъ и своимъ увлекательнымъ обращеніемъ, но напротивъ приводила всѣхъ въ восторгъ, доходившій почти до какого-то обожанія, — и надобно замѣтить, что Людовикъ XIV очень любилъ возбуждать къ себѣ подобныя чувства въ окружавшей его толпѣ.

---

*) Vorte paresse, enfin, me scandalise,
Ma muse, obéissez moi:
Il faut ce matin, sans rémise,
Aller au lever du Roi. (*Посланіе Мольера къ его музѣ*).

Digitized by Google

Изъ числа всѣхъ этихъ вельможъ и принцевъ, одинъ только человѣкъ, въ военномъ мундирѣ, очень незначительной наружности и съ самыми простыми ухватками, пользовался исключительнымъ правомъ входить въ комнату короля, когда ему вздумается и даже безъ доклада. Для этого человѣка, всегда скромнаго и почтительнаго, но между тѣмъ очень свободнаго въ обращеніи съ королемъ, у Людовика XIV былъ и какой-то особо-привѣтливый взглядъ и какой-то особо-привѣтливый разговоръ. Г. де-Шамти, такъ звали его, былъ чѣмъ-то въ родѣ выслужившагося офицера, сдѣлавшагося потомъ генералъ-квартирмейстеромъ, другомъ Тюреня, другомъ Лувуа и почти другомъ самаго короля. Это былъ тотъ человѣкъ, котораго черезъ два часа послѣ смерти Лувуа король назначилъ военнымъ министромъ, и который отказался отъ этой должности для того только, чтобы не лишить куска хлѣба г-на Барбзье, видѣвшаго въ ней все отцовское наслѣдіе. Отказъ очень замѣчательный; но его дѣлаетъ еще болѣе замѣчательнымъ то, что де-Шамти никогда объ этомъ не говорилъ ни самому Барбзье, ни кому-либо другому, и что этотъ удивительный поступокъ сдѣлался извѣстенъ тогда только, когда Людовикъ XIV объявилъ, что онъ удивленъ.

Въ обыкновенные дни одежда короля была очень проста. Вся пара одинакаго цвѣта; — кафтанъ безъ шитья, или почти безъ шитья, съ золотыми пуговицами; голубая лента и шпага. Одѣвшись, онъ отдавалъ приказанія, чему быть въ тотъ день, и потомъ тотчасъ же выходилъ въ залу совѣта, гдѣ его дожидались министры. Три раза въ недѣлю собирался государственный совѣтъ; два раза совѣтъ по отдѣленію финансовъ; каждые пятнадцать дней разсматривались депеши и частныя дѣла, и каждыя пятнадцать дней дѣла религіозныя. Канцлеръ, четыре статсъ-секретаря, управлявшіе министерствами, и государственный контролеръ составляли тогда всѣ государственныя власти. Посреди залы совѣта стоялъ простой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Король садился къ концу стола, по правую его сторону сынъ, по лѣвую внучекъ; потомъ канцлеръ, если онъ уже былъ министръ, и г. Бовилье, когда онъ сдѣлался министромъ; далѣе тѣ статсъ-секретари, которые должны были участвовать въ засѣданіи, и наконецъ государственный контролеръ, если онъ уже былъ статсъ-секретарь. За каждымъ министромъ вносили дѣла въ двухъ или трехъ, черныхъ или красныхъ, бархатныхъ портфеляхъ. Тотъ, кому приходила очередь докладывать, подавалъ бумаги канцлеру, а канцлеръ клалъ ихъ передъ королемъ. Такимъ образомъ совѣтъ про-

Digitized by Google

должался три часа, посвященныхъ труду самому внимательному, разсужденіямъ важнымъ и глубокимъ.

И въ этой залѣ, очень просто убранной, на этомъ столѣ, не измѣнявшемъ своей наружности даже и въ торжественные дни, совершались всѣ тѣ великія предначертанія, посредствомъ которыхъ былъ созданъ во Франціи флотъ, устроена армія, развита торговля, возстановленъ порядокъ въ государственномъ управленіи, поправлены финансы, поощрены науки и искусства, и наконецъ цѣлое государство возведено на ту степень европейскаго величія, какимъ оно пользуется теперь. Не угодно ли вамъ представить себѣ эту залу совѣта въ двѣ совершенно различныя эпохи долгаго царствованія Людовика XIV, на примѣръ, въ 1670 и въ 1712 годахъ?

Въ 1670 году Версаль еще не была въ полномъ своемъ блескѣ и король еще не совершилъ всѣхъ своихъ побѣдъ, но Версаль уже становилась на степень своего величія, и Людовикъ XIV внушалъ къ себѣ уваженіе цѣлой Европѣ. Вотъ пробило девять часовъ, и придверники провозглашаютъ о пріѣздѣ министровъ. Прежде всѣхъ и точнѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, является Кольберъ; онъ идетъ скорыми шагами, съ видомъ озабоченнымъ; онъ бросаетъ кругомъ проницательный взглядъ, и, проходя мимо придворныхъ, отдѣлывается отъ нихъ самыми коротенькими привѣтствіями: *Serviteur, monsieur, serviteur.* Онъ входитъ, садится, разстегиваетъ свой портфель, и еще прежде чѣмъ успѣваетъ вынуть бумаги, уже начинаетъ докладъ. За нимъ входитъ Ліоннъ, маленькій, сухощавый, съ улыбающимися глазками, съ принужденными поклонами и съ самой холодной вѣжливостью. Со временъ кардинала Мазарини и до временъ де-Торси, никто лучше его не съумѣлъ написать депеши, сохраняя въ ней интересы государства и достоинство своего короля. Летелье и Лувуа являются вмѣстѣ; отецъ важный, осторожный, едва ступающій, говорящій медленно и бросающій кругомъ недовѣрчивые взгляды; сынъ, поражающій блескомъ своей одежды, своего ума, своего языка, и далеко превышающій своими способностями всѣхъ другихъ, кромѣ Кольбера, который былъ такъ же, какъ онъ, великъ въ великихъ предпріятіяхъ, не упуская съ тѣмъ вмѣстѣ изъ вида и самыхъ мелкихъ подробностей. Канцлеръ Сегюръ пріѣзжалъ въ совѣтъ не всякій день, а только въ дни торжественныхъ аудіенцій. Старость тяготѣла надъ нимъ; вліяніе его на дѣла слабѣло. Онъ это чувствовалъ и скорбѣлъ. Впрочемъ его и вообще не столько просла-

Digitized by Google

вили долговременные государственные труды, сколько посвященія Корнеля и надгробная рѣчь Боссюэта.

Черезъ сорокъ лѣтъ, изъ всѣхъ этихъ лицъ остался только одинъ король, но и надъ нимъ въ то время отяготѣли уже лѣта и несчастія; Франція, которую онъ создалъ, уже не была больше его современницей; г-жа Меньтенонъ надоѣдала ему своей вѣчной скукой и неудовольствіями, и съ грустью заставляла его вспоминать о г-жѣ Лавальеръ и своей прежней славѣ.

Война почти проникла въ предѣлы государства, Францію посѣтила бѣдность, смерть постучалась у всѣхъ дверей королевскаго дома, бѣдствія грозили со всѣхъ сторонъ, и надобно было отвращать ихъ. Въ залѣ совѣта еще засѣдаетъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ король, но подлѣ него, на стулѣ, занимаемомъ нѣкогда Сегюромъ и Понтшартреномъ, сидитъ уже Вуазень, старикъ, который по милости своей жены и г-жи Меньтенонъ, изъ должности управляющаго губерніей попалъ вдругъ и въ канцлеры и въ военные министры. За нимъ слѣдуютъ герцогъ Бургонскій, де-Бовилье и де-Торси. Первый знатный вельможа, человѣкъ добросовѣстный, суетливый, болѣе опытный, чѣмъ способный, *потѣющій чернилами*, какъ говоритъ Сень-Симонъ, когда его сбивали въ какомъ-нибудь преніи, что̀ съ нимъ довольно часто случалось, и наконецъ, въ отношеніи къ себѣ, возлагавшій всѣ свои надежды на будущее царствованіе. Де-Торси, по своему уму, глубокимъ познаніемъ и твердому характеру, былъ едва ли не лучшій министръ иностранныхъ дѣлъ изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. По другую сторону помѣщается Демаре, государственный контролеръ, человѣкъ угрюмый, съ смѣлымъ взглядомъ и твердымъ голосомъ, — однимъ словомъ, настоящій государственный контролеръ, — и у него много работы, много изобрѣтательности, много присутствія духа. Его дядя, Кольберъ, положилъ основаніе величію государства, Деморе умѣлъ поддержать его во время упадка. Когда каждый потерялъ бы всякую надежду, только онъ да Вилларъ помогали королю спасти Францію, клонящуюся къ разрушенію. Это была самая несчастная эпоха царствованія Лудовика XIV, но и въ это время онъ еще превосходно умѣлъ выбирать людей, если только въ этомъ случаѣ не руководствовался ничьимъ мнѣніемъ, кромѣ собственнаго.

Но вотъ всѣ портфели министровъ просмотрѣны; король встаетъ, въ дверяхъ показывается караульный капитанъ; по галлереямъ пре-

Digitized by Google

носится легкій шопотъ; часовые запяли свои мѣста въ церкви; дежурный священникъ уже въ олтарѣ: король идетъ къ обѣднѣ, которую онъ слушаетъ всякій день.

Во время шествія въ церковь, онъ отдаетъ приказанія начальникамъ гвардіи, мушкатеровъ, кавалеріи, о смотрахъ и парадахъ; нѣкоторые министры слѣдуютъ за нимъ, оканчивая трактатъ о какомъ-нибудь дѣлѣ. Принцы идутъ впереди, и помѣщаются вмѣстѣ съ нимъ на хорахъ. Богослуженіе совершается и слушается въ самомъ строгомъ чинѣ, сообразно съ тѣми религіозными правилами, которыя были внушены Людовику XIV королевой Анной Австрійской, его матерью. Только въ дни торжественные или въ дни причащенія король сходилъ съ хоровъ въ церковь. Тогда онъ являлся обыкновенно въ кавалерской одеждѣ ордена Святаго Духа, и всѣ бриліянты, принадлежащіе французской коронѣ, блистали на его кавалерской цѣпи, на эфесѣ шпаги, на парчевой мантіи. По сторонамъ его стояли кардиналы, епископы, принцы, маршалы Франціи. Дамы и придворные наполняли хоры. Взглянувъ на ослѣпительное великолѣпіе, окружающее этого короля, на всѣ знаменитости, столпившіяся вкругъ него какъ бы для приданія еще большаго блеска его величію, вспомнивъ всѣ его побѣды, всѣ гигантскія постройки, которыми онъ украсилъ Францію,—кто бы не подумалъ, что его собственная голова закружится наконецъ въ чаду этой славы? Но Людовикъ XIV зналъ настоящую цѣну славѣ, зналъ, что ей есть начало, есть и конецъ, и, стоя передъ олтаремъ, онъ не возносился гордыней, а напротивъ смирялся сердцемъ. Въ его »Наставленіи Дофину«*) есть такія слова, отъ которыхъ не отказались бы ни Боссюэтъ, ни Массильонъ, и эти слова были написаны имъ въ дни его молодости и славы.

Мольеръ, Боало, Ла-Брюйеръ, Тальеманъ очень хорошо знакомятъ насъ съ обыкновеніями того времени. Послѣ обѣдни, пока король, медленно проходя по заламъ и галлереѣ и обращая вниманіе на каждаго, кто тутъ былъ, отправлялся къ Дофинѣ, г-жѣ Монтеспанъ или г-жѣ Меньтенонъ, накрывали столъ. Главный Метръ-д-отель, съ жезломъ въ рукѣ, являлся въ дверяхъ и докладывалъ, что *кушанье поставлено.* Рѣдко и даже очень рѣдко Людовикъ XIV обѣдалъ съ обществомъ. Послѣ смерти королевы онъ обѣдалъ всегда одинъ, въ своей комнатѣ, на небольшомъ столѣ, подлѣ середняго окна. Въ ар-

*) Instrucion pour M-r le Dauphin, année 1661, page 137 et suivantes.

Digitized by Google

міи онъ любилъ приглашать къ своему столу; въ дни назначенные для охоты, приглашалъ нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ, и исключительно только дамъ; но въ Версали и въ обыкновенные дни никому изъ принцевъ, ни дѣтямъ его, ни даже самому Дофину, не приходило и въ мысль сѣсть съ нимъ за столъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ онъ допускалъ только для своего брата, Филиппа Орлеанскаго, къ которому, не смотря на всю ограниченность ума этого принца, сохранялъ всегда самую нѣжную привязанность, и для котораго готовъ былъ сдѣлать все, чѣмъ только могъ хотя сколько-нибудь возвысить его въ глазахъ своего двора.

Столъ накрытъ; вся дежурная прислуга, начиная отъ священника до мундшенка, окружаетъ королевскія кресла; король умываетъ руки и садится за столъ. Его братъ, съ шляпой подъ мышкой, стоитъ въ амбразурѣ окна. Mon frère, говорилъ иногда король, не хотите ли вы со мной обѣдать?—Если Государю угодно будетъ сдѣлать мнѣ эту честь, отвѣчалъ обыкновенно принцъ. Король приказывалъ подать стулъ. Опускная половинка стола поднималась, въ минуту являлся приборъ, принцъ садился, и по знаку Лудовика XIV вся прислуга удалялась въ конецъ комнаты. Братья оставались почти совершенно одни; это уже были не король и принцъ, а сыновья Анны Австрійской, занятые частнымъ, откровеннымъ, семейнымъ разговоромъ,—то непринужденно веселые, то непритворно растроганные. Маркизъ де-Ливри, первый метръ-д-отель Лудовика XIV, говоритъ, что онъ самъ слыхалъ, какъ въ подобныя минуты въ разговорѣ двухъ братьевъ исчезалъ весь обыкновенный церемонный тонъ. Но едва только обѣдъ кончился — и это недолгое равенство исчезло. Принцъ вставалъ первый. Офиціантъ принималъ у него салфетку, другой подавалъ ему королевскую шляпу и перчатки, которые принцъ въ свою очередь подавалъ, съ глубокимъ поклономъ, королю. Этотъ почтительный поклонъ, этотъ снова начавшійся этикетъ возстановляли прежній порядокъ: принцъ опять становился принцемъ, король королемъ. За тѣмъ, по прочтеніи священникомъ благодарственной молитвы, королевскій братъ возвращался въ Сень-Клу, а король переодѣвался и отправлялся на прогулку—или верхомъ, или въ экипажѣ, или пѣшкомъ въ паркъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда выходилъ съ тою цѣлью, чтобъ осмотрѣть всѣ перемѣны и улучшенія, которыя тамъ производились. Иногда онъ бралъ съ собой на эти прогулки кого-нибудь изъ приближенныхъ, какъ наприм. герцога Ларошефуко, который впродолженіе сорока лѣтъ

Digitized by Google

безсмѣнно занималъ должность главнаго смотрителя надъ его гардеробомъ; или Бовилье, бывшаго министромъ безъ министерства; иногда Кольбера или Лувуа, которые одинъ послѣ другаго были начальниками строительной части. Съ Монсаромъ и Ленотромъ, которые имѣли къ нему всегда свободный доступъ, онъ осматривалъ ихъ работы въ Версали, Тріанонѣ, Марли; свѣрялъ ихъ планы съ мѣстностью, отдавалъ имъ свои приказанія. И говорилъ ли онъ съ своимъ садовникомъ и каменьщикомъ, какъ называли себя не безъ гордости Ленотръ и Монсаръ, съ армейскимъ ли офицеромъ, съ деревенскимъ ли помѣщикомъ или наконецъ съ самымъ знатнымъ вельможей,—онъ позволялъ каждому высказаться вполнѣ, каждому отвѣчалъ скоро, коротко, рѣшительно, но всегда милостиво и даже вѣжливо. Если онъ выѣзжалъ въ экипажѣ, то по большой части въ колясочкѣ, которою самъ управлялъ. Такія прогулки бывали довольно продолжительны; онъ проѣзжалъ по рощицамъ, насаженнымъ для дѣвицы Лавальеръ, по перспективамъ, украшеннымъ бронзами и мраморами, посреди которыхъ блистала г-жа Монтеспань, — и быть можетъ, вспоминалъ прелестные стихи Корнеля и великолѣпные праздники, которыми нѣкогда распоряжалась г-жа Сент-Этьень.

По возвращеніи съ прогулки, разъ въ недѣлю младшій статсъ-секретарь подавалъ ему тетрадь, которую онъ тотчасъ же просматривалъ самъ. Это были извлеченія и выписки изъ просьбъ и жалобъ, поданныхъ на имя короля, по заведенному имъ же самимъ порядку. Каждый понедѣльникъ у входа въ большую галлерею ставили столъ и придвигали къ нему королевскія кресла. По правую сторону креселъ становился одинъ изъ статсъ-секретарей, позади его два докладчика. Впродолженіе цѣлаго утра входъ въ галлерею былъ открытъ для всѣхъ, и каждому, кто только имѣлъ надобность подать какую бы то ни было бумагу самому королю, стоило только войдти въ галлерею и положить ее на столъ, обозначивъ свое имя и мѣсто жительства. Докладчики составляли изъ нея экстрактъ, статъ-секретарь подавалъ его королю, а король, прочитавъ, или тотчасъ же писалъ резолюцію на полѣ, или, если бумага требовала какихъ-нибудь поясненій и справокъ, приказывалъ подать себѣ дополнительный рапортъ, который министры непремѣнно обязаны были представить ему не позднѣе недѣльнаго срока. Это прекрасное учрежденіе, введенное Людовикомъ XIV, вмѣстѣ съ нимъ и прекратилось.

Digitized by Google

Въ прочіе дни король, по возвращеніи съ прогулки, отправлялся къ г-жѣ Меньтенонъ. Потомъ часа четыре или пять сова посвящалось работѣ, докладамъ и аудіенціямъ, король по большей части стоялъ, опираясь рукою о бильяръ или столъ, очень внимательно выслушивалъ тѣхъ, которые въ это время къ нему допускались, и никакъ не спѣшилъ сокращать объясненій, если видѣлъ, что эти объясненія могутъ принесть пользу или доставить удовольствіе лицамъ, съ нимъ говорящимъ. Самъ Сень-Симонъ, который не щадитъ ни тѣхъ, кого онъ любитъ, ни тѣхъ, кого онъ боится, который клевещетъ на всѣхъ съ жаромъ и увлеченіемъ истины, самъ герцогъ Сень-Симонъ, этотъ честолюбецъ, смѣявшійся надъ честолюбіемъ другихъ, а между тѣмъ гордившійся своимъ герцогскимъ титуломъ больше чѣмъ кто-нибудь, и воображавшій, что онъ своимъ присутствіемъ дѣлаетъ честь Версальскому двору, этотъ чудакъ ничѣмъ недовольный,—не только отдаетъ полную справедливость кротости и разсудительности короля, но таетъ отъ его милостиваго обращенія, отъ его отечески привѣтливаго взора *); ищетъ случая, на большихъ и малыхъ выходахъ, обратить на себя его вниманіе и изъявляетъ ему свою преданность въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ и теперь еще, по прошествіи полутораста лѣтъ, замѣтно, какъ терялся онъ передъ величіемъ Лудовика XIV **).

За аудіенціями слѣдовало опять разсматриваніе бумагъ, но уже отдѣльно по одному какому-нибудь министерству. Общія приказанія дополнялись подробностями и исполнялась [illegible] переписка. Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ царствованія Лудовика XIV, г-жа Меньтенонъ добилась того, что постоянно присутствовала при этихъ засѣданіяхъ, и наконецъ совсѣмъ перенесла ихъ въ свои комнаты. Тамъ король садился по одну сторону камина, между тѣмъ какъ г-жа Меньтенонъ сидѣла по другую, призывалъ къ себѣ министра и начиналъ съ нимъ работать, какъ-будто бы они были одни, въ его

---

*) Saint-Simon, tome VIII, chap. IV, page 337.

**) Je suppliai le Roi.... de croire que personne ne lui était plus dévoué que moi.... plus persuadé que nos dignités émanaient de la sienne, nos personnes remplies de ses bienfaits, et qu'il etait comme bienfaiteur et comme Roi de nous tous, despotiquement le maître de nos dignités, de les abaisser, de les élever, d'en faire comme d'une chose sienne et absolument dans sa main.

(Saint-Simon, tome IV, page 126 et suiv.)

Digitized by Google

кабинетѣ. Только иногда, и какъ бы изъ одной вѣжливости, онъ останавливался на нѣкоторыхъ вопросахъ и просилъ мнѣнія г-жи Меньтенонъ. Но не здѣсь было настоящее ея вліяніе на дѣла. Утромъ, пока еще не вставалъ король, она ужь успѣвала поговорить съ нѣкоторыми статсъ-секретарями, разспросить ихъ, назначить дѣла для доклада и изложить о томъ или другомъ свое мнѣніе. Министры не передавали этихъ утреннихъ разговоровъ королю, боясь оскорбить его, но между тѣмъ объ этомъ зналъ весь дворъ. Они и сами оскорблялись вмѣшательствомъ фаворитки въ свои дѣла, но не смѣли ей противиться, зная очень хорошо, что она никогда ничего не забываетъ. Демаре пробовалъ однакожь нѣсколько разъ уклоняться отъ ея разспросовъ, но напрасно, и только у одного де-Торси доставало столько твердости, что отъ него она не могла узнать ни о чемъ. Онъ слишкомъ уважалъ короля, и никакъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ его, распоряжался политическими дѣлами Франціи. Поэтому все, что дѣлалось въ министерствѣ де-Торси, постоянно носило на себѣ характеръ того величія и той національной гордости, которыми преимущественно отличилось царствованіе Людовика XIV. Съ де-Торси онъ писалъ къ герцогу Савойскому: »ваша свѣтлость! такъ какъ честь, союзъ и обязательство подписанное вашей рукой, между нами уже ничего не значатъ, то для объясненія вамъ моихъ намѣреній и вашихъ обязанностей, я посылаю мою армію и съ ней герцога Вандомскаго: они дадутъ вамъ двадцать четыре часа на размышленіе.« *) Къ Филлипу V: »когда государь поставленъ въ необходимость или защищать свою корону, или отказаться отъ нея, онъ долженъ, сынъ мой, скорѣе разстаться съ жизнью, чѣмъ съ ней.« **) Очень понятно, что г-жа Меньтенонъ старалась всѣми силами удалить этого министра, но онъ былъ племянникъ Кольбера. Людовикъ XIV самъ, такъ сказать, образовалъ его, зналъ, что на него вполнѣ могъ положиться, и г-жа Меньтенонъ въ этомъ случаѣ хлопотала напрасно.

За этой работой часто заставали короля сумерки. Зажигали свѣчи въ люстрахъ, въ канделябрахъ, въ подсвѣчникахъ; всѣ отдѣленія дворца освѣщались, но это не прерывало занятій, если они не были еще кончены. Въ парадномъ отдѣленіи начиналась уже комедія или

*) Людовикъ XIV къ герцогу Савойскому Виктору Амеде, 17 сентября 1703.
**) Луд. XIV къ Филлипу V, 16 ноября 1705.

Digitized by Google

начинался съѣздъ на вечеръ. Итальянскую комедію рѣдко давали на придворномъ театрѣ, но по большей части комедію французскую: *Скупаго*, *Игрока*, *Мѣщанина въ дворянствѣ*, и т. д., игранныя труппой Мольера. На придворные вечера собирались ежедневно за-просто, и въ нихъ принималъ участіе весь дворъ. Играли, говорили, иногда партія триктрака или реверси прерывалась какой-нибудь музыкальной пьесой; иногда, въ дни болѣе счастливые, т.-е. когда король бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ устроивалъ лотереи, въ которыя принцессы и придворныя дамы выигрывали мебель, богатыя ткани и драгоцѣнныя вещи. Самъ Людовикъ XIV игралъ только на бильартѣ и игралъ превосходно. Подъ старость онъ уже мало принималъ участія въ общихъ удовольствіяхъ. Заботы о дѣлахъ, грустныя мысли, овладѣвшія имъ подъ конецъ жизни, и совершенное одиночество сердца, не находившаго вокругъ себя привязанности истинной, придали его отъ природы важному характеру еще больше мрачности. Между тѣмъ какъ все вокругъ его блистало, веселилось, наряжалось, влюблялось, кипѣло жизнью и радостью, онъ былъ постоянно занятъ своимъ ежедневнымъ тяжкимъ трудомъ. Богъ не допустилъ его видѣть свое королевство въ такомъ положеніи, чтобы »*каждый его подданный былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи и благосостояніи.*« *) Но онъ вдохнулъ въ него то высокое сознаніе своихъ обязанностей, которое заставляло его смотрѣть на своихъ подданныхъ, »*какъ на свое самое лучшее богатство,*« и посвящать имъ всѣ свои труды, всѣ свои силы, всю свою жизнь.

Въ десять часовъ король оставлялъ наконецъ свою работу и выходилъ ужинать за парадный столомъ. Всѣ принцы и принцессы, которые только были въ Версали, садились съ нимъ за столъ. Нѣсколько герцогинь, въ парадныхъ платьяхъ, занимали свои табуреты, поставленные кругомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи. Далѣе нѣкоторыя придворныя дамы и кавалеры стояли прямо противъ короля; всѣ важные чиновники и прислуга за королевскими креслами. Передняя часть залы всегда бывала наполнена многочисленной толпой. Каждый старался быть замѣченнымъ, обратить на себя взоръ короля, услышать отъ него хотя одно слово. Ужинъ постоянно былъ изобиленъ и роскошенъ, король величественъ, снисходителенъ, привѣтливъ. Онъ охотно говорилъ, очень внимательно слушалъ и не пропускалъ

*) *Qui fut assuré de son bien être et de sa subsistance.* Instruction pour M. Le Dauphin, année 1661, page 155.

Digitized by Google

случая подзываетъ къ себѣ всѣхъ, которые пользовались нѣкоторымъ его благоволеніемъ. Иногда кто-нибудь изъ приближенныхъ наклонялся къ его уху, чтобы разсказать какую-нибудь исторійку, которыя онъ очень любилъ узнавать прежде другихъ; иногда министръ спѣшилъ ему сообщить о полученіи какой-нибудь важной депеши или важной новости, не терпящихъ отлагательства. Часто также во время ужина придворный оркестръ игралъ какую-нибудь симфонію. Людовикъ XIV любилъ музыку точно такъ же, какъ любилъ всѣ изящныя искусства; но концертъ кончался скоро, ужинъ тоже бывалъ непродолжителенъ. Вставъ изъ-за стола, король почтительно кланялся дамамъ и уходилъ въ большой кабинетъ, находившійся позади залы совѣта. Король садился въ большомъ мѣстѣ; подлѣ него королевскій братъ и потомъ принцессы по старшинству. Дофинъ и прочіе принцы стояли; въ концѣ комнаты стоялъ еще дежурный камергеръ или камеръ-юнкеръ, и позади всѣхъ М-г Д'Антень *), который впродолженіе многихъ лѣтъ едва-едва удостоился наконецъ позволенія втираться въ кружокъ своихъ братьевъ и сестеръ. Тамъ начинался разговоръ если не вполнѣ фамиліарный, такъ покрайней мѣрѣ фамильный. Королевскій братъ разсказывалъ разный вздоръ; герцогиня Бургонская проказничала; принцевъ журили, если они немножко легкомысленно вели себя въ свѣтѣ; герцогъ Менскій смѣялся, а герцогъ Орлеанскій очень бы скучалъ, если бы только смѣлъ скучать. Полчаса посвящалось этому семейному сборищу, послѣ чего король уходилъ въ свою спальню. За нимъ выходили десять или двѣнадцать человѣкъ, безъ шума садились въ свои кареты, ожидающія ихъ у подъѣзда, и безъ шума отъѣзжали прочь, отправляясь въ Парижъ или Сенъ-Клу. Дамы, помѣщавшіяся во дворцѣ, спѣшили расходиться по своимъ комнатамъ и сбросить съ себя свои парадныя платья, свой важный видъ и всю тягость церемоніала. Внизу лѣстницъ и у всѣхъ входовъ во дворецъ, часовымъ отдавали ночной пароль. А между тѣмъ король, поласкавъ своихъ любимыхъ собакъ, выслушавъ нѣсколько вопросовъ и отдавъ приказъ караульнымъ, скрывался въ альковъ, съ молитвенникомъ въ рукѣ, оставленнымъ ему его матерью.

Этотъ постоянно заведенный порядокъ, который охота или путешествіе нарушали только на самое короткое время, оставался не-

*) Сынъ г-жи Монтеспанъ, братъ герцога Менскаго и графа Тулузскаго, и принцессы и герцогини Орлеанскихъ.

Digitized by Google

измѣннымъ впродолженіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ. И это правильное распредѣленіе времени, которое въ молодости непріятно ограничиваетъ жизнь, но напротивъ подъ старость дѣлаетъ ее какъ будто бы продолжительнѣе, много принесло пользы и славы Людовику XIV.

Два раза однакожь отступалъ онъ отъ этаго порядка самопроизвольно. Въ 1681 году герцогъ Мантуанскій находился подъ покровительствомъ Франціи, а между тѣмъ Генуэзская республика, въ то время могущественная и почти самодержавная, безпрерывно тревожила границы герцогства. Тунисъ и Триполь тоже поставили себя противъ Франціи въ такое положеніе, что Дюкенъ готовился бомбардировать ихъ. Начались переговоры, и открылось, что ихъ снабдила оружіемъ тоже Генуэзская республика. Наконецъ Испанія и Австрія, угрожавшія возобновить войну съ Франціей, просили союза и вспомоществованія республики, и сенатъ приказалъ вооружить свои галлеры для присоединенія ихъ къ испанскому флоту. Людовикъ XIV написалъ генуэзскому сенату, чтобы онъ прекратилъ вооруженіе и сохранилъ нейтралитетъ; но сенатъ вмѣсто всякаго отвѣта послалъ свои галеры въ Испанію. Французскій флотъ находился въ то время въ Тулонѣ, гдѣ былъ и Дюкень, который прислалъ курьера съ этимъ извѣстіемъ къ министру морскаго вѣдомства Сеньеле. Министръ получилъ извѣстіе на разсвѣтѣ. Впродолженіе пяти часовъ онъ сдѣлалъ всѣ предварительныя распоряженія, послалъ офицеровъ въ Тулонъ и Марсель, и потомъ, въ полдень, вошелъ къ королю, который уже сѣлъ за столъ. Приказавъ прочитать себѣ депешу, Людовикъ XIV не ограничился однимъ общимъ приказаніемъ, но самъ составилъ и подписалъ самыя подробныя наставленія своему флоту, Дюкеню и самому г-ну Сеньеле. Ему принесли карту и книгу, которая должна была служить журналомъ наступающихъ морскихъ дѣйствій; на первой онъ отмѣтилъ своей рукой всѣ пункты атаки, во второй самъ выставилъ число на первомъ листѣ. Потомъ были позваны Лувуа съ Сень-Пуанемъ, которымъ тоже приказано было разослать отъ себя курьеровъ. Въ половинѣ четвертаго министры вышли изъ кабинета, а въ четыре часа король, съ балкона, уже привѣтствовалъ рукой Сеньеле, который проскакалъ мимо его верхомъ, въ сопровожденіи трехъ-сотъ молодыхъ дворянъ, отправлявшихся вмѣстѣ съ нимъ въ Тулонъ волонтерами. Черезъ пять дней Сеньеле пріѣхалъ въ Тулонъ; въ тотъ же вечеръ сѣлъ на корабль Дюкена, и на третій день явился передъ

Digitized by Google

Генуей. Четырнадцать тысячъ человѣкъ начали громить ея дворцы и опустошать предмѣстія. Черезъ мѣсяцъ Сеньеле возвратился. Генуа покорилась, миръ между Франціей и Германіей возстановился, и въ годовщину появленія французскаго флота передъ Генуей, дожъ и съ нимъ вмѣстѣ четыре сенатора преклонили колѣна передъ тономъ Людовика XIV, отдавая тѣмъ должную дань величію Франціи.

Въ другой разъ отступленіе Людовика XIV отъ обыкновеннаго дневнаго порядка произошло совсѣмъ отъ другихъ обстоятельствъ и носило на себѣ совершенно иной характеръ. Двадцать пять лѣтъ протекло послѣ описанныхъ нами событій. Французская корона, казалось, была покрыта траурнымъ крепомъ. Справедливая и законная война за наслѣдіе испанскаго престола обратилась во вредъ самой же Франціи; государство разрушалось; народъ бѣдствовалъ, границы были открыты со всѣхъ сторонъ; Туръ, Дуэ, Бетунь были въ рукахъ непріятелей, побѣдоносныя знамена которыхъ развѣвались уже только за шесть переходовъ отъ Версали. Король скорбѣлъ и о бѣдствіяхъ своего народа, и объ опасностяхъ, угрожавшихъ государству, но онъ былъ твердъ и надѣялся еще на Бога и на людей. Въ одинъ день, а именно 6-го іюня 1710 года, де Торси, по выходѣ изъ совѣта, приблизился къ королю и сообщилъ ему о смерти кармелитки, сестры милосердія, Луизы, что̀ прежде была дѣвица де-Лавальеръ. Король вскрикнулъ, началъ было разспрашивать, но тотчасъ же умолкъ и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно. Потомъ онъ вошелъ въ церковь, и долго, и горячо молился. Возвращаясь оттуда, онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, ни на кого не обращалъ вниманія и не пошелъ къ г-жѣ Меньтенонъ, хотя это было самое то время, въ которое онъ обыкновенно посѣщалъ ее. Подали обѣдъ, но онъ не сѣлъ за него, а приказалъ заложить свою маленькую коляску, и послѣ долгой и уединенной прогулки опять остался одинъ въ своей комнатѣ. Принцесса Конти, единственная дочь г-жи де-Лавальеръ, отправилась въ Парижъ. Она возвратилась поздно, въ отчаяніи, въ слезахъ, и вбѣжала прямо къ королю. Никто не смѣлъ ни остановить ее, ни предупредить короля. Онъ ее дожидался, нѣжно прижалъ къ своему сердцу — и крупныя слезы покатились изъ глазъ его. Двадцать лѣтъ, не произносилъ онъ имени г-жи де-Лавальеръ, но сколько разъ, можетъ быть, въ тихіе часы грусти, мысли его переносились къ прежнимъ блестящимъ празднествамъ Версали, или въ монастырь улицы Св. Іакова?.... Наступилъ вечеръ, король вышелъ къ ужину только на одну ми-

Digitized by Google

нуту и тотчасъ же опять удалился. Вмѣсто того, чтобъ войдти въ кабинетъ, гдѣ обыкновенно собирался семейный кружокъ, онъ прошелъ въ свою комнату съ одной принцессою Конти. Когда онъ отпустилъ ее, никто изъ приближенныхъ, никто изъ должностныхъ лицъ не входилъ къ нему ни для присутствія при его раздѣваньѣ, ни для принятія отъ него приказаній. Только до утра онъ былъ свободенъ грустить и молиться: завтра опять должны были начаться его строгія, обычныя занятія. Каждый зналъ это, и никто не смѣлъ нарушить его спокойствія, потревожить его печаль....

ОТВѢТЪ НА »ЗАМѢТКИ ПОСТОРОННЯГО.«

(См. С.-П.-бургскія Вѣдом. 1853 г. № 135. Фельет., стр. 553).

Начавъ писать и печатать свои »*Памятные листки* ошибокъ въ русскомъ языкѣ и другихъ несообразностей, встрѣчаемыхъ въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей »(см. Москвитянинъ 1852 и 1853), съ одною цѣлію принести пользу русскому языку, и, какъ не принадлежащій ни къ какой литературной партіи, подвергавъ разсмотрѣнію статьи всѣхъ, безъ разбора, рускихъ литературныхъ журналовъ и газетъ, издаваемыхъ частными лицами, — я, конечно, долженъ былъ впасть въ немилость у этихъ изданій. Тѣмъ не менѣе, одушевляемый увѣренностію въ правотѣ своего дѣла, вооруженный добросовѣстностію, и при помощи нѣкоторыхъ знаній, пріобрѣтенныхъ ученіемъ и опытовъ, я продолжаю, и, если Богу угодно, буду продолжать идти своимъ путемъ.

Такимъ образомъ, возстаніе на меня »С.-Петербургскихъ Вѣдомостей« и »Отечественныхъ Записокъ« (см. Май 1853. Смѣсь, стр. 83). весьма естественно. Удивительно только то, что отражаемые ими на подвигъ этотъ ратоборцы не наблюдаютъ никакой послѣдовательности въ своихъ возраженіяхъ, выхватываютъ изъ разныхъ »Листковъ« моихъ фразы, относящіяся къ совершенно несходнымъ между собою предметамъ, соединяютъ эти обрывки въ одно цѣлое, и, вооружаясь такими, своего издѣлія, фразами, взводятъ на меня ни вѣсть что. Страннѣе же всего то, что критики эти почти вовсе не разсматриваютъ, справедливы, или нѣтъ, мои замѣчанія, что, существенно, и составляетъ ихъ обязанность въ настоящемъ случаѣ, а изъ множества »Листковъ« моихъ выкапываютъ какую-нибудь обмолвку

Digitized by Google

или опечатку, и потомъ прибѣгаютъ къ нимъ въ продолженіе всей своей статьи. — Впрочемъ, чему тутъ удивляться? такова тактика всѣхъ *слабыхъ* противниковъ.

Не такъ поступилъ бы *настоящій* критикъ,—критикъ, не лишенный сознанія своей силы. Онъ разсмотрѣлъ бы, пусть хотя одинъ, мой »Листокъ,« но разсмотрѣлъ бы его *весь*, *отъ начала до конца*, показалъ бы его недостатки, но не утаилъ бы и того, что въ немъ есть хорошаго и полезнаго, и, взвѣсивъ то и другое, сдѣлалъ бы безпристрастный выводъ. — За такой разборъ были бы благодарны критику всѣ читатели и, особенно, я.

Высказавъ откровенно свои мысли, приступаю къ разсмотрѣнію »Замѣтокъ Постороннаго«.

Г. Посторонній начинаетъ такъ: »съ нѣкоторыхъ поръ въ »Москвитянинѣ« печатаются статьи подъ заглавіемъ: *Памятный листокъ*, и пр. Авторъ этихъ статей, г. Покровскій (изъ Новгорода), горько сѣтуя на русскую литературу и на искаженіе русскаго языка, принялъ на себя трудъ исправлять ошибки, встрѣчающіяся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ (преимущественно петербургскихъ), разъяснить значеніе нѣкоторыхъ словъ, понимаемыхъ превратно, опредѣлить каждому изъ этихъ словъ свое мѣсто (,) и научить Петербургскихъ бельлетристовъ »*правильному* правописанію« (г. Покровскій учитъ и *правильному правописанію*). Составитель »Листковъ« знаетъ цѣну своимъ полезнымъ трудамъ (,) и отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: »я *не пишу* своихъ »Листковъ« на одинъ текущій мигъ, а *думаю*, что можетъ быть они принесутъ хотя малую лепту въ сокровищницу матеріяловъ *для* теоріи языка. Уже одна *неправильная* конструкція этой фразы можетъ отчасти свидѣтельствовать, какъ легко отъискивать ошибки въ чужихъ сочиненіяхъ— и какъ трудно избѣгать ихъ въ своихъ собственныхъ статьяхъ.«

А вотъ мои слова: ».... я, въ *Листкахъ* своихъ стараюсь представлять не однѣ ошибки и поправки ихъ, но иногда и наблюденія надъ сущностью языка, разъясняя, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, значеніе иныхъ словъ, понимаемыхъ нынѣ многими совершенно превратно, и такимъ образомъ опредѣляя тѣмъ словамъ, каждому свое мѣсто. Я не пишу своихъ *Листковъ* на одинъ текущій мигъ, а думаю, что можетъ быть они принесутъ хотя малую лепту въ сокровищницу матеріяловъ для теоріи языка.« (Это сказано въ выноскѣ).

Говорится ли у меня что *я взялъ на себя обязанность* разъяснять значеніе словъ, и каждому изъ нихъ опредѣлять свое мѣсто? Я ска-

Digitized by Google

залъ только: *стараюсь* дѣлать это, и то *иногда*, что̀ совсѣмъ другое. Что̀ же касается до приписываемаго мнѣ желанія, *научить петербургскихъ бельлетристовъ правильному правописанію*, то объ этомъ въ выноскѣ моей нѣтъ и помину.—Спрашиваю, позволено ли искажать слова̀ другаго, а особенно влагать въ уста его то̀, чего онъ вовсе не говорилъ. Ка̀къ называются такія дѣйствія — разсудятъ читатели.

Правда, у меня, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, чрезъ двѣнадцать страницъ послѣ помянутой выноски, находится слѣдующая замѣтка:— »*Покрайней мѣрѣ*« (С.-Пет. Вѣд. 1853. № 50, стр. 199). На какомъ основаніи *по* пишутъ въ этомъ словѣ слитно съ *крайней*, неизвѣстно; кажется, слова *покрайней* нѣтъ; правильное правописаніе велитъ писать: *по крайней мѣрѣ*. »—Что же, не справедлива моя замѣтка? О! критикъ молчитъ объ этомъ, а прививъ къ словамъ моимъ: *правильное правописаніе*, свои дополненія, составляетъ изъ нихъ фразу по своему произволу, и, включивъ ее въ означенную мою выноску, приписываетъ всю эту самодѣльщину мнѣ. Нечего сказать, добросовѣстно! И вотъ, ухватившись за слова̀: *правильное правописаніе*, г. критикъ потомъ безпрестанно поражаетъ меня ими, какъ оружіемъ всесильнымъ. — Напрасно, г. критикъ! Оружіе ваше можетъ тотчасъ переломиться. Прислушайтесь. Правописаніе есть «такая же часть грамматики, какъ словопроизведеніе, словосочиненіе словопроизношеніе, и если можно выражаться: правильное словопроизведеніе, правильное словосочиненіе, правильное словопроизношеніе,— въ чемъ, разумѣется, никто спорить не будетъ, то почему же не писать: правильное правописаніе?—И такъ, г. критикъ, ваше могущественное оружіе разбилось въ дребезги, и я не буду болѣе обращать на него вниманія.

Далѣе, въ моей фразѣ: »я не пишу своихъ »Листковъ« на одинъ текущій мигъ, а думаю, что, можетъ быть, они принесутъ хотя малую лепту въ сокровищницу матеріяловъ языка,«—конструкція признана неправильною, но безъ всякихъ доказательствъ.

Г. критикъ продолжаетъ: »но г. Покровскій дѣлаетъ еще и не такіе грамматическіе промахи. Онъ говоритъ, что теперь грамматика ни по чемъ, и какъ бы въ подтвержденіе этого мнѣнія, пишетъ: »часто читаешь такія фразы, гдѣ дѣепричастіе придаточнаго предложенія выражаетъ дѣйствіе не того лица или предмета, которое есть подлежащее главнаго предположенія, а другаго.«—И не совѣстно находить важный грамматическій промахъ тамъ, гдѣ его и не бывало? Все дѣло,

Digitized by Google

какъ всякій видитъ, въ томъ, что слова: *или предмета,* по описке, не отдѣлены скобками.

Потомъ приведенъ пунктъ мой: »двѣ коротенькія фразы, изъ которыхъ въ каждой по три значительныхъ разнаго рода ошибокъ.« Вмѣсто ожидаемаго разсмотрѣнія, справедлива, или нѣтъ, моя замѣтка, тутъ находится только мелочная привязка къ словамъ: »по три значительныхъ разнаго рода ошибокъ.« А промахъ тутъ весь въ томъ, что, послѣ *по три*, я, или корректоръ, забыли поставить *запятую*, или *тире*; у меня *ошибокъ* отнесено не къ *по три*, а къ подразумѣваемому глаголу *находится*, т.-е. находится ошибокъ, въ каждой фразѣ, по три.

Что̀ касается до фразы моей: »Всѣ лица должно было назвать или именами г-дъ актеровъ, или именами представляемыхъ ими ролей,«—то я и теперь, оставаясь при этомъ же мнѣніи, не постигаю, что̀ есть ошибочнаго въ словахъ: »именами представляемыхъ ими ролей,« которыя г. Посторонній только подчеркнулъ, не сказавъ, въ чемъ тутъ неправильность.

»Кажется, говоритъ г. критикъ, выписанныхъ здѣсь примѣровъ *достаточно*, чтобъ дать читателямъ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ самъ г. Покровскій содѣйствуетъ искаженію отечественнаго языка.«

Достаточно!!! О, конечно! И это, какъ нельзя лучше, видно изъ слѣдующаго: *ни одна изъ замѣтокъ моихъ не только не опровергнута, но и не разсмотрѣна, выраженія мои искажены самовольными передѣлками, выхваченныя изъ разныхъ пунктовъ моихъ мѣста соединены въ одно цѣлое, которое приписано мнѣ, найдены двѣ-три опечатки или описки.* Чего же болѣе?

Но вотъ наконецъ г. Посторонній вздумалъ посмотрѣть, ка̀къ я поправляю чужія ошибки. Послѣдуемъ за нимъ.

»Въ № 49 »Сѣв. Пчелы« 1853 года, говоритъ онъ, г. Покровскій отъи(ы)скалъ фразу: »всѣмъ извѣстно, до какой степени В. М. Кажинскій довелъ оркестръ Александринскаго театра,« и говоритъ, что фѣльетонистъ долженъ былъ выразиться слѣдующимъ образомъ: *до какой высокой степени усовершенствованія довелъ*, и проч. Дѣйствительно, фѣльетонистъ »Сѣв. Пчелы« выразился неправильно; но поправка, сдѣланная г. Покровскимъ, еще болѣе *запутываетъ неясную* фразу: вмѣсто слова *совершенство*, авторъ »Листковъ« ввелъ въ нее слово *усовершенствованіе*; а это не одно и то же.«

Видите, замѣтка-то моя и правильна; да зачѣмъ я въ поправкѣ своей употребилъ не слово *совершенство*, а *усовершенствованіе*. А

Digitized by Google

вотъ зачѣмъ: г. Кажинскій не могъ довести оркестра *ни до какой степени совершенства*, во-первыхъ, потому, что *совершенство не имѣетъ степеней*, во-вторыхъ, потому, что *человѣку доступно только усовершенствованіе*, а не *совершенство*. Понятно ли теперь? - И то, правда сказать, — г. Посторонній привыкъ слышать: *степень совершенства*; а на что ему разбирать значеніе словъ? — Притомъ, онъ *еще болѣе запутываетъ неясности*, а кто хорошо пишетъ по-русски, тотъ скажетъ: *еще болѣе затемняетъ*.

»Въ № 43 той же газеты,—сказано далѣе, — г. Покровскій прочелъ слѣдующее: »Музыка, *слышанная издали или вблизи*, производитъ совершенно *другое* впечатлѣніе,« и прибавляетъ: »Фраза совершенно неправильная. Скажите: *музыка, слышимая нами издали, производитъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое бываетъ отъ ней, когда она раздается вблизи насъ*, — и будетъ понятно и складно.« Нѣтъ, не будетъ. Во-первыхъ (,) фраза, составленная г. Покровскимъ, чрезвычайно *растянута*, а во-вторыхъ (,) по-русски не говорится: *впечатлѣніе*, какое *бываетъ отъ ней*.«

Не говорится? а почему?—это опять тайна, но не русской грамматики, а собственной грамматики г. Посторонняго. Какъ легко возражать такимъ образомъ. Не говорится—да и кончено.—Потомъ: фраза моя *не растянута* (замѣтьте еще: *чрезвычайно* (?) растянута), а такова, какою ей слѣдуетъ быть. Да вѣдь и краткость только тогда хороша, когда она не затемняетъ смысла, не нарушаетъ правильности; во фразѣ же »Сѣв. Пчелы« и темнота и неправильность; а мой оборотъ рѣчи ясенъ и правиленъ. На чьей сторонѣ преимущество?

Пунктъ отъ словъ: »*впечатки въ родѣ: не возможно*,« до словъ: »*слитно съ крайней, неизвѣстно*,« заключаетъ въ себѣ одно только мелочное разглагольствіе, и приводитъ единственно къ тому выводу, что *невозможно* и *покрайней мѣрѣ* остаются, согласно моему мнѣнію, ошибками.

»Въ № 17 Санктп. Вѣд., — продолжаетъ г. критикъ, — г. Покровскій прочелъ фразу: »А вѣдь кончится бѣгъ, и она (толпа) равнодушно разбредется по домамъ, и не *помянетъ* о бѣгѣ до слѣдующаго раза.« Изъ объясненія г. Покровскаго видно, что вмѣсто слова *помянетъ* здѣсь слѣдовало бы употребить — какъ бы вы думали, какое слово?—*упомянетъ*! По его мнѣнію, *помянуть* есть однократное отъ *поминать* и значитъ: совершить поминовеніе; *упомянуть* есть однократное отъ *упоминать*, и значитъ напомнить, привести что, сказать, написать о чемъ. Скажите, пожалуйста,

Digitized by Google

что̀ это за *однократное*, о которомъ въ объясненіи г. Покровскаго говорится два раза? По справкѣ съ грамматикой оказывается, что это *однократный* видъ глагола!!! ...«.

Что̀ прикажете мнѣ отвѣчать на такое голословіе, кромѣ того, что я и теперь остаюсь при томъ же мнѣніи? А объясненія слову *однократное* только г. Постороннему понадобилось искать въ грамматикѣ; всякій тотчасъ видѣлъ, что это есть *однократное видоизмѣненіе* глагола.

Вмѣсто: »у одного этотъ капиталъ *больше*, у другаго *меньше*« (№ 52 »Сѣв. Пчелы« 1853) (,) г. Покровскій совѣтуетъ писать на чистомъ Русскомъ языкѣ: »*капитала этого*, у одного больше, у другаго меньше. — Почему же, спросите вы, надо непремѣнно писать такъ, а не иначе? Потому-что больше и меньше, не *что̀*, а *чего*«, отвѣчаетъ г. Покровскій. Такимъ образомъ, слѣдуя его совѣту, надо будетъ писать: одного корабля больше, *другаго* меньше (*одинъ* корабль *больше*, *другой меньше* — неправильно, покрайней-мѣрѣ по мнѣнію г. Покровскаго; не забудьте: больше и меньше не *что̀*, а *чего*). Такъ хорошо знакомъ г. Покровскій съ духомъ Русскаго языка!«

И такъ: »*капитала* этого у одного больше, у другаго меньше« не по-русски; а: »У одного *капиталъ* этотъ больше, у другаго меньше« правильнѣе? Премудро! — Нѣтъ, г. критикъ, вы заблуждаетесь: *больше* и *меньше* здѣсь *нарѣчія* количества, и требуютъ послѣ себя *родительнаго падежа*. Но кто̀ же, кромѣ васъ, выведетъ изъ того заключеніе, что, на основаніи моихъ словъ, должно, вмѣсто: *одинъ корабль* больше, *другой* меньше, писать: *одного корабля* больше, *другаго* меньше? Въ представленномъ мною примѣрѣ рѣчь идетъ о количествѣ находящагося у извѣстныхъ лицъ капитала, а въ приведенномъ вами — просто о величинѣ корабля. Въ первомъ случаѣ, какъ я уже и сказалъ, *больше* и *меньше* нарѣчія; въ послѣднемъ — замѣняютъ прилагательныя: *большій*, *меньшій*.

Послѣ того, г. критикъ, сказавъ, что въ моихъ »Листкахъ« находится много *поправокъ*, вводящихъ въ языкъ новыя *ошибки*, говоритъ въ подтвержденіе того: »по мнѣнію г. Покровскаго, »надежда есть *отрада* (въ рукописи моей было: *отрада*), услажденіе жизни; безъ надежды человѣкъ былъ бы несчастное созданіе, и слѣдовательно, прилагательное *коварная*, ни въ какомъ случаѣ, несовмѣстимо съ нею.« (Въ № 73 С.-П.-бургскихъ Вѣд. 1853 г., есть выраженіе *коварная надежда*). — »*Прискучить* — слово неупотреби-

Digitized by Google

тельное въ хорошемъ слогѣ.« — »Вмѣсто *рубашка*, въ фельетонахъ приличнѣе употреблять слово *сорочка*.«—Опроверженіе этого ограничивается словами: »кто бы это подумалъ!« вопросительными и удивительными знаками и подчеркиваньями.—Дѣло!

По поводу замѣтки моей о томъ, что слово *болень* въ Отеч. Зап. неправильно написано *больнъ*; потому что оно имѣетъ корнемъ своимъ не *бользнь*, а *боль*, — г. Посторонній, написавъ и самъ *болень*, восклицаетъ только, что мнѣ не слѣдовало указывать на корни *боль* и *бользнь*, по той причинѣ, что *болень* есть прилагательное спрягаемаго окончанія отъ склоняемаго *больной*.

На корни: *боль* и *бользнь* я указалъ потому, что кто пишетъ, какъ »Отеч. Зап.,« — *больнъ*, тотъ считаетъ корнемъ этого слова *бользнь*.

Я замѣтилъ, что слово *чувство* должно употреблять только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о физическомъ ощущеніи, вездѣ же, гдѣ говорится о сердечномъ, душевномъ, мѣсто *чувствованію*; и что потому надо говорить, не: это человѣкъ съ *чувствомъ*, а: это человѣкъ съ *чувствованіемъ*; не: она играетъ съ *чувствомъ*, а: она играетъ съ *чувствованіемъ*. Противъ этого, г. Посторонній, вѣрно не придумавшій отъ себя ничего, говоритъ только, что фразы въ родѣ: у ней много *чувствованія*, онъ говоритъ съ *чувствованіемъ*, не встрѣчаются у Карамзина, Жуковскаго, Пушкина. Можетъ быть; но это не мѣшаетъ моей замѣткѣ быть справедливою. И опять прежняя недобросовѣстная замашка — смѣшивать въ одну рѣчь отрывки изъ разныхъ мѣстъ. Слова мои: »то ли завѣщали писателямъ учители наши въ дѣлѣ изящной словесности: Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ? Загляните въ ихъ повѣствовательныя произведенія,« и проч., г. критикъ ставитъ вслѣдъ за моею замѣткой о словахъ: *чувство* и *чувствованіе*, и торжественно восклицаетъ: »да, загляните въ ихъ произведенія— ручаюсь, вы не встрѣтите въ нихъ ни одной фразы въ родѣ слѣдующихъ: у ней много *чувствованія*, онъ говоритъ съ *чувствованіемъ*,« и проч., и проч., умышленно давая тѣмъ знать, будто я самъ себя опровергаю. Между тѣмъ, все это есть *изобрѣтеніе* г. Посторонняго: мое истолкованіе словъ: *чувство* и *чувствованіе* помѣщено въ »Москвитянинѣ« 1852 г.; а фраза о Карамзинѣ, и пр.— въ 10 книжкѣ этого журнала на нынѣшній годъ, и написана совсѣмъ по другому поводу. Вотъ она:

»Изящная словесность, долженствующая обращаться въ сферѣ прекраснаго, благороднаго, честнаго, возвышеннаго, нравственнаго, чис-

Digitized by Google

таго, совратилась съ пути своего подъ перомъ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей романовъ, повѣстей и разсказовъ. Она стала пресмыкаться по грязнымъ закоулкамъ, переполнилась нечистотами и пошлостями, начала говорить языкомъ базаровъ и харчевень; словомъ, изъ очаровательной феи преобразилась въ безчинную торговку.

»То ли завѣщали писателямъ учители наши въ дѣлѣ изящной словесности: Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ? Загляните въ ихъ повѣствовательныя произведенія. Тамъ преобладаетъ не грубая тѣлесность, а проявленіе духовной стороны человѣка; нѣтъ отвратительныхъ сценъ и картинъ; на все, гдѣ проглядываетъ человѣческая слабость, накинута дымка; все свѣжо и дѣвственно, какъ только что распустившаяся роза, ото всего вѣетъ ароматомъ; языкъ правильный, чистый, благозвучный, благородный.«

Посудите, есть ли какая-нибудь связь между этимъ мѣстомъ и разборомъ словъ: *чувство* и *чувствованіе?*

О *ревности*, и пр., опять голословіе, на которое отвѣта не даютъ.

Г. Посторонній не разъ огорчается тѣмъ, что я не разсматриваю статей »Москвитянина.« Такое огорченіе странно, смѣшно и даже неблаговидно. Что обязываетъ меня разсматривать *непремѣнно* тотъ или другой журналъ? Почему, въ выборѣ предметовъ для своихъ разборовъ, долженъ я руководствоваться программою г. Посторонняго? Неужели, отъ того, что »Москвитянинъ« примкнетъ, въ моихъ »Листкахъ,« къ строю петербургскихъ изданій, симъ послѣднимъ будетъ легче, и ошибки ихъ въ русскомъ языкѣ сдѣлаются рѣчью правильной, искаженія языка обратятся въ усовершенствованія его, ложныя мысли явятся истинами?

Впрочемъ, почему бы г. критику не заняться и самому »Москвитяниномъ?« А на моихъ рукахъ и безъ того уже довольно газетъ и журналовъ.

Тѣмъ и оканчиваю я разсмотрѣніе »Замѣтокъ Посторонняго;« но какая и кому польза отъ разбора подобныхъ статей?

Такихъ ли критикъ ожидалъ я? Съ горестію обращаю взоръ назадъ, на время, принесенное мною въ жертву написанію отвѣта на »Замѣтки Постороннаго,« время, истинно, убитое. Дѣйствительно, представили ли эти »замѣтки« хоть тѣнь правильнаго воззрѣнія на духъ русскаго языка; разъяснили ли онѣ, ужь не говорю сторону, а хоть черту теоріи языка; было ли чему поучиться изъ нихъ и мнѣ,

Digitized by Google

и, вообще, читателямъ? Къ сожалѣнію, ничего этого нѣтъ и въ поминѣ.—А въ критикахъ-то съ этими условіями и нуждаемся мы.

Но Богъ не безъ милости; будемъ надѣяться, что дождемся и *дѣльныхъ* замѣчаній; а »Замѣтки Постороннягo« не повели ни къ какому послѣдствію; слѣдовательно, и вывода нѣтъ никакого. Дѣло находится еще въ томъ же положеніи, въ какомъ оно и было. Вся существенная часть моихъ »Листковъ« остается еще неприкосновенною.

ИВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

Новгородъ. 2-го Іюля 1853.

СРЕДСТВО ОТЪ ЗУБНОЙ БОЛИ. Горе, горе зубнымъ врачамъ! Радость зубнымъ страдальцамъ! Нѣтъ болѣе зубной боли! Не нужны поддѣльные зубы, и потомство удивится и не повѣритъ, что былъ у предковъ варварскій обычай дергать зубы. Вотъ что прочли мы въ Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ:

»Я самъ испыталъ зубную боль; и кто только страдалъ ею, тотъ можетъ судить, какъ она невыносима. Перебравши всѣ средства, предлагаемыя мнѣ, наконецъ остановился я на одномъ, которое мнѣ помогло, и я предлагалъ его страдавшимъ этою болѣзнію, и всѣ получали выздоровленіе. Они передавали объ этомъ средствѣ другимъ, а потомъ ко мнѣ стали за нимъ относиться многіе, и всѣ оставались за него благодарными: рѣдко кто совершенно не выздоравливалъ, но облегченіе получали всѣ безъ исключенія.

»Вотъ это средство: взять на 10 коп. сер. бакаутова дерева, два стручка перца, на 15 коп. сер. кокилярнаго спирта, полштофа пѣннаго вина и два золотника табака махорки въ листьяхъ; все это смѣшать и поставить въ теплое мѣсто, сутокъ на пять; больной долженъ взять этой жидкости въ ротъ четверть рюмки и продержать ее на больной сторонѣ, конечно не глотать, столько минутъ, сколько будетъ въ состояніи, и выплеснуть; отъ повторенія этого въ два раза, совершенно избавляются отъ болѣзни. Остаюсь въ надеждѣ, что каждый больной зубами, испытавши это средство, скажетъ мнѣ спасибо.« **А. П.**

Вчужѣ сердце радуется за такое открытіе, хотя самихъ насъ и избавилъ Богъ отъ этого бича рода человѣческаго.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. При образованіи этнографическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, предположено было учредить музей отечественной Этнографіи. Это предположеніе отчасти уже осуществилось. Какъ Члены Общества, такъ и посторонніе лица изъ разныхъ мѣстъ Россіи доставляли Обществу народныя одежды, домашнюю утварь, оружіе, и тѣмъ уже положили основаніе музея.

Одну изъ существенныхъ частей этнографическаго собранія и библіотеки долженъ составить сборникъ этнографическихъ рисунковъ. Нужно собрать и хранить, какъ матеріалъ народоописаній, изображенія народовъ, обитающихъ въ Россіи. Это особенно своевременно теперь, когда такъ разнообразно развивается изученіе русскаго народнаго быта.

Предполагая нынѣ приступить къ собранію такихъ рисунковъ, Общество обращается съ просьбою о содѣйствіи ко всѣмъ желающимъ участвовать въ этомъ предпріятіи. Оно приглашаетъ г-дъ художниковъ, учителей рисованія, любителей, всѣхъ имѣющихъ къ тому возможность и способы, доставлять Обществу рисунки лицъ, одеждъ обыкновенныхъ и употребляемыхъ въ особенныхъ случаяхъ, (наприм. праздникахъ), жилищъ и дворовъ, домашней утвари, упряжи, оружій, орудій, музыкальныхъ инструментовъ, даже изображеній самыхъ обрядовъ, игръ и занятій народовъ и племенъ, населяющихъ Россію.

Но для того, чтобы придать этимъ рисункамъ единообразіе и значеніе матеріаловъ для науки, Общество желало бы, чтобы при составленіи рисунковъ были соблюдены нѣкоторыя условія:

1) *Вѣрность* въ изображеніяхъ, особенно лицъ разныхъ народовъ и племенъ. Желательно, чтобы на рисункахъ изображались портреты, сдѣланные съ натуры и по возможности съ такихъ людей, у которыхъ соединяются черты и признаки, отличающіе одно племя отъ другаго. Иногда въ лицахъ людей, обитающихъ въ извѣстной мѣстности, даже въ небольшомъ околодкѣ, замѣчаются особенности, рѣзко отличающія ихъ отъ сосѣдей, тоже имѣющихъ свое опредѣленное поличіе. Не только въ чертахъ и выраженіи лица, въ цвѣти кожи, волосъ, глазъ и т. п., но во всемъ окладѣ и посадкѣ человѣка, въ общей осанкѣ его и движеніяхъ, можно подмѣтить различіе между жителями разныхъ мѣстъ Россіи. Приведемъ примѣръ, замѣченный опытными наблюдателями: Бѣлоруссъ почти

Digitized by Google

всегда держитъ голову нѣсколько на сторону; обитатель горъ имѣетъ привычку стоять подбоченившись, обыкновенно подпираясь одною рукою и слегка наклонивъ туловище, въ вольной постановкѣ всего тѣла; Великоруссъ также иногда подбоченится, но иначе, не такъ непринужденно: онъ приложитъ одну или обѣ руки къ бокамъ, не подпираясь ими. Такія черты желательно бы видѣть переданными въ рисункахъ съ возможною выразительностію. Хорошо, если съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ соблюдены также изящество и вкусъ; но прежде всего должно имѣть въ виду не столько красоту изображеній и картинность положеній и группъ, сколько истину и вѣрность природы.

2) Чѣмъ рисунки будутъ *подробнѣе*, тѣмъ болѣе они будутъ полезны. Если кто предположитъ срисовать костюмъ, то можетъ представить его съ разныхъ сторонъ; если онъ сложный, то отдѣльныя части его, головной уборъ, обувь, украшеніе, могутъ быть, по усмотрѣнію, изображены особо. То же относится и къ женщинамъ: и здѣсь хорошо бы передать сначала общій видъ, потомъ частности: убранство, утварь, рѣзьбу, украшенія и т. п.

3) Рисунки должны быть сдѣланы на бумагѣ, въ форматѣ полулиста, и непремѣнно раскрашены.

4) Необходимо означать мѣсто, то-есть городъ или селеніе, гдѣ сняты рисунки, и присовокуплять мѣстныя названія всѣхъ изображаемыхъ предметовъ.

Общество съ благодарностію приняло бы также изображенія лицъ въ видѣ небольшихъ куколъ, изъ чего бы эти куклы сдѣланы ни были, но, если можно, въ одеждахъ изъ тѣхъ же матерій, какъ и настоящее народное платье, равнымъ образомъ и небольшія модели построекъ, домашней утвари, орудій и другихъ принадлежностей народнаго быта.

Въ заключеніе долгомъ считается извѣстить, что, на основаніи § 15 Устава Географическаго Общества, оно пользуется правомъ безденежной пересылки по почтѣ, и что посылки должны быть надписываемы: *въ С.-Петербургъ, въ Императорское Русское Географическое Общество (на Мойкѣ, въ домѣ Пущина.)*

Digitized by Google

МОДЫ.

— Простота въ нарядѣ рѣшительно не въ модѣ; чѣмъ болѣе украшеній всякаго рода, оборокъ, кружева, лентъ, цвѣтовъ, тѣмъ нарядъ считается изящнѣе. Шляпки въ особенности совершенно исчезаютъ подъ огромными гирляндами, букетами и волнами кружевъ. Часть', начиная отъ самаго края полей шляпки, усѣявается мелкими бантиками, постепенно увеличивающимися къ тульѣ, гдѣ они принимаютъ огромные размѣры; кончики ихъ упадаютъ граціозно на шею.

— Прозрачныя соломенныя и волосяныя шляпы въ большомъ употребленіи. Онѣ дѣлаются на шелковомъ подбоѣ, на которомъ образуютъ легкую сѣтку. Для молодой дѣвицы нѣтъ ничего лучше такой шляпы, на бѣломъ подбоѣ съ букетомъ подснѣжниковъ и такой же гирляндой подъ полями. Прибавьте къ этому голубое тафтяное платье съ крупными бѣлыми клѣтками, мантилью изъ бѣлой индѣйской кисеи, съ фестонированными оборками, и у васъ будетъ прелестный туалетъ для прогулки или утренняго визита.

— Бастовыхъ цѣльныхъ шляпъ не много; большею частью баста употребляется полосками на тафтяныя или креповыя шляпы, гдѣ она образуетъ затѣйливые фестоны. Къ такимъ шляпамъ нѣтъ ничего лучше легкаго завитаго перушка, приколотаго аграфомъ изъ соломки или бантикомъ лентъ подъ цвѣтъ подбоя; подъ полями марабу съ усиками изъ басты.

— Носятъ много бѣлыхъ канзу, съ цвѣтными юбками. Онѣ дѣлаются прямыя спереди, подъ горло со складочками и прошивками; рукава широкіе, собранные на обшивку.

— Платья дѣлаются до сихъ поръ съ вырѣзками и съ басками; лучшая отдѣлка—ленты; аграмантъ употребляется только на великолѣпныхъ шелковыхъ матеріяхъ.

— Съ такою формою платьевъ необходимы, конечно, воротнички и шемизетки, которыя нынѣ убираются множествомъ кружева, гипюру, бантиками узенькихъ лентъ и проч. — Подрукавники должны

Digitized by Google

быть въ *pendant* шемизетки. Ихъ теперь болѣе носятъ широкіе, на обшивку, нежели *pagodes*.

— Кисейныя платья, особливо изъ шелковой кисеи, очень красивы; онѣ дѣлаются, съ затканными оборками шине тѣневыми, *ecossais* и т. д. Эти платья убираются бантами модныхъ пестрыхъ лентъ.

— Для жаровъ мы видѣли много пеньюаровъ изъ суроваго батисту, шитыхъ вокругъ гладью бѣлой бумагой; къ этимъ пеньюарамъ сдѣланы были одинаковыя мантильи, также шитыя и фестонированныя. Тальма перехватываетъ поясъ, фестонированный изъ той же матеріи.

— При этомъ изящномъ неглиже необходима, конечно, нансуковаго манишка и подрукавники, шитые гладью, и такой же чепчикъ.

Описаніе картинки.

— Платье шелковое, отдѣланное лентами и кружевомъ; воротничекъ *mousquetaire* и подрукавники кружевные; шляпа изъ лентъ и бѣлой блонды съ марабу на поляхъ и внутри.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Опечатка. Въ 13 нумерѣ въ отдѣлѣ Журналистики, на стр. 18. строк. 2, вмѣсто *политическія* надо читать *полемическія*.

Печатать позволяется. Москва. Іюля 17-го дня 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: Университетской, Готье и Степановой.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google